

1 5/6 15.







М. ПОГОДИНЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ЕРМОЛОВЪ.

МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ

1864.

Не имѣя притязанія писать біографію Алексѣя Петровича Ермолова, я намѣренъ, въ предлагаемой статьѣ, представить обозрѣніе его жизни собственными его словами, изъ записокъ, разказовъ, писемъ отъ него и къ нему, приказовъ, распоряженій и тому подобныхъ источниковъ, которые удалось мнѣ собрать или записать. Смѣю надѣяться, что читатели по этимъ подлиннымъ документамъ составятъ себѣ довольно ясное понятіе о знаменитомъ дѣятелѣ нашего времени, который подъ Витебскомъ, Бородинымъ и Кульмомъ, и наконецъ въ продолженіи десятилѣтняго управленія Кавказомъ, стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ русской исторіи. Начало записано мною со словъ самого Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ обстоятельствъ, записанныхъ г. Степановымъ *. Продолженіе заимствовано изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ разказовъ Дениса Васильевича Давыдова, писемъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ Историческаго Общества*, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя случилось мнѣ слышать, какъ отъ самого Алексѣя Петровича, такъ и отъ близкихъ ему людей.

I.

Для предварительнаго знакомства читателей съ личностію Ермолова, я предложу нѣкоторыя общія черты изъ его изображенія, написаннаго знаменитымъ нашимъ партизаномъ-поэтомъ, Д. В. Давыдовымъ:

---

* Они отмѣчены буквою С.

М. ПОГОДИНЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

ЕРМОЛОВЪ.

МАТЕРІЯЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

1864.

Не имѣя притязанія писать біографію Алексѣя Петровича Ермолова, я намѣренъ, въ предлагаемой статьѣ, представить обозрѣніе его жизни собственными его словами, изъ записокъ, разказовъ, писемъ отъ него и къ нему, приказовъ, распоряженій и тому подобныхъ источниковъ, которые удалось мнѣ собрать или записать. Смѣю надѣяться, что читатели по этимъ подлиннымъ документамъ составятъ себѣ довольно ясное понятіе о знаменитомъ дѣятелѣ нашего времени, который подъ Витебскомъ, Бородинымъ и Кульмомъ, и наконецъ въ продолженіи десятилѣтняго управленія Кавказомъ, стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ русской исторіи. Начало записано мною со словъ самого Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ обстоятельствъ, записанныхъ г. Степановымъ *. Продолженіе заимствовано изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ разказовъ Дениса Васильевича Давыдова, писемъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ Историческаго Общества*, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя случилось мнѣ слышать, какъ отъ самого Алексѣя Петровича, такъ и отъ близкихъ ему людей.

I.

Для предварительнаго знакомства читателей съ личностію Ермолова, я предложу нѣкоторыя общія черты изъ его изображенія, написаннаго знаменитымъ нашимъ партизаномъ-поэтомъ, Д. В. Давыдовымъ:

---

* Они отмѣчены буквою С.

...."Обнаруживъ съ самаго юнаго возраста замѣчательныя способности, Ермоловъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи всѣ качества отличнаго воина. Онъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проницательностію, неутомимою дѣятельностію и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неимовѣрное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства.

"Будучи одаренъ необыкновенною физическою силой и крѣпкимъ здоровьемъ, при замѣчательномъ ростѣ, Ермоловъ имѣетъ голову, которая будучи украшена сѣдыми, въ безпорядкѣ лежащими, волосами, и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва. Ермоловъ, будучи весьма смѣлъ со старшими, явно выказывалъ, подобно князю Багратіону, малое сочувствіе свое къ нѣмецкой партіи, во главѣ которой находились Барклай, Витгенштейнъ и многіе другіе. Такъ, напримѣръ, въ началѣ отечественной войны онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о штабѣ Барклая: "Здѣсь все Нѣмцы, одинъ Русскій, да и тотъ безродный"; въ то время служилъ тутъ чиновникъ Безродный *. Одаренный характеромъ твердымъ и самостоятельнымъ, онъ былъ всегда замѣчателенъ по отмѣнной привѣтливости и обходительности съ своими подчиненными, сердцами которыхъ онъ вполнѣ владѣлъ. Находясь еще въ чинѣ полковника, его обращеніе, относительно нѣкоторыхъ генераловъ, было таково, что они говорили: "Когда-то его произведутъ въ генералы? Онъ тогда, конечно, перестанетъ выказывать такое къ намъ пренебреженіе." Отличаясь всегда примѣрною скромностію, онъ не только не старался возвышать заслугъ своихъ порицаніемъ дѣйствій своихъ под-

* Онъ умеръ сенаторомъ и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. *Прим. Давыдова.*

У меня записаны еще два анекдота въ этомъ родѣ: У Ермолова, спросили однажды какой милости онъ желаетъ? Пусть пожалуютъ меня въ Нѣмцы, отвѣчалъ Ермоловъ, и объяснялъ свой отвѣтъ тѣмъ, что Нѣмцемъ онъ можетъ получить все уже самъ. Въ другой разъ, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра, гдѣ ждало много военныхъ, онъ вдругъ безъ всякаго повода обратился къ нимъ съ вопросомъ: позвольте узнать, господа, говоритъ ли кто изъ васъ по-русски? Не нужно припоминать, что въ то время былъ сильный антагонизмъ между Русскими и Нѣмцами, теперь, къ общему удовольствію, не существующій.

чиненныхъ, но, напротивъ, изыскивалъ всѣ способы, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія ихъ; они всегда находили въ немъ самаго ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ. Я, кромѣ случаевъ, приведенныхъ мною въ моихъ запискахъ, могъ бы еще упомянуть о многихъ другихъ, въ коихъ многія лица нашей арміи имѣли въ Ермоловѣ самаго неустрашимаго ходатая, нерѣдко высказывавшаго своимъ начальникамъ весьма сильныя и не совсѣмъ для нихъ пріятныя истины. Не дозволяя себѣ никогда малѣйшей дерзости или невниманія относительно младшихъ по себѣ, особливо провинившихся, онъ ограничивался замѣчаніями, уподобленіями, кои, не заключая въ себѣ ничего оскорбительнаго, производили, тѣмъ не менѣе, на нихъ магическое дѣйствіе. Выслушивая снисходительно всѣ справедливыя возраженія своихъ подчиненныхъ, хотя бы они были иногда облечены въ формы нѣсколько рѣзкія, онъ усугублялъ вниманіе и снисходительность, когда обстоятельства, о коихъ ему доносили, принимали серіозный характеръ. Но добродушіе, коимъ отличаются разговоры его съ младшими, совершенно исчезаетъ, когда ему надлежитъ прибѣгать къ перу; мысли и сужденія, излагаемыя имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественною силой и энергическою простотой, облекаются часто въ формы крайне рѣзкія; впрочемъ, самый разговоръ его носитъ обыкновенно на себѣ отпечатокъ большаго остроумія и язвительной насмѣшки. Ѣдкая иронія его рѣчей, которою онъ разилъ враговъ своихъ, пріобрѣла ему весьма много недоброжелателей. Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ, я не могъ воздержаться, чтобъ ему не написать: „во что̀ обмакиваете вы перо ваше, потому что съ него стекаютъ не чернила, а желчь?“ Это, можетъ-быть, причиной того, что онъ, кромѣ записокъ объ отечественной войнѣ, почти ничего другаго не писалъ. Оставаясь во многихъ отношеніяхъ образцомъ избранныхъ людей прошедшаго времени, онъ стоитъ выше толпы, которая, видя въ немъ живой протестъ, безпощадно преслѣдуетъ его своею завистью. Бездарная и неблагонамѣренная посредственность, оскорбленная его ѣдкими насмѣшками, и не будучи въ состояніи обвинить его въ неспособности, изощряла и изощряетъ умъ свой для изобрѣтенія всевозможныхъ противъ него клеветъ: его называли интригантомъ, пьяницей, безбожникомъ, хотя положительно извѣстно, что онъ почти не употреблялъ и не

употребляетъ вина, и нерѣдко взыскивалъ съ своихъ приближенныхъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ. * Ермоловъ, пріобрѣтшій обширныя свѣдѣнія, особливо въ военныхъ наукахъ и исторіи, снималъ большею частію самъ мѣстность на бумагу и дѣлалъ весьма скоро croquis. Вынужденный часто диктовать въ одно время нѣсколькимъ лицамъ письма разнороднаго содержанія, онъ обыкновенно собственноручно и прямо набѣло писалъ значительнымъ особамъ офиціальныя бумаги и письма; эти посланія, писанныя часто подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, и проникнутыя потому самою ѣдкою ироніей, отличались вполнѣ смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, кои просили Ермолова, избавивъ ихъ отъ офиціяльной съ нимъ переписки, излагать свои просьбы и требованія въ частныхъ письмахъ. Пользуясь благоволеніемъ императора Александра, находившаго большое удовольствіе читать его письма къ П. А. Кикину, П. И. Меллеръ-Закомельскому и другимъ пріятелямъ, Алексѣй Петровичъ, ненавидѣвшій просить о чемъ-либо для себя, нерѣдко исходатайствовалъ этимъ путемъ аренды и разнаго рода денежныя награжденія достойнымъ лицамъ, о недостаточности состоянія которыхъ никто не рѣшался доводить до свѣдѣнія его величества. Хотя Ермоловъ испыталъ въ теченіи своей жизни весьма много непріятнаго, но это не оказало никакого вліянія на его неизмѣнно-веселый нравъ. Взоръ мой не можетъ не остановиться на этой свѣтлой личности, нерѣдко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, безъ сомнѣнія, большихъ недостатковъ и слабостей, но вполнѣ искупившей все это теплотою души и замѣчательною любовью къ общественному благу. Хотя судьба не дозволила ему, совершивъ рядъ кампаній, одержать самому большія побѣды; но рѣшительность и проницательность, выказанныя имъ въ самыя критическія минуты великихъ войнъ, и коимъ наша армія была не одинъ разъ обязана своимъ спасеніемъ, примѣрная и столь рѣдко встрѣчающаяся бережливость относительно казенныхъ де-

---

* Во время пребыванія своего въ Грузіи Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобъ окружающіе его чиновники и офицеры постились на страстной недѣлѣ и посѣщали бы церковь въ праздничные дни; въ великій четвергъ во время чтенія о страстяхъ Господнихъ присутствовали даже и нѣкоторые мусульмане.

негъ и людей, умѣнье увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать ихъ къ благотворной дѣятельности, справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уваженіе современниковъ. Ни одинъ почти начальникъ не внушалъ, подобно А. П. Ермолову, своимъ подчиненнымъ такого глубокаго уваженія, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаній.

„Если мы, современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностію, коею онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ, если не вымышлено, то, по крайней мѣрѣ, весьма преувеличено; самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства. Достойно удивленія то, что хотя Ермоловъ уже давно не стоитъ въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи, но доселѣ одно появленіе его среди нашихъ войскъ и въ особенности среди своихъ старыхъ подчиненныхъ возбуждаетъ попрежнему неимовѣрный и безграничный восторгъ. Я сохранилъ у себя нѣсколько копій съ писемъ, писанныхъ Ермолову нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ передъ самою ихъ кончиной, когда они не имѣли уже нужды говорить ничего другаго, кромѣ истины. Всѣ они оканчиваются молитвою къ Богу: да продлитъ и благословитъ Онъ его жизнь и командованіе. Я бы самъ тому не повѣрилъ, еслибы не былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ случаевъ и не имѣлъ бы у себя въ рукахъ письменныхъ документовъ, подтверждающихъ это; а потому, все мною здѣсь сказанное не есть лишь восторженный панегирикъ человѣку, коему судьба столь рано преградила путь къ вящшимъ заслугамъ отечеству, и который могъ бы образовать много истинно полезныхъ военныхъ людей.

„Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ, наперекоръ многочисленнымъ врагамъ своимъ, рѣдкую популярность человѣка, въ коемъ нынѣ никто не нуждается для какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей. Будучи всегда поклонникомъ красоты, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую компанію, и будучи современникомъ всего совершавшагося въ Россіи въ теченіи болѣе полустолѣтія, Алексѣй Петровичъ, употреблявшій нѣкогда свой замѣчательный

даръ слова на одушевленіе воиновъ, увлекаетъ имъ нынѣ многочисленныхъ стекающихся къ нему посѣтителей. Литература и поэзія составляли всегда истинное наслажденіе Алексѣя Петровича, знающаго наизусть много стихотвореній. Надо присовокупить, что Алексѣй Петровичъ, не могшій не сознавать въ себѣ способностей, былъ всегда одаренъ большимъ честолюбіемъ, что̀ не укрылось отъ проницательнаго князя М. И. Кутузова, который сказалъ о немъ въ концѣ 1812 года слѣдующее: „Il vise au commandement des armées". Не почитая себя администраторомъ, онъ никогда не былъ преисполненъ того ложнаго и неумѣстнаго самолюбія, которое не дозволяетъ сознаваться въ ограниченномъ кругѣ своихъ познаній и прибѣгать за совѣтами къ болѣе свѣдущимъ подчиненнымъ; напротивъ того, чистосердечно сознавая въ себѣ отсутствіе административныхъ свѣдѣній и совершенное непониманіе финансовыхъ вопросовъ, онъ любилъ поучаться у спеціалистовъ, хотя бы они были его подчиненные, къ коимъ онъ иногда и при всѣхъ своихъ способностяхъ и большомъ умѣ нерѣдко простиралъ свою довѣренность слишкомъ далеко; вѣрно оцѣнивая умомъ своимъ способности другихъ людей, онъ нерѣдко заблуждался насчетъ нравственныхъ качествъ окружавшихъ его лицъ.

„Не получая почти ничего отъ отца своего, особенно со времени производства своего въ полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногимъ, онъ привыкъ вести жизнь весьма умѣренную и неприхотливую." *

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году, мая 24-го, въ одномъ году съ императоромъ Александромъ, котораго былъ старше тремя мѣсяцами. Отецъ его Петръ Алексѣевичъ, небогатый орловскій дворянинъ, служилъ по гражданской службѣ, и былъ въ послѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты, а наконецъ управлялъ канцеляріей генералъ-прокурора графа Самойлова въ послѣдніе года царствованія императрицы Екатерины.

---

* Алексѣй Петровичъ разказалъ мнѣ однажды: „Въ царствованіе Александра I владимирское дворянство пожертвовало сумму на какое-то учрежденіе. Губернаторъ отнесся ко мнѣ съ приглашеніемъ принять участіе. Я отвѣчалъ что не присылаю ему потому, что не имѣю во Владимирѣ, равно какъ и въ прочихъ губерніяхъ *ни одной души.*"

Мать, Марья Денисовна, была изъ рода Давыдовыхъ *.

Родился Алексѣй Петровичъ въ Москвѣ, гдѣ-то между Арбатомъ и Пречистенкой **.

Изъ дѣтства его вотъ черта, которую онъ приводилъ однажды, будучи уже 80 лѣтъ, въ доказательство своей памяти.

„Я помню, какъ я еще жилъ у отца съ матерью, у насъ была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера съ рогомъ изобилія. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. Въ этомъ видѣ, я помню эту фигуру и направленіе трещины, а мнѣ было всего только 4½ года“ ***. (*С.*)

---

* Напомнимъ кстати о родственной связи, соединявшей слѣдующія знаменитыя въ Россіи фамиліи: Потемкина, Ломоносова, Раевскаго, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч.

У *Потемкина* было двѣ сестры, одна была въ замужествѣ за Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ (умеръ сенаторомъ).

У нихъ остались—сынъ и дочь. — Сынъ Ал. Ник—чъ (слѣдовательно родной племянникъ Потемкину), въ послѣдствіи графъ и генералъ-прокуроръ.—Дочь Катерина Ник—вна была въ первомъ бракѣ за *Раевскимъ*, и имѣла отъ сего брака сына Николая—знаменитаго героя войны 1812 г., слѣдовательно, Раевскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемкина. Раевскій былъ женатъ на Константиновой, внукѣ *Ломоносова*, и имѣлъ двухъ сыновей, съ которыми бросился впередъ въ одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, и дочь въ замужествѣ за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ *Орловымъ*, другую за княземъ С. Г. Волхонскимъ.

Во второмъ бракѣ Катерина Ник. Раевская была за генералъ-майоромъ Львомъ Денисовичемъ *Давыдовымъ*, отъ котораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ графинь Орловыхъ.

Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру Марью Денисовну, мать славнаго *Ермолова*, Алексѣя Петровича, и брата Василья Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, поэтъ-партизанъ, слѣдовательно, двоюродный братъ Ермолову.

Мать Раевскаго была за роднымъ дядею Ермолова. По ней Ермоловъ находился въ свойствѣ и съ ея братомъ, то-есть генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, въ домѣ котораго и жилъ въ Петербургѣ при началѣ своей службы, въ царствованіе императрицы Екатерины II.

** Не можетъ ли консисторія навести справку, если не мѣстные приходы?

*** „Теперь ужь не то, говоритъ г. С., записавшій эту черту: Алексѣй Петровичъ иногда забываетъ, что̀ ему прочтешь. Если начнетъ разказывать что-нибудь то забываетъ названія мѣстностей, но минуты чрезъ три вспомнитъ.“

Алексѣй Петровичъ сначала учился у двороваго служителя Аексѣя, по букварю и съ рѣзною указкой, расписанной синими фигурками. Потомъ поступилъ онъ въ богатый домъ одной вдовы (?), гдѣ онъ былъ какою-то неопредѣленною фигурой, потому что тутъ же былъ одинъ возлюбленный племянникъ. Дама эта была вдова намѣстника; она, какъ и всѣ подобныя ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашніе намѣстники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знанія ихъ были ей извѣстны какъ нельзя лучше; довѣренность къ нимъ была неограниченна; они управляли губерніями двумя, тремя и болѣе. Это были совершенные сатрапы персидскіе. Такое положеніе естественно увеличивало гордость въ родственницахъ и супругахъ этихъ особъ. (*С.*)

Очень рано былъ онъ отданъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ, на руки къ профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессоръ этотъ полюбилъ Алексѣя Петровича и Алексѣй Петровичъ полюбилъ профессора. (Бывши уже въ чинѣ генералъ-майора, онъ не проѣзжалъ Москвы безъ того, чтобы не посѣтить своего наставника. А въ Москвѣ онъ бывалъ рѣдко и то проѣздомъ, по дѣламъ службы. Родныхъ у него здѣсь не было, а знакомыхъ весьма мало и рѣдко. Пріѣдетъ онъ въ Москву не какъ въ столицу, а просто какъ на станцію: переложатъ ему лошадей въ слободѣ и, какъ курьеръ, онъ мчится далѣе. (*С.*)

Попечителемъ пансіона былъ тогда Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

Памятнымъ ему остался въ пансіонѣ учитель математики Крупениковъ.

Изъ пансіона, по переселеніи родителя изъ Москвы, онъ попалъ въ Петербургъ, къ знаменитѣйшему того времени математику Лясковскому, ученому, но въ то же время и педанту. Однако онъ заслужилъ его привязанность и платилъ ему тѣмъ же. (Въ послѣдствіи времени, именно въ началѣ царствованія Николая Павловича, взбунтовавшіеся гвардейцы навлекли на себя гнѣвъ царя. Алексѣй Петровичъ былъ тогда намѣстникомъ на Кавказѣ. Изъ бунтовщиковъ былъ составленъ цѣлый полкъ, назначенный на Кавказъ; въ числѣ разжалованныхъ былъ и сынъ Лясковскаго. Престарѣлый отецъ писалъ по этому случаю Алексѣю Петровичу, просилъ его принять его сына подъ свое покровительство и вспомнить своего бывшаго

наставника на закатѣ дней. И дѣйствительно, чрезъ четыре дня послѣ написанія письма, Лясковскаго не стало. *С.*)

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій отвезъ Ермолова въ С.-Петербургъ въ 1792 году, тогда какъ онъ имѣлъ уже чинъ капитана гвардіи, записанный въ службу очень рано, по обычаю того времени. Онъ тотчасъ поступилъ адъютантомъ къ графу Самойлову.

Присоединяю дополненіе изъ записокъ Д. В. Давыдова объ этомъ времени.

„Будучи выпущенъ, въ 1792 году, капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, молодой Ермоловъ, коего отецъ былъ правителемъ канцеляріи у генералъ-прокурора графа Самойлова, состоялъ при семъ послѣднемъ въ качествѣ адъютанта; онъ былъ по нѣскольку разъ въ годъ посылаемъ графомъ съ грузомъ эполетъ и эксельбантовъ, единственной въ то время фабрики Роговикова, къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшейся парфилажемъ. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію; участвовавъ въ войнѣ 1794 года съ Поляками, онъ заслужилъ лестные отзывы славнаго генерала Дерфельдена, мнѣніемъ котораго онъ всегда очень дорожилъ. Ермоловъ, отличившись въ особенности при штурмѣ Праги, былъ награжденъ знакомъ Св. Георгія 4-го класса, полученнымъ по назначенію самого великаго Суворова, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ Голицынымъ и И. Л. Шаховскимъ. Будучи посланъ въ Италію, вмѣстѣ съ чиновникомъ Вюрстомъ, коему было поручено окончить коммерческія дѣла съ Генуезскимъ банкомъ, онъ посѣтилъ главнѣйшіе пункты Италіи и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ, знаменитую по своей красотѣ, леди Гамильтонъ; вслѣдствіе ходатайства графовъ Самойлова и Безбородки, снабдившихъ его письмами къ всесильному барону Тугуту, Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, питавшемъ къ Русскимъ величайшее уваженіе, послѣ сраженія при Рымникѣ, въ коемъ онъ участвовалъ. Вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ съ Австрійцами принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ противъ Французовъ, Ермоловъ, въ проѣздъ свой чрезъ Берлинъ, присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскорѣ по своемъ возвращеніи въ походъ противъ персидскаго шаха, Ермоловъ, послѣ бомбардированія Дербента, вѣковыя стѣны

котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ, двинулся далѣе; переправившись съ прочими войсками графа Зубова чрезъ Самуръ, онъ слѣдовалъ къ Курѣ на встрѣчу безчеловѣчному Аги-Магомедъ-Хану, спѣшившему съ огромнымъ войскомъ и 80-ю слонами. Прибывшій курьеромъ, подполковникъ графъ Витгенштейнъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ) привезъ повелѣніе императора Павла о поспѣшномъ возвращеніи войскъ въ предѣлы Россіи *для полезнѣйшаго арміи употребленія.* Хотя, на основаніи полученнаго повелѣнія, надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному пораженію, но по рѣшенію военнаго совѣта весь отрядъ отступилъ вмѣстѣ до Терека, гдѣ его ожидалъ своенравный графъ Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему было ввѣрено начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, и въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань *.

„Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ баталліона Иванова, изъ коего въ послѣдствіи образовался 4-й артиллерійскій полкъ, въ которомъ, по мнѣнію графа Аракчеева, „у семи офицеровъ былъ лишь одинъ мундиръ". (*Д.*)

Смоленскій губернаторъ сдѣлалъ доносъ на брата его (отъ одной матери) Каховскаго. Молодой Ермоловъ былъ взятъ и посаженъ въ крѣпость. Бумаги его были отвезены въ Петербургъ, и государь, найдя между ними описаніе похода 1794 г. разные планы сраженія, смилостивился надъ нимъ...

Ермоловъ долженъ былъ выслушать прощеніе въ Смоленскѣ отъ генерала Линденера. Ермолову вздумалось объясняться съ генераломъ и узнать отъ него, за что онъ былъ взятъ, и почему теперь прощенъ. Линденеръ, тогда больной, принялъ его въ постелѣ, сказалъ ему что-то, и отпустилъ, но не успѣлъ воротиться онъ въ.... къ своимъ.... и латинскимъ авторамъ. какъ потребованъ въ Петербургъ.

Фельдъегеремъ, провожавшимъ его, случилось быть.....

Дорогою онъ **....

Въ Петербургѣ посаженъ онъ былъ въ крѣпость. Чрезъ нѣ-

* О Грузіи и Австріи у меня большіе пробѣлы въ запискахъ, а надо ожидать дополненія изъ моей тетради, съ поправками самого Алексѣя Петровича, которую я все еще надѣюсь получить.

** Здѣсь въ моихъ запискахъ опять большіе пробѣлы.

сколько времени спросили его въ судную комиссію. Секретаремъ былъ Макаровъ, который прежде служилъ при его родственникѣ. Онъ очень удивился такой встрѣчѣ, и спросилъ Ермолова, какъ онъ попалъ подъ судъ, а тотъ еще меньше зналъ о причинѣ. Макаровъ, человѣкъ добрый, тотчасъ продиктовалъ ему посланіе, но Ермоловъ, переписывая, вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились, и онъ былъ сосланъ на житье въ Кострому. Послѣ оказалось, что безсовѣстный Линденеръ написалъ на него Богъ знаетъ что. Между тѣмъ эта нелѣпая ссылка помѣшала Ермолову участвовать въ италіянской кампаніи, и взять нѣсколько уроковъ у такого учителя, каковъ былъ Суворовъ! Такъ судьба играетъ людьми. Одного недостойнаго она ведетъ и поддерживаетъ: другому бросаетъ камень на каждомъ шагу.....

Съ горя принялся Ермоловъ читать и переводить Римскаго Цезаря, между тѣмъ какъ новый Цезарь и нашъ славный Суворовъ воинствовали одинъ послѣ другаго на его Альпахъ.

Онъ познакомился съ протоіереемъ и ключаремъ соборнымъ Егоромъ Арсеньевичемъ Груздевымъ, и началъ брать у него уроки латинскаго языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: „пора вставать, Титъ Ливій ждетъ ужь давно.“ „Еслибъ онъ принадлежалъ къ черному духовенству, говорилъ Алексѣй Петровичъ, давнымъ бы давно еще до того времени былъ архіереемъ. Но онъ не хотѣлъ притворяться, и честолюбіе не возмущало его души.“ * (*С.*)

Въ Костромѣ же сидѣлъ тогда другой русскій молодецъ Платовъ.

Попался онъ на гауптвахту въ Петербургѣ, вслѣдствіе какихъ-то отношеній къ любимцу Павлову, донскому генералу Денисову.

---

* Ермоловъ остался навсегда любителемъ латинскаго языка. Переводами съ этого языка онъ занимался даже, когда уже былъ генераломъ. „Въ походѣ по нѣметчинѣ скука была ужасная; попадешь въ иное мѣсто, хуже каторги.“ Переводы его однако не назначались для печати. Только однажды попечитель Московскаго учебнаго округа Писаревъ извѣстилъ въ какомъ-то журналѣ, что скоро появится въ свѣтъ его переводъ; но Алексѣю Петровичу не достало времени продолжать свой трудъ. Латинская конструкція часто отражается въ его слогѣ. Переведенный на Кавказъ, онъ уже не имѣлъ времени заниматься посторонними предметами. (*С.*)

Сидя на гауптвахтѣ, увидѣлъ Платовъ сонъ, что на Дону ловитъ рыбу и поймалъ свою саблю. Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ приносятъ ему прощенному саблю. Онъ въ радости схватилъ ее, обнажилъ и воскликнулъ: вотъ она!.. она оправдаетъ меня! Платовъ отправился къ оставленному имъ семейству, въ Москвѣ пошелъ помолиться въ соборъ, какъ вдругъ является къ нему фельдъегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ ѣхать на житье въ Кострому. Радостное восклицаніе Платова было донесено, и этому восклицанію приданъ недобрый смыслъ.

Изгнанники часто проводили время вмѣстѣ и воображали, печальные, какъ на Альпійскихъ горахъ отличаются ихъ братья.

Платовъ былъ однако освобожденъ прежде Ермолова, и получилъ назначеніе идти въ Бухару. Сжалилась судьба и надъ его товарищемъ. Ермоловъ былъ вхожъ въ домъ губернатора И. В. Ламба, который вскорѣ сдѣлался военнымъ министромъ.[2] Домашніе его и родственники, остававшіеся въ Костромѣ, писали къ нему о печальной участи молодаго изгнанника.

Ламбъ отнесся просьбою къ всемогущему тогда Кутайсову, съ которымъ былъ женатъ на родныхъ сестрахъ (Рѣзвыхъ). Кутайсовъ принялъ участіе и велѣлъ Ермолову написать къ нему частное просительное письмо съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ.

Гордый Ермоловъ не согласился. Онъ не хотѣлъ освобожденіемъ своимъ быть обязаннымъ фавориту, предъ которымъ однакожъ тогда все преклонялось,—примѣчательная черта въ характерѣ молодаго человѣка!

Императора Павла вскорѣ не стало. Въ первый день восшествія на престолъ Александръ велѣлъ освободить Ермолова вмѣстѣ съ прочими людьми, замѣшанными по дѣлу Каховскаго.

Ермоловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Вотъ какъ въ своихъ запискахъ относится онъ о первоначальной своей службѣ, съ 1801 года.

Восшелъ на престолъ нынѣ царствующій императоръ....

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius.

„Множество несчастныхъ увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ коихъ и я получилъ свободу. По справедливости время сіе могу я назвать возрожденіемъ, ибо на двадцать первомъ году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ, найденъ невиннымъ, и обращенъ, по именному повелѣнію, на службу; взятъ менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли вторично, исключенъ изъ списковъ какъ умершій, заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость и въ послѣдствіи отправленъ въ ссылку въ Костромскую губернію, гдѣ начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогущій во власти своей царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлъ жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мнѣ молчать всѣ другія чувства, одна была мысль—посвятить жизнь на службу государю, и усердію моему едва ли могло быть равное. Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ военной коллегіи, наскучивъ всему міру секретарей и писцовъ. Наконецъ, докладъ обо мнѣ вносится государю, и я принятъ въ службу. Мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; отказано старшинство въ чинѣ, конечно не съ большою основательностію.

„Президентъ военной коллегіи, генералъ Ламбъ, весьма уважаемый государемъ, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать въ мою пользу. Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу георгіевскій и владимирскій ордена, употребленъ былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ Персіянъ, находился въ концѣ 1795 г. при австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило, ибо не извѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждъ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени."

Сообщу теперь драгоцѣнные отрывки изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича Ермолова, которые счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки послѣ статейки моей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Я пріѣзжаю въ Вильно (1802), гдѣ расположена была моя рота*. Людей множество, городъ пріятный, отовсюду стекаются . . . . насладиться кроткимъ царство-

ваніемъ Александра I, всѣ благословляютъ имя его, и любви къ нему нѣтъ предѣловъ. Весело идетъ жизнь моя, служба льститъ честолюбію и составляетъ главнѣйшее мое упражненіе. Всѣ страсти покорены ей. Мнѣ двадцать четвертый годъ; исполненъ усердія и доброй воли; здоровье всему противустоящее. Недостаетъ войны. Счастіе нѣкогда мнѣ благопріятствовало.

Мирное время продлило пребываніе мое въ Вильнѣ до конца 1804 года. Праздность дала мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу, вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами.

Я получилъ повелѣніе выступить изъ Вильна. Неблагосклонное начальство меня преслѣдовало, и въ короткое время мнѣ назначены квартиры въ Либавѣ, Виндавѣ, Биржѣ, Гроднѣ и Кременцѣ на Волыни; я веду жизнь кочевую и долженъ былъ употребить всѣ способы, которые дала мнѣ служба при моей воздержности и бережливости. У меня рота въ хорошемъ порядкѣ, офицеры отличные, и я любимъ ими, и потому все казалось мнѣ сноснымъ, и служба единственное было благо.

1805 г. Проходя изъ мѣстечка Биржи, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ сдѣлалъ въ Вильнѣ смотръ моей роты, и я, неблагоразумно и дерзко возразя на одно изъ его замѣчаній, умножилъ неблаговоленіе могущественнаго начальника, что и чувствовалъ въ послѣдствіи. За годъ до того рапортомъ чрезъ частнаго инспектора просилъ я увольненія въ отставку, и чтобы воспользоваться оною за четыре мѣсяца до указаннаго времени, я предлагалъ оставить майоромъ, хотя почти уже семь лѣтъ находился въ чинѣ подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состояніи моего здоровья.

Спокойное Россіи состояніе прервано было участіемъ въ войнѣ Австріи противъ Французовъ...

Въ помощь Австріи пошелъ генералъ Голенищевъ-Кутузовъ, армія его должна была состоять изъ 50 т. ч...

Пришедши съ моею ротою къ Радзивилову, я уже не засталъ арміи и догонялъ ее ускоренными маршами, почему главному генералу Кутузову изъ Петербурга попался я на дорогѣ, и онъ, осмотрѣвъ роту, два уже мѣсяца находившуюся въ движеніи, одобрилъ хорошій за нею присмотръ, ободрилъ привѣтствіемъ офицеровъ и солдатъ, разспросилъ о прежней моей службѣ, и удивился, что, имѣвши два знака отличія вре-

менъ Екатерины, я имѣлъ только чинъ подполковника при бывшихъ производствахъ прошедшаго царствованія. Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ имѣть меня на замѣчаніи, приказалъ поспѣшить въ соединеніе съ арміею.

. . . .

Такимъ образомъ армія наша собралась въ окрестностяхъ Браунау, и въ семъ городѣ учредилась главная квартира. Авангардъ былъ въ Баваріи на 13 часахъ пути.

Извѣстно было, что собирается французская армія и уже не весьма въ далекомъ разстояніи отъ австрійской, почему войска наши получили маршруты до Ульма и мы готовились къ выступленію.

Генералу Кутузову представляютъ не молодаго человѣка, имѣющаго сообщить ему важное извѣстіе. Могъ ли ожидать генералъ Кутузовъ, что то былъ самъ генералъ Маккъ съ извѣстіемъ о совершеннѣйшемъ уничтоженіи арміи, бывшей подъ его начальствомъ. Наполеонъ напалъ на австрійскую армію при Ульмѣ. Генералъ Маккъ, худо извѣщенный о движеніяхъ непріятеля, не довольно былъ остороженъ, войска его были разбросаны и собраться не успѣли. Внезапная атака такое произвела замѣшательство, что армія довольно многочисленная, въ хорошемъ весьма состояніи, вся по частямъ и почти безъ сопротивленія разбита была совершенно, и большею частію досталась въ плѣнъ, взята вся артиллерія и всѣ обозы. Спаслись отъ пораженія небольшія части войскъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, генераловъ Кинмейера и Мерфельда. Не избѣжалъ плѣна и самъ генералъ Маккъ, но давши реверсъ не служить противъ Французовъ, онъ получилъ увольненіе и за паспортомъ ихъ отправился въ свои помѣстья. Перевязанная бѣлымъ платкомъ голова его давала подозрѣніе, что славнаго подвига сохраняетъ онъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую память. Но онъ успокоилъ насчетъ опасности, объяснивъ, что отъ неловкости почтальйона онъ болѣе потерпѣлъ, нежели отъ непріятеля. Въ дорогѣ опрокинута была его карета и онъ ударился головою, такъ однакоже счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

. . . .

Узнавши всѣ подробности происшествія, генералъ Кутузовъ, поблагодаря генерала Макка за извѣстіе, съ нимъ разстался. Кажется, никому лучше нельзя повѣрить въ семъ случаѣ.

Генералъ Маккъ и то заслужилъ удивленіе, что скоростію путешествія своего предупредилъ и самую молву. Армія австрійская не имѣла на сей разъ расторопнѣйшаго [illegible]!

Генералъ Кутузовъ нашелся въ необходимости перемѣнять сдѣланныя имъ распоряженія и положеніе его часъ отъ часу дѣлалось затруднительнѣе. Непріятель шелъ съ большою скоростію и уже не въ далекомъ находился разстояніи. Быстрое отступленіе было единственнымъ средствомъ, но съ нами была вся тяжелая артиллерія, госпитали и обозы. Дабы сколько возможно облегчить войска при отступленіи, приказано всѣ тяжести отправить обратно, но г. Кутузовъ съ войсками оставался въ Браунау, ожидая присоединенія австрійскихъ войскъ, спасшихся отъ пораженія при Ульмѣ.

Наконецъ вышли мы изъ Браунау и начали быстрое отступленіе, которому и самъ непріятель не отказалъ въ удивленіи.

. . . .

Конная моя рота и еще двѣ пѣшей артиллеріи въ моей командѣ, не принадлежа никакой части войскъ, оставались въ особенномъ распоряженіи главнокомандующаго, какъ резервъ артиллеріи. Сіе особенное благоволеніе, привязывая меня къ главной квартирѣ, дѣлало послѣднимъ участникомъ при раздѣлѣ продовольствія людямъ и лошадямъ, а тогда самые способы вообще были для всѣхъ недостаточны и затруднительны, а мнѣ почасту и вовсе были отказываемы; то, побуждаемый голодомъ, просилъ я о присоединеніи моей команды къ которымъ-нибудь изъ войскъ. Мнѣ въ семъ было отказано. Австрійскій генералъ Бинмейеръ, не имѣя при войскахъ конной артиллеріи, просилъ о присоединеніи къ онымъ моей роты, и я долженъ признаться, что совсѣмъ не жалѣлъ, когда главнокомандующій не изъявилъ на то согласія, ибо лучше хотѣлъ я терпѣть вмѣстѣ съ товарищами.

. . . .

Октября 22, при мѣстечкѣ Амштеттенъ (гдѣ Багратіонъ понесъ большой уронъ), Милорадовичъ приказалъ конницѣ ударить на колеблющагося непріятеля, и Маріупольскаго гусарскаго полка подполковникъ Игельстромъ, офицеръ блистательной храбрости, съ двумя эскадронами стремительно врубился въ пѣхоту, отбросилъ непріятеля далеко назадъ, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь—и однимъ храбрымъ стало менѣе въ нашей арміи. Послѣ смерти

его разсыпались его эскадроны и непріятель остановился въ бѣгствѣ своемъ. За два дня предъ тѣмъ, какъ добрые пріятели, дали мы слово одинъ другому воспользоваться случаемъ дѣйствовать вмѣстѣ, и я лишь только узналъ о данномъ ему приказаніи атаковать, бросился къ нему на помощь съ конною моею ротою, но уже не засталъ его живаго, и только остановивъ непріятеля движеніе, далъ способъ эскадронамъ его собраться и удержаться на мѣстѣ. *

Я продолжалъ канонаду, а между тѣмъ устроились къ атакѣ гренадерскіе батальйоны Апшеронскаго и Смоленскаго полковъ, и самъ Милорадовичъ повелъ ихъ въ штыки. Ободренные присутствіемъ начальника, гренадеры ударили съ рѣшительностію, и непріятель, далеко прогнанный, скрылся въ лѣсъ и не смѣлъ показаться.

. . . .

При Амштеттенѣ въ первый разъ былъ я въ сраженіи противъ Французовъ, и въ службу мою въ первый разъ съ конною артиллеріей, которой употребленіе я столько же мало зналъ, какъ и всѣ другіе. Возможность двигать ее удобнѣе прочей артиллеріи истолковала мнѣ обязанности поспѣвать всюду, и потому я попалъ съ гусарами. Впрочемъ мнѣ удалось предупредить непріятеля, и я, занявъ одно возвышеніе, не допустилъ устроить батарею, которая могла дѣлать намъ большой вредъ.

Генералъ Милорадовичъ чрезвычайно благодарилъ меня, конечно не за исполненіе его приказаній, ибо удачное дѣйствіе принадлежало случаю, и я смѣю подозрѣвать, что ему не легко было бы приказать что̀ лучшее; не менѣе того мнѣ, какъ офицеру неизвѣстному, весьма пріятно было, что начальникъ отзывается съ похвалою.

. . . .

По отступленіи арміи къ Кремсу, арріергардъ генерала Милорадовича остался при самомъ раздѣленіи дорогъ, дабы сколько возможно продлить невѣдѣніе непріятеля о направленіи нашей арміи. Его усилили конницею, и князю Багратіону приказано находиться въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Передовые посты наши изъ венгерскихъ гусаръ довольно далеко впереди занимали между лѣсами выгодное расположеніе, и непріятель не могъ видѣть ни малочисленности

* Въ одномъ изъ журналовъ обстоятельно описано сіе происшествіе.

нашей, ни занимаемаго нами мѣста. Съ передовыхъ постовъ дано знать, что присланъ парламентеръ, объявляющій желаніе начальника французскаго авангарда переговорить о дѣлѣ съ генераломъ Милорадовичемъ. Пріѣхавши на мѣсто, Милорадовичъ не засталъ уже французскаго генерала, который, долго дожидавшись, отправился въ свой лагерь, оставивъ капитана съ даннымъ отъ него порученіемъ. Послѣ довольно несвязнаго разговора, французскій капитанъ сдѣлалъ предложеніе свести передовые наши посты, присоединяя обѣщанія, что они въ продолженіи дня со стороны своей ничего не предпримутъ. Отвратительная наружность негоціатора опредѣляла мѣру заслуживаемаго имъ довѣрія. Милорадовичъ, исполненный мечтаній объ офицерскихъ блаженныхъ временахъ, когда на каждомъ перекресткѣ встрѣтившійся выставлялъ себя за образецъ чести и добродѣтели, гдѣ между неизвѣстными заключались вѣчныя узы дружбы и малѣйшее сомнѣніе въ вѣрности было преступленіемъ, Милорадовичъ не дерзнулъ оскорбить рыцаря недовѣріемъ къ словамъ его, и, какъ должно, не спросивъ его о имени, приказалъ снять посты. Я былъ свидѣтелемъ сего свиданія и подозрѣвалъ, что намъ выгоднѣе бы было имѣть дѣло вмѣсто Наполеона съ Францискомъ I. Только что стали мы приближаться къ своему лагерю, какъ получили извѣстіе, что, когда оставили мѣста свои войска, составлявшія передовую стражу, и начали собираться, непріятель напалъ на нихъ въ большихъ силахъ, преслѣдуетъ уже ихъ не въ дальнемъ разстояніи, и что вслѣдъ идетъ не малое число войскъ. Вскорѣ появился непріятель и занялъ всѣ окрестныя возвышенія, такъ что въ виду его отступленіе дѣлалось весьма опаснымъ. Не знаю, кто умѣлъ склонить Милорадовича отмѣнить приказаніе послать помощь отступающимъ гусарамъ, ибо иначе произошло бы дѣло, по неудобству мѣстоположенія, для насъ безъ сомнѣнія не выгодное. Итакъ, не выходя изъ лагеря, устроились мы въ боевой порядокъ и приготовились къ отраженію. Непріятель двинулъ сильную пѣхоту на правой нашъ флангъ, слабѣйшій положеніемъ, и заставилъ насъ обратить въ ту сторону и силы наши и вниманіе, а въ то самое время противъ лѣваго нашего крыла большимъ отрядомъ кавалеріи произвелъ обозрѣніе въ тылу нашемъ, гдѣ не могло укрыться отъ него, что кромѣ войскъ князя Багратіона, не имѣли мы другаго подкрѣпленія. По счастію нашему, непріятель

не могъ прежде вечера кончить обозрѣніе, по той причинѣ, что кавалерія его принуждена была сдѣлать большой обходъ вокругъ лѣса, мимо коего кратчайшій путь лежалъ подъ выстрѣлами нашихъ батарей. Итакъ наставшій вечеръ не допустилъ ничего предпринять рѣшительнаго, и Милорадовичъ избавился наказанія за непростительную ошибку, которую надобно было поправить потерею многихъ головъ. Непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на безстрашіе; она была въ величайшемъ замѣшательствѣ. Въ полночь разложивъ весьма большіе огни, мы безпрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менѣе радъ былъ многихъ.

. . . .

На другой день, по прибытіи въ Кремсъ, заняли мы арріергардомъ предмѣстье Штейнъ. Маршалъ Мортье.... приблизился къ самымъ вратамъ города и началась весьма горячая перестрѣлка.

Главнокомандующій располагалъ дать войскамъ отдохновеніе и нужно было исправить одежду и обувь солдатамъ, поврежденныя безпрерывными дождями въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и для того нельзя было терпѣть непріятеля въ столь близкомъ разстояніи. Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе атаковать его и одна неустрашимость и предпріимчивость его могли восторжествовать!

. . . .

Артиллерія по неудобству мѣстоположенія мало была въ употребленіи, и потому во все время сраженія находился я при генералѣ Милорадовичѣ, и могу судить, что оно въ своемъ родѣ было одно изъ жесточайшихъ, и войска наши оказали возможной степени мужество. Рѣшительное окончаніе дѣла произведено искуснымъ направленіемъ войскъ, въ командѣ генерала Дохтурова бывшихъ; но генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежитъ большее участіе въ успѣхѣ, ибо до того сбилъ онъ непріятеля со всѣхъ высотъ, ближайшихъ къ городу, не взирая на твердость его позиціи.

. . . .

....Вскорѣ послѣ сраженія получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Вѣною безъ сопротивленія.

. . . .

....Главнокомандующій ускорилъ отступленіе.... и мы отъ стороны Вѣны не опасались уже быть отрѣзанными. Да

избѣжать сраженія всѣми силами и по превосходству непріятеля не подвергнуться, безъ всякаго сомнѣнія, пораженію, главнокомандующій рѣшился противопоставить непріятелю арріергардъ князя Багратіона, и онъ оставленъ близъ города Голлабруна (откуда удачно совершилъ отступленіе).

. . . .

....Главнокомандующій прошелъ городъ Брюннъ и соединился съ арміей графа Буксгевдена. Государь вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ находился въ крѣпости Ольмюцъ....

Такимъ образомъ въ происшедшихъ съ непріятелемъ дѣлахъ, во все время отступленія отъ Браунау и до Брюнна, генералъ Кутузовъ, противъ многочисленныхъ силъ пріобрѣтши успѣхи при Ламбахѣ и Амштеттенѣ, и совершенную побѣду при Кремсѣ, довелъ войска если нѣсколько и утомленныя быстротою движенія, но съ наилучшимъ духомъ и ничего не потерявши, кромѣ одной пушки при Ламбахѣ. Сія ретирада по справедливости поставляется въ числѣ знаменитыхъ военныхъ событій нынѣшняго времени. Между соединившимися арміями примѣтна была чрезвычайная разность. Пришедшая изъ Россіи была совершенно сбережена и въ наилучшемъ устройствѣ. Наша напротивъ потерпѣла отъ продолжительныхъ трудовъ, изнемогла отъ недостатка продовольствія, отъ ненастнаго времени глубокой осени. Одежда войскъ истреблена была на бивуакахъ, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были въ различныхъ и даже смѣшныхъ нарядахъ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу арміи, и судя по привѣтствіямъ, которыми удостоилъ многихъ, казалось, доволенъ былъ службою храбрыхъ и вѣрныхъ войскъ его. Между прочими изъявилъ и мнѣ за службу благоволеніе. (Ермоловъ въ продолженіи этого отступленія пріобрѣлъ полную благосклонность главнокомандующаго, такъ что получилъ прозваніе въ арміи: l'enfant gâté du général.) Государь приказалъ дать арміи отдохновеніе.

Арміи по соединеніи расположились у самой крѣпости Ольмюцъ...

....Въ Ольмюцѣ нашелъ я инспектора всей артиллеріи, графа Аракчеева, въ томъ же могуществѣ при государѣ, съ тѣмъ же ко мнѣ неблагорасположеніемъ, не взирая на лестное свидѣтельство главнокомандующаго на счетъ мой. Едва

имѣлъ я къ нему доступъ и никогда ни малѣйшаго ободренія, тогда какъ многимъ другимъ оказывалъ онъ сильное свое покровительство. Тутъ по сравненію выгодъ, пріобрѣтенныхъ другими, почувствовалъ я, какъ невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считаетъ за благодѣяніе, что, утѣсняя невинно, не погубляетъ!

. . . .

Арміи наши получили повелѣніе выступить впередъ. Генералъ Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія и разсужденія на сей предметъ были различныя.... По малому значенію, или, лучше сказать, по совершенному незначенію моему въ арміи, не могъ я знать точныхъ намѣреній начальства, но общая молва была, что государь несогласенъ съ мнѣніемъ г. Кутузова и согласился на предложенія Австрійцевъ.

. . . .

Я съ конно-артиллерійскою ротой находился при кавалерійской дивизіи генералъ-адъютанта Уварова, которая предъ нѣкоторою частью арміи составляла передовое войско. На четвертый день около вечера (по дорогѣ къ Брюнну) встрѣтились мы съ непріятельскою кавалеріей въ малыхъ силахъ; перестрѣлка была незначущая, и кавалерія прогнана. Темнота ночи остановила насъ на вершинахъ одного возвышенія въ хорошемъ мѣстоположеніи. Не далеко позади стала на бивуакахъ вся армія. Впереди насъ изрѣдка видны были непріятельскіе огни, которые, казалось, означали цѣпь передовой стражи. Въ арміи былъ слухъ, и почти всѣ вѣрили, что непріятель уходитъ. Около полуночи у подошвы возвышенія, на которомъ стояла наша дивизія, въ одно мгновеніе загорѣлись огни, охватившіе большое пространство. Мы увидали обширные бивуаки и движеніе великаго числа людей, что̀ наиболѣе утвердило многихъ во мнѣніи, что непріятель не ищетъ даже скрывать своего отступленія. Напротивъ того нѣкоторымъ казалось сіе подозрительнымъ. Мы узнали вскорѣ, что огни означали торжество въ честь Наполеона и зажжены были въ его присутствіи.

Генералъ-адъютантъ Уваровъ позванъ былъ въ главную квартиру, откуда возвратился въ скоромъ времени. Немедля за нимъ присланъ офицеръ съ „диспозиціею" на нѣсколькихъ листахъ, наполненною трудными названіями селеній, озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышеній, и такъ запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать

не было позволено, ибо надобно было успѣть прочитать многимъ изъ начальниковъ и весьма мало было экземпляровъ. Я признаюсь, что выслушавъ оную, столько же мало получилъ о ней понятія, какъ бы и совсѣмъ не подозрѣвалъ о ея существованіи. Одно то ясно было, что назавтра атакуемъ мы непріятеля.

Еще до разсвѣта выступила армія, опасаясь, повидимому, чтобы непріятель не успѣлъ уйдти далеко. Войска на маршѣ должны были войдти въ мѣста, по „диспозиціи“ для нихъ назначенныя, и потому начали колонны встрѣчаться между собою и проходить одна сквозь другую, отъ чего произошелъ безпорядокъ, который ночное время болѣе умножало. Войска разорвались, смѣшались, и конечно, не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большаго числа полковъ, не имѣли при себѣ ни человѣка конницы, такъ что не кѣмъ было открыть, что̀ происходитъ впереди, или узнать, что̀ дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генералъ Милорадовичъ въ моихъ глазахъ выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ для необходимыхъ посылокъ. Къ сему прибавить надобно, что ни одна изъ колоннъ не имѣла впереди себя авангарда. Общій авангардъ всей арміи находился весьма мало впереди и на самой конечности праваго фланга, такъ что собою не закрывалъ онъ ни одной колонны, и армія въ движеніи своемъ совершенно была открыта. Дивизія генералъ-адъютанта Уварова отведена была далеко назадъ, чтобы потомъ перейдти ближе къ правому флангу, гдѣ вся почти кавалерія соединена была особенно.

Такимъ образомъ колонны подвигались впередъ въ полной безпечности, и между ними допущены были большія пространства, въ томъ предположеніи, что, приближаясь къ непріятелю, войдутъ онѣ въ надлежащее боевое устроеніе.

Съ началомъ дня, когда полагали мы себя еще въ довольномъ разстояніи отъ непріятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядокъ, мы увидѣли всю французскую армію, стоящую въ боевомъ порядкѣ, и между нами не было двухъ верстъ разстоянія.

Изъ сего заключить можно, сколько достовѣрныя мы имѣли извѣстія объ отступленіи непріятеля, и чѣмъ обязаны премудро начертанной австрійской диспозиціи, которая болѣе

похожа была на топографическое описаніе Брюннскаго округа, нежели на начертаніе порядка, пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою.

Совершенная готовность непріятеля доказываетъ, что онъ предувѣдомленъ былъ о нашемъ предпріятіи, ибо не почиталъ за нужное открывать слѣдованія нашего, и даже до самой занимаемой имъ позиціи не было ни одного пикета. Войска его оставались въ бездѣйствіи, удивленныя страннымъ явленіемъ, ибо трудно было предположить, чтобы могла армія въ присутствіи непріятеля, устроеннаго въ боевомъ порядкѣ, совершать подобное движеніе, не имѣя какого-нибудь хитраго замысла. Къ тому же неровности мѣстоположенія скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкій ручей, и многія изъ колоннъ вдались въ селенія, лежащія между озеръ по низменной долинѣ, простирающейся до подошвы занимаемыхъ непріятелемъ возвышенностей, когда обнаружились всѣ наши силы и несоразмѣрные между колоннъ промежутки, открылся ужасный съ батарей огонь, и непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, сохраняя всегда выгоду возвышеннаго положенія. Нѣкоторыя изъ колоннъ нашихъ въ слѣдованіи ихъ были атакованы во флангъ, и не имѣли времени развернуться. Другія хотя и устроили полки свои, но лишены будучи содѣйствія и помощи другихъ войскъ, или даже окруженныя, не могли удержаться противъ превосходныхъ силъ, и въ самое короткое время многія части арміи нашей приведены были въ ужаснѣйшее замѣшательство. Самыя начала дѣйствій, собственно по предположенію, что непріятель въ отдаленіи, и войска успѣютъ соединиться, не согласовались съ диспозиціей, а потому и перемѣны необходимо не соотвѣтствовали предначертанной цѣли. Дѣйствія сдѣлались частными, связи между войскъ не существовало, и сблизиться онѣ не имѣли возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ его высочества цесаревича, назначенный составлять резервъ, долженъ былъ при самомъ началѣ сраженія вступить въ первую линію, и по необходимости столько занять мѣста, что не могъ онъ отдѣлить ничего на составленіе второй линіи. Лѣвый флангъ, подъ командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, гдѣ прежде находилась дивизія генералъ-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступилъ съ меньшею потерею людей,

но батарейныя 24 орудія, бывшія въ долинѣ, и часть пѣхоты у ихъ прикрытія достались во власть непріятеля. Изломавшійся подъ переднимъ орудіемъ мостъ остановилъ прочія въ слѣдованіи. Колонны, находившіяся въ центрѣ: генерала Милорадовича—по долгомъ сопротивленіи, разсѣяна,—генералъ-лейтенанта Пршибышевскаго, неосторожно проходя селеніе, окружена, и потерпѣвъ большой уронъ, чрезвычайно много потеряла плѣнными, въ числѣ коихъ и самъ попался начальствующій колонною, — генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству мѣста, не долго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейбъ-гвардіи сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ, но въ нихъ не было связи, и люди, не обыкшіе къ войнѣ, увлечены будучи храбростію и безполезно истощивъ усилія, понесли большой уронъ. Съ отличною неустрашимостію дѣйствовали полки кавалергардскій и конной гвардіи, и часть сего послѣдняго, врубившись въ конницу, взяла одного орла, но общій испытавъ жребій, была опрокинута съ потерею.

Непріятель, одержавъ сіи успѣхи, умножилъ войска свои противъ авангарда князя Багратіона, расположеннаго на конечности праваго фланга, и противъ кавалерійскихъ дивизій генерала-лейтенанта Эссена 2-го и генералъ-адъютанта Уварова, которые до того сохранили мѣста свои единственно по той причинѣ, что непріятель, обративъ вниманіе въ другую сторону, ихъ истребленіе опредѣлилъ въ послѣдствіи. Вся сія кавалерія состояла въ командѣ австрійскаго генерала князя Лихтенштейна. Многіе изъ полковъ врубились въ непріятельскія войска, но должны были уступить превосходнымъ силамъ.

При самомъ началѣ сраженія, генералъ-майоръ Меллеръ-Закомельскій съ уланскимъ полкомъ его высочества цесаревича сдѣлалъ блистательную атаку, опрокинулъ противоставшую кавалерію, разсѣялъ часть ближайшей пѣхоты, но тяжелая его рана пресѣкла его успѣхи, оставила его во власти непріятеля у самыхъ пушекъ, которымъ угрожала его храбрость, и полкъ разсѣянный обратился. Въ кавалеріи нашей, точно какъ и въ другихъ войскахъ, дѣйствія по большей части были частныя, безъ всякаго взаимнаго вспомоществованія. Итакъ, съ одного крыла и до другаго, войска наши по очереди одни послѣ другихъ были разстроены, опрокинуты и преслѣдуемы. Потеря наша наиболѣе умножилась, когда

войска стѣснились у канала чрезвычайно топкаго, на которомъ мало было мостовъ, а иначе, какъ по мосту, перейдти чрезъ оный невозможно. Здѣсь бѣгущая конница наша бросилась въ бродъ и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коихъ я находился, остановилъ свою батарею, предполагая дѣйствіемъ оной удержать преслѣдующую насъ конницу. Первыя орудія, которыя могъ я освободить отъ подавляющей ихъ собственной кавалеріи, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, были взяты, люди переколоты и я достался въ плѣнъ *. Дивизія генералъ-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имѣла время осмотрѣться, что она бѣжала отъ малаго числа непріятеля, и что главныя его силы, остановившись на возвышеніяхъ, не спускались въ долину. Прогонявшіе насъ были обращены въ бѣгство и истреблены, и мнѣ чрезъ самое короткое время возвращена свобода, когда уже я былъ близко отъ французской лdefiniiи. Я обязанъ свободою Елисаветградскаго гусарскаго полка полковнику Василію Ивановичу Шау **, который догналъ меня съ нѣсколькими человѣками Харьковскаго драгунскаго полка. При немъ не было ни одного человѣка полка, къ которому онъ принадлежалъ, почему судить должно о безпорядкѣ.

Присоединясь къ остаткамъ истребленной моей роты, нашелъ я дивизію въ величайшемъ безпорядкѣ у подошвы холма, на коемъ находился государь. Холмъ занятъ былъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и одною ротою гвардейской артиллеріи, которые не участвовали въ сраженіи, и потому сохранили устройство. При государѣ почти никого не было изъ приближенныхъ, на лицѣ его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здѣсь можно было видѣть части почти всей арміи, и если премудрая „диспозиція“ насъ раздѣлила, то бѣгство соединило многихъ. На мѣстѣ сраженія оставили мы болѣе шестидесяти орудій, и армія отступила. Войска генерала князя Багратіона потерпѣли уронъ несравненно менѣе прочихъ; часть пѣхоты его приве-

* Въ разказѣ Д. В. Давыдова это происшествіе описано такъ: „въ Аустерлицкомъ сраженіи рота его была окружена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, прислуга 4-хъ орудій была изрублена, другія три орудія, увязшія въ грязи, были также взяты Французами, и самъ Ермоловъ, подъ которымъ была убита лошадь, взятъ въ плѣнъ“. Замѣтимъ, что Ермоловъ въ своихъ запискахъ не говоритъ объ убитой подъ нимъ лошади.

** Давыдовъ приписываетъ освобожденіе Ермолова еще графу Орурку.

дена была въ замѣшательство непріятельскою конницей, но она, не будучи поддержана въ своихъ успѣхахъ, дорого поплатилась за свою дерзость, тѣмъ не менѣе однакоже потеряно нѣсколько пушекъ. Изъ сихъ войскъ составленъ арріергардъ въ командѣ князя Багратіона. На прямѣйшей дорогѣ къ городу Аустерлицу, чрезъ который должны были проходить наши войска, учрежденъ большой постъ, который порученъ мнѣ въ команду, вѣроятно потому, что никто не желалъ принять сего непріятнаго назначенія. Постъ сей состоялъ изъ одной роты лейбъ-гренадерскаго полка, одной сотни лейбъ-казаковъ, одного эскадрона спѣшенныхъ драгунъ Черниговскаго полка, одного эскадрона лейбъ-кирасирскаго ея величества, одного эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полковъ и двухъ орудій конной артиллеріи. Приказано разложить большіе огни и пѣть пѣсни. Сего послѣдняго не было исполнено, ибо не было расположенія къ веселости.

По счастію нашему, время клонилось къ вечеру, и непріятель далѣе болотистаго канала насъ не преслѣдовалъ.

Я съ отрядомъ войскъ обязанъ спасеніемъ тому презрѣнію, которое имѣлъ непріятель къ малымъ моимъ силамъ, ибо къ совершеннѣйшей побѣдѣ не могъ онъ желать прибавить нѣсколько сотенъ плѣнныхъ. Но когда нуженъ былъ ему водопой, онъ довольствовался тѣмъ, что отогналъ передовую мою стражу отъ канала. Я долженъ былъ выслушивать музыку, пѣсни и радостные клики въ непріятельскомъ лагерѣ. Насъ дразнили русскимъ кликомъ ура! Предъ полуночью я получилъ приказаніе отойдти, что̀ должно было послѣдовать гораздо прежде, но посланный офицеръ ко мнѣ не доѣхалъ. Въ городкѣ Аустерлицѣ, давшемъ имя незабвенному сраженію, нашелъ я арріергардъ князя Багратіона, который не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли держать меня одного въ 6 верстахъ впереди, и не восхитился симъ распоряженіемъ генералъ-адъютанта Уварова. Прошедши далѣе четыре версты, прибылъ я къ арміи, но еще не всѣ оной части собраны были, и о нѣкоторыхъ даже не было извѣстія, безпорядокъ дошелъ до того, что въ арміи, казалось, полковъ не было, видны были разныя толпы. Государь не зналъ, гдѣ былъ главнокомандующій генералъ Кутузовъ, а сей безпокоился насчетъ государя. Я долженъ былъ явиться генералъ-адъютанту Уварову, и сей былъ въ восхищеніи, что украшеннымъ

донесеніемъ могъ придать важность отряду его собственнаго изобрѣтенія.

Не дожидаясь присоединенія оторвавшихся частей, армія въ продолженіи ночи пошла далѣе. На разсвѣтѣ стали собираться разбросанныя войска, и около 10 часовъ утра появилась непріятельская кавалерія, наблюдавшая за нашимъ отступленіемъ. Въ сей день, по причинѣ совершеннаго изнуренія лошадей, оставили мы на дорогѣ не менѣе орудій, какъ и на мѣстѣ сраженія.

Вскорѣ узнали мы, что австрійскій императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, обязавшись немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ, и мы уже не могли ожидать вспомоществованія Австрійцевъ.

Армія наша прибыла въ мѣстечко Голичъ на границѣ Венгріи, чрезъ которую предлежалъ намъ путь. Отвсюду окружены мы были французскими отрядами конницы, и аріергардъ нашъ находился уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ арміи, дабы не подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ.

Въ перемиріи, заключенномъ съ австрійскимъ императоромъ, упомянуто было, что Русскіе безпрепятственно отступаютъ въ свои предѣлы, но время и направленія были назначены, что̀ у Французовъ называются, à journées d'étapes.

Кажется, въ семъ снисходительномъ позволеніи не имѣли мы нужды, ибо непріятель слѣдовать за нами въ такую страну, какова Венгрія, и въ позднее время осени, не могъ. Не могъ также быть увѣреннымъ, чтобъ Австрія, имѣя въ готовности армію эрцгерцога Карла и войска эрцгерцога Фердинанда, расположенныя въ Цнаймѣ, не усмотрѣла выгоды перервать перемиріе, что̀ Наполеона поставило бы въ самое затруднительное положеніе.

. . . .

Я не описалъ Аустерлицкаго сраженія съ большою подробностію, ибо сопровождали его обстоятельства столько странныя, что я не умѣлъ дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія, и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную довѣренность, и скорѣе мо-

гуть быть съ точностію опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношенія ихъ между собой и согласованія дѣйствій со временемъ. О сраженіи Аустерлицкомъ (можно, кажется, сказать), что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно, съ условіемъ притомъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомоществованія, и для лучшаго успѣха полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ и въ то же самое время были еще другія русскія войска.

Такъ раздѣленныхъ насъ и лишенныхъ взаимнаго вспоможенія предоставила судьба предъ лицомъ непріятеля, и онъ, трепещущій имени русскаго, осмѣлился быть побѣдителемъ!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Virgilius.

Въ половинѣ января мѣсяца 1806 г. армія наша, возвратясь въ свои предѣлы, расположилась на квартирахъ въ Волынской губерніи.

. . . .

Я съ ротою моею отправленъ въ 3-ю дивизію генералъ-лейтенанта барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, расположенную около мѣстечка Шавель Виленской губерніи.

Въ непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многіе весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерлицѣ, мнѣ за дѣла во всю кампанію данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менѣе. Напослѣдокъ по отличному отзыву обо мнѣ главнокомандующаго и ходатайству генералъ-адъютанта Уварова, я произведенъ въ полковники, обойдя одного старше меня въ чинѣ. По расположенію ко мнѣ начальства, я долженъ былъ и то принять за величайшую награду, хотя въ одномъ чинѣ былъ я безъ малаго девять лѣтъ.

....Въ помощь Пруссіи назначена армія подъ начальствомъ генерала барона Беннигсена. Въ составъ сей арміи поступили свѣжія войска, не бывшія въ прошедшемъ походѣ, и она состояла изъ 2-й дивизіи генералъ-майора графа Остермана Толстаго, 3-й генералъ-лейтенанта барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена, 4-й генералъ-лейтенанта князя Голицына, 6-й гене-

ралъ-майора Седморацкаго. Кавалерія непосредственно принадлежала дивизіямъ, но по обстоятельствамъ отдѣляемая отъ оныхъ, составлялась особыми частями......

Подъ начальство генерала графа Буксгевдена поручена другая армія, также изъ четырехъ дивизій состоящая......

. . . .

Наполеонъ... при городѣ Ауерштедтѣ совершенно разбилъ прусскія войска.... пошелъ съ арміей къ Варшавѣ, извѣщенъ будучи о приближеніи къ ней нашихъ войскъ.

. . . .

Въ Бялостокѣ сошлись (наши) арміи, и начальствующіе ими, не будучи пріятелями прежде, встрѣтились совершенными злодѣями......

Наполеонъ занялъ Варшаву.

. . . .

Въ сіе время прибылъ къ командованію обѣими арміями генералъ-фельдмаршалъ графъ Каменскій. Опытный начальникъ при первомъ взглядѣ увидѣлъ, сколько опасно положеніе войскъ нашихъ, разсыпанныхъ на большомъ пространствѣ. Онъ приказалъ поспѣшнѣе собрать войска. Близость непріятеля не допускала сдѣлать того иначе, какъ отступивши нѣкоторое разстояніе.

. . . .

Армія наша начала сосредоточиваться отступая... не могли однакоже нѣкоторыя части войскъ избѣжать неравной борьбы съ непріятелемъ.... При мѣстечкѣ Лопачинъ атакованъ былъ превосходными силами генералъ-майоръ графъ Паленъ (Петръ Петровичъ). Онъ шелъ на сборное мѣсто дивизіи и отъ онаго находился не болѣе одной мили съ половиной. Столько не безопасны были сообщенія между войскъ нашихъ. Графъ Паленъ имѣлъ къ отступленію кратчайшую дорогу на мѣстечко Голыминъ, и ту выгоду, что лѣсистыя мѣста препятствовали непріятелю дѣйствовать многими силами, а сверхъ того въ Голыминѣ онъ могъ найдти наши войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большія гораздо трудности, онъ взялъ направленіе на отрядъ генералъ-майора Чаплица, расположенный у мѣстечка Цехановъ, который иначе былъ бы отрѣзанъ и въ послѣдствіи могъ быть уничтоженъ. При семъ отрядѣ находился я съ тремя ротами артиллеріи, и легко могъ видѣть, что направленіе его на Цеха-

[illegible] было слѣдствіемъ [illegible] графа Буксгевдена. [illegible] строгое замѣча-[illegible] приказалъ отряду немед-[illegible] на мѣстѣ, и утомлен-[illegible], не могли тотчасъ вы-[illegible] генералъ графъ Паленъ искус-[illegible] сраженіе и не прежде при-[illegible] Чаплица, какъ уже поздно [illegible] не могъ воспрепятствовать [illegible] при мѣстечкѣ Голыминѣ. [illegible] мы къ оному, непрія-[illegible] дорогѣ, о которой сказалъ я [illegible] его предупредили.

[illegible] 11 числа декабря, нашли мы 7-ю [illegible] Дохтурова, 5-ю генералъ-лей-[illegible] генералъ-лейте-[illegible] генерала Беннигсена.

[illegible] Войска его были въ ма-[illegible] состояли изъ кавале-[illegible] Мюрата. Ужасное превос-[illegible] и если сіи мѣста [illegible] войскъ. кото-[illegible]

адъютанта за приказаніемъ, онъ, отыскивая начальника и переходя отъ одного къ другому, неболѣе получаса времени, былъ покрайней мѣрѣ у пяти генераловъ, и ничего не успѣлъ испросить въ разрѣшеніе. Между тѣмъ непріятель сдѣлался предпріимчивѣе, и непонятнымъ образомъ успѣлъ обойти лѣвое наше крыло, что не иначе могло произойдти, какъ отъ нашей оплошности, но избытокъ силъ вскорѣ возстановилъ порядокъ. Должно отдать справедливую похвалу храбрости генералъ-майора князя Щербатова: когда полкъ его, Костромской мушкатерскій, разстроенъ будучи большою потерею, долженъ былъ уступить удачной атакѣ непріятеля, онъ взялъ знамя, бросился впередъ, и непріятель обратился въ бѣгство. Къ вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши, и замѣтны были многіе въ линіяхъ интервалы. Легко было понять, что не таковъ долженъ быть порядокъ при отступленіи, и что войска отходили конечно не по приказанію, но по произволу. Долго не смѣлъ я отступить безъ приказанія; согласилъ я подполковника князя Жевахова съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка идти, и мы отправились въ ту сторону, гдѣ видно было болѣе отступающихъ. Пройдя мѣстечко Голыминъ, взялъ я направленіе на мѣстечко Маковъ. Правый флангъ войскъ нашихъ, состоявшихъ изъ отряда генералъ-майора Чаплица, видя, что лѣвый флангъ отступилъ, и никакъ не ожидая, чтобы мѣстечко Голыминъ, занимавшее центръ нашей позиціи, могло быть оставлено нами прежде нежели пройдутъ послѣднія войска, безпечно подошелъ къ нему, но у самаго мѣстечка встрѣченъ былъ картечными выстрѣлами. Внезапный сей случай привелъ въ замѣшательство Екатеринославскій и Владимирскій мушкатерскій полки, темнота способствовала безпорядку и два орудія достались въ добычу непріятелю.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе, имѣвшее для насъ одну ту пользу, что мы развлекли силы непріятеля и собою заняли нѣкоторую часть оныхъ. Но простителенъ ли подобный разчетъ, когда употреблены на то средства въ три раза болѣе тѣхъ? Что бы съ таковыми сдѣлалъ Наполеонъ?

Въ пяти верстахъ отъ Голымина, въ селеніи Ключницы, нашелъ я въ господскомъ домѣ нѣсколько генераловъ, и конечно они не вмѣстѣ съ нами пріѣхали, ибо засталъ уже ихъ спящихъ, а на полу остатки кушанья свидѣтельствовали, что сонъ не происходилъ отъ голода.

. . . .

Въ отступленіи отъ Голымина, не будучи преслѣдуемы, даже почти наблюдаемы непріятелемъ, оставили мы около сорока пушекъ большею частію батарейной артиллеріи, единственно по причинѣ крайняго изнуренія лошадей и дорогъ, непроходимыхъ отъ чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота, но захвата брошенныхъ выпряженныхъ лошадей отъ другихъ ротъ, я избавился стыда лишиться орудія безъ выстрѣла.

Въ тотъ же самый день, какъ при Голыминѣ, произошло въ Пултускѣ главное сраженіе.... Генералъ Беннигсенъ, не поколебавъ твердости своей, и самымъ отчаяннымъ положеніемъ возбуждаемый, прибѣгнувъ къ послѣднимъ средствамъ и резерву, состоявшему изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, приказалъ ударить въ штыки. Начальнику полковъ истолковано было, что отъ сего послѣдняго усилія зависитъ спасеніе прочихъ войскъ, и полки бросились стремительно. Непріятель отступилъ, не устоявъ противъ штыковъ. Войска его, потерявъ взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успѣхи на семъ пунктѣ, и сами (потеряли?) въ скоромъ удаленіи средства спасти отъ пораженія разорванныя части, и мгновенно часть лучшей позиціи непріятеля была въ рукахъ нашихъ. Клонившійся къ самому вечеру день не допустилъ Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ распуганныхъ войскъ, прежде нежели приступить къ какому-либо предпріятію. Итакъ твердость генерала Беннигсена самое опасное положеніе обратила въ побѣду совершенную. Отразить превосходныя силы подъ личнымъ Наполеона предводительствомъ есть подвигъ великій, но преодолѣть ихъ и обратить въ бѣгство есть слава, которую доселѣ никто не стяжалъ изъ его противниковъ.

. . . .

Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ арміямъ надлежало идти за непріятелемъ или покрайней мѣрѣ остановиться.... Графъ Буксгевденъ..... желая сдѣлать г. Беннигсену вредъ или собственно по недоумѣнію, продолжалъ выполнять повелѣніе фельдмаршала объ отступленіи, вынужденное самою крайностію... но силу коего измѣнить должны были необходимо происшествія того дня.......

Въ день сраженія фельдмаршалъ графъ Каменскій въ десять

часовъ поутру былъ въ Голыминѣ, и самъ назначилъ посты для казачьяго Малахова поста, предвидя важность сего мѣста, къ которому приказалъ войскамъ прибыть поспѣшнѣе. А дабы не потерять времени въ перепискѣ, послалъ отъ себя прямо къ начальнику отряда, отправленнаго въ Цехановъ, чтобы онъ скорѣе возвратился въ Голыминъ, поставя ему на видъ, что одною быстротою движенія можетъ избѣжать опасности быть отрѣзаннымъ. Фельдмаршалъ былъ также въ Пултускѣ во время сраженія, но когда послѣ онаго необходимо было войскамъ общее распоряженіе, согласно перемѣнившимся неожиданно обстоятельствамъ, уже данъ былъ приказъ арміямъ, что онъ оставляетъ ихъ по причинѣ болѣзни, и отправился въ Гродно.

Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ онъ непростительный поступокъ, ибо присутствіе его при арміи тѣмъ необходимѣе было, что онъ не полагалъ важнымъ кончить съ выгодою сраженіе при Пултускѣ, а по отъѣздѣ его и малѣйшая неудача, при несогласіи начальниковъ, могла имѣть бѣдственныя послѣдствія. Армія сожалѣла объ его отъѣздѣ, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагали большія надежды. * Между начальниками были разсужденія, что ни къ чему доброму не поведетъ извѣстная вражда командующихъ арміями.

Генералъ Беннигсенъ, лишенъ будучи выгодъ одержанной побѣды, нашелся въ необходимости оставить мѣсто, ибо графъ Буксгевденъ, отступая, открывалъ непріятелю дорогу въ тылъ его расположенія, и потому взявъ направленіе на мѣстечко Рожаны, въ городѣ Остроленкѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарева.

Генералъ графъ Буксгевденъ туда же отступилъ чрезъ мѣстечко Маковъ. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ въ командѣ генералъ-майора Маркова для прикрытія арміи, переходившей за рѣку. До самой ночи съ чрезвычайною ме-

---

* Графъ Каменскій, по расказу Д. В. Давыдова, такъ объяснялъ свой отъѣздъ Ермолову, посѣтившему его въ деревнѣ съ отцомъ своимъ въ 1809 году: „Всѣмъ извѣстно, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ; мнѣ, къ концу моего долгаго поприща, показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіи 56 лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію.“

дленностію продолжалось движеніе. Въ безпорядкѣ тѣснились обозы на длинномъ мосту, а уже непріятель, вышедши изъ лѣсовъ въ большихъ силахъ, занялъ позицію недалеко отъ мѣстечка. Нельзя было въ короткое время разрушить мостъ, и потому опасно было, чтобы непріятель, пользуясь темнотою ночи, не овладѣлъ имъ. Съ позволенія начальника, послалъ я команду, и приказалъ ей зажечь два квартала, прилежащіе къ мосту, дабы освѣтить приближеніе непріятеля, еслибы покусился онъ идти на оный. Два раза подходили его войска, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осматривали броды, но большая часть сорока орудій, которыми я командовалъ, употреблены были на защиту оныхъ, и трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ, въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали, и находили мѣру жестокою. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20-ти верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вняли однакоже моимъ оправданіямъ!

. . . .

Обѣ арміи составлены въ одну подъ начальствомъ генерала барона Беннигсена, а графъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію....

Главнокомандующій получилъ приказаніе (1807) выступить въ Пруссію, и армія, въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря, пошла по направленію на Кольно, Бялу, Іоаннисбургъ и далѣе. Составлены три передовые отряда, изъ коихъ сильнѣйшій данъ въ команду генералъ-маіора Маркова, другіе два поручены генералъ-маіорамъ: Барклаю-де-Толли и Багговуту. Авангарду генерала Маркова, въ которомъ опредѣленъ я начальникомъ артиллеріи, назначено слѣдовать на Арисъ, Рейнъ, Растенбургъ, Рёссель до Гейльсберга. Армія въ близкомъ разстояніи двинулась по тому же направленію.

Слышно было, что непріятель лѣвымъ крыломъ своимъ потянулся также въ Пруссію. Въ скоромъ времени около Николайкена и Зесбурга появились конныя его партіи для наблюденія за движеніями нашими. Отъ насъ отряжены таковыя же, и онѣ, при помощи жителей, въ землѣ мало открытой, изрѣзанной множествомъ озеръ, приносили большую пользу. Въ Николайкенѣ схватили онѣ нѣсколько человѣкъ.

Января 12 числа, авангардъ, прибывши въ селеніе Эльдиттенъ, узналъ отъ жителей, что въ городѣ Либштадтѣ рас-

положенъ отрядъ французскихъ войскъ, отъ котораго, не болѣе получаса назадъ, приходилъ въ селеніе заѣздъ для узнанія, нѣтъ ли о Русскихъ какихъ-либо слуховъ. Мы въ сей день сдѣлали довольно большой переходъ, и потому генералъ Марковъ, дабы употребить людей менѣе усталыхъ, приказалъ вызвать охотниковъ. Большое число объявили себя таковыми, но когда предложено было 5 егерскому полку, и люди узнали, что идетъ самъ шефъ полковникъ Гогель, общій отзывъ былъ, что не останется ни одинъ человѣкъ, ибо равно всѣ идти желаютъ, и, не сдѣлавъ даже привала, полкъ выступилъ немедленно. Я упросилъ послать два орудія, и съ ними пошелъ самъ, чтобы свидѣтелемъ быть происшествія. Въ двухъ верстахъ отъ Либштадта, возвышенности, которыя должны мы были проходить, открыли насъ непріятелю, и тотчасъ по городской стѣнѣ и въ воротахъ начала пѣхота пріуготовляться къ оборонѣ, но примѣтно было, что она не въ большомъ количествѣ. Егеря наши, занявъ прилежащее къ городу кладбище, вошли въ перестрѣлку, а между тѣмъ приспѣла и линейная пѣхота, расположилась противъ воротъ, отъ которыхъ продолжалась главная улица. Полковникъ Юрковскій съ двумя эскадронами Елисаветградскаго гусарскаго полка ворвался въ городъ съ боковой стороны онаго, и въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Непріятель приведенъ въ замѣшательство, и столпясь въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, потерпѣлъ большой уронъ, а тѣ, кои бѣжали изъ города, ожидаемы были казаками храбраго подполковника Сысоева, который стремительно ихъ преслѣдовалъ. Изъ пушекъ нашихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ плѣнъ досталось намъ 22 штабъ и оберъ-офицера и болѣе 300 человѣкъ. Гусарскій красный полкъ, неизвѣстно почему называемый просто парижскимъ, почти употребленъ (истребленъ?) при семъ случаѣ. Оставивши въ городѣ небольшой кавалерійскій постъ, генералъ Марковъ возвратилъ полки въ селеніе Эльдиттенъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ готова была пища и покойный ночлегъ. Мы въ сіи сутки въ походѣ и дѣйствіи были 16 часовъ.

По диспозиціи изъ главной квартиры, 13 января, авангарду назначенъ ночлегъ въ городкѣ Морунгенъ, и мы выступили съ разсвѣтомъ. Впереди, съ Елисаветградскимъ гусарскимъ и двумя донскими полками, полковникъ Юрковскій, прогоняя передъ собою непріятельскіе пикеты, только лишь взошелъ

на хребетъ небольшихъ возвышенностей, у подошвы коихъ оканчивается пространная равнина, въ которой лежитъ Морунгенъ. Увидѣлъ онъ устроеннаго въ боевой порядокъ непріятеля довольно сильнаго. Полковникъ Юрковскій имѣлъ неосторожность спуститься въ равнину, и непріятель встрѣтилъ его своею кавалеріей. Прибылъ, ускоривши движеніе, авангардъ и нашелъ, что, тѣснимый превосходною кавалеріей, отступаетъ онъ къ одной мызѣ, въ которой прямая улица могла быть обстрѣливаема непріятельскою артиллеріей. Немедленно привелъ я свою конную роту, и, превосходствомъ огня и преимуществомъ возвышеннаго мѣстоположенія отогнавъ батарею, доставилъ я нашей конницѣ удобное отступленіе. Ей приказано было расположиться позади войскъ.

. . . .

....Увидѣли мы на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, по дорогѣ отъ мѣстечка Голландъ (единственной, по которой должны мы отступить), выходящую изъ лѣса пѣхоту. Противъ праваго фланга нашего, устроясь въ боевой порядокъ, прикрытая кавалеріей, начала она подвигаться впередъ. Схваченные фланкеры показали, что прибывшія войска составляли корпусъ маршала Бернадота, имъ лично предводимый. За часъ до сего могли мы отойдти безопасно, пропустя время, едва можно было надѣяться спастись хотя бы и съ большимъ урономъ. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть непріятеля насчетъ силъ нашихъ и заставить его дѣйствовать съ осторожностію. При первомъ взглядѣ могъ онъ видѣть, что мы не въ состояніи были противиться силамъ его, по крайней мѣрѣ, втрое превосходнымъ... Непріятель подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей тѣснилъ остальную (за отбытіемъ нѣсколькихъ батальйоновъ съ генераломъ Марковымъ) часть авангарда, и мы отступали шагъ за шагомъ. Артиллерія наша не дѣлала другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Уже было очень темно, когда вошли мы въ лѣсъ, и тогда непріятель прекратилъ преслѣдованіе, вѣроятно, въ надеждѣ имѣть насъ на другой день въ своихъ рукахъ. По отбытіи генерала Маркова не оставалось другаго генерала, и потому полковники Турчаниновъ (Павелъ Петровичъ), Вуичъ и я явились въ команду старшаго полковника Юрковскаго. Первое стараніе наше было отыскать дорогу, и я не менѣе другихъ заботился о томъ, дабы не имѣть стыда потерять болѣе двадцати орудій артиллеріи, но, встрѣчая по лѣсу или

глубокіе снѣга или не замерзшія болота, мы не находили средства выйдти. Командиръ Коннаго полка, храбрый Сысоевъ, отыскалъ мѣсто, по которому артиллерія могла удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко отъ непріятельскаго бивуака при селеніи Георгенталь. Конечно, средство сіе спасти артиллерію было сомнительно, но какъ не было другаго, то рѣшились мы испытать его. Въ слѣдованіи мимо бивуака, Французы произвели по насъ ружейный огонь и мы имѣли нѣсколько раненыхъ людей, но далѣе мы шли въ совершенной безопасности. Вскорѣ возвратились мы въ Либштадтъ.

. . . .

Въ Либштадтѣ, въ домѣ амтмана нашли мы генералъ-майора Маркова, покойно спящаго послѣ хорошаго ужина *, и съ нимъ нѣсколькихъ спутниковъ, которые все съѣли, ничего намъ не оставляя, какъ будто мы не должны возвратиться. Въ утѣшеніе голодному осталось любоваться пригожимъ станомъ и прелестными глазами жены амтмана, но какъ я былъ герой, совершившій ретираду, то и не былъ я удостоенъ взгляда, который, какъ мнѣ сказали, могъ принадлежать побѣдителю и съ самимъ сердцемъ. Побѣжденные не налагаютъ контрибуціи. Генералъ Марковъ, какъ человѣкъ весьма ловкій, не показалъ удивленія, видя насъ возвратившихся, какъ будто мы только что исполнили его распоряженія. Мы заплатили ему столько же малымъ удивленіемъ, когда чрезъ часъ времени пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ князь Багратіонъ и принялъ отъ него начальство надъ авангардомъ.

. . . .

....Мы ночевали въ Морунгенѣ, изъ котораго незадолго вышли послѣднія войска непріятеля.

Выступивъ передъ разсвѣтомъ 15 числа, около селенія Зонненвальдъ догнали непріятеля, но онъ не держался, размѣнявшись со мною нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Дошли мы до города Дейчъ-Эйлау......

Авангардъ расположился на квартирахъ... Армія вся слѣдовала за авангардомъ по одной дорогѣ.

Командующій передовыми постами, полковникъ Юрковскій препроводилъ князю Багратіону перехваченнаго курьера отъ Наполеона къ маршалу Бернадоту, съ повелѣніемъ прекра-

* Бывшая съ нимъ часть авангарда въ тотъ день разбита.

роткое время четыре изъ егерскихъ полковъ до того сдѣлались пьяными, что не было средствъ соблюсти ни малѣйшаго порядка... и мы теряли ихъ убитыми и плѣнными *.

Приближаясь къ мѣстечку Прейсишъ-Эйлау, арріергардъ вышелъ на открытыя мѣста, и ему показана позиція, которая заслоняла собою мѣстечко, позади котораго на обширной равнинѣ, армія наша устраивалась въ боевой порядокъ. Въ подкрѣпленіе арріергарду присланы нѣсколько полковъ отъ 8-й дивизіи и полки конницы. Мы расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудіями занялъ я хребетъ довольно крутыхъ возвышенностей на лѣвомъ флангѣ. Къ подошвѣ оныхъ простиралась долина, по коей долженъ былъ проходить непріятель, стрѣлки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правомъ флангѣ была часть кавалеріи, бóльшая часть оной поставлена позади. Непріятель, устроивъ на противоположной сторонѣ батареи, открылъ сильную канонаду, на которую отвѣтствовано изрѣдка, по разности калибровъ, ибо не имѣлъ я ни одного батарейнаго орудія. Во многихъ пунктахъ спустились съ высоты непріятельскія колонны, но дѣйствіемъ болѣе сорока орудій остановлены, нѣкоторыя съ примѣтною потерей обращены картечью. Около двухъ часовъ имѣли мы выгоды на нашей сторонѣ, наконецъ двинулся непріятель большими силами; идущія впереди три колонны направлены: одна по большой дорогѣ, гдѣ у насъ мало было пѣхоты, другая—противъ Псковскаго и Софійскаго мушкатерскихъ полковъ, и третья—противъ моей батареи изъ 24 орудій. Шедшая по большой дорогѣ проходила съ удобностію и угрожала взять въ тылъ твердѣйшій пунктъ нашей позиціи. Прочія медленно приближались по причинѣ глубокаго снѣга, лежащаго на равнинѣ, и долго были подъ картечными выстрѣлами. Однакоже дошла одна, хотя весьма разстроенная, и легла отъ штыковъ Псковскаго и Софійскаго полковъ; другая положила тѣла свои недалеко отъ фронта моей батареи. Полковникъ Дехтеревъ, съ С.-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, пошелъ противъ колонны, слѣдовавшей по большой

---

* 25 декабря, когда Багратіонъ, за Гофомъ, прикрывалъ отступленіе арміи къ Прейсишъ-Эйлау, „Ермоловъ съ конноартиллерійскою ротою своею, находясь въ переднихъ рядахъ, отражалъ картечью атаковавшія его непріятельскія колонны“. (*Д. Дав.*)

дорогѣ, которая, дабы отнять выгоду скорости движенія по битой дорогѣ, стала сходить въ сторону, на глубокій снѣгъ. Торопливость была причиною разстройства; полкъ имъ воспользовался и, испытавъ слабый ружейный огонь, имѣлъ наградою за смѣлое предпріятіе одного орла и пятьсотъ плѣнныхъ. Столько же, по крайней мѣрѣ, убито, въ числѣ ихъ генералъ, начальствовавшій колонною. Мнѣ не случалось видѣть столько рѣшительной кавалерійской атаки; не менѣе удивленъ я былъ, видѣвши, какъ полкъ, не разстроившись, быстро спустился съ крутой, покрытой снѣгомъ, высоты, съ которой нѣсколько разъ до того съѣзжалъ я съ осторожностію. Не долго пользовались мы пріобрѣтенными успѣхами, ибо непріятель атаковалъ гораздо въ большихъ силахъ, умножились батареи, которыя покровительствовали движенію колоннъ, и мы, не въ состояніи будучи противиться, получили приказаніе отступить и присоединиться къ арміи. Непріятель тотчасъ же явился на нашей позиціи и по слѣдамъ шелъ за нами. Удачно исполнилъ я приказаніе,—съ конными орудіями прикрывалъ войска, пока войдутъ онѣ въ Прейсишъ-Эйлау. Лишь только вошелъ я въ ворота, непріятель подвелъ свои колонны и приступилъ къ атакѣ мѣстечка, котораго оборона возложена на генерала Барклая-де-Толли. Послѣ перемѣннаго счастія мѣстечко оставлено (за непріятелемъ), и къ чувствительному урону въ людяхъ, прибавлена потеря нѣсколькихъ пушекъ.

. . . .

Настало 27-е число января, и сраженіе Прейсишъ-Эйлауское было одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ послѣднія времена.... Главный недостатокъ (нашъ) состоялъ въ томъ, что весь лѣвый нашъ флангъ имѣлъ противъ себя высоты, гдѣ непріятель поставилъ свою артиллерію, за ними скрывалъ свои движенія, сосредоточивалъ свои силы, и трудно было отвращать нападеніе ихъ. Отчего, при самомъ началѣ, потеряли мы нѣкоторое разстояніе. По причинѣ близкихъ позади лѣсовъ нельзя было отодвинуться далѣе. Мѣстечко Прейсишъ-Эйлау, занимая большое пространство, способствовало непріятелю открытымъ образомъ приближаться къ самому нашему центру, въ защиту котораго, по необходимости, надлежало употребить большое количество батарейной артиллеріи и держать постоянно на одномъ мѣстѣ. Правый флангъ былъ совершенно въ пользу нашу, ибо впереди простиралась обшир-

ная равнина, болотистая, для дѣйствія неудобная, на которой показывались одни стрѣлки. Непонятно, какъ генералъ-квартирмейстеръ не зналъ о семъ болотѣ, и слѣдствіемъ того было, что не менѣе 12 тысячъ войскъ стояли безполезно, ограничиваясь пустою перестрѣлкой противъ отдаленныхъ батарей, тогда какъ войска сіи во многихъ мѣстахъ были необходимѣе. И я, между прочимъ, стоялъ съ двумя конно-артиллерійскими ротами до полудня, стрѣляя изрѣдка и безъ нужды.

Непріятель сдѣлалъ нѣсколько безполезныхъ атакъ на центръ нашъ, уступая дѣйствію 60-ти поставленныхъ вмѣстѣ орудій. Нападеніе на лѣвый флангъ было успѣшнѣе. Не остановили его ни благоразумныя распоряженія генерала барона Сакена, ни сопротивленіе неустрашимаго генералъ-майора графа Остермана-Толстаго. Лѣвый флангъ отошелъ назадъ и составилъ почти прямой уголъ съ линіею арміи. Около одиннадцати часовъ густой снѣгъ, затмилъ свѣтъ, и дѣйствія прекратились на четверть часа. Въ сіе время, обманутые темнотою, два эскадрона французскихъ гвардейскихъ кирасиръ заѣхали между нашихъ линій пѣхоты и конницы, и едва нѣкоторые изъ нихъ спаслись. Разсѣявшійся мракъ открылъ предъ 7-ю дивизіей колонну французской пѣхоты во ста не болѣе шагахъ. Внезапно представшіе ей полки наши остановились въ совершенномъ отъ удивленія бездѣйствіи. Съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ, изъявленнымъ громкимъ хохотомъ, Владимірскій мушкетерскій полкъ бросается въ штыки—и не остается могущій оплакать гибель товарищей.

Во многихъ мѣстахъ дрались войска наши съ перемѣннымъ счастіемъ, и нигдѣ, кромѣ лѣваго фланга, на шагъ не уступили мы мѣста. Между центромъ и лѣвымъ флангомъ, семь полковъ кавалеріи нашей стремительнымъ ударомъ опрокинули все, чтò было противъ нихъ; пѣхота непріятельская, бросая ружья, спасалась въ лѣсъ; уже были они на батареѣ, но отъ безпорядка въ минуту потеряны успѣхи, и не безъ стыда надобно было бѣжать отъ такой части непріятельской кавалеріи, которую могъ остановить Александрійскій гусарскій полкъ.

Вскорѣ послѣ начала сраженія на правомъ нашемъ флангѣ слышна была въ отдаленіи канонада. Извѣстно было, что маршалъ Ней преслѣдуетъ корпусъ прусскихъ войскъ въ командѣ генерала Лестока, которому главнокомандующій приказалъ, сколько можно ранѣе, присоединиться

къ арміи, но чего онъ не выполнилъ. Когда непріятель около двухъ часовъ послѣ полудня возобновилъ усилія, главнокомандующій послалъ подтвержденіе, чтобъ онъ шелъ сколько можно поспѣшнѣе; но между тѣмъ надобно было чѣмъ-нибудь умедлить успѣхи непріятеля на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Посланная туда 8-я дивизія отозвана къ центру, гдѣ необходимо было умноженіе силъ; резервы наши давно уже были въ дѣйствіи. Итакъ, мнѣ приказано идти туда съ двумя конными ротами. Дежурный генералъ-лейтенантъ графъ Толстой махнулъ рукою влѣво, и я долженъ былъ принять сіе за направленіе. Я не зналъ, съ какимъ намѣреніемъ туда я отправляюсь, кого тамъ найду, къ кому поступаю подъ начальство. Присоединивъ еще одну роту конной артиллеріи, прибылъ я на обширное поле на конечности лѣваго фланга, гдѣ слабые остатки войскъ едва держались противъ превосходнаго непріятеля, который подвинулся вправо, занялъ высоты батареями и одну мызу, почти уже въ тылу войскъ нашихъ. Я зашелъ за сію послѣднюю и выгналъ пѣхоту, которая вредила мнѣ своими выстрѣлами. Противъ батареи началъ я канонаду и сохранилъ мѣсто свое около двухъ часовъ. Тогда началъ приближаться корпусъ генерала Лестока; въ головѣ колонны шли два наши полка, Калужскій и Выборгскій, направляясь на конечность непріятельскаго фланга; противъ меня стали рѣже выстрѣлы и я увидѣлъ бо́льшую часть орудій, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигалъ на людяхъ мою батарею всякій разъ, какъ она покрывалась дымомъ, отослалъ назадъ передки орудій и всѣхъ лошадей, начиная съ моей собственной, объявилъ людямъ, что объ отступленіи помышлять не должно. Я подошелъ почти подъ выстрѣлы, и все вниманіе обращалъ на дорогу, лежащую у подошвы возвышенія, по которой непріятель усиливался провести свою пѣхоту, ибо по причинѣ глубокаго снѣга нельзя было пройдти стороною. Картечными выстрѣлами изъ тридцати орудій всякій разъ обращалъ его съ большимъ урономъ. Словомъ, до конца сраженія не прошелъ онъ мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генералъ Лестокъ, встрѣтивъ умѣренныя силы, опрокинулъ ихъ, обошелъ высоту и батареи, которыя непріятель оставилъ во власти его, предался совершенному бѣгству и мрачная ночь покрыла мѣсто сраженія. Главнокомандующій, желая видѣть ближе

дѣйствіе генерала Лестока, былъ на лѣвомъ флангѣ, и удивленъ былъ, нашедши отъ моихъ ротъ всѣхъ лошадей, всѣ передки и ни одного орудія. Узнавши о причинѣ, былъ чрезвычайно доволенъ.

Вотъ какъ разказываетъ объ этомъ сраженіи и участіи въ немъ Ермолова Д. В. Давыдовъ:

„Конныя роты полковника Ермолова и Богданова находились на правомъ флангѣ арміи, предъ которымъ простиралось обширное, ровное поле, на коемъ, повидимому, могла съ успѣхомъ дѣйствовать многочисленная кавалерія; но непріятель, знавшій, что оно было весьма болотисто, избѣгалъ его. Наступленіе корпуса Даву, сильно встревожившее всѣхъ, заставило (дежурнаго генерала) графа П. А. Толстаго приказать двумъ этимъ коннымъ ротамъ, подъ командою Ермолова, спѣшить на лѣвый флангъ. Прибывъ туда, Ермоловъ, снявшись съ передковъ и оставивъ при себѣ самое необходимое количество зарядовъ, отправилъ всѣхъ лошадей, равно какъ и передки, назадъ. Графъ Кутайсовъ, прибывъ позднѣе сюда, съ 1-ю конною ротой, сдѣлалъ то же самое. Беннигсенъ, возвращаясь изъ корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки безъ орудій, вообразилъ въ первую минуту, что они сдѣлались добычею непріятеля. Противъ нашихъ орудій находилось возвышеніе, вооруженное непріятельскими орудіями, весьма большаго калибра, вѣроятно, захваченными въ прусскихъ крѣпостяхъ. Послѣ каждаго выстрѣла, наши артиллеристы, по приказанію Ермолова, пользуясь дымомъ, скрывавшимъ ихъ на время отъ непріятеля, подвигали впередъ на рукахъ, по глубокому снѣгу, свои орудія, по направленію къ возвышенію. Деревня Auклапенъ, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена непріятелемъ. Когда корпусъ Лестока сталъ приближаться, всѣ непріятельскіе выстрѣлы обратились противъ него; французскія войска, покушавшіяся двинуться между возвышеніями и нашими ротами, противъ Лестока, выстрѣлами изъ нашихъ 36 конныхъ орудій потерпѣли жестокій уронъ. Могилевскій и Выборгскій полки, входившіе въ составъ корпуса Лестока, перебѣжали рысью по снѣгу большое пространство, чтобы стать во главѣ этого корпуса.

„Хотя графъ П. П. Паленъ и говорилъ, что Ермоловъ вполнѣ заслужилъ Св. Георгія 3 класса, и Беннигсенъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ, но этотъ орденъ былъ лишь пожалованъ мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Рѣзваго, а Ермоловъ получилъ Владиміра 3 класса. Такъ какъ генералъ Рѣзвый приказалъ составить списки объ отличившихся, то графъ Кутайсовъ потребовалъ ихъ отъ Ермолова. Представляя ихъ, Ермоловъ сказалъ: „Благодарю, ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы.“

„Я не безъ намѣренія, говоритъ Давыдовъ, подробно описалъ этотъ подвигъ нашей конной артиллеріи, прибывшей на помощь нашего лѣваго фланга. Мое повѣствованіе, основанное на словахъ и свидѣтельствѣ многихъ артиллеристовъ, князя Багратіона, графа Толстаго, Богданова, наконецъ, самого Беннигсена, явно противорѣчитъ вымышленнымъ разказамъ слишкомъ усердныхъ почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большія надежды, и о слишкомъ рановременной кончинѣ котораго справедливо сожалѣла вся наша армія, ни Ермолову не принадлежитъ мысль подкрѣпить 36-ю конными орудіями нашъ лѣвый флангъ, который не выдерживалъ уже натисковъ Даву; будучи отправленъ княземъ Багратіономъ къ ротамъ Ермолова и Богданова вскорѣ послѣ присылки ихъ къ нашему лѣвому флангу, я не нашелъ здѣсь графа Кутайсова, о скоромъ прибытіи котораго съ одною ротой никто еще здѣсь ничего не зналъ. Прибывъ сюда позднѣе и приказавъ приведенной имъ ротѣ поступить также, какъ уже сдѣлали роты Ермолова и Богданова, графъ Кутайсовъ не дозволилъ бы себѣ, безъ сомнѣнія, того, что̀ дозволяютъ себѣ его почитатели, а именно: приписать себѣ главную честь быстраго появленія конной артиллеріи къ угрожаемому пункту. Мнѣ положительно извѣстно, что князь Багратіонъ, которому никто безъ сомнѣнія, не дерзнетъ отказать въ безпристрастіи при оцѣнкѣ заслугъ своихъ подчиненныхъ, почелъ личнымъ для себя оскорбленіемъ то обстоятельство, что Ермоловъ, имѣвшій, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ, равныя права съ графомъ Кутайсовымъ на знаки Св. Георгія 3 класса, не получилъ ихъ; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу.“

Ниже увидимъ мнѣніе объ этихъ наградахъ самого Ермолова.

Недавно еще имѣлъ я честь слышать отъ гр. Д. Н. Б., что многіе изъ современныхъ свидѣтелей придавали большое значеніе дѣйствію артиллеріи подъ начальствомъ Ермолова въ Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи.

Но возвратимся къ запискамъ самого Ермолова.

Менѣе двухъ недѣль пробывши около Кенигсберга, армія выступила впередъ. Авангардъ въ командѣ генералъ-майора Маркова въ два перехода прибылъ къ Прейсишъ-Эйлау....

Съ любопытствомъ осматривалъ я поле сраженія *. Я ужаснулся, увидѣвши число тѣлъ на мѣстахъ, гдѣ стояли наши линіи, но я болѣе нашелъ ихъ тамъ, гдѣ были войска (непріятеля?) и особенно гдѣ стѣснялись его колонны, готовясь къ нападенію, не взирая, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней приказано было жителямъ мѣстечка (какъ то они сами сказывали) тѣла Французовъ отвозить въ ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать въ землю замерзлую. Какъ артиллерійскій офицеръ, примѣчалъ я дѣйствіе нашихъ батарей, и былъ доволенъ! Въ мѣстечкѣ не было цѣлаго дома, сожженъ кварталъ, куда, по словамъ жителей, сносились раненые, при чемъ много ихъ изрублено.

. . . .

Прибывши въ Ландсбергъ, нашли мы госпиталь офицерскій, и, къ удивленію ихъ, они видѣли въ насъ гораздо большее о нихъ попеченіе. Многіе по нѣскольку дней были не перевязаны. Хозяинъ моей квартиры, знающій французскій языкъ, сказывалъ, что онъ слышалъ французскихъ офицеровъ разсуждающихъ, въ какомъ состояніи была армія ихъ, когда послѣ сраженія, въ ту же ночь, прошла она Ландсбергъ. Они говорили, что еслибы не корпусъ маршала Бернадота, не бывшій въ дѣлѣ, который оставленъ былъ въ арріергардѣ, некому было прикрыть отступленіе, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ и число мародеровъ неимовѣрное. Во многихъ корпусахъ не доставало снарядовъ.

. . . .

Главная квартира наша расположилась въ Бартенштейнѣ.

Непріятель былъ за рѣкою Пасаргою, главная квартира Наполеона въ мѣстечкѣ Остероде.

. . . .

---

* Онъ объѣзжалъ поле съ Д. В. Давыдовымъ.

Авангардъ, пришедши въ селеніе Лаунау, поступилъ въ команду генерала барона Сакена, куда вскорѣ собрались и всѣ отдѣльные отряды отъ авангарда.

19-го числа мы были въ Лаунау съ большими довольно силами. Противъ насъ находился корпусъ маршала Нея, коего квартира въ Гутштадтѣ. Непріятель отъ стороны Петерсвальде занялъ стрѣлками лѣсъ, лежащій предъ самымъ нашимъ лагеремъ, изъ Цехерна безпокоилъ насъ своими батареями хорошо расположенными и окопанными. Генералъ баронъ Сакенъ равномѣрно и съ своей стороны употребилъ стрѣлковъ, но Французы, съ бо́льшимъ навыкомъ въ семъ родѣ дѣйствія, въ продолженіи двухъ (часовъ?) причиняли намъ весьма чувствительный уронъ. Почему генералъ Сакенъ предпринялъ сдѣлать во время ночи нападеніе на Цехернъ, въ томъ предположеніи, что непріятель, выгнанъ будучи изъ онаго, оставитъ Петерсвальде, и мы будемъ имѣть пребываніе выгодное и покойное. Пѣхота назначена къ атакѣ, но довольно близко подойдя къ батареѣ, закричала ура! пробудила непріятеля, и онъ пріуготовился къ оборонѣ. Открылся картечный и ружейный огонь, люди въ головѣ колонны оробѣли и легли, задніе продолжали идти и до такой степени смѣшались, что долго невозможно было вывести изъ выстрѣла. При семъ случаѣ потеряно нѣсколько офицеровъ и не мало нижнихъ чиновъ. Здѣсь въ первый разъ случилось мнѣ видѣть, что въ ночное время отступающую пѣхоту прикрывала кавалерія. Не знаю, почему разсѣявшихся людей не собрали барабаномъ, но подбиралъ ихъ генералъ графъ Паленъ съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ....

....Генералу барону Сакену дано другое назначеніе.

Генералъ-майоръ Марковъ приказалъ противъ Цехерна построить батарею, которую я дѣлалъ весьма прилежно, ибо до того на семъ мѣстѣ много потерпѣла моя рота. Осмотрѣвши часть лѣса, которую удерживалъ за собою непріятель, въ продолженіе ночи, въ опушкѣ ближайшаго лѣса расположилъ я шесть орудій моей роты, и заслонивъ ихъ нарубленнымъ ельникомъ, ожидалъ разсвѣта, когда непріятель обыкновенно приводилъ свою пѣхоту изъ лагеря отъ Петерсвальде. Съ самаго начала дня вышла сильная колонна изъ лагеря и безпечно подвигалась къ той части лѣса, гдѣ всегда на ночь оставалась небольшая часть войскъ. Въ движеніи своемъ дала она флангъ моей батареѣ, и картечь изъ шести орудій на

весьма длинномъ разстояніи произвела такое пораженіе въ колоннѣ, что, оставивъ на мѣстѣ тѣла, обратилась она въ поспѣшнѣйшее бѣгство къ лагерю, провожаемая выстрѣлами. Мы заняли остальную часть лѣса, и непріятель не покушался возвратить оный. Мы уже не держали въ немъ, какъ до того было, шести полковъ пѣхоты. Батареи противъ Цехерна часто отвѣчали французскимъ и часто безъ пользы....

Вскорѣ непріятель оставилъ Цехернъ и Петерсвальде *.

....Рота конная имени моего, много потерпѣвшая въ дѣлахъ авангарда, отправлена назадъ для починки и укомплектованія людьми, на мѣсто ея прислана другая. Вскорѣ происками старшихъ по артиллеріи полковниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни столько большой, на столько видной команды, мнѣ дано приказаніе отправиться къ моей ротѣ. Главнокомандующему доложено, что смѣна назначена для того чтобы дать мнѣ отдохновеніе. Такъ объяснилъ онъ самъ генералу князю Багратіону, который, возвратясь въ сіе время изъ С.-Петербурга, просилъ, чтобы меня не перемѣняли, и я остался у начальника, который обладалъ полною всѣхъ насъ довѣренностію.

. . . .

....Около трехъ мѣсяцевъ продолжалось съ обѣихъ сторонъ совершенное бездѣйствіе.

Генералъ передовыхъ французскихъ войскъ предлагалъ князю Багратіону оставить селеніе Петерсвальде нейтральнымъ.... Расположенные противъ насъ Французы имѣли въ продовольствіи величайшій недостатокъ.... 24-й драгунскій полкъ, изнуренный голодомъ, большею частію перебѣжалъ къ намъ.

---

* „Близъ Цехерна на Пассаргѣ, Ермоловъ сталъ стрѣлять изъ единороговъ 12-фунтовыми ядрами. Мы перехватали курьера съ донесеніемъ маршала Нея, который вслѣдствіе этого писалъ Наполеону: „Les Russes veulent probablement tenir ici, car ils ont amené des pièces de position.“

„Однако корпусъ Нея, бывъ преслѣдуемъ однимъ авангардомъ, перешелъ рѣку безъ большаго урона. Князь Багратіонъ, подвинувъ егерей Раевскаго къ берегу рѣки противъ Деппена, поставилъ на отлогости горы артиллерію Ермолова, позади которой въ лѣсу была расположена вся пѣхота авангарда. Наскучивъ безполезною перестрѣлкой чрезъ рѣку, князь посылалъ меня два раза къ стрѣлкамъ съ приказаніемъ прекратить стрѣльбу, но задоръ ихъ былъ таковъ, что они не слушали ничьего повелѣнія. Я лишь въ третій разъ могъ убѣдить сихъ непреклонныхъ героевъ отступить“. *(Д. Дав.)*

Не менѣе терпѣли войска авангарда.... солдаты употребляли въ пищу воловьи кожи, которыя служили покрышкою шалашей....

Князь Багратіонъ послалъ меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгія приказанія, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Не понравилось дежурному по арміи, генералъ-майору Фоку, мое донесеніе, и я пріобрѣлъ его вражду, которой подвергался я и потому, что не удивлялся весьма посредственнымъ его способностямъ, тогда какъ уже многіе находили выгоды превозносить ихъ.

Государь императоръ прибылъ къ арміи и пришла гвардія подъ начальствомъ цесаревича....

Къ намъ прежде пріѣхалъ великій князь, который со времени кампаніи Суворова въ Италіи, имѣлъ къ князю Багратіону дружественное расположеніе. Увидѣвши недостатки, онъ взялся заботиться объ улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ съ провіантомъ, по настоянію его, отправленный въ авангардъ, взятъ на дорогѣ другими войсками, но всѣмъ прочимъ давалъ онъ свои конвои, они доходили исправно, и чрезъ нѣкоторое время отъ недостатка перешли мы къ изобилію. Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его привѣтствія, по засвидѣтельствованію князя Багратіона о моей службѣ. До того не былъ я ему извѣстенъ, никогда не служивши въ столицѣ.

Вездѣ приказано (готовиться) ко встрѣчѣ государя вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ.

....Подъѣзжая къ каждой части войскъ, государь называлъ начальниковъ по фамиліи королю прусскому и, между прочимъ, сказалъ обо мнѣ, что „и въ прежнюю кампанію доволенъ его службою“. Всѣ восхищены были вниманіемъ и благосклонностію государя, и я, не желая льстить, скажу, что онъ умѣлъ ободрить всѣхъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо не былъ избалованъ въ службѣ привѣтствіями. Король прусскій далъ орденъ за достоинство (pour le mérite) тремъ штабъ-офицерамъ, въ числѣ коихъ и я находился. Ордена сіи были изъ первыхъ и еще не были чрезвычайно размножены.

Вышли награды за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. Вмѣсто 3-го класса Георгія, къ которому удостоенъ я былъ главнокомандующимъ, я получилъ Владимира. Въ дѣйствіи сдѣланъ участникомъ мнѣ артиллеріи генералъ-майоръ графъ Кутай-

совъ. Его одно любопытство привело на мою батарею, и какъ не былъ въ его командѣ, то онъ и не мѣшался въ мои распоряженія. Однакоже, не имѣвши даже 4-го класса, ему данъ орденъ Георгія 3-го класса *. Въ реляціи хотѣли написать (его) моимъ начальникомъ, но генералъ-квартирмейстеръ, баронъ Штейнгель, знавши обстоятельства, тому воспрепятствовалъ. Князь Багратіонъ объяснилъ главнокомандующему сдѣланную несправедливость, и онъ, признавая самъ, что я обиженъ, ничего однакоже не сдѣлалъ. Вотъ продолженіе тѣхъ пріятностей по службѣ, которыми довольно часто я надѣляемъ!

....Предположено 1-го мая атаковать корпусъ маршала Нея (въ Гутштадтѣ).

Государь прибылъ къ войскамъ авангарда, осмотрѣлъ ихъ, объѣхалъ въ сопровожденіи главнокомандующаго передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы непріятель не могъ подозрѣвать о движеніи авангарда. Неизвѣстно мнѣ, почему вдругъ дано приказаніе отмѣнить атаку.... Авангардъ вступилъ въ свою позицію при Лаунау.

. . . .

Непріятно было извѣстіе о сдачѣ Данцига, и не было сомнѣнія, что Наполеонъ присоединитъ большую часть осаждавшихъ войскъ.

Я не могъ узнать, что̀ могло понудить, упустивъ 1-е мая, время удобное къ нападенію, не прежде произвести оное, какъ 24-го числа, когда армія непріятельская весьма усилилась. Не могло побуждать къ тому ожиданіе сикурсовъ, ибо ни малѣйшихъ не прибывало войскъ, нижѐ продовольствіе не сдѣлалось лучшимъ прежняго, и мы не могли выйдти на продолжительное предпріятіе.

Движеніе 24-го мая столько хорошо было соображено, что корпусъ маршала Нея весь долженъ былъ достаться въ наши руки.... Авангардъ шелъ на Альткирхенъ (за Гутштадтомъ) и отрѣзывалъ Французовъ въ лѣсу, простирающемся отъ Петерсвальде къ Гутштадту, въ то время, какъ оставленные два полка егерей на нихъ ударятъ. Дѣйствія его не должны быть рѣшительны, дабы войскамъ, назначеннымъ обойдти непріятеля, дать время совершить движеніе. Съ правой стороны генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ

* См. выше разказъ Давыдова нѣсколько иначе.

долженъ обойдти непріятеля и не допустить къ рѣкѣ Пассаргѣ....

. . . .

...Не слышно было ни одного выстрѣла (въ сторонѣ, гдѣ шелъ баронъ Остенъ-Сакенъ)... Между тѣмъ у Альткирхена собрались довольно значительныя силы, и авангардъ получилъ повелѣніе атаковать ихъ. Дѣло началось весьма горячее. Непріятель, долго защищавшись, отступилъ.

.....Авангардъ, преслѣдуя непріятеля до вечера, остановился на ночлегъ предъ селеніемъ Квецъ.

Причиною, что диспозиція не выполнена, былъ генералъ баронъ Сакенъ. Онъ (не) пришелъ въ назначенное время, отговариваясь далекимъ обходомъ и будто ожидалъ повелѣній. Но общій былъ слухъ, что, имѣя неудовольствіе на главнокомандующаго, онъ нарочно сдѣлалъ, чтобы лишить его успѣха въ предпріятіи. Многіе чрезвычайно негодовали, что упущенъ благопріятнѣйшій случай уничтожить цѣлый непріятельскій корпусъ.

. . . .

25 мая противъ непріятеля, устроеннаго въ крѣпкой позиціи, собрались наши войска въ большихъ силахъ... Картечными выстрѣлами выгналъ я непріятеля изъ селенія Квецъ.

...Защищаясь весьма упорно, непріятель не могъ удержаться долго, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ..... *

Казакамъ достались обозы и между ними экипажъ маршала Нея, его серебряный сервизъ и другія вещи. Найдены серги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребленіе дѣлалъ изъ нихъ господинъ маршалъ, еслибы не истолковали вырѣзанные на серебрѣ гербы разныхъ польскихъ фамилій— безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона!....

Авангардъ пришелъ на ночлегъ къ селенію Депенъ на рѣкѣ Пассаргѣ........

. . . .

* Къ этимъ дѣйствіямъ относится еще одно обстоятельство, разказанное у Д. В. Давыдова и вовсе не упомянутое въ запискахъ Ермолова: „По занятіи Анкендорфа, (отъ котораго былъ оттѣсненъ Ней), полковникъ Ермоловъ выскакалъ съ конною артиллеріей своей влѣво отъ селенія, откуда онъ успѣшно поражалъ непріятельскія колонны, отступавшія чистымъ полемъ къ позиціи при Гейлигенталѣ. Разстройство непріятеля было весьма замѣтно, но за неимѣніемъ на этомъ пунктѣ кавалеріи, мы не могли этимъ воспользоваться: командующій ею графъ Паленъ не былъ

27 мая, съ самаго разсвѣта, стекались отовсюду войска непріятеля..... Одна колонна, опрокинувъ 7-й егерскій полкъ подъ командою.... подполковника Лаптева, такъ проворно пришла къ батареѣ, гдѣ я случайно находился, что я почиталъ ее за свои войска, и только по бѣлымъ перьямъ можно было узнать. Встрѣченная картечью двѣнадцати орудій, она обратилась въ замѣшательствѣ......

.....На нѣсколько часовъ остались мы въ покоѣ. Князь Багратіонъ приказалъ всему авангарду быть въ готовности....

По требованію моему прислано мнѣ нѣсколько батарейныхъ орудій, ибо часто съ трудомъ выдерживалъ я дѣйствіе сильнѣйшихъ калибровъ непріятельской артиллеріи. Подъ Кенигсбергомъ испыталъ я, что̀ могутъ значить трехфунтовые единороги противъ порядочной артиллеріи, и я увѣренъ, что непріятель удивился, что не съ первыхъ выстрѣловъ обратилъ насъ въ бѣгство.

. . . .

....(28 мая) когда въ большомъ количествѣ пришла пѣхота (непріятельская), мы только-что могли удержаться на высотахъ у самаго Гутштадта. Въ сей день съ моею ротой я былъ въ ужаснѣйшемъ огнѣ, и одну непріятельскую батарею сбилъ, не употребляя другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Прикрывавшій роту С.-Петербургскій драгунскій полкъ стоялъ подъ выстрѣлами съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ. Мы послѣдніе отступили за арріергардомъ, и мостъ чрезъ рѣку Алле сожгли за собою. Непріятель занялъ городъ, пѣхота его наполнила дома, лежащіе по берегу. Я вытерпѣлъ ружейный огонь, и не прежде отошелъ отъ города, какъ за-

---

въ этомъ случаѣ виноватъ; его взоръ проникалъ вездѣ и всюду, и онъ уже при первомъ движеніи впередъ отрядилъ Польскій уланскій полкъ для прикрытія артиллеріи Ермолова. Но шефъ этого полка, генералъ Каховскій, пріобрѣтшій въ штабѣ много друзей чрезъ свое богатство, не только не подвигался, но скорѣе пресмыкался по направленію къ Анкендорфу. При всемъ томъ онъ показался еще вовремя. Увидя голову его колонны, нѣкоторые изъ насъ, находившіеся на батареѣ Ермолова, подскакавъ къ Каховскому, просили его ударить поспѣшнѣе на разсыпавшуюся и бѣгущую пѣхоту французскаго арріергарда; но онъ отвѣтивъ намъ, что его лошади устали (тогда какъ полкъ его подвинулся не далѣе двухсотъ саженъ отъ мѣста ночлега), остановился. Убѣдившись въ невозможности отрѣзать Нея отъ Деппена, армія наша заняла позицію предъ Гейлигенталемъ....“

горѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ, приверженнымъ къ Французамъ, за то, что въ февралѣ, когда 5-й егерскій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявили радость рукоплесканіемъ и дѣлали насмѣшки.

Отступивши къ Гейльсбергу по слѣдамъ арміи, авангардъ расположился, не переходя рѣки.

29 мая авангардъ посланъ къ селенію Лаунау, дабы остановить непріятеля, если возьметъ онъ сіе направленіе.... Между тѣмъ армія..., по обыкновенію, погрѣшила медленностію, ибо авангардъ, по крайней мѣрѣ, лишнихъ два часа долженъ былъ удерживать непріятельскія силы, платя за несоразмѣрность ихъ большою потерей людей....

Когда непріятель привелъ всѣ войска, когда противъ 40 орудій стало 150 пушекъ, и кавалерія протянулась далѣе конечности праваго нашего крыла, (при которомъ была моя конная рота), положеніе наше сдѣлалось весьма опаснымъ. Непріятельская кавалерія прорывала наши линіи, и съ тылу взяты были нѣкоторыя изъ моихъ орудій. Одна изъ атакъ столько была рѣшительна, что бóльшая часть нашей конницы опрокинута за селеніе Лангевизе. Но расположенные въ ономъ егерскіе полки генерала Раевскаго остановили успѣхи непріятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое мѣсто, и отбиты потерянныя орудія. Я спасся, благодаря быстротѣ моей лошади, ибо во время дѣйствія батареи, часть конницы пріѣхала съ тылу, и на меня бросилось нѣсколько человѣкъ французскихъ кирасиръ. Между тѣмъ пѣхота наша, вытерпливая ужаснѣйшій огонь и потерявъ много людей, начала отступать. Пріѣзжаетъ дежурный генералъ-маіоръ Фокъ, и съ негодованіемъ спрашиваетъ князя Багратіона, отчего отступаетъ онъ, не имѣвши приказанія, тогда какъ армія не успѣла еще расположиться въ укрѣпленіяхъ. Непріятно было князю Багратіону подобное замѣчаніе отъ генерала Фока, который только въ небольшихъ чинахъ извѣстенъ былъ смѣлымъ офицеромъ, и доселѣ нигдѣ употребленъ не былъ. Князь Багратіонъ повелъ его въ самый пылъ сраженія, чтобы показать причину, понуждающую къ отступленію, и въ глазахъ его приказалъ идти впередъ. Не прошло пяти минутъ, какъ Фокъ получилъ тяжелую рану, и мы преслѣдованы до самыхъ окоповъ. Войска авангарда потеряли конечно не менѣе половины наличнаго числа людей;

не было почти полка, который бы возвратился со своимъ начальникомъ, мало осталось штабъ-офицеровъ.

Великій князь былъ свидѣтелемъ сраженія, и ему поручено главнокомандующимъ пѣхоту и артиллерію авангарда перевесть за рѣку Алле на отдохновеніе, а кавалерію, менѣе утомленную или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи для дальнѣйшаго дѣйствія. Въ числѣ особенно отличившихся въ сей день замѣчены генералъ-майоры Багговутъ, подъ начальствомъ его командовавшій всѣми егерями Раевскій, и шефъ Кіевскаго драгунскаго полка Львовъ. Главнокомандующій благодарилъ меня за службу, и великій князь оказалъ мнѣ особенное благоволеніе. Ему понравился отвѣтъ, сдѣланный мною присланному отъ него адъютанту съ замѣчаніемъ, что французская колонна слишкомъ приближается къ батареѣ: „я буду стрѣлять, когда различу бѣлокурыхъ отъ черноволосыхъ“. Онъ видѣлъ опрокинутую колонну.

Предъ вечеромъ произведена жесточайшая атака..... наставшая ночь прекратила сраженіе, и войска наши торжествующія возвратились въ укрѣпленіе.

. . . .

(У *Фридланда*, 2-го іюня) непріятель состоялъ въ десяти тысячахъ сводныхъ гренадеръ маршала Удино.... Вскорѣ собралось большое количество нашихъ войскъ.... Надлежало напасть рѣшительно на французскій корпусъ... По несчастію, главнокомандующій былъ въ сей день очень боленъ....

Ермоловъ въ своихъ запискахъ почти вовсе не упоминаетъ о себѣ въ этомъ дѣлѣ.... Давыдовъ разказываетъ такъ: „Званіе главнокомандующаго вмѣсто Беннигсена, у котораго обнаружились сильные припадки падучей болѣзни, принялъ на себя.... Кн. Г..... Между тѣмъ французская кавалерія, испытавъ неудачу при нападеніи своемъ на нашъ правый флангъ, ограничилась выставленіемъ фланкеровъ. Вдругъ Французы, занявъ опушку впереди находящагося лѣса 10 пушками огромнаго калибра, открыли по насъ губительный огонь картечью; дѣйствіе этихъ 10 пушекъ было ужасно для нашихъ войскъ, которыя были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермоловъ поспѣшно противупоставилъ непріятелю около 40 легкихъ орудій, но они не могли заставить молчать

огромныя пушки Французовъ; къ счастію, вслѣдствіе нашихъ выстрѣловъ, обвалившіяся деревья въ опушкѣ лѣса образовали родъ натуральнаго бруствера, что̀ вынудило Французовъ отступить съ занимаемой ими позиціи. Около двухъ часовъ по полудни главныя силы непріятеля, предшествуемыя весьма сильною артиллеріей, занявъ Сортлакскій лѣсъ, устремились на нашъ лѣвый флангъ и сильно потѣснили его къ городу; тщетно князь Багратіонъ, Раевскій, Ермоловъ и храбрѣйшіе офицеры лѣваго нашего фланга старались привести въ устройство разсѣянные полки наши! Усиливавшіяся непріятельскія колонны и многочисленная артиллерія, коею командовалъ мужественный и рѣшительный генералъ Сенармонъ, подвигались впередъ; дѣйствіе ядеръ, гранатъ и въ особенности картечи, густо осыпавшихъ наши войска съ самаго близкаго разстоянія, было неимовѣрно смертоносно. Багратіонъ со шпагою въ рукахъ (что̀ я все время моего при немъ служенія лишь здѣсь видѣлъ) ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, коего остатки окружали его лошадь. Онъ напоминалъ имъ подвиги ихъ въ Италіи и Суворова, но все было напрасно! Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и значительно осадили назадъ; неустрашимые Измайловцы, пустивъ по Семеновцамъ бѣглый огонь, остановили ихъ. Вскорѣ Семеновцы и Павловцы, опомнившись послѣ первой минуты смущенія, мужественно встрѣтили непріятеля. Въ это грозное для насъ время, князь Багратіонъ, желая хотя сколько-нибудь пріостановить натискъ Французовъ, которые грозили намъ совершеннымъ истребленіемъ, приказалъ Ермолову привести изъ резервовъ какую-нибудь батарейную роту. Встрѣтивъ 4 орудія изъ бригады храбраго Осипова, коими завѣдывалъ поручикъ Комаровъ, приказавшій уже ихъ взять на передки и продолжать свое отступательное движеніе, Ермоловъ велѣлъ ему остаться на мѣстѣ; когда Комаровъ донесъ ему, что у него вовсе нѣтъ зарядовъ, Ермоловъ сказалъ ему: „я вамъ приказываю не оставлять вашего мѣста: чрезъ ваше отступленіе образуется интервалъ, коимъ непріятель можетъ воспользоваться; если ваше начальство останется тѣмъ недовольно, доложите, что вы это сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я между тѣмъ возьму съ собою одного фейерверкера вашего, съ которымъ доставлю вамъ 4 зарядные ящика.“ Но встрѣченныя Ермоловымъ на пути роты не только не снабдили его зарядными ящиками,—

онѣ, исполняя чье-то повелѣніе, поспѣшно напротивъ отступали съ поля сраженія.

„Между тѣмъ главныя массы Французовъ, стремившіяся къ городу, сильно тѣснили войска наши. Къ довершенію несчастія, мосты (четыре, черезъ рѣку, бывшую въ тылу) запылали прежде перехода арміи на правый берегъ.....“

Возвращаемся опять къ запискамъ самого Ермолова.

Итакъ, вмѣсто того чтобы разбить и уничтожить слабый непріятельскій корпусъ, которому за отдаленіемъ не могла армія дать скорой помощи, мы потеряли главное сраженіе.... Ни к.... Г....... въ себѣ не нашелъ, ни войска къ нему не могли имѣть довѣренности.

. . . .

Безъ препятствій дошли мы до Велау......

При отступленіи арріергарда посланные разъѣзды открыли отрядъ генерала графа Каменскаго, идущій отъ Кенигсберга, и за нимъ непріятель въ силахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ позади соединялись дороги, и графъ Каменскій, прошедши прежде, могъ привесть за собою непріятеля, который занялъ бы нашу дорогу. Князь Багратіонъ, благосклонно выслушивавшій мои разсужденія, позволилъ мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы всю нашу кавалерію послать на лѣвый флангъ преслѣдующаго насъ непріятеля, новостію сего движенія остановить, или по крайней мѣрѣ умедлить ходъ его, и съ пѣхотою пройдя поспѣшнѣйшимъ образомъ соединеніе дорогъ, ожидать графа Каменскаго. Князь Багратіонъ приказалъ привести сіе въ исполненіе, и мы едва могли предупредить графа Каменскаго, а потомъ кавалерія наша прибыла въ одно время съ послѣдними его войсками. Онъ отправился къ арміи, и арріергардъ остался одинъ.

При селеніи Тапланенъ, по удобству мѣстоположенія, дождались мы непріятеля, и довольно горячая сшибка съ передовыми его войсками была совершено въ пользу нашу. Въ двѣнадцати верстахъ не доходя Тильзита, нашли мы дожидающіеся полки кавалеріи и приказаніе главнокомандующаго удерживать непріятеля, дабы армія имѣла время перейдти за Нѣманъ. На немъ только одинъ мостъ, и потому каждый изъ насъ видѣлъ, сколько трудное порученіе возложено на князя Багратіона, и какой опасности подвержено отступленіе

арріергарда, имѣя одинъ мостъ и такое множество кавалеріи. Арріергардъ расположился въ боевой порядокъ. Мы готовились къ послѣднему сраженію на землѣ союзниковъ!

....Конечно, непріятель одного былъ съ нами мнѣнія, что неравными силами преодолѣть насъ было возможно, а потому остатокъ дня провелъ въ бездѣйствіи.... Мы нетерпѣливо ожидали приближенія ночи.

Арріергардъ пришелъ поутру въ Тильзитъ и тотчасъ вся конница, казаки и артиллерія отправлены за Нѣманъ... Мостъ приготовленъ къ скорѣйшему сожженію.... На ономъ явился съ кавалеріей маршалъ принцъ Мюратъ, и мостъ загорѣлся почти подъ самою его лошадью.

Непріятель занялъ городъ.... Мы не безъ страха ожидали происшествій! Армія наша была малочисленна и въ безпорядкѣ.... Она не въ большомъ разстояніи отъ берега расположилась лагеремъ; лѣсистое мѣстоположеніе было весьма кстати ея безсилію. Авангарду приказано стать на самомъ берегу. Князь Багратіонъ, по приказанію главнокомандующаго, послалъ адъютанта съ предложеніемъ перемирія. Онъ представленъ къ Мюрату, потомъ къ Бертье,—и ему объявлено, что Наполеонъ желаетъ мира, не перемирія!

На другой день съ объясненіемъ о томъ пріѣхалъ въ главную квартиру Бертье, и послано донесеніе государю, который находился въ мѣстечкѣ Шавляхъ *. Чрезъ два дня прибылъ государь къ арміи..... **

....Вскорѣ заключенъ миръ. Всѣ выгоды онаго были на сторонѣ Наполеона; имъ же всѣ изъявленія почтенія, то-есть всѣ онаго наружности, оказаны нашему государю....

Войска арріергарда возвращены въ дивизіи, къ коимъ они принадлежали; мы всѣ, служившіе подъ командою генерала князя Багратіона, проводили любимаго начальника съ изъяв-

---

* Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій. Кажется полковнику Адернау, и кто же осмѣлился бы оспаривать ее у Нѣмца? ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найдти Русскаго въ генералъ-квартирмейстеры.

** Во время переговоровъ о мирѣ въ Тильзитѣ, Ермоловъ часто ходилъ въ городъ смотрѣть на Наполеона. Онъ останавливался въ домѣ противъ императорской квартиры. Тамъ по цѣлымъ часамъ наблюдалъ онъ чрезъ растворенное окошко всѣ движенія своего героя, который предъ его глазами раздавалъ приказанія, выслушивалъ донесенія, говорилъ... Ермоловъ жаднымъ слухомъ ловилъ всякое слово, которое однакоже не долетало. (*Д.*)

леніемъ искренней приверженности. Кромѣ совершенной довѣренности къ дарованіямъ его и опытности, мы чувствовали разность обхожденія его и прочихъ генераловъ. Конечно, никто не напоминалъ менѣе о томъ, что онъ начальникъ, и никто не умѣлъ лучше заставить помнить о томъ подчиненныхъ. Солдатами онъ былъ любимъ чрезвычайно. Я, простясь съ товарищами, отправился въ Россію.

Итакъ, кончилъ я войну, бывъ въ должности начальника артиллеріи въ авангардѣ въ этой должности съ самаго начала войны до заключенія мира.

По особенному счастію моему не потерялъ я въ ротѣ моей ни одного орудія, тогда какъ многіе, въ обстоятельствахъ гораздо менѣе затруднительныхъ, лишались оныхъ. Вообще изъ артиллеріи, бывшей въ командѣ моей, брошено одно орудіе Псковскимъ мушкетерскимъ полкомъ, но и тутъ нельзя упрекнуть артиллерійскаго офицера.

Въ сраженіи при Гейльсбергѣ многія изъ орудій попадали въ руки непріятеля, ибо приказано было мною офицерамъ менѣе заботиться о сохраненіи пушекъ, какъ о томъ, чтобы въ самомъ близкомъ разстояніи послѣдними выстрѣлами заплатили за себя, если будутъ оставлены. Истолковано имъ, что гораздо менѣе вреда потерять пушки, нежели, для спасенія ихъ увозя заблаговременно, лишать войска покровительства ихъ, а часто и самаго охраненія, единственно отъ нихъ зависящаго. Поставлены офицерамъ въ доказательство случаи, собственно въ авангардѣ происшедшіе, что батареи, оставаясь на мѣстѣ до послѣдней крайности, не взяты непріятелемъ при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ; приведены примѣры, что самыя малыя части войскъ не могли быть преодолѣны превосходными силами, единственно оттого, что непріятель не могъ устрашить артиллеріи и заставить ее удалиться; что еслибъ офицеръ боялся потерять орудія и для того въ опасности оставилъ свое мѣсто, войска были бы преданы неминуемому истребленію. Я выдавалъ кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ свидѣтельства, когда отбивали они захваченныя непріятелемъ орудія, и они получали по онымъ надлежащую награду... Сими офицерами возвращены всѣ потерянныя при Гейльсбергѣ орудія. О распоряженіи моемъ, слагающемъ отвѣтственность за оставленныя орудія, извѣстно было начальству, и доведено до свѣдѣнія самого государя, который въ послѣдствіи весьма милостиво о томъ меня спрашивалъ.

Я имѣлъ счастіе пріобрѣсти благоволеніе великаго князя Константина Павловича, который о службѣ моей отзывался съ похвалою. Князя Багратіона пользовался я особеннымъ благорасположеніемъ и довѣренностію. Онъ дѣлалъ мнѣ порученія по службѣ, не одному моему званію принадлежащія. Два раза представленъ я имъ къ производству въ генералъ-майоры, и онъ со стороны своей дѣлалъ возможное настояніе, но потому безуспѣшно, что не было еще до того производства за отличіе, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискалъ уваженіе, подчиненные были ко мнѣ привязаны. Словомъ, по службѣ открылись мнѣ новые виды и надежда менѣе испытывать непріятностей нежели прежде Въ продолженіе войны я получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Голыминѣ золотую шпагу съ надписью за храбрость, при Прейсишъ-Эйлау—Св. Владимира 3-й степени, при Гутштадтѣ и Пассаргѣ—Св. Георгія 3 класса, и при Гейльсбергѣ—алмазные знаки Св. Анны 2 класса. *

Отправившись изъ Тильзита въ Россію, проѣзжалъ я Виль-

---

* Д. В. Давыдовъ предлагаетъ слѣдующія замѣчанія о службѣ Ермолова въ продолженіе этой кампаніи и объ отношеніяхъ его къ разнымъ начальникамъ:

„Будучи произведенъ въ полковники, по ходатайству почтеннаго и доблестнаго Ѳ. П. Уварова, воспользовавшагося отсутствіемъ графа Аракчеева, Ермоловъ заслужилъ, въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ, отличную репутацію. Князь Багратіонъ, письменными дѣлами котораго Ермоловъ завѣдывалъ въ теченіи этой войны, исходатайствовалъ ему за блистательное мужество, выказанное близь Гутштата, знаки Св. Георгія 3 класса, и обратилъ на него вниманіе цесаревича, коего особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ Алексѣй Петровичъ пользовался до самой его кончины. Слава, пріобрѣтенная имъ въ теченіи этой войны, была такова, что однаго удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ Св. Георгія; такимъ образомъ получили Георгіевскіе кресты три штабъ-офицера, отличившіеся въ глазахъ Ермолова, подъ Гейльсбергомъ. (То были подполковникъ конно-польскаго полка Буняковскій и майоры: Лифляндскаго драгунскаго Римскій-Корсаковъ и Финляндскаго—Фитингофъ.) Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на позицію и въ особенности его самого, они громко кричали: „Напрасно Французъ горячку поретъ, Ермоловъ за себя постоитъ“. Я былъ очевидцемъ всего этого“.

Ѳ. П. Уваровъ отозвался съ великою похвалою объ Ермоловѣ предъ государемъ послѣ Аустерлицкаго сраженія, король прусскій послѣ похода 1806 года. Государь отвѣчалъ королю прусскому: „Я уже знаю его.“

но, гдѣ нашелъ генерала Беннигсена. Онъ принялъ меня съ тою же благосклонностію, каковую оказывалъ мнѣ съ самой моей молодости. Разговаривая о войнѣ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣтняя кампанія въ Пруссіи производилась совершенно не такъ, какъ онъ желалъ. Ему обѣщано было подкрѣпленіе изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ которыми намѣревался онъ, вмѣстѣ съ раннею весною, начать дѣятельную кампанію, когда силы Наполеона развлечены были осадою Данцига. Подкрѣпленіе умедлено и назначено наконецъ къ первому числу мая непремѣнно, но со всѣмъ тѣмъ, по день заключенія мира, не прибыло къ арміи ни одного человѣка. Подкрѣпленіе сіе состояло изъ двухъ дивизій рекрутъ, предъ самымъ походомъ получившихъ оружіе, употребленіе коего совершенно было имъ незнакомо. Не менѣе половины сихъ рекрутъ, проходя Минскую и Виленскую губерніи, оставлены въ госпиталяхъ.

Генералъ Беннигсенъ говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ государю послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау отправить къ Наполеону ловкаго человѣка, который, предложивъ о размѣнѣ плѣнныхъ, старался бы извѣдать средства наклонить его къ миру, и надѣялся заключить выгодный. Онъ назначалъ на сіе генералъ-майора Хитрово (Николая Өедоровича), который въ пребываніе свое въ Парижѣ былъ весьма ласкаемъ Наполеономъ.

Въ концѣ августа прибылъ инспекторъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ, осмотрѣлъ артиллерію, распредѣлилъ укомплектованіе оной, и продолжая мнѣ прежнее неблаговоленіе, приказалъ мнѣ оставаться въ лагерѣ по 1-е число октября, когда всемъ прочимъ артиллерійскимъ бригадамъ назначено идти по квартирамъ 1-го сентября. Къ сему весьма грубымъ образомъ прибавилъ онъ, что я долженъ былъ пріѣхать къ нему въ Витебскъ для объясненія о недостаткахъ. Я отвѣчалъ, что неблагорасположеніе ко мнѣ не должно препятствовать разсмотрѣнію моихъ рапортовъ. Оскорбили меня подобныя грубости и я не скрывалъ намѣренія непремѣнно оставить службу. Узнавши о семъ, графъ Аракчеевъ призвалъ меня къ себѣ, и предложивъ дать мнѣ отпускъ для свиданія съ родственниками, приказалъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы со мной лучше познакомиться.

Я поступилъ въ 9-ю дивизію генералъ-лейтенанта князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, сына великаго Суворова, и квартира моя назначена въ мѣстечкѣ Любинѣ в Волыни.

Вскорѣ получилъ я высочайшій рескриптъ на мое имя и деньги для награжденія нижнихъ чиновъ, отличившихся храбростію. Это былъ первый примѣръ подобной награды.

Въ то же время графъ Аракчеевъ писалъ мнѣ, что о наградѣ ходатайствовалъ онъ, желая доказать уваженіе его къ отличной моей службѣ *.

---

* Д. В. Давыдовъ такъ разказываетъ объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ Ермолову:

„Графъ Аракчеевъ, почитая Ермолова прежнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его весьма долго; оставаясь въ чинѣ подполковника въ продолженіи 9-ти лѣтъ Ермоловъ думалъ одно время перейдти въ инженеры, сопровождать генерала Анрепа на Іоническіе острова. Когда генералъ Бухмейеръ объяснилъ графу его ошибку, этотъ послѣдній рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Послѣ этой войны Ермоловъ, не взирая на малый чинъ свой, удостоился получить весьма милостивый рескриптъ государя, препроводившаго къ нему 1.000 рублей для награжденія нижнихъ чиновъ командуемой имъ роты. (Весьма замѣчательно то, что во все время царствованія императора Александра ни одинъ почти штабъ-офицеръ не удостоивался получать высочайшихъ рескриптовъ.)“ *(Д.)*

Вотъ письмо Аракчеева съ высочайшимъ рескриптомъ, напечатанное въ *Чтеніяхъ*:

„Милостивый Государь,

„Алексѣй Петровичъ!

„При оставленіи, по болѣзни моей, командованія Артиллерійскимъ Департаментомъ, я почелъ пріятнымъ себѣ долгомъ отличить роту, вами командуемую, предъ Государемъ Императоромъ, испрося на имя ваше у сего препровождаемый рескриптъ, не имѣя ничего у себя болѣе въ виду, какъ доказать вамъ, милостивому государю, то уваженіе, которое я всегда имѣлъ къ службѣ вашей, а васъ прося при окомъ случаѣ, дабы вы остались ко мнѣ всегда хорошимъ пріятелемъ, чего желаетъ пребывающій къ вамъ съ почтеніемъ и преданностію,

„милостивый государь, покорный слуга,

„Графъ Аракчеевъ.

„Декабря 12-го, 1807 года.“

„Господину артиллеріи полковнику Ермолову.

„Отличное дѣйствіе въ прошедшую кампанію командуемой вами конно-артиллерійской роты подаетъ мнѣ пріятный поводъ изъявить оной особое мое благоволеніе, а вмѣстѣ съ симъ инспекторъ артиллеріи, Графъ Аракчеевъ, препроводитъ къ вамъ тысячу рублей для награжденія въ ротѣ, по вашему назначенію, тѣхъ фейерверкеровъ и рядовыхъ, кои, по отличному своему знанію артиллерійской науки, заслуживаютъ уваженіе,

Въ Петербургъ пріѣхалъ я, когда графъ Аракчеевъ изъ инспекторовъ всей артиллеріи, поступилъ въ званіе военнаго министра. Онъ принялъ меня съ особеннымъ благоволеніемъ и встрѣтилъ объявленіемъ новой награды. Государь пожаловалъ, въ знакъ отличія, нашивки на мундиръ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ моей и князя Яшвиля *.

Аракчеевъ самъ представлялъ меня императору, и мнѣ не трудно было видѣть, что предупредилъ его въ мою пользу. Пробывъ въ Петербургѣ три дня, я подалъ графу Аракчееву записку о томъ, что во время ссылки моей при покойномъ государѣ Павлѣ I, многіе обошли меня въ чинѣ, и что потому состою я почти послѣднимъ полковникомъ по артиллеріи. Я объяснилъ ему, что если не получу я принадлежащаго мнѣ старшинства, я почту и то не малою выгодой, что ему, какъ военному министру, извѣстно будетъ, что я лишенъ былъ службы не по причинѣ неспособности къ оной. Не получивъ отвѣта на поданную записку, въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Петербурга. Остановившись въ Орлѣ у моихъ родныхъ, получилъ я извѣстіе, что я при общемъ производствѣ по артиллеріи пожалованъ генералъ-майоромъ, и назначенъ инспекторомъ части конно-артиллерійскихъ ротъ, съ прибавленіемъ къ жалованью двухъ тысячъ рублей **.

что самое примите въ знакъ и къ вамъ особаго моего благоволенія. Въ С.-Петербургѣ. Ноября 30-го дня 1807 года."

На подлинномъ подписано:
„Александръ."

Въ запискахъ моихъ упомянуто, что П. И. Меллеръ-Закомельскій содѣйствовалъ своимъ отзывомъ перемѣнѣ расположенія Аракчеева къ Ермолову.

* Въ запискахъ у меня вотъ какъ описано первое свиданіе Ермолова съ гр. Аракчеевымъ. „Вы одѣты не по формѣ", встрѣтилъ его военный министръ. „Позвольте усомниться, ваше сіятельство", отвѣчалъ Ермоловъ. Оказалось, что его бригадѣ за отличіе пожалованы были петлицы, о которыхъ Ермоловъ еще не слыхалъ. Аракчеевъ своимъ замѣчаніемъ выражалъ ему свое благоволеніе.

** Къ этому времени относится слѣдующее замѣчаніе въ запискахъ Д. В. Давыдова.

„Будучи произведенъ въ 1808 году въ генералъ-майоры, Ермоловъ, состоя въ дивизіи молодаго и пылкаго князя Суворова, наблюдалъ за австрійскою Галиціей и Радзивиловскою таможней; энергическія дѣйствія

Въ семъ новомъ званіи отправился я (1809) для осмотра конной артиллеріи въ Молдавской арміи подъ начальствомъ отличнаго долголѣтіемъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, коего главная квартира находилась въ Яссахъ. Военныя дѣйствія были прекращены на нѣкоторое время. Я былъ свидѣтелемъ перехода войскъ въ лагерь при ..... знаменитый зарожденіемъ ужасныхъ болѣзней въ войскахъ и истребленіемъ большаго числа оныхъ. Никакія убѣжденія не сильны были отклонить отъ занятія убійственнаго сего лагеря. Войска дѣлали марши не болѣе 15 верстъ, и рѣдко употребляли на то менѣе 10-ти часовъ, ибо устроенныя въ большія каре, и въ срединѣ оныхъ имѣя тяжелые обозы, медленно двигались они по большей части, безъ дорогъ. Фельдмаршалъ не переставалъ твердить, что онъ пріучаетъ войска къ маневрамъ. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршалъ, вскорѣ переселившійся въ вѣчность, отправилъ впередъ себя армію не менѣе той, какую послѣ себя оставилъ.

Въ Валахіи начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ, и рѣдкій день не было праздника, которые онъ дѣлалъ самъ и другихъ заставлялъ дѣлать.

Я жилъ очень весело, бывалъ на праздникахъ, ѣздилъ на гулянья, выслушивалъ разказы его о побѣдахъ и между прочими о сраженіи при Обилешти. „Я, узнавши о движеніи непріятеля, говорилъ онъ, пошелъ на встрѣчу. По слухамъ онъ былъ въ числѣ 16 тысячъ человѣкъ, я написалъ въ реляціи, что разбилъ 12 тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ было Турокъ не болѣе

его и строгій надзоръ за контрабандистами, едва не навлекли ему большихъ непріятностей со стороны коммерцъ-коллегіи, но благодаря покровительству графа Аракчеева, онъ не подвергся взысканію за то, что, по незнанію правилъ таможеннаго устава, онъ безкорыстно уступалъ всѣ конфискованные предметы казакамъ, отличившимся при поимкѣ контрабандистовъ;" онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать своему предмѣстнику Бауеру, который высылалъ цѣлые эскадроны для конвоированія контрабанды. Получивъ вскорѣ послѣ того предписаніе графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западныхъ губерній, коимъ наше правительство не хотѣло дозволить вступать въ слишкомъ тѣсныя сношенія съ войсками князя Понятовскаго, дѣйствовавшими въ то время противъ Австріи, и будучи имъ уполномоченъ ссылать виновныхъ, Алексѣй Петровичъ успѣлъ въ этомъ случаѣ сочетать разумную строгость съ рѣдкимъ великодушіемъ."

4 тысячъ человѣкъ." Предпріимчивость его въ семъ случаѣ дѣлаетъ ему много чести.

Къ арміи поѣхалъ я чрезъ Бендеры, Одессу, въ Крымъ. Обозрѣвъ всѣ древности, прелестный полуденный берегъ, пробылъ я нѣкоторое время въ Карасубазарѣ, гдѣ стояла одна рота моей инспекціи. Возвратившись чрезъ Харьковъ, я видѣлъ довольно большую часть полуденнаго края Россіи.

Въ составъ арміи, назначенной противъ Австрійцевъ, подъ командою генерала князя Голицына (Сергѣя Ѳедоровича), поступила дивизія, къ которой я принадлежалъ, но я оставленъ начальникомъ отряда резервныхъ войскъ, въ числѣ 14 тысячъ человѣкъ, въ губерніяхъ Волынской и Подольской.

Военнымъ министромъ дано повелѣніе занять войсками границы обѣихъ сихъ губерній, ибо многіе изъ дворянъ перебѣгали, и уводили съ собой большое число людей и лошадей въ герцогство Варшавское, гдѣ формировалась польская армія. По сему порученію я доносилъ непосредственно военному министру графу Аракчееву, и имъ одобрены мои распоряженія. Для обузданія своевольныхъ дана мнѣ власть захватываемыхъ при переходѣ чрезъ границу, не взирая на лица, отсылать въ Кіевъ для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Я рѣшился приказать, тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ, и начальство довольно было рѣшительностію. Я употребилъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ. *

По окончаніи войны противъ Австрійцевъ армія наша возвратилась изъ Галиціи, и часть оной расположилась въ Волынской губерніи, понудила отрядъ мой вывести въ Кіевскую, Полтавскую и Черниговскую губерніи. Квартира моя изъ Дубно перенесена въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Волынскою гу-

---

* Услыхавъ, что почетный попечитель Кременецкой гимназіи, тайный совѣтникъ графъ Чапскій, держалъ въ этомъ городѣ непозволительныя рѣчи, Алексѣй Петровичъ прибылъ изъ Житомира въ Кременецъ; сообщивъ ему о своемъ полномочіи, онъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей грозно сказалъ ему: „Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, но я обязанъ предупредить васъ, что впредь малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія". Это краткое, но ясное увѣщаніе не осталось безъ желанныхъ послѣдствій. (*Д. Дав.*)

беріею оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что страстно любилъ W., дѣвушку прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизни приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія съ обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрятъ, что пищу можно замѣнять нѣжностями. Впрочемъ господствующею страстью была служба, и я не могъ не знать, что только ею одной могу я достигнуть средствъ нѣсколько пріятнаго существованія. Итакъ надобно было превозмочь любовь. Не безъ труда, но я успѣлъ.

(1810 г.) Дивизія, къ которой я принадлежалъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Галиціи отправлена въ Молдавію, но я попрежнему оставленъ съ резервомъ. Я писалъ о перемѣнѣ назначенія моего графу Аракчееву, но въ самое то время на мѣсто его военнымъ министромъ назначенъ генералъ Барклай-де-Толли, которому я мало былъ извѣстенъ *.

Всѣ занятія мои въ Кіевѣ ограничились употребленіемъ порученныхъ мнѣ войскъ на построеніе новой крѣпостцы на Звѣринской горѣ. Избавляясь ужасной скуки, объѣзжалъ я войска въ квартирномъ ихъ расположеніи, и занимался сформированіемъ двухъ конно-татарскихъ полковъ, Евпаторійскаго и Симферопольскаго. При росписаніи всей кавалеріи непонятнымъ образомъ поручены артиллерійскому генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двухъ лѣтъ прожилъ я въ Кіевѣ, и тяготила меня

---

* Отъ графа Аракчеева Ермоловъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь мой

„Алексѣй Петровичъ!

„За письмо вашего превосходительства отъ 15 іюня, полученное мною отъ адъютанта Граббе, принеся вамъ истинную мою благодарность, прошу васъ, милостивый государь мой, принять отъ меня искреннее увѣреніе, что я, зная отличныя заслуги вашего превосходительства, при всякомъ случаѣ и всегда старался доставлять вамъ противу прочихъ генераловъ лучшіе виды по службѣ. За удовольствіе почитаю быть всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ.

„Вашего превосходительства покорный слуга

„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.

„Іюля 4-го дня 1810 года.“

служба ничтожная и чести неприносящая. Съ другой стороны, льстило мнѣ благосклонное мнѣніе начальства, и генералъ князь Багратіонъ, назначенъ будучи главнокомандующимъ молдавскою арміей, просилъ объ опредѣленіи меня начальникомъ артиллеріи въ арміи, на чтò не послѣдовало соизволенія. Поступившій на мѣсто его главнокомандующимъ генералъ графъ Каменскій, проѣзжая Кіевъ, предложилъ мнѣ служить съ собою *. За величайшее благодѣяніе принялъ я предложеніе его и ожидалъ, въ званіи бригаднаго командира, имѣть два полка, на которые весьма охотно промѣнивалъ отрядъ изъ 14 т. человѣкъ, преобразованныхъ въ лопатники. Прибывши въ армію, графъ Каменскій представилъ государю о назначеніи меня дежурнымъ генераломъ. Свыше ожиданія моего, было сіе назначеніе, и я съ восхищеніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ армію. Главнокомандующій былъ въ особенной довѣренности у государя, и всѣ представленія его были утверждаемы, но въ разсужденіи меня онъ получилъ отказъ, и ему отвѣтствовано, что я надобенъ въ настоящей должности. Также сдѣлано было предложеніе, замѣстить мною умершаго генералъ-майора графа Цукато, который съ отдѣльною частью войскъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Сербами противъ виддинскаго паши. На сіе сказано, что я молодъ. Надлежало разумѣть въ семъ случаѣ старшинство въ чинѣ, ибо многимъ въ меньшихъ лѣтахъ не было упрекаемо въ молодости. Не могло счастіе представить болѣе случаевъ, льстящихъ честолюбію, особенно служащему безъ покровительства, но тѣмъ болѣе огорчала меня неудача, что въ настоящемъ чинѣ не будучи еще употребленъ противъ непріятеля, я желалъ первые опыты сдѣлать противъ Турокъ, гдѣ ошибки легко поправляемы или по крайней мѣрѣ менѣе видны. Мнѣ нужна была опытность и случай оказать нѣкоторыя способности, ибо, служа во фронтѣ артиллерійскимъ офицеромъ, я могъ быть извѣстенъ одною смѣлостію, а одна таковая въ чинѣ генералъ-майора меня уже не удовлетворяла. Итакъ оставаясь попрежнему въ Кіевѣ, долженъ я былъ назначеніе мое почитать продолжительнымъ.

* Отъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, бывшаго свидѣтелемъ свиданія главнокомандующаго съ Ермоловымъ, по званію начальника дипломатической канцеляріи графа Каменскаго, имѣлъ я честь слышать объ отзывѣ главнокомандующаго и о пріятномъ впечатлѣніи, которое производилъ на всѣхъ молодой генералъ своею замѣчательною наружностію.

Получивъ на короткое время отпускъ, проѣхалъ я въ Петербургъ. Я представленъ былъ государю въ кабинетѣ, что предоставляемо было не менѣе какъ дивизіоннымъ начальникомъ. Слухъ носился о раждающихся неудовольствіяхъ съ Наполеономъ, съ которымъ рѣдко можно кончить ихъ иначе какъ оружіемъ. Многіе къ симъ причинамъ относили благосклонный пріемъ, дѣлаемый военнымъ. Не имѣя сего самолюбія, боялся я въ душѣ моей на случай войны остаться въ резервѣ. Инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Меллеръ-Закомельскій, хотѣлъ употребить стараніе о переводѣ меня въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовалъ я себя годнымъ, и возвратился въ Кіевъ *.

Вскорѣ за симъ военный министръ увѣдомилъ письмомъ, что государь желаетъ знать, согласенъ ли я служить въ гвардіи командиромъ артиллерійской бригады. Я отвѣчалъ, что служа въ арміи, и болѣе будучи употребляемъ, я надѣюсь обратить на себя вниманіе государя, что

---

* Къ этому времени принадлежитъ слѣдующее письмо Кульнева, свидѣтельствующее объ уваженіи коимъ пользовался Ермоловъ отъ всѣхъ передовыхъ людей того времени:

„Cher camarade,

„Алексѣй Петровичъ!

„Ни время, ни отсутствіе дальше не могло истребить изъ памяти моей любви и того почтенія, кое привлекли вы себѣ отъ всей арміи, что не лестно вамъ говорю, и всегда объ васъ вспоминалъ, для чего васъ не было въ шведскую и послѣднюю кампанію, турецкую войну. Человѣку съ вашими способностями не мѣшало знать образъ той и другой войны, и, я полагаю, преградою сей мѣшала вамъ какая ни есть придворная чумичка. Время еще не ушло; кажется, въ скорости увидимся на ратномъ полѣ; межъ тѣмъ рекомендую вамъ вручителя сего письма, г. Богданова, отецъ коего и все семейство дому нашему, и паче мнѣ, большіе пріятели: прошу васъ, по желанію его, постараться перевести его въ конную артиллерію; въ его лѣта весьма не кстати ему служить при понтонахъ, и все, что вы для него сдѣлаете, меня чувствительно обяжете, какъ равно все его почтенное семейство. Я проѣздомъ заѣхалъ въ Курскъ, ѣду изъ Молдавіи въ новый полкъ, который пошелъ на прусскую границу.

„Кульневъ.

„12-го мая 1811.
„Курскъ.“



по состоянію не могу содержать себя въ Петербургѣ и безъ заслугъ ничего выпрашивать не смѣю. Высочайшій приказъ о переводѣ меня въ гвардію былъ отвѣтомъ на письмое мое. Не могъ я скоро отправиться къ новому моему назначенію, ибо, переломивъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, я долго былъ боленъ. По донесенію о семъ государю, присланъ курьеръ узнать о моемъ здоровьѣ, и военному губернатору приказано каждыя двѣ недѣли увѣдомлять о немъ. Удивленъ я былъ симъ вниманіемъ, и сталъ сберегать руку, принадлежащую гвардіи. До того менѣе я заботился объ армейской головѣ моей.

За два мѣсяца до окончанія года, пріѣхалъ я въ Петербургъ и вступилъ въ командованіе бригадою, не входя въ хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгодъ. Государь принялъ меня съ обыкновенною милостію, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною въ столицѣ. Великій князь, со времени послѣдней кампаніи, постоянно былъ мнѣ благосклоннымъ. Изломанная рука моя доставляла мнѣ возможность не во всѣхъ участвовать ученьяхъ и разводахъ, которые бо́льшую часть времени отнимаютъ у служащихъ въ Петербургѣ, и я былъ довольно свободнымъ. Вскорѣ вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ въ бригаду, въ которую государь назначилъ меня командиромъ съ сохраненіемъ артиллерійской бригады. Къ жалованью моему прибавлено въ годъ по шести тысячъ руб.

Такимъ неожиданнымъ образомъ перемѣнилось вдругъ состояніе бѣднаго армейскаго офицера, и я могу служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ подобныхъ мнѣ. Въ молодости моей началъ я службу подъ сильнымъ покровительствомъ, и вскорѣ лишился онаго. Въ царствованіе императора Павла I содержался въ крѣпости, и отправленъ въ ссылку на вѣчное пребываніе. Всѣ младшіе по службѣ сдѣлались моими начальниками, и я при нынѣшнемъ государѣ вступилъ въ службу безъ всякихъ выгодъ, испытывалъ множество непріятностей по неблаговоленію начальства, всего достигалъ съ большими усиліями, по очереди, и нерѣдко съ равными правами на награду, неравные имѣлъ я успѣхи со многими другими. Въ доказательство сего скажу примѣръ, теперь со мною случившійся. Отряды резервныхъ войскъ поручены были артиллеріи генераль-майору князу Яшвилю и Игнатьеву, но по расположенію ..о отряда на границѣ, на мнѣ одномъ возлежала стража

оной и съ большою властію большая отвѣтственность. Имъ обоимъ данъ орденъ Св. Анны перваго класса, мнѣ даже не изъявлено благодарности.

О сдѣланной мнѣ обидѣ объяснился я съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, который весьма хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: „Правда, что я упустилъ изъ виду службу вашу.“ Я желалъ бы въ сію минуту видѣть въ немъ знатнаго человѣка, и отказъ, мнѣ сдѣланный, былъ бы приправленъ вѣжливостію. Не менѣе сего досаденъ мнѣ былъ отказъ на представленіе инспектора всей артиллеріи, коимъ просилъ онъ опредѣлить меня начальникомъ артиллеріи въ молдавскую армію, подъ предводительствомъ генерала Кутузова, благосклонно расположеннаго ко мнѣ. Послѣ сего поданною запиской военному министру объявилъ я необходимость лѣчиться кавказскими минеральными водами, и просилъ объ опредѣленіи меня на линію бригаднымъ командиромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по особенному благоволенію ко мнѣ государя, я хочу заставить дать себѣ награду, и прошу объ удаленіи, зная, что на оное не будетъ согласія. Итакъ я успѣлъ только, къ общему всѣхъ удивленію, разгорячить ледовитаго Нѣмца, который изъяснился съ великимъ жаромъ. *

Вскорѣ за симъ я удостовѣрился, что весьма трудно перемѣнить мое назначеніе, ибо, когда инспекторъ всей артиллеріи (по согласію моему) вошелъ съ докладомъ о препорученіи мнѣ осмотра и приведенія въ оборонительное положеніе крѣпости Рижской и мостоваго укрѣпленія при Динабургѣ **, государь не изъявилъ соизволенія, приказалъ мнѣ сказать, что впредь назначенія мои будутъ за-

* Давыдовъ говоритъ: „Ермоловъ былъ вскорѣ, противъ своего желанія, назначенъ сперва командиромъ гвардейской артиллерійской, а потомъ и гвардейской пѣхотной бригадъ; онъ имѣлъ въ это время, по порученію барона П. И. Меллера-Закомельскаго, сильныя стычки съ военнымъ министромъ Барклаемъ; Михаилъ Богдановичъ еще болѣе вознегодовалъ на него, узнавъ, что Алексѣй Петровичъ, объяснивъ государю устройство прицѣловъ, отдалъ предпочтеніе инструменту Кабанова предъ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ его племянникомъ Фицтумомъ. Супруга Барклая Елена Ивановна, не разъ говорила мужу о Ермоловѣ: „lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch“.

** Инспекторъ всей артиллеріи желалъ доставить Ермолову случай получить награду, которая дана генералъ-майорамъ князю Яшвилю и Игнатьеву.

зависѣть отъ него и что я ни въ комъ не имѣю нужды. Когда же увидѣлъ меня, спросилъ, сообщено ли мнѣ его приказаніе, и прибавилъ: „за что̀ гонятъ тебя изъ Петербурга? однакоже я помѣшалъ: и безъ того много будетъ дѣла“. Не смѣлъ я признаться, что желалъ самъ перемѣнить родъ моей службы, и доволенъ былъ, что военный министръ не довелъ до свѣдѣнія о поданной мною запискѣ. Въ такомъ положеніи прошло время до марта мѣсяца, въ началѣ коего выступила гвардія въ Литовскую губернію.

Его высочество цесаревичъ повелъ колонну составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ моею командой, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.

Qua nos fata trahunt retrahuntque, sequamur!

Virg.

II.

Эта часть нашей статьи состоитъ изъ отрывковъ собственныхъ записокъ Ермолова, полученныхъ мною отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, изъ разказовъ Д. В. Давыдова, изъ писемъ князя Багратіона, Платова и пр., помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, изъ собственныхъ отмѣтокъ и замѣчаній полученныхъ отъ другихъ свидѣтелей. Читатели, даже и не военные, найдутъ здѣсь много свѣдѣній, неизвѣстныхъ, кажется, по описаніямъ отечественной войны.

1812 годъ.

Настал 1812 годъ! Годъ, памятный каждому Россіянину, тяжкій несчастіями, знаменитый блистательною славой въ роды родовъ.

Въ началѣ года выступила гвардія изъ Петербурга, и я вы-

шелъ марта 5 числа. Въ городѣ Опочкѣ получено назначеніе меня дивизіоннымъ гвардіи начальникомъ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однакоже, не пріучаетъ счастіе?.... Дивизіоннымъ командиромъ прихожу я съ гвардіей на маневры въ Вильну. Кто не хвалитъ гвардіи и какъ не хвалить ея по справедливости?... И послѣ короткаго въ Вильнѣ пребыванія возращаюсь въ Свенцяны, дивизіонную квартиру гвардіи.... Чрезъ два дня пріѣзжаетъ государь въ Свенцяны.... Молва, самыхъ вихрей быстрѣйшая, нѣсколькими часами прежде разгласила о переходѣ Французовъ чрезъ Нѣманъ іюня 12 числа.....

Первой западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, начальство поручено было генералу-отъ-инфантеріи Барклаю де-Толли, военному министру, коего главная квартира была въ Вильнѣ.

. . . .

Вторая западная армія состояла въ командѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона и главная его квартира была въ Пружанахъ.

. . . .

....Единственное къ соединенію войскъ нашихъ средство— было отступленіе.

. . . .

Наконецъ, вошли мы въ знаменитый лагерь (при Дриссѣ).

. . . .

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собрался на лѣвомъ флангѣ по направленію на Дисну. Маршалъ Даву поспѣшалъ къ Минску.... Къ соединенію обѣихъ армій отняты были всѣ надежды.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность начальника главнаго штаба сей арміи. Итакъ, въ званіи семъ находясь при главнокомандующемъ, который въ то же время былъ и военнымъ министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся....

Отъ назначенія моего употребилъ я всѣ средства уклониться, просилъ могущественнаго графа Аракчеева, самому представлялъ государю, что я не пріуготовлялъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что по обстоятельствамъ, въ коихъ находится армія, которыхъ отъ самаго наименѣе проницательнаго

человѣка скрыть было уже невозможно, полезенъ былъ выборъ чиновника съ большею опытностію и болѣе въ арміи извѣстнаго. Графа Аракчеева намѣреніе было въ должность сію опредѣлить генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, въ которомъ думалъ онъ найдти особенныя способности, но не знаю почему государь приказалъ мнѣ вступить въ оную.* Думаю, однакоже, что людей, несравненно меня способнѣйшихъ, не хотѣли отдалить отъ войскъ, или они сами, видя худое дѣлъ состояніе и на каждомъ шагу умножавшіяся трудности, должности сей принять не соглашались. Я ожидалъ, что, испытавъ меня въ короткое время, освободятъ отъ должности, если не выгонятъ, и просилъ только одной милости, чтобы возвратили попрежнему къ командованію гвардейскою дивизіей, ибо лестнѣе не могъ я желать ничего. Мнѣ обѣщано сіе, и отъ дивизіи показывался я въ откомандировкѣ. Государь вскорѣ отъѣхалъ отъ арміи, и сіе легко могло продолжить пребываніе мое въ новой моей должности. Первый помощникъ мнѣ по дѣламъ дежурный генералъ арміи, флигель-адъютантъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія, по изданному не за долго предъ тѣмъ положенію о дѣйствующихъ арміяхъ, не желая служить съ предмѣстникомъ моимъ, генералъ-лейтенантомъ маркизомъ Паулуччи, сказался больнымъ, и должность его отправлялъ комендантъ главной квартиры полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ словъ: *сіе судебъ преисполненное имя* **, то, кажется, никому болѣе приличествовать онѣ не могутъ, какъ ему, ибо судьба имъ преслѣдовала всѣхъ бывшихъ главнокомандующихъ. Суворовъ, вышедшій изъ среды людей обыкновенныхъ, одинъ смѣлъ взять его по доброй своей волѣ, прочіе же, кажется, не могли отъ него отдѣлаться. Онъ находился при немъ въ Италіи. При графѣ Буксгевденѣ и потомъ при баронѣ Беннигсенѣ былъ въ Пруссіи. Перенесся въ Финляндію ко всѣмъ перемѣнив-

---

* Давыдовъ замѣчаетъ при семъ вообще, что государь былъ очень доволенъ распорядительностью Ермолова при командованіи гвардейскою дивизіей. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о назначеніи, сказалъ Ермолову: „вамъ, какъ человѣку молодому, предстоитъ много хлопотъ; Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и многаго не досказываетъ, а потому вамъ надо стараться понимать его и дополнять его распоряженія собственными.“

** *Исторія Суворова*, соч. г. Фукса.

шимся главнокомандующимъ, и теперь не избѣгъ отъ него генералъ Барклай де-Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпятъ его въ должности дежурнаго генерала? Свидѣтельствуюсь имъ самимъ, что онъ исправлять оной не въ состояніи. Я прошу перемѣнить его, но генералъ Барклай де-Толли увѣряетъ, что трудно найдти способнѣйшаго! Сколько ни старался я уговорить Кикина, но онъ не соглашался избавить меня отъ Ставракова.

. . . .

Въ три дня армія прибыла къ Полоцку. Непріятель противъ корпуса графа Витгенштейна показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занялъ отрядомъ мѣстечко Друю и малозначущими силами приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить отрядъ противъ Друи, на правомъ берегу Двины расположенный, и удерживать Динабургъ. Генералъ-майоръ Довре (начальникъ корпуснаго штаба) увѣдомилъ меня, что подкрѣпленіе сіе должно состоять изъ десяти батальйоновъ пѣхоты съ соразмѣрнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Я возразилъ противъ сего раздробленія силъ, и главнокомандующій согласился со мною. Пречудное намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ и не имѣя возможности маневрировать впередъ, защищать Динабургъ, и отдаленный, и къ оборонѣ неспособный.

. . . .

Изъ Полоцка Государь отправился въ Москву. *

. . . .

Въ Полоцкѣ хотѣлъ я заковать въ желѣза коммиссіонера 7-го класса, Ю.....каго, который отправлялся съ деньгами въ уплату за провіантъ, купленный у Евреевъ въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ, который оставленъ былъ на томъ

* Давыдовъ свидѣтельствуетъ: „Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими, вынуждали Государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, Государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генералъ-адъютантами; Кутузову, графу Шувалову и другимъ были передаваемы письма на имя Его Величества.“

берегу, гдѣ идетъ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевесть его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ. . . . .

. . . .

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ государя, случилось мнѣ обѣдать съ оставшимся его штатомъ. Какую примѣтилъ я разность въ тонѣ, какую перемѣну въ обращеніи. Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ.

. . . .

Армія прибыла къ переправѣ при Будиловѣ.....

Корпусъ маршала Даву между тѣмъ.... овладѣлъ Могилевомъ.

. . . .

Атаманъ генералъ Платовъ наказалъ польскую кавалерію 27 іюня при мѣстечкѣ Мирѣ и 14 іюля при мѣстечкѣ Романовѣ, дерзнувшую сразиться.

Судьба сохранила намъ врожденную поверхность надъ Поляками: казакамъ первымъ предоставила честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство. Со времени уничтоженія Польши, съ 1794 года, изгладившаго имя ея съ лица земли, по 1807 годъ, примѣчательный заключеннымъ съ Франціей миромъ въ Тильзитѣ, не существовало Поляковъ. Миръ сей произвелъ на свѣтъ герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его на счетъ несогласія сосѣдственныхъ ему державъ. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ, понесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ потери, блистательные и постоянные оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространившіе, и далъ надежду на возрожденіе Польши. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ усилія были употреблены надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австрійцевъ, и мы въ пользу ея, вопреки пользы нашей, исторгаемъ у нихъ знатную часть Галиціи. Уже въ нынѣшней войнѣ она противъ насъ въ общемъ союзѣ Европы. Мы умножили ея силы и вооружили противъ себя. Австрійцы между прочими ея союзники. Для пользы ея попеременно вонзаемъ мы мечъ въ сердце одинъ другаго, и судьба къ ослѣпленію нашему прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно глубоки раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя?*

---

* Обращаю вниманіе на эти пророческія слова государственнаго человѣка!

. . . .

Въ Будиловѣ предложилъ я главнокомандующему перейдти на лѣвый берегъ Двины и разчетъ сей основывалъ я на томъ, что непріятель проходилъ труднѣйшею по тому берегу дорогою, что только кавалерія его была у Полоцка, но главныя силы и вся тяжелая артиллерія были далеко назади, и не менѣе трехъ маршей было между нами и непріятелемъ. Перейдя въ Будиловѣ, должно было поспѣшно слѣдовать на Оршу и Давуста, имѣющаго въ предметѣ армію князя Багратіона, на которую должны были быть обращены и вниманіе его и силы, около Могилева расположенныя, заставить развлечь оныя, способствовать тѣмъ князю Багратіону идти безпрепятственно въ соединеніе съ 1-ю арміей, а самой ей, истребивъ части войскъ, занимающія Оршу и Дубровну, и перейдя немедленно на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть Смоленскъ, куда всѣ тягости и обозы арміи должны были идти изъ Витебска прямою дорогой, дабы не дѣлать препятствія арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было успѣть сдѣлать, ни малѣйшимъ, по отдаленію непріятеля, не подвергаясь опасностямъ. Главнокомандующій, внявъ предложенію моему, на оное согласился, уже приказано мнѣ было возвратить къ переправѣ прошедшіе два кавалерійскіе корпуса. Полковникъ Манфреди отправленъ былъ съ двумя понтонными ротами для устроенія переправы. Все было готово и пришедшимъ намъ успѣхъ предлежалъ вѣрный! Черезъ полчаса послѣ отданныхъ приказаній главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонить его, и кромѣ флигель-адъютанта Вольцогена никого не подозрѣваю. Сей тяжелый нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Я, видя, что теряются выгоды, которыя не всегда даруетъ счастіе, и за упущеніе которыхъ часто платится весьма дорого, зная, что по недостатку опытности не могъ я имѣть права на полную ко мнѣ главнокомандующаго довѣренность, склонилъ я нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ сдѣлать о томъ ему представленіе съ ихъ стороны, но все было безуспѣшно, главнокомандующій остался непреклоненъ, и армія продолжала путь къ Витебску. *

---

* Давыдовъ въ письмѣ къ Валтеръ-Скотту такъ говоритъ объ этомъ событіи: „Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись чрезъ Двину у Будиловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и ровнѣе праваго, слѣдовать чрезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы мог-

Въ ночи на третьи сутки (въ Витебскѣ) главнокомандующій согласился послать корпусъ пѣхоты и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ на встрѣчу непріятелю по лѣвому берегу Двины. Я предложилъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, блистательную репутацію въ прошедшую войну сдѣлавшаго.... надобенъ былъ генералъ, который бы дождался силъ непріятельскихъ, и онѣ его не устрашили. Таковъ былъ Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ! Въ двѣнадцати верстахъ встрѣтилъ онъ небольшую часть непріятельскихъ передовыхъ войскъ и преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Островно. Здѣсь предстали ему силы непріятельскія превосходныя, и дѣло началось жарчайшее...... Ночь прекратила сраженіе.... Уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ весьма значущій...

ли прибыть по крайней мѣрѣ двумя сутками ранѣе; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска, и легко разбивъ ихъ (что не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены понтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отмѣнилъ переправу. Ермоловъ упомянулъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля."

Кстати привести здѣсь два письма князя Багратіона къ Ермолову, коими поясняются тогдашнія отношенія.

I.

„На маршѣ, 3 іюля.

„Я вамъ скажу, любезный мой тёска, что я бы давно съ вами соединился, еслибъ оставили меня въ покоѣ. Вамъ неизвѣстно, какія я имѣлъ предписанія отъ М***. . . . .

„Я разчелъ марши мои такъ, что 23 іюня главная моя квартира должна была быть въ Минскѣ, авангардъ далѣе, а партіи уже около Свенцянъ. Но меня повернули на Новогрудекъ, и велѣли идти или на Бѣлицу, или на Николаевъ, перейдти Нѣманъ и тянуться къ Вилейкѣ, къ Сморгони, для соединенія. Я и пошелъ, хотя и написалъ, что невозможно, ибо тамъ три корпуса уже были на дорогѣ къ Минску и мѣста непроходимыя. Перешелъ въ Николаевѣ Нѣманъ. Насилу спасся Платовъ, а мнѣ пробиваться невозможно было, ибо въ Воложинѣ и въ Вишневѣ была ужь главная квартира Даву, и я рисковалъ все потерять и обозы. Я принужденъ назадъ бѣжать на минскую дорогу, но онъ успѣлъ и ее захватить. Потомъ началъ показываться король Вестфальскій съ Понятовскимъ; перешли въ Бѣлицу и пошли на Новогрудекъ. Вотъ и пошла потѣха! Куда ни сунусь, вездѣ непріятель. Получилъ извѣстіе, что Минскъ занятъ, и пошла сильная колонна на Борисовъ и по дорогѣ Бобруйска. ...далъ всѣ способы и наставленія Игнатьеву и началъ самъ спѣшить,

Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ посланъ съ 3-ею дивизiей въ подкрѣпленiе графу Остерману.... Графъ Остерманъ составлялъ его резервъ.... Ни храбрость войскъ, ни самого Коновницына безстрашiе, не могли удержать стремленiя, и онъ отступилъ. Гренадерская дивизiя пришла подкрѣпить его, и часть кавалерiи съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ приспѣла для умноженiя тѣсноты и безпорядка. Я прiѣхалъ въ самое то время, какъ стрѣлки наши толпами и быстро отступали, и генералъ Коновницынъ, отзываясь, что есть старшiй генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, не заботился ввести между ими порядка, а сего послѣдняго не замѣтилъ я вникающимъ въ важность обстоятельствъ и дѣятельнымъ, сколько они того требовали. Я сдѣлалъ имъ представленiе о необходимости нѣкотораго устройства, и они, отдаливъ излишнiя войска, производившiя тѣсноту, сдѣлали то по крайней

но на хвостъ мой началъ нападать король Вестфальскiй.......... Вдругъ получаю рапортъ Игнатьева, что непрiятель приблизился къ Свислочу, отъ Бобруйска въ 40 верстахъ, тогда когда я былъ еще въ Слуцкѣ и все въ дракѣ. Что̀ дѣлать? сзади непрiятель, съ боку непрiятель, и вчера получилъ извѣстiе, что и Минскъ занятъ. Я никакой здѣсь позицiи не имѣю, кромѣ болотъ, лѣсовъ, гребли и пески. Надобно мнѣ выдраться, но Могилевъ въ опасности, и мнѣ надобно бѣжать. Куда? въ Смоленскъ, дабы прикрыть Россiю несчастную. И кѣмъ? Господиномъ Фулемъ. Я имѣю войска до 45 тысячъ. Правда, пойду смѣло на 50 тысячъ и болѣе, но тогда, когда бы я былъ свободенъ, а какъ теперь, и на 10 тысячъ не могу. Что день опоздаю, то я окруженъ.

„Спасъ Дорохова; деташементъ и Платовъ примкнулъ! . . . . Какъ . . . . ретироваться изъ Свѣцянъ въ Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь. Россiю жалко! Войско ихъ шапками бы закидало. Писалъ я, слезно просилъ: наступайте, я помогу. Нѣтъ! Куда вы бѣжите? Ей-Богу непрiятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться. Они боятся насъ, войско ропщетъ и всѣ недовольны. У васъ задъ былъ чистъ и фланги. Зачѣмъ побѣжали? надобно наступать; у васъ 100 тысячъ. А я бы тогда помогъ. А то вы побѣжали, гдѣ я васъ найду. Нѣтъ, мой милый, я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте. Уже истинно, еле дышу отъ досады, огорченiя и смущенiя. Я, ежели выдерусь отсюда, тогда ни за что̀ не останусь командовать армiей и служить. Стыдно носить мундиръ. Ей-Богу, боленъ! А ежели наступать будете съ первою армiей, тогда я здоровъ. А то, что̀ за дуракъ? Министръ самъ бѣжитъ, а мнѣ приказываетъ всю Россiю защищать, и бить флангъ и тылъ какой-то непрiятельскiй. Еслибъ онъ былъ здѣсь, ногъ бы своихъ не выдралъ, а я выду съ честiю и буду ходить въ сюртукѣ......... Охъ жаль, больно жаль Россiю! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не

мѣрѣ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ...........Съ окончаніемъ дня кончилось сраженіе. 6-й корпусъ и арріергардъ присоединились къ арміи, мостъ сожженъ и понтоны сняты.

Того же дня поутру объѣхалъ я занимаемую для арміи полковникомъ Толемъ позицію, и нашелъ въ ней всѣ заключающіеся возможные недостатки. Квартирмейстеры, не видя въ лѣсу одинъ другаго, скликались по голосамъ, такъ частымъ кустарникомъ покрыта была большая часть позиціи. Позади всей оной былъ глубокій ровъ, съ трудомъ проходимый. Спусковъ дѣлать не доставало времени, отступать надлежало

слуга; выведу войска на Могилевъ и баста! Признаюсь, мнѣ все омерзѣло, такъ что съ ума схожу. Несмотря ни на что, ради Бога ступайте и наступайте!

„Ей-Богу, оживимъ войска и шапками ихъ закидаемъ. Иначе будетъ революція......"

II.

„Насилу выпутался изъ аду. Дураки меня выпустили. Теперь побѣгу къ Могилеву, авось ихъ въ клещи поставлю. Платовъ къ вамъ бѣжитъ. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундиръ носить, право скину его. Они революцію дѣлаютъ въ Несвижѣ; хотѣли въ Гродно начать, но не удалось; въ Вильнѣ тожь хотѣли, и въ Минскѣ. Имъ все удастся, если мы трусовъ трусимъ. Мнѣ одному ихъ бить невозможно, ибо кругомъ былъ окруженъ и все бы потерялъ. Ежели хотятъ, чтобъ я былъ жертвою, пусть дадутъ именное повелѣніе драться до послѣдней капли. Вотъ и стану. Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человѣкъ духу, субординаціи и все въ разстройку. Армія была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескамъ, въ жары на маршѣ, лошади артиллерійскія и полковыя стали и кругомъ непріятель. И вездѣ бью. Ежели впередъ не пойдете, я не понимаю вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ—искать и бить! Вотъ одна тактическая дислокація, какія бы слѣдствія принесла намъ. А ежели бы стояли вкупѣ, того бы не было! Съ начала не должно было вамъ бѣжать изъ Вильны тотчасъ, а мнѣ бы приказать спѣшить къ вамъ, тогда бы иначе! А то побѣжали и бѣжите, и все ко мнѣ обратилось! Теперь я спасъ все, и пойду только съ тѣмъ, чтобъ и вы шли. Иначе пришлите командовать другаго, а я не понимаю ничего, ибо я не ученъ и глупъ.

„Жаль мнѣ смотрѣть на войско и на всѣхъ на нашихъ. Въ Россіи мы хуже Австрійцевъ и Пруссаковъ стали.

„Прощай, любезный! Христосъ съ вами!

„Я всегда вашъ вѣрный Багратіонъ.

!-го дня іюля."

большей части арміи чрезъ городъ, остальной необходимо чрезъ ровъ. Главнѣйшею цѣлью предназначалось закрытіе города. Въ присутствіи многихъ генераловъ возразилъ я противъ сей позиціи, представляя, что генеральнаго сраженія здѣсь давать не долженствовало, будучи удаленными отъ способовъ пополнить потери; что еще не уничтожена совершенно надежда соединиться со 2-ю арміей, единственнымъ предметомъ съ нѣкотораго времени нашего отступленія; что если сраженіе необходимо, то по крайней мѣрѣ должно устроить войска по другую сторону города на Смоленской дорогѣ и владѣя дорогою на Бабиновичи; что сохранять Витебскъ, теряя другія существеннѣйшія выгоды, опасно; что при неудачѣ отступленіе чрезъ городъ пагубно; что, уступивъ Витебскъ, мы прибавимъ одинъ городъ болѣе ко множеству цѣлыхъ потерянныхъ губерній, и что лучше пожертвовать имъ нежели другими удобностями, которыхъ соблюденіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій согласился, но не могъ отмѣнить занятіе позиціи для генеральнаго сраженія, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на Смоленской дорогѣ. Я осмотрѣлъ ее тогда уже, какъ войска вступали въ назначенныя имъ въ оной мѣста, и нашелъ, что она также лѣсистая, также трудныя между войскъ сообщенія, чрезвычайно обширная и гораздо бóльшее число войскъ требующая. Два корпуса праваго фланга 2-й и 4-й отрѣзаны отъ прочихъ войскъ глубокимъ весьма рвомъ, чрезъ который и безъ присутствія непріятеля едва можно было перевезть артиллерію. Еслибы непріятель атаковалъ лѣвый флангъ (въ чемъ онъ и не могъ обмануться), имѣлъ онъ для дѣйствія батарей высоты на продолженіи линій и могъ чрезвычайно затруднять отступленіе. Перемѣнить же боевое войскъ устроеніе отнюдь было невозможно. Если же бы непріятель сдѣлалъ нападеніе на правое крыло наше, подкрѣпить его чрезвычайно было затруднительно, а въ скорости и совсѣмъ невозможно, развѣ безъ артиллеріи.

Съ началомъ дня войска были уже устроены въ позиціи. Графъ Паленъ составленнымъ особенно авангардомъ... началъ дѣло.... отступилъ за рѣку Лучесу и искусно воспользовался крутыми ея берегами, защищая находящіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ броды. Армія непріятельская, занявъ всѣ противъ лежащія горы, казалось, для того развернулась, чтобы каждому изъ воиновъ своихъ дать зрѣлище искусная

сопротивленія графа Палена, съ силами несравненно меньшими сражающагося...... Не съ меньшимъ чувствомъ удивленія смотрѣла и наша армія, въ начальникахъ дѣйствовало соревнованіе, каждый изъ воиновъ мнилъ открывать въ себѣ новую и дотолѣ неизвѣданную силу.

. . . .

Осмотрѣвъ обстоятельно невыгодное арміи нашей расположеніе, неудобство по свойству мѣста пользоваться успѣхомъ и въ случаѣ неудачи на (не?) возможность отступленія, осмѣлился я предложить главнокомандующему объ оставленіи немедленно позиціи. Предложеніе всеконечно дерзкое, рѣшительность молодаго человѣка; разчетъ однакоже былъ съ моей стороны, ибо лучше предпринять отступленіе съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели дать сраженіе, и конечно безъ всякаго сомнѣнія не имѣть успѣха, а можетъ-быть не избѣжать и совершеннѣйшаго разбитія. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно было рѣшиться на сраженіе, еслибы другая армія могла послѣ остановить успѣхи торжествующаго непріятеля и преодолѣть его, потерею обезсиленнаго. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Позади насъ ближайшія войска въ Калугѣ, малыя числомъ, слабыя составомъ. Они послѣ прибыли къ арміи, и если единообразное одѣяніе ручается за способность воина, то генералъ отъ инфантеріи Милорадовичъ прибылъ изъ Калуги съ войскомъ!

Еслибы дождались мы непріятеля въ позиціи, съ нѣкоторою основательностію заключить возможно, что непріятель не атаковалъ бы насъ съ фронта позиціи, но оставя небольшую часть войскъ, дабы занимать насъ, перешелъ бы рѣку Лучесу со всѣми силами гораздо выше, и движеніемъ симъ поставя себя въ сношеніе съ лѣвымъ флангомъ корпуса Даву, въ Оршѣ и Дубровнѣ расположеннымъ, напалъ на насъ по направленію отъ Бабиновичъ, точно съ самой слабѣйшей стороны позиціи, о которой упомянулъ я выше. Непріятель по неудачномъ сраженіи имѣлъ тогда лучшую несравненно и прямѣйшую на Минскъ дорогу, и тотчасъ усиливалъ себя всѣмъ корпусомъ маршала Даву, что̀ опять предоставляло ему средства къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Сей день сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ и удостовѣрился, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчеза-

етъ. Испыталъ также, что въ подобныхъ случаяхъ надобны исполнители, тою же дерзостію руководимые, тѣмъ же пламенемъ оживленные. Нѣтъ время разсужденіямъ, гдѣ одному дѣйствію мѣсто рѣшитъ часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе, простительно было заняться нѣкоторымъ размышленіемъ о положеніи нашемъ, и оно требовало всего со стороны начальника вниманія! Полковникъ Толь, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ всѣ выгоды, что должно дать сраженіе. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ видѣлъ необходимость отступленія, но боялся помыслить о исполненіи. Рѣшительность не была его свойствомъ. Онъ предлагалъ дождаться вечера и отступить ночью. Ему надобна была та же нерѣшительность и въ непріятелѣ. Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, утверждать его не осмѣливаясь..... Я боялся и непреклонности главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ, приказываетъ дать объ отступленіи повелѣніе. Палъ жребій и судьба изъ рукъ непріятеля исхитила лавръ побѣды!

Былъ первый часъ пополудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между армій близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстили насъ плѣнные. О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ коего военный человѣкъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна, ты нерѣдко спутница благоразумія, нерѣдко, оставляя его въ удѣлъ робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ, тебѣ въ сей день принесъ я достойную жертву! Въ мгновеніе ока въ лагерѣ всеобщее движеніе. Войска стѣсняются въ походное устроеніе, тремя путями совершается отступленіе арміи.... Непріятель, какъ потомъ объявили намъ плѣнные чиновники, принялъ его за перемѣну боеваго порядка арміи. Чрезъ полчаса лѣсистое мѣстоположеніе скрыло всѣ войска отъ глазъ непріятеля. Я оставался до выступленія послѣдняго человѣка и войска понуждалъ выходить рысью.....

Глаза мои не отрывались отъ авангарда, все вниманіе обращено было на храбраго и достойнаго графа Палена. Отдаляющаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла, однакоже, оградить его силами непріятелю соразмѣрными. Но поколебать мужества его ничто не было въ состояніи. Я скажу съ Гораціемъ: „если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашенна". До пяти часовъ

теперь движеніе производилось съ равною жестокостію, и арріергардъ отступилъ на другую сторону города, оставя непріятеля удивленнымъ порядкомъ. *

Липранди также разсказываетъ объ этомъ славномъ подвигѣ Ермолова:

„Барклай, желая въ виду задержать непріятеля, чтобы дать тѣмъ время князю Багратіону соединиться чрезъ Могилевъ въ соединеніе съ первою арміей, рѣшился принять сраженіе сперва впереди города, а потомъ позади его. Оно было отклонено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходными въ силахъ непріятелемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи, Ермолова, настойчиво требовавшаго отступленія арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе безполезной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратіона князь Меньшиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву.

„Вотъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому и сообщенныя мнѣ очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ по причинѣ пересѣченной и лѣсистой мѣстности наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска въ Островно, гдѣ мы потерпѣли пораженіе; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возымѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ непріятелемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2-го корпуса и упиравшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ лѣтъ своего

---

* Отъ многихъ современныхъ свидѣтелей я слышалъ, что Ермолову обязана была наша армія спасеніемъ подъ Витебскомъ.

служебнаго порядка, поспѣшилъ къ Барклаю, и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. „Насъ спасаетъ одно обстоятельство“, говоритъ онъ: „фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкою Лучесой, которую трудно перейдти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріятель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ.“ Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріятелемъ. На собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генералъ-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ съ величайшею запальчивостію возразилъ ему: „Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ-быть, вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?“ Результатомъ этого было то, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-й арміи, думалъ принять сраженіе близъ Витебска затѣмъ чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ княземъ Багратіономъ. Но на 1-мъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адъютантъ князя Багратіона князь Меньшиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близь Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергало 1-ю армію жестокому и безполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственныя послѣдствія.“

Возвращаемся къ запискамъ Ермолова.

. . . .

Въ самый день отступленія отъ Витебска (къ Порѣчью и Смоленску) прибылъ отъ князя Багратіона адъютантъ князь Меньшиковъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ при Дашковѣ сраженіи, и что армія его безпрепятственно идетъ въ соединеніе. Атаманъ генералъ Платовъ съ войскомъ своимъ былъ уже на маршѣ къ арміи, и по разчету времени долженъ былъ уже съ нею соединиться, ибо князь Багратіонъ, отправляя его, приказалъ ускорить движеніе. Я послалъ изъ конвоя

научаютъ. Разъ обманутый, непріятель въ другой разъ легко обманутъ не будетъ! * Движеніе ваше къ Двинѣ есть самое для непріятеля выгоднѣйшее, онъ, соединя свои силы, истребитъ слабую 2-ю армію, и васъ навсегда отдалитъ отъ полуденныхъ областей, отъ содѣйствія прочихъ армій. Вы не смѣете сего сдѣлать, должны соединиться съ княземъ Багратіономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю государя. Россія не будетъ имѣть права упрекать васъ. и вы успокоите ее насчетъ участи армій." Я говорилъ съ жаромъ, но проникъ я наконецъ цѣль главнокомандующаго, и порывчивость моя могла казаться нѣсколько простительною. Я видѣлъ, что соединеніе съ княземъ Багратіономъ было непріятнымъ. Главнокомандующій, какъ военный министръ, могъ имѣть надъ нимъ нѣкоторую власть; князь Багратіонъ, какъ старшій въ чинѣ, могъ не покоряться. Кажется, министръ не имѣлъ довольно твердости, надобно было именемъ государя объявить, что ему поручено начальство, но и князю Багратіону надлежало дождаться сего объявленія. О власть, даръ божества безцѣннѣйшій! кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія, кто недостойный не почитаетъ тебя участкомъ могущества Божія, его благостію удѣляемаго; кто во образѣ ея не признаетъ совершенства твоего, Непостижимый?. . . . .

. . . . О власть! трудны пути ведущіе къ тебѣ, велика мзда достигающимъ! Но для чего не однихъ украшаешь идущихъ путемъ правымъ? Для чего увѣнчаваешь ты исторгающихъ тебя беззаконіемъ? и симъ расточаешь могущественныя твои очарованія! Твоими обольщеніями, твоею таинственною силой подвизается дерзновенный и....

Главнокомандующій, терпѣливо выслушавшій мое возраженіе, простилъ горячность незнанію моему обращаться съ людьми, и я замѣтилъ, что онъ часто удивлялся, какъ я, доживъ лѣтъ моихъ, не пересталъ быть Кандидомъ! Я почитаю себя простотѣ своей обязаннымъ, что онъ не перемѣнилъ ко мнѣ своего расположенія, или примѣтить того нельзя

* Маршалъ Даву, послѣ сраженія съ корпусомъ генерала Раевскаго, считая оный за авангардъ и вслѣдъ за нимъ ожидая всѣхъ войскъ арміи, отступилъ, въ ожиданіи генеральнаго сраженія, къ главнымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, приготовляться къ оборонѣ, и такимъ образомъ шедшему за корпусомъ Раевскаго Багратіону далъ возможность пройдти къ соединенію съ 1-ю арміей.

было, ибо ни холоднѣе, ни менѣе обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ невозможно.

....Я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ моемъ живалъ я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, гдѣ знакомъ со всѣми вообще, по брату моему, имѣющему тамъ родственныя связи; гдѣ, могу я сказать, живалъ въ удовольствіи, ибо безпечность и свобода, размножая къ тому причины, отдаляли всякое противное ощущеніе. Теперь я въ лѣтахъ прошедшихъ время пылкой молодости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкомъ порядочнымъ и уже занимающимъ важное въ арміи мѣсто. Какіе удивительные и едва ли для самого меня постижимые перевороты! Невольно вырываются у меня пріятнѣйшія воспоминанія, что я нѣкогда платилъ дань любви красотамъ, которыхъ Смоленскъ бывалъ отечествомъ. Здѣсь многіе предметы обновляютъ въ памяти многія происшествія, которымъ одна счастливая молодость можетъ давать мѣсто, и которыя не повторяются въ жизни!

На другой день прибытія арміи къ Смоленску, 2-я армія была отъ города въ 12 верстахъ. Князь Багратіонъ пріѣхалъ къ главнокомандующему съ нѣсколькими генералами, большою свитой, пышнымъ конвоемъ.

Они встрѣтились съ возможнымъ изъявленіемъ вѣжливости, со всѣми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцѣ одинъ отъ другаго.

. . . .

Въ Смоленскѣ по званію моему имѣлъ я частое сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ, барономъ Ашемъ.... Положеніе арміи въ лицѣ его требовало человѣка дѣятельнаго, но я могу сказать примѣръ его безпечности: когда армія наша прибыла изъ Витебска въ Порѣчье, онъ отправлялъ транспортъ съ провіантомъ въ армію изъ Порѣчья въ Витебскъ. Я долженъ былъ сдѣлать ему замѣчаніе, что опасность, грозящая губерніи, могла бы допустить со стороны его болѣе любопытства насчетъ арміи.

. . . .

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія, нашли нѣкоторое число собранныхъ мужиковъ безъ всякаго на возрастъ ихъ вниманія, худо снабженныхъ одеждою, совсѣмъ не вооруженныхъ *....

---

* Здѣсь (подъ Смоленскомъ) несогласія, существовавшія между Баркла-

. . . .

Въ Смоленскѣ армія пробыла четыре дня, чтобы запастись хлѣбомъ. Главнокомандующій пригласилъ великаго князя и нѣкоторыхъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ, и по долгомъ разсужденіи общее всѣхъ мнѣніе было атаковать непріятеля. Я въ первый разъ въ случаѣ столько важномъ видѣлъ великаго князя, и не могу довольно сказать похвалы, какъ о разсужденіи его чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предложилъ онъ его. Я съ сего времени удвоилъ мое къ нему почтеніе. Главнокомандующій былъ одинъ, не весьма охотно давшій согласіе на атаку; онъ ожидалъ точнѣйшихъ о непріятелѣ свѣдѣній, и ожидалъ ихъ отъ передовыхъ постовъ, которые никакихъ не имѣли.... Все благопріятствовало предпринимаемой нами атакѣ. Разсѣянныя на большомъ пространствѣ (въ Порѣчьѣ, Велижѣ, Суражѣ,

---

емъ и княземъ Багратіономъ, достигли наибольшихъ размѣровъ; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшагося болѣзнью храбраго, благороднаго, но недальновиднаго графа Сенпри, сношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратіонъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ, и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались гораздо дружелюбнѣе: Ермоловъ, передавая приказанія Барклая князю и донесенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія; онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратіону, убѣждая его *именемъ Бога и отечества* не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современныя обстоятельства.

Между тѣмъ Барклай, выслушивая донесенія князя Багратіона, передаваемыя ему Ермоловымъ, и гладя, по своему обыкновенію, раненую руку свою, говорилъ ему: „съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ“ князь Багратіонъ говорилъ ему въ свою очередь: „съ твоимъ методикомъ Даву можно еще ладить.“ Къ несчастію, выздоровленіе графа Сенпри, послѣдовавшее чрезъ двѣ недѣли, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ...

...Близь Смоленска Барклай возымѣлъ мысль идти съ 1-ю арміей къ городу Бѣлому, направивъ вторую по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полнаго пораженія. Ермоловъ, который, по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: „вы не осмѣлитесь, ваше высокопрев—ство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ армій.“ Барклай, убѣдившись въ гибельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. (*Д. Давыд.*)

Оршѣ, Лядахъ, Витебскѣ) непріятельскія войска, бездѣйствіемъ нашимъ обезпеченныя, и въ надеждѣ продолжительнѣйшаго отдохновенія нашего покоящіяся, въ успѣхѣ удостовѣряли.... Сто двадцать тысячъ Россіянъ съ любовію къ отечеству, съ отмщеніемъ въ груди, и Богъ споборникъ праваго! Кто могъ противустать? Данъ приказъ къ наступленію! Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, разлилось веселіе между воинами. Уже слышенъ гласъ трубы, призывающей къ брани. Уже вѣютъ побѣдоносныя знамена! Съ изумленіемъ взираетъ Смоленскъ на силы ополченій, и взоромъ ихъ обнять не можетъ. Твердыя стѣны его сотрясаются отъ радостныхъ восклицаній воинства. Днѣпръ шумитъ, гордясь согласнымъ пути его теченіемъ! Какъ вихрь летятъ полки и въ мигъ разстояніе между нами исчезаетъ. Еще шагъ—и уже предъ лицомъ ихъ! Пресѣкаетъ путь вашъ, храбрые воины, велѣніе начальствующаго!

. . . .

Арміи, не доходя на разстояніе небольшаго марша отъ Рудни, остановились. Главнокомандующій колебался идти далѣе, князь Багратіонъ настоятельно того требовалъ. Вмѣсто быстраго движенія, въ положеніи нашемъ единственнаго средства къ успѣху, данъ арміямъ день отдохновенія. Данъ непріятелю лишній день для соединенія силъ. Онъ могъ узнать о нашемъ предпріятіи...

. . . .

Взятый въ плѣнъ (Платовымъ при Лешнѣ) полковникъ утверждалъ, что они не знали о приближеніи арміи нашей, и никакихъ на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано....

....Еще обстоятельства благопріятствовали намъ, еще ничто потеряно не было, еслибы главнокомандующій твердъ былъ въ намѣреніи.... Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія предначертаннаго плана, но и перемѣнилъ его совершенно.

. . . .

Чрезъ день вторая армія по причинѣ худой воды, производившей болѣзни, и не менѣе даже отъ недостатка оной, возвратилась въ Смоленскъ.....

Первая армія четыре дня безъ дѣйствія пребывала въ Мощинкѣ.....

. . . .

Главнокомандующій предпочиталъ дѣйствовать со стороны Порѣчья, и нельзя постигнуть причинъ сего намѣренія. Отдѣлить ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ было невозможно.....

. . . .

Никогда не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклай-де-Толли, и никогда не прощу тебѣ отмѣну атаки на Рудню! За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, Багратіонъ, благодѣтель мой? Не я ли при первой мысли о нападеніи на Рудню настаивалъ на исполненіи, не я ли требовалъ скорости онаго? Я всѣ средства употреблялъ удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь и малѣйшаго между вами охлажденія. Скажу и то, что въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ, чрезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Барклая-де-Толли представлялъ предъ тебя во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и колкіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашелъ въ немъ. Не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ чтобы можно было служить вмѣстѣ съ тобою съ *такою* пріятностію. Благодаря довѣренности обоихъ васъ ко мнѣ, я долго бы удерживалъ васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой графъ Сен-При. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я болѣе его употребленъ былъ и твоею пользовался дружбою. Начальство Барклая-де-Толли, званіе его военнаго министра, мнѣ, какъ чиновнику къ нему близкому, давали надъ Сен-При нѣкое первенство и занятіямъ моимъ бо́льшую наружность. Онъ пользу общую заставилъ молчать предъ собственною Хотѣлъ значить болѣе нежели должно, болѣе нежели могъ, и тѣмъ хуже для тебя, что молодому сему и счастьемъ и дворомъ избалованному человѣку далъ ты слишкомъ много свободы!

Потерявъ много времени, потерявъ время безцѣнное, 1-я армія изъ Мощинки пошла тою же дорогой обратно къ Руднѣ. Точнаго намѣренія не было ни искать непріятеля, чтобы съ нимъ сразиться, ни дожидаться его прибытія, но довольно идти впередъ, чтобы князь Багратіонъ присоединился. Лишь армія прибыла къ селенію Гаврики, гдѣ стоялъ авангардъ

генералъ-адъютанта Васильчикова, войска 2-й арміи были уже на второмъ отъ Смоленска маршѣ и приближались, чтобы занять лѣвое крыло позиціи...... .

. . . .

Въ сіе самое время князь Багратіонъ получилъ рапортъ генералъ-майора Невѣровскаго, что 3-го числа іюля непріятель въ большихъ силахъ весьма напалъ на него въ Красномъ, гдѣ упорно защищаясь, былъ онъ вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ знатный уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Нерасторопный курьеръ былъ сутки въ дорогѣ, и непріятеля можно уже было полагать въ движеніи на Смоленскъ. Во время чтенія рапорта слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ, и передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Корпусу генералъ-лейтенанта Раевскаго приказано тотчасъ идти поспѣшнѣе къ генералъ-майору Невѣровскому въ подкрѣпленіе. 2-я армія немедленно пошла къ Смоленску, вслѣдъ за нею отправилась и 1-я армія. Атаману Платову велѣно, собравъ партіи, отойдти къ селенію Приказъ-Выдра и тамъ расположиться...... Въ Смоленскѣ было величайшее смятеніе. Губернаторъ баронъ Ашъ уѣхалъ первый, не сдѣлавъ ни о чемъ распоряженія, не давъ никакихъ подчиненнымъ наставленій. Все побѣжало! Исчезли власти, не стало порядка!

Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить въ должность дежурнаго генерала, которую оставилъ онъ за болѣзнію, не принималъ за упрямствомъ. Особенная сродная ему наклонность къ порядку, необыкновенная дѣятельность и знаніе новаго порядка дѣлъ, при введеніи коего онъ находился и самъ способствовалъ образованію дежурства арміи, заставили меня искать его, а паче сближеніе его со мною, когда ни я не привлекателенъ, ни онъ не привязчивъ, давало мнѣ подозрѣніе, что онъ собственно для меня въ томъ не откажетъ. Помню даже, что разъ упрекалъ ему равнодушіемъ къ безпорядкамъ, нечувствительностію къ общей пользѣ. Я ничѣмъ не тронулъ его; сыскалъ его дружбу, и онъ согласился!

Ты, преупрямѣйшее существо, Кикинъ, котораго въ послѣдствіи любилъ я какъ брата, котораго почитаю честность правилъ и прекрасное свойство души, поздно началъ ты смѣяться надъ моимъ обращеніемъ, поздно странными нашелъ употребляемые мною въ обхожденіи способы, столько по

наружности одинаковые, столько разнообразные по дѣйствію. Они и надъ тобой самимъ имѣли дѣйствіе. Ты не примѣтилъ, что впечатлѣніе ихъ зависитъ отъ различнаго образа чувствъ, и если можно мнѣ доказать, что и ты, и Ставраковъ одинаково понимаете вещи, то соглашусь я, что любезный другъ, старый товарищъ и почтенный сослуживецъ одинаково всѣми принимаемы и одинаковую цѣну въ чувствахъ каждаго имѣютъ. Чѣмъ сблизилъ я тебя съ собою? Обыкновеннымъ умомъ не привлекаютъ! Конечно, не очаровалъ пріятностію: взгляни мнѣ въ рожу, или послѣ собственной твоей кажусь я еще хорошимъ? Итакъ успѣлъ я моимъ обращеніемъ, обыкновенными моими средствами, и Кикинъ мнѣ братъ, а Ставраковъ сослуживецъ!

Прощай, Ставраковъ, любезный сослуживецъ, несчастный дежурный генералъ, комендантъ несравненный! Уже не входишь ты ко мнѣ съ представленіями и не требуешь разрѣшенія, накладывать ли на подводы тѣхъ раненыхъ, кои идти не могутъ? Уже не вижу тебя углубленнаго въ размышленіе, сколько наряжать людей на похороны умирающимъ чиновникамъ, и въ сомнѣніи бѣгущаго ко мнѣ за разрѣшеніемъ. Прощай, но прими благодареніе мое за упражненіе дѣятельности моей, за удержаніе меня въ трудахъ безпрерывныхъ. Ты прервалъ связь мою съ лѣностію, ты утвердилъ въ неутомимости, и благодаря тебѣ, я и твою отправлялъ должность! О лѣность, всегда мною чтимая! прими меня возвращающагося къ тебѣ, клянусь вѣчнымъ постоянствомъ. Распростри нѣжныя твои объятія, и я почію въ нихъ сномъ праздности. Ксенофонтъ! неси соломы, стели роскошную постелю. Адъютанты! Кикинъ, дежурный генералъ, добра ночь!

. . . .

4 числа іюля весь день генералъ-лейтенантъ Раевскій дрался одинъ съ своимъ корпусомъ и 27 дивизіей. 2 армія прибыла поздно въ вечеру; 1 армія ночью. Онъ не только не впустилъ непріятеля въ городъ, но занявъ предмѣстія, и оными овладѣть не допустилъ...

. . . .

5 числа сраженіе продолжалось съ жестокостію, уронъ нашъ былъ чувствителенъ, но стѣны, насъ ограждавшія, укрывая отъ дѣйствія артиллеріи, сдѣлали его ничтожнымъ въ сравненіи съ потерею непріятеля, которая была ужасна. Въ семъ случаѣ Наполеонъ не пощадилъ Поляковъ, и они, рабственно

прихотямъ его служащіе, понесли на себѣ всю почти потерю. За часъ до вечера непріятель приблизился весьма къ стѣнѣ и стрѣлки наши должны были войдти въ городъ. Часть предмѣстія, лежащая по Днѣпру съ лѣвой стороны, была во власти его, мостъ осыпаемъ былъ ядрами приблизившихся его батарей, городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ...

....Князь Багратіонъ склонялъ главнокомандующаго непремѣнно на слѣдующій день защищать городъ и атаковать непріятеля, предлагалъ съ своею арміей переправиться на лѣвый берегъ, и чтобь онъ то же сдѣлалъ съ своей стороны. Главнокомандующій спросилъ о томъ при мнѣ полковника Толя мнѣніе, который отвѣчалъ, что надобно атаковать непріятеля двумя колоннами изъ города. Я возразилъ противъ сего предложенія, и удивился, что человѣкъ съ его понятіями могъ допустить столько неосновательныя мысли и въ случаѣ столько важномъ. Какъ предложить атаковать изъ города, когда въ немъ малое число весьма воротъ (замѣтить должно, что ворота не прямыя, но имѣютъ повороты)? Какое продолжительное надобно время, чтобы не большое число войскъ могло пройдти ихъ, и какъ развернуть ихъ подъ огнемъ артиллеріи, къ самымъ почти стѣнамъ города придвинутой, дабы дать мѣсто вгорой линіи и резервамъ, и когда приспѣть можетъ сопровождающая атаки артиллерія? Какъ собрать войска въ улицахъ города, гдѣ не осталось дома не разрушеннаго артиллеріей, и требовать отъ нихъ порядка и устройства? Я присоединилъ къ возраженію моему случай отступленія, при которомъ всѣ упомянутыя неудобства возрасти должны въ большей степени. Главнокомандующій согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Я представилъ, что если необходимо нужно атаковать непріятеля, то переправиться на ту сторону Днѣпра мимо города и съ правой его стороны; ибо тогда весь форштатъ принадлежалъ еще намъ, и усиля его оборону, можно было удержать оный за собою. Устроенные чрезъ Днѣпръ мосты могли быть сильно защищены батареями праваго фланга крѣпости..... Въ случаѣ отступленія близки были каменныя церкви и большіе монастыри съ оградами, которые успѣхамъ непріятеля не дали бы распространиться. 2-я армія никакъ не должна была переправиться выше и атаковать правое непріятеля крыло, какъ то предполагалъ князь Багратіонъ, ибо непріятель или бы воспрепятствовалъ ея переправѣ по близости оной, а еслибы

переправилась она далѣе, то по разстоянію ея отъ 1-й арміи могъ совершенно ее уничтожить. Трудно было въ такомъ случаѣ удержать согласіе въ дѣйствіи, соблюсти взаимное подкрѣпленіе, имѣя единственное сообщеніе чрезъ городъ, величайшей медленности подверженное, которое могъ непріятель нарушать, весьма малыми силами не выпуская войскъ нашихъ изъ города, тогда какъ безпрепятственно сосредоточивать могъ свои войска по произволу. Возражая такимъ образомъ противъ неосновательнаго мнѣнія князя Багратіона и полковника Толя, я въ свою очередь сдѣлалъ также неблагоразумный поступокъ, поддерживая предложеніе гг. корпусныхъ командировъ, которые чрезъ генералъ-майора графа Кутайсова представляли главнокомандующему, чтобъ еще одинъ день защищать Смоленскъ. Его необходимо было защищать въ одномъ только случаѣ, еслибы положено было атаковать непріятеля непремѣнно. Если главнокомандующій съ перваго дня не имѣлъ того намѣренія, то и защищать его не должно было, ибо даже и удержать за собою безполезно.... Наполеонъ искалъ случая вступить въ сраженіе, ибо дальній путь и быстрый ходъ чрезвычайно изнуряли его войско, которое отъ продолженія времени ослабѣвало ощутительно, и въ сихъ только причинахъ надобно искать начало безполезныхъ его при Смоленскѣ усилій.

Главнокомандующій приказалъ ночью оставить городъ, и войскамъ, перейдя на правый берегъ, истребить мостъ. До вечера продолжившееся сраженіе не допустило войска рано оставить городъ и послѣдніе полки вышли предъ разсвѣтомъ безпрепятственно, за коими вскорѣ непріятель занялъ городъ.

. . . .

Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Богоматери, укрывая его отъ безчинствъ, дѣлаемыхъ непріятелемъ со святынею. Принялъ его, отслужилъ молебенъ и видѣлъ съ радостію, что надъ солдатами произвело сіе хорошее дѣйствіе....

6 числа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи. Того же числа армія князя Багратіона пошла къ селенію Пнева слобода, дабы переправиться за Днѣпръ благовременно.

Итакъ оставили мы тебя, Смоленскъ! Судьба претила намъ защищать тебя долѣе. Привлекли на тебя всѣ роды бѣдствій, наполнили отчаяніемъ и страхомъ, превратили въ жилище ужаса и смерти. Собственными руками ускоряли твое

разрушеніе, разнесли пожирающій тебя пламень, и ты, озаряя насъ сіяніемъ снѣдающихъ тебя пожаровъ, казалось упрекаешь намъ твоимъ бѣдствіемъ, и въ стыдъ намъ расточаешь мракъ, скрывающій наше отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня совсѣмъ съ новымъ для меня чувствомъ, котораго войны, внѣ предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ. . . . . Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ своего отечества. Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотчичей, впервые раскрылись глаза мои на ужасъ бѣдственнаго ихъ состоянія, и конечно на всю жизнь останутся въ сердцѣ воспоминанія. Незнакомо было мнѣ сіе чувство, судьба и оному научила. По занятіи непріятелемъ Смоленска приказано было бросать бомбы въ городъ, и Французы не малый потерпѣли уронъ....

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное. Главнокомандующій, поѣхавъ въ полночь отъ Смоленска, полагалъ, что войска, отступившіе съ вечера, прошли уже большое разстояніе, но весьма былъ удивленъ, найдя на лагерѣ весь корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута. Трудный путь, худыя переправы, ночь необычайно темная, останавливали на каждомъ шагу движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Уже оставалось ночи весьма короткое время и до разсвѣта почти невозможно было удалиться изъ виду непріятельскихъ армій. Почувствовалъ главнокомандующій непріятность нашего положенія, и сколько въ подобномъ случаѣ опасно, если будутъ насъ преслѣдовать Французы, въ чемъ нельзя было впрочемъ усомниться! Онъ приказалъ мнѣ ѣхать и употребить всѣ средства къ скорѣйшему войскъ ходу, употребилъ даже просьбы, чтобъ я старался о томъ сколько возможно *. Отъѣзжая, пожелалъ я ему, чтобы въ сей день ничего съ нами не случилось, но оба мы въ томъ сомнѣвались. Проѣхавъ не болѣе трехъ верстъ, прогоняя впередъ артиллерію, нашелъ я среди пѣхотной колонны два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, начальникъ коихъ донесъ мнѣ, что онъ, не болѣе двухъ-сотъ шаговъ оттуда стоя на посту, былъ прогнанъ непріятелемъ, занявшимъ его мѣсто, при чемъ

---

* Я рѣдко видѣлъ его столько любезнымъ и даже на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ не былъ очарователенъ.

ранено у него два гусара. Отъ него узналъ я, что вмѣстѣ съ нимъ на посту были егери отъ авангарда князя Горчакова, которые отошли прежде нежели отрядъ г.-м. Тучкова прошелъ сіе мѣсто, но тогда непріятель еще не появлялся. Поправить сего было невозможно, ибо ни положенія непріятеля, ни силъ его по темнотѣ нельзя было разсмотрѣть, и оставалось только желать, чтобы войска успѣли пройдти безъ препятствія сіе мѣсто, гдѣ между прочимъ переправа около мельницы не мало была затруднительна. Я извѣстилъ главнокомандующаго о семъ обстоятельствѣ и поспѣшилъ далѣе. Строгость, угрозы и шумъ моихъ адъютантовъ прогоняли артиллерію, что̀ одно и надобно было, ибо войска могли идти скоро. Начинало разсвѣтать немного, и войска, сдѣлавъ около десяти верстъ пути, остановились нѣкоторое время, и я знаю причину, что идущій въ головѣ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Уваровъ расположился фуражировать въ деревнѣ и вьючить на лошадей сѣно. Еслибъ Уваровъ и былъ для арміи человѣкомъ необходимымъ, то въ сію минуту конечно былъ ей въ тягость. Какъ начальникъ главнаго штаба, имѣющій власть приказывать именемъ главнокомандующаго, пишу я къ нему записку и..... не пишу комплиментовъ,—корпусу назначаю, не дожидаясь пѣхоты, идти занять то мѣсто, гдѣ проселочная дорога, по коей мы идемъ, соединяется съ почтовою. Вскорѣ услышаны пушечные выстрѣлы изрѣдка, и спустя мало времени потомъ, гораздо чаще; я приказалъ пѣхотѣ идти сколько можно поспѣшнѣе. Начальствующій всею колонною ген.-лейт. Тучковъ (Николай Алексѣевичъ) оставался ночевать въ деревнѣ и его найдти было невозможно, но я, увидѣвшись съ ген.-лейт. Коновницынымъ и переговоря съ нимъ, былъ увѣренъ, что сей въ трудахъ неутомимый человѣкъ все исполнитъ наилучшимъ образомъ. Я посылаю къ главнокомандующему адъютанта и прошу увѣдомить меня, что происходитъ въ арріергардѣ? Пишу къ нему записку, что если противъ него канонада, то нѣтъ ничего опаснаго, и если даже можетъ быть потеря, но не будетъ слѣдствій; ежели же дѣйствуетъ отрядъ г.-м. Тучкова (впереди), то легко можетъ быть отрѣзана большая дорога и мы атакованы на маршѣ, и тогда трудно даже будетъ соединиться съ другою колонною арміи, которая пошла прямо на переправу черезъ Днѣпръ у Пневой слободы. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить

людей на орудія и идти рысью. Вскорѣ получаю извѣстіе отъ главнокомандующаго, что арріергардъ сильно преслѣдуемъ непріятелемъ, который, по занятіи предмѣстія на правомъ берегу, захватилъ высоты, мимо коихъ проходила колонна *, и движеніемъ симъ отрѣзалъ арріергардъ такъ, что часть кавалеріи онаго должна была проскакивать подъ выстрѣлами и что для подкрѣпленія онаго возвратилъ онъ весь 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, который, вытѣснивъ непріятеля изъ его положенія, открылъ арріергарду путь къ отступленію, но что однакоже сраженіе, продолжаясь весьма сильно, требуетъ его тамъ присутствія. Между тѣмъ выходитъ генералъ-адъютантъ Уваровъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на почтовую дорогу, за нимъ вслѣдъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ расположенъ былъ Елисаветградскій гусарскій полкъ, принадлежащій отряду генералъ-майора Тучкова, котораго полагали въ 7 верстахъ впереди къ городу, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ 2-й арміи генералъ-лейтенанта князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что и самъ генералъ-майоръ Тучковъ не болѣе одной версты впереди. Отъ него узнали мы, что генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ, не дождавшись его, отошелъ съ авангардомъ ко 2-й арміи, снявъ вообще всѣ посты, и только оставилъ три полка Донскіе въ командѣ генералъ-майора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Я остановилъ сіи полки, чтобы сколько можно удерживали они непріятеля, который имѣлъ съ ними весьма слабую перестрѣлку и впередъ не подавался. Генералъ-майоръ Тучковъ могъ еще подвинуться около двухъ верстъ, но далѣе расположенъ былъ непріятель въ силахъ. Я предложилъ генералъ-лейтенанту Тучкову 1-му подкрѣпить отрядъ генералъ-майора Тучкова гренадерскими лейбъ- и графа Аракчеева полками подъ командою полковника Желтухина 2-го и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочіе войска отошли на ночлегъ 6 верстъ далѣе къ сторонѣ Дорогобужа. Было десять часовъ утра и довольно спокойно со стороны Смоленска, но слишкомъ рано было, чтобы до конца дня надѣяться на продолженіе сего спокойствія, и слишкомъ близко позади соединеніе

* Мѣсто, о которомъ сказалъ я выше и гдѣ найдены были мною два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка.

обѣихъ дорогъ. Еще не прибылъ 4-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, много артиллеріи разбросано было по дорогѣ, 2-й корпусъ былъ въ далекомъ разстояніи, и арріергардъ, которому служилъ онъ подкрѣпленіемъ, удерживалъ ходъ его. Позади соединенія дорогъ въ двухъ верстахъ была весьма выгодная позиція, которой фронтъ, надъ окрестными мѣстами возвышенный, прикрывался болотистою чрезвычайно рѣчкой, но нельзя было занять оную, ибо надлежало уступить дорогу непріятелю. Итакъ необходимость заставила расположиться въ позиціи самой невыгодной. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защищеніе было существенною для насъ важностію, ибо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги, и его не имѣя, не можно было ни отступить, ниже усилить какую-либо часть войскъ всего боеваго устроенія, ибо по всему распростертію линіи, съ одного сего фланга можно было проходить войскамъ. Центръ позиціи покрывался частымъ кустарникомъ по низкому и частію болотистому мѣсту. Къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался лѣсъ, густой, но необширный; на конечности онаго пространное поле, для дѣйствія конницы удобное, склонялось назадъ къ ручью весьма тинистому. Необходимо было занять поле сіе и даже отдѣлить на то значущую часть артиллеріи, ибо непріятель, устроя на немъ свои батареи, охватывалъ тылъ всѣхъ прочихъ частей линіи нашей и дорогу къ нимъ ведущую.

Генералъ-майоръ Тучковъ далъ знать, что примѣчено умноженіе непріятельскихъ силъ, и препроводилъ схваченныхъ двухъ виртембергскихъ гусаръ, которые сказали, что 16 полковъ непріятельской кавалеріи ожидаютъ прибытія пѣхоты въ большомъ количествѣ и тогда сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Генералъ-майоръ Карповъ увѣдомилъ, что разъѣзды его открыли переправу французской арміи на правый берегъ Днѣпра по нѣсколькимъ наведеннымъ мостамъ. Я предложилъ генералъ-лейтенанту Тучкову 1-му возвратить войска, отошедшія на ночлегъ, и донесъ о извѣстіяхъ главнокомандующему. Онъ прислалъ мнѣ приказаніе вступить въ сраженіе, и увѣдомилъ, что онъ прибудетъ самъ, устроивъ дѣла арріергарда. Обстоятельства сраженія видны изъ реляціи ниже сего, которую подалъ я главнокомандующему отъ 22 сентября, за № 501, и которую приказалъ онъ мнѣ прямо отъ себя представить его свѣтлости фельдмаршалу князю Кутузову.

Важныя происшествія, сопровождавшія сіе сраженіе, затруднительное положеніе, изъ коего съ выгодою вышли войска наши, и особенная довѣренность, возложенная на меня въ сей день главнокомандующимъ, позволяютъ мнѣ съ пріятностію распространиться о такомъ дѣлѣ, въ которомъ главнокомандующій большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7-го числа августа при селеніи Заболотье.

По трехсуточномъ защищеніи города Смоленска опредѣлено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Днѣпръ, большими непріятельскими силами угрожаемую. Авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами. Первая подъ командою генерала Дохтурова, изъ 5-го и 6-го корпусовъ и арріергарда генерала отъ кавалеріи Платова, слѣдовала дорогою, отъ непріятеля отклонившеюся и безопасною. 2-й, 3-й и 4-й корпуса и арріергардъ генералъ-адъютанта барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедливавшими. Въ продолженіи сего авангардъ 2-й арміи отошелъ и на смѣну его заблаговременно посланный отрядъ генералъ-маіора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20-го и 21-го егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и гусарскаго Елисаветградскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой верстѣ отъ города.

Арріергардъ генералъ-адъютанта барона Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидѣтель сего упорнаго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе вашего высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Невозможно было употребить довольно поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска, отрядъ генералъ-маіора Тучкова 3-го слабъ противъ непріятеля. Именемъ вашего высокопревосходительства приказалъ я 1-му кавалерійскому корпусу генералъ-адъютанта Уварова

поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, горящій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ кавалеріи. Генералъ-майору Пасееку поручилъ я проводить артиллерію рысью. 4-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстаго пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ отрядъ генералъ-майора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ. Приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ его бригадою полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и графа Аракчеева полковъ и 6-ю батарейными орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлегъ въ 6-ти верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилился огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертира объявили, что непріятель въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и кавалеріи готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіяся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ присоединятся. Командующій передовыми постами войска Донскаго генералъ-майоръ Карповъ далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ генералъ-лейтенанта Тучкова и 3-му корпусу приказалъ придти поспѣшнѣе. Передовые посты уступили силамъ непріятеля и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приблизиться. Я донесъ вашему высокопревосходительству и вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устроеніе въ ожиданіи вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по большой почтовой дорогѣ. Но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дала возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда генералъ-майора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20-й егерскій полкъ съ генералъ-майоромъ княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія и какъ туча возлегла на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію,

кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подъ командою генералъ-майора князя Гуріяла, быстро вытѣснившая непріятельскую пѣхоту изъ лѣса, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея нерѣшительными, робкими, паче же Перновскій полкъ съ генералъ-майоромъ Чоглоковымъ, выстроенный въ колоннѣ среди самаго непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоялъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою! По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленію лѣваго нашего крыла. По храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обращаема была въ бѣгство какъ съ потерею, равно и со стыдомъ непріятеля. Кавалеріей и казаками приказалъ я командовать генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ повторенныя равнымъ образомъ атаки и отраженіе продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17-я дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева и утомленные въ дѣлѣ съ арріергардомъ генералъ-адъютанта барона Корфа полки употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта отъ главныхъ непріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи непріятеля, но противостоявшія неустрашимо 3-й дивизіи полки Черниговскій, Муромскій и Селенгинскій, удержа мѣсто, отразили непріятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности дежурнаго генерала флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ, адъютантъ мой лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Граббе и состоявшій при мнѣ штабъ-ротмистръ Деюнкеръ, адъютантъ генерала Милорадовича, собравъ разсѣянныхъ людей, бросились съ барабаннымъ боемъ въ штыки, и въ короткое время очистили дорогу, возстановя тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи непріятель отклонилъ атаку и послѣднія усилія на правое наше крыло. Батарея наша изъ четырехъ орудій была сбита, и я, не вѣряя утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прервавшагося порядка, лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ въ присутствіи вашего высокопревосходительства повелъ самъ на батарею непріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отлично храбро,

опрокинулъ все, что ему встрѣтилось на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки непріятеля однакоже прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ въ помощь и полки 17-й дивизіи участвовали, а болѣе стрѣлками. Генералъ-маіоръ Тучковъ 3-й, опрокинувшій сильную непріятельскую колонну, и увлеченный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взятъ въ плѣнъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду непріятельскій огонь, оттѣснилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе. Мѣсто сраженія и даже далѣе удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артиллерію, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю арміею.

Списки объ отличившихся.... имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность вашего высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостію моего донесенія.

. . . .

Д. В. Давыдовъ такъ описываетъ это дѣло:

„Распорядившись насчетъ отступленія арміи изъ-подъ Смоленска, Барклай и Ермоловъ ночевали въ арріергардѣ близъ самаго города. Барклай, предполагая, что прочіе корпуса арміи станутъ, между тѣмъ, выдвигаться по дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, приказалъ разбудить себя въ полночь, для того чтобы лично приказать арріергарду начать отступленіе. Когда наступила полночь, онъ съ ужасомъ увидалъ, что 2-й корпусъ еще вовсе не трогался съ мѣста; онъ сказалъ Ермолову: „nous sommes en grand danger comment cela a-t-il-pu arriver?“ Къ этому онъ присовокупилъ: „поѣзжайте впередъ, ускоряйте маршъ войскъ, а я пока здѣсь останусь“. Дурныя дороги задержали корпусъ Остермана, который слѣдовалъ потому весьма медленно. Прибывъ на разсвѣтѣ въ мѣсто, гдѣ корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлегъ, Ермоловъ, именемъ Барклая, приказалъ имъ слѣдовать далѣе. Князь Багратіонъ, Ермоловъ и Толь утверждаютъ, что Тучкову 3-му

надлежало не только занять перекрестокъ дорогъ, но и придвинуться ближе къ Смоленску на подкрѣпленіе Карпова и смѣну князя Горчакова. Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Ермоловъ писалъ отсюда Барклаю: „если выстрѣлы, мною слышанные—съ вашей стороны, мы можемъ много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, бóльшая часть нашей артиллеріи можетъ сдѣлаться добычею непріятеля; во всякомъ случаѣ прошу ваше высокопревосходительство не безпокоиться, я приму всѣ необходимыя мѣры“. Въ самомъ дѣлѣ 180 орудій, слѣдуя медленно и по дурнымъ дорогамъ, находились еще въ далекомъ разстояніи отъ Соловьевой переправы. Къ величайшему благополучію нашему, Жюно, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не трогался съ мѣста; Ермоловъ обнаружилъ здѣсь рѣдкую дѣятельность и замѣчательную предусмотрительность. По его распоряженію, графъ Кутайсовъ и генералъ Пассекъ поспѣшили къ артиллеріи, которой приказано было слѣдовать какъ можно скорѣе; здѣсь въ первый разъ употреблена была команда: *на орудіе садись*. Ермоловъ, достигнувъ перекрестка, поѣхалъ далѣе по направленію къ Соловьевой переправѣ и возвращалъ назадъ встрѣчаемыя имъ войска. Принцъ Александръ Виртембергскій, не имѣвшій команды, просилъ Ермолова поручить ему что-нибудь; придавъ принцу свѣдущаго штабъ-офицера съ солдатами, онъ просилъ его заняться улучшеніемъ дорогъ. Возвратившись къ перекрестку, Ермоловъ узналъ здѣсь отъ генерала Всеволожскаго, что Тучковъ 3-й находится лишь въ 300 саженяхъ отсюда. Князь Багратіонъ въ письмѣ своемъ Ермолову, отъ 8-го августа, между прочимъ, пишетъ: „надо примѣрно наказать офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова 3-го; вообрази, что за 8 верстъ вывелъ далѣе, а Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока армія ваша пришла“. Взявъ въ плѣнъ двухъ Вестфальцевъ корпуса Жюно, Тучковъ 3-й препроводилъ ихъ къ Ермолову, которому они объявили, что у нихъ 16 полковъ одной кавалеріи. Ермоловъ писалъ отсюда съ капитаномъ квартирмейстерской части Ховеномъ (въ послѣдствіи тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ) великому князю Константину Павловичу, слѣдовавшему въ колоннѣ Дохтурова, что надо поспѣшить къ Соловьевой переправѣ, перейдти тамъ рѣку, и расположившись на позиціи, покровительствовать переправѣ прочихъ войскъ. Приказавъ, именемъ Барклая, Остерману и Тучкову 1-му

подкрѣпить Тучкова 3-го, Ермоловъ направилъ графа Орлова-Денисова къ Заболотью, гдѣ онъ, однако, не могъ бы выдержать натиска непріятеля, еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не велѣно было командиру Екатеринбургскаго полка князю Гуріелю занять рощу; во время нападеній непріятеля на графа Орлова-Денисова, Гуріель поддерживалъ его батальнымъ огнемъ изъ рощи. Получивъ записку Ермолова, Барклай отвѣчалъ: „съ Богомъ, начинайте, а я, между тѣмъ, подъѣду". Прибывъ вскорѣ къ колоннѣ Тучкова 3-го, и найдя, что здѣсь уже были приняты всѣ необходимыя мѣры, Барклай дозволилъ Ермолову распоряжаться войсками. Между тѣмъ, непріятель, занявъ одну высоту нѣсколькими орудіями, наносилъ намъ большой вредъ; Ермоловъ приказалъ Желтухину съ своими лейбъ-гренадерами овладѣть этою высотой. Желтухинъ, не замѣтивъ, что высота весьма крута, повелъ слишкомъ быстро своихъ гренадеръ, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты непріятелемъ. Непріятель, замѣтивъ, что этотъ храбрый полкъ, здѣсь сильно потерпѣвшій, намѣревается вновь атаковать высоту, свезъ свои орудія. Между тѣмъ, Наполеонъ навелъ 5 понтоновъ, чрезъ которые Французы могли атаковать наши войска съ фланга и тыла; еслибы Тучковъ 3-й придвинулся ближе къ Смоленску, онъ бы могъ быть отрѣзанъ. Всѣ наши войска и артиллерія, благодаря неутомимой дѣятельности, энергіи и распорядительности Ермолова, но въ особенности бездѣйстію Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оцѣнивъ вполнѣ заслуги Ермолова, поручилъ ему представить отъ своего имени рапортъ о томъ князю Кутузову." *

---

* Алексѣй Петровичъ, будучи 410-мъ генералъ-маіоромъ по старшинству, былъ произведенъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты. По этому поводу Давыдовъ разказываетъ слѣдующее:

Хотя Ермоловъ былъ представленъ за сраженіе при Заболотьѣ въ генералъ-лейтенанты, но, видя себя всѣми обойденнымъ, потому что въ приказахъ не было объявлено о его производствѣ, онъ вошелъ о томъ съ рапортомъ къ кн. Кутузову, который оставилъ это безъ всякаго внимания. Во время вступленія нашихъ войскъ въ прусскія владѣнія, государь былъ столь милостивъ къ Ермолову, что приказалъ графу Аракчееву узнать: не почитаетъ ли себя Алексѣй Петровичъ чѣмъ-нибудь оскорбленнымъ; когда найденъ былъ рапортъ его князю Кутузову, послѣдовалъ высочайшій приказъ о его производствѣ со старшинствомъ

Возвратимся къ разказу самого Ермолова.

На другой день рано армія перешла за Днѣпръ.

9-го числа первая армія вся вмѣстѣ прибыла къ селенію Усвяты. Днемъ прежде, 2 армія расположилась неподалеку отъ Дорогобужа.

16-го числа былъ войскамъ растахъ....

. . . .

....На другой день войска перешли къ Дорогобужу. Полковнику Толю приказано расположить ихъ подлѣ города. Между тѣмъ, пѣхота арріергарда (атамана Платова) пришла къ селу Усвяты и заняла оное......

. . . .

1-я армія осталась у Дорогобужа только до вечера, 2-я тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять идущую отъ стороны Ельны дорогу, которою могъ воспользоваться непріятель, и, между тѣмъ, для того, чтобъ обѣимъ арміямъ раздѣлиться для удобнѣйшаго движенія войскъ.....

. . . .

....Армія была уже въ селеніи Семлево.... Предположено было остановиться два дни, ибо утомленные продолжительнымъ отступленіемъ войска имѣли нужду въ отдохновеніи...... Въ первый день отдохновенія атаманъ Платовъ присылалъ занимать лагерь для арріергарда, донося, что непріятель сильно тѣснитъ его и онъ, не въ состояніи будучи удержать его стремительности, находится только въ 8 верстахъ и ночью прибудетъ въ селеніе Семлево.... 1-я армія должна была оставить Семлево, 2-я армія, всегда на одной высотѣ на лѣвомъ ея флангѣ находящаяся, послѣдовала также далѣе (къ Вязьмѣ), вмѣсто предположеннаго отдохновенія......

Отъ генерала отъ инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что онъ съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ 16 тыс. человѣкъ, большею частію пѣхоты, спѣшитъ соединиться съ арміей.....

со дня сраженія при Заболотьѣ, и по этому поводу состоялось высочайшее постановленіе о томъ, что старшинство въ чинѣ должно полагаться со дня оказаннаго отличія.

Здѣсь приводимъ нѣсколько писемъ изъ военной переписки относящейся ко времени, о которомъ идетъ рѣчь. Желательно, чтобы военные люди размѣстили эти письма возможно точнѣе.

Письма Багратіона къ Ермолову.

I.

Любезный Алексѣй Петровичъ!

Я писалъ бумагу министру: вы, я думаю, читали. Буде же нѣтъ, должны прочесть по званію вашему, я ожидаю отвѣта. Покорно прошу отослать сего подносителя, царевича Грузинскаго, въ гвардіи егерскій полкъ.

Весь вашъ князь Багратіонъ.

29-го іюля.
Выдра.

II.

Отношеніе обширное министра я получилъ; оно не заслуживаетъ никакого вниманія, ибо невозможно дѣлать лучше и полезнѣе для непріятеля, какъ онъ. Я пишу къ нему единственно для очистки себя и отвязаться отъ него. Завтра отпущу дивизію гренадерскую въ Смоленскъ, а потомъ и остальныя мои бѣдныя войска послѣдуютъ туда же. Авангардъ останется по прежнему сутки, а потомъ постепенно будетъ подвигаться къ Смоленску, дабы точно занять мнѣ дорогу въ Дорогобужъ. А здѣсь, въ болотахъ и лѣсахъ, а особливо по теперешней погодѣ, дѣлать совершенно нечего. Министру надобно обратить весьма дѣятельное вниманіе о заготовленіи новаго хлѣба, дать способъ уѣздамъ жать, сушить и молоть. Министру надобно настоятельно просить главнокомандующаго въ Москвѣ о поспѣшномъ ополченіи, дабы въ теченіи десяти дней хотя бы имѣть намъ въ прибавокъ до десяти тысячь (50 т.). Я не вѣдаю, какъ расписаны по губерніямъ изъ Калуги, Тулы, Ярославля и Нижняго Новгорода, куда должны ратники поступать? Ежели въ Москву надобно ихъ везти, то почтою и скоро, ибо, по мнѣнію моему, ежели въ теченіе одного мѣсяца мы очутились за Смоленскомъ, то какъ же непріятель не воспользуется пробѣжать 300 верстъ въ десять дней, а мы все будемъ переписываться о Порѣчьи и Мстиславичахъ? Истинно, я самъ не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ нимъ? И о чемъ онъ думаетъ? Голова его въ плахѣ, точно такъ и должно! Странно и то, что отъ Государя нѣтъ никакого извѣстія, а до столицы не далеко! Узнай, ради самого Бога, гдѣ Тормасовъ, что̀ онъ дѣлаетъ, куда онъ направилъ свой путь; также, гдѣ графъ Витгенштейнъ? Безъ толку и связи не только операцій, но и ничего сдѣлать невозможно

Отъ моего авангарда, то-есть, Васильчикова, получилъ рапортъ, что непріятель въ Рудкѣ и довольно силенъ. Видно, онъ насъ ожидалъ третьяго дня; а какъ мы не пошли, онъ къ намъ, по моему, долженъ пожаловать, развѣ дурныя дороги ему помѣшаютъ.

Сейчасъ получилъ отъ исправника рапортъ, что въ Чаусахъ и въ Ряснѣ, яко бы, ожидаютъ и вступили 10.000 Поляковъ. Я не вѣрю и послалъ къ Невѣровскому узнать поточнѣе. Порядокъ марша арміи я теперь послалъ министру, вы увидите.

Прощай. Весь вашъ князь Багратіонъ.

30-го іюля.

Письма Ермолова къ Багратіону.

I.

(Получено 30-го іюля.)

Милостивый государь,

Князь Петръ Ивановичъ.

Я читалъ бумагу военнаго министра къ вашему сіятельству; все оправданіе нашей нерѣшительности, медленности, предпринимаемыхъ не у мѣста мѣръ, есть намѣреніе продолжить, какъ думаетъ онъ, войну, дабы дать время составить новыя ополченія; намѣреніе, наиболѣе къ обстоятельствамъ приличествующее и спасительное; но я спрошу смѣло каждаго: отняты ли способы у непріятеля между тѣмъ атаковать насъ? кажется, выгода его не терять время.

Я дрожу за послѣдствіе. А ваше сіятельство не должны молчать о томъ. Вы можете говорить и далѣе. Славнѣйшая, столькими дѣлами пріобрѣтенная, репутація, надежда, возложенная на довѣріе и любовь къ вамъ войскъ, извѣстность всей Россіи, даютъ вамъ право, которыхъ никто другой не имѣетъ, все сіе должно заставить говорить и быть услышану.

Мы не знаемъ, что̀ мы дѣлаемъ, а, кажется, дѣлаемъ не то что̀ надобно: дали непріятелю собрать свои силы, которыя онъ по тому даже одному употребитъ въ дѣйствіе, что, содержа ихъ вмѣстѣ, нечемъ кормить, кромѣ что движеніями насъ запутаетъ, и я боюсь, чтобы опять насъ не бросили въ разныя стороны. Сдержите ваше слово, благодѣтель мой, не отставайте отъ насъ, чтобы насъ не разрѣзали. А насъ не опасайтесь; мы съ своимъ молодечествомъ и искусствомъ не далеко уйдемъ отъ васъ. Дай Богъ попасть на Духовщину, а вамъ не худо помышлять о Дорогобужѣ. Къ намъ безпрестанно доходятъ слухи, что у непріятеля немалыя силы въ Порѣчьѣ, и что вчера, въ 40 верстахъ оттуда, было очень много пѣхоты и артиллеріи; въ минуту привели камердинера одного дивизіоннаго командира, въ 6 верстахъ отъ Порѣчья пойманнаго, который говоритъ, что ихъ тамъ много, и Мюратъ тамъ же. Что̀ мы будемъ дѣлать, обо всемъ васъ, благодѣтель мой, увѣдомлю.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

II.

Почтенный благодѣтель!

Я говорилъ министру о вашемъ желаніи, что арміи, имѣющей честь служить подъ вашими повелѣніями, угрожаетъ несчастіе, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное происшествіе трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы арміи, еслибы не было несогласія, но каждый долженъ вразумиться, что частныя неудовольствія не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ, которое требуетъ усилій и стараній общихъ. Я замѣтилъ, что это даже его испугало, ибо въ послѣдствіи надо будетъ дать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи. Конечно, мы счастливы подъ кроткимъ правленіемъ Государя милосердаго; но нынѣшнія обстоятельства и состояніе Россіи, выходя изъ порядка обыкновеннаго, налагаютъ на всѣхъ насъ обязанность и соотношенія необыкновенныя. Не одному Государю надо будетъ дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ отечеству, но также людямъ каковы вы, ваше сіятельство, и военный министръ. Вамъ, какъ человѣку боготворимому подчиненными, тому, на коего возложена надежда многихъ и всей Россіи, я обязанъ говорить истину: да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленія всѣхъ должны быть къ пользѣ общей, что̀ одно можетъ спасти погибающее наше отечество. Пишите обо всемъ Государю; если мой голосъ не достигаетъ до его престола, вашъ не можетъ быть не услышанъ.

III.

4-го августа.

Ваше сіятельство!

Ничего не знаетъ, даже и то, куда завтра идетъ, ждетъ извѣстія о непріятелѣ отъ Платова, а тотъ не туда послалъ, куда надобно. Непріятель отъ насъ такъ далеко, что дойдти до него два марша. Одинъ корпусъ отослалъ было назадъ, предполагая, что вы не успѣете къ Смоленску; насилу удержалъ, нѣсколько часовъ работая, чтобы подвинуть впередъ: какъ кладъ не дается! Что̀ скажетъ Платовъ? Обманулъ моего маршала: вотъ Порѣчье! Бога ради, чтобы только не перешли въ Смоленскѣ чрезъ Днѣпръ. Можно что-нибудь успѣть сдѣлать здѣсь. Но два марша отъ непріятеля, пока дойдутъ, надобно держать его у Смоленска, а потомъ надобно и на драку время; дай Богъ вамъ терпѣніе! Батюшка князь Петръ Ивановичъ, чрезъ Днѣпръ не пускайте, а быть можетъ здѣсь успѣемъ.

А. Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

IV.

Ваше сіятельство,
Милостивый государь!

Вчера поутру Рудня пуста; непріятель поспѣшно оставилъ и пошелъ на Любавицы. Авангарда вашего передовые посты не знали. Вамъ не зачѣмъ было идти сюда, но изъ Смоленска на Красное со всею арміей, а мы, выступя сутки прежде, были бы въ Руднѣ, и непріятель поспѣшилъ бы перейдти къ Добровкѣ и Лядамъ: много разницы. Богъ знаетъ, что̀ бы было. Мое мнѣніе, что они для сокращенія пути переправляются у устья рѣки Березины. Желалъ бы обмануться. Жаль, мы поздно узнали о ихъ движеніи; много они выиграли пути. Мы готовы идти впередъ. Готовы чистымъ сердцемъ, движеніемъ нашимъ дать вамъ помощь и самыми силами помогать вамъ. Ради Бога, мостъ у Катани. Я посылаю понтоны въ Катань, надобны намъ будутъ, мы въ тылъ можемъ перейдти. Если вы отступите, смоленскіе гавань, вороты, можно дерзкому начальнику ихъ удерживать, чрезъ мостъ въ Смоленскѣ можно пускать. Бродовъ отыскать трудно. Пушки переправятъ. Нужно выиграть время дня, мы будемъ дѣйствовать изъ Надвы и на Любовать. Много потеряно времени.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

Письма Багратіона къ Ермолову.

I.

Получивъ вашу записку, сію минуту и спѣшу вамъ отвѣчать.—О Смоленскѣ поздно говорить, а теперь надобно знать, какъ твердо стать. Я никакъ не думаю, чтобъ онъ сунулся всею арміей на насъ тотчасъ; имъ также нужно отдохнуть. Преслѣдовать можетъ какой ни на есть корпусъ ихъ. Гдѣ вы теперь остановились, мнѣ кажется, мѣста открыты и вѣрно съ поля не подойдутъ. Но если серіозно, я тотчасъ вашъ всѣмъ сердцемъ и душой. Я радъ драться и единодушно. Но позвольте сказать, что вы измѣняете мнѣ, ибо въ одну минуту двадцать перемѣнъ. Далѣе намъ не должно идти, пусть люди отдохнутъ и надобно накормить. Берегите вашъ правый флангъ на Духовщину, чтобы туда не пробрались. Не теряйте ни минуты, собирайте ратниковъ, они намъ на разныя услуги пригодятся, а строевыхъ нашихъ возьмемъ въ строй. Пишите въ Калугу, у Милорадовича много войска, надобно ихъ присоединить сзади къ намъ. Пишите Растопчину, чтобы готовился. Я теперь стою здѣсь, хотѣлъ отойдти за 8 верстъ, влѣво, дать вамъ здѣсь мѣсто. Но какъ вы тамъ остановились, то и я уже здѣсь ближе стоять не могу, какъ теперь 12 верстъ отъ васъ. Я самъ буду у васъ послѣ обѣда непремѣнно. Ради Бога, не перемѣняйте поминутно, надобно какую-нибудь имѣть систему. Я все той

вѣры, что противъ васъ мѣста открытыя, они не посмѣютъ идти никакъ, чтобы себя обнаружить. Теперь дѣло Платова съ боковъ ихъ осмотрѣть и даже хвостъ, ибо изъ лѣсовъ какъ они выдутъ, тогда и видно Впрочемъ, надобно всѣмъ мужикамъ приказать, чтобы давали знать, гдѣ непріятель. Я послалъ графа Сенъ-При къ вамъ и самъ уже буду вѣрно.

II.

Проси государя наступать, иначе я не слуга никакъ!

Вчера скакалъ 24 версты къ Платову, думалъ застать стычку, но опоздалъ. Петръ Давыдовъ * лихо атаковалъ и славно отличился. Васильчиковъ генералъ-адъютантъ—славно. Я волосы деру на себѣ, что не могу баталіи дать, ибо окружаютъ меня. Ради Бога Христа, наступайте! Какъ хочешь, разбирай мою руку. Меня не воиномъ сдѣлали, а подъячимъ. Столько письма! Вчерашній день, бѣдный мой адъютантъ Мухановъ раненъ пикою въ бокъ почти смертельно.

Прощай, Христосъ съ вами, а я зипунъ надѣну.

III.

Ну, братъ, и ты пустился дипломатическимъ штилемъ писать.—Какой отчетъ я дамъ Россіи? Я субальтернъ и не властенъ, и не министръ, и не членъ совѣта. Слѣдовательно, требовать отвѣта никто не осмѣлится. Я еще лучше скажу: годъ уже тому, что я министру писалъ и самому государю и предвѣщалъ, что̀ значитъ оборона и въ какую пагубу насъ введетъ. Точно такъ и случилось. Однако, шутка на сторону. Растопчина надобно предупредить, ополченія также. Изъ Смоленска нужно взять всѣхъ ратниковъ во фронтъ и смѣшать съ нашими. Я все дѣлаю, что̀ должно истинно-христіанину и Русскому, а болѣе бы сдѣлалъ, если бы вашъ министръ отказался отъ команды. Мы бы вчера были въ Витебскѣ, отыскали бы Витгенштейна и пошли бы распашнымъ маршемъ и сказали бы въ приказѣ: „Поражай, наступай. Пей, ѣшь, живи и веселись!“

А на мѣсто Витебска, вашими какими-то демонстраціями, я думаю, буду, можетъ, послѣ завтра въ Дорогобужѣ. Не дай Богъ, а такъ будетъ точно отъ мудрыхъ распоряженій вашихъ. Впрочемъ, вы болѣе подъ отвѣтомъ, нежели я, несчастный. Главнокомандующій по новому регламенту ничего не можетъ дѣлать безъ совѣта генералъ-штаба. Если же главнокомандующій не послушаетъ, вы должны оставить документъ за подписаніемъ вашимъ. И тогда, какъ скоро непріятель подошелъ такъ близко,

---

Петръ Львовичъ Давыдовъ, отецъ графа В. П. Орлова-Давыдова, прозванный товарищами capitaine-tempête. Отказавшись въ 1812 году отъ званія тайнаго совѣтника и камергера, онъ поступилъ въ армію майоромъ, говоря: „Я не имѣю обыкновенія выторговывать себѣ чины.“ Въ теченіе кампаніи получилъ генеральскій чинъ; умеръ въ сороковыхъ годахъ.

непростительно, что передовые посты пропустили. Надобно ихъ непремѣнно выгнать. Стыдно намъ терпѣть, а стыднѣе генералу передовому объ нихъ не знать. Сію минуту получилъ сей рапортъ. Это старая сказка. На что туда посылать пѣхоту, тамъ пусть остаются казаки, а батальйоны обратить ко мнѣ. Ежели хотите занять Красной, тогда надобно уже послать по крайней мѣрѣ пять тысячъ пѣхоты и конницы, но и то тогда, когда мы наступательно начнемъ. Оленинъ пустое говоритъ. Непріятель не его испугался, а узналъ, что я пришелъ; вотъ зачѣмъ онъ пріостановился. Впрочемъ, я васъ увѣряю, что завтра мой Сысоевъ перейдетъ Днѣпръ и потревожитъ ихъ очень съ тылу, а Платову пошлите сказать, чтобъ онъ шелъ къ нимъ въ лицо, тогда четыре полка будутъ наши.

(Продолженіе письма потеряно.)

Отвѣтъ Ермолова къ Багратіону.

(Получ. 2 августа.)

Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы *соглашаетесь* на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣнахъ умоляю васъ *ради Бога*, ради отечества, писать государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно е. в. и оправдаете себя передъ Россіей. Я молодъ, мнѣ не станутъ вѣрить; если же буду писать—не заслужу вниманія, буду говорить—почтутъ недовольнымъ и охуждающимъ все, но вѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ, я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ, но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодаго человѣка. Однако я не робѣю, буду еще писать, изображу все, что вы сдѣлали и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо, вы всегда благодѣтельствовали мнѣ, а потому я спрошу у е. в., писали-ли вы къ нему или хранили виновное молчаніе; въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміею, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему

отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какого требуютъ обстоятельства.

Пишите ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ.

Письмо Багратіона къ Ермолову.

Эхъ, братъ, взяли! Вотъ вамъ правый флангъ, вотъ Порѣчье! Мало повѣсить! А ты, мой милый, очень на меня напалъ и крѣпко ворчишь! Право, не хорошо! Я знаю, что любишь меня, и за то крѣпко нападаешь. Я самъ, мой другъ, тебя люблю такъ, какъ болѣе не могу. Но что мнѣ писать государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобъ одному быть начальникомъ, а не двумъ. Посылаю ему всѣ мои отношенія, равно и министра ко мнѣ въ копіи, чтобъ онъ вѣдалъ, но ни на что отвѣта не имѣю, а болѣе писать я не вѣдаю что. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣими арміями мнѣ командовать, тогда государь подумаетъ, что я сего ищу не по моимъ заслугамъ, или талантамъ, а по единому тщеславію. А вы теперь берегитесь, чтобы Бонапарте не сдѣлалъ съ вами штуку данцигскую. Имѣйте ежедневно извѣстія отъ графа Витгенштейна. Не идутъ ли на него и на Тормасова? Посылайте теперь, какъ можно, въ Инвю и Рудню, хотя большую часть кавалеріи прогнать пѣхоту изъ Рудни. Тамъ есть еще десять полковъ кавалеріи и пѣхоты. Зачѣмъ Платова бросаете такъ далеко вправо? Его посылайте съ нашею кавалеріей на Рудню и Бабиновичи. Тамъ ихъ, говорятъ, довольно очень. Тамъ надобно ихъ хорошенько пощупать. Ради Бога, думайте о продовольствіи настоящемъ и будущемъ, и рекомендую вамъ главную вещь: вы должны всѣ бумаги министра внизу подписывать, яко главнаго штаба начальникъ. Вы должны всю переписку знать министра съ нами, по части военной; иначе, будете отвѣчать; и поздно будетъ сказать: „Я не зналъ, мнѣ не сказали!“

(Окончаніе письма потеряно.)

Письмо Ермолова Багратіону.

(Получено 6 августа на маршѣ отъ Смоленска къ Дорогобужу).

Ваше сіятельство!

Имѣете все право насъ бранить, но только не за оставленіе Смоленска. Послѣ мы вели себя героями, правда не совсѣмъ благоразумно, однакоже геройски. Когда буду имѣть счастіе васъ видѣть, разкажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ надо было защищать; но замѣтьте, что непріятеля нѣтъ доселѣ въ Ельнѣ, слѣдовательно всѣ силы его были у Смоленска, а мы не были такъ сильны послѣ суточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ мы предупредили ваше желаніе ъ угодно было, чтобы мы остановились и дрались; прежде полученія

письма вашего, я получилъ уже о томъ приказаніе. Теперь, почтеннѣйшій благодѣтель, надлежитъ вамъ оказать намъ помощь. Пусть доброе согласіе будетъ залогомъ успѣха; если Богъ защищаетъ правую сторону, то онъ благословитъ наше предпріятіе и будетъ намъ помощникомъ. Представьте себѣ, ваше сіятельство, что два дня рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ имперіи, и вамъ судьба представляетъ эту славу. Самая неудача не должна отнять у насъ надежды; надо противустоять до последней минуты страшнымъ усиліямъ могущественнаго соперника; одно продолженіе войны представляетъ вѣрнѣйшій способъ восторжествовать надъ злодѣями нашего отечества. Боюсь, чтобъ опасность, угрожая древней нашей столицѣ, не заставила бы прибѣгнуть къ миру, но это мѣра малодушныхъ и робкихъ. Все надо съ радостью принести въ жертву, когда подъ дымящимися развалинами жилищъ нашихъ можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели нашего отечества. Благословитъ Богъ. Умереть долженъ Россіянинъ со славой.

Письма Багратіона Ермолову.

I.

Любезный другъ Алексѣй Петровичъ!

Министръ пишетъ мнѣ, какъ измѣннику. Это истинно больно, но я не могу служить никакъ. Дѣла мои и всѣ движенія не ему отдамъ на судъ, но цѣлому свѣту, и сколько онъ меня ни путалъ и двуличнo ни писалъ, я все вышелъ и выйду съ честью. Армія въ три дня у Смоленска не отъ меня. А кому должна благодарить Россія, то министръ долженъ вѣдать. Я не токмо огорченъ и взбѣшенъ, но болѣе. Итакъ армія моя наполненная единодушіемъ, вѣрою, и пробравшись весьма безтолковыми направленіями отъ министра, дошла однако до цѣли. Но какъ бы то ни было, я не слуга Барклаю; ибо я до сихъ поръ думалъ: я служу государю и отечеству, а по его отношенію вижу, что ему. Итакъ я въ три дня въ Смоленскъ и армію ему отдаю. А я очень нездоровъ и съ ума сошелъ точно по милости Б. Слѣдовательно, сумасшедшій не токмо защитить отечества, но и капральствомъ не можетъ командовать. Министръ болѣе не могъ меня уже огорчить, какъ огорчилъ, и полно! Прощайте. Вамъ всѣмъ Богъ поможетъ, и дай вамъ Богъ все, и мнѣ пора въ чужой хижинѣ оплакивать отечество, по мудрымъ распоряженіямъ иновѣрцевъ. Дайте знать, что̀ у васъ дѣлается по извѣстіямъ. На Ельню непріятеля не слышно. Я отъ васъ два дня ничего не имѣю. Что̀ дѣлается въ Смоленскѣ? Куда они идутъ, за вами, или остановились? Гдѣ Платовъ и какое его направленіе? Нужно намъ собрать людей. Усталыхъ много; отдохнуть надобно. Подумайте укомплектовать въ Дорогобужѣ. Пора отсылать въ Москву и дать знать, чтобы готовили людей. Равно въ Калугѣ, въ Ярославлѣ, въ Твери и гдѣ еще въ другихъ мѣстахъ. Скажите, ради Бога, зачѣмъ оставили Смоленскъ и какое намѣреніе министра? Куда мы пойдемъ, по крайней мѣрѣ знаете ли, что̀ непріятель дѣлаетъ

а куда онъ пошелъ? Прошу дружески, дайте мнѣ знать обо всемъ. Надобно примѣрно наказать того офицера квартирмейстерской части, кто велъ Тучкова. Вообрази, что 8 верстъ вывелъ далѣе и Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока почти армія наша пришла. Ради Бога, дай знать! Ей-Богу съ ума надобно сойти отъ безтолковщины.

Весь вашъ Багратіонъ.

8 августа.

II.

Я къ вамъ писалъ два раза, нѣтъ отвѣта: прошу доложить министру. Куда онъ дѣлаетъ направленіе арміи? Я писалъ къ нему, нѣтъ отвѣта. Я не понимаю, что все значитъ, зачѣмъ вы бѣжите такъ, и куда вы спѣшите? Бойтесь Бога, что съ вами дѣлается, за что вы мною пренебрегаете? Право, шутить не время. Ежели я пишу, надобно отвѣчать! Здѣсь навалена бездна обозовъ и всякой мелочи, равно милиція. Что вы не дѣлаете никакихъ распоряженій? Если вы хотите пріийти сюда завтра, это напрасно. Что вамъ стоило мнѣ отвѣчать вчера о вашихъ намѣреніяхъ? Бойтесь Бога! Устыдитесь Россіи, дайте людямъ отдохнуть! Вы ихъ замучали. Ежели непріятель за вами слѣдуетъ, можно видѣть. Мѣста открытыя и далеко видны. У Ельни стоятъ мои казаки и на дорогѣ къ Рославлю. Тамъ нѣтъ ничего. Воля ваша, отсюда ни шагу назадъ, а ежели вы прочь, то я вамъ оставлю армію и поѣду тотчасъ къ государю, донесу, что это нарочно дѣлаютъ, для гибели Россіи.

Князь Багратіонъ.

Прошу ваше превосходительство доложить начальнику и дать мнѣ отвѣтъ.

9-го дня августа.
Дорогобужъ.

Письма Платова къ Ермолову.

I.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Я бы три раза могъ соединиться съ первою арміей, хотя бы боемъ. Первый разъ еще чрезъ Вилейку, другой разъ чрезъ Минскъ, и третій отъ Бобруйска могъ бы правѣе чрезъ Могилевъ, Шкловъ, Орту, когда еще непріятель не занималъ сихъ мѣстъ. Но мнѣ въ началѣ отъ Гродно еще велѣно дѣйствовать на непріятеля во флангъ, что я исполнилъ отъ 16 іюня по 23 число, не довольно во флангъ, даже другія части мои были и въ тылу, когда былъ маршалъ Даву при Вишневцахъ. А потомъ я получилъ повелѣніе непосредственно состоять мнѣ подъ командою князя Багратіона: тогда я, по повелѣнію его, прикрывалъ вторую армію отъ Николаева чрезъ мѣстечки: Миръ, Несвижъ, Слуцкъ и Глуцкъ до Бобруйска ежедневно, если не формальною битвою, то перепалкою. Сохра-

вилъ всѣ обозы и всю дрянь тащащуюся, а армія покойно дѣлала одни форсированные марши до Бобруйска. Тутъ я получилъ повелѣніе отъ Михаила Богдановича слѣдовать мнѣ непремѣнно къ первой арміи. О томъ же было предписано и князю Багратіону. Тогда онъ меня отпустилъ весьма неохотно и оставилъ у себя десять полковъ: Донскихъ девять и Бугскій одинъ, хотя сказано ему только восемь оставить. Я не оспаривалъ о двухъ оставленныхъ полкахъ, пошелъ поспѣшно къ Старому Быхову, минуя въ ночь армію, по пути идущую къ Могилеву, ибо я съ войскомъ, еще не доходя до Бобруйска за двадцать верстъ, находился въ аррієргардѣ. Князь Багратіонъ, нагнавъ меня почтою въ самомъ Старомъ Быховѣ 11 числа, объявилъ мнѣ, что будетъ имѣть генеральное дѣло съ арміей Даву при Могилевѣ, и что я долженъ остаться на два дня, ибо до сихъ резоновъ, за отдаленностію, главному начальству неизвѣстно было, что онъ меня оправдаетъ предъ начальствомъ и дастъ на то мнѣ повелѣнія. Тогда я и самъ, посудя, принялъ въ резонъ и остался. Вотъ два дня уже и упущено. Вмѣсто того, генеральнаго дѣла не было, а была 11 числа битва, и довольно порядочная. Съ обѣихъ сторонъ если не десять, то девять, съ убитыми и ранеными, пало, что̀ мнѣ точно извѣстно. Въ нашихъ войскахъ былъ я очевидецъ, а непріятельскій уронъ на другой день узналъ я чрезъ взятаго офицера подъ Могилевомъ. Итакъ я, переправясь Днѣпръ на лѣвую сторону у монастыря Ворколабова, 12-го слѣдовалъ на Дубровну, а потомъ располагалъ пробраться чрезъ Бабиновичи къ Витебску. Бабиновичи непріятелемъ уже заняты, какъ открыли мои передовые, посему судите, какъ было мнѣ скоро соединиться. А между тѣмъ получилъ я повелѣніе слѣдовать мнѣ къ Порѣчью, потому я и слѣдую направо уже отъ Бабиновичъ чрезъ Любавичи, Инково и Маташки. На лѣвомъ моемъ флангѣ, отъ стороны Бабиновичъ, непріятель ведетъ меня на глазахъ. Увѣдомляютъ о семъ его бестіи, наши дворяне бѣлорусскіе, и часто встрѣчаются съ моими партіями, дѣлаютъ препятствія, что̀ два часа только тому назадъ было вблизи Любавичъ. Однакоже, всюду моими молодцами прогоняются; пораженіемъ при Любавичахъ взято плѣнныхъ шесть, при разбитіи эскадрона ихъ дерзкаго. Оставлю о сихъ мелочныхъ дѣлахъ продолжать. Это было почти всякой день, а я скажу только то, что съ 16 іюня по сіе время безъ роздыха и всякій день форсированные марши; лошади въ полкахъ притупѣли, а многихъ раненыхъ и усталыхъ брошено. Писалъ бы я вамъ болѣе, но нѣтъ уже на сей бумагѣ мѣста, и пора ѣхать вслѣдъ за полками.

Покорнѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

Я служу сорокъ второй годъ, а такого коловратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ.

7 числа іюля.
Любавичи.

II.

Я письмо къ вамъ писалъ на пескѣ, сидя на колѣнахъ, какъ другу. Прошу его довести до свѣдѣнія главнокомандующаго; онъ увидитъ, что мнѣ было невозможно успѣть скоро соединиться съ первою арміей. А теперь уже есть надежда соединиться чрезъ два дня, развѣ отретируется до Москвы, тогда уже не скоро нагоню. Боже милостивый, что съ русскими арміями дѣлается? Не побиты, а бѣжимъ! Одна со страхомъ отступаетъ, а другихъ отдаленными дорогами отводятъ безъ бою. Спасалъ ее три недѣли удачливо; прошу Бога, чтобы благословилъ меня и другую защитить.

III.

Милостивый государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я извѣстился, будто генералъ-майоръ графъ Паленъ за 27-го числа сраженіе подалъ реляцію прямо отъ себя къ главнокомандующему арміей. Если это правда, то на что̀ это похоже, и можно ли быть чему-либо доброму въ россійской арміи? Вопервыхъ, не можетъ быть правды, кромѣ непростительнаго неповиновенія, и я могу изобличить. А вовторыхъ, выведу большую исторію и непріятно будетъ для Михаила Богдановича, ежели онъ приметъ отъ него, минуя меня, похожею потачкой неповинному разврату по службѣ.

Есть и буду всегда непремѣннымъ и покорнѣйшимъ слугою.

Матвѣй Платовъ.

20 іюля, 1812 года.
На маршѣ. Николаевъ.

IV.

Милостивый государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Увѣдомленіе вашего превосходительства, за № 466, я получилъ, что армія остановилась въ Семлевѣ и располагается тамъ пробыть въ завтрашній день: сіе меня удивило, ибо непріятеля веду я перестрѣлкою на плечахъ, который авангардомъ своимъ прошелъ уже Славково, откуда я послалъ сего утра къ вамъ увѣдомленіе. Я теперь ретируюсь перестрѣлкою и буду примѣрно отъ Славкова въ 8 верстахъ, у моста и находящагося болота по обѣимъ сторонамъ, удерживать непріятеля всячески, ежели онъ не собьетъ меня своими орудіями и не навалится большими колоннами пѣхоты. Въ случаѣ же его усиливанія, принужденъ буду отступить еще 8 верстъ, чтобы сблизиться къ генералу-лейтенанту Уварову верстъ за 5-ть, и тутъ, быть-можетъ, не удержу ли непріятеля, тѣмъ болѣе что приходить будетъ къ тому времени и вечеръ. Но ежели вы сего вечера

съ арміей изъ Семлева не выступите, то я не отвѣчаю за завтрашнее утро, чтобы не привести къ вамъ непріятеля весьма близко, ибо мнѣ нечего будетъ дѣлать, потому что непріятель идетъ одною большою дорогой съ великими силами. И потому я и прошу доложить главнокомандующему, чтобы весьма нужно было арміи выступить сего вечера, дабы прибыть утромъ къ Вязьмѣ.

Я, по долгу моему, обязанъ доложить. Надобно вѣдь мѣсто смотрѣть и нужно распорядиться, гдѣ войско построить, а на это остается только время на одинъ завтрашній день, а много послѣ завтра утро, въ разсужденіе скораго слѣдованія непріятеля по сей дорогѣ.

Съ лѣваго фланга моего до арміи князя Багратіона есть у меня связь и непріятель тамъ не слѣдуетъ вблизи. На правомъ же моемъ флангѣ, за корпусомъ генералъ-лейтенанта Багговута, офицеръ Наумовъ, возвратясь, донесъ, что и тамъ непріятель вблизи не слѣдуетъ, а по дорогѣ, по которой я слѣдую, непріятель идетъ въ большомъ количествѣ.

На сіе мое донесеніе я буду ожидать скорѣйшаго отъ васъ увѣдомленія.

Честь имѣю быть съ отличнымъ почтеніемъ
вашего превосходительства покорный слуга
Матвѣй Платовъ.

Четверть четвертаго часа пополудни.
14 августа, 1812 г.

V.

Я вашему превосходительству настояще и подробно объяснить не могу о случившемся жестокомъ нынѣшній день сраженіи, у селенія Рыбки, при рѣчкѣ Осма, съ 11-го часу по утру до шестаго часу по полудни, при самомъ вечерѣ окончившемся, а скажу только то, что оно уступаетъ одной только баталіи кровопролитной.

Божескою милостію и храбростію россійскихъ воиновъ удержалъ сильный корпусъ непріятельскій, о которомъ подтвердятъ и плѣнные, взятые нами, коихъ я не считалъ, но есть довольное число. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ также довольное число всѣхъ полковъ; артиллерія вся была отъ меня употреблена; въ другихъ орудіяхъ и зарядовъ уже недостало, ибо непріятельскихъ орудій больше гораздо было въ дѣйствіи противъ насъ. Перескажетъ о семъ сей податель, господинъ полковникъ Шнербергъ, который былъ повсюду очевидецъ. Я поспѣшаю только о томъ дать знать, что непріятель силенъ, и не знаю, что̀ будетъ завтра съ моимъ авангардомъ. Но скажу и то, что я буду дѣлать то противъ его, что̀ знаю. А ваше дѣло распоряжаться арміей, какъ его принять. Это не реляція, а поспѣшное мое увѣдомленіе о жестокомъ непріятельскомъ на меня нападеніи, и за свѣдѣніе даю вамъ знать, что я во всѣхъ сраженіяхъ, прошедшихъ отъ 16-го іюня по сіе число, столько не потерялъ убитыми и ранеными донскихъ офицеровъ и казаковъ, сколько сего дня, ибо шесть разъ на сильную кавалерію непріятельскую ходили въ атаку

до самыхъ пушекъ и съ регулярными полками, находящимися съ Розеномъ. Егери всѣ были въ сильномъ огнѣ, словомъ сказать, дрались отчаянно, и участь авангарда была на волоскѣ. Я много доволенъ храбростію и неутомимыми трудами генералъ-майоровъ Розена и Иловайскаго пятаго.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

15 августа 1812 г.
Селеніе Семлево.

VI.

Дизлокаціи на сей 16-й день и увѣдомленіе ваше объ отступленіи я получилъ, и по оному исполняться будетъ. А вчерашній выговоръ мнѣ, что я сближаюсь къ арміи будто отъ одного авангарда малаго непріятельскаго, чуть было не сразилъ до болѣзни. Теперь видите, что я правъ. Еслибъ я не бралъ своихъ мѣръ, давно бы егери и орудія были въ непріятельскихъ рукахъ. Гдѣ было можно, не довольно удерживалъ, даже скрутя голову, дрался отчаянно.

Покорнѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

16 августа 1812 г.
Село Полѣново.

Послѣ сдѣланнаго отступленія, возвратимся опять къ запискамъ Ермолова.

. . . .

Отступая отъ Смоленска, сдѣлалъ я распоряженіе, чтобы всѣ раненые, въ Вязьмѣ находившіеся, препровождены были далѣе и, по настоятельному требованію главнаго по медицинской части инспектора Вилліе, долженъ я былъ давать направленіе и 2-й арміи раненымъ, дабы безполезно не стѣснялись они на одной дорогѣ, и такъ для 1-й арміи раненыхъ назначена дорога на Волоколамскъ и по обстоятельствамъ далѣе въ Тверь, для 2-й арміи на Мещовскъ, Масальскъ, Калугу и далѣе въ Рязань. Москвѣ, столицѣ устрашенной и уже трепещущей, не долженъ я былъ дать непріятное зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ страждущихъ.

. . . .

Въ селеніе Царево Займище прибылъ князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю западными арміями. Кончено несогласіе командующихъ оными, водворилось единоначаліе.....

Здѣсь, кажется, мѣсто напомнить читателямъ разказъ Давыдова о письмахъ Ермолова къ государю, о которыхъ выше было упомянуто.

„Письма, писанныя имъ государю въ началѣ отечественной войны, вслѣдствіе особаго повелѣнія его величества и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось въ то время наше отечество, послужили, какъ извѣстно, поводомъ его врагамъ къ изобрѣтенію всевозможныхъ на него клеветъ; его обвиняли въ томъ, что онъ писалъ государю письма, въ коихъ будто бы старался поколебать довѣріе его величества къ лицамъ, казавшимся для него опасными. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ таковыхъ; но, сколько мнѣ извѣстно, письма его, бо̀льшую часть которыхъ я имѣлъ возможность прочесть, заключаютъ въ себѣ лишь довольно рѣзкія указанія на нѣкоторыя ошибки Барклая, на малое довѣріе, внушенное имъ къ себѣ войскамъ, на необходимость въ единоначаліи и на дѣйствія генерала Эртеля. Эти письма были даны въ оригиналахъ государемъ Кутузову, при отправленіи сего послѣдняго въ армію. Кутузовъ, всегда любившій, особенно во время отступленія своего изъ Баваріи, Ермолова, называемаго потому l'enfant gâté du général, сталъ съ этого времени обнаруживать къ нему холодность и недовѣрчивость, которыя еще болѣе усилились во время отечественной войны, благодаря окружающимъ свѣтлѣйшаго; извѣстны старанія сихъ послѣднихъ не допускать Ермолова, коему они завидовали, дѣйствовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о немъ въ реляціяхъ. По смерти Кутузова, эти письма перешли къ Барклаю; его окружающіе, принадлежавшіе большею частью къ партіи, которую Ермоловъ жестоко преслѣдовалъ своими насмѣшками, и потому ненавидѣвшіе его, воспользовались этими письмами, чтобъ окончательно возстановить противъ него Михаила Богдановича, который не упускалъ въ послѣдствіи случая ему, по возможности, вредить. * Вотъ истинная причина, почему

* Послѣ Кульмскаго сраженія, Барклай, старавшійся приписать всю славу побѣды, одержанной въ первый день боя, поручику Діесту, имѣлъ въ виду сдѣлать непріятность не столько графу Остерману, сколько Ермолову, который былъ обязанъ лишь ходатайству его высочества цесаревича тѣмъ, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годовъ.

Кстати помѣстимъ здѣсь еще разказъ Давыдова, показывающій ясно, съ

Барклай невыгодно отозвался въ своемъ изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи о Ермоловѣ, который, будучи глубоко преданъ кн. Багратіону, никогда, впрочемъ, не выказывалъ большаго сочувствія Михаилу Богдановичу. Такимъ образомъ, обязанность, возложенная государемъ на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались не многія историческія лица, потому что она никогда не оканчивалась въ пользу тѣхъ, на которыхъ возлагалась, была выполнена Ермоловымъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобъ Ермоловъ написалъ что-нибудь другое государю, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая, всему свѣту извѣстныхъ и давно уже оцѣненныхъ, о вредѣ, который происходилъ отъ отсутствія единства въ командованіи арміями, и о маломъ довѣріи, питаемомъ войсками къ главнокомандующему, что̀ было, къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо. Изъ участниковъ же современной эпохи Ермоловъ отозвался невыгодно лишь объ одномъ Эртелѣ. Представляю на судъ каждаго, у кого есть капля здраваго смысла, сказать самому себѣ: много ли было на свѣтѣ людей, которые бы, взявъ на себя такую трудную роль предъ государемъ и отечествомъ, исполнили ее болѣе честно и болѣе скромно?

какою рѣшительностію Ермоловъ дѣйствовалъ, и какое поселилъ о себѣ мнѣніе въ главныхъ генералахъ:

„Однажды Барклай приказалъ Ермолову образовать легкій отрядъ. Шевичъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли и казаки, подъ начальствомъ генерала Краснова. Хотя атаманъ Платовъ былъ всегда большимъ пріятелемъ Ермолова, съ которымъ онъ находился вмѣстѣ въ ссылкѣ въ Костромѣ въ 1800 году, но онъ написалъ ему официіальную бумагу, въ которой спрашивалъ, давно ли старшаго отдаютъ подъ команду младшаго, какъ напримѣръ Краснова относительно Шевича, и притомъ въ чужія войска? Ермоловъ отвѣчалъ ему официіальною же бумагой, въ которой находилось между прочимъ слѣдующее: „о старшинствѣ Краснова я знаю не болѣе вашего, потому что въ вашей канцеляріи не доставленъ еще формулярный списокъ этого генерала, недавно къ вамъ переведеннаго изъ Черноморскаго войска; я, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы почитаете себя лишь союзниками Русскаго государя, но никакъ не подданными его.“ Правитель дѣлъ атамана Смирной предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: „Оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе.“

Между тѣмъ, это подало поводъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ Ермолова, людямъ, большею частію, бездарнымъ и завистливымъ, упрекать его въ томъ, что онъ интриганъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискамъ и искательству у начальниковъ; весьма трудно согласить подобнаго рода обвиненія съ смѣлыми, рѣзкими и никому не безызвѣстными возраженіями Ермолова своимъ начальникамъ и старшимъ генераламъ, коимъ онъ часто, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, высказывалъ горькія истины. Возбудивъ этимъ противъ себя многихъ генераловъ, въ числѣ коихъ находилось не мало бездарныхъ, корыстолюбивыхъ и алчущихъ власти лицъ, онъ пріобрѣлъ тѣмъ весьма сильныхъ враговъ, которые, распространяя о немъ самые неблагопріятные слухи, могли значительно повредить ему, если не въ понятіяхъ прозорливаго правительства, то въ общественномъ мнѣніи. Вообще, если достоинства человѣка измѣряются числомъ его враговъ, никто болѣе Ермолова не имѣлъ столь большаго количества ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, но безгранично преданныхъ почитателей въ своихъ подчиненныхъ."

„Во все время отступленія арміи отъ Дриссы до Царева Займища, Ермоловъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Барклая, отдавалъ по цѣлымъ недѣлямъ приказы по арміи. Когда Барклаю хотѣлось внесть что-нибудь въ приказъ, онъ увѣдомлялъ его записками.

„Ермоловъ, оцѣнившій способности Толя, съ которымъ онъ находился въ послѣдствіи далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ходатайствовалъ о немъ не разъ у Барклая, который, какъ извѣстно, выслалъ его однако изъ арміи въ Москву. Ермоловъ подавалъ даже Барклаю записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ объ усердіи и дарованіяхъ Толя, пріобрѣтшаго въ послѣдствіи огромное вліяніе на Кутузова, который привезъ его съ собою въ армію."

Приближался великій день Бородинскаго сраженія.

Въ Гжати, говоритъ Ермоловъ, прибыли войски генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ и раздѣлены по полкамъ.

.....Назначена для обѣихъ армій позиція при селеніи Бородино......

- -

Въ часъ, вмѣсто князя Багратіона (получившаго тяжелую рану), принялъ команду надъ 2-ю арміей и вмѣстѣ надъ войсками на лѣвомъ флангѣ бывшими, генералъ Дохтуровъ. Хладнокровіе и равнодушіе къ опасности, свойственныя сему генералу, не замѣняли однакоже Багратіона.— Въ то самое время какъ на лѣвомъ флангѣ Дохтуровъ боролся съ превосходнѣйшими силами непріятеля, высота, важная по положенію своему и лично защищаемая генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ, испытывала сильнѣйшія нападенія. 18 стоящихъ орудій съ трудомъ уже противились почти вчетверо превосходнѣйшей артиллеріи. Уже дерзнулъ непріятель приближаться на картечный выстрѣлъ. Безтрепетный Раевскій не взиралъ на слабое батареи прикрытіе, на грозящую ей опасность, но истощавали наконецъ снаряды его артиллеріи, и хотя стоящія по сторонамъ батареи еще ее охраняли, но долго не могло продлиться таковое ея состояніе. Въ сіе время находился я на правомъ флангѣ при князѣ Кутузовѣ на батареѣ, совершенно отъ опасности удаленной, которую непріятель до самаго почти вечера не почтилъ ни однимъ выстрѣломъ. Онъ запретилъ мнѣ отъ него отлучаться, равно какъ и начальнику артиллеріи 1-й арміи генералъ-майору графу Кутайсову, котораго отличная храбрость увлекала уже въ средину опасности, и онъ за то на него досадовалъ. Уже время клонилось къ полудню; атаки на высоту, генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ защищаемую, усилясь, охватывали и часть войскъ 6-го корпуса, справа къ ней прилежащаго. Военный министръ, всегда въ опаснѣйшихъ мѣстахъ присутствующій, былъ свидѣтелемъ упорнаго сопротивленія генералъ-лейтенанта Раевскаго. Въ сіе самое время пріѣхалъ отъ лѣваго фланга полковникъ князь Кудашевъ съ донесеніемъ, что непріятель чрезвычайно умножилъ свои батареи, и войска наши должны были отойдти на нѣкоторое разстояніе по той причинѣ, что артиллерія наша въ необходимости нашлась уступить превосходному огню непріятеля. Князь Кутузовъ далъ повелѣніе 2-му и 4-му корпусамъ идти поспѣшнѣе на вспоможеніе лѣвому крылу. Мнѣ препоручилъ отправиться къ артиллеріи того фланга и привести ее въ надлежащее устройство. Начальникъ главнаго штаба 2-й арміи генералъ-адъютантъ графъ Сенъ-При былъ раненъ, и потому въ званіи моемъ могъ я удобнѣе войдти

въ распоряженіе. Графу Кутайсову объявилъ я, чтобъ изъ резерва приказалъ онъ тремъ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ слѣдовать за мною на лѣвой флангъ. Графъ Кутайсовъ непремѣнно хотѣлъ со мною ѣхать и никакія со стороны моей убѣжденія не могли отклонить его отъ намѣренія. Проѣзжая не подалеку высоты генералъ-лейтенанта Раевскаго, увидѣлъ я, что уже она была во власти непріятеля, батарея на оной взята имъ, бѣгущая пѣхота наша сильно преслѣдуема!

Важность пункта сего была ощутительна для каждаго и мнѣ натвердили объ оной; * я бросился къ 6-му корпусу, самому ближайшему къ высотѣ, 3-му батальйону Уфимскаго пѣхотнаго полка приказалъ идти быстро впередъ, остановилъ имъ бѣгущихъ стрѣлковъ нашихъ, и отступающіе въ разстройствѣ егерскіе 18-й, 19-й и 40-й полки. Непріятель не могъ употребить захваченной артиллеріи, ибо при оной не было зарядовъ, но по обѣимъ сторонамъ взятой имъ батареи подвезены были орудія, и командуемые мною полки осыпаемы были картечью. Три конныя роты, меня сопровождавшія, остановились на лѣвомъ моемъ флангѣ, и отвлекая на себя огонь непріятеля, облегчили мнѣ доступъ къ высотѣ, которую взялъ я не болѣе какъ въ десять минутъ. Тѣлами непріятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины. Всѣ сопротивлявшіеся заплатили жизнію, одинъ только взятъ въ плѣнъ бригадный генералъ *Бонами*, получившій двѣнадцать ранъ штыками. Потерянныя нами орудія всѣ возвращены, но уронъ со стороны моей по числу людей былъ ужасный. Слабые полки мои заставляли меня опасаться, чтобы непріятель не похитилъ пріобрѣтеннаго нами успѣха, но главнокомандующій генералъ Барклай де-Толли, видя собственными глазами близкую опасность, немедленно прислалъ два полка пѣхоты, помощію которыхъ я могъ удержаться, и между тѣмъ собрать разсѣянныхъ людей. Графъ Кутайсовъ, бывшій со мною вмѣстѣ, подходя къ батареѣ, отдѣлился вправо, гдѣ встрѣтивъ часть нашей пѣхоты, повелъ ее на непріятеля, но пѣхота сія обращена и онъ не возвратился. Вскорѣ прибѣжала лошадь и окровавленное сѣдло давало подозрѣніе о его смерти. Могло оставаться

---

* Генералъ баронъ Беннигсенъ называлъ пунктъ сей ключомъ позиціи и требовалъ, чтобъ онъ укрѣпленъ былъ.

горестное утѣшеніе, что онъ раненъ и въ рукахъ непріятеля. Погасла жизнь твоя, достойный молодой человѣкъ! Не однимъ ближнимъ твоимъ оставлено сѣтованіе, отечество теряетъ величайшія въ тебѣ надежды! Судьбою предоставлена мнѣ была честь познакомить тебя съ первыми войны опасностями; * мнѣ оставлена судьбою и горесть видѣть тебя жертвою оныхъ.

Около трехъ часовъ по полудни получа картечью въ шею рану. долженъ я былъ удалиться съ батареи, сдавъ команду генералъ-майору Лихачеву, котораго полки были не подалеку, и я зналъ его храбрость.

. . . .

Въ пять часовъ по полудни непріятельская кавалерія, воспользовавшись отдаленіемъ нашей, овладѣла батареей генералъ-майора Лихачева, которую малое число нашей пѣхоты защитить не могло, и самъ онъ достался въ плѣнъ, при чемъ взято также нѣсколько пушекъ. Не взирая на потерю сей высоты, господствующей надъ всею окрестностью, войска наши остались весьма близко оной, и непріятель, опасаясь со стороны нашей усилій къ возвращенію ея, не рѣшился поставить на ней артиллерію, которая, конечно, много бы наносила намъ вреда.

Д. В. Давыдовъ такъ описываетъ участіе Ермолова въ Бородинскомъ сраженіи:

„Нѣкоторые военные писатели приняли въ настоящее время за правило искажать событія, въ которыхъ принималъ участіе генералъ Ермоловъ; они умалчиваютъ о заслугахъ сего генерала, коего мужество, способности, безкорыстіе и скромность въ донесеніяхъ слишкомъ всѣмъ извѣстны. Такъ какъ подобныя описанія не могутъ внушить никакого довѣрія, я рѣшился либо опровергать вымыслы этихъ господъ, либо сообщать моимъ читателямъ все то, о чемъ имъ неугодно было говорить. Такъ напримѣръ, въ описаніи Бородинскаго сраженія никто не далъ себѣ труда собрать всѣ свѣдѣнія о взятіи нами редута Раевскаго, уже занятаго непріятелемъ. Почтенный Николай Николаевичъ Раевскій, именемъ кото-

---

* Въ 1807 г., въ первый разъ употребленъ будучи противъ непріятеля, находился онъ на командуемой мною батареѣ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. (Ерм.)

раго названъ этотъ редутъ, описывая это событіе, упоминаетъ слегка о Ермоловѣ, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блистательному мужеству этихъ двухъ генераловъ, и основываясь на рапортѣ Барклая и на разказахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, всѣ безпристрастные свидѣтели этого побоища громко признаютъ Ермолова главнымъ героемъ этого дѣла; ему принадлежитъ въ этомъ случаѣ мысль и исполненіе.

„Получивъ извѣстіе о ранѣ князя Багратіона и о томъ, что 2-я армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ послалъ туда Ермолова, съ тѣмъ чтобъ, ободривъ войско, привести его въ порядокъ. Ермоловъ приказалъ храброму полковнику Никитину (нынѣ генералъ отъ кавалеріи) взять съ собой три конныя роты и не терять его изъ виду, когда онъ отправится во 2-ю армію. Бывшій начальникъ артиллеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ рѣшился сопровождать его, несмотря на всѣ представленія Ермолова, говорившаго ему: „ты всегда бросаешься туда, куда тебѣ не слѣдуетъ: давно ли тебѣ былъ выговоръ отъ главнокомандующаго, за то что тебя нигдѣ отыскать не могли. Я ѣду во 2-ю армію, мнѣ совершенно незнакомую, приказывать тамъ именемъ главнокомандующаго, а ты что̀ тамъ дѣлать будешь?“ Они слѣдовали полемъ, какъ вдругъ замѣтили вправо на редутѣ Раевскаго большое смятеніе: редутомъ овладѣли Французы, которые, не найдя на немъ зарядовъ, не могли обратить противу насъ взятыхъ орудій; Ермоловъ разсудилъ весьма основательно: вмѣсто того чтобъ ѣхать во 2-ю армію, гдѣ ему, можетъ-быть, съ незнакомыми войсками не удастся исправить ходъ дѣлъ, не лучше ли возстановить здѣсь сраженіе и выбить непріятеля изъ редута, господствующаго надъ всѣмъ полемъ сраженія, и справедливо названнаго Беннигсеномъ ключомъ позиціи. Онъ потому приказалъ Никитину поворотить вправо къ редуту, гдѣ они нашли уже не Паскевича, а прострѣленнаго полковника 26-й дивизіи Савоини съ разнородною массой войскъ. Приказавъ ударить сборъ, Ермоловъ мужественно повелъ ихъ на редутъ. Найдя здѣсь батальйонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края 1-й арміи, Ермоловъ приказалъ ему идти въ атаку развернутымъ фронтомъ, чтобы линія казалась длиннѣе и ей легче было бы захватить большее число бѣгущихъ. Для бо̀льшаго воодушевленія войскъ, Ермоловъ сталъ бросать по направленію къ редуту георгіевскіе кресты, случайно нахо-

дившіеся у него въ карманѣ; вся свита Барклая мужественно пристроилась къ нимъ, и въ четверть часа редутъ былъ взятъ. Наши сбрасывали съ вала вмѣстѣ съ непріятелемъ и пушки; пощады не было никому; взятъ былъ въ плѣнъ одинъ генералъ Бонами, получившій 12 ранъ. (Этотъ генералъ жилъ послѣ долго въ Орлѣ; полюбивъ весьма Ермолова, онъ далъ ему письмо въ южную Францію къ своему семейству, которое онъ просилъ посѣтить. При полученіи извѣстій о побѣдахъ Французовъ, раны его закрывались и онъ былъ добръ и спокоенъ; при малѣйшемъ извѣстіи о неудачахъ ихъ, раны раскрывались и онъ приходилъ въ ярость.) Такъ какъ вся масса нашихъ войскъ не могла взойдти на редутъ, многіе, въ пылу преслѣдованія, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ и находящемуся впереди, были встрѣчены войсками Нея. Но Ермоловъ приказалъ кавалеріи, заскакавъ впередъ, гнать нашихъ обратно на редутъ. Мужественный и хладнокровный до невѣроятія Барклай, на высокомъ челѣ котораго изображалась глубокая скорбь, прибывъ лично сюда, подкрѣплялъ Ермолова войсками и артиллеріей. Въ это время исчезъ графъ Кутайсовъ, который былъ убитъ близь редута; одна лошадь его возвратилась. Одинъ офицеръ, не будучи въ состояніи вынести тѣла, снялъ съ него знакъ Св. Георгія 3 класса и золотую саблю. (Этотъ молодой генералъ, будучи полковникомъ гвардіи—15-ти лѣтъ и генераломъ—24-хъ лѣтъ, былъ одаренъ блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечеръ 25 августа съ Ермоловымъ и Кикинымъ, онъ былъ пораженъ словами Ермолова, случайно сказавшаго ему: „мнѣ кажется, что завтра тебя убьютъ". Будучи чрезвычайно впечатлителенъ отъ природы, ему въ этихъ словахъ неизвѣстно почему послышался голосъ судьбы.) Ермоловъ оставался на редутѣ около 3 часовъ, пока усилившаяся боль, вслѣдствіе сильной контузіи картечью въ шею, не вынудила его удалиться. Барклай написалъ Кутузову слѣдующій рапортъ о Бородинскомъ сраженіи: „Вскорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всѣми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлалъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизіей. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію; но начальникъ главнаго штаба генералъ-майоръ Ермоловъ, съ свойственною ему рѣшительностью, взявъ одинъ

только 3-й батальйонъ Уфимскаго полка, остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко; батареи его дѣлали страшное опустошеніе; но ничто не устояло... 3-й батальйонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріятельскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощаду, а непріятель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе батареи. Генералъ-майоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24-й дивизіи, которой я велѣлъ смѣнить разстроенную атакой 26-ю дивизію.“ Барклай написалъ собственноручное представленіе, въ которомъ просилъ князя Кутузова удостоить Ермолова орденомъ Св. Георгія 2-го класса; но такъ какъ этотъ орденъ былъ пожалованъ самому Барклаю, то Ермоловъ былъ награжденъ лишь знаками Св. Анны 1-го класса.

„Въ Бородинскомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой, замѣчательный по своему необыкновенному уму и извѣстный подъ именемъ Американца; находясь въ отставкѣ въ чинѣ подполковника, онъ поступилъ рядовымъ въ московское ополченіе. Находясь въ этотъ день въ числѣ стрѣлковъ при 26-й дивизіи, онъ былъ сильно раненъ въ ногу. Ермоловъ, проѣзжая послѣ сраженія мимо раненыхъ, коихъ везли въ большомъ числѣ на подводахъ, услыхалъ знакомый голосъ и свое имя. Обернувшись, онъ, въ грудѣ раненыхъ, съ трудомъ могъ узнать графа Толстаго, который, желая убѣдить его въ полученной имъ ранѣ, сорвалъ бинтъ съ ноги, откуда струями потекла кровь. Ермоловъ исходатайствовалъ ему чинъ полковника.“

Въ другомъ мѣстѣ Давыдовъ говоритъ еще:

„....На Бородинскомъ полѣ... Ермоловъ... блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріятеля (редутъ Раевскаго).

„....Этотъ знаменитый подвигъ Ермолова... не былъ оцѣненъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполнѣ заслуживалъ. По причинамъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ повидимому желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріятеля принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему гене-

раламъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе досели живы: какъ напримѣръ, мужественный А. П. Никитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли, весьма неблаговолившій въ послѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтвердилъ почтенный и благородный графъ Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: „quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas conveuir, que notre armée lui doit son salut à Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare désintéressement.“ Высокое мужество и самоотверженіе Раевскаго и его сподвижниковъ... не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ.

. . . .

„Послѣ Бородинскаго сраженія, Ермоловъ отправился съ Толемъ и полковникомъ (русскимъ, австрійскимъ и испанскимъ) Кроссаромъ съ Поклонной горы къ Москвѣ отыскивать позицію, удобную для принятія сраженія. Войска были одушевлены желаніемъ вновь сразиться съ непріятелемъ; когда послѣ Бородинскаго сраженія, адъютантъ Ермолова Граббе объявилъ войскамъ отъ имени свѣтлѣйшаго о новой битвѣ, это извѣстіе было принято всѣми съ неописаннымъ восторгомъ. Отступленіе нашихъ войскъ началось лишь по полученіи извѣстія съ нашего праваго фланга, котораго непріятель сталъ сильно тѣснить и обходить. Князь Кутузовъ, не желая однако оставить столицу безъ обороны, имѣлъ одно время въ виду ввѣрить защиту ея со стороны Воробьевыхъ горъ—Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы—принцу Евгенію Виртембергскому. Графъ Растопчинъ, встрѣтившій Кутузова на Поклонной горѣ, увидавъ возвращающагося съ рекогносцировки Ермолова, сказалъ ему: „Алексѣй Петровичъ, зачѣмъ усиливаетесь вы убѣждать князя защищать Москву, изъ которой уже все вывезено? Лишь только вы ее оставите, она по моему распоряженію запылаетъ позади васъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ ему, что это есть князя, приказавшаго отыскивать позицію для новаго

сраженія. Кутузовъ, узнавъ, что посланные не нашли хорошей позиціи, пріостановилъ движеніе корпуса Дохтурова къ Воробьевымъ горамъ. На Поклонной горѣ видны доселѣ слѣды укрѣпленій, кои надлежало защищать принцу Виртембергскому. Кутузовъ отправилъ въ другой разъ къ Москвѣ Ермолова, съ принцемъ Александромъ Виртембергскимъ, Толемъ и Кроссаромъ; принцъ, отличавшійся большою ученостью, сказалъ: „en faisant creneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours." Возвратившись въ главную квартиру, Ермоловъ доложилъ князю, что можно было бы, не заходя въ столицу, совершить, въ виду непріятельской арміи, фланговое движеніе на Тульскую дорогу, что̀ было бы однако не совсѣмъ безопасно. Когда онъ сталъ съ жаромъ доказывать, что невозможно было принять новаго сраженія, князь, пощупавъ у него пульсъ, сказалъ ему: „здоровъ ли ты, голубчикъ." „Настолько здоровъ, отвѣчалъ онъ, чтобы видѣть невозможность новаго сраженія." Хотя на знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Ермоловъ, какъ видно изъ предыдущаго, былъ убѣжденъ, что новое сраженіе безполезно и невозможно, но, будучи вынужденъ подать свой голосъ однимъ изъ первыхъ, дорожа популярностью, пріобрѣтенною имъ въ арміи, которая приходила въ отчаяніе при мысли о сдачѣ Москвы, и не сомнѣваясь въ томъ, что его мнѣніе будетъ отвергнуто большинствомъ, онъ подалъ голосъ въ пользу новой битвы. Беннигсенъ, находившійся въ весьма дурныхъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ, постоянно предпочитавшимъ мнѣнія противоположныя тѣмъ, кои были предложены этимъ генераломъ, требовалъ того же самаго; неустрашимый и благородный Коновницынъ поддержалъ ихъ. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложивъ въ краткихъ словахъ матеріяльныя средства Россіи, кои были ему лучше всѣхъ извѣстны, требовалъ, чтобы Москва была отдана безъ боя; съ нимъ согласились графъ Остерманъ, Раевскій и Дохтуровъ. По мнѣнію сего послѣдняго, армія, за недостаткомъ генераловъ и офицеровъ, не была въ состояніи вновь сразиться съ непріятелемъ. Графъ Остерманъ, питавшій большую непріязнь къ Беннигсену съ самаго 1807 года, спросилъ его: „Кто вамъ поручится въ успѣхѣ боя?" На это Беннигсенъ, не обращая на него вниманія, отвѣчалъ: „Еслибы въ этомъ сомнѣвались, не состоялся бы военный совѣтъ, и вы не были бы приглашены сюда." Вернувшись послѣ совѣта на

свою квартиру, Ермоловъ нашелъ ожидавшаго его артиллеріи поручика Фигнера, столь знаменитаго въ последствіи по своимъ впоследствіи блистательнымъ подвигамъ. Этотъ офицеръ, уже украшенный знаками Св. Георгія 4-го класса за смѣлость, съ которою онъ измѣрялъ ширину рва Рущукской крѣпости, просилъ о дозволеніи остаться въ Москвѣ для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится къ тому возможность. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу и снабженъ на Боровскомъ перевозѣ подорожною въ Казань. Это было сдѣлано затѣмъ, чтобы слухъ о его намѣреніяхъ не разгласился въ арміи."

Возвращаемся къ повѣствованію самого Алексѣя Петровича о событіяхъ, слѣдовавшихъ за Бородинскою битвой:

1 числа сентября армія наша непримѣтно приблизилась къ самымъ стѣнамъ Москвы. Мѣсто, на которомъ расположилась армія, простиралось отъ урочища, называемаго Фили, чрезъ рѣчку Карповку, Воробьевы горы, почти до самой Калужской дороги..... Князь Кутузовъ показывалъ видъ, что непремѣнно хочетъ дать сраженіе....

. . . .

Всѣмъ очевиднымъ недостаткамъ мѣстоположенія никто не хотѣлъ противостать. Господа генералы молчали и конечно не отъ того, чтобы многіе могли разумѣть, что князь Кутузовъ обманываетъ обѣщаніемъ защищать Москву. Онъ спросилъ меня по прибытіи на мѣсто, каковою нахожу я позицію? Я отвѣчалъ, что о мѣстѣ, назначаемомъ для 60 или 70 тысячъ человѣкъ, по одному взгляду рѣшить не можно, что однакоже примѣтны въ немъ такого рода недостатки, что усомниться должно въ возможности на немъ удержаться. Онъ взялъ меня за руку, ощупалъ пульсъ и сказалъ, здоровъ ли я? Подобный вопросъ не вызвалъ меня на скромный отвѣтъ, и я съ нѣкоторою живостію возразилъ, что мѣсто таково, что на немъ драться онъ не будетъ, или въ короткое время разбитъ будетъ совершенно. Кутузовъ не хотѣлъ далѣе раздражать меня оскорбленіями, ласково приказалъ мнѣ, взявъ съ собою генералъ-квартирмейстера Толя, осмотрѣть ту же самую позицію и донести ему о ея недостаткахъ, а потомъ, буде найдется другая, предложить объ оной. Со мною также объѣзжалъ позицію г. Кроссаръ, принятый въ службу нашу

полковникъ, служившій прежде долго въ Австріи и Гишпаніи, человѣкъ съ дарованіями. Я самъ сдѣлалъ рисунокъ позиціи и объяснилъ ея порочность. Кутузову доложилъ я, что тутъ же есть другая позиція, хотя также съ большими недостатками, но то важное имѣющая преимущество, что отступленіе безопасно и не чрезъ весь городъ, но чрезъ нѣкоторую только часть Замоскворѣчья и не переправляясь рѣки, прямо на Тульскую дорогу (и проч. и проч.)...... Кутузовъ, все выслушавъ благосклонно, ничего однакоже не сказалъ...... Я нашелъ Кутузова съ графомъ Растопчинымъ, съ коимъ онъ объяснялся весьма долго. Графъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, почему Кутузовъ усиливается непремѣнно защищать Москву.... что вывезены всѣ сокровища...... Нѣсколько передъ тѣмъ дней клялся Кутузовъ сѣдыми своими волосами, что непріятель путь къ Москвѣ долженъ проложить чрезъ его тѣло... Онъ не зналъ, какъ сложить съ себя вину оставленія Москвы.... Онъ подробно пересказалъ мнѣ разговоръ свой съ Растопчинымъ и со всею невинностію увѣрялъ меня, что до того времени не зналъ онъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы никакихъ не снищетъ выгодъ, что подлинно оставить ее можно, и спросилъ у меня на то мнѣнія. Я боялся повторенія испытаній моего пульса, замолчалъ, но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, я отвѣчалъ ему, что если отступать, то для соблюденія наружности приказалъ бы въ честь древней столицы арріергарду нашему дать сраженіе.

День клонился уже къ вечеру, и объ оставленіи Москвы еще неизвѣстно было. Военный министръ, призвавъ меня къ себѣ, объяснилъ мнѣ причины, по которымъ отступленіе полагаетъ онъ необходимымъ, причины самыя ясныя и основательныя, противъ которыхъ возразить было невозможно. Никогда не слыхалъ я его столь благоразумно разсуждающаго. Онъ пошелъ къ Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Барклаю-де-Толли болѣе нежели кому-либо извѣстны были обстоятельства. Въ восхищеніи былъ Кутузовъ отъ сего предложенія, ибо не первый онъ его сдѣлалъ и имѣлъ на кого возложить вину, а дабы болѣе отклонить отъ себя упреки, приказалъ созвать совѣтъ, и въ восемь часовъ вечера назначено для сего время.

. . . .

(На совѣтѣ) Барклай-де-Толли предлагалъ взять направленіе на Владиміръ, дабы сохранить сообщеніе съ Петербур-

гомъ и особенно царскою фамиліей. Кутузовъ приказалъ мнѣ, или по званію моему, или потому что я младшій, объяснить мое мнѣніе. Я убѣжденъ былъ основательнымъ предложеніемъ военнаго министра, которому можно было противорѣчить въ одномъ направленіи на Владимиръ въ единственномъ намѣреніи сохранить сообщеніе съ Петербургомъ, ибо оно отдавало во власть непріятеля всѣ полуденныя наши области и знатные готовые уже для арміи запасы. Гораздо важнѣе было не потерять сообщенія съ ними и арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова, потому что царская фамилія могла, при малѣйшей грозящей ей опасности, выѣхать въ Казань или сѣверныя губерніи, не порабощая армію невыгодному направленію. Не смѣлъ я, какъ офицеръ, весьма мало извѣстный, дать согласіе мое на оставленіе столицы. Не хочу, однакоже, защищать мнѣнія моего, ибо оно было неосновательно, но страшась упрека соотечественниковъ, далъ я голосъ атаковать непріятеля. Девятьсотъ верстъ безпрерывнаго отступленія, говорилъ я, не пріучили непріятеля къ подобнымъ со стороны нашей движеніямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ распоряженіи войскъ его произойдетъ большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и что, конечно, сіе произведетъ оборотъ въ дѣлахъ нашихъ *. Князь Кутузовъ съ непріятностію отвѣчалъ мнѣ, что потому даю я такое мнѣніе, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Генералъ Беннигсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искусства и опытностію своей, хотя удивилъ меня, давъ мнѣніе, съ моимъ согласующееся, но я не могъ усомниться, что онъ основываетъ его на вѣрнѣйшихъ нежели я разчетахъ.

.....Пріѣхавшему послѣ всѣхъ генералъ-лейтенанту Раевскому приказано мнѣ было пересказать предложеніе военнаго министра и каждаго особенно мнѣніе, и онъ отвѣчалъ, что обстоятельства, военнымъ министромъ объясняемыя, достаточны склонить его къ мнѣнію оставить Москву..... Приказано сдѣлать диспозицію къ отступленію.... къ Рязанской заставѣ...

---

* Мнѣніе мое атаковать непріятеля основано было на необходимости дать сраженіе, ибо Кутузовъ не переставалъ утверждать того; итакъ, взявъ сіе за основаніе, я только избиралъ способъ и всеконечно лучше было не ожидать нападенія въ порочной позиціи. (*Ерм.*)

....Непріятель въ положенное по условію время вошелъ безъ боя, не препятствовалъ выходить обозамъ арміи и даже самимъ жителямъ, занялъ тотчасъ всѣ заставы, и Москву оставили мы въ рукахъ его.

Тщательно наблюдалъ я дѣйствіе, которое произвело надъ войсками оставленіе Москвы, и сверхъ чаянія замѣтилъ, что солдатъ не терялъ духа и далекъ былъ ропота....

Въ городѣ Гжатскѣ перемѣнилъ Кутузовъ распоряженіе мое о больныхъ и раненыхъ, и разосланнымъ отъ себя офицерамъ приказалъ отовсюду свозить ихъ въ Москву. Ихъ было до 26 тыс. человѣкъ. Въ послѣднюю ночь послалъ я къ коменданту, чтобъ объявилъ онъ имъ, что оставляемъ мы Москву, и чтобы тѣ, кои въ силахъ, удалились. . . . .

....Около вечера слышны были въ Москвѣ два взрыва пороха и пожаръ ужаснѣйшій далеко освѣщалъ окрестности. Исполнилъ обѣщаніе свое графъ Растопчинъ!...

Непріятель покореніемъ столицы мнитъ, поколебавъ твердость Россіянъ, достигнуть славнаго для себя мира. Онъ не находитъ столицы и вмѣсто мира видитъ народную войну, подъ ужасающими его признаками возгарающуюся. Мнитъ стяжать сокровища, награду воиновъ за понесенные труды,— ихъ не обрѣтаетъ.... За что̀ отнимать у себя славу пожертвованія столицей? Справедливый непріятель у насъ ея не похищаетъ! Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона двадцать лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба сберегла его для славы Россіянъ! Двадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ неоднократно проходилъ Наполеонъ столицы ихъ. Чрезъ Москву единую лежалъ ему путь къ вѣчному стыду и сраму! Въ первый разъ устрашенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человѣка!

. . . .

Армія, 3-го числа сентября имѣвъ растахъ, пошла по Рязанской дорогѣ къ Боровскому перевозу чрезъ Москву рѣку. *

---

* Давыдовъ разказываетъ здѣсь слѣдующій случай:

„На второмъ переходѣ послѣ выступленія изъ Москвы, армія наша достигла такъ-называемаго Боровскаго перевоза. Здѣсь арріергардъ былъ задержанъ столпившимися на мосту, въ страшномъ безпорядкѣ, обозами и экипажами частныхъ лицъ; тщетны были просьбы и приказанія начальниковъ, которые, слыша со стороны Москвы пушечные выстрѣлы

. . . .

Армія расположилась у города Подольска.... Растахъ....

. . . .

Армія спокойно прибыла къ селу Красная Пахра (на Калужской дорогѣ).... отошла къ селу Воронову и наконецъ въ Тарутино....

. . . .

Въ Тарутинѣ возвратился артиллеріи капитанъ Фигнеръ, отправленный мною изъ Подольска въ Москву. Предпріимчивый и храбрый сей офицеръ взялся развѣдать о непріятелѣ, и буде бы возможность была, хотѣлъ вкрасться въ свиту Наполеона. Онъ, бывши въ Москвѣ, возвратился къ передовымъ войскамъ, подъ командою генералъ-лейтенанта

и не зная о истинномъ направленіи непріятеля, торопились продвинуть аррієргардъ; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская войскъ, нисколько сами не подвигались. Въ это время подъѣхалъ къ войскамъ Ермоловъ; онъ тотчасъ приказалъ командиру артиллерійской роты, здѣсь находившейся, сняться съ передковъ и обратить дула орудій на мостъ, при чемъ имъ было громко приказано зарядить орудія картечью и открыть по его командѣ огонь по обозамъ. Ермоловъ, сказавъ на ухо командиру, чтобы не заряжалъ орудій, скомандовалъ: *пальба первая*. Хотя это приказаніе не было приведено въ исполненіе, но испуганные обозники, бросившись частію въ рѣку, частію на берегъ вмигъ очистили мостъ, и аррієргардъ благополучно присоединился къ главной арміи, Лейбъ-медикъ Вилье, бывшій свидѣтелемъ всего этого, назвалъ Ермолова: „homme aux grands moyens“.

„Бывшій дежурный генералъ 2-й арміи Маринъ, авторъ весьма многихъ комическихъ стихотвореній, часто посѣщалъ Ермолова, о которомъ онъ говорилъ: „я люблю сего Ахилла въ гнѣвѣ, изъ устъ котораго никогда не вырывается ничего оскорбительнаго для провинившагося подчиненнаго“.

Приводимъ здѣсь еще слѣдующую замѣтку самого Ермолова. „Направленіе на Владиміръ, военнымъ министромъ предложенное, отмѣнено, и опредѣлено перейдти на Тульскую дорогу. Для сего надлежало предпринять фланговой маршъ, вблизи отъ непріятеля не безопасный. Въ продолженіи кампаніи 1812 года движеніе сіе было рѣшительнѣйшее и наиболѣе приличествующее обстоятельствамъ, а потому весьма многіе несправедливо приписываютъ себѣ честь сего предложенія, хотя еще подъ Москвою было разсуждаемо о томъ, можно ли съ Воробьевыхъ горъ перейдти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а въ теперешнемъ случаѣ мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и я свидѣтелемъ былъ, что онъ говорилъ о томъ князю Кутузову“.

Раевскаго, и объявилъ, что посланъ отъ меня. Генералъ-лейтенантъ Раевскій, знавши его въ Молдавіи, далъ ему небольшую команду кавалеріи, съ которою онъ отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Скрывъ отрядъ свой и осмотрѣвъ идущія непріятельскія шесть орудій съ небольшимъ прикрытіемъ, напалъ на нихъ при селеніи Вязьмѣ и взялъ въ плѣнъ, гдѣ по близости расположенный непріятель, увѣдомленъ будучи о происшествіи, не успѣлъ прійдти на избавленіе. Фигнеръ * былъ первый изъ партизановъ, употреб-

* Приводимъ два документа, касающіеся этого храбраго офицера.

I.

Его свѣтлости высокоповелительному г. генералъ-фельдмаршалу, главнокомандующему всѣми арміями, князю Голенищеву-Кутузову

Начальника главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майора Ермолова рапортъ.

Вчерашній день я имѣлъ честь предупредить г. дежурнаго генерала всѣхъ армій для доклада вашей свѣтлости о дѣйствіяхъ отряженной съ артиллеріи штабсъ-капитаномъ Фигнеромъ партіи; нынѣ рапортъ его въ подлинникѣ имѣю честь представить вашей свѣтлости.

Сей офицеръ, извѣстный своею предпріимчивостью и прежними отличными дѣйствіями, былъ употребленъ мною въ полной увѣренности, что онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы доказать свое рвеніе къ пользамъ службы. Дѣйствіе его, но лучше свидѣтельство самыхъ плѣнныхъ, вполнѣ оправдали сдѣланный мною выборъ и выказали всѣ его способности.

Благоволите, ваша свѣтлость, вознаградить труды сего офицера, имѣющаго единымъ предметомъ пользу службы своего государя, и обратить благосклонное вниманіе свое на его усердіе, заслуживающее величайшихъ похвалъ. Простите также смѣлость моего предложенія о томъ, что надо отрядить сего отличнаго офицера съ большею партіей, избравъ ему предпріимчивыхъ офицеровъ, дабы малочисленность конницы его не ослабила его дѣятельности и не вынудила его часто по необходимости скрываться въ лѣсахъ.

Генералъ-майоръ Ермоловъ.

№ 490.
сентября 25, 1812.

II.

Г. начальнику главнаго штаба 1-й западной арміи генералъ-майору и кавалеру Ермолову

Артиллеріи штабсъ-капитана Фигнера рапортъ.

Ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ о причиненіи непріятелю вреда донести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблены всѣ продо-

женный при большой арміи. Успѣхи его, въ которыхъ много способствовали ему вооруженные имъ поселяне, дали мысль Кутузову умножить число партизановъ.....

. . . .

Въ Подольскѣ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Генералъ сей, ...
по новому званію своему, входилъ въ мою должность и обязанности, непосредственно на мнѣ лежащія, которыя прежде сближали меня съ Кутузовымъ . . . .
. . . Князь Кутузовъ произведенъ былъ послѣ Бородинскаго сраженія въ фельдмаршалы, и вмѣстѣ съ возвышеніемъ симъ почелъ необходимымъ создать дежурнаго при себѣ генерала, дабы управленіе арміями не оставить въ рукахъ генерала Беннигсена, который состоялъ при немъ въ званіи начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій. По полученіи извѣстія о смерти достойнѣйшаго генерала князя Багратіона, 2-я армія хотя и существовала по имени, но штабъ оной былъ уничтоженъ и присоединенъ къ штабу 1-й западной арміи, и я наименованъ начальникомъ главнаго штаба обѣихъ армій.

22-го числа сентября военный министръ Барклай-де-Толли оставилъ армію и поѣхалъ въ Калугу и далѣе. Я зналъ намѣреніе его и для того не задолго предъ его отъѣздомъ подалъ рапортъ, что чувствую себя къ отправленію моей должности неспособнымъ и прошу возвратить меня въ армію.

вольствія; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогою, побито до 400 человѣкъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ, шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а 18 ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащихъ, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, 4 офицера и рядовыхъ 58, убито офицеровъ три и великое число рядовыхъ.

Не взирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ. Отъ чего въ самыя мрачныя ночи въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю гибельны. Перенося равнодушно холодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнѣйшаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ. Уронъ, понесенный симъ отрядомъ состоитъ въ одномъ убитомъ и двухъ легко раненыхъ.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Фигнеръ.

(?) дня 1812 года.

Онъ представленъ былъ въ подлинникѣ фельдмаршалу, но никакого не послѣдовало отвѣта. Вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли уѣхалъ и правитель собственной канцеляріи его, флигель-адъютантъ гвардіи полковникъ Закревскій, офицеръ отличныхъ и благороднѣйшихъ свойствъ, съ которымъ былъ я пріятель, и вмѣстѣ раздѣляли и горести неудачной войны и пріятныя въ оной минуты, и я, кромѣ достойнаго дежурнаго генерала 1-й арміи флигель-адъютанта Кикина, не видалъ никого желающаго мнѣ добра, и положеніе мое часъ отъ часу дѣлалось болѣе непріятнымъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ возмечталъ, что я долженъ обрабатывать часть дѣлъ, собственно до него относящихся. Я нѣкоторое время дѣлалъ то съ терпѣніемъ . . . .
Онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Толемъ вредили мнѣ у Кутузова, и расположеніе ко мнѣ и вниманіе, всѣми замѣченное, уничтожали. Онъ охладѣлъ ко мнѣ, я не искалъ его милостей и старался отдалиться отъ главной квартиры, въ которой я не жилъ во все время пребыванія арміи въ Тарутинѣ и не иначе появлялся, развѣ приказано мнѣ бывало. Я посѣщалъ Коновницына, и въ то же время имѣлъ съ нимъ переписку, въ которой онъ ничего у меня не выигрывалъ. . . . .

Въ такихъ отношеніяхъ съ Коновницынымъ и Толемъ, могущественными людьми настоящаго времени, я былъ совершенно праздны мъ, и мнѣ оставалось быть свидѣтелемъ разныхъ интригъ главной квартиры, вражды между Кутузовымъ и генераломъ Беннигсеномъ, которую возбуждалъ полковникъ Толь единственно въ намѣреніи, отдаляя его вліяніе на Кутузова, сохранить надъ нимъ власть свою. Званіе начальника главнаго штаба оставалось еще при мнѣ, и не взирая на повторенный мною о неспособности рапортъ, я не могъ получить увольненія отъ онаго *.

Сраженія Тарутинское и Малоярославецкое описаны у Давыдова съ большими подробностями чѣмъ у Ермолова, и мы считаемъ цѣлесообразнѣе представить прежде его разказъ:

---

* Давыдовъ разказываетъ объ этомъ такъ: „Извѣстно, что въ Тарутинѣ Коновницынъ, назначенный дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, отказывался отъ своей новой должности подъ предлогомъ, что она была выше его силъ; Кутузовъ думалъ дать ему въ помощники Ермолова, который, не желая служить секретаремъ Коновницыну, настоятельно

„Главная квартира Кутузова находилась, какъ извѣстно, въ Леташевкѣ, а Ермоловъ съ Платовымъ квартировали въ разстояніи одной версты отъ этого села. Генералъ Шепелевъ далъ 4 числа большой обѣдъ, всѣ присутствовавшіе были очень веселы, и Николай Ивановичъ Депрерадовичъ пустился даже плясать. Возвращаясь въ 9-мъ часу вечера въ свою деревушку, Ермо́ловъ получилъ чрезъ ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардскаго полка, письменное приказаніе собрать къ слѣдующему утру всю армію для наступленія противъ непріятеля. Ермоловъ спросилъ ординарца, почему это приказаніе доставлено ему такъ поздно, на что̀ онъ отозвался незнаніемъ, гдѣ находится начальникъ главнаго штаба. Ермоловъ, прибывъ тотчасъ въ Леташевку, доложилъ князю, что, по случаю поздняго доставленія приказанія его свѣтлости, армію невозможно собрать въ столь короткое время. Князь очень разсердился и приказалъ собрать всѣ войска къ 6-му числу вечеромъ; вопреки увѣреніямъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, князь до того времени и не выѣзжалъ изъ Леташевки. Въ назначенный вечеръ, когда уже стало смеркаться, князь прибылъ въ Тарутино. Беннигсену, предложившему весь планъ атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена въ обходъ; въ этой колоннѣ находился и 2-й корпусъ. Кутузовъ съ свитой, въ числѣ которой находились Раевскій и Ермоловъ, оставался близь гвардіи; князь говорилъ при этомъ: „вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступить къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель, принявъ свои мѣры, заблаговременно отступаетъ.“ Ермоловъ, понимая, что эти слова относятся къ нему, толкнулъ колѣномъ Раевскаго, которому сказалъ: „онъ на мой счетъ забавляется.“ Когда стали раздаваться пушечные выстрѣлы, Ермоловъ сказалъ князю: „время не

просилъ перевода своего во фронтъ. Фельдмаршалъ потребовалъ ихъ обоихъ къ себѣ; передразнивая ихъ, онъ сказалъ имъ: „Одинъ увѣряетъ что не можетъ, а другой все можетъ, да не хочетъ, я о васъ обоихъ напишу государю“. Ермоловъ, не пользовавшійся въ то время довѣріемъ Кутузова, будучи нѣкогда самъ начальникомъ главнаго штаба арміи и вполнѣ сознававшій свое значительное превосходство . . . . надъ Коновницынымъ, возымѣлъ твердое намѣреніе перейти во фронтъ, что̀, какъ извѣстно, не состоялось, ибо для этого необходимъ былъ въ то время указъ сената.“

упущено, непріятель не ушелъ; теперь, ваша свѣтлость, намъ надлежитъ съ своей стороны дружно наступать, потому что гвардія отсюда и дыма не увидитъ.“ Кутузовъ скомандовалъ наступленіе, но чрезъ каждые сто шаговъ войска останавливались почти на три четверти часа; князь видимо избѣгалъ участія въ сраженіи. Мѣсто убитаго ядромъ Багговута заступилъ мужественный принцъ Евгеній Виртембергскій, который сталъ у головнаго полка. Ермоловъ послалъ сказать чрезъ капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобъ онъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ быстрѣе. Остерманъ выслалъ къ назначенному мѣсту лишь полковыя знамена при ста рядовыхъ. Беннигсенъ, выведя войска къ мѣсту боя, вернулся назадъ; еслибы князь Кутузовъ сдѣлалъ съ своей стороны рѣшительное наступленіе, отрядъ Мюрата былъ бы весь истребленъ. Фельдмаршалъ, окруженный многими генералами, ѣхавшими верхомъ, возвратился вечеромъ въ коляскѣ въ Леташевку. Онъ сказалъ въ это время Ермолову: „голубчикъ, непріятель понесъ большую потерю, имъ оставлено много орудій въ лѣсу.“ Кутузовъ, не распросивъ о ходѣ дѣла у главнаго виновника побѣды Беннигсена, послалъ государю донесеніе, въ которомъ вмѣсто 19 орудій, взятыхъ у непріятеля, показано было 38. Съ этого времени вражда между Беннигсеномъ и Кутузовымъ достигла крайнихъ размѣровъ и уже никогда не прекращалась.“

О сраженіи при Малоярославцѣ Давыдовъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Ѳоминскому корпусъ Дохтурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ, Ермоловъ приказалъ Фигнеру и Сеславину слѣдовать по направленію къ Ѳоминскому, съ тѣмъ чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Фигнеру не удалось перейдти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейдти рѣку и приблизиться къ Боровской дорогѣ; здѣсь оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до Боровской дороги сквозь лѣсъ, на которомъ еще было немного листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Напо-

леона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи унтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло, и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Ѳоминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество батарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію не доходя верстъ 15 до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ успѣла бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Ѳоминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: „гдѣ Алексѣй Петровичъ“? Явившись къ Ермолову, Сеславинъ, въ сопровожденіи своего плѣнника, разказалъ все имъ видѣнное; плѣнный подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміей изъ Москвы, долженъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко . . . . не рѣшительный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшался продолжать движеніе къ Ѳоминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ-хранителемъ русскихъ войскъ. Орлиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Принявъ на себя всю

отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Болховскаго *, которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміей къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Дохтурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную баттарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1 кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславина, двинулся по направленію къ селу Катову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: „Еслибъ Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я.“ Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильные резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріятелемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя чрезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь италіянской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боровскѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ, достигнуть города и собрать всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріятелѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже три батальйона Италіянцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ

* Онъ умеръ сенаторомъ.

прибылъ на разсвѣтѣ къ Малоярославцу, предъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотой. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, придя съ арміей въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоярославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова съ убѣдительнѣйшею просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ, съ настоятельнѣйшею просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, плюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоярославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близь Малоярославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріятелемъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ 40 батарейныхъ орудій; онъ намѣревался, за неимѣніемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокою канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коновницынъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ Турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, еслибъ онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступить къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, 1.500 человѣкъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инструментъ, разсѣялись. Городъ былъ однако оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу передать. Князь: „Голубчикъ, вѣдь надо идти"? Ермоловъ: „Конечно, но только на Медынь". Князь: „Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи"? Ермоловъ: „Опасности нѣтъ никакой: атаманъ уже захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій,

не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всѣ покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться.“ Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ Полотнянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его остаться у Малоярославца по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля *. Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ.

„Еслибы Наполеонъ, дойдя до Боровска, поспѣшилъ направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжалъ бы свое обратное шествіе по краю изобильному и не раззоренному. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу. Къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ.

„Въ это самое время партизанъ, князь Кудашевъ, находившійся между Лопаснею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонявшій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мóчи для присоединенія къ его хвосту.

„Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная, такъ сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытнымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстраго и никѣмъ не замѣченнаго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Чрезъ это Наполеонъ, выпутавшись изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тарутинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Днѣпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои фланги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего

* Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія государя находившимся въ то время при нашей арміи барономъ Анштетомъ.

нуженъ былъ проницательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославцу.“

Вотъ другой разказъ Давыдова о сраженіи подъ Малымъ-Ярославцемъ:

„Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7 числа октября, т.-е. на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Ѳоминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Калужской дорогѣ, открылъ въ Ѳоминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Орнано и пѣхотную дивизію Брусье, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозрѣвая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего насчетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились на этомъ пунктѣ, или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленской дорогою, или это доказываетъ, что вся Наполеоновская армія двигается къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ, подъ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находился начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предъ самымъ выступленіемъ изъ Тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Ѳоминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ; корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеславину удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Ѳоминскомъ не одни войска Орнано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи, тѣмъ болѣе что было строго приказано главно-

командующимъ идти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоярославцу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи непріятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго непріятеля, онъ также быстро обратился къ Малоярославцу. Такимъ образомъ таинственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, зачернѣлъ непріятельскими войсками. Ермоловъ съ главными войсками бросился въ городъ Малоярославецъ, гдѣ вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіей Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміей вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміей въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоярославца), но приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ непріятелемъ, не переставалъ посылать записки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительнѣйшею просьбой спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевскаго и Бороздина; хотя городъ остался за непріятелемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ непріятелю. Еслибы Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоярославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространился въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ злополучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предпріимчивъ и рѣшителенъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостью и высокою рѣшительностью, и Кутузовъ меньшею проницательностію, указавшею ему на Тарутино, какъ на точку спасенія для отечества; замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоярославцу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязан-

ской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды вслѣдствіе боковаго направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или лучше сказать продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!"

Теперь предлагаемъ собственное описаніе Ермолова.

. . . .

9-го числа октября генералъ-майоръ Дороховъ донесъ, что непріятель занимаетъ село Ѳоминское, деревню Катово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не болѣе восьми тысячъ человѣкъ, просилъ къ отряду, имъ командуемому, дать два полка пѣхоты, и что тогда онъ непремѣнно разобьетъ непріятеля. Фельдмаршалъ разсудилъ отправить 6-й корпусъ генерала Дохтурова, 1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго и пять казачьихъ полковъ. Благоразумное сіе распоряженіе давало вѣрнѣйшія средства къ успѣху. Кутузовъ, осыпавъ меня тысячью привѣтствій, приказалъ отправиться съ генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя меня, что онъ надѣется на меня и будетъ спокоенъ. Надобно знать Кутузова, чтобы не давать тому никакой цѣны. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ, вверхъ по лѣвому берегу Нары пошли съ партіями открыть, не имѣетъ ли непріятель, кромѣ войскъ въ селѣ Ѳоминскомъ, другихъ близко-расположенныхъ, которыя бы могли придти въ помощь, также нѣтъ ли какихъ движеній между Ѳоминскимъ и Москвою. Къ 11 часу обѣщали они мнѣ дать непремѣнно обстоятельное извѣстіе.

Генералъ Дохтуровъ 10-го числа остановился въ пяти верстахъ отъ деревни Катово, съ тѣмъ чтобы, пройдя сіе разстояніе ночью, напасть на разсвѣтѣ на непріятеля. Генералъ-майоръ Дороховъ, явясь къ нему въ команду, донесъ, что непріятель въ 2 тысячи пѣхоты преслѣдуетъ отъ Боровска подполковника Власова съ тремя казачьими полками. Около деревни Катово расположено не болѣе 4 тысячъ человѣкъ. Близь села Ѳоминскаго лагерь скрытъ въ лѣсу, и силъ потому опредѣлить невозможно, ночью примѣчены большіе по лѣсамъ ог‑ни и у моста чрезъ рѣку Нару стоитъ батарея. Я предло-

жилъ всю тяжелую артиллерію обратить за шесть верстъ назадъ, гдѣ весьма тѣсное дефиле съ трудомъ мы проходили. Была уже полночь, приближалось время идти впередъ, и отъ Фигнера или Сеславина никакихъ не было извѣстій; дано уже было приказаніе о пріуготовленіи къ движенію. Ночью на полѣ сталкиваюсь я съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ. Онъ, скрывъ въ лѣсу свою партію, въ четырехъ верстахъ отъ села Ѳоминскаго, осмотрѣлъ идущія непріятельскія войска, которыя состояли изъ всей пѣшей и конной гвардіи Наполеона и всего корпуса маршала Нея. Взятые имъ нѣсколько человѣкъ показали, что самъ Наполеонъ при войскахъ, которые пятый уже день выступили изъ Москвы, гдѣ не болѣе оставлено 4 тысячъ человѣкъ для подорванія стѣнъ кремлевскихъ. Тягости и артиллерія тяжелая прежде отправлены на Можайскъ и вмѣстѣ съ ними вся кавалерія, потерявшая лошадей, и для прикрытія всего 5-й корпусъ польскихъ войскъ. Въ войскахъ большой недостатокъ въ продовольствіи, который за долго до выступленія весьма былъ чувствуемъ. По слухамъ, Наполеонъ идетъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу. Фельдмаршалъ не имѣлъ извѣстія о Москвѣ, и стоящій близь оной генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде не успѣлъ дать о томъ увѣдомленія. Оказанная Сеславинымъ услуга спасла отъ пораженія корпусъ генерала Дохтурова, и то могло зависѣть отъ нѣсколькихъ часовъ разницы. На разсвѣтѣ генералъ Дохтуровъ отступилъ, и присоединя отосланную артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоярославецъ. Вся кавалерія пошла къ сторонѣ Боровска примѣчать за движеніемъ непріятеля, и я остался при ней, дабы извѣщать Дохтурова. Поутру въ нѣкоторомъ разстояніи прошли мы мимо Боровска, видѣли, что непріятель проходилъ оный. По полудни замѣтили его идущаго въ большихъ силахъ къ Малоярославцу и насъ раздѣляла съ нимъ одна рѣка Протва. Бѣжавшій отъ непріятеля слуга одного генерала увѣдомилъ, что Наполеонъ въ 10 часовъ утра прибылъ въ Боровскъ, гдѣ гвардія его имѣетъ ночлегъ, что на завтра 12 числа октября идетъ далѣе. Спускаясь по лѣвому берегу Протвы, часа за два до вечера переправились мы за рѣку, сбили форпосты наблюдавшіе насъ, преслѣдовали конницу, которая ихъ подкрѣпляла, и проскакавъ небольшой лѣсъ, увидѣли близь почтовой дороги обширный лагерь корпусовъ вице-короля Итали-

янскаго и маршала Даву. Мы отошли къ переправѣ, но не перешли за рѣку, дабы сохранить кратчайшую дорогу къ Малоярославцу. Непріятель за позднимъ временемъ насъ не преслѣдовалъ. Разъѣздъ, отправленный къ Малоярославцу, далъ знать, что у самаго города также стоитъ непріятельскій лагерь. Въ городѣ есть нѣсколько казаковъ, присланныхъ отъ атамана Платова, жителями разобраны мосты и они не допускають въ городъ непріятеля. Въ ночи присоединились мы къ генералу Дохтурову, который за часъ до начала дня прибылъ къ Малоярославцу. Впереди корпуса присланъ былъ 33-й егерскій полкъ, который хотя и занялъ городъ, но не могъ выгнать непріятеля, удерживающаго одинъ кварталъ, къ рѣкѣ прилежащій. Во власти его были мосты, и два орудія артиллеріи переправлены въ городъ. Наставшій день открылъ на противоположномъ берегу рѣки Лужи силы непріятельскія весьма превосходныя, 33-й егерскій полкъ былъ утѣсняемъ, исправлялись мосты, и колонны непріятеля двинулись въ городъ. Удерживать городъ надобно было во что бы-то ни стало, ибо армія слѣдовала уже изъ Тарутина, и дорогу Калужскую уступить было невозможно. Генералъ Дохтуровъ подкрѣпилъ 33-й полкъ 6-мъ и 19-мъ егерскими полками и команду надъ ними поручилъ полковнику Вуичу. Всѣ войска наши расположились въ верстѣ отъ города на Калужской дорогѣ, на правой сторонѣ 1-й кавалерійскій корпусъ и отрядъ генералъ-майора Дорохова. Въ городѣ загорѣлся ружейный огонь очень сильный, и атаки непріятеля сдѣлались гораздо упорнѣе. На лѣвомъ нашемъ флангѣ устроилась батарея гвардейской конной артиллеріи, которая препятствовала исправленію мостовъ и останавливала идущія въ городъ подкрѣпленія. Храбрый полковникъ Никитинъ былъ съ своими орудіями въ срединѣ города и непріятель уважалъ его присутствіе. Егерскіе полки наши принуждены были къ отступленію, съ трудомъ могли мы вывезти изъ города артиллерію, и стрѣлки непріятельскіе, пройдя стремительно городъ, появились на правомъ крылѣ нашемъ. Генералъ Дохтуровъ возложилъ на меня защиту города, и къ полкамъ, прежде въ ономъ бывшихъ, прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные — Софійскій, Либавскій и Вильманстрандскій съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи. Не взирая на то, четыре раза выгнанъ я былъ изъ города и не разъ терялъ совсѣмъ

надежду возвратиться въ оный. Храбрая атака въ штыки Либавскаго полка подъ начальствомъ генералъ-маиора Талызина и Софійскаго подъ командою полковника Халяпина, которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ и все противоставшее имъ истребили, удержали во власти нашей городъ. Артиллеріи полковнику Никитину, офицеру неустрашимому, много обязанъ я успѣхомъ; храбрые адъютанты мои, гвардіи поручикъ Фонъ-Визинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣевъ, чрезвычайно мнѣ способствовали. Всюду, куда посылалъ я ихъ, не менѣе вѣрилъ я имъ, какъ самому себѣ. На прочія войска генерала Дохтурова непріятель сдѣлалъ одну изъ города сильную вылазку, но дѣйствіемъ батарей былъ отраженъ съ большимъ весьма урономъ. На короткое весьма время пріѣзжалъ изъ арміи дежурный генералъ Коновницынъ; сіе появленіе было для одной реляціи. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы прибытія арміи, но Кутузовъ поздно выступилъ изъ Тарутина, шелъ чрезмѣрно тихо и безъ нужды медлилъ у переправы чрезъ Протву въ селѣ Спасскомъ. Первый прибывшій корпусъ былъ генералъ-лейтенанта Раевскаго и въ три часа пополудни частію войскъ своихъ занялъ городъ вмѣстѣ съ моими полками; я, какъ старшему, сдалъ командованіе правымъ флангомъ, но вскорѣ прибыла вся наша армія и мы превосходили непріятеля силами; пріѣхалъ и фельдмаршалъ. Ночью пошли полки въ городъ на смѣну нѣкоторыхъ утомленныхъ, но непріятель вытѣснилъ ихъ * и городъ за нимъ остался, не взирая на всѣ со стороны нашей усилія возвратить его. Не знаю почему фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи арміи не приказалъ оставить городъ, ибо съ того времени потеря людей была безполезна, и даже желать можно было, чтобы непріятель осмѣлился выйдти на поле, гдѣ безъ сомнѣнія нашелъ бы онъ гибель.

На другой день, 13 октября, армія осталась въ позиціи въ двухъ верстахъ отъ города. Непріятель вывелъ нѣсколько войскъ изъ города, протянулъ правое крыло свое по дорогѣ на Медынь на разстояніе почти трехъ верстъ и дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи казаковъ и кавалеріи, составлявшей резервъ ихъ, болѣе же во весь день ничего не предпринялъ. Атаманъ Платовъ, съ большими силами Донскихъ войскъ занимавшій конечность лѣваго крыла, перешедши за рѣку

* Ими командовалъ генералъ-лейтенантъ Бороздинъ 1-й.

Лужу, ударилъ на непріятельскую конницу, взялъ много плѣнныхъ и 13 пушекъ. Въ лагерѣ непріятеля замѣчено было великое безпокойство и тотчасъ большіе отряды войскъ на него обратились. При семъ случаѣ много потерпѣлъ уланскій полкъ польской гвардіи Наполеона. Атаманъ Платовъ возвратился, оставивъ часть казаковъ, дабы безпокоить тылъ непріятеля. Фельдмаршалъ, призвавъ меня, сказалъ, что армію привести надобно въ движеніе. Я отвѣчалъ, что надобно взять направленіе на Медынь, представляя къ убѣжденію, что мы въ силахъ превосходныхъ, непріятель свои главнѣйшія удерживаетъ за рѣкою, и противъ насъ только авангардъ его; особливо извѣстны будучи объ отправленіи части войскъ и артиллеріи на Можайскъ, видимъ, что невозможно ему рѣшиться на генеральное сраженіе, которому и самое мѣстоположеніе противится, ибо надобно переправиться чрезъ рѣку самую неудобную, спускъ къ оной и въѣздъ въ городъ только одинъ и имѣетъ не менѣе десяти саженей отвѣсной высоты, что̀ при малѣйшей неудачѣ могло быть причиною важнѣйшей потери. Кутузовъ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ говорить со мною, ибо никогда обстоятельства не представляются мнѣ въ худомъ видѣ. Однакоже сколько ни старался уговорить я его остаться однѣ сутки и даже менѣе, не могъ никакъ согласить на то, и онъ въ ночи на 14 число отошелъ къ селенію Дичинъ 20 верстъ ближе къ Калугѣ. Въ арріергардѣ генерала Милорадовича оставлены 4-й корпусъ, 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта князя Долгорукаго, бывшаго министромъ въ Неаполѣ, кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Корфа и пять Донскихъ полковъ съ генералъ-майоромъ Карповымъ. Я оставался у генерала Милорадовича.

14 числа въ десять часовъ утра началась канонада, и два часа продолжаясь, не имѣла никакихъ слѣдствій, войска съ обѣихъ сторонъ были неподвижны и тѣмъ кончился день. Тотъ же день лично донесъ я обо всемъ фельдмаршалу и просилъ позволенія возвратиться въ авангардъ, но мнѣ сіе не позволено. По обстоятельствамъ нужно было послать отрядъ въ Медынь; я просилъ, чтобы меня отправить съ онымъ, онъ никакъ не согласился, говоря, что удерживаетъ меня на важнѣйшее употребленіе.

Въ ночи на 15 число непріятель отступилъ отъ Малоярославца и остановился въ пяти верстахъ за рѣкою. Атаманъ

Платовъ со всѣми казаками съ лѣваго фланга, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ, командующій передовыми постами, весьма долго того не примѣтили. Генералъ Милорадовичъ приказалъ генералъ-майору Карпову переправиться съ казаками и преслѣдовать непріятеля; регулярной конницѣ и конной артиллеріи идти поспѣшно вслѣдъ, какъ скоро мосты готовы будутъ. Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться въ авангардъ, и какъ генералъ Милорадовичъ донесъ, что онъ оба корпуса пѣхоты оставилъ по сей сторонѣ рѣки, поручилъ мнѣ, по извѣданію обстоятельствъ, сдѣлать имъ назначеніе и ему тотчасъ донести, говоря при томъ, что дастъ онъ согласно оному всей арміи направленіе. Я засталъ генерала Милорадовича и даже генералъ-адъютанта барона Корфа въ Малоярославцѣ. Непріятель стоялъ въ пяти верстахъ на дорогѣ отъ Боровска на Медынь, для того, вѣроятно, чтобъ отдѣленнымъ отъ него войскамъ дать время отойдти и собою закрыть ихъ движеніе. Жители окрестностей дали знать, что между Медынью и Вереею находятся войска непріятельскія, и что туда сходятся всѣ силы. Извѣстіе сіе было однакоже неосновательно и ввело меня въ нѣкоторую погрѣшность въ разсужденіи даннаго мною корпусамъ направленія. Не доходя Медыни по полученному свѣдѣнію, что непріятель самымъ поспѣшнѣйшимъ образомъ отступаетъ на Верею, атаманъ Платовъ идетъ вслѣдъ за нимъ и что взялъ уже флангъ его,.... генералъ Милорадовичъ ускореннымъ маршемъ чрезъ село Кременское, Егорьевское, и перейдя въ селѣ Никольскомъ идущую отъ Гжатска на Юхновъ дорогу, прибылъ въ окрестность Гжатска, тогда какъ атаманъ Платовъ занималъ самый городъ и съ того времени были они между собою въ безпрерывномъ сношеніи.

Изъ села Егорьевскаго доносилъ я фельдмаршалу, что арміи полезно, сколько возможно, сократить путь и прямо идти на Вязьму, что ходъ ея совершенно закрываетъ авангардъ своимъ движеніемъ. Сіе удобно было сдѣлать потому, что непріятелю почтовою дорогой было идти гораздо далѣе. Фельдмаршалъ взялъ предложенное мною направленіе, но шелъ чрезмѣрно тихо, ничего не отвѣчалъ и оставилъ въ невѣдѣніи насчетъ движенія своего, ибо до того знали мы только, что армія чрезъ Полотняные заводы пошла на Медынь. Авангардъ сблизился съ селеніемъ Царево-Займище, гдѣ генералъ Барклай-де-Толли, отступая отъ Смоленска, намѣренъ

былъ дать сраженіе. Мѣстоположеніе было мнѣ весьма знакомо, и я, объяснивъ генералу Милорадовичу выгоды онаго, легко согласилъ его упредить непріятеля и занять трудное дефиле, у самаго селенія лежащее. Опасно было по слабости авангарда отрѣзать путь всѣмъ силамъ непріятеля, ибо гвардія Наполеона была въ хорошемъ состояніи и многочисленная, но изъ показанія плѣнныхъ и извѣстій отъ атамана Платова знали мы достовѣрно, что Наполеонъ съ гвардіей идетъ цѣлыми сутками впереди, и всѣ прочія войска по частямъ и въ безпорядкѣ. Четыре марша сдѣлалъ авангардъ съ тѣмъ, чтобы воспользоваться выгодами дефиле и труды марша вознаградить вѣрнымъ успѣхомъ. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы сближающіеся къ Цареву-Займищу корпуса, на послѣднемъ ночлегѣ своемъ, скрыли свое присутствіе и запрещено было имѣть огни въ лагерѣ. Генералъ-адъютанту барону Корфу приказано было имѣть кавалерію въ готовности, но даже не выставлять постовъ. Генералу Милорадовичу надлежало быть въ семъ случаѣ самому съ первыми войсками, но онъ долго оставался назади обѣдать, войска мимо его проходили съ музыкою, по обыкновенію много было разсказовъ и онъ опоздалъ. Войска между тѣмъ прибыли на ночлегъ. Командиръ 4-й дивизіи генералъ-майоръ принцъ Евгеній Виртембергскій, увлеченный храбростію своею, не внявъ благоразумному начальства распоряженію, обнаружилъ прибытіе свое и такъ близко подошелъ къ дорогѣ, по которой безпечно проходилъ непріятель, что онъ началъ собираться въ силахъ и выслалъ стрѣлковъ закрыть движеніе свое, тогда какъ уже располагался онъ на ночлегъ. Прочія войска авангарда, видя принца Евгенія далеко впереди и опасаясь, чтобы непріятель не атаковалъ его, должны были необходимо идти ему въ подкрѣпленіе. Непріятель, отъ самаго Малоярославца преслѣдованъ будучи одними казаками съ самою малою частію регулярной конницы, вдругъ увидя нѣсколько тысячъ пѣхоты на флангѣ и на выстрѣлъ отъ дороги, гдѣ проходилъ, ускорилъ движеніе свое, и не останавливаясь на ночь, со всѣми силами прошелъ извѣстное дефиле. Поспѣшность и безпорядокъ въ движеніи такъ велики были, что не будучи ни тѣснимъ войсками авангарда, ни преслѣдуемъ казаками, непріятель оставилъ не мало орудій тяжелой артиллеріи и бросилъ множество обоза, такъ что на другой день

надобно было расчищать дорогу для войскъ нашихъ. Изъ сего можно заключить, что̀ бы послѣдовало, еслибы, по предположенію, выходъ изъ дефиле занятъ былъ войсками авангарда и 50-ю орудіями артиллеріи, при немъ состоявшими. Принцъ Евгеній сдѣлалъ грубую ошибку и молодому человѣку непростительную. . . . .

21 числа октября генералъ Милорадовичъ получилъ приказаніе 26-ю дивизію съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ отрядить къ атаману Платову, у котораго не было ни человѣка пѣхоты, съ нею пошли также и три полка кавалеріи.

Не успѣвъ въ намѣреніи напасть на непріятеля при Царевѣ-Займищѣ, не оставалось ничего другаго, какъ атаковать у города Вязьмы. Въ другой разъ писалъ я рапортъ къ фельдмаршалу: если армія придетъ къ Вязьмѣ, то можно отбросить непріятеля отъ большой дороги по направленію на Духовщину, гдѣ по причинѣ трудныхъ осенью дорогъ долженъ онъ будетъ оставить тяжелую артиллерію и обозы, и, сверхъ того, пріобрѣтемъ мы ту выгоду, что кратчайшею на Смоленскъ дорогою повсюду предупредимъ его. Фельдмаршалъ чрезъ полковника Толя отвѣчалъ мнѣ, что онъ прибудетъ съ арміей 21-го числа въ окрестности Вязьмы. Я представилъ ему, что можно прибыть однимъ днемъ позднѣе, то-есть 22-го числа, но вмѣсто окрестностей нужно придти къ самому городу Вязьмѣ. Я думаю, что послѣ перваго его предложенія было уже сіе сдѣлать не трудно. 21-го числа отправился я къ войскамъ атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Того же дня присоединилась къ нему 26-я дивизія и три кавалерійскихъ полка съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ. Непріятель во весь день отступалъ поспѣшно, слабо защищался. Атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ Вязьмы. Увидясь съ нимъ, генералъ Милорадовичъ сдѣлалъ условіе на будущій день дѣйствовать совмѣстно. Авангардъ долженъ былъ проселочною дорогой ускорить движеніе, и обойдя непріятеля, атаковать въ тылъ у селенія Ѳедоровскаго, десять верстъ не доходя Вязьмы. Атаманъ Платовъ началъ тотъ день преслѣдованіе гораздо позже обыкновеннаго, дабы дать время генералу Милорадовичу успѣть въ своемъ предположеніи. По разчету времени, авангардъ не прежде одиннадцатаго часа могъ вступить въ дѣло. Въ семь часовъ утра войска атамана Платова вышли

съ ночлега, непріятель показалъ аррьергардъ весьма слабый. Въ началѣ девятаго часа услышали мы на лѣвомъ нашемъ флангѣ канонаду, думая, что она происходитъ противъ отрядовъ генералъ-майоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова, находившихся въ той сторонѣ. Наконецъ, получили извѣстіе, что авангардъ нашъ вступилъ въ дѣло, и непріятель въ большихъ противъ него силахъ, и вмѣсто того, чтобъ атаковать непріятеля у села Өедоровскаго, самъ онъ, верстъ семь не доходя онаго, имъ атакованъ. Я сей день начальствовалъ надъ 26-ю дивизіей, полками кавалеріи и нѣсколькими казачьими. Пѣхота была еще далеко, и потому атаманъ Платовъ приказалъ триста егерей 5-го полка подвезти на казачьихъ лошадяхъ. Вмѣстѣ прискакала казачья конная артиллерія, полковникъ князь Вадбольскій съ полками кавалеріи и нѣсколько донскихъ полковъ. Непріятель обратилъ на насъ значущую часть силъ, и генералъ Милорадовичъ могъ подвинуться, правый флангъ его сомкнулся съ войсками, мною командуемыми. Канонада на всѣхъ пунктахъ началась жестокая, непріятель съ упорностію защищалъ одну весьма выгодную высоту, и не только оттѣснилъ меня, но едва не взялъ было батареи. Рѣшительная атака Курляндскаго драгунскаго полка приближавшуюся часть пѣхоты истребила, не взирая на картечный огонь. Прибывшіе въ сіе время полки 26-й дивизіи, возстановили порядокъ, и усилившагося непріятеля отразили. Полки донскіе съ частію артиллеріи отправлены съ праваго фланга обходить непріятельскую небольшую кавалерію. Пришла 11-я дивизія генералъ-майора Чоглокова, и способствовала сбить непріятеля съ сильной его позиціи. Каргопольскій драгунскій полкъ храбро ударилъ на пѣхоту. Непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ, къ чему не мало побудило его движеніе отрядовъ Фигнера и Сеславина, переправившихся на правомъ его крылѣ, которое непріятель, почитая непреодолимымъ по причинѣ болота, оставилъ весьма слабымъ. Занятыя непріятелемъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, возвышенія составляли позицію лучше прежней. Казалось всѣмъ намъ по времени, къ вечеру клонящемуся, но силамъ непріятеля, что, вспомоществуемый твердымъ положеніемъ мѣста, удержится онъ до ночи и защититъ городъ, чтобъ имѣть свободное отступленіе. Совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что при нашемъ приближеніи непріятель ее оста-

вилъ. Быстро взошли войска наши на возвышенія и умножая на каждомъ шагу замѣшательство въ полкахъ непріятельскихъ, вмѣстѣ съ нимъ ворвались въ городъ. Изъ числа мнѣ подчиненныхъ войскъ, первый вошелъ генералъ-майоръ Паскевичъ, встрѣтилъ непріятеля въ улицѣ, проложилъ штыками путь по тѣламъ его, и ни на мгновеніе не остановленный въ теченіи своемъ, перешелъ рѣку и на внѣшней чертѣ города остановился. Со стороны генерала Милорадовича первые вошли въ городъ полки Перновскій и Кексгольмскій и съ ними генералъ-майоръ Чоглоковъ; встрѣтившая ихъ непріятельская колонна гренадеръ истреблена. Адъютантъ мой, поручикъ Граббе, находившійся при генералѣ Милорадовичѣ, съ двумя орудіями конной артиллеріи и со стрѣлками, вошелъ впереди сихъ полковъ. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ въ то же время ворвались въ городъ съ другой стороны. Войска наши расположились въ городѣ и кругомъ, атаманъ Платовъ перешелъ за рѣку, дабы на завтра преслѣдовать ранѣе. Въ сей день взято въ плѣнъ: одинъ генералъ, много офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ, два знамя и нѣсколько пушекъ. Непріятель имѣлъ три корпуса: вице-короля италіянскаго, маршаловъ Даву и Нея, всего, по словамъ плѣнныхъ, 40 тыс. человѣкъ.... Гвардія Наполеона была за одинъ маршъ отъ Вязьмы въ селѣ Семлевѣ. Самъ Наполеонъ былъ еще въ городѣ, но при началѣ дѣйствія поѣхалъ къ гвардіи.... Фельдмаршалъ, обѣщавшій прибыть 21-го числа въ окрестности Вязьмы, пришелъ сутками позже и такъ рано, что могъ бы участвовать въ дѣлѣ, но остановился за восемь верстъ по дорогѣ, на Юхновъ идущей. Въ семъ . . . . . распоряженіи можно понять то, что дежурному генералу Коновницыну и полковнику Толю больно было, что мною сдѣлано предложеніе придти арміи къ Вязьмѣ.

. . . .

Вся армія двинулась по направленію на Ельню.

Въ Вязьмѣ въ послѣдній разъ видѣли мы войска непріятельскія, въ послѣдній встрѣтили сопротивленіе, каковое ожидать могли отъ войскъ, побѣдами вселившихъ ужасъ повсюду.... На другой день не было войскъ.... исчезло повиновеніе солдатъ.... каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды.

. . . .

Въ Дорогобужѣ я, по приказанію фельдмаршала, отправился въ главную квартиру. *

. . . .

Давыдовъ сообщаетъ здѣсь опять много любопытныхъ подробностей:

„Ермоловъ, слѣдуя послѣ малоярославскаго сраженія съ войсками Милорадовича, отдавалъ именемъ Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузовъ сказалъ ему: „Голубчикъ, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками“. Милорадовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ 2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ корпуса, могъ лѣгко отрѣзать арріергардъ или другую часть французской арміи. Ермоловъ приказалъ потому, именемъ Кутузова, на-

---

* Приводимъ здѣсь слѣдующія письма:

Письмо Давыдова къ А. П. Ермолову.

Почтеннѣйшій братъ
Алексѣй Петровичъ!

Ради Бога употребите стараніе ваше къ умноженію партій въ окрестностяхъ Вязьмы и Дорогобужа или къ усиленію моего отряда. Орда казаковъ, прибывшая къ арміи, болѣе затрудняетъ ее, нежели приноситъ ей пользу. Дабы не изнурить нашихъ регулярныхъ такъ-сказать *легкихъ войскъ*, довольно будетъ оставить нѣсколько казачьихъ полковъ на аванпостахъ, прочіе же должно употребить на большую Смоленскую дорогу къ Вязьмѣ и Дорогобужу.

Я не о себѣ хлопочу, теперь о себѣ хлопотать не время, но, ей-ей, я ходатайствую о томъ, имѣя лишь въ виду общую пользу. Если не находятъ меня способнымъ къ исполненію всего мною предлагаемаго, то пусть пришлютъ партизана съ лучшими способностями и съ сильнѣйшимъ отрядомъ, и я съ удовольствіемъ пойду къ нему подъ начальство, хотя бы онъ былъ моложе меня по службѣ.

Денисъ Давыдовъ.

Письмо А. П. Ермолова къ Давыдову.

Любезнѣйшій братъ!

Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь ко мнѣ, ибо я о заслугахъ другихъ всегда кричать умѣю.... Мы ожидаемъ непріятеля; войска будутъ драться съ ожесточеніемъ и будутъ умѣть мстить за взятіе Москвы. Озлобленіе ужасное! если непріятель будетъ маневрировать, то мы его непремѣнно атакуемъ, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ старшіе! Партизаны наши открыли партію плѣнныхъ нашихъ, слѣдующую по Смоленской

блюдать головнымъ войскамъ возможную тишину и порядокъ, дабы не встревожить непріятеля, который могъ бы расположиться вблизи на ночлегъ. Однажды, главныя силы Французовъ оставались для ночлега близь корпуса принца Евгенія Виртембергскаго, у самой дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, представляла какъ бы дефиле, чрезъ которое непріятелю и намъ надлежало слѣдовать. Войска безстрашнаго принца Виртембергскаго, всегда находившагося при головныхъ своихъ полкахъ, открыли сильный огонь противъ непріятеля, который, снявшись съ позиціи, двинулся поспѣшно далѣе въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; это лишило насъ возможности, атако-

---

дорогѣ, въ числѣ 1500 человѣкъ, ихъ прикрываютъ два орудія и 200 человѣкъ несчастныхъ Вестфальцевъ; надѣемся, что ты ее не пропустишь. Дерзни, любезный братъ: въ этомъ случаѣ плѣнные помогутъ тебѣ! Партизаны распространили ужасъ по Смоленской дорогѣ, непріятель дрожитъ за свои сообщенія. Прощай!

Твой вѣрный братъ Алексѣй Ермоловъ.

Письмо Платова къ Ермолову.

Милостивый гусударь мой
Алексѣй Петровичъ!

Представленіе ваше и оригинальное г-на генералъ-майора Паскевича къ вамъ я получилъ. Отдавая онымъ и съ моей стороны должную справедливость, еще и болѣе, и какое сдѣлаю представленіе къ его свѣтлости, вы увидите, и васъ, сколь возможно, къ достоинству вашему, въономъ поблагодарю.

По дружбѣ вашей, извѣщаю васъ: вчерашняго числа Богъ даровалъ намъ побѣду надъ вице-королемъ италійскимъ Евгеніемъ, на дорогѣ, идущей отъ Дорогобужа на Духовщину, при деревнѣ Марковой, побито и въ плѣнъ взято довольно, въ сію пору еще не сдѣлано, въ разсужденіи дурной погоды и разсѣянности оныхъ, вѣрнаго счета. Орудій артиллеріи взято точно болѣе десяти съ ящиками, но полагаю гораздо болѣе; ибо какъ сіе было въ разныхъ мѣстахъ, то вѣрнаго и опредѣлительнаго числа неизвѣстно по сіе время. Самъ вице-король чуть-чуть два раза не попался, какъ плѣнные офицеры показываютъ, которыхъ взяли близь самого его.

Пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію навсегда и непремѣнно

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
Матвѣй Платовъ.

Октября 27, 1812 года.
Д. Макторово.

вавъ его на разсвѣтѣ, отрѣзать какую-либо колонну. Французы, побросавъ на дорогѣ много орудій, значительно задержали тѣмъ наши войска, которыя были вынуждены заняться на другой день въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ разчищеніемъ пути, по коему имъ надлежало продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Милорадовичъ ограничился лишь весьма легкимъ замѣчаніемъ принцу, но Ермоловъ объявилъ ему именемъ Кутузова весьма строгій выговоръ. Ермоловъ просилъ не разъ Кутузова спѣшить съ главною арміей къ Вязьмѣ и вступить въ этотъ городъ не позже 22-го ноября; я видѣлъ у него записку, писанную рукою Толя, слѣдующаго содержанія: „Мы бы давно явились въ Вязьму, еслибы получали отъ васъ болѣе частыя увѣдомленія и съ казаками болѣе исправными; мы будемъ 21-го близь Вязьмы". Князь, разчитывавшій, что онъ можетъ довершить гибель Французовъ, не подвергая пораженію собственныхъ войскъ, подвигался весьма медленно; хотя онъ 21-го находился близь Вязьмы, но остановившись за 8 верстъ до города, онъ не рѣшился приблизиться къ нему. . . . . онъ выслалъ къ этому городу гвардейскую кавалерію съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потерѣ, отвелъ ее назадъ, ограничившись ничтожною канонадой по городу черезъ рѣчку.

„Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, отличавшійся рыцарскимъ благородствомъ и мужествомъ, пользовался всегда полнымъ благоволеніемъ государя, которому онъ не разъ говаривалъ: „выслушайте, ваше величество, со вниманіемъ все то, что̀ я вамъ скажу; это принадлежитъ не мнѣ, а людямъ, несравненно меня умнѣйшимъ." Ермоловъ, потерявъ весьма много по службѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Павла, былъ даже нѣсколько старѣе въ чинѣ Уварова и князя Багратіона во время штурма Праги въ 1794 году; они были потому въ близкихъ между собою сношеніяхъ, и во время отечественной войны Уваровъ не разъ говаривалъ Ермолову: „мнѣ скучно, ты меня сегодня еще не приласкалъ".

Прибывъ изъ отряда Милорадовича въ главную квартиру, находившуюся въ Ельнѣ, Ермоловъ засталъ Кутузова и Беннигсена за завтракомъ; онъ долго и тщетно убѣждалъ князя преслѣдовать непріятеля съ большею настойчивостію. При извѣстіи о томъ, что, по донесеніямъ партизановъ, Наполеонъ

съ гвардіей уже близь Краснаго, лицо Кутузова просіяло отъ удовольствія и онъ сказалъ ему: „голубчикъ, не хочешь ли позавтракать?“ Во время завтрака, Ермоловъ просилъ Беннигсена, на коленяхъ котораго онъ не разъ въ дѣтствѣ сиживалъ, поддержать его, но этотъ генералъ упорно молчалъ. Когда князь вышелъ изъ комнаты, Беннигсенъ сказалъ ему: „любезный Ермоловъ, еслибъ я тебя не зналъ съ дѣтства, я бы имѣлъ полное право думать, что ты не желаешь наступленія; мои отношенія къ фельдмаршалу таковы, что мнѣ достаточно одобрить твой совѣтъ, чтобы князь никогда ему не послѣдовалъ“.

Обратимся снова къ разказу Ермолова.

Фельдмаршалъ Кутузовъ представилъ государю сраженіе при *Красномъ* генеральною баталіей, продолжавшеюся нѣсколько дней, уничтожившею силы непріятеля.... Онъ не отвергалъ возможности (при Березинѣ) взять и самого Наполеона. Баталія при Красномъ состоитъ изъ частныхъ сраженій нѣсколькихъ корпусовъ, раздѣленными силами дѣйствовавшихъ, сраженій, не въ одно время происшедшихъ, и тогда какъ весьма многія части арміи не имѣли ни малѣйшаго въ дѣлѣ участія. . . . .

. . . .

7-го числа фельдмаршалъ, къ отряду генералъ-майора барона Розена присоединивъ нѣсколько батальйоновъ пѣхоты, поручилъ мнѣ его въ команду и приказалъ изъ мѣстечка Ляды идти впередъ, но отнюдь не далѣе Днѣпра; если же бы атаманъ Платовъ (близь Дубровны и Орши) имѣлъ надобность въ пѣхотѣ, то отправить ему часть оной. Не выходя изъ комнаты фельдмаршала, рѣшился я, выискавъ пристойный предлогъ, перейдти Днѣпръ.

Армія для удобности продовольствія пошла изъ Краснаго на Копысъ. Отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго отправленъ въ Могилевъ. Подполковникъ Давыдовъ съ партіей слѣдовалъ къ Днѣпру по направленію на Александрію. Отряды генералъ-майора Бороздина и капитана Сеславина шли впереди меня къ Оршѣ. Я прибылъ въ Дубровну и съ досадою увидѣлъ, что, пробывши тамъ сутки, генералъ-майоръ Бороздинъ не помыслилъ исправить сожженный непріятелемъ мостъ, но лучше хотѣлъ тащиться до Орши за

нѣсколькими усталыми и полузамерзшими людьми слабаго непріятельскаго арріергарда. Я пришелъ въ Дубровну въ самое то время, когда на другомъ берегу Днѣпра, въ виду моемъ, атаманъ Платовъ преслѣдовалъ маршала Нея. Онъ требовалъ отъ меня одного батальйона пѣхоты, но не было ни одной лодки, чтобы его переправить, а между тѣмъ пришли изъ Орши въ подкрѣпленіе войска и маршалъ Ней соединился съ арміею. Полторы сутки безпрерывно строилъ я мостъ, быстрое Днѣпра теченіе и сильный ледъ мѣшали его сдѣлать порядочно, и я съ величайшимъ затрудненіемъ переправилъ войска, наконецъ разорвало его льдомъ и всѣ обозы мои и часть патронныхъ ящиковъ долженъ я былъ оставить. Въ первый разъ въ жизни моей случилась мнѣ столько чудесная переправа, и конечно одни русскія войска могутъ дѣлать подобныя! За Днѣпромъ въ 15-ти верстахъ имѣлъ я ночлегъ въ селеніи Погостъ, гдѣ распечаталъ депеши, * посланныя отъ генерала графа Витгенштейна къ фельдмаршалу. Онъ доносилъ, что маршалъ Викторъ стоитъ въ прежней позиціи при Череи, и что, превосходя его числомъ кавалеріи, много препятствуетъ наблюдать за нимъ. Я осмѣлился написать фельдмаршалу, что маршалъ Викторъ въ сей позиціи легко можетъ выиграть одинъ или два марша у графа Витгенштейна и соединиться съ Наполеономъ........

При арміи составился авангардъ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, и ему велѣно перейдти за Днѣпръ при Копысѣ, мнѣ же предписано, буде еще не перешелъ я мѣстечко Толочинъ, дождаться въ немъ прибытія авангарда и съ нимъ соединиться. Я имѣлъ въ предметѣ догнать непріятеля, имѣлъ хорошіе въ отрядѣ полки и одно всѣмъ общее желаніе драться! Непріятно повелѣніе остановиться . . .
. . . . : . . . . Я рѣшился не повиноваться. Удержавъ сутки присланнаго съ повелѣніемъ, между тѣмъ перешелъ мѣстечко Толочинъ и рапортовалъ, что остановиться потому не могу, что атаману Платову нельзя безъ пѣхоты преслѣдовать непріятеля, которому мѣста лѣсистыя много способствуютъ. Дежурный генералъ Коновницынъ и полковникъ Толь, желая лишить меня случая сдѣлать что-полезное, именемъ фельдмаршала прислали мнѣ вторичное предписаніе остановиться. Вторично дерзнулъ

* [illegible] сія довѣренность. (Ерм.)

я ослушаться, и намѣренъ былъ продолжать поступать такимъ образомъ, ибо увѣренъ былъ, что рапорты мои не доходятъ до фельдмаршала, и что въ случаѣ оправданія моего онъ вникнетъ въ истину.

Непріятель отступалъ съ необычайною поспѣшностію, атаманъ Платовъ тѣснилъ его на каждомъ шагу и малѣйшаго не давалъ отдохновенія. Дорога покрыта была тысячами замерзшихъ и умирающихъ людей......

Между тѣмъ отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго занялъ Могилевъ и взялъ тамъ плѣнныхъ и госпитали. Партизанъ подполковникъ Давыдовъ, переправясь вплавь черезъ Днѣпръ, схватилъ кирасирское депо, приготовляемое для гвардіи. Капитанъ Сеславинъ шелъ по правую сторону атамана Платова, иногда по обстоятельствамъ переходя на другую сторону. Генералъ-маіоръ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги, изъ Могилева идущія. Но столько осторожно выдавался онъ впередъ, столько мало онъ развѣдывалъ о непріятелѣ, что едва около мѣстечка Бобръ не былъ я атакованъ въ тылъ четырью тысячами свѣжихъ польскихъ войскъ, проходящихъ изъ Могилева, что̀ въ тогдашнемъ положеніи войскъ моихъ не могло быть выгоднымъ, и сіе потому только не случилось, что я остановился для исправленія сожженнаго моста, и отрядъ непріятельскій успѣлъ пройдти между тѣмъ.

Такимъ образомъ, борясь съ затрудненіями, недостаткомъ продовольствія и ощутительнымъ отъ скорости марша изнуреніемъ, умножаемымъ жестокостію холода, достигъ я рѣки Березины, пункта по обстоятельствамъ чрезвычайно важнаго, гдѣ по предположенію фельдмаршала долженъ былъ Наполеонъ погибнуть, въ чемъ увѣрить если не успѣлъ государя, то утвердилъ въ сей мысли столицу и народъ.

Во время пребыванія арміи въ селеніи Красная Пахра, по окончаніи фланговаго на Калужскую дорогу марша... изъ С.-Петербурга флигель-адъютантъ Чернышевъ привезъ... планъ кампаніи, по которому армія адмирала Чичагова, оставивъ нѣкоторую часть войскъ въ сторонѣ Бреста-Литовскаго....... должна была идти къ рѣкѣ Березинѣ и открыть сообщеніе съ корпусомъ генерала графа Витгенштейна, который къ тому времени.... долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ и оттѣснить непріятеля къ Березинѣ.... Такимъ образомъ 3-я западная армія вмѣстѣ съ корпусомъ графа

Витгенштейна составила бы сильную армію въ тылу непріятеля.... прежде нежели могъ онъ помышлять объ отступленіи изъ Москвы. Планъ сей принадлежитъ собственному императора соображенію и безпрекословно съ большимъ познаніемъ составленный!

Адмиралъ Чичаговъ.... пришелъ къ Березинѣ, имѣя подъ ружьемъ только 22 тысячи человѣкъ. Онъ.... будучи совершенно одинъ, и ни съ которыми изъ войскъ нашихъ не имѣя сношенія.... встрѣчается съ польскимъ генераломъ Домбровскимъ, который изъ Могилева привелъ съ собою войска, во всю кампанію нигдѣ не употребленныя и свѣжія, и занялъ противъ Борисова укрѣпленія, на правомъ берегу Березины нами прежде устроенныя....

Командующій авангардомъ адмирала Чичагова, генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ атаковалъ укрѣпленія, предъ Борисовымъ лежащія, и столько рѣшительно, что, несмотря на упорную оборону непріятеля, въ короткое время, съ большимъ его урономъ, взяты они штурмомъ и притомъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, самъ графъ Ламбертъ раненъ при семъ случаѣ. Генералъ Домбровскій переправился на лѣвый берегъ и въ Борисовѣ не остановился.... Генералъ-майоръ графъ Паленъ (Павелъ) заступившій мѣсто графа Ламберта, посланъ вслѣдъ за непріятелемъ....

Генералъ Домбровскій, отошедши 15 верстъ отъ Борисова, получилъ подкрѣпленіе, въ то самое время, какъ авангардъ генералъ-майора графа Палена начиналъ появляться предъ его передовыми постами.... Онъ атаковалъ графа Палена, который.... не въ состояніи будучи удержаться, привелъ съ собою непріятеля къ Борисову. Адмиралъ Чичаговъ, обо всемъ предупрежденный, не разсудилъ за благо усилить графа Палена, что̀ необходимо было для того, чтобы самому имѣть время отойдти въ порядкѣ. Непріятель былъ уже въ виду Борисова, но.... адмиралъ готовился покойно обѣдать въ своей квартирѣ.... Между войсками въ городѣ большое сдѣлалось замѣшательство, все стѣснилось на мосту, едва успѣли вывезти артиллерію. Обозы чиновниковъ главной квартиры, нѣкоторые казенные, нѣсколько артиллерійскихъ ящиковъ и множество лошадей достались непріятелю. Войска, перебѣжавъ мостъ, зажгли его за

собою. Непріятель занялъ городъ, и адмиралъ съ лѣвымъ берегомъ потерялъ всякое сношеніе.

Атаманъ Платовъ съ донскими войсками и я съ моимъ отрядомъ, имѣя случаи * (узнать) о пріобрѣтенныхъ прежде генералъ-адъютантомъ графомъ Ламбертомъ успѣхахъ и ничего не зная о послѣднемъ происшествіи, идемъ ускоренными маршами къ Борисову, прогоняя предъ собою непріятеля. На послѣдней почтовой станціи не доходя Борисова, атаманъ Платовъ получилъ отъ генерала графа Витгенштейна извѣщеніе, что непріятель ниже Борисова переправляется у селенія Ухододь, и что корпусъ, имъ командуемый, находится не въ большомъ уже отъ почтовой дороги разстояніи, имѣя противъ себя корпуса маршаловъ Гувіонъ-Сенъ-Сира и Виктора. Онъ предлагалъ атаману идти къ означенной имъ переправѣ. Я, обязанъ будучи идти въ подкрѣпленіе атаману, представлялъ ему, что увѣдомленіе о направленіи непріятеля подвержено сомнѣнію, и успѣлъ согласить его идти на Борисовъ, куда и отправился онъ тотъ же день Я далъ отдохновеніе пѣхотѣ у селенія Лошницы, съ тѣмъ чтобы за нѣсколько часовъ до свѣта выступить туда же и атаковать непріятеля при переправѣ.

15-го числа ноября въ ночи атаманъ Платовъ пришелъ съ донскимъ войскомъ къ Борисову.... городъ остался за нами.... Ночью атаманъ Платовъ далъ знать адмиралу о своемъ прибытіи и моего отряда....

Показавшаяся въ 28 верстахъ ниже Борисова часть непріятельской кавалеріи, и полученныя извѣстія, что тамъ учреждается переправа, отвлекли адмирала Чичагова къ тому пункту.... Настоящая переправа предназначена была непріятелемъ у селенія Бытча.... Маршалы Гувіонъ-Сенъ-Сиръ и Викторъ соединились съ Наполеономъ 14 числа. Арріергардъ ихъ удерживалъ генерала графа Витгенштейна въ далекомъ еще отъ рѣки разстояніи.... Графъ Витгенштейнъ думалъ, что онъ гонитъ всѣ ихъ силы предъ собою. Онъ не зналъ, что отъ самой позиціи у Череи непріятель выигралъ у него два марша и прибылъ очень покойно къ переправѣ. Я смѣю предполагать, что графъ Витгенштейнъ съ намѣреніемъ не тѣснилъ непріятеля, дабы дать время Наполеону

---

* ... ъ жителей, спасшихся отъ непріятеля.

пройдти съ войсками и дѣло имѣть съ однимъ арріергардомъ маршала Виктора.*

Адмиралъ Чичаговъ, примѣтя сдѣланную имъ важную ошибку отдаленіемъ войскъ своихъ отъ селенія Бытча, возвратился поспѣшно въ прежнюю позицію, но уже нашелъ непріятеля въ такихъ силахъ, которыя достаточны были обезпечить его переправу, и которыя сверхъ того овладѣли и Зембинскимъ мостомъ и дефиле....

16-го числа вмѣстѣ съ разсвѣтомъ началась горячая перестрѣлка.... Отрядъ мой въ 9 часовъ утра былъ уже въ Борисовѣ, но сдѣлавъ 18 верстъ марша и имѣя еще 12 верстъ до мѣста сраженія, дѣлалъ небольшой привалъ. Четыре адъютанта адмирала Чичагова присланы были, чтобы я шелъ сколько можно поспѣшнѣе, и я пришелъ на занимаемую имъ позицію прежде прибытія многихъ его войскъ.

Въ Борисовѣ нашелъ я генерала графа Витгенштейна со всею его главною квартирою. Нигдѣ не видѣлъ я столько пустаго и ни на что̀ не надобнаго народа, такихъ дерзкихъ и глупыхъ вралей!... Рѣдкій изъ нихъ не былъ причиной выигранной баталіи....

16-го числа въ десять часовъ утра передовыя войска генерала графа Витгенштейна показались предъ позиціей, удерживаемою непріятелемъ на лѣвомъ берегу рѣки; прибывшій авангардъ его началъ канонаду, мало весьма вредную для непріятеля, весь же его корпусъ не прежде собрался, какъ къ первому часу по полудни.

Между тѣмъ со стороны адмирала Чичагова сраженіе продолжалось съ жестокостію.... Неимовѣрная храбрость войскъ нашихъ могла удержать мѣсто, но переправа была закрыта, и не только препятствовать ей, нижѐ видѣть ея было невозможно.

. . . .

По собственному плѣнныхъ признанію, потеря непріятеля простирается до 20 тысячъ человѣкъ убитыми, утонувшими и отдавшимися въ плѣнъ....

Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, что генералъ графъ Витгенштейнъ мало весьма участвовалъ въ сраженіи при Березинѣ.... служатъ самые плѣнные, взятые.... адмираломъ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины.

---

* Въ запискахъ своихъ Е. винитъ Витгенштейна въ другихъ опуще-

. . . .

Князь Кутузовъ . . . . старался обратить вину на адмирала, что армія Наполеона не истреблена при Березинѣ; . . . . . . обвиняла его и вся армія, потомъ перешло въ столицу, гдѣ въ преступленіе поставлено и то, что Наполеонъ не попался.

. . . .

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ съ арміей принялъ направленіе между Борисовымъ и Минскомъ, но былъ еще въ далекомъ весьма разстояніи....

. . . .

Въ мѣстечкѣ Сморгони утомленному отряду моему далъ я одинъ день отдохновенія. Передовыя войска адмирала Чичагова перешли Ошмяны, главная его квартира была одинъ маршъ впереди отъ меня. Фельдмаршалъ, желая войдти въ Вильну съ первыми войсками, оставилъ армію и пріѣхалъ на ночлегъ въ Сморгонь. Мнѣ приказалъ выступить на завтра и слѣдовать поспѣшнѣе въ Вильну.

Имѣвъ съ фельдмаршаломъ продолжительный разговоръ о сраженіи при Березинѣ, успѣлъ я объяснить ему о всѣхъ происшествіяхъ, при томъ бывшихъ, и что адмиралъ Чичаговъ не столь виноватъ, какъ многіе его представить желаютъ. Не извинилъ я сдѣланныхъ имъ ошибокъ, не скрылъ однакоже и графу Витгенштейну принадлежащихъ. . . .

. . . .

....Ноября 29 дня прибылъ командуемый мною отрядъ и занялъ караулы въ городѣ....

. . . .

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ былъ въ Вильнѣ, покоился на пріобрѣтенныхъ имъ лаврахъ и достигшихъ той степени славы, которой онъ конечно не ожидалъ . . . . и потому, предавшись бездѣйствію, готовъ онъ былъ продолжать его, но получилъ извѣстіе, что скоро прибудетъ императоръ. Между тѣмъ собрались генералы наши въ главную квартиру, и послѣ трудовъ каждый искалъ отдохновенія и наслажденій, въ которыхъ обстоятельства отказывали долгое время. Все вдругъ покорено праздности, забыто, что есть непріятель, хотя не опасный на то время, но могущій возстать. О войнѣ воспоминалъ намъ господствующій самовластно безпорядокъ. Воспоминали

сотнями ежедневно умирающіе плѣнные, тѣлами которыхъ завалены были цѣлые дома и покрыты самыя улицы. . . .

. . . .

Продолжая званіе начальника главнаго штаба, нѣкоторыя изъ подобныхъ дѣяній не укрылись отъ моего свѣдѣнія, хотя приближенные къ Кутузову и управляющіе имъ, сколько можно, старались отдалить меня.

Между тѣмъ вышли для арміи награжденія за нѣкоторыя дѣла. Между прочими и мнѣ за сраженіе при Заболотьѣ 7 августа объявленъ чинъ генералъ-лейтенанта, и хотя прежде многихъ произведенъ я въ оный, но всѣмъ вообще предоставлено надо мною старшинство. Бывшій главнокомандующій, генералъ Барклай-де-Толли за сраженіе при Бородинѣ представилъ меня къ ордену Св. Георгія 2-го класса. Я былъ увѣренъ, что онаго не получу по многимъ причинамъ, и не трудно мнѣ признаться, что подобное награжденіе принадлежитъ большимъ заслугамъ, нежели каковую оказать мнѣ случилось, но всеконечно не анненскую ленту долженъ я былъ ожидать, которую дали мнѣ наравнѣ со многими, весьма мало имѣвшими заслугъ или никакихъ совершенно.

. . . .

Тотчасъ по прибытіи государя къ войскамъ рѣшено переходить за Нѣманъ.

. . . .

....Должность начальника главнаго штаба при 1-й арміи найдена ненужною, и я наименованъ былъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій. Вмѣстѣ съ звучнымъ симъ именемъ получилъ я часть обширную, разстроенную и запутанную, тѣмъ болѣе что въ каждой изъ армій были особенные начальники артиллеріи и не было общаго. Я видѣлъ, что устроить ее было трудно, что продолжительною кампаніей средства всѣ истощены и способы исправленія сопряжены съ неизбѣжною медленностію. Послѣ виднаго мѣста, которое я занималъ, и въ такое время, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ дѣлъ нашихъ, никому другому не хотѣли предложить его, и которое, благодаря предмѣстникамъ моимъ, не занималъ я хуже ихъ, въ новомъ званіи моемъ предстояли мнѣ безплодные и невидные труды, безконечныя хлопоты и неминуемыя непріятности и неудовольствія. Я про- [illegible] фельдмаршала и съ согласія его объяснился съ госуда- [illegible]ъ избавиться сего назначенія, признавая себя не

довольно знающимъ внутреннее управленіе артиллеріи. Государь въ облегченіе мнѣ приказалъ въ случаяхъ затруднительныхъ относиться къ графу Аракчееву, и мнѣ оставалась обязанность повиновенія.

Итакъ былъ я въ званіи начальника главнаго штаба 1-й западной арміи со вступленія оной въ лагерь при Дриссѣ и до возвращенія въ Литву и на границы наши, то-есть въ продолженіи всей отечественной войны. Со времени отъѣзда изъ арміи генерала Барклая-де-Толли занимался я должностію повременно и находилъ выгоду не быть въ главной квартирѣ.

. . . .

Послѣдніч войска наши перешли за рѣку Нѣманъ 1 числа января 1813 года, и государь отправился.

. . . .

....Прекращаю я описаніе. Пріятно мнѣ будетъ въ послѣдствіи времени привести на память, отъ какихъ опасностей, съ какою славой возстало любезное отечество. Не буду я равнодушенъ въ воспоминаніяхъ о тѣхъ людяхъ, коихъ пользовался я просвѣщенною опытностію, или съ которыми раздѣлялъ труды и опасности того времени. Не забуду о непріятеляхъ моихъ не по злобѣ или желанію мщенія, которыхъ ружда душа моя. Вѣчно буду помнить о людяхъ благотвоиившихъ мнѣ или желавшихъ добра, и сладостно сообщить чувство уваженія къ нимъ, тѣмъ, кому прочту я замѣчанія мои. Не знаю, въ чемъ винить себя болѣе: въ той ли колкости, съ каковою иногда описывалъ незначущихъ людей, или въ той рѣдкой истинѣ, которую говорилъ насчетъ многихъ почитаемыхъ отличными? Людямъ превосходныхъ дарованій, необычайныхъ способностей, нельзя отказать въ почтеніи, ихъ познавать легко, съ ними сравниться невозможно. И таковымъ завидовать я не умѣю.

III.

1813—1825.

Начало этой статьи состоитъ изъ разказовъ Д. В. Давыдова, съ дополненіемъ изъ моихъ отмѣтокъ, и нѣсколькихъ подлинныхъ писемъ; продолженіе, относящееся къ Кавказу, составляютъ подлинныя письма, приказы, донесенія, рескрипты, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, съ дополненіемъ изъ разныхъ замѣчаній и разказовъ.

Д. В. Давыдовъ начинаетъ описаніе дѣйствій Ермолова въ кампанію 1813 года съ сраженія при Люценѣ.

„Графъ Витгенштейнъ, не отличающійся большими способностями, потерпѣлъ здѣсь пораженіе; онъ приписалъ, какъ извѣстно, свою неудачу недостатку зарядовъ въ артиллеріи. Это несправедливое обвиненіе, повторенное позднѣе нашими военными историками, опровергается слѣдующимъ: вопервыхъ, положительно извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, кои нѣкоторые наши военные историки не хотѣли принять во вниманіе, что Ермоловымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ армій, было приготовлено зарядовъ несравненно болѣе чѣмъ было ихъ выпущено въ Бородинскомъ сраженіи; а вовторыхъ, парки, наполненные зарядами, оставаясь нетронутыми въ теченіи боя, находились во все время лишь въ шести верстахъ отъ поля сраженія *. Ермоловъ, лишившійся, вслѣдствіе этого вполнѣ недобросовѣстнаго обвиненія, мѣста, былъ замѣненъ мужественнымъ, дѣятельнымъ и остроумнымъ княземъ Яшвилемъ (бывшимъ начальникомъ артиллеріи Полоцкаго корпуса, къ коему осо-

---

* Все мною здѣсь сказанное основано на документахъ, хранящихся въ имперійскихъ архивахъ. *Прим. Дав.*

бенно благоволилъ Витгенштейнъ), который, будучи старѣе его въ чинѣ, находился однако подъ его начальствомъ въ этомъ сраженіи. Ермолову было кромѣ того приказано главнокомандующимъ доложить нашему государю и королю прусскому о неблагопріятномъ исходѣ этого сраженія; такимъ образомъ Витгенштейнъ, желая еще болѣе повредить ему въ глазахъ его величества, избралъ его вѣстникомъ неудачи. Этотъ поступокъ Витгенштейна, столь благороднаго и великодушнаго въ другихъ случаяхъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ и прочія лица его партіи глубоко ненавидѣли Ермолова за его язвительныя насмѣшки: не будучи въ состояніи возражать ему съ успѣхомъ, они старались вредить ему по возможности по службѣ. Они при этомъ случаѣ достигли своей цѣли, что̀ подтвердилъ оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, сказавшій о Ермоловѣ: „ему деревня Гёршенъ“ (въ которой ночевали ихъ величества и куда прибылъ Ермоловъ съ донесеніемъ) „много „повредила въ глазахъ Государя.“

„Послѣ сраженія при Бауценѣ, Ермоловъ, находясь въ арріергардѣ, блистательно выдержалъ главные натиски Французовъ, коими близь Рейхенбаха предводительствовалъ самъ Наполеонъ. Дойдя до знаменитой позиціи, нѣкогда занятой великимъ Фридрихомъ послѣ Гохкирхенскаго сраженія, Ермоловъ отразилъ здѣсь всѣ натиски непріятеля. Графъ Витгенштейнъ, отдавая ему здѣсь полную справедливость, доложилъ по этому случаю Государю: „я оставилъ на полѣ „сраженія на полтора часа Ермолова, но онъ, удерживаясь „на немъ съ свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, „сохранилъ тѣмъ вашему величеству около 50 орудій.“ *

---

* Къ этому времени относится слѣдующее письмо Фигнера къ А. П. Ермолову:

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Прискорбно мнѣ, что я не могу, по причинѣ болѣзни, имѣть счастіе быть у вашего превосходительства и при отъѣздѣ своемъ изъ арміи принять вашего благословенія. Вы бы лучше на лицѣ моемъ усмотрѣли, что̀ я къ вамъ чувствую, нежели изъ письма, ибо тутъ я ничего не пишу, а

„Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служитъ однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, лишь вслѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представленій, Барклай не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, какъ и при Малоярославцѣ, суждено было Ермолову, ниспровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и силятся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ— принцъ Евгеній Виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма не благоволившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своею блестящею побѣдой. Таковое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ важнѣйшихъ событій войны 1813 года проистекаетъ, вопервыхъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца Виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а вовторыхъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестящія достоинства котораго возбуждали въ нихъ лишь чувство зависти. Цѣня высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергскаго во всю

буду дожидаться случая доказать вамъ, что я по гробъ свой буду почитать и любить васъ.

Вашъ благодарный и чувствительный
А. Фигнеръ.

Іюня, 1813.
Г. Фридштадтъ.

[illegible]теля письма сего просилъ я собрать съ должниковъ моихъ
[illegible] нахожусь въ великой крайности; сего ради прошу ваше пре-
[illegible]ставить ему по сему предмету полную довѣренность.
Фигнеромъ не за долго предъ смертью.

эпоху наполеоновскихъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя, и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробное описаніе этого сраженія, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одержанной побѣды. Во время слѣдованія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, коею временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находился самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Донѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пирнѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со вторымъ корпусомъ и русскою гвардіей двинуться на Максенъ. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 г. въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія почитаетъ его послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастію, здѣсь душою всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую проницательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ поспѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Хотя въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца),

они, какъ было сказано, не замедлятъ, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Съѣхавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Пирной, и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, поспѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фонъ-Визина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамонова для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричвица на Кенигштейнъ крайне неудобна, вопервыхъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а вовторыхъ, потому что близкое сосѣдство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакенбергера, объяснилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде. „Прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у Цесаревича, я еще „короче ознакомился съ этою мѣстностью, которую ужъ хо„рошо знаю изъ походовъ великаго Фридриха. Если вы на„правитесь на Максенъ, продолжалъ онъ, то весь отрядъ „нашъ будетъ неминуемо окруженъ непріятелемъ, и не из„бѣгнетъ совершеннаго пораженія; въ доказательство того я „предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструмен„тами, который насъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ру„чаюсь, что вы его болѣе не увидите *.“

Въ самомъ дѣлѣ этотъ обозъ и денежный ящихъ лейбъгвардіи Финляндскаго полка, двинувшіеся на Максенъ, сдѣ-

---

* Въ моихъ отмѣткахъ, со словъ А. П. записано: Остерманъ хотѣлъ идти на... Ермоловъ, основываясь на картѣ... убѣдилъ его оставить это намѣреніе, которое погубило бы насъ, и, вообще, безъ Кульмскаго сраженія, дало бы другой видъ войнѣ. „Пошлите для пробы вотъ этотъ ненужный для насъ обозъ, сказалъ онъ Остерману, и вы увидите, что онъ придетъ не прежде...“ Тотъ согласился. Въ началѣ сраженія Остерману оторвало ядромъ ногу и оно было ведено однимъ Ермоловымъ.

лались добычею Французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ Виртембергскій, рѣшено было слѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ Виртембергскимъ, опрокинули непріятеля у Кричвица, Котты и Кольберга; безстрашные лейбъ-егери, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова Французовъ съ высотъ близь Цегиста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнана въ лѣсъ. Принцъ Леопольдъ, командовавшій кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова mon commandant, получилъ за этотъ подвигъ, по ходатайству Алексѣя Петровича, знаки Св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый Кноррингъ, особенно отличившійся въ послѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ донесеніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: „вы сперва додѣлайте, а потомъ уже пріѣзжайте досказывать.“ Такъ какъ петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ Французами у Гигсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, видя, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаиваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ идти тише и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: „je vous reponds, Mr. le comte, que „nous passerons facilement par là; я беру на себя предъ его „величествомъ всю отвѣтственность за все то, что̀ можетъ „приключиться съ гвардіей.“ Широкоплечіе и усастые ветераны преображенскіе выбили Французовъ изъ гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками проложили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ петерсвальдской дорогѣ сходится другая, идущая чрезъ селеніе Макербахъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно слѣ-

довать непріятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этого пункта, занятіе котораго Французами могло имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственными ему рѣшительностію и проницательностію, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсвальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина, и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Непріятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелою артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ насчетъ числительности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надлежало, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру расположить стрѣлковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на ноллендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а, напротивъ, Французы, овладѣвъ высотами и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: „благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, „а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ“. Остерманъ, будучи раненъ въ 10-мъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ непріятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отлично благородный человѣкъ сказалъ ему: „побѣда „за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавале„рія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему „требованію.“ * Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевскаго; Ер-

---

* Въ моихъ отмѣткахъ записано: подъ конецъ сраженія подоспѣлъ князь Д. В. Голицынъ, и, какъ старшій, долженъ былъ принять команду,

моловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ, слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное вліяніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію.“ ** Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

„Довольно возблагодарить не могу ваше превосходитель-„ство, находя лишь только, что вы мало упомянули о гене-„ралѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость „отдавать привыченъ; впрочемъ

съ должнымъ имѣю честь быть....“ ***

„Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки Св. Георгія 2-го класса, этотъ мужественный генералъ сказалъ ему: „этотъ орденъ долженъ бы

но благородно отъ нея отказался. „Вы уже рѣшили дѣло, сказалъ онъ Ермолову, я не хочу похищать вашего вѣнца, а если вамъ нужны мои войска, вы можете распоряжаться ими.“.

** У меня слова эти приписаны великому князю Константину Павловичу. Сраженіе Кульмское рѣшило судьбу кампаніи и погибель Наполеона. Государь былъ въ восторгѣ. На мѣстѣ битвы онъ надѣлъ на побѣдителя орденъ Св. Александра Невскаго, а великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію“. До Кульмскаго сраженія Ермоловъ имѣлъ гвардію только ad interim. Государь былъ на него даже въ неудовольствіи и вотъ по какому случаю (не по люценскому ли? см. выше). Послѣ онъ далъ ему бригаду, къ которой въ досадѣ Ермоловъ не хотѣлъ являться.... во время Бауценскаго сраженія.... Тогда государь далъ ему арріергардъ.

*** Въ одно изъ моихъ путешествій, кажется въ 1846 г., мнѣ случилось встрѣтиться въ Парижѣ съ женевскимъ священникомъ Каченовскимъ, который передалъ мнѣ, что старикъ Остерманъ, жившій тогда въ Женевѣ, велѣлъ ему непремѣнно достать портретъ Ермолова. Я тогда же передалъ это желаніе Алексѣю Петровичу, и оно доставило ему большое удовольствіе.

принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ важное участіе въ битвѣ и окончилъ ее съ такою славой.“ *

„Прибывъ въ 7-мъ часу пополудни къ Кульму въ первый день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенности въ виду дать георгіевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деистомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклая; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войдти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердилъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отличные совѣты, данные имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ нашелся вынужденнымъ войдти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Мнѣ извѣстно, что на „основаніи законовъ, ни одному главнокомандующему не „предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе „военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главно„командующій, описывая подробно подвиги, совершенные

* Однажды, среди разговора, Алексѣй Петровичъ начертилъ мнѣ карандашомъ на попавшейся подъ руки желтой четверткѣ планъ Кульмскаго сраженія. Эта четвертка съ прочими моими автографами поступила въ Петербургскую библіотеку.

„будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ „на поле сраженія лишь въ 7-мъ часу пополудни. Мнѣ, какъ „главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ под-„командуемымъ генераламъ, совершенно неизвѣстны подвиги, „оказанные Діестомъ, который, честь имѣю донести, ни-„когда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, за-„печатлѣвшему кровью своею славную свою побѣду подъ „Кульмомъ.“ Вслѣдствіе этого рапорта Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ Св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій мундиръ: „Я тебя хорошо „знаю“, сказалъ ему его высочество, „ты не станешь просить „вспомоществованія, хотя ты на то имѣешь полное право, „тѣмъ болѣе что многія лица, ничего не потерявшія, вы-„хлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ де-„негъ и не могу предложить тебѣ ихъ, но возьми въ знакъ „дружбы мой мундиръ“. Ермоловъ, поблагодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира.

„Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

„Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы графомъ Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, Ладыгинымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиною того, что онъ, послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подъѣхавъ къ нему, замѣтилъ это: къ счастію, Ермоловъ, находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя.....

„Ермоловъ пользовался во все время особымъ расположеніемъ князя Шварценберга, рекомендовавшаго его императору и императрицѣ австрійскимъ. Слѣдуя въ 1814 году въ городѣ Мо по мосту черезъ Сену, Ермоловъ не хотѣлъ пропустить впереди гвардіи обоза генералиссимуса, сопровождаемаго однимъ изъ его адъютантовъ. Такъ какъ сей послѣдній сталъ надменно и дерзко настаивать въ своемъ намѣреніи, Ермоловъ, въ присутствіи почтеннаго и отлично

способнаго И. В. Сабанѣева, объявилъ ему. что онъ его не пропуститъ: онъ грозилъ даже сбросить его въ воду. Эта рѣшительность Ермолова заставила адъютанта уступить, Шварценбергъ, узнавъ вскорѣ послѣ того объ этомъ обстоятельствѣ и увидавъ Ермолова, сказалъ ему: „J'ai appris, général, les impertinences faites par un de mes aides-„de-camp en votre présence, aussi je viens de le renvoyer de „chez moi à l'armée." Проходя съ гвардіей мимо памятника великаго Тюреня, находящагося близь Засбаха въ Баденскомъ герцогствѣ, Ермоловъ, не взирая на то что мы въ то время были въ войнѣ съ Французами, рѣшился отдать честь памяти этого полководца; напомнивъ въ приказѣ, что права великихъ людей на уваженіе народовъ вездѣ равны, онъ приказалъ войскамъ слѣдовать мимо памятника въ полной парадной формѣ и съ музыкой. Прибывъ въ 1814 году къ городу Баръ-Сюръ-Объ, въ которомъ проживалъ Удино у престарѣлаго отца своего, Ермоловъ, знавшій, сколь много этотъ маршалъ обласкалъ плѣннаго его адъютанта фонъ-Визина, рѣшился оказать ему съ своей стороны вниманіе; къ его квартирѣ былъ приставленъ почетный караулъ, что весьма тронуло Удино, отклонившаго, однако, отъ себя эту честь. Во время сраженія подъ Парижемъ, Ермоловъ, увидавъ, что солдаты дивизіи генерала Пышницкаго, коему онъ былъ нѣкогда, въ войну 1794 года, порученъ, нагибаются послѣ каждаго пушечнаго выстрѣла, воодушевилъ ихъ слѣдующими словами: „стыдно, ребята, вамъ кланяться, „вѣдь вы ядра рѣже видите чѣмъ сухари". Хотя всѣ Пруссаки, поздравляя Ермолова съ успѣхомъ, говорили ему, что „сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ"; но прусскій король, оставшись недовольнымъ потерею, понесенною прусскою гвардіей, которую Ермоловъ, по его собственному выраженію, вывелъ въ расходъ, не пожаловалъ ему этого ордена."

Манифестъ о занятіи Парижа писалъ Ермоловъ, за отсутствіемъ Шишкова, уѣхавшаго въ Прагу.

Барклаевъ приказъ къ арміи, очень неловкій, съ поруганіями Французовъ, не понравился государю. Константинъ Павловичъ указалъ на Ермолова. Ермоловъ заимствовалъ кое-что изъ Тита Ливія, и въ проектѣ приказа въ одномъ мѣстѣ употребилъ слово „товарищи!" Была также

фраза: „я знаю каждаго изъ васъ; по крайней мѣрѣ мѣсто, ознаменованное его подвигами.“ Ермоловъ прочелъ государю, потомъ въ другой разъ, и тотъ подписалъ.

Въ Парижѣ государь былъ недоволенъ смотромъ и велѣлъ посадить трехъ полковниковъ подъ арестъ. Ермоловъ заступился и настаивалъ на своемъ. „Позвольте напомнить вашему величеству, что караулъ у васъ иностранный“. Государь не убѣдился, но Ермоловъ не исполнилъ приказанія и спокойно отправился въ театръ. Тамъ нашелъ его поздно вечеромъ полковникъ Чебышевъ, посланный княземъ Волхонскимъ отыскать Ермолова, гдѣ бы онъ ни былъ. Надо было повиноваться.

На другой день Ермоловъ имѣлъ горячій разговоръ объ арестованныхъ полковникахъ съ великимъ княземъ, Николаемъ Павловичемъ....

„Послѣ взятія Парижа въ 1814 году, продолжаетъ Давыдовъ, командиръ прусской гвардейской пѣхотной бригады генералъ *Альвенслебенъ*, бывшій свидѣтелемъ мужества и искусства одного русскаго артиллерійскаго офицера, принадлежавшаго къ гренадерскому корпусу генерала Раевскаго, близь деревни Pautin, ходатайствовалъ чрезъ Ермолова о его награжденіи. Этотъ благородный Пруссакъ оканчиваетъ письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, слѣдующими словами: „Es ist „mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excel„lenz bekannte gütige Fürsorge—das verborgene Verdienst zu „heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen.“ (Мнѣ жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но извѣстная заботливость вашего превосходительства возвышать скрытыя заслуги ручается за то, что имя этого офицера будетъ скоро извѣстно). Этотъ офицеръ, имя котораго я забылъ, было отыскано и награжденъ.“

Во время Вѣнскаго конгресса Ермолову поручена обсерваціонная армія на австрійской границѣ.

Въ Парижѣ государь говорилъ Алексѣю Петровичу, что въ скоромъ времени пошлетъ его въ Прагу, но до времени приказалъ молчать о томъ.

Наконецъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Англію, въ ночь, онъ призвалъ его къ себѣ и далъ формальное словесное приказаніе. Оно было весьма поспѣшное, потому что дѣла

были такого рода. За дальнѣйшими соображеніями государь велѣлъ ему явиться къ графу Аракчееву. На другой день Алексѣй Петровичъ является къ графу. Инструкція получена. Алексѣй Петровичъ спросилъ насчетъ прогонныхъ денегъ. Но графъ Аракчеевъ не получалъ отъ государя никакихъ распоряженій насчетъ дорожныхъ расходовъ. Таково было положеніе Алексѣя Петровича. Скорый и поспѣшный отъѣздъ, невозможность видѣть государя, потому что онъ былъ уже въ дорогѣ,—вотъ были тогдашнія его обстоятельства; онъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ, одному своему жалованью. Между тѣмъ какъ другія подобныя лица, отправляемыя съ различными порученіями, сверхъ прогонныхъ, получали еще огромныя суммы на непредвидѣнные расходы, Алексѣй Петровичъ (тогда генералъ-лейтенантъ) не имѣлъ и необходимаго. Но графъ Аракчеевъ нашелъ средство помочь горю. Онъ послалъ своего адъютанта, Клейнмихеля, къ банкиру, у котораго открытъ былъ счетъ нашимъ государемъ расходамъ во время пребыванія въ Парижѣ, и занялъ на имя государя необходимую сумму. *(С.)*

„Командуя въ 1815 году, говоритъ Давыдовъ, авангарднымъ корпусомъ въ Краковѣ, Ермоловъ получилъ двѣ диспозиціи Барклая и князя Шварценберга для движенія войскъ къ предѣламъ Франціи, куда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Такъ какъ маршрутъ Барклая во многомъ различествовалъ отъ маршрута князя Шварценберга, Ермоловъ отправилъ въ Вѣну адъютанта своего Граббе, который явился къ нашему государю. На вопросъ его величества, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ Алексѣй Петровичъ? Граббе отвѣчалъ: „онъ мнѣ приказалъ доложить вашему величеству, что это его нисколько не затруднитъ, но онъ будетъ лишь сообразоваться съ обстоятельствами.“ Австрійцы, желавшіе задержать наши войска по возможности долѣе, требовали, чтобы во время марша они располагались не въ городахъ, но въ приготовленныхъ лагеряхъ, куда заблаговременно долженъ былъ быть свезенъ весь фуражъ и провіантъ. Ермоловъ грозно объявилъ австрійскому коммиссару, фельдмаршалъ-лейтенанту Роткирху, что онъ съ 40.000 человѣкъ вездѣ найдетъ себѣ провіантъ и квартиры; онъ до того устрашилъ сего послѣдняго, что коммиссаръ, согласившись на все, снабдилъ его

большимъ противъ положенія количествомъ подводъ. Такимъ образомъ нашъ авангардъ прибылъ къ берегамъ Рейна гораздо ранѣе прочихъ войскъ. * Войска графа Ланжерона и Раевскаго, находившагося въ то время въ отпуску, расположенныя близь Галиціи, остались далеко назади по той лишь причинѣ, что графъ подчинился требованіямъ Австрійцевъ. Ермоловъ, слѣдуя чрезъ Германію къ Рейну, поручилъ адъютанту своему Штрандману благодарить отъ своего имени жителей городовъ, кои оказывали нашимъ войскамъ радушный пріемъ. Въ этомъ году фельдмаршалъ Барклай, находившійся съ Ермоловымъ въ весьма холодныхъ отношеніяхъ, инспектировалъ близь Гейдельберга завѣдываемый имъ 6-й корпусъ; во время осмотра Маріупольскаго гусарскаго полка, въ коемъ числился раненый въ 1812 году ротмистръ Горичъ, не получившій, не взирая на оказанныя имъ отличія, никакой награды, Ермоловъ, не предупредивъ Барклая, вызвалъ его изъ фронта и сказалъ ему: „благодарите фельдмаршала за жалуемый вамъ слѣдующій чинъ". Барклай, не уважившій бы, быть-можетъ, въ другое время ходатайства Ермолова, нашелся вынужденнымъ подтвердить это въ приказѣ". **

---

* Точно также записано въ моихъ отмѣткахъ.

** Около этого времени Аракчеевъ писалъ Ермолову.

„Милостивый государь мой,

„Алексѣй Петровичъ!

„Вы нѣкогда позволили мнѣ адресоваться къ вашему превосходительству съ моими препорученіями: нынѣ я онымъ хочу воспользоваться. Податель сего письма, гвардіи артиллерійской бригады прапорщикъ, князь Долгорукій (покойный генералъ-адъютантъ, князь Илья Андреевичъ), находящійся при мнѣ въ должности адъютанта, молодой и хорошо воспитанный человѣкъ и самый усердный къ службѣ офицеръ, пожелалъ быть въ дѣйствующей арміи; почему я рѣшился просить объ немъ никого больше, какъ только васъ, моего милостиваго государя, дабы вы сдѣлали мнѣ ваше одолженіе принятіемъ его къ себѣ въ штатъ, съ употребленіемъ на службу государя императора, но собственно при вашемъ превосходительствѣ. Вы исполненіемъ сей моей просьбы обяжете того, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію всегда пребудетъ

„вашего превосходительства покорный слуга

„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.
„Іюня 23 дня 1815 года."

„Графъ Аракчеевъ, бившійся съ Ермоловымъ въ 1815 г. объ закладъ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ государю слѣдующія замѣчательныя слова *: „армія наша, изнуренная продол-„жительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ ми-„нистрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ гене-„раловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ „большою пользой: графа Воронцова и Ермолова. Назначе-„нію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда „любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и не лишеннаго дѣя-„тельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше „величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ „энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время „необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ „весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что „перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твер-„дость характера, безкорыстіе и бережливость его бы впол-„нѣ въ послѣдствіи оправдали."

Когда Ермоловъ возвратился въ Петербургъ, государь объявилъ ему назначеніе въ Грузію. „Я никакъ не думалъ бы, что такое назначеніе было для тебя пріятно, сказалъ онъ, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ, я долженъ повѣрить."

Надо было повиноваться. Вѣроятно, графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при государѣ оставался человѣкъ, къ которому онъ сталъ сильно привыкать.

Дневникъ А. П. Ермолова. **

1815 г. апрѣля 4. Покинулъ Краковъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. Краковъ для него безцѣненъ воспоминаніями и для нѣкоторыхъ другихъ, адъютанта Граббе, генералъ-майора Полторацкаго.

5. Перешелъ границу.

---

* Этотъ разговоръ былъ переданъ знаменитымъ нашимъ гр. М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ. *Прим. Дав.*

-ікіе записано въ моихъ отмѣткахъ.

и сокращенный г-номъ С. Такія сокращенныя мѣста поставками.

(Австрійцы дурно доставляли провіантъ и проч. Многія войска дожны были останавливаться. Ермоловъ настаивалъ на противоположномъ и у Австрійцевъ, и у своего государя, и несмотря на 30 тысячъ войскъ, бывшихъ у него, онъ слѣдовалъ ускореннымъ маршемъ. *С.*)

20. Трудный переходъ чрезъ гору Шенгенгетъ.

26. Прага. Начальникъ города фельдмаршалъ Коловратъ; пріѣхали фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и г.-а. Закревскій.

(Мая 5. Австрійскій генералъ баронъ Роткирхъ съ восхищеніемъ разстался съ Ермоловымъ, потому что Ермоловъ простосердечно разсуждалъ объ гофъ-кригсъ-ратѣ. *С.*)

(Ермоловъ австрійскимъ коммиссарамъ давалъ похвальные листы и они были въ восторгѣ. *С.*)

Нюренбергъ. Ничего въ Германіи не видалъ еще я скучнѣе Нюренберга. Рѣдко два или три человѣка встрѣчаешь въ безконечныхъ его улицахъ; городъ кажется опустошеннымъ моровою язвой. Любопытенъ я былъ видѣть забавы жителей. Въ собраніяхъ ихъ не менѣе важности, какъ въ засѣданіяхъ инквизиціи; многихъ лица не веселѣе приговоренныхъ къ смерти. Я думалъ отдохнуть за городомъ, но окрестности несносныя, пески какъ въ степяхъ Ливійскихъ.

Ласковаго хозяина моего услужливый садовникъ умѣлъ сдѣлать полезное употребленіе: изъ задней двери сада являлись красавицы за цвѣтами, которыхъ конечно никогда не продавалъ онъ выгоднѣе.

(У Ермолова новый начальникъ графъ Ланжеронъ. *С.*)

Князю Мадатову поютъ стихи, какъ побѣдителю, хотя еще мы не сдѣлали выстрѣла, и даже не знаемъ, какъ далеко непріятель по ту сторону Рейна.

(Іюня 7. Въ Некеръ-Гемюнде. Ермоловъ видѣлся съ Государемъ, который осыпалъ его ласками. *С.*)

(8. Первый переходъ войскъ Ермолова черезъ Рейнъ, въ Мангеймѣ. *С.*)

Гейдельбергъ. Возвратился генералъ-лейтенантъ Толь изъ арміи фельдмаршала Блюхера съ извѣстіемъ, что Наполеонъ атаковалъ его, не собравшагося въ полныхъ силахъ, пріобрѣлъ большіе надъ нимъ успѣхи, и разбивъ два его корпуса, ихъ преслѣдуетъ. Пруссаки потеряли болѣе 30 орудій.

Извѣстіе сіе произвело сильное дѣйствіе на Австрій-

„Графъ Аракчеевъ, бившійся съ Ермоловымъ въ 1815 г. объ закладъ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ государю слѣдующія замѣчательныя слова *: „армія наша, изнуренная продол„жительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ ми„нистрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ гене„раловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ „большою пользой: графа Воронцова и Ермолова. Назначе„нію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда „любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и не лишеннаго дѣя„тельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше „величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ „энергіи и бережливости, какія намъ въ настоящее время „необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ „весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что „перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твер„дость характера, безкорыстіе и бережливость его бы впол„нѣ въ послѣдствіи оправдали.“

Когда Ермоловъ возвратился въ Петербургъ, государь объявилъ ему назначеніе въ Грузію. „Я никакъ не думалъ бы, что такое назначеніе было для тебя пріятно, сказалъ онъ, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ, я долженъ повѣрить.“

Надо было повиноваться. Вѣроятно, графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при государѣ оставался человѣкъ, къ которому онъ сталъ сильно привыкать.

Дневникъ А. П. Ермолова. **

1815 г. апрѣля 4. Покинулъ Краковъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. Краковъ для него безцѣненъ воспоминаніями и для нѣкоторыхъ другихъ, адъютанта Граббе, генералъ-майора Полторацкаго.

5. Перешелъ границу.

---

* Этотъ разговоръ былъ переданъ знаменитымъ нашимъ гр. М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ. *Прим. Дав.*

Точно также записано въ моихъ отмѣткахъ.

** Мѣстами сокращенный г-номъ С. Такія сокращенныя мѣста поставлены въ скобкахъ.

(Австрійцы дурно доставляли провіантъ и проч. Многія войска дожны были останавливаться. Ермоловъ настаивалъ на противоположномъ и у Австрійцевъ, и у своего государя, и несмотря на 30 тысячъ войскъ, бывшихъ у него, онъ слѣдовалъ ускореннымъ маршемъ. *С.*)

20. Трудный переходъ чрезъ гору Шенгенгетъ.

26. Прага. Начальникъ города фельдмаршалъ Коловратъ; пріѣхали фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и г.-а. Закревскій.

(Мая 5. Австрійскій генералъ баронъ Роткирхъ съ восхищеніемъ разстался съ Ермоловымъ, потому что Ермоловъ простосердечно разсуждалъ объ гофъ-кригсъ-ратѣ. *С.*)

(Ермоловъ австрійскимъ коммиссарамъ давалъ похвальные листы и они были въ восторгѣ. *С.*)

Нюренбергъ. Ничего въ Германіи не видалъ ещѐ я скучнѣе Нюренберга. Рѣдко два или три человѣка встрѣчаешь въ безконечныхъ его улицахъ; городъ кажется опустошеннымъ моровою язвой. Любопытенъ я былъ видѣть забавы жителей. Въ собраніяхъ ихъ не менѣе важности, какъ въ засѣданіяхъ инквизиціи; многихъ лица не веселѣе приговоренныхъ къ смерти. Я думалъ отдохнуть за городомъ, но окрестности несносныя, пески какъ въ степяхъ Ливійскихъ.

Ласковаго хозяина моего услужливый садовникъ умѣлъ сдѣлать полезное употребленіе: изъ задней двери сада являлись красавицы за цвѣтами, которыхъ конечно никогда не продавалъ онъ выгоднѣе.

(У Ермолова новый начальникъ графъ Ланжеронъ. *С.*)

Князю Мадатову поютъ стихи, какъ побѣдителю, хотя еще мы не сдѣлали выстрѣла, и даже не знаемъ, какъ далеко непріятель по ту сторону Рейна.

(Іюня 7. Въ Некеръ-Гемюнде. Ермоловъ видѣлся съ Государемъ, который осыпалъ его ласками. *С.*)

(8. Первый переходъ войскъ Ермолова черезъ Рейнъ, въ Мангеймѣ. *С.*)

Гейдельбергъ. Возвратился генералъ-лейтенантъ Толь изъ арміи фельдмаршала Блюхера съ извѣстіемъ, что Наполеонъ атаковалъ его, не собравшагося въ полныхъ силахъ, пріобрѣлъ большіе надъ нимъ успѣхи, и разбивъ два его корпуса, ихъ преслѣдуетъ. Пруссаки потеряли болѣе 30 орудій.

Извѣстіе сіе произвело сильное дѣйствіе на Австрій-

цевъ, которые уже не спѣшили переходить Рейнъ, вѣроятно выжидая послѣдствій сраженія.—Прискакалъ баварскій фельдмаршалъ князь Вреде, прося подкрѣпить войска его, расположенныя за Рейномъ. И меня даже осыпалъ онъ привѣтствіями, какъ перваго изъ Русскихъ, переходящаго за Рейнъ. Какихъ не выслушалъ я похвалъ!

(9. Пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ Веллингтона и Блюхера и совершенномъ разбитіи Наполеона. *С.*)

15. Франкфуртъ. Проходила гвардія короля прусскаго, которую онъ осматривалъ. Я командовалъ ею при взятіи въ прошедшемъ году Парижа. Офицеры и солдаты увидѣли меня съ удовольствіемъ. Каждый взводъ, прошедши короля, такъ громко меня привѣтствовалъ, что я долженъ былъ отойдти далѣе, чтобы король не слыхалъ того. Я не замѣчалъ въ немъ ко мнѣ благоволенія.

26. Получено извѣстіе о занятіи Парижа, Веллингтономъ и Блюхеромъ. Государь поспѣшно туда отправился. Радость о преодолѣніи гордаго непріятеля не менѣе сожалѣнія, что Русскіе не были участниками побѣды.

Іюля 4. Нанси. Я пріѣхалъ осмотрѣть присоединяющуюся къ корпусу 2-ю гренадерскую дивизію подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Паскевича.

Торжество о возвращеніи Лудовика XVIII въ Парижъ. Не примѣтно ни малѣйшей радости въ народѣ.

(8. Получено извѣстіе, что Наполеонъ предалъ себя англійскому правительству. Ермоловъ усмирилъ коменданта крѣпости Голе, не признававшаго Лудовика XVIII. *С.*)

20. Пріѣхалъ по почтѣ въ Парижъ. Остановился у Закревскаго. Квартира мнѣ назначена въ St.-Honore.

Представлялся Государю. Приказано носить фракъ и въ немъ неловкость моя была замѣчена.

28. Назначенъ парадъ, и дивизія проходила городъ. Состояніе войскъ превосходно! Три взвода сбились съ ноги отъ неправильности музыки, государь приказалъ арестовать 3 полковыхъ командировъ, и они посажены подъ иностранный караулъ. Я просилъ о прощеніи отличныхъ офицеровъ, мнѣ отвѣтствовано со гнѣвомъ. Я вспомнилъ объ иностранномъ караулѣ. Подтверждено о исполненіи повелѣнія.

(Августа 11. Государь хвалилъ Ермолову англійскія войска. Ермоловъ возражалъ. Государь разсердился. *С.*)

(16. Послѣ ученья англійской кавалеріи былъ обѣдъ. *С.*)

За обѣдомъ Государь, превознося ученье, обратился ко мнѣ. Я представилъ, что превосходство конницы не опредѣляется кампаніей, продолжавшеюся двѣ недѣли, однимъ сраженіемъ и переходомъ отъ границъ Бельгіи. Я указалъ на одинъ изъ нашихъ драгунскихъ полковъ, въ которомъ много еще было людей и даже лошадей, которые провожали въ Китай посла графа Головкина. Въ прошломъ году изъ арміи генерала барона Бенингсена полкъ сей, возвратясь въ отечество, имѣлъ квартиры въ Малороссіи, гдѣ не болѣе пробывши четырехъ мѣсяцевъ, пришелъ сюда, и теперь находится близь Парижа, ни мало не уступая въ исправности англійской кавалеріи. Я сослался на генералъ-адъютанта Винценгероде, у коего онъ состоялъ въ командѣ. Онъ не возразилъ противъ моего разсужденія, хотя въ понятіи его не было ничего совершеннѣе конницы австрійской, но онъ сомнѣвался, чтобы могла она вытерпѣть подобное испытаніе.

(На одномъ изъ обѣдовъ, на коихъ былъ Ермоловъ, многіе изъ офицеровъ, находившихся въ сраженіи при Ватерлоо, отбросивъ всякое хвастовство, даже не скрывая собственныхъ ошибокъ, разсуждали о семъ сраженіи, и легко видно было, что Веллингтонъ былъ въ затруднительномъ положеніи. *С.*)

Я осматривалъ все любопытное въ Парижѣ, посѣщалъ театры, почти неразлучно былъ съ Вельяминовымъ, начальникомъ штаба моего корпуса, офицеромъ рѣдкихъ достоинствъ, котораго называю я тескою. Подражая ему, я обходилъ по вечерамъ Италіянскій бульваръ, но не избѣжалъ искушеній въ Variétés. Встрѣтилась красавица въ тѣснотѣ. Забыты осторожности, и ты, любезный теска, долго будешь ждать меня изъ улицы Св. Амвросія! Можетъ-быть, завтра новый случай Пикулину оказать искусство врачеванія. Не такъ я жилъ въ прошломъ году....

Было странное ученье нашего гренадерскаго полка имени короля прусскаго вмѣстѣ съ прусскимъ полкомъ имени императора. Команда на разныхъ языкахъ производила довольно несвязное дѣйствіе. Веллингтонъ былъ свидѣтелемъ и желаніе сдѣлать угодное государю вложило въ уста его непростительную лесть. Онъ даже старался казаться удивленнымъ!

20. Дивизія гренадеръ выступила. Я остался по приказанію государя, дабы осмотрѣть устройство англійской артиллеріи. Герцогъ Веллингтонъ далъ повелѣніе показать мнѣ двѣ батареи, и мой офицеръ допущенъ былъ снять чертежъ лафета и описать укладку зарядовъ.

(25. Государь догналъ всю русскую армію на возвратномъ пути въ Россію. *С.*)

26. Былъ маневръ или пріуготовленіе къ настоящему маневру. Государь былъ весьма доволенъ. Корпусные командиры приглашены къ обѣду.

28. Прибыли императоръ австрійскій, король прусскій, ихъ сыновья, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, герцогъ Веллингтонъ, князь Вреде и множество иностранныхъ генераловъ и другихъ особъ.

29. Настоящій маневръ въ присутствіи государей. Армія около 150 тысячъ человѣкъ предстала въ удивительномъ блескѣ, въ одеждѣ по большей части новой, лошади были въ наилучшемъ состояніи. Не только иноземцевъ, но и самихъ насъ удивлялъ величественный и красивый видъ войскъ! Не для каждаго былъ онъ пріятнымъ зрѣлищемъ; многіе конечно вспомнили о сосѣдствѣ! Такія превосходныя войска и столько страшныя силы заслуживаютъ вниманіе, соединенныя вмѣстѣ, тогда какъ союзники, слабѣйшіе числомъ, разсѣяны по большому пространству. Какого не успѣешь подписать трактата при такомъ числѣ негоціаторовъ, и какой министръ не покажется краснорѣчивымъ!

Сентября 7. Метцъ. Переодѣвшись во фракъ, я ѣздилъ въ Метцъ, куда приглашенъ былъ полковникомъ Marion, бывшимъ въ плѣну въ Россіи. Какъ ближній, я принятъ молодою и любезною его женою и семействомъ. Входъ въ крѣпость запрещенъ иностранцамъ, для того чтобы не впускать Пруссаковъ.

23. Франкфуртъ. Корпусъ мой проходилъ бригадами, изъ которыхъ каждую смотрѣла великая княгиня (Екатерина Павловна), и я почти каждый день приглашаемъ былъ обѣдать съ генералами. Она оказывала самое милостивое вниманіе. Я не видывалъ женщины болѣе очаровательной!

Октября 9. Веймаръ. Я былъ у великой княгини Маріи Павловны. Никто не отходитъ отъ нея безъ особеннаго

чувства почтенія и привязанности. Нельзя не удивляться безподобной сей женщинѣ, образцу добронравія, кротости и скромности.

21. Lieberose. Одинъ Саксонецъ справедливо сказалъ мнѣ, что отъ Парижа до Тоб. конечно нѣтъ такой гнусной стороны.

Ноября. Познань. Здѣсь командованіе корпусомъ сдалъ я генералъ-лейтенанту Паскевичу и отправился въ Россію.

Декабря. Вильно. Подъ глазами брата своего провелъ я часть молодости моей, началъ первую противъ непріятеля службу. Здѣсь проводилъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ лѣтъ моей жизни, и случились происшествія, которыхъ я никогда не забуду.

14. Смоленскъ. Я въѣхалъ со стороны города, наиболѣе потерпѣвшей отъ непріятеля. Такъ свѣжи опустошенія, какъ будто непріятель только что оставилъ городъ. На прекраснѣйшей нѣкогда площади поправлены только два дома. Сердце сжалось отъ горести, увидя ужасы разоренія. Повсемѣстная бѣдность отъемлетъ надежду, чтобы городъ когда-нибудь возвратится въ первобытное состояніе. Судьба въ сихъ развалинахъ назначала мнѣ пребываніе. Здѣсь квартира гренадерскаго корпуса.

20. По несносной дорогѣ, испытывая ужасные морозы, доѣхалъ я до Орла къ моимъ родителямъ.

Здѣсь, по долговременномъ отсутствіи, послѣ войны продолжительной и трудной, предался я совершенному бездѣйствію, которое у военныхъ людей нерѣдко замѣняетъ спокойствіе. Я имѣлъ нужду въ отдохновеніи, и уже начиналъ скучать службою, которая не представляла впереди никакихъ пріятныхъ занятій, особенно въ гренадерскомъ корпусѣ.

(Государь неоднократно звалъ Ермолова *заѣхать* въ С.-Петербургъ. *С.*)

1816. Апрѣля 22. Въ Смоленскѣ прочелъ въ газетахъ назначеніе мое въ Грузію.

(29?) 24. Петербургъ. Я представленъ Государю, который, объявивъ мнѣ о назначеніи въ Грузію, прибавилъ: „Я бы не повѣрилъ, что ты можешь желать сего назначенія, еслибы не предстали свидѣтели графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, ручавшіеся, что оно согласно съ твоимъ

намѣреніемъ.“ Государь былъ чрезвычайно милостивъ, предузналъ, что я пожелаю имѣть начальникомъ корпуснаго штаба служившаго со мною полковника Вельяминова (tecky), и потому не приказалъ до того занимать этого мѣста.

Іюнь. Сообщено мнѣ назначеніе чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Персію и на достоинство сіе принялъ я присягу въ иностранной коллегіи. Страннымъ я казался самому себѣ, и всего болѣе страшился я репрезентаціи, которая необходима между азіатскими народами, особенно же у двора, который славился пышностію.

Составляется многочисленный для посольства штатъ, я представляю о совершенной перемѣнѣ онаго, которая высочайше утверждена. Я отказался отъ положеннаго жалованья послу, и потому ежемѣсячно положена сумма на содержаніе посольства, которою буду я пользоваться равно какъ и каждый изъ чиновниковъ. Я не искалъ особенныхъ выгодъ.

По части гражданскаго управленія въ Грузіи я представилъ о необходимости распространенія власти. Разсуждаемо о томъ въ комитетѣ министровъ. Мнѣ дѣланы возраженія, я дѣлалъ ихъ съ своей стороны, и наконецъ въ пользу мою, кромѣ двухъ, всѣ голоса и даже могущественнаго графа Аракчеева. Государю представлено дѣло въ превратномъ видѣ и какъ будто о намѣреніи разрушить существующій порядокъ. Комитетъ получаетъ замѣчаніе, мнѣ предписано входить съ представленіями, когда обстоятельства потребуютъ какихъ-либо измѣненій. Легко замѣтилъ я досаду графа Аракчеева, что оспаривали его мнѣніе и даже могли имѣть успѣхи противъ него.

Я познакомился съ персидскимъ посломъ Мирзою-Абдулъ-Гассанъ-ханомъ, человѣкомъ довольно хитрымъ, который, долго живши съ Англичанами и бывши въ Лондонѣ, къ чрезвычайной гибкости персидской присоединилъ вѣжливость европейскую. Онъ отправляется прежде меня съ полною увѣренностію, что мнѣ приказано стараться сдѣлать шаху всевозможныя угожденія. Въ понятіи его угожденіе не что иное, какъ уступка провинцій.

Откланиваюсь императорской фамиліи; Государь приказалъ ожидать въ Москвѣ его прибытія. Милости его ащаютъ на меня вниманіе всего двора и я дѣлаюсь из- людямъ, которые едва подозрѣвали о моемъ

бытіи. Ни одинъ не смѣетъ сказать, чтобы не зналъ меня давно и не съ лучшей стороны. Но вмѣстѣ съ успѣхами моими пріобрѣтаю я и сильныхъ непріятелей.

Москва, 15 августа. Пріѣзжаетъ Государь въ первый разъ послѣ отечественной войны. Народъ встрѣчаетъ его съ восторгомъ, изъявляетъ привязанность къ нему въ высочайшей степени. Онъ не дѣлалъ шагу, не будучи окруженъ толпами. Мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждаго. Забыто разрушеніе Москвы, забыты бѣдствія! Государь оказываетъ всѣмъ благоволеніе, каждому доступъ къ нему свободный. И моя незнакомая фигура является посреди окружающихъ его и между прочими обращаетъ на себя вниманіе.

16. Большой обѣдъ у государя. Казалось, посадили за оный всю галлерею древностей. Государь разсуждалъ о происшествіяхъ войны. Вдругъ встаетъ со стула и пьетъ здоровье мое, какъ главнаго виновника побѣды при Кульмѣ, объясняетъ, какъ важны были слѣдствія сего сраженія. Всѣ, угождая ему, пьютъ мое здоровье, и весьма многіе не знаютъ, кто я. Я смѣшался, не зналъ ничего сказать и готовъ бы былъ лучше выдержать порядочную перестрѣлку. Это былъ день перваго сраженія при Кульмѣ.

26. День Бородинскаго сраженія. Парадъ войскъ. Я получаю позволеніе отправиться къ своему мѣсту.

Сентября 17. Ново-Черкасскъ. По калмыцкому порядку въ Донскомъ войскѣ я во многихъ мѣстахъ ухожу пѣшкомъ отъ почтовыхъ лошадей. Узнаю, что для войсковаго атамана графа Платова выставлены отъ дворянства лошади, я отправляюсь самъ въ степь верхомъ на почтовой лошади, отгоняю табунъ и въ добычу достаю прекрасныхъ лошадей *. Казаки, бывшіе при табунѣ, поражены были удивленіемъ, видя хищника, украшеннаго разными знаками. Я поѣхалъ покойно до самаго Черкасска.

20. Пріѣзжаю на границу Кавказской губерніи. Ступилъ на землю, ввѣренную моему управленію. Не радуюсь встрѣченному на первомъ шагу порядку. Нахожу выставленные для меня конвои линейныхъ казаковъ, составленные по большей части изъ малолѣтныхъ, къ службѣ неспособ-

* Онъ тутъ поколотилъ урядника коломъ, но уѣзжая, далъ ему три червонца.

нихъ, ибо предмѣстникъ мой отпустилъ шесть донскихъ полковъ, служившихъ на линіи, и ихъ замѣнили старыми и малыми.

22. Георгіевскъ. Крѣпость для насъ смѣшная, для неприятелей нашихъ страшная! Я избѣгалъ обыкновенной встрѣчи, и отослалъ (?) ожидавшихъ меня и пріѣхалъ на перекладной перевозкѣ, никѣмъ не будучи узнанъ.

Первое сдѣланное мною распоряженіе состояло въ томъ, чтобы остановить шесть донскихъ полковъ, отправленныхъ на Донъ, и приказать имъ вступить на посты, которые занимали они прежде. Линейные казаки обращены въ свои дома.

Все было въ состояніи совершеннаго разрушенія!

Октября 5. Дарьялъ. Мѣсто ужасной наружности.

Кашауръ. Переѣзжая Крестовую гору, мы пили здоровье императора въ воспоминаніе вступленія въ Лейпцигъ послѣ пораженія французской арміи.

На Кавказѣ. Другая казалась земля, другое небо!

Тифлисъ. 10. Переправившись у селенія Мехетъ (чрезъ) Арагву, я поѣхалъ лѣвымъ берегомъ Куры, приказавъ дорожнымъ товарищамъ моимъ слѣдовать по обыкновенной дорогѣ. Я прибылъ предъ самымъ вечеромъ, и какъ ожидали меня съ другой стороны, то и избѣжалъ встрѣчи. Проводникомъ моимъ былъ мой адъютантъ князь Бебутовъ, уроженецъ тифлисскій. Никто не узналъ меня, принимая меня за посланнаго впередъ чиновника. Я тотчасъ явился у генерала отъ инфантеріи Ртищева. Добрый старикъ сей давно ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, ибо желалъ возвратиться въ Россію послѣ шести-лѣтняго пребыванія его на линіи и въ Грузіи.

Тутъ нашелъ я возвращающагося посла персидскаго, который нарочно отложилъ отъѣздъ свой, чтобъ видѣться со мною.

18. Генералъ Ртищевъ отправился въ Россію, и я вступилъ въ командованіе корпусомъ и Грузіей. Повидимому долговременное назначено мнѣ здѣсь пребываніе!

Получилъ курьера объ открывшейся чумѣ на кавказской линіи и что проходившіе пять донскихъ полковъ заразились. Полки остановлены въ двадцати семи верстахъ отъ Тифлиса. Конвой отъ [illegible]ихъ полковъ сопровождалъ меня въ пути чрезъ горы, и люди изъ онаго имѣли свободное

обращеніе въ городѣ, слѣдовательно предосторожности были уже невозможны. Съ робостію ожидалъ я послѣдствій, но мнѣ покровительствовало счастье.

Приготовляясь къ отъѣзду въ Персію, зная желаніе и домогательство шаха персидскаго, чтобы возвращена была ему часть Карабахскаго ханства, я долженъ былъ осмотрѣть ту часть границъ, дабы удостовѣриться, можно ли безъ нарушенія прочности оныхъ сдѣлать какую-либо уступку, если не найду я другихъ средствъ сдѣлать шаху угожденіе въ пользу дружественныхъ связей, недавно утвержденныхъ, которыхъ сохраненіе поставлено мнѣ было главнѣйшею цѣлью и обязанностію.

Декабря 4. Зардобъ, селеніе Ширванскаго ханства. Г.—л. Мустафа, ханъ Ширванскій, дожидался моего пріѣзда. Я увидѣлъ человѣка полудикаго, зналъ недовѣрчивыя его свойства. Онъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ, и я посѣтилъ его. На другой день угощалъ меня безконечнымъ обѣдомъ.

Со мною были три генералъ-майора, два адъютанта и двадцать казаковъ конвою. Мустафа-ханъ замѣтилъ мнѣ, сколько неосторожно имѣть такъ малый конвой. Онъ говорилъ: „Ко мнѣ пришли вы шесть человѣкъ, я конечно не предприму ничего противъ васъ, но могу ли я быть увѣренъ, чтобы между окружающими меня не было людей дерзкихъ. Точно также предостерегалъ я покойнаго князя Цыціанова, когда онъ проходилъ съ войсками къ крѣпости Баку. Мнѣ извѣстны были вѣроломныя свойства бакскаго хана. Здѣсь не должно быть довѣрчивымъ.“ Я поблагодарилъ за пріязненный совѣтъ и мы продолжали обѣдать весьма покойно. Ему странною казалась наша безпечность.

7. Минкчауръ. Здѣсь встрѣтилъ меня г.—м. Измаилъ, ханъ Шекинскій. Множество поступило уже жалобъ на жестокіе и безчеловѣчные его поступки съ подданными, на корыстолюбіе необузданное и тягостные налоги разнаго рода. Толпы народа окружили меня, любопытствуя видѣть, какъ я приму хана, и не менѣе, вѣроятно, — какъ приму приготовленные подарки. Я отвергъ сіи послѣдніе, хану сказалъ я, что я внимательно буду наблюдать за его поведеніемъ, что, перемѣнивъ прежнее, онъ можетъ надѣяться на пріязненное расположеніе начальства. Поручилъ имѣть попеченіе о благосостояніи народа.

12. Тифлисъ. Между прочими занятіями по службѣ дѣлаются приготовленія къ отъѣзду въ Персію.

1817. Января. Вл. С. Мазаровичъ отправленъ въ Персію съ письмами къ Аббасу-Мирзѣ въ Тавризъ и въ Тегеранъ къ шаху. Умный и ловкій сей чиновникъ способенъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія къ моему пріѣзду.

Отправленъ курьеръ въ Константинополь къ посланнику нашему барону Строганову, дабы узнать, въ какихъ Порта къ намъ отношеніяхъ.

Февраля. Донесеніе государю о примѣченныхъ движеніяхъ, о заготовленіяхъ въ большомъ количествѣ продовольствія въ сосѣднихъ областяхъ Анатоліи. Я изложилъ мнѣніе, что, въ случаѣ непріязненныхъ намѣреній Порты, отсутствіе мое въ Персію можетъ быть вреднымъ. Думать надобно, что замѣчанія мои были не безъ основанія, ибо я получилъ изъ Петербурга бланкетъ кредитива къ шаху персидскому, и государю угодно было предоставить мнѣ усмотрѣніе, отправиться ли мнѣ самому или по избранію моему назначить посломъ одного изъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ.

Мартъ. Отъ принца Аббаса-Мирзы присланъ чиновникъ узнать, когда я намѣреваюсь выѣхать и что по первому извѣщенію моему сдѣланы будутъ всѣ приготовленія.

Получивъ изъ Анатоліи извѣстія, которыя не давали причины къ большимъ безпокойствамъ, удостовѣрясь изъ сообщенія посланника барона Строганова, что Порта принимаетъ мѣры къ усмиренію одного изъ возмутившихся пашей, я рѣшился отправиться въ Персію.

Я послалъ къ Аббасу-Мирзѣ курьера съ извѣстіемъ о моемъ выѣздѣ. Къ сардарю эриванскому отправилъ я квартирмейстерской части поручика Бобарыкина, дабы сообщить ему о всѣхъ необходимыхъ пріуготовленіяхъ для удобнѣйшаго слѣдованія посольства. *

О посольствѣ въ Персіи Алексѣй Петровичъ велъ особый дневникъ, извѣстный по многимъ спискамъ. Мы выбираемъ здѣсь изъ этого дневника черты, наиболѣе

* [illegible]ъ оканчивается сокращеніе дневника Алексѣя Петровича Ермо-[illegible]ое г-нъ С. Увидимъ ли мы когда-нибудь этотъ драгоцѣн-[illegible]олна?

характеристическія. Варіанты приложены по списку, напечатанному въ *Чтеніяхъ*.

....Заключенный съ Персіею миръ въ исходѣ 1813 года положилъ конецъ продолжительной войнѣ, которая хотя и не была для Россіи опасною, могла однакоже во время вторженія непріятеля въ отечество наше и занятія Москвы имѣть худыя слѣдствія; паче сопровождаема будучи внутренними въ Грузіи безпокойствами. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ, изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, ужасное понесенное имъ пораженіе и войска наши, путемъ побѣдъ прошедшія до сердца Германіи, вразумили Персіянъ, что для спокойствія ихъ надлежало искать мира съ Россіей, отложивъ тщетную надежду пріобрѣсти его оружіемъ. Персія отреклась отъ правъ своихъ на покоренныя оружіемъ нашимъ и присоединенныя по трактатамъ провинціи; но отправивъ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ, вознамѣрилась просьбами и убѣжденіями склонить великодушіе государя императора на возвращеніе сихъ провинцій. Посолъ прибылъ въ отсутствіе государя, который, начальствуя арміями, находился внѣ предѣловъ Россія, озабоченный успокоеніемъ Европы, которую воззвалъ отъ замѣшательствъ къ устройству, освободилъ отъ ига Наполеона и возвратилъ къ первобытнымъ властямъ и порядку. По прибытіи императора въ С.-Петербургъ, посолъ персидскій представилъ просьбу шаха, и получилъ въ отвѣтъ, что во взаимство дружбы отправлюсь я * посломъ къ его величеству шаху, имѣя порученіе сообщить по сему предмету мысли императора, и сколько пріятно ему во всемъ соотвѣтствовать желанію шаха. Посолъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, а вскорѣ послѣ него и я отправился. Въ Грузіи пробылъ я нѣкоторое время, объѣхалъ нѣкоторыя мѣста границы на случай тотъ, еслибы Персіяне настоятельно требовали измѣненія оной; дабы знать, возможно ли безъ вреда допустить оное, а по сей причинѣ принужденъ былъ умедлить отъѣздомъ моимъ въ Персію.

1816 года, апрѣля 17, сдѣлавъ заблаговременно всѣ нужныя къ отъѣзду моему въ Персію распоряженія, отправился я изъ Тифлиса....

---

* *Варіантъ по другому списку:* Въ доказательство искренней пріязни назначаюсь я....

. . . .

11 и 12. Городъ Нахичевань. Ханъ, управляющій небольшою сей областію, человѣкъ весьма веселый и отлично вѣжливый, лишился глазъ во время обладанія Персіей злодѣя Али *-Мехметъ-Хана, одного изъ родоначальниковъ нынѣ царствующей фамиліи. Его тронуло особенное уваженіе, оказанное мною къ несчастному его состоянію. Вырвалась горькая жалоба на жестокость тирана. Состояніе рабства не удаляетъ отъ человѣка чувствованія оскорбленія, и если судьбы опредѣленія строги иногда, то благодѣтельная природа услаждаетъ горесть оскорбленія надеждою отмщенія. Но сей несчастный уже въ лѣтахъ клонящихся къ старости, лишенный зрѣнія, двадцати лѣтъ ** отлученный отъ приверженныхъ къ нему подданныхъ ***, не можетъ и сего имѣть утѣшенія. Осторожное правительство удерживаетъ сына залогомъ вѣрности. Какія новыя чувствованія испытываетъ при подобной встрѣчѣ человѣкъ, живущій подъ кроткимъ правленіемъ и наслаждающійся свободою! Здѣсь, между врагами свободы надобно научаться боготворить ее. Здѣсь съ ужасомъ видимъ власть царей, преступающую предѣлы **** въ отношеніи къ подданнымъ, съ сожалѣніемъ смотримъ на подданныхъ, не уважающихъ самихъ себя, не чувствующихъ достоинствъ человѣка. Благословляю стократъ участь любезнаго моего отечества, и ничто не изгладитъ въ сердцѣ моемъ того презрѣнія, которое почувствовалъ я къ правительству Персіи †.

. . . .

13. Въ обѣихъ областяхъ, Нахичеванской и Эриванской, не сдѣлали мы шагу безъ сопровожденія войскъ, и весьма примѣтно было, что старались сколько возможно показать ихъ болѣе, и, сколько умѣли, въ большемъ видѣ. Въ городахъ не осталось ремесленника, на котораго бы не навязали

* Аги.

** Въ продолженіе 20 лѣтъ.

*** Подвластныхъ.

**** Видимъ, что люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть, не познаютъ предѣловъ ея въ отнош. и пр.

† Благословляя стократъ любезное отечество, я преисполнился презрѣніемъ къ персидскому правительству. Весьма удивлялись моему соболѣзнованію провожавшіе меня Персіяне; эти рабы изъ подобострастія готовы почитать излишествомъ самые глаза.

ружья. Хватали проѣзжающихъ изъ окрестностей на торгъ поселянъ и вооружали, дабы вразумить насъ, какими страшными силами ограждаемы пограничныя Персіи области. (Строгое соблюденіе благопристойности не скрыло во мнѣ чувства презрѣнія, я смѣялся, но не столько то было смѣшно Персіянамъ *.)

. . . .

19. Въ Тавризѣ чрезъ пристава нашего посредствомъ обыкновеннаго разговора сообщено мнѣ было весьма нѣжнымъ образомъ объ обычаяхъ и церемоніяхъ, употребляемыхъ при персидскомъ дворѣ: что въ комнату къ наслѣднику нельзя войдти въ сапогахъ, но должно надѣть красные чулки, что одинъ я могу быть въ комнатѣ съ совѣтниками посольства, а прочіе чиновники должны стоять на дворѣ подъ окошками, и прочія нѣкоторыя другія глупыя ** предупрежденія. Во время Наполеона, когда искалъ онъ дѣлать возможный вредъ Россіи, присланный отъ него въ Персію генералъ Гарданъ, дабы вкрасться въ довѣренность Персіянъ, дѣлалъ всѣ имъ угожденія и ему послѣ краснаго колпака вольности не трудно было надѣвать красные чулки лести. Посланники англійскіе и всѣ теперь въ Персіи живущіе чиновники ихъ, быть-можетъ не съ тѣми видами какъ Французы, но всеконечно, съ намѣреніемъ тѣсною связію пріобрѣсть выгоды торговли, также не дѣлаютъ затрудненій въ предложеніяхъ Персіянъ насчетъ этикета ***. Посланники къ шаху и наслѣднику ходятъ въ красныхъ чулкахъ, а офицеры и къ **** мурзѣ Бузіорку не смѣютъ войдти иначе. Но какъ я не пріѣхалъ ни съ подлыми чувствами французскаго шпіона, ни съ корыстолюбивыми желаніями прикащика торговой націи, то † и не согласился на красные чулки и прочія условія. Итакъ Аббасъ-Мирза по долгомъ разсужденіи мудраго его совѣта рѣшился принять насъ не въ комнатѣ, но на дворѣ, не сидя на коврахъ своихъ, которыхъ не дерзалъ попирать ни одинъ сапогъ

* Мѣста, заключающагося въ скобкахъ, нѣтъ въ другомъ спискѣ.

** И многія довольно странныя.

*** Чиновники и лица занимающіяся торговлей безпрекословно подчиняются существующему этикету.

**** Каймакаму (вм. мурзѣ Бузіорку).

† Такъ какъ я прибылъ не въ качествѣ Наполеонова шпіона, то....

или башмакъ, но стоя и просто на каменномъ помостѣ внутренняго двора у самыхъ окошекъ дворца, подъ портретомъ родителя своего.

. . . .

На другой день я хотѣлъ ѣхать за городъ, но Аббасъ-Мирза прислалъ предложилъ мнѣ ѣхать послѣ обѣда съ нимъ вмѣстѣ, и что онъ покажетъ * мнѣ свою конницу.....

.... Мы проѣхали мимо **, и онъ говорилъ мнѣ, что завести артиллерію научили его Русскіе. (Я хвалилъ намѣреніе и что онъ выбралъ хорошій образецъ для подражанія, ибо англійская (?) артиллерія извѣстна своимъ устройствомъ и искусствомъ, а что если Русскіе причиною, что онъ завелъ оную, то онъ вразумилъ другихъ, сколько она необходима. Ибо) *** народъ самый не просвѣщенный Трухменцы, чувствуя ихъ пользу, просили у нихъ завести оную. Примѣтно было, что онъ съ большимъ любопытствомъ слушалъ разговоръ сей, и даже спросилъ, къ кому отнеслись съ своею просьбою. Я отвѣчалъ, что мнѣ о томъ объявили желаніе въ бытность мою съ Грузіи, но что не имѣвъ времени тѣмъ заниматься, передалъ я заступившему мое мѣсто начальнику ****. (Всѣ бывшіе со мною, будучи отъ меня о томъ предупреждены, смотрѣли, что̀ произведетъ въ немъ сіе извѣстіе, и всѣ вообще замѣтили, что) онъ не могъ скрыть, сколько не равнодушно о томъ слышитъ, даже переменилось лицо его, и онъ еще сдѣлалъ нѣкоторые вопросы. (Трухменскій народъ имѣетъ вѣчную вражду съ Персіей.)

...Аббасъ Мирза пригласилъ насъ въ свой садъ, который онъ разводитъ съ недавняго времени. Мы прошли въ бесѣдку, гдѣ намѣренъ онъ былъ угощать насъ чаемъ: но какъ предложилъ онъ мнѣ, чтобы всѣ бывшіе чиновники вышли въ другую комнату, гдѣ для нихъ приготовлено угощеніе, и какъ я отвѣчалъ, что и самъ съ ними выйду, то онъ удержалъ насъ при себѣ, (но вмѣсто чаю далъ намъ немного шербету, и то потому что ему самому пить хотѣлось †.) Изъ саду мы поѣхали обратно въ городъ. Вер-

---

* И хотѣлъ показать.

** Оной (артиллеріи)...

*** Вм. поставленнаго въ скобкахъ: „Я весьма одобрилъ это все и присовокупилъ: Трухменцы“ и пр.

**** Заключающагося въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Тоже.

ховыя лошади были за стѣною сада. Одна только лошадь Аббасъ-Мирзы была ему подведена. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ далъ знать ординарцу, и тотчасъ подлѣ лошади Мирзы явилась и. моя лошадь, чтò Персіянамъ показалось страннымъ, но мы не менѣе выѣхали изъ сада вмѣстѣ. Нѣтъ случая, нѣтъ обстоятельства, въ которомъ бы Персіяне не почитали за нужное оказать гордость свою, и я́ воображаю удивленіе ихъ, когда въ возвратъ получаютъ они гордость гораздо бóльшую, и сверхъ того и самое презрѣніе. Такимъ образомъ продолжалъ я поступать съ ними. Возвратясь въ городъ *, разстались мы у воротъ дворца, и я поѣхалъ домой. Поутру былъ у меня съ визитомъ визирь, сынъ каймакана, послѣ него меньшой сынъ, женившійся недавно на дочери шаха. Всѣ главнѣйшія особы посѣщали меня каждый съ чиновниками, ему подчиненными. Одни не были военные регулярныхъ войскъ, ибо не съ кѣмъ было прислать ихъ, кромѣ начальствующихъ ими Англичанъ, которые, какъ я полагаю, посовѣстились представлять мнѣ тѣхъ, которыхъ они въ глазахъ офицеровъ моихъ многихъ во фруктѣ били кулаками въ зубы. Сею полезною операціей Англичане Персіянамъ истолковываютъ правила чести, чтò сихъ послѣднихъ хотя и оскорбляетъ, но они въ свою очередь передаютъ подчиненнымъ и весьма тѣмъ довольны; одни нижніе чины остаются безъ удовлетворенія. Но судьба справедлива, можетъ и имъ представить благопріятный случай, и при первой перемѣнѣ въ правительствѣ могутъ англійскіе военные ростовщики ** расплатиться за кулачные удары....

. . . .

За день было до отъѣзда моего, Аббасъ-Мирза присылалъ пригласить меня ѣхать съ нимъ за городъ. Я отозвался, что какъ я завтра выѣзжаю, то нынѣшній день берегу глаза мои, въ которыхъ чувствую боль, и потому не могу имѣть удовольствія сего видѣть, а прошу позволенія прислать одного изъ чиновниковъ моихъ, который имѣетъ порученіе отъ меня принести наслѣднику благодарность за

* ....Въ которомъ бы Персіяне не желали выказать невыносимую гордость свою, и хотя въ возвратъ бываютъ награждаемы бóльшимъ или мéньшимъ презрѣніемъ, но перенося его равнодушно, они остаются вѣрны принятому правилу. Въ городѣ мы разстались...

** Экзерцирмейстеры (вм. воен. ростовщики.)

благосклонный и милостивый пріемъ его и всѣ вѣжливости и вниманіе, которое онъ всѣмъ намъ оказывалъ. Прибавилъ я къ тому, что я, конечно, дождался бы облегченія моей болѣзни, чтобъ имѣть у него прощальную аудіенцію; но какъ я не былъ принятъ имъ приличнымъ образомъ, и встрѣтился съ нимъ на дворѣ, и за аудіенцію то не почитаю, то и не полагаю себя въ обязанности ему откланяться *; впрочемъ, какъ съ человѣкомъ любезнымъ и милымъ, съ которымъ мнѣ пріятно было сдѣлать знакомство, желалъ бы я еще гдѣ-нибудь встрѣтиться, еслибы болѣзнь мнѣ не препятствовала. Сей неожиданный отвѣтъ на предложеніе тронулъ каймакана и за нимъ послѣдовало продолжительное объясненіе, въ которомъ старался онъ увѣрить, что пріемъ былъ на дворѣ самымъ величайшимъ доказательствомъ уваженія, которое до того времени никому оказываемо не было; но что всѣ прежніе послы надѣвали красные чулки, если хотѣли быть приняты въ комнатахъ. Я приказалъ сказать ему, что въ сравненіе съ прочими идти не могу, ибо я не пріѣхалъ за собственными выгодами, и что они должны разумѣть, ** что я посолъ державы сильнѣйшей въ мірѣ и имъ сосѣдственной, которой дружественное расположеніе слишкомъ ощутительныя доставляетъ Персіи выгоды. Если же чулки красные и прочіе подобные этикеты должны непремѣнно служить основаніемъ дружбы между обѣихъ державъ, и что въ пользу утвержденія связи нельзя отступить отъ красныхъ чулковъ, то я прошу каймакана предупредить шаха, что я чулокъ не надѣну; а чтобы не дѣлать безполезно излишняго пути,—я на дорогѣ буду ожидать извѣстія, что могу возвратиться въ Россію. Сіе извѣстіе ужаснуло каймакана, и безъ сомнѣнія не было въ разчетѣ ***.

. . . .

Я устыдился, что Тифлисъ въ 15 лѣтъ правленія россійскаго представляетъ еще безпорядочную кучу неопрятныхъ каменьевъ; но ожидаю съ нетерпѣніемъ видѣть Испа-

* Офиціяльно...

** .... Что не ставлю себя на одну доску съ другимъ, будучи посломъ....

*** Онъ зналъ, что отъ меня не укрылась его ненависть къ Русскимъ, и что я его разумѣю за величайшаго изъ плутовъ, потому не могъ сомнѣваться, что виною всѣхъ могущихъ случиться неудовольствій выставленъ будетъ онъ.

гань, и тогда рѣшено будетъ, должны ли Персіяне почитать Тифлисъ за восьмое чудо въ свѣтѣ *. (Домъ мой въ Тифлисѣ... можно назвать памятникомъ, воздвигнутымъ въ ознаменованіе того, что какъ архитектура, такъ и поэзія не благопріятствовали Сергѣю Алексѣевичу Тучкову. Сей есть строитель нестройныхъ стиховъ и нелѣпаго дома **).

. . . .

28. Въ Уджанѣ. Младшій сынъ каймакана присланъ отцомъ, чтобы присутствіемъ своимъ вселить веселость и и удовольствіе въ скучное наше обиталище. Юноша сей, не имѣющій 17 лѣтъ, и другой уже годъ женатый на шахской дочери, пріѣхалъ съ довольно большою свитой, въ которой изъ первѣйшихъ лицъ былъ мулла, обучающій его читать и писать. Мнѣ кажется, что его прислали сюда для того, чтобъ отдалить отъ молодой жены, которою онъ конечно болѣе занимается, нежели азбукой въ его лѣта. Жена не всегда лучшій путеводитель къ мудрости, здѣсь мулла заставитъ его вытвердить нѣкоторыя поученія изъ Алкорана, которымъ нерѣдко оканчивается воспитаніе молодаго человѣка, и онъ чрезъ недѣлю отсутствія возвратится къ супругѣ своей гораздо совершеннѣйшимъ ***. Правила въ жизни свѣтской, надобно думать, даетъ ему отецъ его, ибо юноша сей весьма гордъ и надмѣненъ (едва пошевеливался съ мѣста и съ видомъ покровительства принимаетъ онъ приходящихъ къ нему знатныхъ особъ ****.) Ходитъ къ нему † и приставъ нашъ, любезный старикъ, Оскирь-Ханъ †*, но онъ давно служитъ при дворѣ, кто же †** дастъ младшимъ придворнымъ урокъ подлости? надлежало бы, чтобы люди †*** придворные во всемъ мірѣ составляли одну націю особенную; ибо тогда какъ народы

---

* Ибо въ самой Испагани, кромѣ малаго числа зданій, свидѣтельствующихъ нѣкогда о великолѣпіи города во времена Софіевъ, все прочее въ развалинахъ и гораздо болѣе половины города оставлена жителями.

** Въ другомъ спискѣ нѣтъ этого мѣста.

*** Къ такимъ совершенствамъ надо присоединить знатную породу, и это возведетъ его на высочайшія степени въ государствѣ.

**** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Предъ нимъ раболѣпствовалъ (вм. ходитъ).

†* Аскеръ-ханъ.

†** Лучше.

†*** Съ удивленіемъ замѣтилъ я, что люди придворные... составляютъ....

между собою не только большихъ сходствъ во нравахъ, ниже легчайшаго подобія въ свойствахъ не имѣютъ, они всегда одинаковы; разность ощутительна только въ степени * утонченія подлости, которая уже опредѣляется просвѣщеніемъ.

. . . .

19 (іюня?) Селеніе Верзаганъ. Здѣсь пріѣхалъ изъ Тегерана коллежскій совѣтникъ Мазаровичъ, послѣ отсутствія его болѣе 4 мѣсяцевъ изъ Тифлиса. Радость, съ каковою встрѣтился онъ съ нами, истолковала намъ тѣ удовольствія, какихъ лишился онъ, оставивъ столицу обладателя Персіи.

. . . .

Іюля 5. Лагерь при урочищѣ Самонархія, $25^1/_2$ вер. Здѣсь нашелъ я ожидающаго меня министра и любимца шахова, Мирзу-Абдулъ-Вахаба, (хотя) г. Мазаровичъ поѣхалъ ** впередъ условиться, что для меня не нужно никакой встрѣчи, ни церемоніи.... Мирза-Абдулъ-Вахабъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, которое я ему на другой день отдалъ. Встрѣча сопровождаема была обыкновенными персидскими привѣтствіями и лестью, отъ которыхъ давно уже болитъ у меня голова, и (отъ которыхъ въ отчаяніи ***) наговорилъ я ему болѣе еще вѣжливостей и въ ихъ безстыдномъ и наглом **** родѣ. Послѣ двухъ сихъ свиданій я сдѣлался немного нездоровъ, и прошло нѣсколько дней, что мы не видали одинъ другаго. Я предупрежденъ уже былъ, что шахъ поручилъ ему вступить со мной въ переговоры, дабы до прибытія своего развѣдать, чего отъ меня ожидать можно. Я очень хорошо зналъ, что мнѣ, не имѣвши у шаха аудіенціи и не представя ему грамоты, не приличествуетъ ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, а по той причинѣ и несказалъ † я имѣть ежедневныя свиданія и поставить себя на короткую ногу.

. . . .

9. Мирза-Абдулъ-Вахабъ прислалъ мнѣ чрезъ г. Мазаровича грамоту шаха, которою довѣряетъ онъ ему вступить со мною въ переговоры, потомъ вскорѣ пришелъ самъ, и

* Просвѣщенія и ловкости (вм. дальше слѣдующихъ словъ).

** Посланъ былъ.

*** Этихъ словъ нѣтъ.

**** Въ самомъ нелѣпомъ (вм. въ ихъ безстыдномъ и наглом).

† Я уклонялся (вм. не сказалъ).

я объяснилъ ему, что не имѣвши аудіенціи у шаха, не могу я ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, но что зная его за человѣка отличнаго ума и способностей, вмѣняю за особенную честь искать его дружбы, и потому не хочу отнять у себя удовольствія разсуждать съ нимъ какъ съ пріятелемъ о томъ, чего въ качествѣ посла нельзя мнѣ открыть ему, какъ государственному человѣку. Разговоръ продолжался не менѣе 4 часовъ съ подтвержденіями самыми утомительными, и я рѣшительно объявилъ, что не пріѣхалъ пріобрѣсти дружбу шаха къ моему государю пожертвованіемъ областей, которыхъ жители прибѣгли подъ покровительство Россіи, что есть много другихъ выгодъ, которыя Персія можетъ извлечь изъ благорасположенія россійскаго императора, что можно почесть убѣдительнымъ доказательствомъ великодушія его и залогомъ пріязни, что, не взирая на непрочность границъ Россіи съ Персіей, не намѣренъ онъ улучшить ихъ на счетъ своихъ сосѣдей, и что всѣ имѣя средства исполнить то, что̀ пожелать можетъ *, не хочетъ онъ поступать вопреки выгодъ державы, которой уважаетъ онъ доброе согласіе и дружбу; я приглашалъ взглянуть на карту и убѣдиться, что безъ нарушенія существенныхъ выгодъ Россіи и не давая повода къ неизбѣжнымъ раздорамъ въ послѣдствіи, не возможно уступить шаху земли. Переговоръ сего дня продолжался съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ возможной умѣренности и хладнокровія, мы разстались, и вслѣдъ за нимъ отослалъ я не распечатанную грамоту шаха. Послѣ сего видѣлись мы не менѣе 10 или 12 разъ, и все повторяемы имъ были тѣ же вопросы и настоянія, какъ будто не довольно ясны, или не довольно вразумительны были мои возраженія и отказы. Съ такою наглостію выхвалялъ онъ мнѣ свое правительство, и ** что не только требуемыхъ ими земель жители, но и самая Грузія конечно пожелаетъ быть уступленною Персіи. Съ какимъ *** безстыдствомъ исчислялъ свои силы и сколько участь ихъ военныхъ людей завиднѣе нашей.

. . . .

* (Вм. „что всѣ имѣя“ и проч.) не взирая на свои большія средства не хочетъ...

** Увѣряя, (вм. и).

*** Съ такимъ-то.

сосѣди, изъ коихъ нѣкоторые теперь уже безпокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоровъ. Въ сей день мы оба не сохранили прежняго нашего хладнокровія, хотя изрѣдка дѣлали другъ другу величайшія привѣтствія; но кажется, что мои доказательства были убѣдительнѣе; ибо у него вырвалось слово: неужели и Талышинское ханство отдать невозможно, когда главнѣйшая и лучшая онаго часть уже во владѣніи Персіи, и когда остальная столь ничтожна. Я отвѣчалъ, что онъ очень хорошо знаетъ Талышинское ханство (и что оно очень таково *); но потому его отдать невозможно, что оно есть звено, связывающее наши границы, и что оно въ рукахъ Персіянъ будетъ вѣчнымъ яблокомъ раздора съ Россіей. Вы можете судить о невозможности удовлетворить желанію шаха возвращеніемъ земель; ибо и самого Талышинскаго ханства предложить я не намѣренъ, сколько впрочемъ сама по себѣ потеря сія ни маловажна для Россіи.

. . . .

20. До прибытія шаха любопытенъ я былъ видѣть внутренность дворца, и нашелъ его столько малообширнымъ, что на каждую изъ женъ недостаетъ даже по одной комнатѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ сгоняли по нѣскольку въ одну комнату. Меня поразила повсюду отвратительная неопрятность. Рѣдкія изъ комнатъ были окончены, по большей части встрѣчаются деревянныя грубыя рѣшетки, совершенно подобныя тѣмъ, что дѣлаютъ надъ яслями для закладыванія сѣна. Есть между прочими строеніями одна осьмиугольная башня, гдѣ жены живутъ нѣсколько пристойнѣйшимъ образомъ. Но въ ней помѣщается ихъ только четыре съ таковымъ же числомъ прислужницъ. Въ другой башнѣ находится уединенный кабинетъ шаха, посвященный сладострастію, господствующей его наклонности. Здѣсь проводитъ онъ большую часть времени, забывая, что онъ уничтожаетъ себя какъ государь, какъ человѣкъ. Нѣсколько сотъ женъ, изъ коихъ каждая не можетъ быть часто удостоиваема свиданія съ шахомъ, въ ожиданіи онаго, какъ единственнаго счастія, изощряетъ себя на всѣ роды обольщенія, расточаетъ отраву лести, и царь женоподобный въ семъ жилищѣ срама и безчестія мечтаетъ быть превыше всѣхъ во вселенной.

* Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

. . . .

Прежде нежели имѣть у шаха аудіенцію, я посѣтилъ верховнаго визиря, такъ называемаго Садръ-Азама. Останавливаюсь, чтобы сдѣлать краткое описаніе сего вельможи. Ему 80 лѣтъ; болѣе 40 отправляетъ онъ сію должность, служивши при трехъ государяхъ.

. . . .

Шахъ еще при жизни Садръ-Азама захватилъ часть его имѣнія и объявленъ полнымъ наслѣдникомъ по смерти. Онъ назначилъ дочь его въ жены одному изъ своихъ сыновей. Ей теперь не болѣе 10 лѣтъ, но уже другой годъ, какъ лишилась своего жениха. Шахъ однакоже, не теряя времени, замѣнилъ его другимъ, и сей несчастной нѣтъ спасенія; ибо у шаха 70 сыновей и въ такомъ количествѣ выборъ не затруднителенъ. Хитрый сей вельможа сдѣлалъ мнѣ привѣтливый пріемъ, осыпалъ обыкновенными вѣжливостями. Изъ учтивости долженъ я былъ платить тѣмъ же, и чтобы расположить его болѣе къ себѣ, я сталъ показывать удивленіе къ высокимъ его качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лесть за настоящую правду, и я снискалъ довѣріе къ моему простосердечію; свелъ съ нимъ знакомство, просилъ его наставленія, какъ умнаго, опытнаго и мудраго человѣка, и увѣрялъ, что руководимый имъ, я не могу не сдѣлать полезнаго. Въ знакъ большей къ нему приверженности я далъ ему названіе отца, и какъ покорный сынъ, обѣщалъ ему откровенно говорить обо всемъ. Когда мнѣ не выгодно было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему, какъ отцу; а когда надобно было возражать ему, или даже постращать, то, храня почтеніе какъ сынъ, я облекался во образъ посла. Сею эгидою покрывалъ я себя въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующій. Я однакоже частымъ употребленіемъ сего средства не хотѣлъ истощевать его дѣйствія. Великій визирь сдѣлалъ мнѣ также посѣщеніе.

31-го іюля. Шахъ далъ мнѣ пріемную аудіенцію. Для сего назначена была близь дворца поставленная палатка. Церемоніалъ сдѣланъ былъ для меня отличный, противъ всѣхъ бывшихъ прежде иностранныхъ пословъ. На всѣхъ пословъ ...чались красные чулки и вводили ихъ безъ туфель, а просто въ сапогахъ и принято было за особое

угожденіе съ моей стороны, что одинъ изъ лакеевъ моихъ, за 100 шаговъ не доходя палатки, стеръ пыль съ моихъ сапогъ. Прочимъ посламъ поставляли кресла на каменномъ помостѣ подъ наружнымъ наметомъ палатки; мнѣ же противъ трона и на томъ же коврѣ, на которомъ стоялъ тронъ; около меня стояли два совѣтника посольства. Смѣшны мнѣ были сіи мелочи, но въ званіи моемъ не могъ я не наблюдать ихъ и не желать отличнаго отъ предмѣстниковъ пріема. Въ назначенный часъ для аудіенціи присланъ былъ пригласить меня на оную второй генералъ-адъютантъ шаха. Отъ ставки моей и до дворца, по обѣимъ сторонамъ дороги, поставлена была регулярная пѣхота....

. . . .

Гордость персидская изобрѣла обыкновеніе, что входящій въ комнату не прежде на себя обращаетъ вниманіе хозяина и тѣхъ, кои вмѣстѣ съ нимъ, какъ пройдя половину комнаты, и тогда только присутствующіе встаютъ съ мѣста. Такимъ образомъ принялъ меня Садръ-Азамъ. Точно также принялъ и я его. Здѣсь, въ палаткѣ тѣлохранителей, я ожидалъ испытать ту же встрѣчу, и потому, войдя въ оную, я ни малѣйшаго не обратилъ вниманія на тѣхъ, кои тамъ въ ожиданіи меня находились, и которые точно сидѣли, со стульевъ не вставая. Я избралъ ближайшій стулъ, на другомъ преспокойнымъ образомъ расположилъ свою шляпу и перчатки и началъ заниматься размѣщеніемъ моихъ чиновниковъ. Генералъ-адъютантъ * шаха подбѣжалъ ко мнѣ и началъ упрашивать, чтобы сѣлъ я на первое мѣсто въ палаткѣ. Я не всталъ со стула, нѣсколько минутъ заставилъ его постоять предъ собою, наконецъ согласился сѣсть на предлагаемое мѣсто. Подали кофе, чай и кальяны, и вскорѣ потребовали меня къ шаху....

Шахъ привѣтствовалъ всѣхъ самымъ благосклоннымъ и пріятнымъ образомъ, но въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, не умѣлъ скрыть чрезвычайной гордости, которая не показалась добрымъ предвѣщаніемъ для дѣлъ моихъ, въ чемъ я весьма обманулся. Аудіенція продолжалась не болѣе часа, и я отправился домой....

Августа 8-го числа ** призванъ я былъ къ нему во дво-

---

* Зять.

** 3 го числа.

рецъ; а прочіе офицеры, которыхъ не могъ я всѣхъ представить въ первый разъ, ожидали въ палаткѣ, гдѣ разставлены были подарки. Шахъ, не долго удержавъ меня у себя, попросилъ меня показать ему подарки, и сказалъ, что совершивъ обыкновенную свою молитву, онъ не замедлитъ явиться и долго ждать меня не заставитъ. Менѣе нежели чрезъ часъ онъ пришелъ, восхищенъ былъ подарками, удивляясь многимъ вещамъ, а паче зеркаламъ изумительнымъ по величинѣ, и говорилъ, что легче имѣть милліоны и что онъ имъ предпочелъ бы сіи подарки; былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ весьма пріятнымъ образомъ, и взявши рюмку, сказалъ, что кристаллъ такъ превосходно выработанъ, что можетъ дать охоту употреблять вино. Словомъ, не упускалъ ни одного пристойнаго случая сказать насчетъ вниманія государя императора самыя лестныя привѣтствія. По выходѣ изъ палатки, спустя нѣкоторое время, просилъ, чтобы я представилъ офицеровъ, и не соблюдая никакой пышной наружности, обошелся съ ними самымъ простымъ образомъ. Симъ кончилась вторая аудіенція, и шахъ говорилъ послѣ всѣмъ, что онъ чрезвычайно доволенъ мною и что предъ государемъ не можно быть болѣе почтительнымъ какъ я.

Отдавъ подарки шаху первому, отослалъ я также присланные отъ императора нѣкоторымъ изъ сыновей его и другимъ вельможамъ. Потомъ, боясь терять напрасно время, объяснился я съ Садръ-Азамомъ словесно, что нужно приступить къ дѣлу, и условился, чтобы сообщать одинъ другому на бумагѣ, ибо много разъ испытано предмѣстниками моими, что Персіяне не считаютъ за стыдъ или безчестіе утверждать противное тому, въ чемъ уже совершенно согласились или божиться, что не сказали того, о чемъ даже публично говорили. Не хотѣлось мнѣ первому начать бумагою, но примѣтивъ, что они съ намѣреніемъ медлятъ, того выжидая, я, взявъ за предлогъ разговоръ съ Садръ-Азамомъ, вызвался первоначально самъ *, совершенно пустою бумагою, дабы завязать переписку. Всѣ нужныя по дѣламъ бумаги писаны собственною моею рукою и сію предосторожность взялъ я потому, что обстоятельства были немного затруднительны; то, чтобы отвѣтственность на

* И началъ...

одномъ мнѣ возлежала, и чтобы несправедливо не были сдѣланы упреки другому въ неосмотрительности, непредвидѣніи и даже самомъ незнаніи.

Будучи самъ * военнымъ человѣкомъ, никогда не имѣлъ я въ предметѣ подобныхъ порученій, и потому никогда не пріуготовлялъ себя къ таковымъ должностямъ, слѣдовательно и погрѣшности въ нихъ не могутъ для меня быть постыдными, ибо происходятъ отъ новости предмета, отнюдь не отъ недостатка усердія или нехотѣнія добра; (симъ новымъ занятіемъ, по счастію моему временнымъ, знаю я, что не сдѣлаю себѣ имени; и потому не входитъ въ разчетъ мой скрывать мои ошибки) **. Я говорю о нихъ и охотно надъ собою смѣяться буду ***.

Главнѣйшій предметъ дѣлъ моихъ былъ тотъ, чтобъ удержать за нами области, которыхъ возвращенія столько усильно домогалась Персія; отказъ самъ по себѣ есть уже непріятенъ, а намъ еще надобно было не только сохранить, но утвердить связь дружества. И такъ избралъ я пути лести и похвалы шаху и на словахъ и на письмѣ, и сей способъ, впрочемъ, въ отношеніи къ царямъ весьма обыкновенный, вреда никакого не дѣлающій, принесъ не малую мнѣ пользу.

Начались наконецъ переговоры о дѣлахъ, и Садръ-Азамъ обѣщалъ мнѣ нѣсколько конференцій; первая, которую я имѣлъ и гдѣ предложилъ я объясниться **** рѣшительно, заставила его потерять охоту къ прочимъ, и окончилась † одной. . . . . . .

Я въ послѣдній разъ сказалъ имъ, что я, какъ главнокомандующій въ Грузіи, сдѣлалъ обозрѣніе границъ, и донесъ императору, что ни малѣйшей уступки сдѣлать невозможно, что государь, давъ мнѣ власть говорить его именемъ, непремѣнно то же скажетъ въ подтвержденіе; а чтобы болѣе увѣрились они, что я не премѣню мнѣнія моего, то сказалъ я имъ, что если во снѣ увижу, что имъ отдаютъ

---

* Всегда.

** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

*** (Вм. я говорю.... и пр.): я отдаюсь на судъ всякаго, болѣе меня знакомаго съ этимъ дѣломъ и откровенно сознаюсь во всѣхъ ошибкахъ, на которыя даже прошу указать.

**** Я объяснился рѣшительно....

† Окончилось все дѣло одной.

земли, то конечно не проснусь во вѣки. Я примѣтилъ, что объясненіе было нѣсколько вразумительно *, ибо послѣ сего слабо были повторяемы требованія. На сей конференціи не знаю какимъ образомъ наклонился ** разговоръ насчетъ каймакана Мирзы-Бузіорка, втораго министра въ государствѣ, которому шахъ ввѣрилъ управленіе Адербиджаномъ и прочими смежными съ нами провинціями, кои поручены *** Аббасъ-Мирзѣ, любимому сыну, наименованному наслѣдникомъ престола. Сей министръ, явно намъ недоброжелательствующій, худо расположилъ меня къ себѣ въ проѣздъ мой чрезъ Тавризъ ****, и я имѣлъ къ нему не меньшую ненависть. Я объявилъ Садръ-Азаму и Мирзѣ-Абдулъ-Вахабу, что злоба каймакана противъ Русскихъ можетъ имѣть печальныя слѣдствія для Персіи, что сей подлый мошенникъ † будетъ причиною разрыва дружбы и многихъ слезъ вашихъ;—но будетъ жалѣть, и поздно, что онъ не только не способствуетъ утвержденію добраго согласія, напротивъ, вымышляя самыя гнуснѣйшія нелѣпости, возбуждаетъ противъ насъ народы пограничныхъ Персіи областей.

Оба министра на сей панегирикъ не осмѣливались возражать ни слова; ибо я бралъ на себя доказать подлые его поступки; невозможно имъ было защищать его, ибо каждый изъ нихъ, если не въ семъ случаѣ, то всеконечно въ другихъ дѣлахъ (?) и зналъ, что подобныя мерзости и ругательства противъ каймакана были общій всѣмъ приговоръ †*. Вотъ новый способъ трактовать о дѣлахъ государственныхъ и тотъ, который помогъ мнѣ удалить сего подлаго мошенника отъ участія въ конференціяхъ.

16-го августа получилъ я отъ мирзы-Шефи бумагу, которою объявлено было, что шахъ пріязнь государя императора предпочитаетъ пользѣ, которую могъ бы получить отъ пріобрѣтенія земель.

. . . .

---

* Сіе объясненіе имѣло полный успѣхъ...

** На сей конференціи навелъ я разговоръ...

*** ...Провинціями подъ начальствомъ Аббаса-Мирзы...

**** Тифлисъ.

† Плутъ.

†* Ибо каждый изъ нихъ сознавался въ справедливости моихъ обвиненій; [illegible] образомъ мнѣ удалось удалить величайшаго плута...

2 го августа, шахъ, поѣхавши одинъ разъ на охоту, приказалъ въ отсутствіе свое показать мнѣ свои сокровища. Я былъ приглашенъ и со мною всѣ офицеры. Мы видѣли алмазъ такой величины, которому, можетъ-быть, нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ; видѣли нѣсколько другихъ, каковыхъ мало кто имѣетъ изъ царей. Цвѣтныхъ каменьевъ множество и чрезвычайной величины. Чиновникъ, показывающій ихъ, увѣрялъ, что бо́льшая часть сихъ сокровищъ обыкновенно остается въ Тегеранѣ, но что шахъ беретъ съ собою весьма немногіе. Нельзя усомниться, чтобы не было ихъ болѣе того что̀ намъ показывали; извѣстно однакоже, что онъ имѣетъ съ собою драгоцѣннѣйшія, не ввѣряя ихъ никому другому, кромѣ одного евнуха который всегда съ нимъ неразлученъ и который въ дорогѣ имѣетъ ихъ на себѣ. Въ Персіи не одинъ былъ примѣръ, что кто обладаетъ сокровищами, въ рукахъ того можетъ быть престолъ персидскій, и потому нынѣ царствующій шахъ, услышавши о смерти своего дяди Али*-Магмедъ-Хана, весьма хорошо зналъ, что надобно поспѣшнѣе захватить сокровища, бывшія въ Тегеранѣ. Хранившій сокровища былъ человѣкъ ему преданный, шахъ имѣлъ хорошихъ лошадей, и потому прибылъ въ пять дней изъ Шираза въ Тегеранъ. Здѣсь не всегда нужны права, болѣе основательныя. Въ государствѣ, какое есть Персія, гдѣ столько людей беззаконными путями всходили на тронъ, гдѣ столько соблазнительныхъ примѣровъ для предпріимчиваго человѣка, жаждущаго владычествованія, гдѣ нѣтъ законовъ, правилъ чести, гдѣ и самая вѣра не сильнымъ служитъ обуздателемъ и часто искусными толкователями получаетъ направленіе льстящее страстямъ, тамъ нѣтъ безпечія для царствующаго и до слѣдующаго дня не простираются надежды **.

. . . .

На другой день я былъ приглашенъ къ шаху, и онъ мнѣ упомянулъ о томъ разговорѣ. Никто не могъ ожидать, чтобы шахъ, въ видѣ шутки, сталъ бы мнѣ выговаривать самымъ любезнымъ образомъ о томъ, что обманулся онъ въ своихъ ожиданіяхъ и что не исполнились надежды, кото-

---

* Аги...

** Тамъ нѣтъ обезпеченнаго престола для кого бы то ни было, но онъ принадлежитъ лишь самому смѣлому, ловкому и предпріимчивому искателю.

рыя питалъ онъ въ продолженіе столькаго времени. Обратять къ зятю своему, онъ сказалъ: „Взгляни на посла: какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я, съ моей стороны, готовъ сдѣлать все угодное его государю. Онъ не говоритъ ни слова, и не имѣетъ что̀ сказать противъ этого. Но я въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно.“ Многое другое говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, и спросилъ меня, перескажу ли я государю; я отвѣчалъ, что обо всемъ донесу непремѣнно, и прибавлю къ тому, что его величество шахъ говорилъ мнѣ о томъ самымъ благосклоннымъ образомъ, что въ глазахъ его не было не только ни малѣйшаго негодованія, но напротивъ прочелъ я въ нихъ намѣреніе шаха всегда быть истиннымъ другомъ Русскихъ. Онъ восхищенъ былъ отвѣтомъ *.

Вскорѣ послѣ сего имѣлъ я отпускную аудіенцію со всѣми вмѣстѣ офицерами. Церемоніалъ оной былъ тотъ же какъ и первой аудіенціи. Шахъ былъ чрезвычайно ко всѣмъ благосклоненъ, и непремѣнно каждому сказалъ самыя пріятнѣйшія привѣтствія, такъ что всѣ остались весьма чувствительными къ его лестному вниманію. Мнѣ собственноручно отдалъ отвѣтъ на письмо императора, сказавъ, что онъ столько ко мнѣ расположенъ, что языкъ его не хочетъ произнести, что онъ со мной прощается. (Я по истинѣ разстался съ нимъ съ сожалѣніемъ.) За день до прощанія мнѣ и всѣмъ чиновникамъ посольства присланы были ордена Льва и Солнца и подарки, и я представился шаху въ его орденѣ, что̀ принято имъ было съ особеннымъ удовольствіемъ.

Не задолго передъ симъ, по просьбѣ Мирзы-Шефи и мирзы Абдулъ-Вахаба, согласился я прекратить неудовольствіе мое на каймакама. Мирза-Шефи пригласилъ меня къ себѣ, и тамъ нашелъ я каймакама, уже преду-

* При этомъ коснулся шахъ своей власти, которую почиталъ несравненно выше власти всѣхъ европейскихъ государей, уподобляя себя тѣни Божіей на землѣ. Я отвѣчалъ ему, что весьма пріятна тѣнь, падающая отъ человѣка, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ народонаселенія, исчисляющаго свои дни его благотвореніями, но при этомъ осмѣлился сдѣлать вопросъ: производила ли то же самое дѣйствіе тѣнь дядюшки его, Аги-Магмедъ-Хана? Шахъ былъ столь милостивъ ко мнѣ, что принялъ вопросъ мой безъ неудовольствія и даже усмѣхнулся.

прежденнаго, что я готовъ все забыть и быть пріятелемъ. Мы согласились безъ объясненія, и уверили одинъ другаго въ дружбѣ, которой между нами никогда быть не можетъ. Съ обѣихъ сторонъ были одинаковы чувствія и степень довѣрія къ обѣщаніямъ, но всему даны были самыя благовидныя наружности. Шахъ весьма былъ тѣмъ доволенъ, ибо онъ досадовалъ, что каймакамъ могъ дать мнѣ причину къ неудовольствію, и жалѣлъ, что я трактовалъ его какъ каналью. Каймакамъ тотчасъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, и я у него былъ также, и видѣлись всякій день какъ пріятели.

. . . .

Когда я приглашался обѣдать, всегда выпрашиваемы были мои приборы и стаканы *; и тогда какъ Персіяне всегда ѣдатъ на коврахъ, по землѣ постланныхъ, ** для насъ дѣлались широкіе столы, на коихъ ставилось безчисленное множество блюдъ, ибо для каждаго особенное есть кушанье и никогда одно изъ нихъ не служитъ для двоихъ человѣкъ. Посреди стола оставляется прохожая дорога, на которой является прислуга, предупреждающая желанія ваши: понравилось ли вамъ кушанье? тутъ готова уже услужливая рука, и отрывая часть мяса, кладетъ предъ вами на тарелку. Хотите ли вы жирнаго пилава, котораго бѣлизна, подобная снѣгу, восхищаетъ вкусъ вашъ? уже касается его рука, и цвѣтъ кирпичный, которымъ она выкрашена, и красные ногти, рѣдко обрѣзываемые, сочетаваются съ бѣлизною пшена, и услуживающій вамъ гордится мыслію что удвояетъ насажденіе ваше. Вдругъ вы видите ту же самую руку, богатую *** остатками пилава, вырывающую внутренность арбуза къ вашимъ услугамъ. По счастію нашему руки сіи не всегда мѣшаются въ распоряженіе жидкостей, ибо изобрѣтательный умъ Персіянъ создалъ для того деревянныя ложки. Я забылъ сказать, какъ прислуга

* Безъ затрудненія дозволяли употреблять намъ вино, и нерѣдко даже доставляли вино весьма хорошее, испаганское и ширазское.

** (Вм. ниже слѣд. словъ до точки:) Для насъ нарочно поставлены были столы и стулья. Блюдъ пріуготовляется безчисленное множество, каждому подаются въ особенной посудѣ и на особенномъ деревянномъ раскрашенномъ подносѣ, на которомъ помѣщается не менѣе пятнадцати блюдъ. Посреди стола.... и пр.

*** Еще покрытую (вм. богатую).

является посреди стола *. Она входитъ послѣ того, какъ уже каждый занялъ за столомъ свое мѣсто, и плечо ваше служитъ ей подпорой. Если не уклонили вы головы, черезъ нее переступаютъ безъ затрудненія, и длинныя полы безобразной персидской одежды скрываютъ васъ отъ глазъ товарищей. Едва проглянули вы, какъ уже другой подобный покровъ васъ затмѣваетъ. За такимъ столомъ можно обѣдать, что никто подозрѣвать не будетъ, что вы приглашены были **. Не знаю я, принадлежитъ ли сіе къ роскоши восточной, о которой столько слышимъ мы баснословныхъ разказовъ.

Не вспомнилъ у мѣста сказать объ одномъ странномъ случившемся со мною происшествіи. Званъ будучи на обѣдъ *** къ министру Низаму-Докла ****, былъ я принятъ съ чрезвычайною вѣжливостію, отличающею сего вельможу во всѣхъ его поступкахъ †. Онъ взялъ меня по-пріятельски за руку, чтобы провести въ другую палату, гдѣ пріуготовленъ былъ обѣдъ, и сталъ престраннымъ образомъ перебирать пальцы на лѣвой рукѣ моей. Я позволилъ ему сію забаву, думая, что въ восточныхъ обычаяхъ значитъ то изъявленіе пріязни; но вдругъ почувствовалъ я на одномъ пальцѣ ужасной величины перстень. Я оторвалъ руку, и объяснилъ ему, что подобныхъ подарковъ и такимъ образомъ предложенныхъ, я не принимаю, и что завтра ему могу удобнѣе сказать тому причину. Хозяинъ принялъ сіе за величайшую обиду и конечно, еслибы могъ онъ за обѣдомъ сидѣть со мною рядомъ, то онъ пустился бы на другое какое предпріятіе. Но меня спасъ высокій мой чинъ, ибо по приличію долженъ онъ былъ мѣсто возлѣ меня предложить людямъ знатнѣйшимъ. Въ продолженіе однакоже обѣда, онъ не переставалъ пересылаться чрезъ переводчика, что если я не могу имѣть перстня, то онъ предложитъ мнѣ неоправленный камень, и я разстался

---

* На самомъ столѣ.

** Обѣдать, не обнаруживая своего существованія.

*** Ужинъ.

**** Низамутъ-Девле...

Угащиваемы были совсѣмъ другимъ образомъ. Прислуга не ходила
ı не попирала бесѣдующихъ. То же число блюдъ, но всѣхъ ихъ
ıшуждали. Хозяинъ, извѣстный въ Персіи богатствомъ,
ою серебряную и золотую посуду.

съ нимъ, никакъ не будучи въ состояніи истолковать, что можно отказаться отъ пріобрѣтенія драгоцѣннаго подарка. На другой день показывалъ онъ переводчику моему необыкновенной величины синій яхонтъ, съ которымъ онъ намѣренъ * сдѣлать на меня наступленіе, но я избавился, угрожая прерваніемъ дружбы. Точно такимъ образомъ верховный визирь ** Мирза-Шефи одному изъ англійскихъ посдовъ подарилъ перстень, и Англичанинъ не устыдилъ *** его отказомъ. Конечно, обстоятельно разсмотрѣвши достоинство камня, пріятно мнѣ по крайней мѣрѣ думать, что Персіяне поступокъ мой не приняли въ видѣ корыстолюбія, чего объ англійскомъ послѣ они не говорили, ибо безстыдно **** разказывали, что онъ весьма богатую сумму вывезъ съ собою подарковъ. Верховный визирь † Мирза-Шефи на другой день также прислалъ мнѣ въ подарокъ жемчуги, но я равномѣрно и отъ нихъ отказался. Сей вельможа не вынуждалъ на принятіе ихъ моего согласія, напротивъ воспользовался именемъ моимъ, чтобы достать отъ другихъ дорогихъ лошадей, извѣстныхъ красотою въ Персіи, будто мнѣ въ подарокъ. А вмѣсто ихъ прислалъ мнѣ не тѣхъ †* лошадей, а ихъ удержалъ у себя. Онъ кажется отмщевалъ за похищеніе у него шахомъ подарковъ, отъ государя императора ему присланныхъ, которые у него взялъ онъ, даже не выждавши выѣзда моего изъ Султаніи. Такими способами собираются въ Персіи сокровища государственныя. За нихъ въ замѣну обыкновенно ничего не предлагается, кромѣ всемилостивѣйшаго подтвержденія о скромности, чтобъ о томъ ни слова произносимо не было никогда. Шахъ, отечески (снисходя) нерѣдко испытуетъ въ сей добродѣтели. Вельможи въ свою очередь низкаго состоянія людей пріучаютъ къ презрѣнію богатствъ, и такъ до самаго простаго народа, которому, если и остается кусокъ желѣза, и тотъ безжалостная судьба изковываетъ въ цѣпи рабства, и рѣдко въ острый мечъ на отмщеніе угнетенія.

* Вновь дѣлалъ...

** Садр-Азамъ Мирза Шефи.

*** Не оскорбилъ...

**** И м.б. даже лживо.

† Садр-Азамъ.

†* Весьма обыкновенныхъ (вм. не тѣхъ,...)

. . . .

30 августа праздновали мы въ городѣ Зенганѣ день именинъ государя. Здѣсь все казалось намъ въ новомъ видѣ,— два мѣсяца жаркаго и непріятнаго времени проведя въ палаткахъ. Здѣсь отвели намъ весьма хорошій домъ. Отсутствіе управляющаго * шахъ-Зады, и съ нимъ всѣхъ властей дало свободу жителямъ, и въ первый азъ видѣли мы множество женщинъ, которыя смѣли не закрываться. Я вступилъ въ управленіе полиціей и запретилъ сгонять ихъ съ крышекъ, что здѣсь обыкновенно дѣлается весьма простымъ и легкимъ образомъ, т. е. камень въ голову или въ лицо. Я думаю, что я былъ первый столько явный защитникъ прекраснаго пола въ землѣ мусульманской. Удѣлъ женщинъ есть сердце чувствительное, и я видѣлъ сожалѣніе ихъ, что не могутъ доказать своей благодарности. Сему препятствовали, сколько примѣтить можно было, ** и какъ кажется отъ нѣкоторой благоразумной осторожности, дабы незнаніе языка не заставило изобрѣсти другое средство къ объясненію. (Но что можетъ удержать стремленіе сердца и добродѣтели, каковою безъ сомнѣнія должна быть почтена благодарность, и я бы могъ сказать одинъ примѣръ.... Но я говорю о Зенганѣ ***). Музыка наша привлекала тьму слушателей, которые находили ее весьма пріятною. Слухъ ихъ никогда не поражали звуки стройные, и нѣжная музыка въ Персіи такова, что наша волынка (и рылѣ) могли бы занимать важное между инструментами мѣсто. Предпочтеніе **** дается трубѣ и бубнамъ. Мнѣ не случилось слушать ни одного даже голоса, хотя нѣсколько сноснаго: щегольство въ пѣніи и высокое искусство состоитъ въ ужасномъ во все горло крикѣ, самыми дикими оборотами голоса. Такова музыка самого шаха, которой всѣ удивляются, и меня спрашивали, есть ли у насъ такое искусство и столько чувствами обладающая музыка. † Для Персіянъ крикъ ословъ ничего не имѣетъ противнаго; жаль,

---

* ...Городомъ (вм. шахъ-Зады)...

** Мущины...

*** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ др. руки.

**** Однако предпочтеніе...

† (Вм. нижеслѣд. до слова: о мелодіи) Лица способныя восхищаться и персидской должны находить мелодію и въ крикѣ ословъ.

что не понявъ языка словъ, можно бы навѣдаться и о мелодіи.

Сент. 3. Растахъ. Англичане, бывшіе въ Султаніи, пріѣхали, дабы предупредить насъ въ Тавризъ; они представили письмо мнѣ отъ Садръ-Азама, исполненное отчаянія послѣ разлуки со мною, въ которомъ увѣряетъ, что онъ чувствуетъ приближеніе свое ко гробу съ тѣхъ поръ, какъ лишился надежды увидѣться со мною. Я долженъ былъ отвѣчать такими же нелѣпостями и чувствовалъ, что мы не такъ легко сіе дѣлать умѣемъ. Между Европейцами иногда и нерѣдко непонятное относится къ выспреннему (sublime), и нѣсколько у мѣста точекъ...., какъ будто вмѣщающихъ сокровенный смыслъ, выводятъ изъ затрудненія. Но съ Персіянами того дѣлать невозможно, они сихъ тонкостей не понимаютъ и требуютъ, чтобы все непремѣнно дописано было *. Итакъ должно было отвѣчать въ восточномъ вкусѣ, что „со дня разлуки солнце печально освѣщаетъ природу, увяли розы и припахиваютъ полынью, (что) померкъ свѣтъ въ глазахъ моихъ", и (что) какъ я обратился спиною къ тѣмъ мѣстамъ, которыя украшаетъ онъ присутствіемъ своимъ, то „глаза мои, единымъ зрѣніемъ оныхъ насыщаясь, желаютъ переселиться въ затылокъ". Я не оспаривалъ въ немъ чувства приближенія къ гробу, ибо казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ хвалить цвѣтущую молодость въ человѣкѣ около 90 лѣтъ. Не правда ли, что по обыкновенію нашему можно было нѣкоторую часть письма замѣнить точками, и въ томъ не много было бы потери. Персіяне долго еще лишены будутъ сихъ выгодъ.

9. Городъ Тавризъ... Лишь только пріѣхалъ я въ домъ каймакана, отведенный мнѣ, первое, что услышалъ, былъ наглый поступокъ одного, служащаго въ войскѣ Аббасъ-Мирзы, французскаго офицера г. Мерше, называющагося полковникомъ наполеоновой гвардіи и кавалеромъ почетнаго легіона. Онъ музыкантамъ свиты моей не только не позволилъ занять назначенную имъ на одномъ дворѣ съ нимъ квартиру, но выгналъ ихъ вонъ и осмѣлился дать

* Сажусь писать и создаю слѣдующій образецъ въ восточномъ видѣ: „со дня....

одному два удара саблею. Я послалъ сказать Аббасъ-Мирзѣ, что я прошу удовлетворенія, и что я не могу снести подобной наглости. Онъ тотчасъ прислалъ чиновника увѣрить меня, что онъ наказанъ будетъ, но когда я потребовалъ, чтобы со стороны моей былъ тому свидѣтель, то примѣтилъ, что намѣрены были меня обмануть. Я послалъ тотчасъ своего адъютанта * и шесть человѣкъ гренадеръ взять Француза подъ караулъ; а какъ его не застали дома, то велѣлъ его дождаться (и тѣмъ изъ музыкантовъ, которыхъ онъ дерзнулъ обидѣть, наказать его плетьми) **. Г. Мерше пришелъ въ квартиру, и когда спросили его, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой поступокъ, онъ хотѣлъ продолжать дерзости, но *** его сбили съ ногъ ловкимъ ударомъ въ щеку, и разложа высѣкли плетьми. А саблю взявъ, отослалъ я къ наслѣднику, и объяснилъ притомъ, что мнѣ пріятно надѣяться, что подобный подлецъ въ службѣ его терпимъ не будетъ. Отвѣтъ данъ мнѣ былъ, что онъ выгнанъ будетъ изъ города, саблю однакоже не приняли ****, ибо, предупрежденъ будучи, Аббасъ-Мирза спасся въ своемъ гаремѣ, чтобы не допустить моего посланнаго.

На другой день дана была мнѣ аудіенція, (и я увидѣлъ дѣйствіе шахскаго фирмана, ибо не смѣли никакихъ предложить условій о церемоніалѣ), я и чиновники посольства введены были въ комнату, поставлены мнѣ были кресла; для поднесенія подарковъ государя императора имѣлъ я другое свиданіе, и привѣтствіе и вѣжливости взаимно расточаемы были безъ пощады. Вскорѣ послѣ сего приглашенъ я къ Аббасъ-Мирзѣ.

Послѣ обѣда разговоръ былъ продолжительный о разныхъ предметахъ, и коснулось до того, что какъ я требую возвращенія плѣнныхъ и бѣглыхъ, то не долженъ досадовать, если многіе изъ нихъ не объявятъ согласія возвратиться, что ему, говорилъ онъ, гораздо прискорбнѣе должно быть, что цѣлыя области, Персіи принадлежащія, въ рукахъ нашихъ, и онъ на то не жалуется †. Я весьма учтиво

---

* Муравьева.

** Этого мѣста нѣтъ въ друг. спискѣ.

*** Но оскорбленный имъ музыкантъ... сбилъ.... и наказалъ розгами.

**** Долго не принимали...

† Покоряясь силѣ обстоятельствъ....

отвѣчалъ ему, что когда его величество, шахъ, разсудилъ за благо не требовать ихъ изъ уваженія къ доброй дружбѣ и благорасположенію государя императора, то уже не приличествуетъ намъ обоимъ никакое сужденіе о томъ; въ разсужденіи же принадлежности Персіи тѣхъ областей, я присоединилъ, что это легко тѣмъ доказывается *, что онѣ всегда признавали себя независимыми, и что не будучи покорены россійскимъ оружіемъ, добровольно прибѣгли подъ покровительство императора. Еслибы покровительствовали ** они Персіи, то могли ли они по произволу своему располагать собою. Если ваше высочество почитаете ихъ потому принадлежащими, что шахъ Надиръ вносилъ въ нихъ оружіе, то не всегда тѣ земли, которыя въ продолженіи войны временно занимаются войсками, навсегда остаются покоренными, и сему тотъ же шахъ Надиръ можетъ служить примѣромъ: ибо когда оставилъ онъ часть войскъ своихъ въ Дагестанѣ и съ главными силами удалился, то жители тѣхъ странъ, не желая покорствовать власти его, напали на оставленныя войска и ихъ истребили. Обратимся еще къ ближайшимъ временамъ, сказалъ я ему: Ага-Махмедъ-Ханъ, родственникъ *** вашъ, какимъ образомъ осаждалъ Шушу, собственную крѣпость? ибо вы считаете ханство Карабахское вамъ принадлежащимъ; (какой же подвластный ханъ защищался противъ своего государя?) Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣющіяся въ ханствахъ грамоты шаховъ и персидская монета могутъ служить доказательствомъ, что Персія простирала владычество свое на сіи земли. Я возразилъ, что грамоты не могутъ быть доказательствомъ, особливо въ то время данныя, когда боязнь и страхъ выпрашивали оныя у власти (насильственной и) беззаконной, что монету **** бьютъ и теперь такія земли, которыя Персіи не принадлежатъ. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, что онъ конечно лучше знаетъ исторію своей земли нежели я. Я отвѣчалъ, что не смѣю спорить въ томъ, что † я не хуже знаю исторію тѣхъ странъ,

---

* Опровергается...

** Еслибы зависѣли онѣ отъ Персіи....

*** Дядя...

**** Персидскую.

† ...Но что во всякомъ случаѣ я не хуже...

которыхъ Персія въ себѣ не заключала, какъ, напримѣръ, Адербиджанской области и самого Тавриза, въ которомъ вы теперь имѣете пребываніе; шахъ Аббасъ Великій взялъ его отъ Турокъ; присоединилъ и умѣлъ удержать во власти Персіи, но въ то же время трудно согласить меня, что Авганцы и Индія должны принадлежать Персіи потому, что шахъ Надиръ былъ тамъ съ войсками, точно какъ былъ онъ въ Карабахѣ и Дагестанѣ *. И того и другаго завоеванія, Персія по причинѣ внутреннихъ безпокойствъ сохранить была не въ состояніи, а потому народы, уразумѣвшіе возможность возвратить потерянную независимость, воспользовались обстоятельствами и возстали противъ насилій и угнетеній. Россія въ послѣдствіи приняла эти независимыя области подъ свое покровительство. Онѣ клялись въ вѣрности государю, который подданныхъ своихъ безъ защиты не оставляетъ. Аббасъ-Мирзѣ непріятенъ былъ сей разговоръ, и онъ старался доказать мнѣ, что я несправедливо о томъ разсуждаю, и возраженія свои началъ сопровождать нѣкоторою горячностью. Я замѣтилъ ему, что можно оставить этотъ разговоръ, но что я справедливую сторону привыкъ защищать смѣло, и что ежели здѣсь не въ обыкновеніи разсуждать свободно, то я еще не успѣлъ сдѣлать къ тому привычки. Онъ говорилъ мнѣ, что не полагаетъ, чтобъ обязанность посла состояла въ томъ, чтобъ упрекать его въ присвоеніи власти и оспоривать его коренныя права. Я отвѣчалъ, что должность моя и въ томъ заключаться не можетъ, чтобы то, что по всѣмъ правамъ принадлежитъ намъ, согласиться принять отъ нихъ въ видѣ снисхожденія.

. . . .

На другой день приставъ при посольствѣ ** предупредилъ меня, что Аббасъ-Мирза желаетъ меня звать обѣдать. Я зналъ этикетъ персидскій, что, какъ шахъ, и сыновья его никогда не обѣдаютъ, какъ одни, а всѣ прочіе угощаются особенно. Поблагодаривъ за приглашеніе, я объяснился, что мнѣ, какъ послу, неприлично быть призвану для накормленія, тогда какъ невозможно быть вмѣстѣ за столомъ съ Аббасъ-Мирзою. Меня хотѣли убѣдить,

* И Ширвани.

** (Мегмендарь).

что всѣ до меня то дѣлали, но я не соглашался. Аббасъ-Мирза, угождая мнѣ, избралъ новое средство. Въ обѣденное время позванъ я былъ въ загородный его домъ, съ моею свитой, гдѣ мы нашли его занимающагося устройствомъ сада. Погулявъ съ нами нѣкоторое время, онъ пригласилъ меня и обоихъ совѣтниковъ въ бесѣдку, будто имѣя нѣчто говорить со мною, а одному изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ поручилъ заниматься съ остальными лицами моей свиты. Разговоръ со мною начался извиненіями въ томъ, что говорилъ наканунѣ съ нѣкоторою горячностію и дѣлалъ, можетъ-быть, непріятныя мнѣ возраженія. Я отвѣчалъ ему, что самъ прошу извиненія, если неумѣстно былъ чистосердеченъ и не умѣлъ въ разсужденіяхъ своихъ забыть того, что я посолъ россійскаго императора. Онъ признался мнѣ, что его тронуло сдѣланное мною замѣчаніе, что и самый Тавризъ не есть древняя принадлежность Персіи, но полученное отъ Турокъ пріобрѣтеніе. Послѣ того онъ сказалъ: если посолъ сильнаго государя разсуждаетъ такимъ образомъ, то я и въ столицѣ своей не долженъ почитать себя въ безопасности. „Мнѣ легко отвѣчать на сіе вашему высочеству и совершенно оправдаться. Если можно винить государство въ сдѣланныхъ завоеваніяхъ, то ни одно не заслуживаетъ столько упрековъ за то, какъ Россія. Покореніе Персіей Адербиджанской области не иначе относиться можетъ какъ къ славѣ ея.“ Въ продолженіи разговора мы оба сидѣли въ креслахъ; послѣ сего предъ нимъ и предо мною поставили столы и закуски. Это былъ первый примѣръ, что сынъ шаха, а что еще болѣе, наслѣдникъ престола, обѣдалъ въ одной комнатѣ и въ одно время съ кѣмъ-либо, а паче съ иностранцемъ. Я принялъ сіе знакомъ особеннаго уваженія, но еще болѣе удивленъ былъ, когда, вставъ изъ-за стола, говорилъ онъ слишкомъ часъ безъ соблюденія всякихъ церемоній: въ знакъ, что между нами не должно быть никакого неудовольствія, онъ подалъ мнѣ руку и мы пріятельски пожали одинъ другому руку. Чиновники мои также были пріятельски угощиваемы особенно, въ саду. Сей родъ вѣжливости со стороны Аббасъ-Мирзы былъ свыше всякаго ожиданія.

. . . .

Аббасъ-Мирза постигаетъ необходимость въ ученыхъ

офицерахъ, и потому нѣсколько молодыхъ людей знатнѣйшаго рода обучаются въ Англіи на его иждивеніе. Чѣмъ оправдаются * многія изъ европейскихъ державъ, если со временемъ въ Персіи образованіе военныхъ людей будетъ тщательнѣйшее. Сосѣди не должны взирать съ равнодушіемъ на сіи предпріятія, извѣдавъ въ народѣ отличную способность къ подражанію. Знатные люди изъ опасенія, чтобы преимущества и награды, доселѣ переходившія отъ отца къ сыну, не сдѣлались наградой достойнѣйшаго, будутъ стараться затруднять, по возможности, успѣхи просвѣщенія. У всѣхъ знатныхъ сего міра обнаруживается та же боязнь. Еще не мало препятствовать будутъ обстоятельства, отдавшія образованіе Персіянъ въ руки Англичанъ, которыхъ сухой и холодный характеръ изъ пламеннаго свойства Персіянъ неудобенъ извлекать всѣхъ возможныхъ средствъ. Грубое обращеніе ихъ мертвитъ добрую волю Персіянъ; малое снисхожденіе къ недостаткамъ ихъ порождаетъ злобу. Еслибы Французы были въ Персіи столько времени, какъ Англичане, съ ихъ искусствомъ возжигать честолюбіе, давать наклонностямъ согласное съ намѣреніемъ направленіе, Персія недавно уже была бы на себя не похожа. (Какимъ быстрымъ ходомъ приблизили бы они военныя званія (?), простѣйшими правилами, изъ обширной опытности извлеченными. Персіянъ надобно увлекать обольщеніями, лаская страсти ихъ, льстя самолюбію, и тогда можно давать волю имъ **). Французы были короткое время въ Персіи и оставили о себѣ пріятнѣйшія воспоминанія. Англичане большими деньгами перекупили себѣ расположеніе персидскихъ министровъ и самого шаха, но въ памяти народа не изгладили Французовъ и въ мнѣніи о достоинствахъ далеко остались позади ихъ, и никогда не сравнятся.

. . . .

Дѣла, о которыхъ я долженъ былъ разсуждать съ каймакамомъ, шли своимъ порядкомъ. Мы условились о времени для начертанія границъ между обѣими державами, и все между нами происходило самымъ пріятельскимъ образомъ; но когда коснулись до возвращенія плѣнныхъ и тѣхъ

* Какое истолкованіе дадутъ (вм. чѣмъ оправдаются).
** Нѣтъ въ друг. сп.

изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ, которые сами того пожелаютъ, каймаканъ, слывущій праведникомъ, началъ употреблять всѣ мошенничества и уловки. (Я объяснилъ ему, что сколько ни почитается онъ за мудраго, но въ дѣлѣ столь ясномъ, одинъ онъ думаетъ, что можетъ обмануть *), прибѣгая къ божбѣ и клятвѣ алкораномъ. Разказывайте то ребятамъ, говорилъ я ему: неужели я не вижу, что столь же трудно вамъ произнести клятвы, сколько для меня понюхать табаку. Неужели возможнымъ почитаете скрыть злодѣйства и подлые поступки съ русскими плѣнными? Не удерживаете ли вы теперь насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Развѣ не заключаете вы ихъ въ темницу, боясь, чтобы не объявили они мнѣ о своемъ желаніи. Не дерзайте говорить болѣе, ибо сегодня одинъ изъ сихъ несчастныхъ, обманувъ стражу, бросился съ крыши къ стоящему у обоза русскому караулу. Онъ въ моихъ рукахъ, и я, снявъ съ него показаніе подъ присягою, опубликую безчестное и гнусное ваше поведеніе. Если въ первый разъ жизни вашей вы слышите человѣка, говорящаго вамъ и о васъ самихъ правду, и она вамъ непріятна, дерзните заставить меня молчать. Насъ здѣсь 200 человѣкъ. Вы въ столицѣ наслѣдника престола и среди войскъ вашихъ, прибавьте еще къ нимъ 100 баталіоновъ, и я не лучше буду уважать васъ. Предупредите вашего наслѣдника, что если во дворцѣ его я увижу въ числѣ его тѣлохранителей русскаго солдата, не взирая на его присутствіе, возьму за грудь его и вырву отъ васъ... Каймаканъ былъ въ величайшемъ смятеніи, тѣмъ болѣе, что нѣсколько свидѣтелей видѣли, какъ обращаются съ вельможею, котораго всѣ трепещутъ. Онъ упрекалъ мнѣ, что я поступаю насильственно и не хочу выслушать оправданія. Я рѣшился слушать но какъ онъ по обыкновенію своему началъ отъ сотворенія міра, то я посовѣтовалъ ему оставить пустые разказы и говорить дѣло, буде можетъ, или по крайней мѣрѣ отвѣчать на вопросы. (Опять была ужасная схватка, и я его уничтожилъ совершенно **.) Я спросилъ его, что столько привязываетъ его къ нашимъ бѣглымъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза имѣетъ къ нимъ большую довѣренность,

* Нѣтъ въ друг. сп.

** Тоже.

составилъ изъ нихъ внутреннюю свою стражу и ввѣрилъ имъ особу свою. Слѣдовательно, сказалъ я ему, не достаетъ только того, чтобъ отличная сія гвардія проложила ему путь къ престолу персидскому, чего я, какъ добрый союзникъ, весьма желаю. Я надѣюсь, г. каймаканъ, что вы согласитесь съ тѣмъ, что о подобныхъ происшествіяхъ необходимо знать главнокомандующему въ Грузіи, какъ ближайшему сосѣду. Прекративъ такимъ образомъ разговоръ, я съ нимъ разстался. Еще было одно, въ такомъ же родѣ, дружеское свиданіе.

Имѣлъ я прощальную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы и вмѣстѣ со мною были многіе изъ чиновниковъ. Онъ принялъ насъ съ возможною вѣжливостію, говорилъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я остаюсь всѣмъ доволенъ и, конечно, не увожу съ собою ни малѣйшей непріятности, что * каймакаиомъ донесено ему о согласіи моемъ оставить чиновника, для отобранія показанія отъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, желающихъ возвратиться. Увѣренія въ искренности были взаимныя и, кажется, сей трактатъ добраго согласія и дружбы обязались мы сохранить и въ будущей жизни. Съ Персіянами къ подобнымъ условіямъ надобно приступать безъ затрудненія, страшиться будущей жизни не должно, ибо рѣдкій изъ Персіянъ въ настоящей жизни не измѣнитъ ** своимъ обязанностямъ. (Всегда безтрепетно призывалъ я въ свидѣтели великаго пророка Магомета и снискивалъ довѣренность къ обѣщаніямъ моимъ, ибо ***) я увѣрилъ, что предки мои были Татары, что весьма еще недавно ближайшіе родные мои перемѣнили законъ. Имъ пріятно было думать, что во мнѣ кровь мусульманская. Я выдалъ себя за потомка Чингисъ-хана, и нерѣдко, разсуждая съ ними о превратностяхъ судьбы, удивлялъ ихъ замѣчаніями моими, что я нахожусь посломъ въ той самой землѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружію, и утверждаю миръ, будучи посломъ народа, насъ побѣдившаго. О семъ доведено было и до шаха, и онъ съ уваженіемъ **** смотрѣлъ на потомка столь ужаснаго завоевателя.

* Хотя (вм. что).
** Не попытается сплутовать (вм. неизм. своимъ и пр.)
*** Нѣтъ въ друг. сп.
**** благоговѣніемъ.

Доказательствомъ происхожденія моего служилъ бывшій въ числѣ чиновниковъ посольства, двоюродный братъ мой, подковникъ Ермоловъ, которому, по счастію для меня, природа создала черные подслѣповатые глаза и, выдвинувъ впередъ скуластыя щеки, расширила лицо на подобіе калмыцкаго. Шаху донесено было о сихъ явныхъ признакахъ моей природы, и онъ приказалъ его показать себѣ. Одинъ изъ вельможей спросилъ меня, есть ли у меня родословная? Рѣшительный отвѣтъ, что она сохраняется у старшаго въ нашей фамиліи, утвердилъ навсегда принадлежность мою къ Чингисъ-хану. Однажды я даже намекнулъ, что могу отыскивать права на персидскій престолъ, но замѣтилъ, что Персіяне подобными шутками не любятъ забавляться. Въ народѣ же столько легковѣрномъ и частыми перемѣнами привыкшемъ къ непостоянству, шутка сія можетъ имѣть важныя слѣдствія. Въ случаѣ войны, потомокъ Чингисъ-хана, начальствуя самъ надъ непобѣдимыми россійскими войсками, можетъ имѣть на народъ великое вліяніе.

Простясь съ Аббасъ-Мирзою и приготовивъ все къ отъѣзду будущаго дня, оставалось мнѣ въ послѣдній разъ видѣться съ каймаканомъ.

Поутру былъ я у него, и когда требовалъ онъ, чтобы по условію оставилъ я чиновника для извѣданія отъ плѣнныхъ и бѣглыхъ о желаніи ихъ возвратиться, я отказалъ: ибо въ ту самую ночь, боясь, чтобы русскіе солдаты, узнавъ о выѣздѣ моемъ, не явились ко мнѣ, не только посадили * ихъ подъ караулъ, но нѣкоторымъ надѣли колодки на ноги. Я представилъ всю гнусность поступка, и разругавъ каймакана, какъ человѣка безчестнаго, хотѣлъ только отправиться въ путь, какъ Аббасъ-Мирза прислалъ пригласить меня къ себѣ, вѣроятно, узнавши о томъ, что у меня съ каймаканомъ происходило. Я извинился, что будучи одѣтъ по-дорожному, не смѣю къ нему представиться, что съ самаго утра отправлены мои экипажи и я не имѣю съ собою другой одежды. Каймаканъ старался меня увѣрить, что все будетъ сдѣлано въ мое угожденіе, что я не буду имѣть причины роптать, и что они, для оправданія своего, просятъ, чтобъ я оставилъ чиновника. Я отвѣ-

* Онъ посадилъ.... велѣлъ набить колодки....

чалъ, что обмануть быть не хочу, и жалѣю, что прежде позволялъ столь нагло себя обманывать—и уѣхалъ.

. . . .

День выѣзда изъ Тавриза былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я ждалъ его съ нетерпѣніемъ, ибо смертельно наскучило мнѣ безпрерывное притворство, одни и тѣ же увѣренія въ дружбѣ тѣхъ, которые очевидно желаютъ намъ зла, и скрыть не могутъ къ намъ своей ненависти. Безконечныя повторенія самыхъ мучительныхъ привѣтствій, которыя по всему государству какъ будто отданы при паролѣ, утомили меня до крайности. Вырвался я наконецъ изъ сего ненавистнаго мѣста, которое я не иначе соглашусь увидѣть, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, для раззоренія гнѣзда всѣхъ враждующихъ намъ. Здѣсь въ образѣ каймакана предсидитъ коварство въ сонмѣ всѣхъ злодѣяній и нечестія, и уста его изрекаютъ законъ, развязующій всѣ преступленія. Аббасъ-Мирза (образовавшему юность его) отдалъ полную власть и въ простотѣ своей служитъ орудіемъ злодѣйствъ его. Природа не дала ему персидскихъ наклонностей, но съ ребячества, будучи свидѣтелемъ всякаго рода неистовствъ, согласовалъ онъ съ ними свои правила и готовъ на всѣ безчестныя дѣянія.

. . . .

Городъ Нахичевань. Здѣсь съ удовольствіемъ увидѣлъ я слѣпаго хана, ибо онъ одинъ во всей силѣ чувствуетъ гнусность правленія, которому крайность одна заставляетъ повиноваться.

.....Послѣдніе дни жизни моей, говорилъ онъ, успокою я подъ сильною защитой оружія вашего. Нѣкоторое предчувствіе меня въ томъ увѣряетъ, ибо зная Персіянъ, не полагаюсь я на прочность дружбы, которую вы столько утвердить старались; я не сомнѣваюсь, что или они нарушатъ оную своимъ вѣроломствомъ, или васъ заставятъ нарушить ее, вынуждая мстить за вѣроломство

. . . .

Октября 2. Урочище Башабаранъ. Граница россійская сторонѣ Персіи. Далеко не доѣзжая, встрѣченъ я былъ ю донскихъ казаковъ, высланныхъ для конвоя. нѣ сего, на возвышеніи усмотрѣли мы развѣна храбрыхъ войскъ нашихъ. Удовольствіе

мое было свыше всякаго выраженія и теперь не вспоминаю я о томъ равнодушно. Далеки были отъ меня горделивыя помышленія, что я начальствую въ странахъ сихъ, что мнѣ повинуются страшныя сіи войска. Я сталъ бы въ рядахъ сихъ храбрыхъ воиновъ, и товарищемъ ихъ въ равномъ съ ними состояніи я нашелъ бы удовлетвореніе моей гордости. Никогда неразлучно со мною чувство, что я Россіянинъ.

Тебѣ, Персія, не дерзающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которыя налагаетъ ненасытимая власть, никакихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлыя народа свойства уничтожаютъ достоинство человѣка и отъемлютъ познаніе правъ его; гдѣ вѣра научаетъ злодѣяніямъ, дѣла добрыя не получаютъ возмездія; гдѣ нѣтъ законовъ, преграждающихъ своевольство и насиліе; гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителю; тебѣ, тебѣ посвящаю я ненависть мою, и отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое.

. . . .

Октября 10. Городъ Тифлисъ. Въ то самое время возвратился я изъ Персіи, въ которое прошлаго года пріѣхалъ изъ Петербурга. Съ какихъ противоположныхъ сторонъ! Въ какое непродолжительное время! Здѣсь нашелъ я бездну дѣлъ, и нѣтъ времени помышлять о семъ журналѣ. Оканчиваю мои записки, которыя писалъ я для того, чтобы прочесть какъ шутку друзьямъ моимъ, или въ послѣдствіи привести на память происшествія *, которыя странностію своею всегда казаться будутъ новыми.

Письмо А. П. Ермолова, къ графу А. А. Закревскому.

Любезный и почтеннѣйшій
Арсеній Андреевичъ!

Съ чудесною скоростью окончивъ дѣла мои въ Персіи, и сходно съ волею государя императора, возвращаюсь къ половинѣ будущаго ноября въ Тифлисъ.

Сначала приняли было меня ловко Персіяне, но кончилось тѣмъ, что я ихъ застращалъ такъ, что они отказались отъ конференцій со мною и

---

* Нѣсколько любопытныя (вм. которыя.... новыми).

оставили всѣ свои претензіи на возвращеніе имъ земель, нами завоеванныхъ. Я вершка не уступилъ, хотя предоставлено мнѣ было найдти возможность сдѣлать шаху угодное. Приходилось такъ, что я объявилъ министрамъ персидскимъ, что если малѣйшую увижу я холодность, или намѣреніе прервать дружбу, то я, для достоинства Россіи, не потерплю, чтобъ они первые объявили войну, а тотчасъ потребую по Араксъ и назначу день, когда приду въ Тавризъ. Надо замѣтить, что это столичный городъ любимаго сына, назначеннаго наслѣдникомъ. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувствъ человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ, я замѣтилъ, что они того не любятъ, и тогда всякій разъ, когда недоставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я человѣкъ—звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня, и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не можетъ.

Не говори, братъ Арсеній, не разъ случалось, что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его качества, и увѣряя, сколько я ему преданъ и тронутъ его совершенствами, призывалъ слезу на мои глаза и такъ и таялъ отъ умиленія. На другой день только и говорено было обо мнѣ, что не было такого человѣка подъ солнцемъ. Послѣ чего не смѣлъ никто говорить противъ меня, и я съ министрами поступалъ самовластнымъ образомъ. Чего они не смѣли докладывать, я самъ объявлялъ, и до того довелъ шаха, что онъ, шутя и смѣясь, разспрашивалъ, почему я ему никакой области не отдаю. Сему повѣрить невозможно, чтобъ о томъ предметѣ, котораго исполненія ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго, могъ онъ разсуждать равнодушно и даже съ шуткой. Министры удивлялись сему происшествію и говорили, что я ворожея: вотъ могу сказать по справедливости, надулъ важно, но сіе потому извинительно, что путь ничего не возможно сдѣлать порядочнымъ образомъ.

Теперь нѣсколько спѣшу отправленіемъ курьера, но изъ Тифлиса буду писать обстоятельнѣе, или если успѣю кончать собственный мой журналъ, то лучше пришлю его, чтобы ты, когда свободно, прочитывалъ. При немъ будутъ и всѣ мои бумаги, которыя всѣ безъ исключенія писалъ я собственною рукою, дабы никто не могъ взять чего-либо на свой счетъ. Меня отправили, какъ невиннаго юношу, и дали мнѣ наставниковъ, а я ихъ оставилъ въ покоѣ и самъ маралъ, какъ Богъ положитъ на сердцу. Избави Богъ, еслибъ я послѣдовалъ обыкновенному порядку, то мнѣ бы сѣли Персіяне на плечи, а теперь я задалъ такого страху, что думаютъ, что довольно мнѣ задумать о гибели Персіи, то я сдѣлаю, что и государь могъ, а его ли... Здѣсь подлые Англичане, живущіе на жало-

нье

ваньи Персіянъ, въ угожденіе имъ дѣлали самыя гнусныя насчетъ насъ внушенія. Разкажи государю пресмѣшную, случившуюся со мною, исторію. Я пріѣзжаю въ Таврисъ; одинъ бѣглый Французъ, находившійся при лицѣ Наполеона и въ персидской службѣ полковникомъ, осмѣлился двухъ моихъ музыкантовъ, поставленныхъ на квартиру въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, ударить саблею и выгнать вонъ. Я послалъ требовать отъ наслѣдника, чтобы Французъ былъ наказанъ за дерзость, мнѣ обѣщали удовлетвореніе, но ничего не сдѣлали. Я среди столицы, занятой большими персидскими силами, поставилъ свой караулъ, велѣлъ взять полковника наполеониста подъ стражу и обиженнымъ музыкантамъ отмстить за обиду. Онъ былъ наказанъ пощечиной и высѣченъ розгами, а саблю его я отослалъ къ наслѣднику, и Французъ былъ тотчасъ исключенъ изъ службы и выгнанъ вонъ. Вотъ какимъ образомъ въ безтолковой сей землѣ поступать надлежитъ, или иначе ни до чего не добьешься. Это не дипломатическій поступокъ, но вполнѣ удачный и рѣшительный. Прощай, поклонись брату Василью и Кикину, буде они въ Москвѣ; изъ Тифлиса буду ко всѣмъ писать.

12 окт. 1817. *

Два письма великаго князя Константина Павловича, къ А. П. Ермолову.

I.

Варшава, 25-го іюня, 1816 года.

Почтеннѣйшій, любезнѣйшій и храбрѣйшій сотоварищъ, Алексѣй Петровичъ!

Имѣлъ я удовольствіе читать начертаніе ваше къ единственному нашему Курутѣ,** за которое благодарю весьма васъ, патеръ Ермоловъ, видя въ немъ старое ваше ко мнѣ расположеніе. Будьте увѣрены всегда въ моихъ къ вамъ чувствахъ дружбы и уваженія. Поздравляю васъ съ новымъ вашимъ назначеніемъ и съ довѣренностью, которую въ семъ случаѣ оказалъ всемилостивѣйшій государь императоръ къ заслугамъ вашимъ. Признаюсь, что эта довѣренность штука не изъ послѣднихъ, и во времена оны самъ бы Панероль и товарищи задумались, но тутъ какъ онъ не опасенъ, то думаю, что великіе нынѣшняго вѣка Кистепрене съ большимъ удовольствіемъ узнаютъ о семъ. Ибо по словамъ старой пословицы: que tout chemin conduit à Rome. Позже не сворачивали ни мало прогуляться въ мѣстѣ расположенія всегда богатыхъ армій сухимъ путемъ. О посольствѣ вашемъ совсѣмъ не удивляюся. Я вамъ сказывалъ всегда и повторялъ вамъ слова, что единственный Ермоловъ генералъ на все, но, избави

* Это должно быть ошибка: Ермоловъ воротился изъ Персіи въ 1816 г.
** Гр. Дмитрій Дмитріевичъ Курута.

Боже, отрыжка et connu, toutes les extrémités se touchent, чтобы, по поводу путешествія вашего, не сдѣлалось съ вашей стороны всеобщей прогулки по частямъ чуждымъ. Шпанскія мухи много перевели народу во Франціи. Избави Богъ, чтобы Персія тоже бы не перевела много православныхъ, можетъ бы, не утопивая нашихъ. Впрочемъ все зависитъ отъ миссіонерства наслѣдника общества Грубера. * У насъ все смирно и, слава Богу, хорошо дѣло идетъ впередъ, но хлопотъ и работы много. Заднихъ дверей у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я наслѣдникъ Грубера, но, въ оправданіе скажу вамъ, что для этого я слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ. Въ доказательство чего прошу васъ быть увѣрену во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи и во всегдашней дружбѣ.

II.

Алексѣй Петровичъ!

На записку вашу, что Ермоловъ два года проситъ о переводѣ извѣстнаго Граббе въ гвардію, съ тѣмъ чтобъ онъ остался въ командѣ начальника своего Дмитрія Дмитріевича, его высочество изволилъ обѣщать сдѣлать. Дмитрій Дмитріевичъ обѣщалъ исполнить; великій князь и не такія дѣлалъ милости; скажу вамъ, что я охотно бы исполнилъ ваше желаніе, но препятствіе къ тому состоитъ въ томъ, что если его представить перевесть въ старую гвардію, то государь изволитъ потребовать: былъ ли онъ въ походѣ и сраженіи, какія оказалъ отличія? Ибо безъ этого нынѣ не переводятъ, а онъ, какъ извѣстно, не былъ; въ молодую же гвардію его перевесть никакой нѣтъ для него выгоды, потому что Дворянскаго полка офицеры наравнѣ съ оной пользуются однимъ чиномъ противъ арміи! Вотъ вамъ причины, въ чемъ состоитъ остановка; но дѣлать вамъ пріятное есть для меня всегда большое удовольствіе. и прошу васъ вѣрить въ искреннемъ и совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ.

25 іюня 1816 года. **

Отъ А. П. Ермолова къ хану Шекинскому.

Г-нъ генералъ-майоръ ханъ Шекинскій!

Едва я пріѣхалъ сюда, какъ уже закидали просьбами на васъ. Не хочу я вѣрить имъ безъ изслѣдованія, ибо въ каждой изъ нихъ описаны дѣйствія, одному злонравному и жестокому человѣку приличныя. Я поручилъ удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику, заслуживающему вѣры. Если

---

* Извѣстно, что Ермолова называли именемъ езуита патера Грубера.

** Здѣсь должна быть ошибка: этимъ же числомъ помѣчено и предыдущее, см. выше.

точно откроетъ онъ тѣ жестокости, которыя дѣланы по волѣ вашей, что могутъ доказать оторванные щипцами косы и уши, то я приказалъ всѣхъ таковыхъ несчастныхъ помѣстить въ домѣ вашемъ до тѣхъ поръ, пока вы ихъ не удовлетворите. Чиновника вашего, который билъ одного жителя палками до того, что онъ умеръ, и тѣло его было брошено въ ровъ, я приказалъ взять и, по учиненіи надъ нимъ суда, будетъ лишенъ жизни. Совѣтую вамъ, г-нъ генералъ-майоръ ханъ Шекинскій, быть осмотрительнѣй въ выборѣ чиновниковъ, назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе вашей воли; паче совѣтую вамъ, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ ввѣрилъ вамъ совсѣмъ не въ томъ намѣреніи, чтобы народъ, его населяющій, страдалъ въ дни славнаго его царствованія, и ручаюсь вамъ, что если найду жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намѣренія всемилостивѣйшаго вашего государя Знайте, что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю.

IV.

Дневникъ Алексѣя Петровича Ермолова въ продолженіе командованія въ Грузіи до кончины императора Александра (въ извлеченіи г-на С.).

1818. Апрѣля 5. Казбекъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ обрушился съ горъ Кавказскихъ снѣговой обвалъ, какого не помнятъ старики. Сначала высота его была въ 50 саж. Почти на сутки остановлено было теченіе рѣки Терека.

Мая 8. Темнолѣсская крѣпость. Осматривалъ единственный казенный лѣсъ, истребленный попеченіемъ оберъ-форстмейстеровъ.

18. Червленая станица. Сдѣланы приуготовленія къ движенію. Составленъ отрядъ изъ 2 батальйоновъ 8-го егерскаго полка (по большей части изъ рекрутъ), 2 батальйоновъ 16-го егерскаго полка, 1 батальйона Троицкаго и 1 батальйона Кабардинскаго пѣхотнаго полковъ, изъ 6 батарей 8 легкихъ и 6 конныхъ орудій и 400 линейныхъ и донскихъ казаковъ. Число войскъ, по-здѣшнему, непреодолимое!

Лагерь на Сунжѣ. Заложена крѣпость, которая названа Грозною. Безпрестанныя стычки съ Чеченцами.

Октябрь. Полученъ рапортъ генералъ-майора Пестеля о занятіи города Башлы въ Каракайтакской области. Глупое соображеніе! Слабый отрядъ среди многолюднаго города, жителей неблагонамѣренныхъ, въ мѣстоположеніи самомъ невыгодномъ.

6. Прохладная, селеніе. Собраны владѣльцы и уздени кабардинскіе, которымъ сдѣлалъ я строгое замѣчаніе за гнусные и подлые ихъ поступки и разбои. Они дали мнѣ обѣщаніе быть лучшими, и я зналъ, сколько вѣрить должно подобнымъ обѣщаніямъ. Доселѣ всѣ данныя ими присяги нарушены.

Генералъ-лейтенантъ шамхалъ Тарковскій былъ все время до нельзя вѣренъ данной присягѣ. Отъ 13 октября онъ извѣщалъ, что владѣнія его возмутились и соединились съ горцами, что самъ онъ въ опасности и долженъ былъ удалиться, и что большія силы обратились противъ генералъ-майора Пестеля.

(Ермоловъ поспѣшно выступилъ въ Дагестанъ; съ нимъ было всего войска подъ ружьемъ до трехъ тысячъ человѣкъ.)

(Въ Андреевѣ Ермоловъ слышалъ, что будто въ Дагестанѣ было сильное сраженіе и войска наши разбиты.)

31. Переправлялись черезъ Койсу. Для пѣхоты сдѣланъ мостъ изъ арбъ.

Ноября 3. Тарки, городъ. Здѣсь подтвердились слухи о сраженіи въ Дагестанѣ. Въ окрестныя селенія привезены раненые во множествѣ. Непріятель, по извѣстіямъ, былъ въ числѣ не менѣе 20 тысячъ. Ими предводительствовалъ измѣнникъ генералъ-майоръ Султанъ-Ахмедъ-ханъ Аварскій и братъ его Гассанъ-ханъ-бекъ Джангутайскій. (Были проливные дожди.)

11. Я выступилъ. Въ Таркахъ оставлены больные и вагенбургъ. Возвратился Татаринъ, посланный къ генералъ-майору Пестелю. Онъ доноситъ, что сраженіе было сильное и продолжалось два дня; жители Башлы измѣнили, впустили непріятеля въ городъ и съ нимъ соединились. Со стороны нашей былъ большой уронъ, но пушки не потеряны, какъ о томъ были слухи. Войска выступили изъ Башлы.

(Въ этомъ дѣлѣ лагерь былъ у подошвы горы Талсино (?), вершина которой занята была укрѣпившимся непріятелемъ.) Ночью большой Кабардинскій полкъ обошелъ укрѣпленіе, ...лъ часть вершины хребта, разбилъ непріятельскій отрядъ, ...й расположенъ былъ на оной. Въ бѣгствѣ непріятель ...ого добычи.

12. Весь отрядъ взошелъ по сей дорогѣ, артиллерія поднята съ величайшимъ трудомъ. Непріятель, боясь быть отрѣзанъ, бѣжалъ.

14. Непріятель, пользуясь выгодными высотами, сдѣлалъ нападеніе на наши окопы и завалы. Лишь только началась перестрѣлка, чрезвычайно густой туманъ покрылъ землю, и невозможно было осмотрѣть мѣстоположеніе. Сіе способствовало непріятелю и противиться упорно, и отойдти безопасно. Одинъ изъ окоповъ взятъ былъ штыками, ротою Кабардинскаго полка.

15. Выпалъ глубокій снѣгъ и сдѣлался сильный морозъ. Селеніе Джангутай раззорено. Небольшой отрядъ посланъ сжечь селеніе Малый Джангутай. Аварскій ханъ и Акушинцы *, не подавъ помощи жителямъ, бѣжали поспѣшно въ горы. Пришли въ покорность многія изъ окрестныхъ селеній; владѣнія Шамхала приведены въ повиновеніе.

19. Главные зачинщики мятежа наказаны смертію.

(Этимъ окончиласьэкспедиція, и Ермоловъ возвратился въ Тифлисъ.)

1819. (Январь, февраль, мартъ. Между тѣмъ Дагестанъ продолжалъ непріязненныя намѣренія. Сурхай-ханъ возмущалъ горскіе народы и старался соединить ихъ вмѣстѣ.) Акушинскій народъ, сильнѣйшій всѣхъ прочихъ, воинственный, удерживалъ у себя неблагонамѣренныхъ людей, вредныхъ правительству, и способствовалъ имъ составлять партіи. Возмущеніе разлилось до самыхъ земель Кумыкскихъ, гдѣ даже Андреевцы обязались между собою присягою противиться Русскимъ и не исполнять ихъ требованій. Чеченцы продолжали быть непокорными. Надобно было до прибытія войскъ изъ имперіи, сколько возможно, воспрепятствовать всеобщему соединенію. Сдѣланы всѣ нужныя распоряженія. Генералъ-майоръ Вельяминовъ долженъ былъ по прибытіи къ Андрею сдѣлать предварительныя распоряженія, требовать отъ жителей нужные, для построенія крѣпости, матеріялы и ожидать моего пріѣзда. (Ермоловъ отправился на линію.)

Іюнь. (Ермоловъ торопилъ прибытіе войскъ изъ имперіи.)

Іюль 2. Андрей. (Ермоловъ соединился съ отрядомъ генералъ-майора Вельяминова. Войска было 6 тысячъ и 22 орудія. Всѣ окрестные народы въ возмущеніи. Лѣсистое мѣсто, занимаемое лагеремъ, даетъ возможность безпокоить

* Возвратившіеся въ числѣ пяти тысячъ изъ Башлы.

его ночными перестрѣлками. Для Андрея учрежденъ сильный постъ.)

Августъ. (Началось построеніе крѣпости Внезапной. Жители Андрея разбѣжались и городъ остался пустой. Дагестанцы собрались въ большихъ силахъ и приближались.) Усилены были работы крѣпости и производились безпрерывно, даже въ ночное время, при разложенныхъ огняхъ. Шамхалъ Тарковскій приносилъ жалобы, что Акушинцы возмутили его владѣнія и грозятъ изгнать его изъ Тарки.

(Между тѣмъ Дагестанцы пришли до 16 верстъ отъ Андрея. Съ ними соединились Солотавцы. Ермоловъ выступилъ къ нимъ навстрѣчу. Не доходя 2 верстъ, непріятель ударилъ на авангардъ и привелъ его въ разстройство, но приспѣвшій батальйонъ Кабардинскаго полка опрокинулъ непріятеля штыками и преслѣдовалъ его до его укрѣпленій въ ущельѣ. Деревня Боуртугай была занята. Непріятель стѣсненъ въ ущельѣ, отрѣзано сообщеніе съ плоскостію, откуда онъ получалъ продовольствіе. Ожидая раздора между собравшихся горцевъ, Ермоловъ не хотѣлъ атаки, избѣгая потери людей. И дѣйствительно, черезъ 4 дня, непріятель бѣжалъ съ величайшею поспѣшностію.)

Сентябрь. Слѣдовалъ маршъ чрезвычайно трудный и опасный. Находящіяся при войскахъ 2 орудія, надлежало разбирать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

(Непріятельскія селенія раззорены и сожжены.)

15. Отрядъ войскъ подъ командою Войска Донскаго генералъ-майора Сысоева, взялъ штурмомъ качалыковское селеніе Даданъ-юртъ. Жители защищались отчаянно до послѣдняго. Въ плѣнъ взяты однѣ женщины и ребята и многіе изъ нихъ ранены. Женщины бросались съ кинжалами въ толпы солдатъ. Потеря наша, судя по здѣшнимъ дѣламъ, была весьма значащая. Надобно было почти каждый домъ брать штыками; многіе изъ нихъ окружены были каменными стѣнами. Нельзя было употребить всѣхъ войскъ, ибо могла придти помощь изъ другихъ селеній.

(Въ Андреѣ Чеченцы отогнали 400 нашихъ лошадей. Аксаевскіе князья, мирные съ нами, знали объ этомъ намѣреніи, а потому Ермоловъ велѣлъ взять у нихъ 400 лошадей на выборъ, а самъ выступилъ для наказанія Качалыковъ, способствовавшихъ набѣгу.)

Октябрь. Батальйонъ Апшеронскаго полка взялъ одно селеніе на штыкахъ. Другія два селенія атакованы вдругъ. Непріятель защищался слабо. Въ домахъ не было ни женщинъ, ни имущества, а безъ нихъ Чеченцы дерутся слабо. Даданъ-юртъ былъ ужаснымъ примѣромъ.

(Между тѣмъ одинъ Уцмей съ частію войскъ бѣжалъ въ горы. Акушинцы опять поднялись. Шамхалъ Тарковскій просилъ противъ нихъ помощи. Ермоловъ выступилъ изъ Андрея.)

Декабря 1. Тарки. Выпалъ снѣгъ, необычайно глубокій. Каждый день артиллерія и обозы были откапываемы. (Отъ Акушинцевъ Ермоловъ требовалъ покорности, они дали совершенный отказъ. Прибылъ отрядъ генералъ-майора князя Мадатова. 2000 жителей расчищали дорогу.)

2. Вся артиллерія, паркъ и провіантскіе транспорты поднимались на гору Калантау въ продолженіи трехъ сутокъ. Непріятель усмотрѣнъ въ большихъ силахъ.

16. (Соединился весь отрядъ.)

17. Я самъ осматривалъ расположеніе непріятеля и своихъ укрѣпленій. Непріятель старался препятствовать перестрѣлкою. Къ нему присоединились многіе народы.

Шамхалъ Тарковскій находился при мнѣ. Акушинцы были съ нимъ въ сношеніи и требовали, чтобы войска русскія вышли изъ горъ, и что тогда войдутъ они со мною въ переговоры. Представлены мнѣ 5 старшинъ акушинскихъ; на требованія мои они отвѣтствовали дерзко и неуважительно.

Я отпустилъ ихъ въ полночь, и приказалъ войскамъ быть въ готовности.

19. Войска пришли ночью на ближайшее разстояніе отъ непріятеля, и до разсвѣта устроились въ боевой порядокъ. Отрядъ князя Мадатова, мѣстами скрытыми, спустился къ рѣкѣ и быстро обошелъ правое крыло непріятеля. Немедленно поставлена была батарея на продолженіи линіи непріятельскихъ окоповъ. Не болѣе двухъ часовъ продолжалось сраженіе, и непріятель, не взирая на чрезвычайно твердое мѣстоположеніе и обширные окопы, не дождавшись къ симъ послѣднимъ приближенія, обратился въ стремительнѣйшее бѣгство. Едва вѣрить возможно, съ какихъ ужасныхъ крутизнъ спускались бѣгущіе, дабы укрыться отъ дѣйствія артиллеріи. Съ праваго нашего фланга, подъ дѣйствіемъ артиллеріи. Вельяминовъ послалъ казаковъ и татарскую конницу преслѣдовать непріятеля. Она нанесла ему уронъ, но въ мѣстахъ неприступныхъ, въ землѣ незнакомой, не могла она идти далеко. Потеря съ нашей стороны была неимовѣрно ничтожная. Изъ собственнаго признанія непріятеля, силы его простирались до 21 тысячи. Мы имѣли подъ ружьемъ до 6 тысячъ человѣкъ и сильную артиллерію.

20. (Конница догнала непріятельскіе обозы. Вмѣстѣ съ ними взяла еще нѣсколько плѣнныхъ.)

(По весьма труднымъ проходамъ Ермоловъ приближился къ городу Акушѣ и готовился взять его. Но скоро наша конница заняла городъ, который не защищался.)

21. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасавшимися семействами и вывезеннымъ имуществомъ. Я запретилъ преслѣдовать ихъ, и не приказалъ брать добычи. Нельзя представить себѣ распространеннаго повсюду ужаса, ибо Акушинцы легко могли имѣть подъ ружьемъ 15 тысячъ человѣкъ и сверхъ того вспомоществуемые сосѣдями, въ состояніи были защищать тѣсные проходы, ведущіе къ городу, и самый городъ, лежащій среди стѣсненныхъ, почти неприступныхъ горъ. Я могъ потерять много времени, могла перемѣниться благопріятствовавшая погода, судя по позднему времени, въ которое бываютъ нерѣдко глубокіе снѣга, и войска начинали имѣть недостатокъ въ предовольствіи.

Городъ оставленъ съ такою поспѣшностію, что найдено не мало жизненныхъ припасовъ. Вскорѣ собрались всѣ главные старшины и прибылъ кади, управляющій народомъ. За ними стали возвращаться жители города. Неизъяснима благодарность ихъ за сохраненіе домовъ. Главная мечеть, здѣсь чрезвычайно обширная, и всѣ прочія мечети были оберегаемы карауломъ. Дана жителями присяга въ подданствѣ императору, взяты аманаты лучшихъ фамилій, наложена дань въ знакъ покорности, и взята контрибуція провіантомъ и скотомъ на продовольствіе войскъ. Я перемѣнилъ прежняго кади и назначилъ ему жалованье отъ казны.

1820. Января 1. Въ первый разъ въ сей странѣ войска наши расположены были на продолжительное пребываніе. Жителямъ истолковано, что симъ наказываются они за безпрерывные мятежи. Продовольствіе войскъ назначено изъ дербентскихъ и кизлярскихъ магазиновъ. Жители возятъ его безъ платы отъ казны за наказаніе.

17. Назначена коммиссія судить мятежниковъ, получавшихъ деньги изъ Персіи отъ Аббаса-Мирзы. Возвратился Муравьевъ изъ посольства въ Хиву. Въ Дербентѣ предположено расширить улицы и открыть площади, дабы уменьшить болѣзни. Составляется проектъ.

...нулъ я мимоѣздомъ на остатки батареи, которою ...лъ я въ 1796 г., будучи капитаномъ артиллеріи.

12. Кизляръ. Собралъ нужныя свѣдѣнія о ...собія городу, знаменитому промышленностію.

Получены извѣстія о признакахъ возстанія ...ставило Ермолова отложить отъѣздъ въ Пе-

тербургъ. Духовенство возбуждало неудовольствіе въ народѣ, дабы, затруднивъ правительство, отклонить приведеніе въ извѣстность церковныхъ имуществъ, коими управляло оно безотчетно.)

Марта 18. Продолжая путь въ Тифлисъ, я встрѣтился съ царевною и двумя митрополитами, вывезенными изъ Имеретіи за возбужденіе народа къ бунту.

19. Дорога въ земли Чеченцевъ окончена, и съ этихъ поръ входъ туда не затруднителенъ.

23. Я возвратился въ Тифлисъ.

Апрѣль. Въ Имеретіи распространился мятежъ и охватилъ уже почти всю область. Экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ возвратился, или, справедливѣе сказать, бѣжалъ оттуда, не успѣвъ сдѣлать описанія церковныхъ имуществъ. Онъ при семъ случаѣ показалъ большую робость. Въ мятежѣ участвовали многія изъ лучшихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій.

Получено извѣстіе о злодѣйскомъ убійствѣ полковника Пузыревскаго, отличнаго офицера, начальствовавшаго войсками въ Имеретіи. Одинъ князь, дядя родной владѣтельнаго князя Гурійскаго, пригласивъ его на свиданіе, подослалъ одного изъ своихъ прислужниковъ убить его, когда безпечно проѣзжалъ онъ чрезъ лѣсъ.

Вотъ мои слова при первомъ о семъ извѣстіи: „Не при мнѣ умирать достойному офицеру безъ отмщенія!“

20. Въ то же время посланъ отрядъ для изгнанія Сурхайхана, который, извѣстенъ будучи многими измѣнами и неблагонамѣренностію, не переставалъ возбуждать противъ насъ горскіе народы. Одинъ изъ довѣренныхъ ему людей будучи схваченъ, открылъ всѣ гнусныя его дѣйствія.

Августъ. (Имеретинскій мятежъ Вельяминовымъ подавленъ совершенно, мятежники схвачены или разсѣяны.) Замокъ Шамекмети, принадлежащій убійцѣ полковника Пузыревскаго, князю Кайхосро Гуріелу, взятъ штыками и разрушенъ до основанія. Убійца, не смѣя нигдѣ показаться, бѣжалъ въ турецкія границы. Прислужникъ, сдѣлавшій изъ ружья выстрѣлъ, коимъ убитъ Пузыревскій, наказанъ смертію на самомъ мѣстѣ преступленія. Сдѣлано описаніе церковныхъ имуществъ и введенъ новый порядокъ управленія оными.

Сентябрь. Самымъ счастливымъ образомъ кончивъ экспедицію, войска, посланныя противъ Сурхай-хана, возвратились. Самъ онъ бѣжалъ. Ханство его отдано было вѣрнопреданному Асланъ-хану.

26. Тифлисъ. Генералъ-лейтенантъ Мустафа-ханъ Шир-

ванскій, тѣсными узами родства соединенный съ измѣнникомъ Сурхай-ханомъ и подобный ему въ неблагонамѣренности, узнавши, что сего послѣдняго приверженецъ будучи схваченъ, и боясь, чтобы не открылъ его самого мошенничества, бѣжалъ съ семействомъ и людьми, ему преданными, въ Персію. Ханство Ширванское, большое и прекрасное, взято въ казенное управленіе. Бѣгство было столь поспѣшно, что онъ оставилъ одну изъ малолѣтныхъ дочерей своихъ, которую я, снабдивши нужною прислугой и всѣми на дорогу необходимыми вещами, приказалъ отправить къ отцу въ Персію. Самъ ханъ едва не былъ схваченъ при переправѣ черезъ Куру, подвластными ему беками, преданными правительству.

По водвореніи повсюду порядка и спокойствія, я отправился въ Петербургъ, получа извѣстіе, что государь къ новому году ожидаемъ изъ Тропавскаго конгресса. Въ послѣдствіи конгрессъ перенесенъ въ Лайбахъ.

1821. Февраля 11. С.-Петербургъ. Я представленъ императорской фамиліи и принятъ милостиво. Ожидаютъ пріѣзда государя.

Получено извѣстіе о возстаніи Грековъ и о дѣйствіяхъ князя Ипсиланти въ Молдавіи.

Мартъ. Въ Піемонтѣ возникла революція. Предполагалось, что она будетъ сигналомъ всеобщаго возстанія въ Италіи.

Государь отложилъ отъѣздъ свой изъ Лайбаха на неопредѣленное время. Я былъ въ затруднительномъ положеніи. Столько же неловко было и его дожидаться долго, и долго быть въ отсутствіи изъ Грузіи.

19. Получаю высочайшій рескриптъ, дабы я прибылъ въ Лайбахъ. Начальникъ главнаго штаба князь Волконскій сообщаетъ мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ поспѣшнѣе. Дежурнаго генерала Закревскаго увѣдомляетъ онъ, чтобы на нѣкоторое время скрылъ я назначеніе мое главнокомандующимъ арміей, идущею въ Италію въ помощь Австрійцамъ. Сколько удивленныхъ, и, кажется, не менѣе завидующихъ!

Невозможно было мнѣ утаить моего назначенія, ибо о томъ получено извѣстіе отъ цесаревича изъ Варшавы, и уже напечатано о томъ въ гамбургскихъ газетахъ. Приключившаяся болѣзнь удержала меня до 2-го апрѣля.

Апрѣля 3. Встрѣтилъ генералъ-адъютанта гр. Ожаровскаго, который былъ свидѣтелемъ, когда государь объявилъ императору австрійскому о моемъ назначеніи. Онъ везъ распоряженія арміи и повелѣніе войскамъ о выступленіи. Корпусъ уже собирался на границѣ.

Я былъ еще слабъ послѣ болѣзни.

24. (Въ Вѣнѣ Ермоловъ удостовѣрился объ отмѣнѣ движенія арміи нашей въ Италію и о скоромъ отъѣздѣ государя изъ Лайбаха.)

26. Лайбахъ. Немедленно представился государю. Неаполь ужь былъ взятъ Австрійцами. Начальствовавшій ими генералъ Фримонъ робкимъ дѣйствіемъ своимъ сдѣлалъ честь Неаполитанцамъ. Но они не долго его обманывали, перепугались, бросили сооруженныя ими укрѣпленія въ мѣстахъ самыхъ крѣпкихъ, и бѣжали подлѣйшимъ образомъ, едва появился непріятель. Они не измѣнили прежней своей военной славѣ!!!

Въ Піемонтѣ едва вспыхнуло возмущеніе и угасло! Слишкомъ малое число войскъ приняло въ немъ участіе, и Австрійцы въ первыя минуты и безъ затрудненія преодолѣли.

Государь удивленъ былъ, когда сказалъ я ему, что безъ сожалѣнія услышалъ я объ отмѣнѣ движенія арміи, которой назначенъ я былъ главнокомандующимъ. „Суворовъ, говорилъ я ему, начальствовалъ Австрійцами и не избѣжалъ зависти ихъ. Трудно было ему преодолѣвать препятствія, которыя ему дѣлали. Я бы желалъ видѣть, продолжалъ я, того, кто безъ робости явится на сценѣ, которую сей необыкновенный человѣкъ, и не задолго предъ нимъ Наполеонъ, ознаменовали великими военными дѣлами." Разсужденія мои, вѣроятно, казались основательными. Я представленъ императору и императрицѣ, и приглашенъ былъ къ нимъ на обѣдъ. Обращеніе обоихъ было самое благосклонное.

У государя, бывалъ я по два и по три часа и не въ состояніи выразить его милостей. Приближался день его отъѣзда, и я выпросилъ позволеніе пробыть нѣсколько времени въ Вѣнѣ и проѣхать черезъ Варшаву.

Мая 20. Варшава. Великій князь принялъ меня благосклонно. Почти ежедневно бывалъ я у развода; видѣлъ парады, ученья всякаго рода войскъ, смотры и маневры.

Я отказался отъ квартиры во дворцѣ государя и остановился въ гостиницѣ.

По приказанію цесаревича, всѣ польскіе генералы и прочіе чиновники на другой день по пріѣздѣ моемъ сдѣлали мнѣ посѣщеніе. Я просилъ объ отмѣнѣ его приказанія, но не успѣлъ. Я не принялъ ихъ, не желая дѣлать имъ безпокойства, зная притомъ, что изъ нихъ знакомые охотно увидятся со мною и безъ объявленнаго приказа. Цесаревичъ былъ въ большомъ негодованіи на меня, и начальнику штаба генералу Курутѣ поручилъ объясниться со мною самымъ непріятнымъ образомъ.

Я хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но цесаревичъ объявилъ мнѣ, что государю угодно, чтобъ я дожидался вступленія въ лагерь польской арміи. Я долженъ былъ повиноваться! Приказано показать мнѣ: главный штабъ, принадлежащую оному литографію, арсеналъ, конгревовы ракеты; наводили мостъ изъ цилиндрическихъ понтоновъ. Я видѣлъ военный госпиталь, казармы и конюшни. Словомъ, все въ удивительномъ устройствѣ, и возможная похвала есть только должная справедливость.

Іюня 13. Вильно. Пріѣхалъ съ братомъ (Каховскимъ) взглянуть на городъ, въ коемъ проведенныя нѣсколько лѣтъ лучшей молодости оставили пріятнѣйшія воспоминанія.

20. Царское Село. Мнѣ уже назначены были во дворцѣ комнаты, и приказаніе жить въ немъ объявлено начальникомъ главнаго штаба Е. И. В. Какъ все дико для человѣка, никогда не бывшаго близкимъ ко двору, и конечно всѣхъ забавлялъ я моею неловкостію. Но никто не говорилъ о ней, ибо у двора кромѣ похвалъ ничего не говорятъ о томъ кого весьма ласкаетъ государь!

Іюль. Инсуррекція Грековъ была въ самой силѣ. Порта принимала мѣры къ наказанію, т.-е. къ истребленію возмутившихся. Война съ Турціей казалась неизбѣжною. Переписка съ иностранными кабинетами была безпрерывная. Приказано показывать мнѣ оную, и я видѣлъ усилія не допустить Россіи до войны. Государь часто говаривалъ со мной о Грекахъ, я утверждалъ о необходимости войны въ защиту ихъ, въ спасеніе! Безуспѣшно! государь старался доказать мнѣ противное.

Августъ. Изъ примѣчательныхъ происшествій, случившихся со мною, было то, что императоръ въ 30 день августа пожаловалъ мнѣ аренду. Не допустивъ подписать о томъ указа, я имѣлъ случай объясниться по сему предмету, и государь не только выслушалъ меня благосклонно, но съ похвалою отозвался насчетъ моей деликатности, и когда отпустилъ меня, еще вторично говорилъ мнѣ объ оной. Рѣдко, думаю, скучаютъ государямъ подобными объясненіями!

Сентябрь. Продолженіе пребыванія моего въ Петербургѣ заставляло многихъ думать, что я не возвращусь въ Грузію, но получу другое назначеніе, и я имѣлъ причины то же предполагать.

(Въ Москвѣ, возвращаясь въ Грузію, Ермоловъ провелъ очень весело время у генералъ-адъютанта Закревскаго.)

Октября 28. (Въ Екатеринодарѣ на Кавказѣ Ермоловъ

осматривалъ войсковую канцелярію, всѣ заведенія войска.) Какое во всѣхъ частяхъ расхищеніе!

(Во Владикавказѣ Ермоловъ былъ остановленъ безпрерывными мятелями. Сообщеніе съ Грузіей прервано уже двѣ недѣли и остановлены почты.)

1822. Январь. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось цѣлый годъ. Въ продолженіе онаго я сдѣлалъ болѣе 10.000 верстъ.

(Въ Грузіи и Имеретіи совершенное было спокойствіе. Но Абхазія была въ мятежѣ.)

(Окончена крѣпость Бурная.)

(Подавленъ мятежъ Мехтулинцевъ, возбужденный измѣнникомъ султанъ-Ахмедомъ, бывшимъ ханомъ аварскимъ.)

Кабардинцы, переселившись съ позволенія ближе къ горамъ, умножали разбои и хищничества. Съ военныхъ постовъ нашихъ нельзя было сдѣлать нападенія, о коемъ бы не были они предупреждены, и всегда имѣли время скрыться въ мѣстахъ неприступныхъ съ семействами и имуществомъ, удалить стада и табуны, составляющіе главное ихъ богатство. Подполковникъ Коцаревъ, посланный съ небольшимъ отрядомъ, въ продолженіе зимы нанесъ Кабардинцамъ чувствительное наказаніе раззореніемъ многихъ ауловъ и не допуская въ долины стада ихъ. Повсюду появлялся онъ внезапно и съ чрезвычайною скоростію, но не могъ проникнуть въ сокровенныя ихъ убѣжища, въ которыхъ пребывали они безбоязненно.

Со стороны Закубанцевъ продолжались разбои, и въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедши горы въ числѣ болѣе 1000 человѣкъ отборной конницы, сдѣлали они нападеніе на земли Войска Черноморскаго. Войска Донскаго генералъ-майоръ Власовъ 3-й, офицеръ столько же храбрый (какъ) и бдительный, приспѣлъ съ казаками, но въ меньшихъ силахъ. Ночное время скрыло ихъ недостатокъ, повсюду на постахъ произведенная тревога, зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрѣлы привели Закубанцевъ въ замѣшательство, которые до того гнали небольшую партію казаковъ, производившихъ съ ними безвредную перестрѣлку. Видя себя открытыми, они пустились въ обратный путь, но встрѣчены были генералъ-майоромъ Власовымъ, который скрывался въ камышахъ. Картечные выстрѣлы довершили ихъ замѣшательство, и они, видя себя отрѣзанными отъ переправы чрезъ Кубань, бросились на обширный заливъ, поросшій камышомъ, гдѣ быстро преслѣдуемые казаками, тѣснимые страхомъ, погибли до 1000 человѣкъ, и въ числѣ

ихъ многіе изъ знаменитѣйшихъ наѣздниковъ. Изъ собственнаго признанія плѣнныхъ извѣстно, что они никогда подобнаго пораженія не испытали. Симъ предпріятіемъ Закубанцы дали поводъ къ дѣйствіямъ съ нашей стороны.

Мартъ. Пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ въ Грузіи и провинціяхъ закавказскихъ, я предположилъ заняться перенесеніемъ части линіи въ земли Кабардинцевъ и тѣмъ положить конецъ ихъ безпрерывнымъ возмущеніямъ и столько же разъ нарушеннымъ клятвамъ на вѣрноподданничество. Надобно было въ понятіи ихъ уничтожить ложную мысль о нашемъ безсиліи и чрезвычайномъ уваженіи ихъ храбрости, что̀ наиболѣе поощряло ихъ къ возобновленію безпокойствъ.

Дабы отвратить Закубанцевъ, которые могли подать имъ помощь, я приказалъ генералъ-майору Власову, командующему Войскомъ Черноморскимъ, производить наступательныя дѣйствія противъ нихъ. До сего воспрещено было переходить за Кубань по боязни заразительной болѣзни, и сіе Закубанцамъ придавало большую дерзость, ибо они знали, что возвратясь въ свои земли, они уже не подвергались опасности преслѣдованія.

Апрѣля 9. (Выѣхалъ изъ Тифлиса.)

Май, іюнь. (Трудные переходы и переправы, разъѣзды, разсматриваніе мѣстностей, частыя, но незначительныя стычки и перестрѣлки. Такъ, напримѣръ, полковникъ Коцаревъ ходилъ съ отрядомъ въ горы за рѣку Баксанъ, гдѣ захватилъ до 4 т. барановъ.) Въ мѣстахъ сихъ въ первый разъ появились русскія войска. Перейденныя крутизны столько были ужасны, что срывавшіяся съ оныхъ казачьи лошади разбивались совершенно.

Въ этой экспедиціи изъ отряда генералъ-майора Сталя 400 человѣкъ пѣхоты, скрывъ за хребтомъ движеніе свое, спустились къ Баксану въ нѣкоторомъ разстояніи выше Мишустова аула, дабы зайдти въ тылъ сидѣвшему въ завалахъ непріятелю, но онъ до того уже бѣжалъ отъ дѣйствія артиллеріи и оставилъ всѣ мѣста, гдѣ безъ всякихъ усилій могъ онъ остановить насъ долгое время и гдѣ мы не могли имѣть съ собою пушекъ. Посланные 400 человѣкъ должны были спускаться по одиночкѣ въ тѣсную щель, наклонно проходящую. Первые люди спустились по веревкѣ, прикрѣпленной у отверстія, наконецъ всѣ прочіе скатывались какъ по жолобу, обхвативъ ружье обѣими руками. Начальствовавшій командою Кабардинскаго пѣхотнаго полка майоръ Якубовичъ, человѣкъ довольно толстый,

нашелъ щель тѣсною, и его протаскивая за ноги, изодрали на немъ сюртукъ и почти не осталось пуговицъ. Мѣсто сіе осталось подъ названіемъ дыры Якубовича.

Выгнавъ непріятеля изъ заваловъ, войска двинулись впередъ, проходя по одному человѣку, ибо во многихъ мѣстахъ тропинка не шире аршина извивалась по скаламъ, нависшимъ надъ Баксаномъ на большомъ возвышеніи. Я нѣкоторое разстояніе переправился не иначе, какъ ползкомъ, ибо кружилась голова отъ вида волнъ Баксана, кипящихъ подъ ногами. Такъ шли на протяженіи трехъ верстъ.

(Однажды горныя орудія протаскивались на жолобахъ, окованныхъ желѣзомъ; заряды были на людяхъ.)

(Выгнанный изъ заваловъ непріятель бѣжалъ.) По высотамъ въ отдаленіи видны были спасающіяся семейства Кабардинцевъ, угоняемыя стада. Майоръ Якубовичъ преслѣдовалъ одну часть бѣгущихъ и долженъ былъ проходить близко высоты, съ вершины которой спускали на него ужасные камни, но оные, ударяясь о нависшую скалу, безвредно пролетали поверхъ головы и не потеряно ни одного человѣка.

Далѣе нѣтъ уже пути и стоятъ громады горъ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ,—(и войска воротились.)

На первомъ возвратномъ ночлегѣ, отрядъ генералъ-майора Сталя расположенъ на противномъ берегу на одной высотѣ. Разстояніе между нами часто бывало не болѣе 30 и даже 20 саженъ. Ужасный шумъ волнъ не допускалъ однако же звука голоса, и потому сношенія производились письменно, и бумаги съ привязаннымъ камнемъ перебрасываемы были чрезъ рѣку.

28. Великій ужасъ распространила между Кабардинцами сія экспедиція, ибо они не вѣрили, чтобы таковая могла быть предпринята.

Іюля 9. (Прогнаны Абазинцы за Кубань за то, что они были сообщниками Закубанцевъ, и за то, что вносили къ намъ моровую язву.)

Гора Эльбрусъ представляетъ величественный и вмѣстѣ ужасный видъ. Высотою своею онъ далеко превосходитъ прилегающій хребетъ Кавказа, вѣчно покрытый льдомъ, на который опираясь горделиво, кажется презирающимъ его ничтожность. Ниспадающіе съ него источники напояютъ окрестныя поля, которыя славятся тучною и роскошною травою.

24. Въ Константиногорскѣ осматривалъ въ подробности всѣ источники минеральныхъ водъ. Назначилъ мѣсто

для казенныхъ зданій, которыхъ чертежи, высочайше утвержденные, испрошены мною въ бытность мою въ Петербургѣ.

Августъ. Войска неожиданно счастливо перешли оба Терека (въ землю Кабардинцевъ). Нѣсколько человѣкъ увлечены ужасною быстротою рѣки, но всѣ спасены. Пѣхота проходила по нѣскольку человѣкъ рядомъ, держась между собою. Въ глубокихъ мѣстахъ поставленные казаки верхомъ составляли улицу. Протянуты канаты отъ одного орудія къ другому, и тамъ, гдѣ было наиболѣе быстроты, люди переходили, держась за оные. Кабардинцы не вѣрили, чтобы могла перейдти пѣхота и даже съ обозами, но при переправѣ столько опасной, утрачено только 5 ружей и до 20 овецъ изъ порціоннаго скота. Я ускорялъ переправою, ибо войска не имѣли провіанта.

22. Екатериноградъ. Сдѣланы дальнѣйшія о Кабардѣ распоряженія. Даны правила на учрежденіе временнаго суда: назначены членами онаго благонадежнѣйшіе изъ князей и узденей. Росписаны войска, которыя должны занимать новую по Кабардѣ линію. Опредѣлено число тѣхъ, которыя въ случаѣ безпокойствъ должны быть въ дѣйствіи въ продолженіи зимы. Укрѣпленія снабжены крѣпостною артиллеріей. Приказано учредить особыя рабочія команды для приготовленія въ большомъ количествѣ строеваго лѣса, какъ для жилищъ солдатъ, равно и для мостовъ черезъ рѣки Терекъ и Урухъ. Поручено произвести съемку прямѣйшей дороги на Урухъ, которая со временемъ обратится въ военную дорогу въ Грузію. Она будетъ несравненно выгоднѣе прежней и менѣе подвержена опасности отъ набѣговъ. Остается въ сторонѣ Моздокъ, чрезвычайно не здоровый своимъ мѣстоположеніемъ. Я назначилъ мѣсто для карантина, который перенесется изъ Моздока.

Изъ Екатеринограда отправленъ въ С.-Петербургъ проектъ о преобразованіи управленія Кавказской губерніи, пополненный нѣкоторыми статьями, заимствованными изъ постановленія о Сибири, съ которымъ приказано было сколько возможно сообразоваться.

Сентября 6. Опрокинуты дрожки, и я ушибся довольно больно.

7. Тифлисъ. Повсюду было совершенное спокойствіе. Въ одной Абхазіи продолжался мятежъ и народъ не повиновался своему владѣтельному князю.

Октябрь. Въ Карабагѣ между семействомъ хана не прекращались ужасные раздоры и безпрерывныя ко мнѣ жалобы.

16. Въ первый разъ я посѣтилъ богатую и роскошную Кахетію.

Ноябрь. Тифлисъ. Послѣ побѣга въ Персію Карабахскаго хана, предположилъ я взглянуть на Карабахскую провинцію и послѣ осмотрѣть Ширванскую и Шекинскую, чего доселѣ не имѣлъ я времени сдѣлать по множеству занятій.

Декабря 21. Встрѣтили меня знатнѣйшіе беки всѣхъ трехъ ханствъ.

23. Во время пребыванія моего въ г. Шушѣ, жители города приведены къ присягѣ на вѣрноподданство императору и то же приказано сдѣлать во всей провинціи. Открытъ провинціяльный судъ, членами коего назначены отличнѣйшіе изъ бековъ и люди другихъ состояній подъ предсѣдательствомъ коменданта, начальствующаго въ провинціи. Жители въ память присоединенія области и прекратившагося безпорядка ханскаго управленія, поднесли мнѣ саблю съ надписью.

1823 г. Января 9. Старая Шемаха. Жители по причинѣ раззоренія города живутъ еще въ шалашахъ и развалинахъ. По невѣрности въ съемкѣ, я сдѣлалъ перемѣну въ направленіи улицъ и частію въ самомъ планѣ города, который со временемъ извѣстенъ будетъ своею торговлею.... Для привлеченія торгующихъ, я далъ наставленіе, дабы во многихъ отношеніяхъ допущена была свобода, которую изгоняютъ правительства, омраченныя исламизмомъ. Я имѣлъ въ предметѣ и то, чтобы въ самомъ городѣ поклонникъ Магомета находилъ всѣ роскоши прославляемаго Шираза!

Въ Ширванской провинціи сдѣлалъ я нѣкоторыя перемѣны въ хозяйственномъ управленіи, и уничтоживъ часть обширныхъ казенныхъ посѣвовъ, отягощающихъ жителей, приказалъ замѣнить оные разведеніемъ шелковичныхъ деревьевъ въ весьма значительномъ количествѣ.

24. Нуха. Я нашелъ жителей блаженствующихъ послѣ злодѣйскаго правленія послѣдняго хана, котораго жестокость и алчность равно были безпредѣльны.

Февр. 1. (Была ночь.) Пѣхотный конвой мой остался въ 2 часахъ позади. Со мною было 50 нухинскихъ бековъ.

Три или четыре года назадъ, хотѣлъ бы я видѣть, чтобы главный въ семъ краю начальникъ, извѣстный строгостію, могъ въ ночное время проѣхать съ тѣми самыми людьми, которыхъ, смиряя своевольство и грабежи, противъ себя вооружаетъ,—проѣхать въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Лезгинъ непокорныхъ. На него могло быть обра-

щено, со всѣмъ правдоподобіемъ, всякое преступное предпріятіе! Я хорошо познакомился съ народами!

(Тутъ слѣдовали различныя поселенія—солдатъ, Нѣмцевъ и казенныхъ крестьянъ.)

Іюля 9. Я видѣлъ солдатскихъ женъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, которыя хорошо стрѣляли въ цѣль.

Августа 19. Тифлисъ. Получено донесеніе, что посланъ съ частью войскъ полковникъ Верховскій, привести въ повиновеніе нѣкоторыя изъ деревень шамхальскихъ, которыя, возмутясь, отказались давать рабочихъ и подводы для крѣпости Бурной. На возвратномъ пути, полковникъ былъ убитъ родственникомъ шамхала, который, служа при немъ три года, пользовался благодѣяніями его, какъ ближній. Убійца бѣжалъ въ горы.

Послѣ сего происшествія, обнаружился мятежъ во владѣніяхъ шамхала; къ мятежникамъ присоединились Мехтулинцы, которые убили находившагося при нихъ приставомъ хорунжаго Батырева.

Генералъ-майоръ Краббе поспѣшилъ съ войсками въ Дагестанъ, и уже съ мятежниками были два сраженія.—Предписавъ ему расположиться въ мехтулинскихъ владѣніяхъ до моего прибытія, я долженъ былъ отправиться, дабы присутствіемъ моимъ удержать въ повиновеніи Акушинцевъ, которые, еслибы приняли участіе въ возмущеніи, могли бы вооружить весь Дагестанъ.

Сентября 22. (Въ Табасаранѣ обнаруживаются безпокойства.)

Со мною было до четырехъ тысячъ человѣкъ.

1824 г. Январь. Въ первый день года ѣздилъ я въ Эрпели видѣться съ шамхаломъ, которому поручено требовать аманатовъ отъ нѣкоторыхъ горскихъ народовъ.

Пріѣзжали ко мнѣ измѣнники кабардинскіе, укрывающіеся за Кубанью, изъявляя желаніе возвратиться въ свою землю. Отказано въ безмѣрныхъ ихъ требованіяхъ, позволено заслужить равныя выгоды, предоставленныя соотечественникамъ ихъ, которые не переставали быть вѣрными подданными. Они вразумились, что несправедливо было бы дать имъ преимущество надъ сими.

Въ то же время пріѣхалъ извѣстный разбойникъ Чеченецъ Бейбулатъ просить прощенія въ прежнихъ злодѣяніяхъ. За довѣренность къ начальству принятъ благосклонно.

Прощенъ молодой джангутайскій владѣлецъ Ахмадъ-ханъ, сынъ мехтулинскаго Гассанъ-хана, который бунтовалъ противъ насъ. Онъ бѣжалъ отъ родственниковъ своихъ изъ горъ, съ довѣренностію явился ко мнѣ, и я, возврата

ему бо́льшую часть владѣній отца его, взялъ присягу на вѣрноподданство императору.

Явились многіе прислужники бывшаго дербентскаго Шихъ-Али-хана, умершаго въ бѣгахъ; они просили позволенія возвратиться въ отечество. Оно отказано только тѣмъ, коихъ извѣстны были непростительныя преступленія, но они отпущены даже безъ упрека, какъ люди предавшіе себя моей власти. Одному изъ чиновниковъ позволено отправиться въ Персію къ наслѣднику Аббасъ-мирзѣ, просить о уплатѣ долговъ за жену Шихъ-Али-хана, которую не выпускали заимодавцы. Я даже не отказалъ ему въ письмѣ, въ которомъ просилъ о томъ Аббаса-мирзу. Онъ никогда не отказывалъ ему въ деньгахъ, чтобы возбуждать противъ насъ народы Дагестана.

Наказаны смертію главнѣйшіе изъ виновниковъ мятежа и убійцы пристава Батырева, въ страхъ прочимъ измѣнникамъ. Народъ принялъ съ признательстію наказаніе только трехъ человѣкъ, когда самъ указывалъ гораздо большее число.

Взяты отъ народа Койсубойлинскаго первые аманаты, въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ прекратятся безпокойства, которыхъ они по большей части бывали причиною.

Главный кади и старшины акушинскіе нерѣдко бывали у меня. Они также склонили нѣкоторыя общества представить аманатовъ. Ихъ польза была въ томъ, что войска, для наказанія непокорныхъ, не проходили чрезъ ихъ владѣнія.

Февраль. Во все сіе время не подверглись они ни малѣйшему упреку въ поведеніи, напротивъ, достойны были по справедливости особеннаго уваженія. Я угощалъ ихъ праздникомъ, далъ многимъ подарки. Утвердилъ ихъ въ вѣрности императору, обѣщаніемъ сложить со временемъ платимую ими дань. Это составляло единственное ихъ желаніе!

Я отправился въ Дербентъ.

19. Я былъ у преданнаго намъ Асланъ-хана. По случаю пріѣзда моего собралъ онъ много родственниковъ и знатнѣйшихъ старшинъ, которымъ казалось непонятнымъ, что между ними находился я безъ русскаго караула и безъ всякаго конвоя. Со мною были три казака, присматривающіе за лошадьми.

22. Куба. Собравъ главнѣйшихъ изъ священныхъ особъ, сдѣлалъ я постановленіе, дабы воспрепятствовать чрезмѣрному размноженію муллъ или священниковъ. Нашлись многіе не умѣющіе читать и писать, каковыхъ не позволилъ я

допускать въ сіе званіе. Назначилъ число мечетей по числу дворовъ или семействъ, дабы муллы могли имѣть приличное содержаніе и не подвергались презрѣнію по ихъ бѣдности. Оказалось, что надобно было уменьшить и муллъ, и мечети. Приказалъ сдѣлать разборъ бекскихъ фамилій, дабы отличить древніе роды, которые называютъ они коренными, отъ новѣйшихъ, ибо между послѣдними многіе пользовались несправедливо преимуществами своего состоянія. Нѣкоторые возвышены въ сіе достоинство мятежниками и даже бѣглыми ханами.

Преобразована кубинская конница. И столько желающихъ поступить въ оную, что я долженъ былъ ограничить количество. Бывшая со мною сотня служила усердно, и примѣтно старалась подражать нашему порядку.

Въ 12 верстахъ отъ города есть мѣсто, во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Со временемъ и самый городъ Куба долженъ быть туда перенесенъ.

Марта 14. Шемаха. Отъ Кубы до Шемахи проѣхалъ я съ конвоемъ кубинской конницы изъ 25 человѣкъ и не могу желать лучшей стражи. Безъ сомнѣнія ни одинъ изъ начальниковъ здѣшняго края не былъ подобнымъ образомъ охраняемъ.—Въ Шемахѣ занялся я экономическою частію и въ особенности обращено вниманіе на шелководство. Городъ, строющійся по новому плану, дѣлается прекраснымъ.

29. Тифлисъ. Не предвижу возможности кончить дѣло желаемымъ образомъ! (Распредѣленіе границъ съ Персіей.) Персіяне дѣлаютъ самыя подлѣйшія затрудненія! Я имѣю сношенія съ Аббасъ-Мирзою.

1825. Іюня 25. Отправилъ я фельдъ-егеря съ письмомъ къ императору, въ которомъ объяснилъ подозрѣнія мои насчетъ войны съ Персіянами. Просилъ подкрѣпленія корпуса одною дивизіей пѣхоты.

Повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, г. Мазаровичъ, отправленъ къ шаху съ предложеніями, дабы отдалить войну.

Іюля 2. Получилъ извѣстіе, что въ ночи съ 7 на 8 іюня, возмутившіеся Чеченцы, возбужденные лжепророкомъ, напавъ на укрѣпленный постъ Амиръ-Аджи-Юртъ, сожгли оный. Неосторожный начальникъ почти былъ атакованъ внезапно, хотя неоднократно предупреждаемъ былъ о намѣреніи.—Гарнизонъ (1 рота), потерпѣвъ чувствительный уронъ, переплылъ чрезъ Терекъ. Генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ и генералъ-майоръ Грековъ нанесли имъ пораженіе и разсѣяли ихъ совершенно. За симъ должно было послѣ-

довать совершенное укрощеніе мятежа, но въ то же время одинъ изъ аксаевскихъ жителей, котораго генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ приказалъ взять подъ стражу, какъ измѣнника, бросился на него съ кинжаломъ, нанесъ ему тяжелую рану и закололь генералъ-майора Грекова.... Я хотѣлъ тотчасъ ѣхать на линію, но сильная болѣзнь меня удерживала.

24. Болѣзнь моя въ дорогѣ очень усилилась отъ чрезвычайнаго жару.

Генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ умеръ.

28. Возобновилась болѣзнь съ жестокостію, и лѣкаря отчаялись въ жизни.

Слышно было, что Чеченцы собираются въ силахъ и лжепророкъ имѣетъ большое въ народѣ вліяніе. Партіи ихъ переходятъ на правый берегъ рѣки Сунжи. Уничтожилъ 4 нашихъ редута по невыгодности мѣстоположенія.

Августа 10. Къ удивленію, Чеченцы оставили меня въ совершенномъ покоѣ.

22. По прибытіи войскъ, смятеніе въ городѣ (Андреѣ) прекратилось. Еще нѣсколько дней, и жители впустили бы Чеченцевъ въ городъ. Была сильная партія, которая того требовала. Главнѣйшіе возмутители бѣжали соединиться съ ними.

Сентября 4. Жители Аксая участвовали съ Чеченцами въ нападеніи на укрѣпленіе и большая часть оныхъ съ ними соединилась. Я предположилъ перенести городъ Аксай, дабы отдалить его отъ горъ и прекратить связи съ Чеченцами. Я приказалъ истребить часть города, прилежащую къ лѣсистому ущелью, въ которомъ появлялись измѣнники.... Князьямъ непріятна сія перемѣна, ибо въ новомъ положеніи города лишались они продолжать дружественныя связи съ мошенниками и уклоняться отъ повиновенія начальству. Простой народъ весьма былъ доволенъ, ибо вблизи отъ назначеннаго мѣста находится ихъ хлѣбопашество и обширныя пастбища для скотоводства.

(Чеченцы въ силахъ появились въ виду Андрея, думая взбунтовать городъ, но удалились безъ дѣйствій.)

18. Получено извѣстіе о возгорѣвшемся въ Кабардѣ мятежѣ. Нѣкоторые изъ владѣльцевъ укрылись въ горы, дабы пройдти за Кубань. Измѣнники, вспомоществуемые пришедшею на помощь партіей Закубанцевъ, напавъ на селеніе Солдатское, большую часть онаго раззорили. Предувѣдомленный штабъ-офицеръ не взялъ надлежащихъ мѣръ отвратить нападеніе. И наконецъ догнавъ хищниковъ, увле-

кордонная наша стража, сколь нерачительны и худо исправляютъ должность свою командующіе постами офицеры. Я предлагаю вашему превосходительству употребить свою строгость и внушить имъ точныя ихъ обязанности. Я препровождаю у сего копію съ рапорта о происшествіи, случившемся съ 9 на 10 число, въ ночи, у Прохладной, изъ коего усмотрите, какъ строгаго наказанія достойны оплошные посты, въ такомъ близкомъ разстояніи находившіеся и ни малой не подавшіе помощи. Извольте, ваше превосходительство, истребовать гражданскаго чиновника за депутата, приказать произвести подробнѣйшее изслѣдованіе надъ начальниками поста и конвойной при портѣ команды, и виновныхъ предать суду, который непремѣнно кончить въ восемь дней и ко мнѣ представить на заключеніе. Я требую отъ вашего превосходительства возможной въ семъ случаѣ строгости, ибо оскорбительно для меня слышать справедливыя насчетъ неисправности воинской стражи укоризны, и въ правилахъ моихъ нѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ. Я полагаю, ч... въ описанномъ мною происшествіи легко можно от... гдѣ прошли хищники на возвратномъ ихъ пути, ибо ... жа скоро о томъ извѣщена была; то, удостовѣряс... отъ мирныхъ ауловъ, чрезъ коихъ землю они пр... потребовать непремѣнно удовлетворенія, ибо и... уже, что они даютъ свободный пропускъ разбойника... иногда и у себя ихъ укрываютъ.

Извольте, ваше превосходительство, отъ всѣхъ, мирн... называющихся, мошенниковъ, взять аманатовъ, и соблюд... отъ заразы предосторожности, выдержавъ въ карантинѣ, содержать ихъ подъ присмотромъ въ Георгіевскѣ. требуя отъ нихъ лучшихъ и богатѣйшихъ семействъ въ случаѣ разбоя; и когда точно доказано будетъ, что чрезъ землю мирныхъ приходили хищники, а паче если доказано будетъ, что они укрываемы были, извольте объявить мирнымъ мошенникамъ, что есть мое повелѣніе наказывать смертію аманатовъ.

Извольте до полученія сего объявить всѣмъ ауламъ, вблизи отъ кордона нашего живущимъ, что если они не будутъ воспрещать прохода хищникамъ, или не давать извѣстія, то я накажу ихъ оружіемъ, изгоню въ горы, гдѣ истребятъ ихъ или непріятели, или моровая язва. Внушите имъ, что если они способствовать будутъ хищникамъ, то намъ не нужны мирные мошенники, и что я столько же мало уважаю ихъ пріязнь, сколько боюсь имѣть ихъ непріятелями.

Не знаю, что̀ поводомъ было къ размноженію между кордонной стражи казаками мнѣнія, что хищниковъ вооруженныхъ воспрещено бить, а непремѣнно приказано брать живыми, когда они защищаются оружіемъ. Я прошу повелѣніемъ вашимъ удалить сію, здравому разсудку противящуюся, мысль и внушить, что сколько строго накажу я всякаго изъ нашихъ, кто учинитъ нападеніе, столько же не упущу взыскать и съ того, кто не будетъ употреблять всѣхъ средствъ къ наказанію за сдѣланное нападеніе. Противъ оружія средство—оружіе, внушите строго нападающимъ на насъ. Съ истинными пріятелями нашими употребляйте великодушіе и кротость, вамъ свойственныя, и которыя въ особѣ вашего превосходительства я столько почитать и уважать умѣю.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

28-го октября 1816 года. № 388.

II.

отъ [illegible]

[illegible]

[illegible]сланный отъ меня капитанъ гвардіи Жемчужниковъ, для [illegible]оставленныхъ въ большомъ количествѣ людей отъ [illegible]левскаго пѣхотнаго и 15-го егерскаго полковъ, высту[illegible] въ Карталинію, представилъ мнѣ объ нихъ списки, [illegible]писаніемъ гг. полковыхъ командировъ. Большое число [illegible]ыхъ меня не удивило, ибо если причиною тому не[illegible]ровый край, то не менѣе мною замѣченъ и недостатокъ [illegible]печенія гг. командировъ. Лазаретъ 15-го егерскаго полка содержится лучше Бѣлевскаго, но весьма далекъ отъ того устройства, въ которомъ могъ быть при должной о немъ заботливости. Лазаретъ Бѣлевскаго полка явно свидѣтельствуетъ нерадѣніе о немъ бывшаго командира, г. генералъ-майора Мерлина. Долгое время командуя полкомъ довольно уже давно на одномъ мѣстѣ, можно бы имѣть его въ лучшемъ порядкѣ. Нѣтъ удобнаго для помѣщенія больныхъ строенія, тогда какъ въ близости есть много лѣса. Больные лежатъ тѣсно, мало лазаретныхъ вещей, и то худыя. Я предупреждаю гг. начальниковъ, что не только не буду, подобно имъ, равнодушнымъ къ состоянію больныхъ солдатъ, напротивъ того, обращу ихъ строгими мѣрами къ ихъ обязанностямъ. Г-ну генералъ-майору Мерлину, уважая въ немъ чинъ его, даю способъ загладить вину нерадѣнія его предложеніемъ на лазаретъ собственнаго его дома, въ построеніи коего участвовали солдаты, которые въ то время съ большею пользой могли обращены быть,

по крайней мѣрѣ, на построеніе прежде лазарета, о чемъ ожидаю отъ него донесенія. Въ спискахъ означены оставленные по приказанію бригаднаго командира, для употребленія на службу, 55 человѣкъ Бѣлевскаго и 65 человѣкъ 15-го егерскаго полковъ. Если люди тѣ мастеровые, то, по числу выступившихъ ротъ, ихъ слишкомъ много; если же оставлены по прихотямъ полковыхъ командировъ, то не выполнена цѣль, для которой роты выведены. Въ спискахъ показано, что Бѣлевскаго пѣхотнаго полка 1 унтеръ-офицеръ и 26 рядовыхъ находятся при генералъ-маіорѣ Мерлинѣ. Если то для охраненія его особы, то она въ Кутаисѣ безопасна; если же для почести для того есть постановленный узаконеніями караулъ. Въ крѣпости Св. Николая лазаретъ Гурійскаго гарнизоннаго полка въ жалкомъ положеніи. Я не взыскиваю за недостаточное больныхъ содержаніе; ибо, по всегдашнему числу больныхъ, полкъ собственныхъ на то средствъ не можетъ имѣть достаточныхъ, но, по крайней мѣрѣ, присмотръ за больными никакихъ не требовалъ отъ полка издержекъ. Лазаретъ въ верхнемъ укрѣпленіи довольно хорошъ и занятъ малымъ числомъ больныхъ; другой, несравненно худшій, такъ наполненъ, что одного стѣсненія довольно, чтобы между людьми размножить и усилить болѣзни. Лѣкарь часто пьянъ и рѣдко бываетъ въ лазаретѣ; его, содержа подъ карауломъ, вытрезвить и расположить жить въ лазаретѣ, всегдашнимъ занятіемъ отнять праздность—причину пьянства. Больные размножаются отъ безпорядочнаго употребленія людей на службу, отъ несоблюденія очереди между ними; чрезъ одну смѣну ходятъ они въ караулъ. Прекращеніе многихъ безпорядковъ зависитъ отъ лучшаго надзора начальствующаго войсками, г. генералъ-маіора Хатунцова, которому о семъ дается на замѣчаніе.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Отношеніе Ермолова къ дежурному генералу Закревскому.

При отношеніи, отъ 2-го ноября, за № 9603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили копію съ отзыва господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, что полевой оберъ-священникъ, во ожиданіи достовѣрныхъ свѣдѣній о исправности тифлисскаго военнаго госпиталя протоіерея Джевахова, отказываетъ просимую ему награду.

Господинъ оберъ-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствованія моего объ усердіи протоіерея, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что, въ званіи командира корпуса, и удостоиваемый важной довѣренности чиновникъ, могъ бы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемыя имъ достовѣрныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свыше, и, подобно мнѣ, долженъ онъ разсматривать предметы, даетъ онъ, оберъ-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный, къ заключенію, что, въ разстояніи трехъ тысяхъ верстъ, не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ и я самъ, когда оные у меня подъ глазами. Не чуждо было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, еслибы господинъ оберъ-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего къ награжденію протоіерея.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезный и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ!

Зная то особенное искреннее участіе, которое вы принимаете въ любезнѣйшемъ другѣ и товарищѣ, генералъ-лейтенантѣ князѣ Яшвилѣ, и хотя мы теперь съ вами далеко другъ отъ друга находимся, но я, помня ваше душевное дружеское къ нему расположеніе, хотя и знаю, что вамъ будетъ весьма непріятно слышать неудачу съ его стороны, но что̀ же дѣлать, не могу вамъ объ оной не разказать. Посланы были офицеры выбирать изъ артиллеріи, въ его командѣ состоящей, въ гвардейскую артиллерію людей; онъ не допустилъ, отославъ назадъ офицеровъ, отозвавшись, что люди прежде уже были взяты. Но нынѣ, по моему представленію, государь императоръ приказать изволилъ сдѣлать выборъ, котораго князю Яшвилю не хотѣлось; это, кажется, значитъ не солоно схлебнулъ; а какъ все это дѣло происходило, вы можете увидѣть подробно изъ прилагаемыхъ при семъ копій съ моего представленія и съ отвѣта князя Волконскаго.

Мнѣ весьма прискорбно, что я вамъ дѣлаю большую непріятность, писавши о неудачѣ любезнѣйшаго вашего единственнаго друга и товарища, но, по искренности моей къ вамъ, я не могъ предъ вами объ этомъ умолчать. И затѣмъ примите, ваше превосходительство, увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго уваженія.

15 ноября, 1816 года, Варшава.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералъ-лейтенанту Ермолову.

Прежде прибытія вашего къ мѣсту назначенія, составлена смѣта о потребной на 1817 годъ суммѣ на продовольствіе отдѣльнаго кавказскаго корпуса, по коей цѣны изчислены превосходнѣе прошлогоднихъ: на четверти муки 2 руб. $91^1/_2$ коп., на четверти овса 3 руб. $52^1/_4$ коп., и на пудѣ сѣна $3^2/_3$ коп. Разсмотрѣвъ предварительно изчисленія всего военнаго департамента, замѣтилъ я, что по первой арміи, напротивъ, исчислены цѣны съ пониженіемъ противъ 1816 года: на четверти муки 62 коп., крупъ 2 руб. 64 $^2/_3$ коп., овса 1 руб. $96^1/_5$ коп., и на пудѣ сѣна 5 коп. Соображая состояніе государственнаго казначейства и пріемля въ уваженіе, что когда въ первой арміи сдѣлано пониженіе въ цѣнахъ, то безъ сомнѣнія должно оно быть и въ другихъ мѣстахъ, приказалъ я военному министру, въ соразмѣрность цѣнъ первой арміи, требовать и для ввѣреннаго вамъ корпуса сумму на будущій годъ, рѣшительно считая четверть муки 12 руб. $77^1/_5$ коп., четверть крупъ 15 руб. $2^5/_{12}$ коп., четверть овса 4 руб. $85^3/_{10}$ коп., и пудъ сѣна 10 коп. Извѣщая васъ о семъ, я увѣренъ, что при усердіи вашемъ и дознанной попечительности о пользѣ казенной, вы не упустите ничего къ выгодному отдѣльнаго грузинскаго корпуса продовольствію и къ дешевѣйшей транспортировкѣ онаго какъ моремъ, такъ и въ линейные магазейны, дабы въ теченіи будущаго года извротиться тою суммою, какая по назначеннымъ мною цѣнамъ исчислена будетъ.

Александръ.

С.-Петербургъ.
28 ноября 1816 года.

Письмо королевы Виртембергской, великой княгини Екатерины Павловны.

Стутгардъ, 4 января (23 декабря) 1817 г.

Алексѣй Петровичъ! Съ отмѣннымъ удовольствіемъ я получила вчера письмо ваше и прекраснѣйшую шаль,

вами мнѣ присланную. Не только сей драгоцѣнный даръ, но болѣе еще воспоминаніе ваше очень меня обрадовали. Вы давно знаете, сколь высоко я почитаю ваши воинскія качества и услуги, которыя вы столь часто любезному нашему отечеству оказывали. Я крайне тронута, что и въ отсутствіи вы обо мнѣ вспомнили, и буду всегда сію отмѣнную шаль съ удовольствіемъ носить. О вашихъ дипломатическихъ успѣхахъ для меня было любопытно въ вѣдомостяхъ читать, и я не сомнѣваюсь, что вы и на семъ новомъ поприщѣ будете Россіи полезнымъ. Желая вамъ во всѣхъ случаяхъ жизни счастія, съ отмѣннымъ уваженіемъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

Письмо великаго князя Костантина Павловича.

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 9 января, и читалъ то, что̀ вы пишете любезнѣйшему нашему Дмитрію Дмитріевичу. Отъ всего сердца благодарю васъ за тѣ же ваши чувства ко мнѣ, которыми я имѣлъ удовольствіе прежде пользоваться; съ моей же стороны, ежели бы вы были на краю свѣта, а не только въ Грузіи, то я всегда былъ и буду одинаковъ съ моею къ вамъ искренностію, и оттого между нами та разница, что я всегда къ вамъ былъ, какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда съ обманцемъ бывали. Впрочемъ, скажу вамъ, что у насъ здѣсь, хотя мы и не въ Персіи и не на носу у насъ Индія, но, однако, все, благодаря Бога, хорошо и своимъ порядкомъ, какъ водится, идетъ.

Въ заключеніе сего повторяю вамъ истинное увѣреніе, что никакая отдаленность не перемѣнитъ особеннаго и всегдашняго къ вамъ искренняго уваженія.

11 февраля 1817 года.

Два письма графа Аракчеева.

I.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего превосходительства изъ Тифлиса, отъ 9 января сего года, и цѣню довѣренность,

которая побудила васъ обратиться ко мнѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я предоставляю безпристрастію вашему разрѣшить, могу ли я участвовать въ отклоненіи неудобствъ, встрѣчающихся въ продовольствіи ввѣренныхъ вамъ войскъ, когда дѣло сіе остается для меня совершенно стороннимъ? Напротивъ того, важность предмета требовала бы, по мнѣнію моему, чтобы вы, милостивый государь мой, настоятельное сдѣлали объ ономъ представленіе военному министру, который, имѣя въ завѣдываніи своемъ все то, что̀ относится до продовольствія войскъ, въ обязанности находится дать полное на требованіе ваше разрѣшеніе. Сочтя за нужное упомянуть о семъ вашему превосходительству и зная, впрочемъ, благоразуміе, которое отличало всегда дѣйствія ваши, я спѣшу повторить вамъ здѣсь увѣреніе отличнаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть.

вашего превосходительства покорный слуга,

графъ Аракчеевъ.

11 февраля 1817 года.

II.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Я радуюсь, что вашею помощію окончилось дѣло князя Эристова, и я спѣшу доставить къ вашему превосходительству копію съ указа, на имя ваше послѣдовавшаго, прося принять истинное мое увѣреніе въ почтеніи, которое я всегда сохраняю къ вашему превосходительству, и пребуду навсегда покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Приказъ Ермолова по Грузинскому отдѣльному корпусу.

При обозрѣніи мною границъ, высочайше порученныхъ управленію моему, областей, владѣтели ханствъ: Ширванскаго, Шекинскаго и Карабахскаго, по обычаю здѣшнихъ странъ, предложили мнѣ въ даръ верховыхъ лошадей, золотые уборы, оружіе, шали и прочія вещи.

Не хотѣлъ я обидѣть ихъ, отказавъ принять подарки. Неприличнымъ почиталъ и воспользовался ими, и потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ

разныхъ ханствъ 7.000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли, сколько пріятно мнѣ стараться о пользѣ ихъ. Обѣщаю имъ и всегда о томъ заботиться (здѣсь слѣдуетъ порядокъ, сколько на какой полкъ и откудова получить). Овцы сіи принадлежатъ артелямъ, какъ собственность, въ распоряженія коей никто не имѣетъ права мѣшаться. Стада должны пастись вмѣстѣ всего полка, не допуская мельчайшихъ раздѣленій, дабы караулами не отяготить людей и солдаты не сдѣлались бы пастухами. Команды при табунахъ должны быть при офицерахъ и въ строгомъ военномъ порядкѣ. За сохраненіе табуна не менѣе отвѣтствуетъ офицеръ, какъ за военный постъ. Полку вообще не сдѣлаетъ чести, если офицеръ его не будетъ умѣть сберечь собственности солдатской. Овецъ въ первый годъ въ пищу не употреблять; но сколько можно стараться разводить ихъ. Для выбора способныхъ къ заводу будутъ отъ меня отправлены знающіе люди; для перегнанія стадъ ханы дадутъ опытныхъ отправщиковъ. Въ послѣдствіи времени будетъ и мясо, и полушубки, которые сберегутъ дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверхъ того, сохранятъ и аммуницію. Для выдѣлки шкуръ я помогу полкамъ деньгами; каждые полгода полки должны представлять мнѣ вѣдомости объ успѣхѣ разведенія овецъ, по которому буду заключать о заботливости гг. командировъ. Солдатамъ позволяется, если найдутъ выгоднѣе имѣть рогатый скотъ, продать, или промѣнять овецъ. Къ отправленію пріемщиковъ и командъ должно полкамъ приступить немедленно. Приказъ сей прочесть въ ротахъ.

Генералъ-лейтенантъ Ермоловъ.

Февраля дня 1817 г. Тифлисъ.

Рапортъ Алексѣя Петровича Ермолова государю императору.

Вникая въ способы введенія въ здѣшнемъ краю устройства, хотя вижу я большія затрудненія, надѣюсь, однакожъ, со временемъ и терпѣніемъ, въ свойствахъ Грузинъ ослабить закоренѣлую наклонность къ безпорядкамъ; но области, ханами управляемыя, долго противостанутъ всякому устройству, ибо данные имъ трактаты предоставляютъ имъ прежнюю власть безъ малѣйшаго оной ограниченія казны,

на которую они права не имѣютъ. Управленіе ханствами даровано имъ наслѣдственно. Благодѣтельные россійскіе законы не иначе могутъ распространиться на богатыя и изобильныя области сіи, какъ въ случаѣ прекращенія наслѣдственной линіи, или измѣны ханов. Покойный генералъ князь Циціановъ, при недостаткѣ средствъ со стороны нашей, и сихъ внѣшнихъ и внутри земли сильныхъ непріятелей присоединилъ ханства къ Россіи. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительные. Въ послѣдствіи ощутительно было, сколько они противны пользамъ нашимъ, отяготительны для народовъ и сколько потому съ намѣреніями вашего императорскаго величества не согласуются. Никто, однакожъ, не воспользовался возможностью перемѣнить ихъ. Измѣна хана Шекинскаго вручила намъ богатыя его владѣнія, главный городъ взятъ былъ нашими войсками, ханъ бѣжалъ въ Персію и введено было россійское управленіе. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ безъ всякой нужды вызвалъ на ханство одного изъ бѣжавшихъ хановъ изъ Персіи, и нынѣ сынъ его, генералъ-майоръ Измаилъ-ханъ, имъ управляетъ. Такимъ же образомъ измѣнилъ и ханъ Карабахскій, но былъ убитъ.

Послѣ него остались дѣти вѣрные и приверженные, и фельдмаршалъ графъ Гудовичъ долженъ былъ ввести сына на ханство, которымъ доселѣ владѣетъ, но онъ бездѣтенъ и здоровья весьма слабаго; по немъ наслѣдникъ, племянникъ его, полковникъ Джафаръ-Кули Ага, который въ 1812 году измѣнилъ намъ, бѣжалъ въ Персію, вводилъ персидскія войска въ свое отечество неоднократно, съ ними нападалъ на одинъ баталіонъ нашъ, слабый числомъ, напалъ и истребилъ его. Предмѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ, призвалъ его изъ Персіи высочайшимъ манифестомъ 1814 года, простилъ его преступленія, призналъ его прежнимъ наслѣдникомъ и ввелъ въ прежнія права наслѣдника ханства. Оба сіи ханства, положеніемъ своимъ важныя, произведеніями богатѣйшія, должны непремѣнно быть управляемы россійскими законами на томъ основаніи, какъ Елисаветпольскій округъ, нѣкогда бывшій ханство Ганжинское.

Доводя о семъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше прошу полковника Джафаръ-Кули-Агу не утверждать наслѣдникомъ ханства Карабагскаго; и хотя генералъ Ртищевъ, именемъ вашего величества, призналъ его въ семъ достоинствѣ, я найду благовидныя причины не допустить его управлять ханствомъ.

Хана Шекинскаго, [illegible] управленіемъ [illegible]

ненавидящій, жестокаго свойствами и преступающаго дарованныя ему трактатомъ права, я началъ уже усмирять весьма строгими мѣрами. И даю направленіе общему мнѣнію, что онъ ханомъ быть не достоинъ.

Я не испрашиваю вашего императорскаго величества на сей предметъ повелѣнія; обязанности мои истолкують мнѣ попеченіе вашего величества о благѣ народовъ, покорствующихъ высокой державѣ вашей; правила мои не призывать власти государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ; необходимость же наказанія предоставляю я законамъ. По возвращеніи изъ Персіи, согласуясь съ обстоятельствами, приступлю я къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ.

Февраля дня 1817 года. Тифлисъ.

Рескриптъ.

Командиру отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, господину генералу отъ инфантеріи, Ермолову.

Предположенія ваши о надѣленіи землями казаковъ, по Кавказской линіи поселенныхъ, были разсмотрѣны въ комитетѣ министровъ, и потомъ представлены мнѣ.

Обративъ вниманіе на сіи предположенія, нахожу оныя совершенно основательными, и пропорцію земли, казакамъ предназначаемую, достаточною. А потому повелѣваю вамъ учредить особую, подъ руководствомъ вашимъ, коммиссію изъ членовъ одного военной стороны, министерства финансовъ и одного землемѣра, вмѣнивъ ей въ обязанность заняться надѣленіемъ собственно казаковъ землями, коихъ пропорцію отмежевать по вашему предположенію, а именно: для полковъ, расположенныхъ по правому флангу линіи, въ уѣздахъ Александровскомъ, Ставропольскомъ и Георгіевскомъ, гдѣ земля удобная къ хлѣбопашеству, на каждую наличную душу служащихъ и не служащихъ казаковъ по 30 десятинъ, чиновникамъ же ихъ штабъ-офицерамъ по 300, а прочимъ старшинамъ по 60 десятинъ. Что же касается до тѣхъ, которые жительствуютъ на лѣвомъ флангѣ по рѣкѣ Тереку, какъ-то: полковъ Моздокскаго, Гребенскаго, Терскаго, Семейнаго и прочихъ, то, по уваженію, что земля у нихъ большею частію песчаная и для хлѣбопашества весьма не выгодная, назначить каждому казаку, служащему и неслужащему, по 50 десятинъ, штабъ-офицерамъ ихъ по 400, а прочимъ старшинамъ по 100 десятинъ. Сверхъ сего количества, для каждаго селенія тѣхъ и другихъ полковъ,

отвесть особъ по 30 десятинъ для разведенія лѣсу, и особо для церквей, гдѣ оныя имѣются, узаконенную пропорцію.

При таковомъ раздѣленіи земель коммиссія должна:

1) Имѣть въ виду всевозможное сохраненіе выгодъ казенныхъ поселянъ и азіатскихъ народовъ, ведущихъ осѣдлую и кочевую жизнь, и чтобы тѣ и другіе не почувствовали при томъ никакого стѣсненія.

2) Изыскать способы, куда по мѣстнымъ удобностямъ лучше обратить отданныя отъ казны Волжскому полку пять оброчныхъ статей, и какихъ полковъ казакамъ ближе и справедливѣе предоставить право пользоваться рыбными ловлями, въ оныхъ статьяхъ находящимися.

3) Опредѣлить, нужно ли будетъ нынѣ Моздокскаго полка казакамъ отвесть изъ пустопорожныхъ земель, къ дачамъ ихъ прилегающихъ, 5709 десятинъ, въ замѣнъ таковаго же количества земли, на коей произрастаетъ трава желтинникъ, и которую предположено взять изъ владѣнія того полка въ казенное вѣдомство.

Вы не оставите, по ближайшей вамъ извѣстности всѣхъ обстоятельствъ, до сего относящихся, снабдить коммиссію нужнымъ наставленіемъ, и наблюсти за точнымъ исполненіемъ возлагаемаго на нее порученія; по исполненіи жь донести мнѣ что̀ подъ руководствомъ вашимъ учинено будетъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 6 марта, 1817 года.

Рапортъ Ермолова государю.

Въ представленіяхъ моихъ о вознагражденіи чиновниковъ никогда не обращалъ я вниманія начальства на недостойныхъ, и не особеннымъ усердіемъ и трудами, или похвальнымъ безкорыстіемъ онаго не заслуживщихъ. Здѣсь, по недавнему моему пребыванію, наиболѣе строгъ я въ выборѣ. Но, государь, безполезно одобряю трудящихся; не внимаетъ начальство моимъ представленіямъ, не достигаютъ они правосуднаго вашего императорскаго величества воззрѣнія, и я, по волѣ вашего величества, занимая мѣсто, съ которымъ неразлучно должно быть довѣріе правительства, въ первый разъ, въ продолженіе службы моей, не смѣю ручаться подчиненнымъ за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ, а потому и довѣріе къ правительству внушить имъ не могу.

Управляющему министерствомъ полиціи представлялъ я о

исходатайствованіи награжденія чиновникамъ за труды въ прекращеніи заразы. Я былъ свидѣтелемъ, каковыхъ стоитъ трудовъ и самой опасности тщательное исполненіе сихъ должностей; но мнѣ отвѣтствуютъ, что высочайше повелѣно остановиться представленіями до назначенія времени и формъ докладовъ по сему предмету. Въ то же время по министерству полиціи и по другимъ частямъ безпрестанно награждаемые чиновники утверждаютъ меня въ мнѣніи, что нѣтъ формъ правосудію и милосердію.

Государь! здѣсь надежда на справедливое воздаяніе за вѣрность и усердіе должны вознаграждать лишеніе всѣхъ прочихъ выгодъ. Родъ жизни служащихъ злѣсь—отреченіе всѣхъ удовольствій и отдаленность достойны особеннаго вниманія. Никто не служитъ здѣсь, кому сильныя связи и могущественныя покровительства представляютъ выгоднѣйшее служеніе въ другомъ мѣстѣ. Я требую трудовъ, и здѣсь все надобно доставать трудами.

Къ милостямъ, вашимъ императорскимъ величествомъ изливаемымъ, присовокупите, государь, и то, чтобы могъ я достойнымъ обѣщать достойное воздаяніе.

12 марта, 1817 года.

Рескриптъ Ермолову.

Алексѣй Петровичъ! Я весьма доволенъ трудами и усердіемъ, подъемлемыми вами на пользу края и войскъ, вамъ ввѣренныхъ. Каждое донесеніе ваше принимаю я доказательствомъ неусыпнаго вашего рвенія къ водворенію устройства въ Грузіи и къ исполненію моихъ ожиданій. Желая доказать вамъ, сколь мнѣ пріятно содѣйствовать вашему попеченію, я, при соблюденіи всѣхъ правилъ строжайшей умѣренности въ государственныхъ расходахъ, далъ мое повелѣніе министру финансовъ отпускать ежегодно въ распоряженіе ваше по 159.744 руб. асигнац. для довольствія войскъ Грузинскаго корпуса мясною и винною порціей, по вашему назначенію, будучи увѣренъ, что коль скоро устройство земли и войска, сходно предположеніямъ, дозволитъ прекратить издержку сію изъ суммъ государственнаго казначейства, вы ускорите сообразнымъ сему распоряженіемъ. Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ.

Александръ.

С.-Петербургъ, 24 мая, 1817 года.

Два письма великаго князя Константина Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ!

При почтенномъ письмѣ ко мнѣ вашего превосходительства, имѣвъ честь получить описаніе, сдѣланное полковникомъ Ермоловымъ персидскихъ регулярныхъ войскъ, и азіятскую саблю работы художника Геурка, я пріятнымъ долгомъ обязываюсь обратиться къ вамъ за оное и за память старинной дружбы съ истинною моею благодарностію, и скажу вамъ, храбрѣйшій и любезнѣйшій товарищъ, что я на первый разъ, прочитавъ помянутое описаніе, нахожу, что оное кто сдѣлалъ, видно былъ съ глазами: написано прекраснѣйше, и я только что взглянулъ, увидѣлъ, что устройство и порядокъ англійскихъ войскъ, но чтобы лучше о семъ знать, я буду оное чаще читать. Прошу васъ за сіе поблагодарить отъ меня полковника Ермолова, равно и за саблю Геурка, которая, какъ оружіе, никогда такъ не принимается, а посылается за сіе 10 коп. серебромъ. Вамъ не знаю, что̀ послать отсюда новаго; если наши уставы, то вамъ оные извѣстны; развѣ надобно бы было отыскать и послать по дружбѣ къ любезнѣйшему патеру Груберу старинныя езуитскія установленія.

Впрочемъ, прошу, любезнѣйшій и почтеннѣйшій товарищъ, содержать меня попрежнему въ вашей памяти, и принять увѣреніе моего къ вамъ всегдашняго съ дружбой почтенія и уваженія.

27 іюня, 1817 г.

II.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Для меня весьма пріятно было получить письмо вашего превосходительства отъ 9-го іюня; полковникъ Джонсонъ и капитанъ Солтеръ проѣхали чрезъ Варшаву въ отсутствіе мое; крайнѣ сожалѣю, что сей случай лишилъ меня удовольствія исполнить ваше желаніе касательно ихъ пріема, ибо хотя мы находимся другъ отъ друга въ весьма большой отдаленности, но прошу васъ быть увѣрену, что я

какъ прежде былъ, такъ и всегда останусь, съ искреннимъ и особеннымъ къ вамъ уваженіемъ и дружбой.

8-го сентября, 1817 года.

Выписки изъ біографіи князя Мадатова.

Вновь вышедшая біографія князя Мадатова, * одного изъ главныхъ помощниковъ Ермолова на Кавказѣ, даетъ возможность полнѣе обозрѣть дѣятельность Алексѣя Петровича, въ первые годы его управленія.

Въ 1818 г. генералъ Ермоловъ предпринялъ рѣшительныя мѣры для усмиренія Чеченцевъ, самаго воинственнаго народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набѣгами и безпрерывными разбоями наводилъ повсюду ужасъ до того, что по военно-грузинской дорогѣ невозможно было слѣдовать иначе, какъ съ сильнымъ прикрытіемъ, при коемъ всегда долженствовали находиться и орудія. Мѣры сіи состояли въ томъ, что все низменное пространство земли, лежащее между рѣками Терекомъ и Сунжею, и служившее Чеченцамъ для посѣва хлѣба, а огромные и прибыльные луга для прокормленія лошадей, рогатаго и прочаго скота, было отнято у нихъ посредствомъ перенесенія линіи съ Терека на Сунжу и построенія на сей послѣдней рѣкѣ достаточнаго числа редутовъ и крѣпостей, которые совершенно лишили бы Чеченцевъ возможности пользоваться этимъ пространствомъ земли. Наѣздничество ихъ дѣлалось съ тѣхъ поръ весьма затруднительнымъ, и часто влекло за собою совершенное уничтоженіе цѣлыхъ партій. Вскорѣ обнаружились между ними пагубныя послѣдствія общаго недостатка въ хлѣбѣ и скотѣ. Вынужденные снискивать себѣ скудную пищу въ гористыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, и потерявъ уже значительную часть своего скотоводства, они подверглись болѣзнямъ, опустошавшимъ цѣлыя селенія. Благомыслящая часть народа явилась съ покорностію и получила прощеніе, съ условіемъ покинуть горы и со всѣмъ своимъ имуществомъ перейдти на жительство въ низменныя мѣста между Терекомъ и Сунжею, подъ охраненіемъ нашихъ крѣпостей. Вотъ первоначальное основаніе такъ называемыхъ мирныхъ Чеченцевъ.... Нельзя было и сомнѣваться, чтобы

* Князь Мадатовъ, находившійся во время Вѣнскаго конгресса въ авангардѣ, расположенномъ въ Краковѣ подъ командою Ермолова. Высочайше назначенъ въ Кавказскій отдѣльный корпусъ въ 1816 г., вслѣдствіе представленія Ермолова. 1817 года возложена на него должность военно-окружнаго начальника въ ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ.

выборъ сего единственнаго способа къ скорому и прочному покоренію горскихъ народовъ вообще могъ ускользнуть отъ прозорливаго генія Ермолова.

При первомъ появленіи войскъ нашихъ на рѣкѣ Сунжѣ, Чеченцы, видя свое безсиліе и невозможность воспрепятствовать новой линіи, которая должна была лишить ихъ главнѣйшихъ способовъ къ пропитанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности дѣлать набѣги на станицы, находящіяся на старой линіи по берегу рѣки Терека, всѣми мѣрами старались выставить оскорбленіе, имъ нанесенное, какъ обиду общую для всѣхъ вольныхъ кавказскихъ народовъ: они предсказывали въ будущности такую же участь и всѣмъ другими племенамъ, если они заблаговременно и соединенными силами не отвратятъ угрожающей гибели. Нѣкоторые народы, жившіе въ сосѣдствѣ Чеченцевъ, какъ-то: Койсубуйлинцы и другіе, дѣйствительно присылали къ нимъ толпы вооруженныхъ, съ коими Чеченцы отчаянно нападали на наши лагери и транспорты, стараясь наносить намъ какъ можно болѣе вреда и препят[illegible] учрежденію новой линіи. Всѣ усилія ихъ въ э[illegible] оставались тщетными; но имъ удалось склонить [illegible] сторону сильнѣйшіе народы сѣвернаго Дагестана [illegible] Акушинцевъ, Казыкумыковъ, Каракайдаговъ [illegible] которые, пользуясь малочисленностію въ то вре[illegible] скихъ войскъ за Кавказомъ, производили по больш[illegible] рогамъ грабежи, и возмущали народы, съ давняго времени подвластные Россіи.

Для наказанія одного изъ главнѣйшихъ между ними, находящагося по близости г. Дербента, именно Башлинцевъ, посланъ былъ въ 1818 году отрядъ войскъ. Башлинцы пригласили на помощь къ себѣ всѣ сосѣдственные народы: болѣе же другихъ помогали имъ Акушинцы, сильнѣйшіе въ цѣломъ Дагестанѣ и до сихъ поръ еще славящіеся пораженіемъ самого Надиръ-Шаха при Иранъ-Харабѣ въ 20 верстахъ отъ Дербента.

Отрядъ нашъ взошелъ въ городъ Башлы, окруженный лѣсами и крутыми возвышеніями, господствующими надъ нимъ, расположился въ его тѣсныхъ улицахъ. Внезапное нападеніе горцевъ, не дерзающихъ въ полѣ сражаться съ нами, было слѣдствіемъ неосторожнаго расположенія отряда, а отчаяніе нападающихъ и выгоды, которыя доставлялъ свойственный имъ бой въ разсыпную, принудили Русскихъ отступить въ безпорядкѣ съ значительною потерей. Эта неудача послужила поводомъ къ общему торжеству для всѣхъ народовъ сѣвернаго Дагестана, въ числѣ коихъ

находились и владѣнія Уцмея, селенія терекеменскія и другія, давно уже покорствовавшія россійскому правительству, но съ того времени явно оказавшія непослушаніе. Тотъ же духъ непокорности распространился наконецъ и во владѣніяхъ шамхала Тарковскаго, человѣка лично преданнаго россійскому престолу, но слабо управлявшаго народами, ему подвластными.

Старшины обществъ дѣлали воззванія къ народамъ, приглашая ихъ къ всеобщему вооруженію для истребленія враговъ, не вѣрующихъ въ Магомета, и положили всѣми силами помогать Чеченцамъ, а для главнаго управленія злоумышленныхъ намѣреній своихъ избрали хана Казыкумыкскаго и Акушинцевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Дагестанѣ въ 1819 году, когда генералъ Ермоловъ вознамѣрился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Андреевской деревнѣ. Эта мѣра долженствовала положить предѣлъ всѣмъ набѣгамъ и грабежамъ Чеченцевъ. Окончательнаго построенія сей крѣ[illegible]льзя было предположить прежде глубокой осени; но [illegible]емени невозможно было оставить безъ наблюденія [illegible]шіеся народы въ Дагестанѣ, которые уже собрали [illegible]ныя силы для подкрѣпленія Чеченцевъ. При томъ [illegible]ное положеніе шамхала Тарковскаго, съ боль[illegible]удомъ удерживавшаго народъ свой отъ явнаго уча[illegible] всеобщемъ возмущеніи, требовало скорыхъ мѣръ къ отвращенію самыхъ пагубныхъ послѣдствій. Посему генералъ Ермоловъ положилъ немедленно собрать войска въ Дагестанѣ и нанести рѣшительный ударъ Акушинцамъ, какъ самому главному и храбрѣйшему въ томъ краѣ народу, вмѣшивавшемуся во всѣ чужія распри. Послѣдствіемъ пораженія Акушинцевъ неминуемо долженствовало быть усмиреніе и всѣхъ другихъ племенъ, хотя не столь сильныхъ, но также непокорныхъ.

Между тѣмъ экспедиція эта не могла быть предпринята прежде глубокой осени, а до того времени Дагестанцы, имѣя способы посылать значительныя подкрѣпленія къ Чеченцамъ, могли бы препятствовать окончанію крѣпости. Для отвращенія сего надлежало имѣть въ Дагестанѣ отрядъ войскъ, который безпрерывно угрожалъ бы тамошнимъ народамъ и не дозволялъ вооруженнымъ жителямъ собираться въ значительномъ числѣ. Крайняя малочисленность войскъ, которыми можно было располагать на этотъ предметъ въ Дагестанѣ, совершенная неизвѣстность мѣстоположеній гористаго и покрытаго лѣсами края, чрезвычайная трудность дорогъ для слѣдованія войскъ и перевоза орудій, были не

единственными затрудненіями къ исполненію сего предпріятія: надлежало еще отыскать, для командованія отрядомъ генерала опытнаго, предпріимчиваго, рѣшительнаго и особенно быстраго въ движеніяхъ. Командиромъ отряда назначенъ былъ генералъ-майоръ князь Мадатовъ.

. . . .

Въ началѣ августа въ селеніи Исталарѣ соединился небольшой отрядъ войскъ, изъ двухъ батальйоновъ пѣхоты, роты артиллеріи, 500 казаковъ и 650 человѣкъ конницы составленной изъ Карабахцевъ, Ширванцевъ и Шекинцевъ, которыхъ генералъ-майоръ князь Мадатовъ, какъ областной начальникъ, склонилъ къ предпріятію похода противъ ихъ единовѣрцевъ. Первый и неслыханный дотолѣ примѣръ.... Къ сему отряду присоединился съ 500 всадниковъ Асланъ-ханъ Куринскій, совершенно преданный россійскому правительству.

. . . .

Съ разсвѣтомъ, отрядъ находился на вершинѣ высокой горы, покрытой облаками; крутой и лѣсистый спускъ велъ къ подошвѣ ея, гдѣ видно было множество угухавшихъ огней. Это былъ непріятельскій бивуакъ, окружавшій селеніе Хошни....

Пальба и дикіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ. Изумленные неожиданнымъ нападеніемъ горцы не могли долго обороняться и бросились искать спасенія по единственному оставшемуся направленію въ ущелья... Въ этомъ дѣлѣ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было весьма немного.... Въ числѣ раненыхъ находился и самъ возмутитель Абдулъ-бекъ Герсинскій, зять бѣглаго Шихъ-Али-хана Дербентскаго, бывшаго долгое время въ Персіи и дружественно принятаго Аббасъ-Мирзою.... На другой день явились съ покорностію въ лагерь всѣ старшины шести табасаранскихъ магаловъ... Князь Мадатовъ именемъ государя объявилъ прощеніе всѣмъ имъ, исключая Абдулъ-бека... поручилъ народъ въ управленіе зятю шамхала Тарковскаго, Абдулъ-Разахъ-беку.... Такъ.... покорена вся Табасарань.

Генералъ Ермоловъ, получивъ объ этомъ донесеніе отъ 22-го августа 1819 года, писалъ князю Мадатову между прочимъ: „Вы все то сдѣлали, чего только могъ я ожидать, и что, какъ знаю, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдулъ-бека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ наши дѣла, ибо увидятъ непріятели, что, не обвлая войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумчальствомъ вашимъ, и самые жители сражаются

храбро. Зная хорошо отличную всегда службу вашу, возлагая на васъ порученія, я зналъ уже и самыя слѣдствія.“

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи о семъ государю императору, генералъ Ермоловъ, между прочимъ, говоритъ: „Излишними считаю похвалы храбрости офицера, имѣющаго счастіе быть извѣстнымъ вашему величеству, но долженъ отдать справедливость, что разбитіе непріятеля, паче когда горскіе народы дали присягу соединиться противъ насъ, имѣетъ большое вліяніе на наши дѣла, и что пріобрѣтенный генералъ-майоромъ княземъ Мадатовымъ успѣхъ принадлежитъ вѣрному его соображенію и быстрому исполненію предпріятія. Смѣю надѣяться, что ваше императорское величество, съ благоволеніемъ принять изволите, что генералъ-майоръ князь Мадатовъ разбилъ непріятеля одними татарскими войсками, и нѣтъ ни одного русскаго ни убитаго, ни раненаго.“

Отрядъ.... расположился лагеремъ при редутѣ Дарбахѣ, по большой дорогѣ къ Тарки... Многіе мятежные беки терекеменскихъ селеній, ближайшихъ къ лагерю, собравшись съ войсками въ подвластныхъ Эмиръ-Гамзѣ селеніяхъ: Улу-Терекема, Джими-кентъ и въ мѣстечкѣ Берекей, принадлежащемъ Ибахъ-беку, старались возмущать Каракайдагъ. Владѣтель сей многолюдной и воинственной провинціи — Уцмей.... Вскорѣ.... въ терекеменскихъ селеніяхъ собрались всѣ беки съ войскомъ.... Князь Мадатовъ.... мгновенно напалъ на деревню Улу-Терекема... вступилъ въ дѣло съ Лезгинами, разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ.....

Между тѣмъ Уцмей не только самъ измѣнилъ, но склонилъ къ побѣгу и сына своего, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ Дербентѣ, присягнулъ на вѣрноподданство.

Жители терекеменскіе... не потерпѣли ни малѣйшей обиды... они просили назначить имъ изъ среды ихъ управляющаго всѣми табасаранскими (каракайдагскими?) селеніями; князь Мадатовъ возложилъ сію обязанность на Эмиръ-Гамзу-бека, ближайшаго родственника Уцмея.

....Узнавъ, что въ Башлахъ собрались непріятели, въ томъ числѣ 3.000 человѣкъ со стороны Уцмея, подъ командою Абдулъ-бека Герсинскаго, и что Башлынцы намѣрены сопротивляться Русскимъ, князь Мадатовъ отправился туда 4-го октября...

. . . .

На другой день Башлынцы, храбро оборонявшіеся, обратились въ бѣгство. Горцы скрылись въ лѣса и ущелья горъ. Побѣда стоила Русскимъ часъ времени, трехъ

убитыхъ и 20 раненыхъ... Черезъ часъ явились старшины, присягнули на вѣрноподданство императору...

. . . .

20-го октября, первые лучи солнца озарили отрядъ. уже въ быстромъ движеніи по дорогѣ къ городу Энгикенту, послѣднему убѣжищу Уцмея...

. . . .

Князь Мадатовъ атаковалъ его 22 числа... Войска наши заняли и Энгикентъ. Непріятель, оставивъ, послѣ упорнаго сраженія, около 100 убитыхъ, разсѣялся, спасаясь стремительнымъ бѣгствомъ. Въ семъ дѣлѣ потеря наша состояла въ 4 убитыхъ и 7 раненыхъ. Народъ выгналъ Уцмея изъ послѣдняго его убѣжища... Послѣ сего отрядъ предпринялъ обратный путь къ лагерю при редутѣ Дарбахѣ.

Итакъ въ три мѣсяца, съ горстью отважныхъ, въ мѣстахъ вовсе неизвѣстныхъ и большею частію неприступныхъ, князь Мадатовъ покорилъ всю Табасарань и весь Каракайдагъ, навсегда уничтожилъ владычество Уцмея, и тѣмъ заставилъ трепетать самыя отдаленныя племена дагестанскихъ народовъ.

Генералъ Ермоловъ, свидѣтельствуя предъ лицомъ государя императора объ успѣхахъ князя Мадатова, писалъ: „Не могу, государь, довольно похвалить отличное служеніе генералъ-майора князя Мадатова, коего каждое дѣйствіе служитъ доказательствомъ вѣрности, дѣятельности и храбрости неограниченныхъ; долженъ и то вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что, хорошо зная здѣшніе народы *, онъ употребляемъ здѣсь съ особенною пользой, имѣя способность внушить мусульманамъ усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества.“

По достиженіи первой и главнѣйшей цѣли, для которой составленъ былъ отрядъ князя Мадатова, онъ остался въ лагерѣ близь Дербента ждать дальнѣйшихъ повелѣній генерала Ермолова, который, окончивъ въ сіе время построеніе въ Андреевской станицѣ крѣпости Внезапной, намѣревался уже безъ отлагательства приступить къ покоренію Акушинцевъ, чему отрядъ князя Мадатова долженъ былъ содѣйствовать.

Вслѣдствіе предписанія генерала Ермолова, князь Мадатовъ 18 ноября выступилъ съ своимъ отрядомъ... Генералъ Ермоловъ прибылъ съ значительными силами въ городъ Тарки, куда, для совѣщанія о дальнѣйшихъ пред-

* Князь Мадатовъ родился въ Карабагѣ.

пріятіяхъ военныхъ дѣйствій, приглашенъ былъ и князь Мадатовъ.... Въ селеніи Шора отрядъ князя Мадатова соединился съ частію войскъ генерала Ермолова. Князю Мадатову ввѣрено было командованіе авангардомъ..... По мѣрѣ приближенія авангарда къ селенію Урума (первому акушинскому, у подошвы высотъ Калантау).... по ту сторону села, въ разстояніи почти 10-ти верстъ, виденъ былъ высокій хребетъ горъ, представляющій амфитеатромъ три высоты, постепенно понижающіяся къ сторонѣ селенія. Горы сіи были усѣяны толпами народа, скопившагося въ безчисленномъ множествѣ около небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ развѣвались сотнями разноцвѣтныя знамена. Это была первая укрѣпленная позиція двадцати-тысячнаго акушинскаго ополченія. 12-го декабря авангардъ занялъ селеніе Урума безъ выстрѣла.

16 числа прибылъ генералъ Ермоловъ съ главными силами. Вскорѣ явились уполномоченные старшины Акушинскаго народа. Генералъ Ермоловъ принялъ ихъ ласково. Неожиданный пріемъ произвелъ на нихъ дѣйствіе совершенно противное тому, которое произвелъ бы онъ на представителей народовъ образованныхъ: вѣжливость генерала была приписана страху и желанію кончить всѣ распри миролюбиво. Надобно сознаться, что трудности мѣстоположенія, по которому войска должны были проходить въ сіе позднее время года, и несравненно важнѣйшія затрудненія, которыя еще предстояли, какъ при самомъ овладѣніи крѣпчайшею позиціей, защищаемою многочисленнымъ войскомъ, такъ и дальнѣйшее послѣ того слѣдованіе, къ самому городу Акушѣ, лежащему въ 80 верстахъ отъ оной, и притомъ по мѣстамъ чрезвычайно гористымъ, весьма населеннымъ и вовсе намъ неизвѣстнымъ, подали старшинамъ поводъ усомниться въ успѣхѣ предпріятія. Ежели присовокупить къ сему славу непобѣдимости, которая искони приписывалась этому народу въ Дагестанѣ, особенно же со времени разбитія войскъ страшнѣйшаго во всей Азіи завоевателя Надиръ-шаха, то самонадѣянность уполномоченныхъ старшинъ народа Акушинскаго объяснится весьма естественнымъ образомъ.

Самыя умѣренныя предложенія генерала Ермолова къ возстановленію согласія и предупрежденію пролитія крови были отвергнуты съ высокомѣріемъ.

Упорство старшинъ акушинскихъ, обнаружившее мнѣніе всего народа, огорчило генерала Ермолова... Какъ вовсе неудобно было дѣйствовать съ успѣхомъ артиллеріей, въ коей состоитъ главное преимущество оружія нашего

противъ горцевъ, то генералъ Ермоловъ весьма основательно страшился потерять, можетъ-быть, нѣсколько тысячъ человѣкъ.... и приступилъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ... съ особенною осторожностью и осмотрительностію. Въ продолженіе двухъ дней предпринимаемы были форсированныя рекогносцировки по всему фронту непріятельской позиціи, пролегавшей по тремъ хребтамъ горъ, параллельно одинъ надъ другимъ возвышающимся; все протяженіе оной составляло около 10 верстъ, примыкая обоими флангами къ неприступнымъ утесамъ. У подошвы хребта праваго фланга позиціи пѣнилась рѣчка Манасъ и пролегала дорога въ Акушу; продолженіе же сего высокаго и скалистаго хребта, отвѣсисто какъ бы разсѣченнаго рѣчкою, не было занято непріятелемъ, вѣроятно потому что онъ чрезвычайно гористыя мѣста, лежащія по ту сторону рѣчки, почиталъ совершенно неприступными. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе генерала Ермолова, посему онъ лично предпринялъ усиленную рекогносцировку. Непріятель почелъ ее за намѣреніе начать рѣшительный приступъ, и нисколько не препятствуя движенію генерала, съ большимъ крикомъ ожидалъ его въ своихъ укрѣпленіяхъ.

Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что непріятельскою позиціей можно овладѣть безъ большой потери, если только откроется хотя малая тропинка, ведущая къ возвышеніямъ по ту сторону рѣчки, тропинка, по которой бы возможно было втащить артиллерію. Но ближайшее подробное разысканіе мѣстности не могло быть предпринято днемъ; ибо всѣ эти мѣста были открыты взорамъ непріятеля, для коего намѣреніе сіе долженствовало оставаться тайною, дабы онъ не занялъ крутыхъ возвышеній, лежащихъ по ту сторону рѣчки, и тѣмъ не уничтожилъ послѣдней надежды къ отысканію средствъ обойдти позицію. Для отвращенія подозрѣній и чтобы не дать повода непріятелю думать, что обозрѣвающіе обращаютъ какое-либо вниманіе на означенныя высоты, войска возвращались въ лагерь вдоль подошвы хребта, занятаго непріятелемъ, и останавливались при каждомъ выходящемъ изъ онаго ущеліи, какъ бы отыскивая удобныхъ мѣстъ для приступа. Едва только смерклось, какъ нѣсколько Татаръ и линейныхъ казаковъ были посланы для отысканія дорожки къ упомянутымъ высотамъ. Около полуночи они возвратились и привезли радостное извѣстіе, что есть тропинка, хотя весьма трудная, по которой съ помощію людей можно будетъ артиллерію втащить на высоты. Въ два часа приказано было всѣмъ войскамъ выступить (19-го декабря).

Огни непріятельскіе уже угасали, когда весь отрядъ находился не далѣе, какъ на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленій; передовые посты повидимому заснули, ибо они ничѣмъ не возвѣстили о приближеніи Русскихъ. Это благопріятное обстоятельство не только дало генералу Ермолову время расположить главныя силы отряда въ надлежащій боевой порядокъ, но и доставило возможность князю Мадатову, долженствовавшему ночью обойдти правое крыло непріятельской позиціи, преодолѣть неимовѣрныя препятствія, которыя природа представляла слѣдованію войскъ съ артиллеріей по тропинкѣ, едва проходимой для однихъ пѣшихъ. Когда совершенно разсвѣло, непріятель съ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою главныя силы генерала Ермолова, а съ праваго фланга позицію обойденную отрядомъ князя Мадатова.

Генералъ Ермоловъ первый открылъ огонь изъ орудій. Невозможно было дѣйствовать пѣхотою, по причинѣ неприступности непріятельской позиціи, которая, сверхъ всего, еще была укрѣплена тремя линіями редутовъ. Къ счастію, отрядъ князя Мадатова успѣлъ уже занять главныя высоты безъ выстрѣла. Безчисленныя толпы непріятельскія, видя опасность съ праваго фланга, въ большихъ силахъ спѣшили перейдти за рѣчку, и съ ужаснымъ крикомъ и ругательствами бросились на его отрядъ, который встрѣтилъ ихъ картечью, а вся пѣхота, раздѣленная на три колоны, бросилась въ штыки. Непріятель нигдѣ не выдерживалъ атаки и бѣжалъ съ одной позиціи на другую на пространствѣ 5 верстъ; тогда отрядъ князя Мадатова по мѣстоположенію не только уже находился во флангѣ непріятельской позиціи, но даже, къ счастію, и высоты, имъ занимаемыя, господствовали надъ оною въ самомъ близкомъ разстояніи, хотя отдѣлялись отъ оной непроходимымъ оврагомъ, орошаемымъ рѣчкою Манасъ. Не взирая на уронъ, наносимый горцамъ дѣйствіемъ артиллеріи генерала Ермолова, они не поколебались въ своей позиціи, а старались только укрываться за укрѣпленіями, пока артиллерія князя Мадатова съ праваго фланга открыла жестокую пальбу вдоль всей ихъ линіи; тогда, не выдержавъ перекрестнаго огня, они обратились въ бѣгство такъ стремительно, что многіе убились, падая съ отвѣсныхъ скалъ, и спасшіеся въ короткое время скрылись въ безчисленныхъ ущельяхъ горъ По собственному признанію непріятелей, силы ихъ простирались за 15 тысячъ человѣкъ; между ними были измѣнники: Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, Уцмей Каракайдагскій, Сурхай, сынъ хана Казыкумыкскаго, и другіе не столь

значащіе владѣльцы. Кромѣ акушинскихъ войскъ, были тутъ и сосѣдственные имъ народы Дагестана. Послѣ сего славнаго дѣла весь отрядъ имѣлъ ночлегъ у селенія Лаваши, по коему наименовано и сраженіе сіе, стоившее намъ только 28 человѣкъ убитыми и ранеными.

От селенія Лаваши до города Акуши отрядъ совершилъ три перехода въ два дня, несмотря на трудности и встрѣчаемыя на каждомъ шагу препятствія, представляемыя природою, въ особенности въ столь позднее время года. По приказанію генерала Ермолова, князь Мадатовъ, по прибытію въ Акушу, въ большой мечети сего города привелъ кадіевъ онаго и старшинъ всѣхъ акушинскихъ селеній къ присягѣ, которую они соблюдали столь свято, что, шесть лѣтъ спустя, когда Персіяне вторглись въ Грузію, Акушинцы не только не участвовали въ мятежахъ, но присылали къ главнокомандующему генералу Ермолову всѣ письма Персіянъ, коими ихъ уговаривали къ возстанію противъ Русскихъ, обѣщая имъ богатые подарки и большія суммы денегъ.

Побѣда, одержанная подъ Лавашею, имѣла еще то важное послѣдствіе, что Сурхай-ханъ Казыкумыкскій, съ сильнымъ ополченіемъ въ этотъ самый день ворвавшійся уже у Чираха въ Курахскую провинцію, въ коей у насъ, какъ и въ Кубинской, оставалось весьма немного войскъ, услышавъ о пораженіи Акушинцевъ, поспѣшно возвратился въ Казыкумыкъ, и край спасся отъ неисчислимыхъ бѣдствій, всегда сопровождающихъ удачный набѣгъ полудикихъ Кавказцевъ.

Въ 1820-мъ году возобновленъ былъ походъ въ сѣверный Дагестанъ, и начальство надъ войскомъ, назначеннымъ въ эту экспедицію, ввѣрено было князю Мадатову. Поводомъ къ походу было возмущеніе Сурхай-хана Казыкумыкскаго, который, нарушивъ присягу, принялъ сторону Чеченцевъ.

. . . .

Ванъ-Галенъ (находившійся въ чинѣ майора въ отрядѣ князя Мадатова) въ своихъ запискахъ.... сказываетъ, съ какимъ благоразуміемъ и осторожностію обходился князь Мадатовъ съ ханами, отъ коихъ, по предписанію генерала Ермолова, долженъ былъ требовать вспомогательныхъ войскъ для усиленія татарскою конницей русскаго отряда....

. . . .

Асланъ-ханъ Кюринскій назначенъ командущимъ всею татарскою конницей.

. . . .

(Въ селеніи Хозрекъ) готовилось отчаянное сопротивленіе.... Непріятель бѣжалъ.... Русскіе преслѣдовали....

. . . .

(Хорошее обращеніе Русскихъ съ жителями Хозрека) убѣдило жителей Казыкумыка, что война была ведена не съ ними, а съ вѣроломнымъ притѣснителемъ ихъ (Сурхай-ханомъ, котораго они и не впустили болѣе въ городъ). А.... Асланъ-ханъ былъ объявленъ владѣтелемъ ханства Казыкумыкскаго и вступилъ въ управленіе.... Старшины присягали на вѣрноподданство императору....

. . . .

Дорогою (отъ Казыкумыка) князь принималъ отъ старшинъ разныхъ мѣстъ присягу на вѣрность императору Всероссійскому. Въ числѣ ихъ былъ и акушинскій кадій, чрезъ котораго сургинскіе жители, устрашенные покореніемъ Казыкумыка, просили помилованія....

Такимъ образомъ окончена въ двѣ недѣли война въ Казыкумыкѣ, тогда какъ предполагали, что она продолжится нѣсколько мѣсяцевъ....

Главнокомандующій, генералъ Ермоловъ, отдалъ слѣдующій приказъ: „Еще наказуя противныхъ, надлежало, храбрые воины, возвести знамена наши на вершины Кавказа и войдти съ побѣдою въ ханство Казыкумыковъ. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ это приказаніе, и вы, непріятеля въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжитъ коварный Сурхай-ханъ и владѣнія его вступили въ подданство великому нашему Государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ.

„О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу императору: знаетъ онъ и труды воиновъ и опасности раздѣлять съ ними.“

Князь Мадатовъ, возвратясь изъ этихъ походовъ, которыхъ послѣдствіемъ было совершенное покореніе сѣвернаго Дагестана, занялся благоустройствомъ ханствъ, порученныхъ его управленію. Они, въ особенности въ это время, требовали необходимаго наблюденія, по причинѣ побѣга хановъ въ Персію, Ширванскаго въ 1820-мъ году и Карабахскаго въ 1822-мъ году. Оставленныя ими ханства, многолюднѣйшія и богатѣйшія изъ всѣхъ закавказскихъ областей, поступили въ завѣдываніе россійскаго правительства. Надлежало пріучить къ повиновенію людей, чуждыхъ гражданскому благоустройству....

. . . .

Во все время (управленія русскаго) ханства эти процвѣтали и наслаждались полнымъ спокойствіемъ и внутреннею безопасностію, отчего вошла въ употребленіе пословица, что „женщина въ Карабагѣ можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ.“

....Въ 1825 г.... одними жителями, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства.... была совершенно устроена дорога отъ Аскерана въ кр. Шушу и оттуда почти до Ахъ-Оглана. Съ того времени.... купечество избавилось отъ затрудненія, стѣснявшаго торговлю.

. . . .

....Размножены и улучшены шелковичные сады, которые въ Ширванской и Шекинской провинціяхъ приносятъ правительству значительный доходъ.... Князь Мадатовъ старался поощрять жителей къ распространенію и улучшенію разныхъ отраслей земледѣльческой промышленности. Съ этою цѣлію онъ производилъ въ собственномъ своемъ имѣніи, въ Карабагѣ, первые удачные опыты посѣвовъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, выписанныхъ съ острова Бурбона, заботился объ улучшеніи конскихъ заводовъ, изъ которыхъ карабахскіе славились въ особенности во всемъ Закавказскомъ краю и даже въ Персіи. Въ 1823-мъ году приступлено было къ точному опредѣленію границъ между Россіей и Персіей, на основаніи трактата гюлистанскаго. Между назначенными на этотъ конецъ съ обѣихъ сторонъ уполномоченными коммиссарами произошли несогласія, для прекращенія которыхъ генералъ Ермоловъ позволилъ князю Мадатову имѣть личное свиданіе съ Аббасъ-Мирзою.

Письмо Ермолова къ барону Петру Ивановичу Меллеру-Закомельскому *.

„Моздокъ 15 декабря 1818 года.

Достойный и всѣми почитаемый начальникъ!

Мнѣ кажется, все вниманіе ваше обращено было на Ахенъ, и вы страну Кавказа не удостоиваете минутою воспоминанія. Теперь отдохнули вы, ибо судить по видимому возможно, что судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ; даже самые нѣмецкіе редакторы, все обыкновенно предузнающіе, не грозятъ намъ бурею несогласія и вражды.

---

* Бывшій инспекторъ артиллеріи.

Спокойно стаканъ пива наливается мирнымъ гражданиномъ, къ роскошному дыму кнастера не примѣшивается дымъ пороха, и картофель растетъ не для реквизицій. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звукомъ оружія. Съ Чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, плѣнялъ ихъ простотой и невинностію лагерной жизни, но никакъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилъ превращать ихъ въ бивуакъ, столь удобно уравнивающій всѣ состоянія. Только успѣлъ пріучить ихъ къ нѣкоторой умѣренности, отнявъ лучшую половину хлѣбородной земли, которую они уже не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права—права сильнаго! Они противятся. Съ ними опредѣлилъ я систему медленія, и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: „Я медленно спѣшу". Здѣсь мало истребилъ я пороху, почтеннѣйшій начальникъ; но одинъ изъ вѣрноподданнѣйшихъ слугъ нашего государя вырвалъ меня изъ этого бездѣйствія; онъ мучился совѣстью, что безъ всякихъ заслугъ возведенъ былъ въ достоинство хана, получилъ чинъ генералъ-майора и 5.000 руб. въ годъ жалованья. Собравъ войска, онъ напалъ на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, успѣха не имѣлъ, былъ отраженъ, но отрядъ нашъ не былъ довольно силенъ, чтобъ его наказать. Я выступилъ, и когда нельзя было ожидать, чтобъ я въ глубокую осень появился въ горы, я прошелъ довольно далеко, * прямо къ владѣніямъ измѣнника, разбилъ, разсѣялъ Лезгинъ и землю *важно обработалъ*. Вотъ что̀ значитъ *отложиться*. Сдѣлалъ честно и роптать на меня нельзя; вѣдь я не шелъ *на задоръ*, и даже князь П. М. Волконскій придраться не можетъ: неужели потерпѣть дерзость Лезгинъ? Однако, поговорите съ нимъ, почему я слыву не совсѣмъ покойнымъ человѣкомъ; по справедливости, надлежало бы спросить предмѣстниковъ моихъ, почему они, со всею ихъ патріаршею кротостію, не умѣли внушить горцамъ благочестія и миролюбія? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, упрекнуть нельзя, чтобъ я металъ бисеръ предъ свиньями; я уже не берусь дѣйствовать на нихъ силою Евангелія, да и самой Библіи жаль для сихъ омраченныхъ невѣжествомъ. Итакъ 30 ноября я возвратился на линію и собираюсь теперь въ Грузію, можетъ-быть пѣшкомъ, какъ въ апрѣлѣ переходилъ горы. Проклятая

* Въ письмѣ къ Д. В. Давыдову (см. ниже), между другими подробностями, Ермоловъ говоритъ: „я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа и далѣе уже не было пути".

II.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Не находя нужнымъ дѣлать повторенія прежнихъ моихъ предписаній, зная, сколько ваше сіятельство вѣрно исполните оныя, скажу только вамъ о здѣшнихъ происшествіяхъ.

Мошенникъ, аварскій ханъ, возмущаетъ окрестные горскіе народы, обѣщая симъ легковѣрнымъ, едва, по глупости своей, уподобляющимся людямъ, что онъ истребить насъ можетъ. Чеченцы пришли уже, въ небольшихъ силахъ, и, въ ожиданіи прибытія другихъ, укрываются въ лѣсахъ, не подалеку; Лезгины не всѣ еще въ собраніи. Мошенникъ разсѣваетъ слухи, что многіе народы идутъ съ нимъ для освобожденія вѣры, но, вмѣсто того, и то не весьма большое число, которое успѣлъ онъ обмануть, идетъ не съ большою охотой.

Не думаю, однакоже, чтобы мошенникъ снискалъ столько довѣренности, чтобы подъ начальствомъ его стали они драться съ нами, или, если нѣкоторые и могутъ столько быть глупы, то, по обыкновенному порядку, бѣжитъ онъ прежде всѣхъ. Бо́льшая часть людей, коихъ онъ ведетъ, не видывали еще Русскихъ и не знаютъ силы ихъ оружія. Одну можемъ мы испытать непріятность, что мошенники сіи, струся, лишатъ насъ возможности наказать ихъ, и лѣса повсюду въ окрестности скроютъ подлое ихъ бѣгство.

Бо́льшая часть селеній, принадлежащихъ андреевскимъ владѣльцамъ, въ заговорѣ съ Лезгинцами и дали мошеннику Султанъ-Ахметъ-хану присягу, что будутъ исполнять его волю.

Послѣ завтра одинъ изъ полковъ, идущихъ изъ Россіи, будетъ сюда въ лагерь.

Генералъ Ермоловъ.

15 августа 1819 г. Андрей.

III.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Получивъ рапортъ вашего сіятельства, поздравляю васъ съ успѣхомъ. Вы все то сдѣлали, чего только могъ я желать, и что̀, знаю я, не такъ легко было исполнить. Разбитіе Абдулъ-бека должно необходимо имѣть хорошее вліяніе на всѣ наши дѣла, ибо увидятъ непріятели, что, не употребляя войскъ нашихъ въ дѣйствіе, подъ благоразумнымъ

начальствомъ вашимъ и самые жители сей страны сражаются храбро. Зная отличную хорошо всегда службу вашу, возлагая на васъ порученіе, я зналъ уже и самыя слѣдствія, и мнѣ остается только предложить вамъ въ совѣтъ, чтобы вы имѣли въ виду, сколько коварны окружающіе васъ непріятели.

По окончаніи столь счастливой экспедиціи и покореніи столько быстромъ всего Табасарана, вамъ нужно будетъ приблизиться къ Дербенту, ибо по трудности пути неудобно вамъ имѣть продовольствіе въ отдаленіи отъ онаго.

Поручивъ вѣрнымъ людямъ управленіе Табасараномъ, нельзя не надѣяться, чтобы, для собственной пользы, не употребляли они всѣхъ средствъ для защиты онаго. Впрочемъ, еще нѣкоторое время, и ваше сіятельство должны находиться по близости, и одна боязнь присутствія вашего положитъ границы дерзости Абдулъ-бека: развѣ Шихъ-Али-ханъ сыщетъ помощь Акушинцевъ, но въ такомъ случаѣ вы въ правѣ послать имъ сказать, чтобъ они не въ принадлежащія имъ дѣла не мѣшались, ибо войска россійскія не идутъ на ихъ владѣнія, и потому не должны они брать участія въ дѣлахъ ихъ непріятелей.

Государю императору донесу я обстоятельно о дѣйствіяхъ вашихъ.

22 августа 1819 г. Андрей.

Письмо Ермолова къ князю Мадатову.

Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ славно!

Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу. Теперь не время помышлять имъ о истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ.

Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, гдѣ службѣ царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе.

Еслибы могъ я столько положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столько было бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности, и не мало еще сдѣлаешь по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ.

Ты не воображаешь, сколько я восхищенъ, что подъ тво-

II.

(Писано на французскомъ.)

Господинъ генералъ-майоръ князь Мадатовъ!

Гнусная измѣна Уцмея въ то время, когда вы заботились единственно о благѣ его семейства и о средствахъ возвратить ему милости правительства, поставила васъ въ необходимость прибѣгнуть къ оружію, и я вполнѣ доволенъ какъ мѣрами, благоразумно вами принятыми, такъ и исполненіемъ оныхъ, доказывающимъ дѣятельность и мужество, васъ отличающія. Многочисленные народы, противъ коихъ вы должны дѣйствовать, не могутъ быть иначе предупреждаемы въ своихъ предпріятіяхъ, какъ быстротою, вами такъ успѣшно приводимою въ дѣйствіе; возвращаясь всегда въ вашъ укрѣпленный лагерь, вы лишаете ихъ способовъ нападать на васъ и оставляете ихъ въ неизвѣстности о вашихъ намѣреніяхъ.

Они не будутъ въ возможности долго переносить сего тягостнаго для нихъ положенія; дѣйствуя такимъ образомъ съ малочисленнымъ вашимъ отрядомъ, вы избрали самый лучшій путь къ достиженію желаемаго успѣха. Я васъ прошу, генералъ, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Уцмеемъ, развѣ только если сей послѣдній согласится послать старшаго своего сына въ видѣ аманата въ Дербентъ, и побудить своихъ подданныхъ присягнуть въ вѣрности государю императору. Вы не должны съ нимъ имѣть свиданій, ни переписываться, и я долженъ еще вамъ замѣтить, господинъ генералъ, что вы поступили не совсѣмъ благоразумно, принявъ приглашеніе Уцмея видѣться съ нимъ въ Иранъ-Харабѣ, ибо сей злодѣй готовъ рѣшиться на всякое преступленіе. *

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Какъ житель Азіи, неловкій и одичавшій, изъ мрачнаго Дагестана нашелъ время писать къ тебѣ, пирующему между друзей, среди шумныхъ веселостей контрактовъ; но, любя

---

* Переговоры съ непріятелемъ князь Мадатовъ всегда велъ лично, не страшась коварства горцевъ, являясь на мѣста, назначенныя для свиданія, безъ оружія, чтобы показать, что онъ не подозрѣваетъ никакой измѣны, и твердо былъ увѣренъ, что, перемѣнивъ въ этомъ свой образъ дѣйствій, онъ потерялъ бы то вліяніе на эти народы, которое успѣлъ пріобрѣсти.

тебя, забылъ неприличіе времени. Благодарю за письма, хотя, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдкія; скажу коротко и о себѣ, ибо Александръ Раевскій, сопутствующій мнѣ изъ любопытства видѣть здѣшній край, или, лучше сказать, бѣжавшій отъ лѣкаря, истреблявшаго горькіе плоды сладостнѣйшихъ воспоминаній, и долгое время шатавшійся со мною въ горахъ, подробно тебѣ обо всемъ перескажетъ. Мнѣ остается прибавить, что я пріятное лицо мое омрачилъ густыми усами; ибо, не плѣняя именемъ, не безполезно страшить наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста.... Я многихъ, по необходимости, придержался азіятскихъ обычаевъ, и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ нравовъ не можетъ укротить мягкосердіемъ. И я ношу кинжалъ, безъ котораго ни шагу. Тебѣ истолкуетъ Раевскій слово *канлы*, значащее взаимную нѣжность. Онѣ здѣсь освящены закономъ, утверждены временемъ и приняты чистѣйшею нравственностію. Мы въ подобныхъ случаяхъ не столько великодушны, и взаимныя нѣжности покрываемъ тайною. Я думаю ѣхать нынѣшнюю зиму въ Петербургъ и приготовляюсь на оныя. Не обвините меня, если я появлюсь въ панцырѣ. Тутъ плохо будетъ со мною раздѣлываться. Скажи, братъ любезный, прося меня достать тебѣ бурку, не подозрѣвалъ ли ты чего о щеголеватомъ одѣяніи? Я бы жалѣлъ о тебѣ, ибо ты многими уже пріятностями въ жизни долженъ быть привязанъ къ спокойствію.

Еще скажу тебѣ, что я половину каждаго года, иногда и болѣе, проживаю въ лагерѣ, шатаюсь по горамъ, непріятели повсюду, измѣны раждаются новыя на каждомъ шагу, спокойствія нѣтъ, трудовъ много и славы никакой! Недавно кончилъ я въ здѣшнемъ родѣ знаменитую экспедицію: Раевскій тебѣ о ней скажетъ. Счастіе, лаская меня, кажется, себя нѣжитъ, мнѣ все достается дешевымъ образомъ, хотя друзья мои въ столицахъ ежегодно меня и моихъ товарищей по нѣсколько разъ убиваютъ. Боюсь, чтобы не явилось много Язоновъ, смотря на мое счастіе. Здѣсь золота уже ни золотника давно не находятъ.

Прощай, поклонись сестрѣ и поцѣлуй ручку. Досадно мнѣ, что письмо, посланное чрезъ канцелярію Арсенія Андреевича, могло не дойти до тебя. Я поздравляю тебя съ женитьбой, писалъ вмѣстѣ и къ сестрѣ любезной, новой родной моей.

Вѣрный Ермоловъ.

6-го января, 1820 г. С. Параулъ, въ Дагестанѣ.

П. П. Посылаю тебѣ приказъ мой въ войска. По сему

предмету хвастать нечѣмъ, въ старину все выболтано, но хочу, чтобы видѣлъ ты, что не многіе смѣли называть солдатъ товарищами, и еще менѣе печатать то, когда прочитываемо оно бываетъ. Приказъ возьми у Раевскаго, свидѣтеля жизни нашей и дѣйствій легіоновъ римскихъ.

Приказъ въ войска, находящіяся при покореніи Акушинской области.

Января 1-го дня, 1820 г., № 1. Въ Дагестанѣ.

Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, проложили намъ путь въ средину владѣній акушинскихъ, народа воинственнаго, сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ снискали спасеніе. Область покорена, и новые подданные великаго нашего государя благодарны за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю императора — и препятствія исчезаютъ предъ вами, заслуги ваши смѣло свидѣтельствуютъ предъ государемъ императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ его милостью?

Командиръ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса
генералъ Ермоловъ.

Касательно послѣдняго приказа, очевидецъ, Д. Н. Бѣгичевъ (*Москвит.* 1851 г. № „Воспоминанія о службѣ на Кавказѣ“) говоритъ:

„Главнокомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ, подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и неустрашимостію при покореніи Акушинской области, расположилъ ихъ на нѣкоторое время по селеніямъ шахмала Тарковскаго, и отдалъ по корпусу приказъ, который привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и вскорѣ знали его наизусть.“

Тотъ же очевидецъ расказываетъ слѣдующее по этому случаю:

„Послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макасѣ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу

Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ высланы всѣ старшины въ числѣ 150 человѣкъ; между ними былъ и кадій (изъ селенія Мокагу). Я былъ личнымъ свидѣтелемъ тому, что этотъ кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недальнемъ растояніи отъ корпуснаго командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для цѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значитъ, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — „Взгляни," продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ,—„вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разсѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе русскаго государя многочисленная армія Надиръ-шаха, который самъ избавился отъ смерти поспѣшнымъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ того горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?"—Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ иступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукѣ пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умолкнулъ, то, обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу, что̀ и было ими тотчасъ безпрекословно исполнено; потомъ генералъ объяснилъ имъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя императора обширнаго, могущественнаго государства, при вѣрноподданныхъ его и въ присутствіи главнаго начальника надъ здѣшнею страною; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ.— Судъ старшинъ не долго продолжался; они сами объявили генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣнныхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ

нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подняли, коекакъ усадили на лошадь и отправили домой.... Очень вѣроятно, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія..

„Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера генеральнаго штаба, для съемки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многолюднаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго шахмалу Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ Ермолова, на возвратномъ пути отряда изъ Акуши на кавказскую линію.

„Конвой мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ казака, переводчика и проводника.... Проѣхать.... не совсѣмъ было безопасно съ конвоемъ изъ трехъ человѣкъ; но нечего было долго разсуждать. *Алексѣй Петровичъ приказалъ*, *Алексѣй Петровичъ послалъ*, и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній....

„....Фамилія Ермолова между горскими народами была очень извѣстна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ.“

Рескрипты.

I.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Согласно съ представленіемъ вашимъ, я утверждаю полковника Асланъ-хана Кюринскаго ханомъ Казыкумыкскимъ. О дальнѣйшихъ же распоряженіяхъ по сему предмету, какія могутъ быть нужны, повелѣваю вамъ снестись съ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. С.-Петербургъ. 1820 года, іюня 22 дня.

Александръ.

II.

Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Признавая основательными представленныя вами причины, по коимъ находите вы справедливымъ и полезнымъ,

дабы генералъ-маіоръ князь Мадатовъ воспользовался имѣніемъ *, предлагаемымъ ему отъ хана Карабахскаго въ замѣнъ другаго, принадлежавшаго предкамъ его въ семъ ханствѣ, я предоставляю вамъ допустить князя Мадатова принять оное имѣніе въ вѣчное потомственное владѣніе. Ни мало не сомнѣваюсь, что владѣлецъ, благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ образомъ обхожденія съ поселянами, покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своенравнымъ господствованіемъ азіятскимъ, и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ.

Александръ.

Царское село. 23 августа, 1821 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича къ Ермолову.

Милостивый государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе вручить женѣ моей шаль, которую вы поручили мнѣ ей доставить; симъ изъявляю вамъ чувствительную благодарность мою за знакъ вашего воспоминанія обо мнѣ, и прошу васъ быть увѣрену, что съ удовольствіемъ помышляю о времени, которое съ вами нѣкогда проводилъ. Мнѣ весьма пріятно было слышать объ успѣхахъ вашего посольства, столь же затруднительнаго, сколь любопытнаго и важнаго для нашего отечества; тѣмъ болѣе вамъ чести и удовольствія, что исполнили оное, какъ надлежитъ государеву избранному.

Прилагаю при семъ письмо жены моей; вы простите, если не собственноручно къ вамъ пишетъ; она душой уже Русская, но не довольно знаетъ языкъ нашъ, чтобы могла сама на немъ писать.

Прошу васъ быть увѣрену въ искреннемъ моемъ благорасположеніи и дружбѣ, съ коими пребываю вамъ доброжелательнымъ

Николай.

с'ква. 27 января, 1818 г.

---

* Это имѣніе состояло изъ 102.462 десятинъ земли, населенныхъ 1845 семействами.

Письмо Аракчеева.

(Собственноручное.)

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Если я немного замедлилъ благодарить ваше превосходительство за подарокъ вашего прекраснаго персидскаго ковра, то причиною оному мое объ немъ размышленіе, что съ нимъ приличнѣе мнѣ дѣлать должно было; сперва я хотѣлъ препроводить его почтенному вашему родителю, которому приличнѣе онъ принадлежитъ, нежели мнѣ, какъ память о вашихъ отечественныхъ заслугахъ; но совѣстился опять оное дѣлать, дабы вы, милостивый государь, не сочли оное моею грубостію и пренебреженіемъ къ дружбѣ вашей, послѣ чего и рѣшился я оный препроводить въ соборную церковь села моего Грузина, отъ имени вашего яко присланный, и прося духовное начальство внести оный въ опись церковную подъ именемъ вклада военнаго губернатора и бывшаго посланника въ Персіи Алексѣя Петровича Ермолова, что̀ и остается на грядущія времена памятникомъ вашей ко мнѣ дружбы.

Примите мое повтореніе благодарности, которою я обязанъ вашему превосходительству за незабытіе меня въ вашей памяти, и тому истинному почтенію, съ коимъ я пребуду на всегда

Вашего превосходительства покорный слуга.

Графъ Аракчеевъ.

Москва. 14 февраля 1818 г.

Письмо великаго князя Константина Павловича. *

Почтеннѣйшій, любезнѣйшій, храбрѣйшій, старинный другъ и товарищъ, Алексѣй Петровичъ!

Достойному достойное! Истинно отъ всего сердца и весьма обрадованъ повышеніемъ вашимъ, и отъ всей искренности спѣшу ваше высокопревосходительство поздравить съ онымъ. Всякъ, кто не пристрастенъ и не терзаемъ завистью, знавши ваши дарованія, вѣрно будетъ для пользы отечества доволенъ симъ, и, кажется, теперь истинный вашъ другъ князь Левъ Михайловичъ ** остался назади.

* При производствѣ Ермолова въ генералы отъ инфантеріи.

** Князь Яшвиль.

Остается мнѣ желать, любя и уважая васъ, успѣховъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, и прошу быть удостовѣрену въ чувствахъ особеннаго моего къ вамъ всегдашняго уваженія и дружбы.

5 марта, 1818 года.

Письмо графа Аракчеева.

(Собственноручно.)

Милостивый Государь,

Алексѣй Петровичъ!

Вопервыхъ поздравляю ваше высокопревосходительство съ полученіемъ монаршей милости; вотъ всегда исполняется пословица старинная: „за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ.“ Желаю весьма вамъ, милостивый государь, дай вамъ Богъ теперь здоровья, а тамъ дастъ Богъ, будете и фельдмаршаломъ, и тогда не откажитесь меня принять въ начальники главнаго штаба вашего.

Теперь адресуюсь къ вашему высокопревосходительству съ мею покорнѣйшею просьбой; у васъ находится артиллерійскій подпоручикъ Ильинъ, сынъ моего пріятеля, котораго я рекомендую вамъ, не откажите ему въ вашемъ покровительствѣ. Я приму съ большою благодарностію сдѣланное мнѣ вами одолженіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Графъ Аракчеевъ.

Москва, 1818 г. 2 августа.

Письмо великаго князя Константина Павловича.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій и храбрѣйшій патеръ,
Алексѣй Петровичъ!

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ письмо ваше къ любезнѣйшему нашему товарищу, Дмитрію Дмитріевичу, и для меня особенно было пріятно знать, что вы здоровы. На желаніе ваше имѣть у себя Оренбургскаго уланскаго полка полковника Столыпина, скажу вамъ, что онъ произведенъ уже 17 по Петербургу въ генералъ-майоры, но по какому случаю, какъ и куда его употребятъ, я ничего не знаю, и въ это дѣло не мѣшаюсь. Вы, вспоминая древнія

римскія времена, теперь проконсуломъ Грузіи, а я здѣсь префектомъ или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы, или лучше сказать въ срединѣ оной; вы это лучше разберете, и я нахожусь въ отдаленности отъ всѣхъ петербургскихъ дѣлъ.

Душевно желаю вамъ блестящихъ успѣховъ въ вашихъ предпріятіяхъ. Я искреннее принимаю участіе во всемъ томъ, что̀ касается до любезнѣйшаго и храбрѣйшаго сослуживца; прошу васъ при теперешнемъ случаѣ принять увѣреніе въ моей къ вамъ всегдашней дружбѣ и особенномъ уваженіи.

3 августа, 1818 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Письмо твое отъ 3 ноября, изъ Херсона, получилъ, и благодарю тебя за него душевно. Не лѣнись писать, возьми нѣсколько минутъ у твоихъ упражненій, если должность не дастъ тебѣ времени свободнаго. Письма твои всегда одинаково пріятны, и если даже ты не хочешь говорить о дѣлѣ, никогда, однакоже, не скажешь пустаго. Я прочитываю ихъ съ пріятелями, которые понимать ихъ могутъ, и сохраняю. Теперь отвѣчаю тебѣ для вѣрности чрезъ Закревскаго; ибо обтекающіе вселенную приказы возвѣстили мнѣ, что ты, боясь разнѣжиться на полудни, не разрываешь знакомства твоего со снѣгами сѣвера.

Вижу ропотъ твой противъ конгресса и боязнь, чтобъ отдохновеніе Европы не навело ржавчины на острую саблю гусара-партизана. Примирись со спокойствіемъ: оно въ нынѣшнія времена не бываетъ слишкомъ продолжительнымъ, но всеконечно весьма нужнымъ. Цари съѣзжались два раза, и разстались дружелюбно, въ третій, кажется, изъ предусмотрительности предположено спускать министровъ. Посмотримъ, что̀ будетъ? Мы, люди обыкновенные, нерѣдко изъ театра не умѣемъ разъѣхаться безъ шуму.

Я одинъ живу въ такой сторонѣ, гдѣ хотя не дѣлаю ничего порядочнаго, по крайней мѣрѣ пушки прочищаю порохомъ. Недавно я ходилъ въ Дагестанъ—землю гористую, и, по мнѣнію здѣшнему, населенную воинственными народами, которые въ большихъ силахъ дерзнули напасть на одинъ изъ отрядовъ нашихъ. Я прошелъ трудными дорогами до самыхъ неприступныхъ утесовъ Кавказа, и далѣе уже не было пути. Появленіе войскъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ никогда еще они не бывали, преодолѣвныя препятствія самаго положенія земли, разсѣяли величайшій ужасъ. Возмутившіеся наказаны, и вознаграждены сохранившіе намъ вѣрность. Одному изъ сихъ послѣднихъ далъ я въ управленіе 16 т. душъ съ обширною и прекраснѣйшею страною. Такъ награждаетъ проконсулъ Кавказа. Ты не удивишься, когда скажу тебѣ объ употребленныхъ средствахъ. Въ мѣстахъ, гдѣ я былъ, въ первый разъ слышанъ былъ звукъ пушекъ. Такое убѣдительное доказательство правъ нашихъ не могло не оставить выгодъ на моей сторонѣ. Весьма любопытно видѣть первое дѣйствіе сего невиннаго средства надъ сердцемъ человѣка, и я уразумѣлъ, сколько полезно владѣть первымъ, если не вдругъ можно пріобрѣсть послѣднее.

Присылай прочесть обѣщанный опытъ о партизанахъ: въ семъ родѣ не случилось мнѣ ничего прочесть порядочнаго. Можно было думать, что Нѣмцы нѣкогда отличались въ томъ преимущественно передъ прочими, но сблизясь съ ними по обстоятельствамъ прошедшей войны, я пересталъ тому вѣрить, и мнѣ кажется, ни сами они на то не созданы, и даже всякая благоустроенная земля наименѣе къ тому способна. Перваго видали мы изъ Нѣмцевъ партизана Дибича, служившаго съ нами въ Пруссіи въ 1806 году. Я ничего не замѣтилъ въ немъ чрезвычайнаго, а ты и лучше меня гораздо судить о томъ можешь.

Любопытенъ я очень видѣть записки твои о войнѣ въ Пруссіи въ 1806 и 1807 годахъ. Нельзя лучшаго имѣть источника, какъ самъ Беннигсенъ, изъ записокъ коего, какъ самъ ты говоришь, взялъ ты многія свѣдѣнія. Мнѣ остается ко всему тому одинъ присоединить вопросъ: говорилъ ли ты съ нимъ подробно о сей войнѣ? ибо есть нѣкоторыя обстоятельства, которыя онъ, конечно, не описалъ, и нѣкогда говорилъ мнѣ о нихъ.

Хорошо, любезный братъ, что и Музы, столько всегда тебѣ благосклонныя, не престаютъ улыбаться тебѣ. Заставь и насъ, жителей края отдаленнаго, усмѣхнуться на твои, остротою и замысловатостью оригинальныя произведенія; а меня, хотя на минуту, спаси отъ убійственной судебной прозы, которая въ переводѣ съ грузинскаго языка, говорятъ, будто еще мучительнѣе, нежели языкъ самый. Здѣсь нечего читать между врагами книгопечатанія, и у меня, вмѣсто книгъ, въ шкафѣ развѣшено оружіе.

Прощай, помни и люби вѣрнаго брата

А. Ермолова.

Февраля 10, 1819 г. Тифлисъ

Рескрипты.

I.

Господину генералу от инфантеріи Ермолову.

Обратя должное вниманіе на донесенія ваши, въ разныя времена мною полученныя, усматриваю изъ оныхъ, что вы находите необходимымъ усиленіе корпуса, вамъ ввѣреннаго, тремя полками пѣхоты, двумя ротами артиллеріи, и причисленіе къ оному же 8 егерскаго полка, находящагося временно подъ начальствомъ вашимъ.

Не ограничиваясь симъ, вы полагаете для обороны крѣпостей нужнымъ прибавленія въ три года еще 14.000 человѣкъ, а именно:

Для Куле	3.000.
Гумри	3.000.
Карабага	2.400.
Баки	1.000.
Дербента	1.600.
Старой Шемахи	2.000.
Гарцискала	1.000.
Итого	14.000.

Все же требуемое вами прибавленіе въ Грузинскому корпусу, полагая пѣхотный полкъ въ 3000, составитъ болѣе 26.000 человѣкъ.

Правда, что при составленіи сей непремѣнной обороны для крѣпостей, вы предполагаете убавить по одному батальйону въ каждомъ полку, оставя единственно оныхъ основанія. Но въ то же время вы желаете, чтобы сіи крѣпостныя войска не назывались гарнизонными, чтобы заплачены они были, и производство въ оныхъ основано было наравнѣ съ армейскими полками, и даже, чтобы часть оныхъ была подвижна.

Вслѣдъ за донесеніями вашими, въ коихъ сіи предположенія начертаны, хотя и получилъ я отъ васъ письмо 12 февраля, въ коемъ между прочимъ употребляете вы слѣдующія выраженія; „я просилъ дополненія Грузинскаго отдѣльнаго корпуса тремя пѣхотными полками. . . . . и смѣю утвердить, что сколько безъ оныхъ обойтись невозможно, столько большее число было бы излишнимъ.“

Но не умѣя согласить сего увѣренія съ прежними вашими заявіями, единственно заключаю изъ онаго, что дошли побочнымъ и неудовлетворительнымъ образомъ

нѣкоторыя извѣстія о назначенныхъ войскахъ въ Грузію, и какъ вѣроятно, тотъ, кто писалъ, не зналъ самъ настоящихъ предположеній, по сему не могъ и васъ надлежащимъ образомъ извѣстить.

Сообразивъ внимательно всѣ ваши донесенія и требованія, сообщаю по онымъ вамъ слѣдующую мою рѣшимость.

Перемѣнить составъ корпуса вашего я не имѣю возможности, ибо, прибавя къ оному число полковъ, разстрою я устройство прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣлымъ размышленіямъ. Но надѣюсь, однакоже, достигнуть до желаемой вами цѣли слѣдующимъ образомъ:

Я могу временно выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единожды надежнымъ образомъ грузинскій корпусъ, чего присылкою рекрутъ никогда ни достигалось, ибо отъ столь дальняго переходу и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была всякій разъ весьма чувствительна.

Укомплектованіе сіе я нахожу нужнымъ произвести на слѣдующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ грузинскій корпусъ, останется прежнее, т.-е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, итого 15 полковъ. Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3900 человѣкъ, разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; каждый же батальйонъ будетъ изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ. Если по сему числу людей вы найдете нужнымъ прибавить и число офицеровъ, то дозволяется вамъ на каждую роту прибавить по одному, что составитъ на полкъ прибавки 12 офицеровъ: положенное число по 7 на полкъ нахожу я достаточнымъ.

Такимъ образомъ, корпусъ, вамъ ввѣренный, конечно можетъ имѣть всегда подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50.000 человѣкъ.

Симъ же средствомъ равномѣрно можетъ быть выполнено предположеніе ваше о назначеніи непремѣнной обороны для крѣпостей. Я назначаю для сего вторые батальйоны всѣхъ пѣхотныхъ полковъ грузинскаго корпуса, кромѣ гренадерской бригады. По новому образованію полковъ, ихъ число составитъ въ сложности 15.600 человѣкъ, превышающее даже вами требуемое.

За симъ отчисленіемъ крѣпостной обороны, вы будете имѣть въ готовности для движеній, въ дѣйствующихъ батальйонахъ двухъ дивизій и въ 9 батальйонахъ гренадерской бригады, болѣе 40,000 подъ ружьемъ, число, конечно, совершенно достаточное. Въ 10 полкахъ, къ вамъ назначен-

ныхъ, и въ 8 егерскомъ наличное число людей составляетъ до 26.000 человѣкъ, то-есть, почти то же, которое вы требуете.

Я предпочитаю сіе знатное число войскъ отправить въ вашъ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, нежели составными временно командами, единственно для провода до новаго мѣста ихъ назначенія.

Прибывшіе полки къ вамъ въ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномѣрно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ въ Грузіи. На перевозку же оныхъ обыкновеннымъ образомъ требовалось 115.000 руб.

Назначенные мною полки въ Грузію собираются, пять изъ оныхъ у границъ земли войска Донскаго, а именно: Апшеронскій, Тенгинскій, Навагинскій, 41, 42 егерскіе; пять же въ Крыму, а именно: Ширванскій, Куринскій, Мингрельскій, 43, 45 егерскіе.

Вамъ предоставляю опредѣлить дальнѣйшее ихъ движеніе и время, въ которое каждый изъ сихъ полковъ долженъ выступить, что̀ все вы сообразите съ удобностію продовольствія въ краѣ, вамъ ввѣренномъ. Съ симъ фельдъегеремъ получите вы отъ начальника главнаго штаба моего, на имя командировъ 10 вышеупомянутыхъ полковъ, повелѣнія, дабы, по мѣрѣ доставленій отъ васъ оныхъ, сіи полки уже состояли въ вашей командѣ.

Постепенному укомплектованію полковъ, долженствующихъ оставаться въ Грузіи и на линіи, дабы избѣгнуть второй путь тѣмъ же войскамъ, предписываю вамъ прислать назадъ кадры слѣдующихъ полковъ: Севастопольскаго, Троицкаго, Суздальскаго, Вологодскаго, Казанскаго, Бѣлевскаго, 8-го, 9, 15, 16 и 17-го егерскихъ. Изъ оныхъ предоставляю вамъ перевесть въ корпусъ, вамъ ввѣренный, всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ вами полезна въ Грузіи и на линіи. Вы пришлете имъ списки, съ означеніемъ, въ которые полки они будутъ вами переведены. Симъ же самымъ образомъ вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту.

Мингрельскій полкъ назначается быть слитъ съ Бѣлевскимъ. Если дорога черезъ Кутаисъ удобна, то полезнѣе оный симъ путемъ направить, нежели перевозить водою по Черному морю. Въ противномъ случаѣ, извѣстите меня, дабы суда приготовить отъ Черноморскаго флота. Кадръ Бѣлевскаго полку вернется тѣмъ же путемъ, коимъ прибудетъ Мингрельскій полкъ.

Полки: Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41 и 42 егерскіе, должны составлять 20-ю дивизію.

Полки же Кабардинскій, Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, 43 и 45 егерскіе 19-ю.

Двѣ легкія артиллерійскія роты равномѣрно, по требованію вашему, назначены въ Грузинскій корпусъ, а именно № 15-го и № 52-го.

Сими распоряженіями вы будете имѣть средство единожды на всегда устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ въ надлежащую силу. Но въ то же время составъ прочихъ армій не потерпитъ разстройства. Кадры возвратившихся полковъ росписаны будутъ по разнымъ дивизіямъ и всѣ мѣры къ приведенію ихъ въ надлежащее опять устройство уже приспособлены.

Александръ.

С.-Петербургъ. 19 апрѣля, 1819 года.

II.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Предположенія ваши о прочной оборонѣ Грузіи, я признаю весьма основательными и желаю, чтобы въ постепенномъ исполненіи оныхъ могъ я видѣть плоды того благоразумія, съ коимъ вы начертали планъ сей, дѣлающій честь вашему соревнованію на пользу отечества.

Сообразно симъ начертаніямъ, составленъ уже особый инженерный округъ Грузинскій вмѣсто Астраханскаго, и въ числѣ штатныхъ крѣпостей по Грузіи остались только три: Тифлисъ, Баку и Дербентъ, о чемъ извѣстно вамъ изъ положенія, мною апробованнаго 1 января сего года; затѣмъ всѣ прочія крѣпости въ Грузіи, причисляясь къ укрѣпленнымъ постамъ перваго и втораго разряда, остаются въ вашемъ вѣдѣніи и распоряженіи.

Касательно устроенія новыхъ крѣпостей: въ Старой Шамахѣ, у Александровскаго брода, въ Елизаветполѣ, въ Гумри, Редутъ-Кале, Гарцискалѣ, Кутаисѣ, я нахожу необходимымъ, чтобъ и самые проекты на возведеніе сихъ крѣпостей были составлены на мѣстѣ, по вашему соображенію и подъ вашимъ наблюденіемъ; для чего предлагаю командира грузинскаго инженернаго округа назначить и начальникомъ инженеровъ ввѣреннаго вамъ корпуса съ исправленіемъ обѣихъ должностей.

Округъ сей, согласно вашему предположенію, подчиняется

вамъ, какъ начальнику отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, во всемъ, кромѣ части искусственной, управляемой департаментомъ инженернымъ, для чего и самые проекты, по мѣрѣ ихъ составленія, должны поступать на разсмотрѣніе сего департамента.

Что же касается до усиленія войскъ ввѣреннаго вамъ корпуса, то и насчетъ сего предположенія вы удовлетворительно разрѣшены указомъ моимъ отъ 19-го минувшаго апрѣля.

Александръ.

С.-Петербургъ. 2 мая, 1819 года.

III.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ письмо ваше отъ 8-го апрѣля, о генералъ-майорѣ Вельяминовѣ, я долженъ вамъ сказать со всею откровенностію, что изъ уваженія моего къ вашимъ представленіямъ, я никого изъ рекомендованныхъ не оставилъ безъ награды, но мѣру оной всегда оставлялъ и нынѣ оставляю по порядку въ собственномъ моемъ усмотрѣніи; что же касается до генералъ-майора Вельяминова, то, не ослабляя къ нему признательности, какъ къ чиновнику достойному и способному, я почитаю награду, ему сдѣланную, достаточною, потому что онъ въ недавнемъ времени получилъ настоящій чинъ. Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Царское Село. 24 мая, 1819 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Прочитавъ рапортъ вашъ къ начальнику главнаго штаба моего отъ 28-го апрѣля, № 1-й, считаю не излишнимъ содержаніе указа моего, 19-го минувшаго апрѣля вамъ даннаго, противопоставить мнѣнію вашему о маломъ попеченіи правительства насчетъ обстоятельствъ ввѣреннаго вамъ края, тогда какъ Грузинскій корпусъ свыше, чѣмъ когда-либо, усиливается. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 20-го іюня, 1819 года.

Письмо великаго князя Николая Павловича.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Петровичъ!

Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ изъясняете мнѣ положеніе отставленнаго отъ службы, по высочайшему приказу, за дурное поведеніе, инженеръ-подполковника Герасимова. Такъ какъ вы полагаете, что офицеръ этотъ страждетъ несправедливо, то и считаю нужнымъ изъяснить вашему высокопревосходительству, что, принявъ начальство надъ инженернымъ корпусомъ, старался я, сколько возможно, избавить хорошихъ офицеровъ онаго отъ недостойныхъ товарищей, дабы тѣмъ возбудить ревнованіе въ первыхъ; въ семъ не могъ я руководствоваться иначе, какъ аттестаціей частныхъ начальниковъ, коимъ хорошія и дурныя качества подчиненныхъ должны быть извѣстны. Подполковникъ Герасимовъ аттестованъ былъ начальникомъ инженеровъ 2-й арміи, генералъ-маіоромъ Ферстеромъ, весьма непохвальнымъ образомъ и, вслѣдствіе предпринятаго намѣренія, представленъ къ исключенію изъ службы. Ваше высокопревосходительство согласитесь со мною, что теперь, хотя генералъ-маіоръ баронъ Вреде и хорошо относится о подполковникѣ Герасимовѣ, но какъ онъ не былъ его начальникомъ, то и неизвѣстно ему прежнее его поведеніе и служба, а потому и засвидѣтельствованіе его не можетъ перевѣсить аттестаціи генералъ-маіора Ферстера.

Невозможность, въ коей нахожусь, по симъ причинамъ, помочь подполковнику Герасимову, принятіемъ его опять на службу, заставляетъ меня тѣмъ болѣе чувствовать несчастное положеніе семейства его, которому, желая помочь, сколько отъ меня зависитъ, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство доставить мнѣ къ тому случай.

Прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи, съ коимъ остаюсь,

Вамъ доброжелательнымъ

Николай.

Іюня 26-го дня, 1819 года.
Лагерь близь Краснаго Села.

Письма Ермолова къ N. N.

(Собственноручно.)

I.

Милостивый государь мой,

С. С.

Письмо ваше, отъ 27-го марта, изъ Сальянъ, получилъ; при немъ была записка о злоупотребленіяхъ по Астрахани, никѣмъ не подписанная.

Свиданіемъ съ вами въ Кизлярѣ въ первый разъ въ жизни и по свойствамъ вашимъ, смѣю думать, весьма различнымъ, не могъ я пріобрѣсть довѣренности вашей, и потому не рѣшился вѣрить, чтобы подобная записка могла быть вами ко мнѣ доставлена; напротивъ, по нелѣпому сплетенію оной, паче по гнусной клеветѣ на астраханскаго губернатора, извѣстнаго правительству примѣрнымъ усердіемъ и строгими правилами чести, долженъ я былъ думать, что она составлена какимъ-либо злобнымъ доносщикомъ и, въ поруганіе вамъ, подослана при письмѣ отъ имени вашего; но знающіе почеркъ вашъ утверждаютъ, что записка вся вашей руки.

Еще изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ и носимому званію благороднаго человѣка колебался я дать вѣроятіе. Прочелъ я въ концѣ пасквиль, описаніе грабителей астраханской таможни, описаніе равнодушія неблагодарнаго правительства къ подвигамъ вашимъ, неподражаемому безкорыстію и добродѣтели вашей, и не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что составленный пасквиль принадлежитъ вамъ. Боюсь быть нескромнымъ, описывая чувство, которое произвелъ во мнѣ благородный и великодушный вашъ поступокъ. Предоставляю вамъ опредѣлить мѣру почтенія, коимъ я вамъ обязанъ.

Милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

А. Ермоловъ.

№ 1446. 19-го мая 1820 года. Тифлисъ.

II.

Милостивый государь мой,

С. С.

Письмомъ изъ Сальянъ, отъ 27 іюня, вы увѣдомляете меня, что, по истеченіи срока прежняго контракта, заклю-

чили вы съ г. генералъ-лейтенантомъ Мустафою ханомъ Ширванскимъ, новое условіе на отдѣльное содержаніе сальянскихъ и другихъ рыбныхъ промысловъ еще на десятилѣтнее время.

Ширванскій ханъ увѣдомляетъ меня, умалчивая о условіяхъ, имъ сдѣланныхъ, и позволилъ себѣ не представить ихъ на мое разсмотрѣніе и утвержденіе. У обоихъ васъ въ предметѣ: беззаконное пріобрѣтеніе денегъ! И мусульманскій невѣжда, и откупщикъ корыстолюбивый возмечтали безъ наказанія уклониться отъ установленнаго порядка, который, впрочемъ, извѣстенъ обоимъ: ибо, при заключеніи въ 1814 году контракта, утвержденіе предмѣстника моего найдено было необходимымъ. По сей причинѣ и другимъ, не менѣе важнымъ, уничтожилъ я сей новый тайный контрактъ, въ отвращеніе нестерпимаго зла, каковое влекутъ подобныя своевольства, повсюду давъ знать, чтобъ оный признаваемъ былъ не имѣющимъ законной силы.

Вы, милостивый государь мой, лишены той выгоды, чтобы завести ябеду о томъ, что вы потерпѣли раззореніе отъ сдѣланныхъ вами пріуготовленій и издержекъ, ибо не было времени сдѣлать оныхъ по недѣльно заключенному контракту и по тому, что дѣйствіе онаго за четыре года впереди.

Имѣю честь быть и проч.

Ермоловъ.

№ 1837. 3-го іюня, 1820 года. Тифлисъ.

III.

Милостивый государь мой

С. С.

На прошеніе ваше прошедшаго 1819 года, октября 8 дня, заключающее въ себѣ жалобу на содержателя кизлярскихъ водокъ, г. Углева, по собраніи нужныхъ свѣдѣній, отвѣтствую. Содержатель, Гаврило Углевъ, ловъ рыбы производитъ собственно въ водахъ Талышинскаго ханства, отнюдь не захватывая водъ генералъ-лейтенанта Мустафы, хану Ширванскому принадлежащихъ. Напротивъ, симъ послѣднимъ отданы вамъ въ откупное содержаніе острова: Штриты, Гордорелъ, Улазъ, Калобукамъ, которые, по всѣмъ правдоподобнымъ показаніямъ, прежде и весьма недавно составляли собственность Талышинскаго ханства. Есть даже на нѣкоторыхъ островахъ остатки жилищъ Талышин-

цевъ, и отцомъ нынѣшняго хана Талыша отдаваемы были сіи острова въ откупъ. Самые контракты и условія, заключаемые съ вами генералъ-лейтенантомъ Мустафою ханомъ, всего наиболѣе доказываютъ, что вышеозначенные острова ему не принадлежали; свѣдѣнія сіи собраны при предмѣстникѣ моемъ, генералѣ графѣ Тормасовѣ.

Не имѣя права нарушать контракта, паче же охраняя важность утвержденія онаго бывшимъ здѣсь главнокомандующимъ, г. Ртищевымъ, уклонился я всякаго разбирательства о присвоеніи, ширванскимъ ханомъ сдѣланномъ. Жалоба, вами, милостивый государь мой, принесенная, заставила меня сдѣлать таковое. И я побуждаюсь предварить васъ, чтобы впредь воздержались безпокоить начальство затѣйливыми вашими просьбами, отвлекая чрезъ то его вниманіе отъ дѣлъ гораздо нужнѣйшихъ, и сдѣлали бы вашимъ прикащикамъ наставленіе не размножать ябедъ.

Думая утвердить основательность вашего иска, вы упоминаете о предписаніи г. Ртищева, данномъ генералъ-лейтенанту Родгофу; но вы, конечно, забыли, милостивый государь мой, что содержаніе предписанія сего взято изъ записки, поданной вами г. Ртищеву, которую, не хочу обманывать себя, не вы сочинили, но списали у какого-то ябедника, худо знающаго обстоятельства здѣшняго края, списали рукою вашего писаря, и, по неосмотрительности вашей, оставленная здѣсь, хранится при дѣлахъ. Итакъ, ссылаясь на защиту предмѣстника моего, вы только обнаруживаете чрезмѣрную его къ вамъ снисходительность, которой я не имѣю, и не желаю оказывать вамъ, вопреки моихъ обязанностей.

Отвѣтствуя собственною рукою, хочу доказать вамъ, милостивый государь мой, что каждое дѣло, относящееся до васъ, разсматриваю я самъ. Впрочемъ же, при мнѣ и нѣтъ правителя канцеляріи, мошенника Чуксина, который во зло, но въ пользу вашу, употребилъ довѣренность моего предмѣстника, наклонивъ къ признанію контракта, заключеннаго въ противность установленій, запрещающихъ дѣлать забои въ рѣкахъ судоходныхъ.

Предупреждая васъ, милостивый государь мой, что отъ меня даны будутъ приказанія разрушить забои по фарватеру рѣки Куры и сдѣлать ихъ на такое разстояніе, чтобы суда безпрепятственно проходить могли, и что впредь отъ повѣренныхъ вашихъ, ясно дѣлающихъ по наставленію вашему ябеды, не будутъ принимаемы жалобы, которыя

не должны имѣть мѣста послѣ точныхъ предписаній, полагающихъ и границы водамъ ханствъ Ширванскаго и Талышинскаго.

Имѣю честь быть и проч.

А. Ермоловъ.

№ 2125. 27 іюля, 1820 года. Тифлисъ.

IV.

Милостивый государь мой

С. С.

На письмо ваше, отъ 27 августа, отвѣтствую. Напрасно вы изыскиваете причины, по коимъ не хотѣлъ я васъ принять у себя: вы безъ ошибки найдете ихъ въ собственныхъ вашихъ поступкахъ, которые даютъ всѣ права не имѣть къ вамъ, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго уваженія.

Первый контрактъ, заключенный вами съ Мустафой Ширванскимъ на десятилѣтнее содержаніе сальянскихъ рыбныхъ ловлей, не могъ имѣть силы безъ моего утвержденія, и потому приказалъ я признавать его недѣйствительнымъ. Въ немъ, сверхъ того, внесены были урочища, Мустафѣ не принадлежащія, которыя потому только предоставлены вамъ были въ откупное содержаніе, что вы нагло обманули моего предмѣстника, утвердившаго контрактъ съ чрезмѣрною для васъ снисходительностью. Итакъ за контрактъ, не имѣвшій законнаго утвержденія, весьма сомнительно, чтобы въ родѣ задатка могли вы дать болѣе нежели на 100 тысячъ рублей вещами и деньгами, а если и дали что-нибудь, то, безъ сомнѣнія, по прежнимъ разчетамъ, до которыхъ мнѣ нѣтъ ни малѣйшей нужды. Я разсматриваю однѣ квитанціи, которыя должны вы имѣть отъ бывшаго хана, въ полученіи имъ отъ васъ откупной суммы.

Втораго контракта вы не должны были заключать съ бывшимъ ханомъ, ибо когда, 2 августа, прибыли къ нему въ Солутъ, то явна уже была его измѣна. Безпрестанно производились совѣщанія, отправлялось имущество за Куру, и намѣреніе бѣжать не прикрывалось никакою тайной.

Приставу, капитану князю Макаеву, подробно были извѣстны злодѣйства измѣнника Мустафы и его замыслы: имъ донесено было о томъ начальству. Въ сіе самое время вы заключили вторительный контрактъ, и утвердили меня

въ прежнихъ о васъ мнѣніяхъ, *что корыстолюбивому откупщику нѣтъ приличій, и для него деньги свыше всего прочаго.*

Вы готовы утверждать, что о поведеніи Мустафы ничего не знали, ибо безсовѣстно объясняете въ письмѣ вашемъ, что не могли отказаться отъ принятія контракта, по силѣ вновь послѣдовавшаго отъ меня Мустафѣ предписанія; но что̀ вы скажете противъ показанія князя Макаева, что вы обнадеживали измѣнника Мустафу поправить дѣла его, и чему, сверхъ того, имѣю я доказательство:

Подлинное къ вамъ письмо измѣнника, въ коемъ видно условіе употреблять пять тысячъ червонныхъ, которые вы на счетъ его обязались дать изъ вашихъ денегъ? Привезшій письмо сіе измѣнника Мустафы чиновникъ показываетъ, что сіи деньги должны были обращены быть на подарки. Мустафа злодѣяніями своими, а наконецъ *бѣгствомъ своимъ,доказалъ, что ходатайствовать за него, по крайней мѣрѣ, безчестно,* а ходатайство сіе вы приняли на себя, стараясь дѣяніямъ его придать другой видъ, единственно изъ побужденія корыстолюбія, которому честь ваша и въ должностяхъ прежде вами занимаемыхъ не была обузданіемъ.

Ограждены будучи чиномъ, дающимъ право на дворянство, вы отъемлете у меня право *дать вамъ приличнѣйшее наименованіе и, конечно, не благороднаго человѣка.*

Въ заключеніе скажу вамъ объ откупахъ, что если желаете имѣть въ содержаніи сальянскія рыбныя ловли, отъ васъ зависѣть будетъ явиться къ торгамъ и удержать ихъ за собою, предложивъ казнѣ выгоднѣйшія цѣны.

За симъ, надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь прекращеніемъ вашей со мною переписки.

Вашего благородія покорный слуга

А. Ермоловъ.

№ 2988. 6 сентября, 1820 года. Тифлисъ.

Коменданту астраханскому Делпоцу.

Любезный старикъ Иванъ Петровичъ!

Имѣя весьма справедливыя причины думать, что г. N. N., по возвращеніи своемъ въ Астрахань, или вовсе скроетъ отъ публики безвыгодную его изъ Сальянъ со мною переписку, или же, по обыкновеннымъ его правиламъ, постарается исказить оную и выказать не въ томъ видѣ, въ [к]. дѣйствительно она есть, счелъ нужнымъ, во избѣ-

жанiе, чтобы вы, любезный старикъ, не подверглись ложнымъ слухамъ, препроводить къ вамъ при семъ со всей переписки точную копiю, повторяя, съ тѣмъ вмѣстѣ, увѣренiе въ томъ почтенiи, съ коимъ пребываетъ къ вамъ

покорнѣйшiй слуга

Ермоловъ.

6 сентября 1820 года, Тифлисъ.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Принятыя вами мѣры къ усмиренiю народовъ буйныхъ, уничтожили возмущенiя въ Гурiи, Мингрелiи и Имеретiи. Дагестанъ покоренъ Россiи твердостiю и благоразумными во всѣхъ случаяхъ распоряженiями вашими. Я считаю справедливымъ долгомъ изъявить вамъ полную Мою признательность за успѣшныя дѣйствiя ваши, будучи притомъ увѣренъ, что вы усугубите старанiе къ водворенiю тишины и благоустройства въ областяхъ, управленiю вашему ввѣренныхъ. Пребываю навсегда вамъ доброжелательный

Александръ.

Въ Варшавѣ. 18 августа, 1820 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Обстоятельства, содѣлавшiя необходимымъ присутствiе мое за границею, продолжаясь нынѣ въ послѣдствiяхъ своихъ, не дозволятъ мнѣ съ достовѣрностiю опредѣлить времени къ возвращенiю моему въ С.-Петербургъ, а потому, не желая чтобы ожиданiемъ вашимъ въ сей столицѣ служба лишилась той пользы, которую вы трудами своими всегда ей приносили, признаю за лучшее, чтобы вы для свиданiя со мною отправились немедленно въ мѣсто настоящаго моего пребыванiя.

Ожидая скораго прiѣзда вашего, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ г. Лайбахѣ, 3 марта, 1821 года.

Письмо Ермолова къ Д. В. Давыдову.

Любезный братъ Денисъ!

Слухи о движеніи войскъ, молва, и, можетъ-быть, неосновательная, о войнѣ, возмутили спокойствіе твое, и ты порываешься на поле ратное. Но за что пылаешь ты гнѣвомъ на Турокъ? Чье сосѣдство можетъ быть менѣе опасное?

Доселѣ съ большимъ правдоподобіемъ можно вѣрить, что острить мечи не о пески молдавскіе! Слышно о движеніи войскъ въ предѣлы Австріи; не даромъ въ прокламаціи Австрійцевъ сказано, что государь даетъ имъ помощь войсками, и хотя взятъ уже Неаполь, позволительно думать, что дурное состояніе сѣверной Италіи не заставитъ пренебречь помощью.

Итакъ, желаніямъ твоимъ могутъ представиться другіе виды.

Если Австрійцы должны будутъ укрощать оружіемъ порывы къ свободѣ своихъ владѣній въ Италіи, ихъ ожидаетъ въ будущемъ война народная; если вѣрно, что Піемонтцы обратились на занятіе Милана, будетъ война единодушная, и не Австрійцамъ удобно преодолѣть мнѣніе. Если будемъ содѣйствовать имъ, по количеству движущихся войскъ, надобно ожидать отдѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно, и авангарда, числомъ значительнаго. Партизаномъ въ войнѣ народной быть неудобно, въ твоемъ чинѣ надобно имѣть большую команду; войско вспомогательное не можетъ имѣть такой конницы, отъ которой можно бы было отдѣлять большую часть. Если рѣшаешься просить государя о назначеніи тебя на службу, мое мнѣніе не стѣснять выборомъ его непосредственной воли. Представятся въ послѣдствіи удобные, а теперь непредвидимые, случаи: и кто же начальникъ, могущій замѣнить тебя въ толпѣ генераловъ? По крайней мѣрѣ, между главными изъ нашихъ полководцевъ нельзя найдти, столько мало прозорливыхъ.

Дни черезъ два ѣду я въ Лайбахъ; желаніе сократить безполезное мое здѣсь пребываніе и удаленіе отъ моихъ легіоновъ понудило меня искать позволенія туда отправиться. Прощай!

Вѣрный братъ
А. Ермоловъ.

30 марта, 1821. С.-Петербургъ.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! При утвержденіи мною, въ прошломъ 1820 году, извѣстнаго вамъ положенія о переселеніи на земли Черноморскаго войска 25.000 малороссійскихъ казаковъ, обращено было вниманіе на открывшееся изъ донесеній генералъ-майора Киселева, обстоятельство, что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска Черноморскаго учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и поселили на оныхъ крестьянъ.

Предусматривая, что изъ сего произойдти могутъ стѣсненія казаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе несообразное съ существованіемъ войска Черноморскаго и по единому послабленію допущенное, установленіе уничтожить; крестьянъ же, на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники, ими владѣющіе, не пожелаютъ перевести на земли, или въ имѣнія, въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе.

Но дабы мѣру сію привести можно было въ исполненіе съ лучшею удобностію, то я призналъ нужнымъ поручить вамъ, вникнувъ со всею подробностію во всѣ обстоятельства, до положенія Войска относящіяся, представить мнѣ заключеніе ваше:

Во 1-хъ, какія распоряженія къ приведенію упомянутой мѣры въ дѣйствіе учинены быть могутъ такъ, чтобы при соблюденіи главнѣйше пользъ Войска, чиновники, крестьянъ на земляхъ войсковыхъ водворившіе, наименѣе понесли убытковъ, и

Во 2-хъ, какое денежное вознагражденіе за крестьянъ, коихъ они не переселятъ, сдѣлано имъ быть можетъ?

По полученіи отъ васъ подробныхъ по сему предмету соображеній, когда обстоятельства позволятъ вамъ ихъ представить, сдѣлано будетъ окончательное постановленіе.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Царское Село. 7 іюля, 1821 года.

II.

Господину главнокомандующему Грузіей, генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Усмотрѣвъ изъ представленныхъ отъ васъ свѣдѣній, что состояніе промышленности и торговли въ Грузіи, по недостатку капиталовъ и торговыхъ заведеній, не имѣетъ еще надлежащаго пространства и движенія, и находя, что части сіи, къ благосостоянію края толико нужныя, не могутъ съ успѣхомъ быть устроены на общихъ правилахъ и требуютъ особенныхъ поощреній, настоящему состоянію сего края свойственныхъ, признали мы нужнымъ постановить слѣдующія въ пользу ихъ распоряженія:

1. Права гильдейскія. Всѣмъ торгующимъ россійскимъ подданнымъ и иностраннымъ, кои въ теченіи десяти лѣтъ, считая съ 1 іюля, 1822 года, учредятъ въ семъ краѣ торговые домы и будутъ производить оптовую торговлю, присвояются права первой гильдіи, безъ всякаго платежа въ теченіи означеннаго времени податей, по сей гильдіи положенныхъ; но по истеченіи сего срока, какъ тѣ, кои пожелаютъ продолжать торговлю, такъ и тѣ, кои вновь въ оную вступятъ, обязаны будутъ производить оную на общемъ положеніи, неся всѣ повинности, съ гильдейскими правами сопряженныя. Само собою разумѣется, что тѣ, кои прежде истеченія означеннаго срока прекратятъ торговыя дѣла, лишатся тѣмъ самымъ и гильдейскаго права, имъ по сей торговлѣ принадлежащаго.

2. Льгота отъ личныхъ податей и службы. Въ теченіи того же срока торгующіе, какъ россійскіе подданные, такъ и иностранные, освобождаются въ тѣхъ мѣстахъ отъ личной службы и личныхъ податей, а домы ихъ и магазины отъ военнаго постоя и налоговъ, исключая, однакожь, мѣстныхъ городскихъ расходовъ, въ коихъ они, какъ владѣльцы домовъ, обязаны участвовать.

3. Пріобрѣтеніе недвижимой собственности. Всѣмъ торгующимъ, какъ россійскимъ подданнымъ, такъ и иностраннымъ, дозволяется въ томъ краѣ пріобрѣтать недвижимую собственность и продавать ее съ платежомъ узаконенныхъ пошлинъ, хотя бы торгующіе иностранцы и не вступили въ подданство. Но съ прекращеніемъ торговли и съ остав-

леніемъ сего края, они обязаны внести подати, въ городовомъ положеніи на сей случай опредѣленныя.

4. Пріобрѣтенія земель. Торгующимъ россійскимъ подданнымъ и иностраннымъ, будутъ уступлены отъ правительства участки земель для заведеній ихъ, въ томъ краѣ нужныхъ, за обыкновенную цѣну, по коей земли тамъ продаются. Какъ цѣна сія, такъ и условія сей продажи имѣютъ быть опредѣлены съ точностію по свѣдѣніямъ, кои отъ васъ представлены будутъ.

5. Льгота въ таможенныхъ пошлинахъ. Всѣ товары, привезенные въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не будутъ подлежать другому платежу, какъ по пяти со ста по цѣнѣ объявленной, сообразно тому, какъ по силѣ гюлистанскаго трактата взимается пошлина съ товаровъ изъ Грузіи въ Россію, платятъ они установленную пошлину по тарифамъ азіятскому и европейскому, сообразно происхожденію товаровъ. Для сего, по сношенію вашему съ министромъ финансовъ, учреждены будутъ въ приличныхъ мѣстахъ заставы и таможни, съ одной стороны на путяхъ, ведущихъ въ Грузію изъ иностранныхъ земель, а съ другой на путяхъ изъ Грузіи въ Россію.

6. Правила карантиннаго очищенія. Распоряженія, въ указѣ 1819 года означенныя, по коимъ товары, изъ портовъ Средиземнаго моря приходящіе въ тюкахъ и ящикахъ съ двойною оболочкою и запломбированные въ россійскіе черноморскіе порты, не подвергаясь карантинному очищенію распространяются и на порты мингрельскіе, если всѣ условія, въ томъ указѣ означенныя, будутъ съ точностію исполнены.

7. Охраненіе транспортовъ на торговыхъ путяхъ. Для безопасности торговыхъ транспортовъ, какъ по рѣкѣ Фазу, такъ и на сухомъ пути, съ одной стороны отъ Баку, а съ другой отъ Редутъ-Кале и Мараня до Тифлиса, и обратно, снабжать оные транспорты надлежащимъ военнымъ прикрытіемъ.

8. Устройство караванъ-сараевъ. На пути, лежащемъ между Баку и Чернымъ моремъ, каждый изъ торгующихъ можетъ устроить караванъ-сараи по азіятскому обычаю, по усмотрѣнію собственныхъ его выгодъ. Мѣстное начальство будетъ содѣйствовать къ заведенію ихъ назначеніемъ и отводомъ нужнаго къ сему лѣса и другихъ матеріяловъ.

9. Устройство пристаней на Черномъ морѣ. На первый разъ назначается къ сему пристань на берегу Чернаго моря, при Редутъ-Кале состоящая: въ послѣдствіи же мѣст-

ное начальство сего края не оставитъ употребить всѣ способы къ открытію и устройству другихъ пристаней безопасныхъ и удобныхъ.

10. Пространство и предѣлы сихъ правилъ. Сила всѣхъ вышеозначенныхъ правилъ распространяется на всѣхъ вообще торгующихъ, какъ россійскихъ подданныхъ, такъ и иностранныхъ, кои пожелаютъ въ томъ краѣ учредить заведенія промышленности и торговли, но она ограничивается единственно и исключительно Грузіей и Имеретіей и областями, къ нимъ принадлежащими, и никакъ не относится къ россійскимъ губерніямъ, по сю сторону Кавказа лежащимъ.

11. Впрочемъ, при допущеніи иностранцевъ, на особенное попеченіе ваше возлагается наблюдать, дабы, подъ предлогомъ торговли, не вкрались туда люди подозрительныхъ правилъ и худаго поведенія.

Посему всѣ иностранцы, въ Грузію пріѣзжающіе, должны имѣть паспорты отъ россійскихъ миссій, кои на сей конецъ снабжены будутъ особенными отъ министерства иностранныхъ дѣлъ предписаніями.

Александръ.

Царское Село, 8 октября, 1821 года.

III.

Господину главнокомандующему Грузіей генералу отъ инфантеріи Ермолову.

Вслѣдствіе общихъ распоряженій, для поощренія промышленности и торговли въ Грузіи принятыхъ, и подробно означенныхъ въ указѣ, на имя ваше вмѣстѣ съ симъ данномъ: 1) Иностранцу Гамбѣ, предъявившему желаніе устроить торговыя въ томъ краю заведенія, дозволить учредить оныя на основаніи правилъ, въ вышеозначенномъ указѣ изображенныхъ, и съ присвоеніемъ симъ торговымъ заведеніямъ тѣхъ правъ и выгодъ, какія въ томъ указѣ означены. 2) Въ уваженіе того, что иностранецъ Гамба первый изъявилъ желаніе и приступилъ къ мѣрамъ устройства въ томъ краѣ торговыхъ заведеній, отвесть ему въ собственность до шестнадцати тысячъ десятинъ земли въ мѣстахъ, кои, по избранію его и по усмотрѣнію вашему, найдены будутъ свободными и къ заведеніямъ сего рода

способными, со взысканіемъ съ него по одному рублю за десятину, разсрочивъ платежъ денегъ на пять лѣтъ по равнымъ частямъ.

Александръ.

Царское Село. 8-го октября 1821 года.

О способахъ Ермолова упрочить за Россіей Кабарду.

Генералъ Ермоловъ, желая навсегда упрочить за Россіей Кабарду и чтобъ прекратить постоянныя сношенія кабардинцевъ съ другими враждебными намъ народами, принудилъ Кабардинцевъ выселиться изъ горъ и поселиться на плоскости, а чтобъ заградить обратный имъ путь, построилъ крѣпости передъ ущельями Терекскимъ, Чегемскимъ, Урванскимъ, Нальчикскимъ и Баксанскимъ, которыя названы по именамъ тѣхъ ущелій. Кромѣ того онъ перенесъ военногрузинскую дорогу съ праваго берега Терека на лѣвый и прикрылъ ее укрѣпленіями Притибскимъ, Урухскимъ, Минаретскимъ и Ардонскимъ. Всѣ эти укрѣпленія, начатыя въ 1820 году, окончены въ 1822 году. Это такъ взволновало Кабардинцевъ, что болѣе виновные тайно уходили за Кубань. По этому посылаемы были войска въ Кабарду, чтобъ воспрепятствовать переселеніюКабардинцевъ за Кубань и для наказанія болѣе виновныхъ отэ поручено было артиллеріи-подполковнику Коцареву.

Кабардинскому народу.

Безпрестанные набѣги внутри нашихъ границъ, раззореніе жителей и самыя убійства, явно производимыя Кабардинскимъ народомъ, вынудили меня употребить силу оружія войскъ и наказать ихъ.

Сколько времени безъ пользы терпѣлъ и жалѣлъ я ихъ и сколько я отвратилъ отъ нихъ бѣдствій—это знаетъ Кабардинскій народъ. Въ 1818 году эфендіи и владѣльцы лично дали мнѣ обѣщаніе; но это обѣщаніе, какъ и прежнія, много разъ данныя мнѣ клятвы, не исполнены и, вмѣсто исполненія обязанности подданныхъ, разбои и убійства умножились. Я приказалъ войскамъ вступать въ Кабарду и объявляю народу:

Владѣльцы, чувствующіе себя невинными, могутъ съ довѣренностію обратиться ко мнѣ; они сохранятъ свои права, сохранятъ власть надъ подвластными ихъ и они

признаны будутъ владѣльцами. Владѣльцы же, которые не явятся къ начальникамъ русскихъ войскъ, бывъ прежде замѣчены въ злодѣяніяхъ, изгонятся изъ Кабарды. Подвластнымъ ихъ объявляется свобода и независимость отъ нихъ, послѣ чего нѣтъ надъ ними власти, кромѣ власти милостиваго государя императора, и награжу ихъ въ самой Кабардѣ землями и выгодами. Убѣждаю васъ, народъ Кабардинскій, не вѣрить обольщеніямъ владѣльцевъ вашихъ; они обманываютъ васъ и въ крайности первые же васъ оставятъ. Не спасутъ ихъ твердыни, гдѣ они думаютъ укрѣпиться, и нѣтъ мѣста, куда не проникли бы войска наши. Не защитятъ васъ мошенники, не знающіе ничего, кромѣ подлаго воровства и разбоевъ. Я не мщу простому народу, и наконецъ еще таки обѣщаю вамъ покой, счастіе и свободу; послѣ поздно будетъ просить о пощадѣ. Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ. 1822 года, января мѣсяца. Г. Тифлисъ.

Письмо Ермолова къ Графу Гурьеву.

Милостивый государь,
Графъ Дмитрій Александровичъ!

Желая избѣгать случаевъ, въ которыхъ объявленія официіяльныя не могутъ быть пріятными, я имѣю согласіе вашего сіятельства на переписку партикулярную, и симъ пользуясь, прошу покорнѣйше взглянуть на сообщеніе, писанное ко мнѣ отъ 3-го марта. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что можно было избавить меня отъ заключающагося въ концѣ вопроса. Вы, конечно, не сдѣлали бы таковаго, еслибы хотя минуту остановили вниманіе ваше на томъ, что провинцію Шекинскую присоединилъ я къ управленію нашему, принявъ на себя исполненіе въ пользу нашу дарованнаго хану трактата, ясно предоставляющаго наслѣдственное онымъ владѣніе, тогда какъ провинція сія приноситъ болѣе полумилліона доходу, а сдѣланныя мною издержки не составляютъ и десятой доли онаго. Сверхъ того, онѣ употреблены на предметы, дѣлающіе честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные, да на содержаніе фамиліи умершаго владѣтеля.

Я не имѣлъ на сіе высочайшаго разрѣшенія, что̀ вамъ не можетъ быть неизвѣстно, и мнѣ, когда нужно было дѣйствовать, затруднительно ожидать онаго, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядокъ, которой

рый, впрочемъ, на провинцію, вновь ко управленію присоединенную, до прочнаго основанія въ ней устройства, распространиться не можетъ. Передавъ уже разъ сборъ доходовъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ, я не входилъ ни въ какое распоряженіе оными; но за прежнее до того время и по законамъ, и по собственнымъ правиламъ чести, я ничѣмъ не обязанъ, кромѣ ясной отчетности, и таковая отдана правительству. Можетъ-быть, не знакомъ я вашему сіятельству со стороны бережливости, но въ теченіи довольно продолжительной, а иногда и видной, службы, хорошо будучи замѣченнымъ оскорбительны подобные вопросы, а если сдѣланы съ намѣреніемъ, то и нестерпимы. Вамъ, милостивый государь, въ поступкѣ моемъ, когда я ищу только приличія, угодно видѣть присвоеніе излишней власти. Увѣрьтесь, ваше сіятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорный слуга

А. Ермоловъ.

17-го іюня, 1822 г. Лагерь въ Кабардѣ.

Рескриптъ.

Господину главноуправляющему въ Грузіи.

Указами моими, въ разное время данными, даровано прощеніе и возвращены имѣнія князьямъ и дворянамъ грузинскимъ, участвовавшимъ въ бунтѣ кахетинскомъ.

Но какъ донынѣ не воспользовались еще таковымъ снисхожденіемъ дворяне Телавскаго уѣзда: Заворъ Таріеновъ и Эліозъ Гулбатовъ, то, согласно представленію о томъ вашему, я повелѣваю: распространяя и на нихъ всемилостивѣйшее прощеніе, возвратить ихъ имѣнія.

Александръ.

Петергофъ. 22 іюля, 1822 года.

Предписаніе Ермолова.

Предсѣдателю кавказской уголовной палаты Чекалову.

Давно доходитъ до меня ропотъ несчастныхъ, коихъ дѣла поступаютъ на сужденіе уголовной палаты, и слухъ насчетъ

васъ не дѣлаетъ вамъ чести. Готовъ я вѣрить, что, безопасны будучи отъ явныхъ изобличеній, вы слуховъ сихъ не устрашитесь; но гласъ общій, извѣстныя многимъ нѣкоторыя дѣла, поступки ваши окажутся правдоподобными, и могутъ быть слѣдствія для васъ невыгодны.

По обязанности званія моего и собственно для огражденія себя отъ справедливаго упрека, что виновнымъ снисхожденіемъ даю поводъ распространяться злоупотребленіямъ, я убѣждаю васъ, милостивый государь, оставить занимаемое вами мѣсто, и оставить его безъ замедленія; безполезны въ семъ случаѣ объясненія, и я письмо сіе препровождая къ вамъ чрезъ г. областнаго начальника, поручилъ ему дать мнѣ знать, если по полученіи онаго къ первой почтѣ не изволите представить просьбы объ увольненіи васъ отъ должности; не скрою отъ васъ, милостивый государь, что буду я просить государя императора объ удаленіи васъ, и долженъ буду, съ обыкновеннымъ упованіемъ моимъ на правосудіе его, объявить побуждающія меня къ тому причины.

23 апрѣля, 1823 г.

Рескрипты.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералу отъ инфантеріи Ермолову.

I.

Видя изъ донесенія вашего отъ 30 минувшаго іюля, что вы благоразумными своими распоряженіями и сбереженіемъ остатковъ отъ прошлыхъ годовъ, сокращаете весьма значительную сумму изъ смѣты на будущій 1824 годъ, по продовольствію войскъ ввѣреннаго вамъ корпуса, я принимаю сіе новымъ доказательствомъ отличнаго вашего усердія къ службѣ и попеченія о пользѣ государственной, за что изъявляю вамъ мою признательность, поручая объявить равномѣрно мое удовольствіе и подчиненнымъ вашимъ, кои трудятся и усердствуютъ по сбереженіямъ въ продовольствіи.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ Черновицахъ. 26 сентября, 1823 года.

II.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше изъ Дагестана отъ 25 января. Мнѣ весьма пріятно было видѣть изъ онаго счастливое во всѣхъ отношеніяхъ окончаніе предпріятія вашего къ возстановленію спокойствія, нарушеннаго въ томъ краю мятежествующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживаютъ благоразумныя мѣры кротости, принятыя вами для достиженія сей цѣли. Онѣ совершенно соотвѣтствуютъ намѣреніямъ моимъ; почитая жителей Дагестана вмѣстѣ и обитателями части Россійской Имперіи, я всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ принималъ извѣстія объ употребленіи силы оружія къ обузданію ихъ своеволія; тѣмъ болѣе остаюсь довольнымъ настоящимъ укрощеніемъ ихъ, безъ всякаго кровопролитія въ дѣйствіе приведеннымъ, за что̀, повторяя вамъ благодарность мою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ

С.-Петербургъ. Февраля 15, 1824 года.

III.

Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я донесеніе ваше отъ 22 прошедшаго іюля. Сохраненіе по ввѣренному вамъ корпусу отъ нынѣшняго года къ будущему продовольственной суммы до двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями, относя единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ къ пользѣ государственной, и оставаясь въ полной увѣренности, что вы всегда будете соединять оное съ отличною вашею службою, пребываю навсегда къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. Октября 2 дня, 1824 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! По причинамъ весьма уважительнымъ, о коихъ вы доносите мнѣ въ рапортѣ своемъ отъ 6 минувшаго сентября, я разрѣшаю вамъ, согласно съ пред-

ставленіемъ вашимъ, перевесть нынѣ же изъ Георгіевска всѣ областныя присутственныя мѣста въ Ставрополь, и помѣщая оныя тамъ въ наемныхъ домахъ, пока будутъ построены для нихъ новыя зданія, употреблять на сей предметъ изчисленную вами сумму, до десяти тысячъ рублей въ годъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Перми. 2 октября, 1824 года.

Письмо Ермолова къ Полковнику Б.....ву *.

Милостивый государь!

Мнѣ надобно было пройдти чрезъ всю Кабарду, чтобъ удостовѣриться, до какой степени простиралось неблагоразумное поведеніе ваше. Здѣсь же я узналъ, до какой степени простиралась и подлая трусость ваша, когда, догнавъ шайку разбойниковъ, уже утомленную разбоемъ и обремененную добычей, вы не смѣли напасть на нее. Слышны были голоса нашихъ, просящихъ о помощи, но васъ заглушила подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своихъ соотечественниковъ, но вы удержали ихъ. Изъ мыслей ихъ нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ, или измѣнникъ. И съ тѣмъ, и съ другимъ титуломъ нельзя оставаться между людьми, имѣющими право гнушаться вами и съ трудомъ удерживающимися отъ изъявленія достойнаго къ вамъ презрѣнія, а потому я прошу васъ успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину.

Примите увѣреніе въ томъ почтеніи, которое только вы заслуживать можете.

Ермоловъ.

Два рапорта императору Александру Павловичу **

I.

По высочайшей конфирмаціи вашего императорскаго величества, служившіе въ бывшемъ составѣ лейбъ-гвардіи

* Это письмо относится къ происшествію, упомянутому въ *Дневникѣ* Ермолова подъ 18 сентября 1824 г.

** Подъ первымъ изъ этихъ рапортовъ не выставлено числа въ *Чтеніяхъ*, подъ вторымъ выставлено ошибочное.

Семеновскаго полка и лишенные чиновъ и орденовъ, изъ полковниковъ Ермолаевъ, изъ майоровъ князь Щербатовъ, тотчасъ по доставленіи ко мнѣ, опредѣлены на службу 41 егерскаго полка въ батальйонъ, дѣйствовавшій противъ возмутившихся Чеченцевъ.

Менѣе нежели черезъ два часа по доставленіи ихъ съ малою частію войскъ дѣлать долженъ я былъ обозрѣніе, и уже видѣлъ я ихъ подъ ружьемъ. Послѣ сего, во все продолженіе экспедиціи противъ Чеченцевъ, въ каждомъ дѣйствіи они были впереди, не уступая ни одному изъ солдатъ ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ.

Не вырывается у нихъ ни одна жалоба на ихъ состояніе, и я всякій разъ вижу съ уваженіемъ похвальное повиновеніе ихъ къ власти, надежду твердую на великодушіе милосердаго государя.

Ничего не дерзаю я испрашивать для нихъ, но столько же, какъ и я, знаютъ они, что не безконеченъ гнѣвъ великаго государя.

II.

Объ отличной службѣ и усердіи рядоваго Литинскаго, свидѣтельствуютъ всѣ начальники, и я самъ, въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, престарѣлаго сего человѣка видѣлъ въ трудахъ наравнѣ съ солдатами, въ сраженіи во всѣхъ случаяхъ впереди съ храбрѣйшими. Для заглаженія вины я позволилъ ему быть съ другими войсками, когда рота коей онъ принадлежитъ, оставалась безъ дѣйствія.

Дерзаю думать, что государь въ великодушіи своемъ проститъ прежнее преступленіе его. Служить далѣе по дряхлости не способенъ. Не смѣю испрашивать ему при увольненіи прежняго 8 класса, но столь же не смѣю полагать предѣла милосердію императора.

С. Червлянское. 1826 г. (?) мая 30.

Рескрипты.

I.

Алексѣй Петровичъ! Съ прискорбіемъ получилъ я донесеніе ваше отъ 30-го прошлаго іюля о случившихся въ Чечнѣ при Амиръ-Аджи-Юртѣ и въ Аксаѣ непріятныхъ происшествіяхъ.

Раздѣляя мнѣніе ваше, что причиною несчастія въ первомъ мѣстѣ была оплошность командовавшаго капитана Осипова, и что смерть генералъ-лейтенанта Лисаневича послѣдовала отъ собственной его неосмотрительности, допустивъ на подобный переговоръ людей несовершенно обезоруженныхъ, не могу, однакожъ, согласиться, чтобы сей генералъ былъ совершенно неспособенъ къ командованію, ибо, доказавъ въ продолженіи долговременной службы многократные опыты своего усердія, онъ и въ настоящемъ случаѣ первоначально успѣлъ удачнымъ дѣйствіемъ арзсѣять превосходныя силы непріятеля, и тѣмъ освободилъ укрѣпленіе Гарзели-аулъ.

Какъ по послѣднему строевому рапорту считается войскъ въ краю, вамъ ввѣренномъ, болѣе 60 тысячъ,—число, каковаго тамъ въ прежнія времена никогда не бывало, то я полагаю и надѣюсь, что сихъ способовъ, при вашемъ благоразуміи, искусствѣ и испытанной дѣятельности, весьма достаточно будетъ, чтобы потушить возникающій мятежъ и возстановить прежнее спокойствіе и порядокъ.

На мѣсто покойнаго генералъ-лейтенанта Лисаневича, сходно представленію вашему, я соглашаюсь назначить командира 3 бригады 22 пѣхотной дивизіи, генералъ-майора князя Горчакова, командующимъ оною 22 пѣхотною дивизіей и исправляющимъ должность кавказскаго областнаго начальника, бывши увѣренъ сколько по извѣстнымъ его достоинствамъ, а наипаче по отличному вашему объ немъ свидѣтельству, что, подъ распоряженіемъ вашимъ, онъ оправдаетъ сей выборъ принятіемъ благоразумныхъ мѣръ противу мятежниковъ и кроткимъ обращеніемъ съ мирными народами, устраняя строгимъ образомъ всякіе случаи, могущіе оскорбить тѣхъ, кои не изобличены во враждѣ.

На мѣсто же убитаго генералъ-майора Грекова, предоставляю вамъ избрать командующимъ бригадою одного изъ отличнѣйшихъ полковыхъ командировъ ввѣреннаго вамъ корпуса, по собственному усмотрѣнію вашему способности и благонадежности.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ. 18 августа 1825 года.

II.

Петровичъ! Содержаніе письма вашего ко мнѣ и отношеній вашихъ того же числа къ графу

Нессельроду, которыя онъ докладывалъ мнѣ, поставили меня въ необходимость войдти въ нѣкоторыя разсужденія по предмету, въ нихъ заключающемуся.

Препорученіе, данное вами г. Мазаровичу, я совершенно одобряю. Оно согласно съ миролюбивыми моими видами и общимъ ходомъ нашей политики. Личныя объясненія съ шахомъ о предполагаемомъ разграниченіи, вслѣдствіе данныхъ вами наставленій, будутъ персидскому правительству новымъ доказательствомъ, сколь искренно мы желаемъ утвердить дружескія съ нимъ связи и отклонить всѣ возможныя поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ.

Отдавая полную справедливость усердію вашему къ пользамъ отечества, и уважая мнѣнія ваши одѣлахъ службы, я не могу, однакожь, раздѣлить опасеній вашихъ насчетъ военныхъ замысловъ Персіянъ противъ Россіи. Быть-можетъ, что еще встрѣтится много затрудненій въ переговорахъ съ министрами шаха и Аббасъ-мирзы, быть-можетъ что они пребудутъ неуклончивы и долго еще не согласятся уступить то, чего мы, по увѣреніямъ ихъ, не имѣемъ права требовать, на основаніи точныхъ словъ гюлистанскаго трактата. Но изъ сего трудно заключить, чтобъ они рѣшительно заготовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. До сихъ поръ мы не видали въ персидскомъ правительствѣ признаковъ подобнаго ослѣпленія, ни въ шахвоинственнаго духа, напротивъ того, всѣ дошедшія до насѣ извѣстія и самыя донесенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ свидѣтельствуютъ о его наклонности къ миру. Въ такоъ выхъ мысляхъ утверждаетъ меня и послѣднее письмо Мирзы-Абуилъ (?) Гассанъ-Хана, съ коегос писокъ доставитъ вамъ графъ Нессельродъ, равно какъ и съ его отвѣта, мною одобреннаго.

По симъ причинамъ я не могу предполагать въ шахѣ намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи, и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то, по крайней мѣрѣ, соблюденія мира.

Съ другой стороны, происшествія на Кубани, и въ особенности случившіяся въ Чечнѣ, непріятныя послѣдствія общаго въ той странѣ возмущенія, о коихъ вы донесли мнѣ отъ 30 іюля, дѣлаютъ всякое наступательное движеніе противъ Персіи весьма неумѣстнымъ. Намъ нужно прежде возстановить въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ спокойствіе и порядокъ; нужно стараться истребить возмущеніе рѣшительнымъ дѣйствіемъ, для наказанія тѣхъ изъ возмутителей, кои покажутъ себя упорнѣйшими, а увлеченныхъ,

но готовыхъ къ покорности, привести къ повиновенію мѣрами кротости. На каковой конецъ войска будутъ съ пользою употреблены въ своихъ границахъ.

Итакъ, съ нашей стороны нужно принять непремѣннымъ правиломъ охраненіе существующаго съ Персіей мира. Всѣ дѣйствія ваши должны быть устремлены къ сей главной и полезной цѣли, и я желаю, чтобы ввѣренныя надзору вашему сношенія съ Персіей были соотвѣтственно тому учреждены.

Пребываю, впрочемъ, вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Августа 31-го дня, 1825 года.

Письмо Ермолова къ правящему должность астраханскаго губернатора.

(Собственноручно.)

Милостивый государь,
Владиміръ Савичъ!

По увѣдомленію вашему и подтверждающимся отовсюду слухамъ, нѣтъ сомнѣнія, что императоръ изволитъ посѣтить Астрахань.

Офиціяльно писалъ я къ вамъ о всемъ что̀ касается до службы; теперь скажу мнѣніе мое о томъ, что не мѣшало бы сдѣлать, дабы могъ государь найдти нѣкоторое удовольствіе во время отдохновенія отъ трудовъ.

Не удивимъ баломъ государя, мы, живущіе въ сторонѣ азіатской, и по малочисленности общества и по невозможности достать того, что̀ можетъ сдѣлать праздникъ блистательнымъ, а потому прилично было бы изобрѣсти такой праздникъ или собраніе, чтобы въ немъ участвовали всѣ лучшія или извѣстныя лица разныхъ народовъ, во множествѣ обитающихъ въ Астрахани.

Весьма жаль, что у многихъ изъ нихъ не въ обыкновеніи показывать женъ своихъ, и въ такомъ случаѣ надобно, чтобы были женщины наши и тѣ, которыя бываютъ въ обществѣ изъ иностранныхъ. Думаю, что въ числѣ сихъ послѣднихъ будутъ однѣ Армянки.

Государю пріятно будетъ видѣть купечество всѣхъ націй, а съ ними можно соединить и главныя лица священнослужителей иноземныхъ народовъ.

Конечно, не пробудетъ государь тамъ долго, чтобы

нельзя занять было всего времени, и потому пишу я къ господину Сапожникову, чтобы сдѣланъ былъ завтракъ, гдѣ бы было все наше купечество и иноземное.

Разумѣется, что при томъ должны быть знатнѣйшіе изъ чиновниковъ.

Впрочемъ я увѣренъ, что вы, милостивый государь, сдѣлать изволите все то, что можетъ быть пріятнымъ императору, и лучше то знаете, нежели я, простой солдатъ, чуждый всѣхъ праздниковъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
милостиваго государя покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

21 сентября 1825 г., въ лагерѣ на Терекѣ.

Рескриптъ.

Алексѣй Петровичъ! Получивъ донесенія ваши отъ 20-го мая, отъ 9-го и 23-го іюня, о сдѣланныхъ поискахъ во владѣніяхъ Закубанцевъ и объ истребленіи генералъ-майоромъ Власовымъ нѣсколькихъ ауловъ, а полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ одного селенія, въ коемъ было до 300 домовъ, я не могу перемѣнить объявленное вамъ прежде убѣжденіе мое, что подобные поиски и истребленіе селеній, коихъ жители не изобличены въ дѣйствительномъ участіи при нападеніи на подданныхъ или союзниковъ нашихъ, не усмиряютъ ихъ, но по духу сего народа, склоннаго и обычаями и законами ко мщенію за обиды, ведутъ только къ большему его противу насъ ожесточенію. Почему, повторяю вамъ желаніе мое, чтобы поиски въ земляхъ сосѣдственныхъ намъ народовъ были дѣланы только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, какъ-то: для избавленія плѣнныхъ подданныхъ нашихъ, или союзниковъ, еслибы таковые увлечены были по какой-либо оплошности, или недостаточной осмотрительности по военной нашей линіи, или же въ такомъ разѣ, когда вѣрныя извѣстія о сборѣ и намѣреніи разбойничьихъ шаекъ напасть на границы наши представятъ полезнымъ дѣломъ предупредить и разогнать ихъ сборища. Но и въ сихъ случаяхъ, кои могутъ быть рѣдки, я желаю, чтобы вы внушили войскамъ и въ особенности начальникамъ, подъ строжайшею ихъ отвѣтственностію, чтобы всѣ дѣйствія были соображаемы болѣе съ видами существенной пользы и моими на то повелѣніями, и что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена

противу вооруженнаго непріятеля, и соединена съ тою необходимою воинскою дисциплиной, которая въ минуту побѣды въ состояніи пощадить побѣжденнаго, и остановить всякое мщеніе надъ безоружными, надъ женами и дѣтьми, столь нетерпимое въ побѣдоносныхъ россійскихъ войскахъ и помрачающее всякую славу побѣдителей. Сіе самое останавливаетъ меня и въ испрашиваемомъ вами награжденіи полковника князя Бековича Черкасскаго орденомъ Св. Георгія; ибо если распоряженіе его къ первоначальному нападенію на непріятельское селеніе и овладѣнію онымъ безъ потери заслуживаетъ одобренія, то съ другой стороны, онъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое было окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе 300 семействъ, изъ коихъ, конечно, бо́льшая часть была женщинъ и дѣтей, невинныхъ и вѣрно не участвовавшихъ въ защитѣ, еслибы даже нѣкоторые жители, при должномъ обѣщаніи пощады, и могли быть увлечены упорнѣйшими къ оборонѣ. Умѣніе удержать подчиненныхъ въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военноначальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ семъ важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ

Александръ.

Въ Таганрогѣ. Сентября 29 дня, 1825 года.

Предписаніе Ермолова.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Въ разрѣшеніе рапорта вашего высокородія, отъ 29-го сентября № 4577, симъ поспѣшаю васъ увѣдомить, что въ разсужденіи встрѣчи государя императора, при посѣщеніи его величествомъ города Астрахани, всеконечно должны вы соображаться съ высочайшею волею, которая о семъ вамъ объявлена будетъ.

Если же вы по сему предмету не получите никакого предварительнаго повелѣнія, то встрѣтить его величество должны вы будете на границѣ губерніи.

Генералъ Ермоловъ.

1 октября 1825 г. № 25. Амиръ-Аджи-Юртъ.

Письмо Ермолова къ правящему должность астраханскаго губернатора.

Милостивый государь,
Владиміръ Савичъ!

Изъ письма вашего, отъ 27 сентября, крайне пріятно для меня было видѣть вѣрноподданническое усердіе, съ коимъ всѣ сословія жителей города Астрахани готовятся встрѣтить достойнымъ образомъ государя императора, въ случаѣ если его величеству благоугодно будетъ удостоить городъ сей своимъ посѣщеніемъ.

Жаль будетъ, если по краткости времени пребываніе императора, какъ то и предполагать должно, невозможно будетъ привести къ исполненію всѣхъ празднествъ, которыя предназначаются. Впрочемъ, конечно, вы не оставите распорядиться такимъ образомъ, дабы и въ сіе короткое время всѣ состоянія городскихъ жителей были участниками въ изъявленіи общей радости, ощущаемой ими при лицезрѣніи всѣми обожаемаго монарха.

Благодаря васъ, съ своей стороны, за попеченія ваши по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые, въ случаѣ прибытія его величества въ Астрахань, должны обратить его вниманіе, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Октября 1825 г. Амиръ-Аджи-Юртъ.

Предписанія Ермолова.

I.

Господину правящему должность астраханскаго губернатора.

Изъ донесеній вашего высокородія, отъ 24 и 30 ноября, №№ 5589 и 5652, пріятно мнѣ было видѣть дѣятельныя мѣры, вами принятыя къ прекращенію безпокойствъ, возникшихъ было въ Яндыковскомъ улусѣ, и благоразумныя распоряженія, учиненныя вами къ предупрежденію оныхъ на будущее время.

Въ обязанность себѣ поставляя изъявить вамъ за сіе истинную мою благодарность, я остаюсь въ полной увѣренности, что попечительностію вашею, при содѣйствіи

нынѣ прибывшаго г. главнаго пристава Калмыцкаго народа, будутъ водворены, какъ въ семъ улусѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ, прочный порядокъ и устройство.

Генералъ Ермоловъ.

№ 184. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

II.

Господину правящему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

Признавая весьма основательными всѣ распоряженія вашего высокородія, изъясняемыя въ рапортѣ отъ 7 сентября № 4111, относительно приведенія въ порядокъ Яндыковскаго улуса, въ разсужденіи тѣхъ предметовъ, по коимъ вы требуете моего разрѣшенія, симъ васъ увѣдомляю: 1) подвластный владѣлецъ Надмитъ-Зайсангъ-Батырь-Амуръ долженъ быть непремѣнно обращенъ въ совладѣніе, ибо иначе данъ бы былъ поводъ къ своевольнымъ откочевкамъ и другимъ зайсангамъ, и 2) зайсанга сего, равно Габжу-Гелена, по моему мнѣнію, весьма бы полезно было, пока Яндыковскій улусъ успокоится совершенно, въ предупрежденіе могущихъ произойдти отъ внушенія ихъ новыхъ раздоровъ, удержать въ Астрахани.

Генералъ Ермоловъ.

№ 185. 8 декабря 1825 г. Екатериноградъ.

Замѣчанія Д. В. Давыдова, относящіяся къ періоду управленія Грузіей Алексѣя Петровича Ермолова.

Не взирая на то, что Ермоловъ прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго государемъ персидскимъ посламъ, возвратить нѣкоторыя присоединенныя къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искусства и энергіи, что шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукой, что̀ было не безызвѣстно Персіянамъ. нашелся бы вынужденнымъ уступить. Не взирая на то что всемогущій въ то время Аббасъ-Мирза нисколько не скрывалъ своихъ къ намъ непріязненныхъ чувствъ, Ермоловъ успѣлъ склонить шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда выказывавшій большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ Персіянамъ высокое къ Русскимъ уваженіе, какимъ они даже не

пользовались въ послѣдствіи, послѣ нашихъ успѣховъ надъ ними. Мнѣ говорилъ одинъ значительный персидскій сановникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ Персіянами, коихъ самонадѣянность постоянно возрастала въ слѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы, и что мы можемъ противоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы.

Извѣстно, что къ Мазаровичу явился однажды Армянинъ, нѣкогда захваченный Персіянами въ плѣнъ; хотя этотъ евнухъ былъ помощникомъ Манучаръ-хана, хранителя сокровищъ и любимца шаха, но онъ обратился къ Мазаровичу съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что, въ случаѣ пропажи чего-либо наше посольство и Армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, то Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить Армянина отказаться отъ своего намѣренія; такимъ образомъ удалось предупредить большія непріятности.

Возвратившись изъ Персіи, Ермоловъ занялся устройствомъ края; его попеченіями была улучшена, при всевозможномъ соблюденіи казеннаго интереса, военно-грузинская дорога, созданы Имеретинская и Кахетинская линіи, и положено основаніе Сунженской. Придвинувъ правый флангъ къ предгоріямъ Кавказа, онъ воздвигъ укрѣпленія у подошвы горъ и переселилъ сюда казаковъ, которые жили до того времени между Георгіевскимъ и Черноморьемъ. До 1820 г. въ Черноморіи, зависѣвшей отъ герцога Ришелье и преемника его графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которыхъ покупались богатыя англійскія заводскія лошади, существовалъ огромный штатъ конюховъ и возведены были племянникомъ Ришелье флигель-адъютантомъ Roche-Chouare нѣсколько малыхъ крѣпостей въ болотахъ. Ермоловъ, уничтоживъ безполезные и крайне дорогіе конные заводы и упразднивъ все ненужное, распустилъ конюховъ; имъ были возведены укрѣпленія: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлисъ тамъ, гдѣ были лишь кучи саклей и два караванъ-сарая. Шелководство и винодѣліе были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Кастелла, требовавшаго большую сумму для выписыванія изъ Франціи женщинъ, привыкшихъ разматывать шелкъ, онъ приказалъ заняться этимъ солдатскимъ женамъ, подъ наблюденіемъ корпуснаго дежурнаго штабъ-офицера; онъ былъ обязанъ,

приложивъ печать къ моткамъ, пересылать ихъ въ мѣсто нахожденія Ермолова. Когда въ послѣдствіи выданы были Кастеллѣ, по приказанію графа Паскевича, 8.000 рублей бумажками, онъ бѣжалъ за границу. Желая также пріучить туземцевъ къ подражанію нѣмецкому хозяйству, онъ водворилъ нѣмецкія колоніи.

Ермоловъ былъ человѣкъ такой, какой былъ необходимъ для Кавказа. Смиряя желѣзною рукой дикихъ хищниковъ, онъ мудрою справедливостью привлекалъ различные народы къ признанію надъ собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управленію обязанъ былъ Кавказъ своимъ устройствомъ, спокойствіемъ и безопасностью; не взирая на большіе расходы, не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одинъ или два милліона экономіи. Тифлисскій госпиталь и коммиссаріатскія зданія были имъ построены на счетъ суммъ, оставшихся послѣ его посольства въ Персію, и которыя онъ имѣлъ право оставить у себя. (Все мною сказанное основано на офиціяльныхъ документахъ; я могу даже присовокупить, что бережливость Ермолова въ отношеніи къ казеннымъ деньгамъ, была часто весьма тягостна для его подчиненныхъ.) Грозный для враговъ и ослушниковъ своихъ велѣній, Алексѣй Петровичъ, будучи постоянно весьма привѣтливъ относительно своихъ подчиненныхъ, дозволялъ себѣ во время похода короткое съ ними обращеніе; но кажущаяся фамильярность этого энергическаго человѣка не была въ состояніи поколебать дисциплины, столь необходимой въ военномъ сословіи. Онъ этимъ путемъ ознакомился со всѣми почти офицерами своего корпуса, и когда до его свѣдѣнія доходило, что полезный офицеръ намѣревался оставить службу, онъ не почиталъ для себя униженіемъ или слабостью, письменно просить его отказаться отъ того. Мы большею частью видимъ, что начальники, щедро разсыпающіе вокругъ себя награды, болѣе любимы своими подчиненными. Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ всеобщую любовь совершенно инымъ путемъ; онъ награждалъ офицеровъ лишь послѣ нѣсколькихъ отличій, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, цѣнилась весьма высоко. Жестокое, повидимому, обращеніе его съ туземцами было лишь слѣдствіемъ необходимости и глубокаго пониманія духа и характера народа, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. (Хотя плодами его грозной и энергической военной системы было обузданіе горцевъ, но ему не удалось, однако, вполнѣ возбранить одинокимъ наѣздникамъ вторгаться въ наши

предѣлы. При всемъ томъ, хищническіе набѣги, кои имѣли всегда мѣсто даже при знаменитомъ князѣ Цицiановѣ, сумасбродномъ графѣ Гудовичѣ, благородномъ и изящно одѣтомъ Тормасовѣ и слабомъ Ртищевѣ, значительно уменьшились. Никто, даже пастырскія увѣщанія К. Г., не были въ силахъ обратить къ мирной жизни отважныхъ всадниковъ, алчущихъ лишь добычи, и у коихъ разбои возведены на степень добродѣтели.) Приведя однажды въ трепетъ непокорныхъ горцевъ, онъ могъ въ послѣдствіи лишь изрѣдка прибѣгать къ мѣрамъ строгости. (Весьма замѣчательно то, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, вопреки увѣреніямъ многочисленныхъ его недоброжелателей, весьма рѣдко наказывалъ виновныхъ въ послѣдніе годы своего командованія; эта система прямо противоположна образу дѣйствій многихъ филантроповъ, кои, начиная баловствомъ, находятся вскорѣ вынужденными слишкомъ часто обращаться къ мѣрамъ строгости, которыя уже не могутъ оказывать желаемаго дѣйствія.) Онъ зналъ, что одна строгость безсильна, если ея не сопровождаютъ—неуклонное правосудіе и безкорыстіе. Эти качества, идя рука объ руку, обильны по своимъ послѣдствіямъ;—вотъ истинная причина того благоговѣнія и необычайной преданности, питаемыхъ къ нему жителями края. Народы Азіи, еще не знакомые съ филантропическимъ воззрѣніемъ Европейцевъ, уважаютъ лишь начальника, умѣющаго сочетать строгость съ справедливостію; отсутствіе строгости почитается ими лишь признакомъ слабости. Весьма часто, когда Ермолову не хотѣлось карать незначительныхъ преступниковъ, онъ заблаговременно предупреждалъ о томъ своего неразлучнаго и вѣрнаго начальника штаба, Алексѣя Александровича Вельяминова *, чтобъ онъ о нихъ ходатайствовалъ; уступая повиди-

* А. А. Вельяминовъ, имя котораго займетъ, безъ сомнѣнія, блестящую страницу въ кавказскихъ военныхъ лѣтописяхъ, и слишкомъ рано похищенный смертію для пользы и благоденствія Кавказа и славы нашего оружія, обращалъ на себя справедливое вниманіе своими замѣчательными способностями, рѣдкою самостоятельностію въ характерѣ, необыкновенно-вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, обширными свѣдѣніями и умѣньемъ превосходно излагать на бумагѣ свои мысли. Вельяминовъ, будучи еще штабсъ-капитаномъ 1-й гвардейской артиллерійской бригады, обратилъ на себя съ 1811 года вниманіе Ермолова, при которомъ онъ состоялъ въ послѣдствіи въ званіи начальника штаба въ теченіи почти 13-ти лѣтъ. Хотя характеръ его былъ совершенно противоположенъ характеру Ермолова, но эти двѣ личности, превосходно понимавшія другъ друга, находились постоянно въ самыхъ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Вельяминовъ, любившій и почитавшій Ермолова какъ отца, приноравливался, во время продолжительнаго своего при немъ служенія, къ его умѣренному образу жизни. Сдѣлавшись самостоятельнымъ начальникомъ, Вельяминовъ, любившій

мому его убѣжденіямъ, Алексѣй Петровичъ смягчалъ приговоры свои и даже нерѣдко совершенно прощалъ виновныхъ. Вотъ почему слава о его справедливости и безкорыстіи распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Правитель дѣлъ Аббасъ-Мирзы, нѣкто Мирза-Сале, извѣстный по своему уму, образованію и знанію многихъ языковъ, заказывавшій нѣкогда для Персіи оружіе въ Англіи и Франціи, и потому значительно разбогатѣвшій, навлекъ на себя гнѣвъ принца, который, желая овладѣть всѣмъ его имуществомъ, вознамѣрился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный объ этомъ заблаговременно, бѣжалъ въ Грузію, гдѣ прибѣгнулъ подъ покровительство Ермолова; онъ съ полною довѣренностью передалъ ему на сохраненіе всѣ свои сокровища, въ числѣ коихъ находились богатые подарки отъ короля англійскаго и Людовика XVIII. Вслѣдствіе требованія Аббаса-Мирзы выдать бѣжавшаго сановника, Ермоловъ совѣтовалъ ему удалиться сперва въ Астрахань, а потомъ далѣе. Въ послѣдствіи, онъ, возвратившись въ свое отечество, сопровождалъ Хозрева-Мирзу въ Петербургъ. Ермоловъ, желая ознаменовать чѣмъ-нибудь свое вступленіе въ командованіе грузинскимъ корпусомъ, исходатайствовалъ у государя прощеніе 40 грузинскимъ князьямъ, сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе несправедливыхъ навѣтовъ генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Еще до назначенія Ермолова командиромъ корпуса, открыта была по всей Россіи подписка для собранія суммы, необходимой для выкупа взятаго близь Кизляра въ плѣнъ храбраго въ послѣдствіи командира Куринскаго полка,

---

давать всему тому что̀ онъ ни предпринималъ огромные размѣры, сдѣлался крайне расточителенъ въ отношеніи къ собственному своему состоянію; такъ, напримѣръ, во всемъ, что̀ онъ ни покупалъ или заказывалъ, онъ бралъ за единицу дюжину. Ермоловъ имѣлъ въ немъ и нѣкоторыхъ другихъ генералахъ и штабъ-офицерахъ превосходныхъ сотрудниковъ. Въ числѣ генераловъ находился и доблестный наказной атаманъ войска Донскаго Власовъ, прославившійся на Кавказѣ знаменитою побѣдой надъ Закубанцами; Ермоловъ, отдававшій всегда полную справедливость его рѣдкимъ военнымъ и гражданскимъ достоинствамъ, но знавшій любовь его къ крайне длиннымъ донесеніямъ, былъ однажды вынужденъ просить его „воздержаться отъ страсти къ многописанію“. Отправивъ къ нему листъ бумаги, обрѣзанный форменнымъ образомъ, онъ просилъ его не выходить изъ этого предѣла; хотя донесенія Власова умѣщались послѣ того лишь на одномъ форменномъ листѣ бумаги, но къ этимъ листамъ привязывались снизу довольно полныя тетради съ подробнѣйшимъ изложеніемъ всего хода дѣлъ. Между гражданами чиновниками канцеляріи Ермолова, число коихъ никогда не пре-[illegible] девятнадцати, находились также отлично способныя и благона-[illegible]ица.

полковника Швецова. Ермоловъ предписалъ командовавшему войсками на линіи генералу Дельпоццо посадить въ кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ туземныхъ князьковъ, чрезъ земли которыхъ слѣдовали хищники, коимъ они явно содѣйствовали въ плѣненіи этого офицера, и содержать ихъ дотолѣ, пока не будетъ собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспѣшно собрали 7000 рублей, вмѣсто требуемыхъ сперва 15.000 руб. Швецовъ былъ вскорѣ освобожденъ, а потому приказано было выпустить изъ-подъ ареста и князей. До 1820 года назначалась изъ военнаго министерства сумма для выкупа плѣнныхъ въ Черноморіи, гдѣ до временъ Ермолова было строго воспрещено нашимъ войскамъ переходить черезъ Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ Чеченцевъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за Имеретянъ, а прочихъ продалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на Чеченцевъ и прочихъ горцевъ, что они съ этого времени лишь изрѣдка захватывали нашихъ въ плѣнъ, и то не иначе какъ по одиночкѣ; пользуясь тѣмъ, Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Въ 1820 годахъ было прислано изъ Ахена на имя Ермолова Высочайшее повелѣніе объ уступленіи Турціи областей, лежащихъ близь Чернаго моря: онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщенъ, что послу нашему въ Константинополѣ, барону Строганову, было приказано обѣщать султану скорое возвращеніе этихъ земель, жители которыхъ уже обратились въ христіанскую вѣру. Ермоловъ, написавъ государю всеподданнѣйшее письмо, въ коемъ были изложены гибельныя послѣдствія столь несвоевременной уступки, окончилъ его слѣдующими словами: „Если воля В. В. неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника, для приведенія ея въ исполненіе.“ Государь, милостиво оцѣнивъ представленіе Ермолова, тотчасъ повелѣлъ барону Строганову не давать вышесказаннаго обѣщанія; если оно было уже сдѣлано, то присовокупить, что это будетъ приведено въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда дружественныя сношенія между Россіей и Турціей не измѣнятся въ теченіи 15 лѣтъ. Ермоловъ, находившійся въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, послѣ возвращенія своего изъ Лайбаха, куда онъ былъ вызванъ для начальствованія арміей въ Италіи, отказался отъ высочайше пожалованной ему аренды въ 40.000 рублей бумажками на 12 лѣтъ, въ пользу бѣд-

ныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Государь, узнавъ о томъ, сказалъ ему: „Хотя я знаю, что у тебя ничего нѣтъ: но я благодарю тебя за твой вполнѣ деликатный и безкорыстный поступокъ.“ Посѣтивъ однажды Шушу, и увидавъ близь великолѣпнаго дворца безнравственнаго Мехти-Кули хана Карабахскаго маленькую и некрасивую мечеть, приходившую въ упадокъ, Ермоловъ грозно сказалъ ему: „Я требую, чтобы къ моему будущему прiѣзду, на мѣсто этой развалившейся мечети, была выстроена другая, которая бы соотвѣтствовала великолѣпiю вашего дворца.“ Эти слова, сказанныя на татарскомъ языкѣ, произвели чрезвычайно благопрiятное впечатлѣнiе на туземное населенiе, которое еще болѣе усилилось, вслѣдствiе построенiя самимъ Ермоловымъ мечетей въ нѣкоторыхъ аулахъ. Во время пребыванiя барона Дибича въ Тифлисѣ, Лезгины взяли въ плѣнъ молодаго офицера, барона Фиркса; узнавъ о томъ, Ермоловъ потребовалъ немедленной его выдачи, грозя въ противномъ случаѣ страшно наказать виновныхъ. Лезгины поспѣшили доставить не только плѣннаго, но и всѣ принадлежавшiя ему вещи, какъ-то: лошадь и часы. Ермоловъ, не желая потворствовать беззаконнымъ дѣйствiямъ многихъ хановъ и продолжать выдачу получаемыхъ ими большихъ содержанiй, изгналъ ихъ и замѣнилъ ханскiя управленiя народными судами. Извѣстившись, въ 1818 году, о набѣгѣ въ наши предѣлы генералъ-майора Ахметъ-хана Аварскаго, получавшаго 5000 руб. содержанiя, онъ издалъ прокламацiю, въ силу которой этотъ ханъ былъ объявленъ измѣнникомъ, съ лишенiемъ чина и содержанiя; онъ возбудилъ противъ него, хотя не способнаго, но принадлежавшаго къ ханскому дому Сурхая. Жена Ахметъ-хана, жестокосердая Гейлиге-Бике, злодѣйски умертвившая жениха своего, прислала къ Ермолову муллу, съ предложенiемъ отравить мужа за извѣстную сумму; но онъ отвѣчалъ, что жизнь такого презрѣннаго негодяя не стóитъ ничего. Теща преданнаго намъ шахмала Тарковскаго, значительно содѣйствовавшая къ возстанiю Акушинцевъ, коихъ она просила доставить евозможность выпить стаканъ крови своего зятя, былай оослана сперва въ Черный Яръ, а потомъ въ Красный Яръ, гдѣ и умерла; владѣтельный князь аула Брагуны, умертвившiй самымъ измѣнническимъ образомъ своего отца и брата, былъ сосланъ въ Сибирь. Такъ какъ Уцмей Кайтахскiй былъ духовная особа, кото-

рая могла быть намъ опасна, то званіе его было уничтожено. Ермоловымъ были также изгнаны подъ разными предлогами: ханъ Талышинскій, умный, но коварный генералъ-лейтенантъ Мустафа-ханъ Ширванскій, котораго нашъ знаменитый атаманъ Платовъ тщетно старался захватить еще въ 1796 году, и безнравственный Мехти-Кули ханъ Карабахскій. Учреждены были народные суды, на коихъ собирались представители бековъ и другихъ сословій, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ, причемъ татарскій подлинникъ сопровождался русскимъ переводомъ. Ермоловъ написалъ, по совѣту маіора Якубъ Шардарова, уставъ для Кабардинцевъ, коимъ они руководствуются доселѣ; у нихъ въ судахъ предсѣдательствуетъ эффенди; Ермоловъ, вполнѣ убѣжденный, что миръ между Россіей и сосѣдними восточными государствами не могъ быть продолжителенъ, въ особенности съ Персіей, гдѣ старшій сынъ шаха, умный и расположенный къ намъ Мамадъ-Али-Мирза, родившійся отъ христіанки, былъ лишенъ престола въ пользу постоянно враждебнаго намъ Аббасъ-Мирзы, коего мать принадлежала къ фамиліи Каджаръ, старался пріобрѣсти себѣ тамъ союзниковъ на случай войны. Онъ потому сблизился съ Мамадъ-Али-Мирзой, который не хотѣлъ добровольно уступить престола брату своему, непризнанному еще Россіей наслѣдникомъ его. Ермоловъ, не взирая на увѣренія многочисленныхъ его враговъ, утверждавшихъ, что онъ давно искалъ повода къ войнѣ и возбудилъ ее лишь изъ честолюбивыхъ видовъ, избѣгалъ ея однако, сколько было возможно; онъ, напротивъ, совѣтовалъ нетерпѣливому Мамадъ-али-Мирзѣ выждать благопріятнаго времени для явнаго возстанія противъ брата, тѣмъ болѣе что въ силу статьи гюлистанскаго договора, мы были обязаны помогать шаху въ случаѣ междуусобной войны въ Персіи; этотъ принцъ, приносившій даже жалобу въ Петербургъ на Ермолова, который, по его мнѣнію, слишкомъ медлилъ объявленіемъ Персіи войны, былъ, къ сожалѣнію, скоро отравленъ. Ермоловъ, узнавъ, что турецкій султанъ, подъ предлогомъ смѣны гарнизона въ Трапезунтѣ, посылаетъ войско для наказанія умнаго и самостоятельнаго паши Тутчи-Оглу, рѣшился предупредить его о томъ и тѣмъ пріобрѣсти вѣрнаго союзника, на случай войны Россіи съ Турціей. Онъ отправилъ къ нему письмо, наполненное лишь привѣтствіями въ восточномъ вкусѣ, съ довѣреннымъ Армяни-

номъ, бывшимъ нѣкогда дядькой знаменитаго князя Багратіона; ему было приказано изустно извѣстить объ угрожавшей опасности пашу, который принялъ всѣ необходимыя мѣры; двѣ турецкія арміи, потерявъ всѣ свои орудія, были имъ на голову разбиты. Тутчи-Оглу прислалъ, въ свою очередь, послѣ того въ Тифлисъ довѣренное лицо, которое, передавъ Ермолову письмо съ привѣтствіями, сказало ему: „паша обязанъ жизнью своему отцу, но тебѣ гораздо болѣе, а потому разумѣй его какъ самаго преданнаго къ тебѣ человѣка.“ Онъ былъ, къ несчастію, вскорѣ измѣннически задушенъ. Ермоловъ пріобрѣлъ также большое вліяніе въ окрестностяхъ Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крѣпостной женщины князя Лаурсаба, сдѣлавшись багдадскимъ и бассорскимъ пашами, просили Ермолова препроводить къ нимъ ихъ мать. Ермоловъ, убѣдивъ князя Лаурсаба отпустить на волю эту старуху, приказалъ одѣть ее въ богатыя парчевыя платья и передать съ почетомъ посланнымъ, которые вручили значительную сумму ея прежнему владѣльцу. Эти оба паши просили въ послѣдствіи позволенія перейдти въ Россію съ сохраненіемъ своихъ правъ. Отправленный Ермоловымъ въ Хиву Муравьевъ (нынѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ) былъ сперва посаженъ подъ арестъ ханомъ, намѣревавшимся предать его жестокой казни, но вслѣдствіе распространеннаго астраханскими Армянами слуха, будто бы Ермоловъ хочетъ мстить Хивинцамъ за истребленіе отряда Бековича еще во время Петра Великаго, его отпустили съ подарками въ Тифлисъ; онъ прибылъ туда въ сопровожденіи двухъ знатныхъ Хивинцевъ, которые оставались тамъ довольно долгое время. Ермоловъ пріобрѣлъ также вліяніе въ землѣ Туркменцевъ; владѣтель острова Черекеме, Кіатъ-ханъ Туркменскій, прислалъ даже сына своего, который поступилъ къ намъ на службу въ Эриванскій полкъ. Всѣ эти случаи, которыми я здѣсь ограничиваюсь, вполнѣ обрисовываютъ характеръ Алексѣя Петровича и свидѣтельствуютъ о степени нравственнаго вліянія его на подчиненныхъ; но главная его заслуга состояла въ неутомимой дѣятельности и умѣньѣ возвышать духъ своихъ подчиненныхъ. Заботы Ермолова о войскѣ, нужды котораго онъ хорошо зналъ, были примѣрны; неуклонно наблюдая за хорошимъ содержаніемъ войскъ, онъ строго запретилъ изнурять ихъ фронтовыми ученьями и дозволилъ имъ носить вмѣсто касокъ папахи,

а вмѣсто ранцевъ холщевые мѣшки съ сухарями. Это, къ сожалѣнію, подало многимъ поводъ обвинить въ либеральномъ образѣ мыслей Ермолова, явно, по ихъ мнѣнію, баловавшаго войска, въ коихъ чрезъ то будто бы обнаружился упадокъ дисциплины, и осмѣлившагося постоянно нарушать установленныя формы и правила службы. Лучшимъ опроверженіемъ тому служатъ слова барона Дибича генералу Сабанѣеву, по возвращеніи своемъ изъ Грузіи: „Я нашелъ тамъ войска, одушевленныя духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ,“ и наши успѣхи въ войнахъ съ Персіянами и Турками. Прослуживъ въ теченіи 25 лѣтъ и участвовавъ во многихъ кампаніяхъ, я, положа руку на сердце, могу по истинѣ сказать, что я не видалъ въ нашихъ войскахъ такого рвенія и мужества, какими были одушевлены кавказскіе солдаты. Слова: *ребята! походъ!* возбуждали въ каждомъ какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пѣхоты, дѣлавшей по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ею предводительствовалъ самъ Ермоловъ: ни заоблачныя выси, ни дикія ущелья, ничто не могло остановить ея гигантскихъ шаговъ. Ермоловъ, убѣжденный въ неизбѣжности близкой войны съ Персіянами и желая упрочить спокойствіе и порядокъ между невѣжественными и фанатическими жителями Дагестана, прибылъ сюда въ 1823 году. Онъ провелъ въ аулѣ Казанищи всю зиму съ 1823 на 1824 годъ, гдѣ имѣлъ при посредничествѣ умнаго и вполнѣ преданнаго намъ шахмала Тарковскаго ночныя свиданія съ Саидомъ-эффенди, ученымъ наставникомъ значительнѣйшихъ туземныхъ муллъ, пользовавшимся въ горахъ огромнымъ вліяніемъ. Во время этихъ свиданій, о коихъ не знали многіе изъ самыхъ приближенныхъ къ Ермолову лицъ, ему удалось склонить Саида-эффенди употреблять въ нашу пользу свое вліяніе въ горахъ и принять на себя наблюденіе за своими единовѣрцами: этому ученому мужу была обѣщана значительная сумма денегъ, которая выплачивалась до 1827 года. Извѣстившись въ 1824 году о явномъ ослушаніи одного изъ дагестанскихъ муллъ, Ермоловъ приказалъ Асланъ-хану Кюринскому захватить виновнаго и переслать его въ Тифлисъ. Не взирая на то, что этотъ ханъ привыкъ, подобно прочимъ туземнымъ властителямъ, къ безпрекословному повиновенію волѣ Ермолова, но онъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, пытался на сей разъ его обмануть и медлилъ

приведеніемъ въ исполненіе его приказанія. Вскорѣ Ермоловъ, не знавшій объ этомъ обстоятельствѣ, подтвердилъ свое повелѣніе хану, который, опасаясь раздражить его, захватилъ виновнаго и принялъ уже всѣ мѣры къ немедленному отправленію его въ Тифлисъ.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высотъ, по коимъ ѣдешь отъ Коби до Тифлиса, есть истинный пунктъ перевала чрезъ Кавказъ. Вокругъ нея находятся горы гораздо выше ея. Она получила сіе названіе отъ креста, который былъ водруженъ на ней первыми Русскими, перешедшими за Кавказъ въ Грузію во времена Екатерины, но такъ какъ крестъ деревянный сгнилъ, то Ермоловъ замѣнилъ его огромнымъ крестомъ, высѣченнымъ изъ гранита, съ такимъ же подножіемъ.

Въ бумагахъ Д. В. Давыдова найдена еще слѣдующая замѣтка: „Не принадлежа къ числу тѣхъ, кои безусловно восторгаются всѣмъ что̀ дѣлалось на Кавказѣ во времена Ермолова, я почитаю однако нужнымъ сказать, что, не взирая на извѣстную любовь къ общественному благу и способности этого генерала, система гражданскаго управленія, коей онъ слѣдовалъ, не будучи лишена большихъ недостатковъ, требовала не мало улучшеній и преобразованій; причину этого надо искать въ личныхъ свойствахъ Ермолова, который, будучи исключительно отличнымъ военнымъ человѣкомъ, не былъ никогда приготовленъ къ административной дѣятельности. Не имѣя ни опытности, ни спеціальныхъ по этой части свѣдѣній, Ермоловъ, не взирая на замѣчательную заботливость о благоденствіи ввѣреннаго края, не могъ однако быть ему полезенъ въ той мѣрѣ, какъ бы онъ того желалъ. Алексѣй Петровичъ, вполнѣ сознававшій въ себѣ недостатокъ свѣдѣній и опытности, и почитавшій себя всегда невѣждой въ административномъ отношеніи, скромно относилъ все сдѣланное въ гражданскомъ отношеніи во время своего правленія краемъ лишь совѣтамъ и дѣятельности нѣкоторыхъ отличныхъ чиновниковъ, коими онъ успѣлъ себя окружить. Ермоловъ, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ по ихъ достоинству, и никогда не перестававшій свидѣтельствовать о нихъ, внушилъ имъ тѣмъ къ себѣ безграничную любовь и преданность. Получивъ однажды повелѣніе из-

ложить свое мнѣніе насчетъ управленія Калмыками, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ подтвердительныхъ о томъ приказаній, не дождавшись отзыва астраханскаго губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе извѣстны, послать въ С.-Петербургъ свое о томъ заключеніе. Прочитавъ вскорѣ послѣ того замѣчанія на этотъ счетъ почтеннаго и отлично-умнаго Н. Я. Бухарина, коему онъ исходатайствовалъ въ послѣдствіи аренду, и отправивъ ихъ также въ С.-Петербургъ, онъ не преминулъ донести, что почитаетъ мнѣніе сего послѣдняго несравненно основательнѣе и полезнѣе своего. Хотя безпокойства въ Дагестанѣ, Чечнѣ и другихъ областяхъ отрывали часто Ермолова отъ гражданскихъ занятій, но нельзя, безъ явнаго нарушенія справедливости, не сказать, что его девятилѣтняя административная дѣятельность, при всѣхъ ея несовершенствахъ и большихъ недостаткахъ, была благотворна для Кавказскаго края; это могутъ подтвердить всѣ безпристрастные очевидцы и самые туземцы.“

IV.

Дневникъ А. П. Ермолова, въ извлеченіи г-на С.

1826 января. Крѣпость Грозная. (Было нѣсколько горячихъ перестрѣлокъ съ Чеченцами.) Со мною случилось смѣшное происшествіе: квартира моя была на самомъ концѣ селенія, и когда начали пули достигать оной, поваръ мой отказался готовить обѣдъ, говоря, что онъ не созданъ быть на пуляхъ чеченскихъ. Кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ менѣе гнушается пуль народа просвѣщеннѣйшаго!

28-го. Въ Малой Атагѣ на правомъ берегу Аргуна замѣчены большіе огни, слышны были выстрѣлы и крикъ въ ознаменованіе радости о прибытіи на помощь сосѣдей, и тогда же узнано отъ лазутчиковъ, что пришли Чеченцы, по р. Мичику живущіе, и нѣсколько Лезгинъ.

(Посланъ отрядъ истребить селеніе Чахкери, гдѣ собирался непріятель и имѣлъ покойное пристанище.)

Предъ разсвѣтомъ приблизились войска къ селенію, но были примѣчены караулами, и потому, не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ, одинъ баталь-йонъ бросился въ селеніе, изъ коего испуганный непріятель спасся бѣгствомъ. Превративъ въ пепелъ селеніе, баталь-йонъ выступилъ безпрепятственно, но когда на обратномъ пути войска были уже за версту отъ селенія, разостлался по землѣ чрезвычайно густой туманъ, съ коимъ соединясь дымъ горящаго селенія, до того затмили свѣтъ, что ничего не возможно было различить въ самомъ близкомъ разстояніи. Въ сіе время приспѣлъ стоявшій за Аргуномъ непріятель. Онъ не могъ видѣть число войскъ нашихъ, равно какъ и его прибытіе познано было по одному ужасному его крику. Конница его, проскакавъ стрѣлковъ, столкнулась съ казаками, которые, ударивъ въ шашки, ее опрокинули. Вскорѣ большія толпы атаковали нашу пѣхоту. Артиллерія дѣйствовала картечью не далѣе какъ въ 50 шагахъ, такъ что были отрываемы оною члены, тѣла были раздираемы. Третье нападеніе было сильнѣйшее, ибо всѣми силами стремительно ударилъ непріятель. Встрѣченный картечью и ружейнымъ огнемъ пѣхоты и спѣшившихся казаковъ, онъ обратился въ бѣгство съ ужаснѣйшимъ урономъ, и съ сего времени не было уже ни одного выстрѣла, вѣроятно потому, что поднявшійся туманъ обнаружилъ число войскъ нашихъ. Непріятеля было до 3 т. чел., и когда удалились наши войска, видно было, что онъ, собравъ тѣла отличнѣйшихъ изъ убитыхъ, разсѣялся въ разныя стороны. Отрядъ съ весьма малою потерею возвратился въ лагерь.

Февраль. (Жгли въ Чечнѣ селенія, нѣкоторыя сдавались, присылали аманатовъ. Въ февралѣ) настали жестокіе морозы, въ здѣшней странѣ необыкновенные, ибо сряду нѣсколько дней было не менѣе 20 градусовъ, и я долженъ былъ пережидать ихъ, боясь потерять людей. (Драки въ Гихинскихъ лѣсахъ, въ завалахъ.) Я имѣлъ случай замѣтить, какъ линейные казаки могутъ стоять подъ пулями... Я приказалъ сжечь сіе гнѣздо (селеніе Гихи) величайшихъ мошенниковъ, которые отовсюду принимаютъ къ себѣ злодѣевъ.

…го февраля Войска на разсвѣтѣ пришли къ Гихинскому … Непріятель не успѣлъ собраться, ожидая меня на

другой дорогѣ. Я могъ потерпѣть не малый урокъ, ибо дорога тѣсная извивается въ частомъ лѣсу и за большими деревьями удобно было и укрываться и остановить движеніе сдѣланными засѣками. Я почелъ не малою удачей переходъ сего лѣса безъ сопротивленія. (Брали селенія приступомъ.)

19-го. Селеніе Казахъ-Кечу выслало старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые, раскаяваясь въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, въ дѣятельномъ участіи въ мятежѣ, ввѣрили себя великодушію войскъ. Не приличествовало наказывать таковыхъ и имъ прощено!

22. Крѣпость Грозная. По недостатку продовольствія оставлено при войскахъ сто казаковъ, прочіе отпущены по домамъ. При артиллеріи оставлено по одному ящику и обозы весьма уменьшены.

Погода продолжается ненастная; прочищать лѣса не возможно; войска распущены на линію.

Мартъ. Пріѣхалъ генералъ-майоръ князь Меньшиковъ, отправленный въ Персію съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ императора. Главною цѣлью были переговоры о границѣ, дабы положить конецъ давно продолжающимся спорамъ и неудовольствіямъ. Правительство, вѣроятно побуждаемое особенными причинами, готово было, не взирая на сдѣланныя мною весьма выгодныя предложенія персидскому шаху и даже значительныя уступки, сдѣлать еще вновь нѣкоторыя для удержанія мира. Хорошо, если Персіяне по невѣжеству своему, не почтутъ сего за боязнь войны!

Я весьма буду доволенъ, что наконецъ увидятъ, сколько нечистосердечно поведеніе персидскаго правительства и наглы его требованія.

Въ продолженіе всего почти марта мѣстная погода была самая гнусная, и дороги въ самомъ худомъ состояніи, почему и невозможно было выступить въ походъ.

Апрѣль. (Началось прочищеніе лѣсовъ; во многихъ селеніяхъ вырубались сады въ наказаніе жителей. Брались селенія.)

Май. (Слѣдствіемъ этихъ порубокъ, движеній и ошибокъ было то, что) по всему пространству Чечни сдѣланы удобныя дороги и войска даже въ маломъ количествѣ могутъ

обращаться безопасно. Расчищенные далѣе выстрѣла отъ дороги лѣса лишаютъ непріятеля возможности дѣлать нечаянныя нападенія, которыя одни доселѣ были опасными. Взяты отъ большаго числа селеній аманаты.

Іюнь. Новая дорога отъ Екатеринограда, судя по недавнему ея учрежденію, по количеству произведенныхъ работъ, при малыхъ средствахъ, можетъ по справедливости называться удивительною. Она несравненно безопаснѣе и удобнѣе прежней, которая проходила гористыми и безводными мѣстами. Теперь проходя, я весьма улучшилъ ее, много расчистивши лѣса.

Іюль. Тифлисъ. Отсутствіе мое продолжалось 11 мѣсяцевъ и 10 дней.

Я нашелъ тѣ же продолжавшіеся съ Персіей споры о границахъ, но ожидалъ, что оные приведены будутъ къ концу княземъ Меньшиковымъ, который, для бо́льшаго успѣха въ переговорахъ и желая сдѣлать угожденіе Аббасъ-мирзѣ, потребовалъ отъ генералъ-лейтенанта Вельяминова 1-го, командовавшаго въ отсутствіе мое, дабы прекращено было построеніе временнаго укрѣпленія при урочищѣ Миракъ на границѣ Эриванскаго ханства. Извѣстно уже было, что князь Меньшиковъ весьма хорошо принятъ въ Тавризѣ и отправляется къ шаху въ Султанію.

Я получилъ извѣстіе, что сардарь эриванскій въ большихъ силахъ атаковалъ постъ миракскій и войска наши, вышедшія изъ онаго, преслѣдовалъ до укрѣпленія Гумры что сообщеніе между онымъ и Каракиштою совершенно прервано. Въ то же время на рѣчкѣ Гамзачиманъ отогнанъ казенный табунъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, и около Каракишта и селенія Амамлы появились персидскія войска.

Итакъ, при всѣхъ постоянныхъ усиліяхъ отдалить войну съ Персіей, при готовности для достиженія того на нѣкоторыя даже пожертвованія, возгорѣлась она совершенно неожиданнымъ образомъ, тогда особенно, какъ князь Меньшиковъ находился въ Персіи единственно по сему предмету.

Августъ. Прибылъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, назначенный командовать войсками подъ главнымъ моимъ начальствомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что государь представлялъ сеѣла наши въ столь худомъ положеніи, что при отправ-

ленiи его сказалъ, что, быть-можетъ, онъ встрѣтится со мною уже на Кавказской линiи. Не знаю, что̀ могло дать поводъ къ такому заключенiю?

Аббасъ-мирза со всѣми регулярными войсками и конницей, всего вообще до 25 т. человѣкъ, перешедши Араксъ, вступилъ въ Карабагскую провинцiю.

Полковникъ Реутъ, оставивъ квартиры свои въ селенiи Чанахчи, укрылся въ крѣпости Шушѣ. Три роты его полка съ двумя орудiями находились при селенiи Герюсы, и хотя г. Реутъ имѣлъ предписанiе присоединить къ полку отрядъ сей, но онъ командующему онымъ подполковнику Назимкѣ позволилъ остаться нѣсколько дней, и онъ атакованъ былъ Персiянами, съ которыми соединившись, измѣнники карабагскiе его окружили. Нѣкоторые изъ приверженныхъ намъ бековъ предлагали ему отступить горами къ Шушѣ, чему непрiятель не могъ воспрепятствовать; но онъ не рѣшился бросить орудiй, долженъ былъ драться въ невыгодномъ мѣстоположенiи, потерялъ много людей и съ остальными взятъ въ плѣнъ.

Аббасъ-мирза окружилъ крѣпость Шушу. Одинъ изъ его братьевъ съ частью войскъ вступилъ въ Ширванскую провинцiю, съ нимъ вмѣстѣ прибылъ прежнiй Мустафа-ханъ, и провинцiя возмутилась. Также присланъ изъ Персiи бывшiй бакинскiй ханъ. Онъ, обложивъ крѣпость Баку, наклонилъ къ бунту жителей провинцiи.

Въ Кубинской провинцiи обнаружились признаки мятежа, и войска наши, занимавшiе Старую Шамаху, должны были ее оставить, дабы сохранить Кубу, гдѣ находились всѣ средства продовольствiя, и куда изъ Ширвани послѣдовалъ братъ Аббасъ-мирзы. Надлежало воспрепятствовать ему въ успѣхахъ.

Дагестанъ оставался спокойнымъ, не взирая на всѣ старанiя Аббасъ-мирзы возмутить оный, и сильнѣйшiй въ ономъ Акушинскiй народъ непоколебимою своею вѣрностiю удержалъ многихъ другихъ.

Вѣрный генералъ-майоръ Асланъ-ханъ Кюринскiй и Казыкумыкскiй отразилъ прежняго владѣтеля Сурхай-хана, который, изгнанъ будучи прежде, жилъ въ Тавризѣ весьма уважаемый Аббасъ-мирзою и былъ главнѣйшимъ его совѣтникомъ. Онъ прислалъ его для возбужденiя Дагестана;

недѣли могъ онъ найдти случай дать мнѣ о себѣ извѣстіе. Одинъ Армянинъ, въ темную ночь, ползкомъ прокрался сквозь цѣпь караула и доставилъ мнѣ записочку.

Прибывшаго по высочайшему повелѣнію генералъ-маіора Давыдова (Дениса, извѣстнаго поэта и партизана) назначилъ я командовать войсками противъ сардаря Эриванскаго. (Отрядъ его былъ незначителенъ).

Я получилъ извѣстіе, что сардарь эриванскій частію войскъ занялъ хребетъ горъ Чардахлы въ Шамшадильской дистанціи и что конница его появилась на плоскости. Она прерывала сообщеніе съ Елисаветполемъ и безпрепятственно могла дѣйствовать въ тылу войскъ генералъ-адъютанта Паскевича, къ которому на встрѣчу шелъ Аббасъ-мирза изъ Карабага. Поспѣшно выступилъ я въ Казахскую дистанцію, откуда могъ я дѣйствовать на войска сардаря эриванскаго, еслибы покусились они идти на Елисаветполь; не допускалъ соединиться съ нимъ чарскихъ Лезгинъ, отъ коихъ для условій съ нимъ посланы были избранные старшины. Еслибы генералъ-маіоръ Давыдовъ не въ состояніи былъ противиться превосходному непріятелю, я могъ удобно подкрѣпить его и въ два форсированные марша совершенно закрыть Тифлисъ.

Въ Тифлисѣ оставался одинъ самый необходимый караулъ не болѣе батальйона и до 100 линейныхъ казаковъ.

Тотчасъ по прибытіи моемъ на Гассанъ-су, войска эриванскаго сардаря оставили Шамшадильскую дистанцію и вскорѣ за тѣмъ хребетъ Чардахлы. Жители начали собираться въ свои жилища и возмутившіеся ихъ старшины пришли просить помилованія и получили оное. Ни одного изъ нихъ не подвергъ я наказанію. Жители Казахской дистанціи утвердились въ покорности и многіе изъ нихъ даже служили вѣрно.

13-го. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ одержалъ побѣду надъ Аббасъ-мирзою близъ Елисаветполя.

Аббасъ мирза, узнавъ о пораженіи сына его при Шамхорѣ, оставилъ малую часть войскъ для наблюденія за крѣпостью Шуша, и со всѣми силами въ числѣ болѣе 20 т. человѣкъ и до 15 орудій, со множествомъ фальконетовъ, пошелъ на Елисаветполь въ намѣреніи атаковать наши войска, но встрѣтилъ ихъ идущія къ нему на встрѣчу.

Надѣясь на чрезвычайное превосходство своихъ силъ и видя весьма малое количество конницы съ нашей стороны, онъ приказалъ большимъ толпамъ своей конницы обойдти правое наше крыло, подкрѣпивъ ихъ небольшимъ числомъ пѣхоты. Оли исполнили сіе безпрепятственно, отбросивъ казаковъ нашихъ и грузинское ополченіе. Нѣкоторыя партіи понеслись по направленію на Елисаветполь. Въ то самое время поставленная въ центрѣ его артиллерія производила довольно сильный огонь и регулярная пѣхота, выславъ впередъ большое число стрѣлковъ, подъ огнемъ ихъ смѣло двинулась противъ лѣваго нашего фланга, стараясь обойдти его.

Въ центрѣ наши 12 батарейныхъ орудій вскорѣ заставили молчать слабаго калибра персидскую артиллерію, и замѣчено, что при первыхъ выстрѣлахъ орудія ихъ начали отъѣзжать назадъ. Картечные выстрѣлы произвели тотчасъ ужасное замѣшательство въ пѣхотѣ. Часть оной, выдавшуюся впередъ, удачно атаковалъ одинъ дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, и достаточно было одному батальйону Грузинскаго гренадерскаго и одному Ширванскаго пѣхотнаго полковъ ударить въ штыки, чтобы всѣ силы непріятеля обратить въ стремительнѣйшее бѣгство. Конница персидская, по обыкновенію, побѣжала первая, за нею вся пѣхота. Но не столько удобно было уходить той части пѣхоты, которая подкрѣпляла конницу, далеко уже обошедшую правое наше крыло. Ей отрѣзано уже было отступленіе 6-ю ротами карабинернаго полка и она бросилась въ прилежащія горы, гдѣ вскорѣ окруженная, отдалась въ плѣнъ въ числѣ 1,100 человѣкъ съ тремя знаменами. Это были одни плѣнные, взятые въ семъ сраженіи, и одни знамена. Въ преслѣдованіи найдено одно орудіе, брошенное Персіянами.

Люди, отягченные ношею, не могли быстро преслѣдовать, и авангардъ посланъ былъ спустя нѣкоторое время. Впрочемъ трудно было бы догнать Персіянъ, ибо они никакого движенія не производятъ съ такимъ искусствомъ, какъ бѣгство, и въ шестой день были уже они на той сторонѣ Аракса.

...оставленномъ лагерѣ найдена большая добыча, въ ...оличествѣ брошены военные запасы. Одна из... ...юость Аббасъ-мирз... можетъ со...ержать ...оль

быстрое бѣгство! Крѣпость Шуша осталась свободною, и въ Карабагской провинціи не было ни одного непріятеля!

Я не приказалъ генералъ-адъютанту Паскевичу переходить за Араксъ, ибо потеря Аббасъ-мирзы была незначительна, онъ всѣ силы имѣлъ вмѣстѣ, ибо для переправы чрезъ Араксъ должны онѣ были собраться непремѣнно; въ Карадагѣ находился шахъ съ войсками, которыя, подкрѣпивъ его, имѣли бы противъ насъ большія выгоды, дѣйствуя въ землѣ гористой, куда не могли мы провезть артиллерію. Непріятель имѣлъ продовольствіе изъ Тавриза, мы не могли находить оное въ землѣ скудной, которой средства недостаточны были для пропитанія собственныхъ жителей и присутствіемъ войскъ еще болѣе истощены. Подвозить оное было бы затруднительно, или бы надлежало сопровождать транспорты большими конвоями, ослабляя тѣмъ войска. Непріятель, имѣя многочисленную конницу, излишнюю по гористому мѣстоположенію Карабагскаго ханства, могъ употребить ее въ тылу нашихъ войскъ и обратить ее на истребленіе нашихъ запасовъ. По симъ причинамъ войска остановлены въ Карабагской провинціи, наблюдая переправы чрезъ Араксъ. Аббасъ-мирза расположился неподалеку, на той сторонѣ онаго.

Генералъ-маіоръ Давыдовъ далъ знать, что онъ атаковалъ стоявшія противъ него персидскія войска подъ командою Гассанъ-хана, брата сардаря эриванскаго. Непріятель хотя въ превосходныхъ былъ силахъ, но сопротивлялся непродолжительное время и былъ опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ въ персидскихъ предѣлахъ два перехода. Генералъ-маіоръ Давыдовъ былъ уже недалеко отъ армянскаго Эчміадзинскаго монастыря. Потеря непріятеля, по быстротѣ бѣгства, не была чувствительною, но со стороны нашей большіе успѣхи не произвели бы большаго ужаса, ибо сардарь эриванскій заперся въ Эривани и даже ворота крѣпости приказалъ засыпать землёю. Непріятель избѣгалъ употреблять свою пѣхоту, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы она жертвою.

Октябрь. (Невозможность переправы чрезъ Куру заставила Ермолова воротиться въ Тифлисъ).

4. Я пошелъ въ мусульманскія провинціи, дабы, прекративъ возмущенія ихъ, возстановить прежній порядокъ, тѣмъ

болѣе необходимый, что въ оныхъ учреждались запасы продовольствія для наступательныхъ противъ Персіянъ дѣйствій. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ водворилъ спокойствіе въ Грузіи, и я могъ безпрепятственно отлучаться изъ оной.

16. Переправа чрезъ Алазань. Пѣхота переходила въ бродъ; патронныя сумы на головахъ. Въ первый разъ испытала сіе гвардія, и удачно!

(Шекинскій ханъ бѣжалъ ночью; онъ успѣлъ сдѣлать множество мерзостей и раззореній).

(Персіяне оставили Кубу).

(Поведеніе Чарцевъ было подозрительно).

24. Перехвачены нѣкоторые Шекинцы, посылаемые къ Аббасъ-мирзѣ. Отвѣты его хану наполнены пышныхъ обѣщаній!

(Мустафа-ханъ бѣжалъ изъ Ширвани).

31. Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій отправленъ въ Карабагъ для объясненій по разнымъ предметамъ съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ, который думалъ, что я не позволялъ ему идти за Араксъ, дабы отнять у него славу.

Ноября 5. Старая Шамаха. Множество опустошеній произведено Персіянами, которыхъ до 1,000 человѣкъ находилось при Мустафѣ-ханѣ.

(Баку покинута осаждавшимъ ханомъ).

(Въ Кубинской провинціи возстановленъ порядокъ и всюду спокойно).

Въ сопровожденіи 200 донскихъ казаковъ отправился я въ Баку.

15. Тамъ отъ генералъ-майора Краббе узналъ я въ подробности обо всѣхъ обстоятельствахъ матежа въ здѣшней странѣ и, къ удовольствію, удостовѣрился, что правительство имѣетъ людей, непоколебимыхъ въ приверженности къ нему, и таковыхъ не мало даже между беками.... Сдѣлалъ распоряженіе, дабы продовольствіе и военные снаряды, доставляемые изъ Астрахани, были отправляемы поспѣшно.

Декабря 1. Я узналъ въ подробности объ экспедиціи генералъ-адъютанта Паскевича за Араксъ, гдѣ онъ никого не видалъ, ничего не сдѣлалъ и прошелъ весьма небольшое разстояніе.

(Прибыла изъ Россіи 20-я пѣхотная дивизія. Чарцы покорились; въ наказаніе за возмущенія у нихъ были поселены войска этой дивизіи).

26. Тифлисъ. Я нашелъ возвратившагося изъ Карабага генерала Паскевича. При первомъ свиданіи съ нимъ не трудно мнѣ было замѣтить его неудовольствія на меня, которыя тѣмъ болѣе умножались, что онъ почиталъ себя въ правѣ требовать, чтобъ я сообщалъ ему о моихъ намѣреніяхъ, о моихъ предпріятіяхъ, на что отвѣчалъ я ему, что не имѣю нужды въ его совѣтахъ; что знаю одинъ случай, въ которомъ требуется разсужденіе подчиненныхъ, и тогда мнѣніе не только офицера въ его высокомъ чинѣ, но даже въ несравненно меньшемъ, пріемлется съ уваженіемъ; но таковые случаи рѣдки, и я еще не нахожусь въ подобномъ. Всѣ получаемыя мною повелѣнія препровождались ему въ копіи изъ Петербурга, и онъ всегда желалъ знать мои отзывы на оныя. Я не имѣлъ нужды сообщать ему о томъ и полезно было нѣкоторые хранить въ тайнѣ. Онъ въ одно время предложилъ мнѣ, чтобъ объяснилъ я ему планъ предполагаемой мною кампаніи, увѣряя, что государю императору пріятно будетъ знать мнѣніе о томъ каждаго изъ насъ. Я отвѣчалъ, что я представлю мое предположеніе и что онъ можетъ сдѣлать то же съ своей стороны, изъ чего государь не менѣе усмотритъ понятіе наше о дѣлѣ. Возраженія сіи умножали его злобу на меня, и я разумѣлъ, сколько она можетъ быть мнѣ вредною при особенной довѣренности, при отличномъ благоволеніи къ нему государя. Къ тому же зналъ я, сколь часты были донесенія его въ собственныя руки.

Я занимался пріуготовленіями, дабы сколько возможно ранѣе весною начать кампанію. Безпрерывныя дѣла и заботы не оставляли мнѣ достаточнаго времени на отдохновеніе, и вся дѣятельность моя вполнѣ была напряженная. Предположенія мои насчетъ военныхъ дѣйствій, хотя они опровергали планъ, начертанный въ Петербургѣ, были однакоже утверждены. Не оставлены безъ вниманія замѣчанія мои въ разсужденіи новыхъ границъ при заключеніи мира, не взирая, что онѣ не согласовались съ предположеніями, составленными въ Петербургѣ.

Прибылъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й, назначенный по высочайшему повелѣнію командовать при войскахъ всею кавалеріей.

1827. Февраля 20. Пріѣхалъ начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. Отъ меня требовались всѣ свѣдѣнія о пріуготовленіяхъ къ войнѣ. Нерѣдко въ видѣ разсужденій поставлялись мнѣ на видъ такія вещи, о которыхъ я по крайней мѣрѣ не менѣе имѣлъ понятія самого наставника. Не рѣдко я долженъ былъ заключать, что во мнѣ не предполагалось даже посредственныхъ свѣдѣній о военномъ ремеслѣ.

Мартъ. Не разъ подтверждено мнѣ, что государь чрезвычайно недоволенъ моей медленностію. . . . .

. . . .

Во время пребыванія барона Дибича, началось движеніе войскъ къ сборнымъ пунктамъ. Составился въ Карабагѣ отрядъ лѣваго фланга подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта кн. Мадатова. Выступили уже войска, составляющія авангардъ подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2-го, который долженъ былъ вступить въ иванское Эрханство.

Генералъ баронъ Дибичъ осматривалъ войска авангарда на урочищѣ Джалалъ-Оглу и нашелъ ихъ въ хорошемъ состояніи. Онъ видѣлъ на горѣ Агзабеукъ брошенные ихъ обозы, ибо по причинѣ распутицы дороги были непроходимы, по мѣстамъ лежалъ еще снѣгъ, въ долинахъ не было еще подножнаго корма. Господинъ начальникъ главнаго штаба по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ не могъ винить мою медленность. Онъ объявилъ мнѣ волю государя, если невозможно двинуть всѣ войска, то чтобы часть оныхъ была въ движеніи, и войска выступили. Еслибъ я имѣлъ волю, они не были бы въ семъ состояніи при самомъ началѣ компаніи.

28. Начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества, получилъ высочайшее повелѣніе объявить мнѣ, чтобы командованіе войсками и управленіе краемъ сдалъ я генералъ-адъютанту Паскевичу, а самъ отправился въ Россію.

Такимъ образомъ заключилось служеніе мое въ Грузіи въ продолженіи болѣе 10 лѣтъ.

Я не отставленъ отъ службы, не уволенъ въ отпускъ, не сказано, чтобы состоялъ по арміи . . . .

. . . .

Болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ частнымъ человѣкомъ и наконецъ оставилъ страну сію.

Со времени удаленія моего отъ должности, я не видался съ генераломъ Паскевичемъ, который, отзываясь болѣзнію, принималъ дѣла или чрезъ начальника корпуснаго штаба, или сношеніями со мною письменно.

Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали мнѣ его постовые начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ.

Мая 3. Проѣзжая Дигамское поле, видѣлъ я осадную артиллерію, идущую въ Тифлисъ. Она по распоряженію моему, не взирая на затруднительную въ зимнее время дорогу, перевезена чрезъ горы.

12-го. Укрѣпленіе на Урухѣ. Однимъ часомъ прежде нашего (Ерм. и Давыдова) проѣзда, чеченская партія отогнала табунъ у Татарханова аула, гдѣ и самъ Татарханъ, храбрѣйшій изъ Осетинъ и намъ приверженный, къ сожалѣнію, убитъ.

Встрѣтился дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣсковъ, который, по дипломатической части, долженъ быть употребленъ при заключеніи съ Персіянами мира. Для безопасности въ пути, я отдалъ ему бо́льшую часть моего конвоя.

(Ермоловъ пробылъ нѣсколько дней въ селеніи г. Реброва.) Какая тишина послѣ шумной жизни! какое уединеніе послѣ всегдашняго множества людей!

Іюня 4-го. Московская станица. Проѣзжая Ставрополь, я остановился на одинъ часъ. Начальникъ Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Эммануэль посѣтилъ меня. Много говорилъ мнѣ о свойствахъ горскихъ народовъ, о готовности ихъ покорствовать, о желаніи ихъ мирной жизни! Кажется, хотѣлъ онъ дать мнѣ разумѣть, что въ 10 лѣтъ моего командованія я не умѣлъ составить объ нихъ надлежащаго понятія и что онъ долженъ поправлять ошибки моихъ распоряженій. Надобно знать, что г. Эммануэль менѣе полугода на линіи и еще не выѣзжалъ никуда изъ Ставрополя. Онъ говорилъ мнѣ, что находитъ въ одеждѣ горцевъ большое сходство съ венгерскою одеждой и даже въ языкѣ ихъ замѣтилъ многія похожія слова. Я ожидаю отъ него весьма ученыхъ открытій! Я просилъ покойнаго

императора (Александра Павловича) объ определенiи генерала Эммануэля начальникомъ Кавказской линiи и не было на то его соизволенiя. Не знаю, съ чьей стороны въ семъ случаѣ бо́льшая ошибка. Въ продолженiи получаса беседы, я хорошо съ нимъ познакомился.

8. Таганрогъ. Никогда не бывалъ я (здѣсь) прежде и поѣхалъ единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ похоронено и мое счастiе.

15. Прiѣхалъ въ деревню отца моего, с. Лукьянчиково, близь Орла.

Съ кончиной императора Александра Ермоловъ дѣйствительно похоронилъ свое счастiе, какъ выразился въ концѣ дневника. Сколько въ томъ было его вины, нельзя еще теперь рѣшить окончательно. Показанiя современниковъ разнорѣчивы. Но вотъ въ чемъ они всѣ почти сходятся, хоть и безотчетно: Ермоловъ въ описанныхъ обстоятельствахъ перехитрилъ. И это кажется очень вѣроятнымъ. Сколько мнѣ случалось говорить съ знакомыми Алексѣя Петровича, сколько удалось наблюсти самому, эта черта преобладала въ его характерѣ, при всѣхъ его достоинствахъ и генiальныхъ способностяхъ. Ясный, рѣшительный, твердый на сценѣ, на поприщѣ дѣйствiй, за кулисами онъ дѣлался, кажется, другимъ человѣкомъ, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой нужды, онъ не могъ дѣйствовать прямо, всегда были у него какъ-будто заднiя мысли, и искренности, простоты, или, какъ нынѣ говорятъ, непосредственности, задушевности отъ него никогда ждать было нельзя. Вотъ почему, можетъ-быть, люди характеровъ противоположныхъ не могли съ нимъ сойдтись.

Надо сознаться, что и положенiе его на Кавказѣ было необыкновенное, и все содѣйствовало къ увеличенiю затрудненiй. Внезапность кончины императора Александра, извѣщенiе о присягѣ великому князю Константину, первому покровителю и другу Ермолова, отреченiе великаго князя Константина и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествiе 14 декабря, слѣдовавшiя одно за другимъ такъ быстро, не давали, такъ-сказать, образумиться Ермолову, — можетъ-быть, онъ промедлилъ присягой

нѣсколько дней въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій, по закону благоразумія, даже въ государственномъ смыслѣ (извѣстно, напримѣръ, что онъ посылалъ нарочнаго къ Воронцову узнать вѣрнѣе о происшествіяхъ),— а это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону.* Персидское вторженіе представляло новыя соображенія и ему, и его врагамъ. Дѣла и мысли запутывались, хуже и хуже,—и Ермоловъ долженъ былъ сойдти съ столь блистательнаго поприща, гдѣ онъ принесъ отечеству столько пользы и снискалъ себѣ столько славы. Согласно съ своею цѣлію собрать матеріялы для его біографіи, представляю касающіеся описанныхъ происшествій документы.

Рескрипты императора Николая Павловича.

I.

Алексѣй Петровичъ! Военный министръ докладывалъ мнѣ отношенія ваши къ начальнику главнаго штаба моего, отъ 26 и 29 ноября, коими увѣдомляете, что распространившійся между Чеченцами и прочими горскими народами мятежъ проникъ въ Кабарду, и что подтверждается дошедшее къ вамъ извѣстіе о намѣреніи Закубанцевъ вторгнуться въ предѣлы наши большими силами. По таковому

---

* Для будущихъ соображеній о числахъ и мѣстахъ, прилагаю два документа, полученные мною по благосклонности бывшаго въ то время астраханскаго губернатора Владиміра Савича Смирнова.

I.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высокородія, отъ 10 декабря за № 5839, съ нарочнымъ чиновникомъ присланное, относительно приведенія къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу гражданскихъ чиновниковъ и жителей губерніи Астраханской, кои таковую присягу выполнить долженствовали, я совершенно одобряю всѣ учиненныя вами по сему предмету распоряженія и отдаю полную справедливость дѣятельности, въ этомъ важномъ случаѣ вами оказанной.

„Генералъ Ермоловъ.

„№ 192. 14 декабря 1825 г. Екатериноградъ.“

II.

„Господину исправляющему должность астраханскаго гражданскаго губернатора.

„Получивъ донесеніе вашего высокородія, отъ 27 декабря № 6114, объ учиненномъ вами распоряженіи касательно приведенія къ присягѣ на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору

положенію дѣлъ на Кавказской линіи, я заключаю, что весьма легко можетъ встрѣтиться надобность въ усиленіи пѣхотнаго праваго фланга войскъ Кавказскаго корпуса.

Дабы заблаговременно предупредить сію необходимость и преподать вамъ надежные способы къ успѣшному дѣйствію противу мятежниковъ, я предназначилъ на сей конецъ 20-ю пѣхотную дивизію, въ Крыму расположенную. По сему предоставляю вамъ, единственно въ крайней только нуждѣ, непосредственно обратиться къ главнокомандующему 2-ю арміей, объ откомандированіи на время самонужнѣйшаго числа войскъ изъ оной дивизіи. Ожидаю впрочемъ, что, съ прибытіемъ къ ввѣренному вамъ корпусу седьмыхъ взводовъ изъ 1-й арміи, измѣнится необходимость употребленія таковой мѣры, и что, по извѣстной мнѣ предусмотрительности и дѣятельности вашей, не должно опасаться непріятныхъ послѣдствій отъ предпріятій хищниковъ. Въ сихъ мысляхъ, ожидая отъ васъ лучшихъ извѣстій о положеніи дѣлъ нашихъ въ отношеніи къ горцамъ, за удовольствіе поставляю пребыть къ вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

С.-Петербургъ. Декабря 16, 1825 года.

Николаю Павловичу и наслѣднику Его Величества Его Императорскому Высочеству Великому князю Александру Николаевичу гражданскихъ чиновниковъ и тѣхъ изъ жителей Астраханской губерніи, кои таковую присягу выполнить долженствовали, я одобряю совершенно дѣятельность и поспѣшность въ семъ случаѣ, вами оказанныя.

„Генералъ Ермоловъ.

„№ 264. 30 декабря 1825 г. Станица Червленная."

В. С. Смирновъ оставилъ вскорѣ Астрахань и получилъ слѣдующій отзывъ отъ Ермолова, какъ главнаго начальника.

„Милостивый Государь,

„Владиміръ Савичъ!

„Я получилъ письмо ваше, въ которомъ увѣдомляете меня о сдачѣ вами должности.

„По обязанности, и особеннымъ почитая удовольствіемъ, скажу я, милостивый государь, что во все время управленія вами губерніей, дѣятельность ваша и успѣшный по всѣмъ частямъ ходъ дѣлъ, пріобрѣли вамъ совершенное уваженіе. Лучше мнѣнія моего общій отзывъ, и онъ совершенно въ пользу вашу!

„Свидѣтельствуя предъ начальствомъ о трудахъ вашихъ, я увѣряю васъ, что еслибы служба могла болѣе насъ сблизить, я не иначе почту васъ, какъ ...ьма полезнымъ сотрудникомъ, и слѣдуя всегдашнему правилу моему, от-...адлежащее достойному.

...быть съ отличнымъ почтеніемъ и преданно...ію,

„Милостиваго государя покорнѣйшій ...уга

„Алексѣй Ермоловъ.

... 1826. Ст. Червленная."

II.

Алексѣй Петровичъ! По вступленіи моемъ на престолъ, предпринявъ обозрѣніе сношеній нашихъ съ иноземными державами, я обратилъ особенное вниманіе на дѣла персидскія. Вслѣдствіе моего приказанія, управляющій иностраннымъ министерствомъ графъ Нессельродъ, представилъ мнѣ всѣ, принадлежащія къ онымъ, бумаги, между прочимъ послѣднее отношеніе къ нему ваше подъ лит. А. и высочайшій рескриптъ покойнаго государя императора, послѣдовавшій на ваше имя 31-го минувшаго августа. Вникая въ предлежащія обстоятельства, я не могъ не признать необходимости удерживать заключенный съ Персіей миръ, на основаніи Гюлистанскаго договора, доколѣ сія держава сама не нарушитъ онаго. Вѣрность данному слову и существенныя выгоды Россіи того отъ меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи; когда дѣла въ Европѣ, а особливо дѣла съ Турціей, по важности своей, заслуживаютъ внимательнѣйшее наблюденіе, неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ Персіянами, или умножать взаимныя неудовольствія. Напротивъ того, мы должны всемѣрно стараться прекратить дружелюбно возникшія распри, и увѣрить ихъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи. Таковое порученіе дано и генералъ-майору князю Меньшикову, отправляемому къ шаху и къ Аббасъ-Мирзѣ съ извѣщеніемъ о горестной кончинѣ любезнѣйшаго моего брата и о вступленіи моемъ на престолъ всероссійскій. Между тѣмъ, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ правилами, начертанными въ помянутомъ рескриптѣ, отъ вашей прозорливости и усердія къ пользамъ отечества ожидаю ревностнаго содѣйствія для достиженія желаемой цѣли.

Николай.

Января 31 дня, 1826 года. С.-Петербургъ.

III.

Алексѣй Пепровичъ! Я съ удовольствіемъ получилъ донесеніе ваше отъ 10-го января. Неутомимая дѣятельность ваша, неразлучная съ свойственными вамъ твердостію и благоразуміемъ, послужитъ мнѣ надежнѣйшимъ ручательствомъ, что всѣ, предпринятыя вами мѣры къ водворенію

тишины и порядка на Кавказской линіи увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Но дабы удовлетворить настоятельному желанію вашему о усиленіи Кавказскаго корпуса, я поручилъ начальнику главнаго штаба моего привести оное безъ потери времени въ исполненіе. Отъ него вы получите подробнѣйшее по сему предмету увѣдомленіе.

Мнѣ пріятно увѣрить васъ при семъ во всегдашнемъ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи и быть взаимно увѣрену, что по многолѣтнему опыту могу ожидать отъ васъ въ полной мѣрѣ тѣ же чувства преданности ко мнѣ и усердія къ пользѣ отечества, кои постоянно отличали служеніе ваше покойному императору, общему нашему благодѣтелю.

Пребываю навсегда вамъ благосклоннымъ.

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 16, 1826 года.

IV.

Алексѣй Петровичъ! Изъ донесенія генералъ-адъютанта Стрекалова, окончившаго порученное ему изслѣдованіе о поступкахъ командовавшаго Черноморскимъ войскомъ генералъ-майора Власова *, съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣлъ я противозаконныя дѣйствія его противу Черкесъ Натухайскаго народа, превышающія еще степень первоначальныхъ обвиненій, дошедшихъ до меня. Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желаніе пріобрѣсть для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами, при раззореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣйшіе виды корысти служили имъ основаніемъ. Вслѣдствіе чего я повелѣлъ предать генералъ-майора Власова военному суду при войскѣ Донскомъ, а на мѣсто его въ званіи командующаго Черноморскимъ войскомъ утвердилъ генералъ-майора Сисоева. Несоблюденіе мѣръ кротости въ дѣйствіяхъ противу горскихъ народовъ, Россіи пріязненныхъ, тѣмъ болѣе увеличиваетъ вину генералъ-майора Власова, что неоднократно подтверждаемо было, блаженныя памяти императоромъ Александромъ Павловичемъ, руководствоваться въ сношеніяхъ съ мирными Горцами

* Атаманъ Власовъ, послѣ слѣдствія, произведеннаго г. Стрекаловымъ, отданъ былъ подъ судъ, но это не помѣшало ему получить послѣ чинъ и много наградъ и принять назначеніе Наказнаго атамана войска Донскаго.

правилами умѣренности и снисхожденія, какъ средствомъ, могущимъ вселить въ нихъ бо́льшую къ намъ довѣренность и утвердить ихъ въ чувствахъ покорности. Правила сіи подтверждены мною въ полной мѣрѣ, и я желаю, чтобы вы взяли строжайшія мѣры, дабы оныя исполняемы были всѣми частными начальниками непремѣнно, во всей точности, подъ личною ихъ отвѣтственностію за малѣйшее отступленіе. Мнѣ пріятно думать, что вы, по испытанной вашей дѣятельности, твердости и усердію на пользу государства, положите надлежащую преграду дѣйствіямъ, подобнымъ тѣмъ, кои позволилъ себѣ генералъ-майоръ Власовъ при нападеніи на Натухайскихъ Черкесъ, и что свѣдѣнія о таковыхъ случаяхъ впредь до меня доходить не будутъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ

Николай.

Въ Москвѣ. Іюля 29 дня, 1826 года.

V.

Москва, 1-го августа, 1826 года.

Съ прискорбіемъ читалъ я донесеніе ваше, Алексѣй Петровичъ! Стало, не всегда добрыя намѣренія вѣнчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе наше платятъ намъ коварствомъ.

Сколь ни избѣгалъ я войны, сколь ни избѣгаю я оной до послѣдней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи терпѣть могло отъ наглости сосѣдей, безумныхъ и неблагодарныхъ. Хотя надѣюсь и полагаю, что происшедшія военныя дѣйствія суть собственное начальство сардара эриванскаго, но въ государствахъ, столь благоустроенныхъ, каково Персидское, можно, требуя удовлетворенія, и самимъ оное себѣ доставлять; а потому и предписавъ вамъ немедленно выступить противъ эриванскаго сардаря, ожидаю скораго извѣщенія вашего, что, съ помощію Божіею, нѣтъ сардаря и Эривань съ его областію занятъ вами; вы и 15 т. Русскихъ достаточный мнѣ залогъ успѣховъ. Прочее увидите въ предписаніи. Одно здѣсь прибавлю: вы христіанинъ, вождь русскій, докажите Персіянамъ, что мы ужасны на полѣ битвы, но что мирный житель можетъ найти вѣрный покровъ и всегдашнее покровительство среди стана нашего. На вашу отвѣтственность возлагаю и полненіе сей моей непремѣнной воли.

За симъ Богъ съ вами! Былъ бы Н. П. прежній человѣкъ, можетъ-быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ, и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры. Еще разъ Богъ съ вами! Буду ожидать частныхъ донесеній вашихъ, о которыхъ прошу доставленія по возможности.

Вамъ искренно доброжелательный

Николай.

VI.

Алексѣй Петровичъ! Изъ доставленной вами къ начальнику главнаго штаба моего смѣты расходамъ на продовольствіе отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ будущемъ 1827 году, съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что сумма для сего предмета уменьшена противу настоящаго года болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей. Относя таковое сокращеніе расходовъ къ постоянному усердію и неусыпной попечительности вашей къ пользѣ государственной, я не могу не изъявить вамъ за сіе совершенной моей признательности. Оставшіеся отъ прошлыхъ годовъ въ сбереженіи 1 м. 500 т. рублей ассигнаціями, согласно съ предположеніемъ вашимъ, предоставляю вамъ обратить въ расходъ на продовольствіе тѣхъ войскъ, кои прибавляются во ввѣренный вамъ корпусъ на случай, если военныя дѣйствія противу Персіянъ должны продлиться. Я въ полной мѣрѣ увѣренъ, что въ употребленіи сей суммы будете вы руководствоваться тѣми самыми правилами бережливости, коими многократно уже ознаменованы дѣйствія ваши по хозяйственному управленію ввѣреннымъ вамъ корпусомъ.

Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 5 дня, 1826 года.

VII.

Москва, 10-го августа, 1826 г.

Съ душевнымъ прискорбіемъ и, не скрою, съ изумленіемъ получилъ я ваше донесеніе, отъ 28-го іюля.

Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ понять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неимо-

вѣрная; предвидѣлись военныя обстоятельства, должно было къ нимъ и проготовиться.

Я надѣюсь, что вы нашли способъ выручить полковника Реута, и тутъ замѣчу, что мнѣ непонятно, чтобы въ Шушѣ, въ сборномъ пограничномъ мѣстѣ, не было достаточныхъ запасовъ, чтобы держаться столько, чтобы ближнія войска могли подоспѣть на помощь.

Первое письмо и посланныя приказанія вамъ достаточно объяснятъ намѣренія мои; я не вижу еще причины измѣнять ихъ, ибо все считаю васъ довольно сильными, чтобы хотя на время перейдти въ наступательныя дѣйствія. — Они тѣмь нынѣ необходимѣе, что, послѣ несчастнаго начала, надо ободрить войска блестящимъ успѣхомъ. Сколько отсюда судить мнѣ можно, предстоитъ вамъ возможность разбить Персіянъ по частямъ, начавъ съ отряда, показавшагося противъ Шуши; если сіе движеніе вамъ удастся, въ чемъ съ помощію Божіею я и сомнѣваться не хочу, другой отрядъ, идущій вдоль морскаго берега, не можетъ далеко проникнуть, и еслибъ и осмѣлился на то, вы его безъ наказанія назадъ не пропустите.

Ваше опасеніе къ сторонѣ Турціи не имѣю я до сихъ поръ причины раздѣлять; переговоры съ Турками въ Аккерманѣ продолжаются мирно, и на Дунаѣ нѣтъ приготовленій; впрочемъ, мы тамъ готовы ихъ принять; вамъ же рѣшительно я не имѣю на первый случай что̀ прислать, кромѣ 20-й дивизіи, которой уже велѣно переправляться; съ прибытіемъ ея на линію, вся 22-я дивизія будетъ у васъ свободна, и вы ею себя подкрѣпите; къ тому же времени прибудетъ и одна уланская дивизія. Сухумъ-Кале безъ нужды не велите оставлять; но еслибъ и тутъ Турки принуждали къ отступленію, я надѣюсь, что вы возьмете мѣры, чтобы все собралось заблаговременно, и назначьте нынѣ же мѣсто, гдѣ и куда войскамъ собраться. Между тѣмъ велю я адмиралу Грейгу съ флотомъ обезпечить берега Мингреліи.

Я посылаю вамъ двухъ вамъ извѣстныхъ генераловъ, генералъ-адъютанта Паскевича и генералъ-майора Дениса Давыдова. Первый, бывшій мой начальникъ, пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все, что̀ по краткости времени и по безызвѣстности, не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнитъ всегда всѐ, ему дѣлаемыя, порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобъ онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ

мнѣ все, что̀ отъ васъ поручено ему будетъ мнѣ давать знать, что̀ я прошу дѣлать какъ наичаще.

За симъ прощайте, Богъ съ вами! Ожидаю съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій и, съ помощію Божіей, успѣховъ.

Николай.

VIII.

Алексѣй Петровичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ получилъ я донесенія ваши о вторженіи Персіянъ въ наши границы и о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распоряженіяхъ, по коимъ частицы россійскихъ войскъ подвергались неудачамъ и потери отъ непріятеля, доселѣ ими всегда презрѣннаго. Вы увидѣли изъ прежнихъ моихъ приказаній, объявленныхъ вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, что твердое мое есть намѣреніе наказать Персіянъ въ собственной ихъ землѣ, за наглое нарушеніе мира, и что я, будучи увѣренъ, что находящееся подъ начальствомъ вашимъ многочисленное и храброе войско достаточно къ достиженію сего, не менѣе того приказалъ и 20-й пѣхотной дивизіи идти на усиленіе оныхъ. Усматривая же изъ послѣдняго донесенія вашего намѣреніе ограничиться оборонительными дѣйствіями, до прибытія сихъ подкрѣпленій, я на сіе согласиться не могу, и повелѣваю вамъ дѣйствовать, по собраніи возможнаго числа войскъ, непремѣнно наступательно, сообразно обстоятельствамъ, по усмотрѣнію вашему, противъ раздѣльныхъ силъ непріятельскихъ. — Увѣренъ, что вы истребите ихъ по частямъ, и заставите ихъ почитать славу россійскаго войска и святость границъ нашихъ. Для подробнѣйшаго изъясненія вамъ намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генералъ-адъютанта моего, Паскевича, коему, сообщивъ оныя во всей подробности, увѣренъ, что вы употребите съ удовольствіемъ сего храбраго генерала, лично вамъ извѣстнаго, для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, препоручая ему командованіе войскъ подъ главнымъ начальствомъ вашимъ.

Николай.

Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

ѣрно: генералъ-адъютантъ Паскевичъ.

IX.

Алексѣй Петровичъ! На основаніи учрежденія о большой дѣйствующей арміи, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія главнокомандующаго, или командира отдѣльнаго корпуса, именемъ ихъ управляютъ арміями, или корпусами, начальники ихъ штабовъ. Искренно желая, чтобы случай не могъ представиться въ отношеніи къ вамъ, я нужнымъ, однакоже, считаю, въ предосторожность, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, разрѣшить вамъ, въ случаѣ нездоровья вашего, или какого другаго непредвидимаго препятствія, ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу, какъ старшему послѣ васъ.

Николай.

Въ Москвѣ. Августа 11 дня, 1826 года.

X

Москва, 16-го сентября, 1826 г.

Извѣстіе о первыхъ успѣхахъ войскъ нашихъ дошло до меня сего утра; въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я и донесеніе князя Меньшикова, служащее развязкой тому, что для благородныхъ душъ и для добрыхъ сосѣдей было доселѣ непонятно.

Вникнувъ во все, я наиболѣе убѣждаюсь, что прежнія мои къ вамъ предписанія совершенно согласны съ обстоятельствами, съ правотою нашего дѣла, съ честью нашего государства. Мнѣ остается, стало, вполнѣ одобрить послѣднія, принятыя вами, мѣры и ожидать справедливыхъ послѣдствій, т.-е. успѣховъ. Обѣщанныя подкрѣпленія къ вамъ слѣдуютъ, резервные 6 бат. 20 дивизіи не могутъ скоро послѣдовать прочимъ, ибо ихъ должно укомплектовать, что̀ безъ рекрутскаго набора нельзя выполнить; а сію мѣру я скоро принять не могу по другимъ, гораздо важнѣйшимъ обстоятельствамъ. Предписано отъ меня выслать къ вамъ нѣкоторое число минеровъ на почтовыхъ; отъ васъ зависѣть будетъ ихъ взять въ Грузію, или оставить на линіи до сформированія остальныхъ двухъ ротъ 8 батал. Уланская дивизія съ конною артиллеріей сего дня пошла въ походъ.

Стало, что̀ можно, слѣдуетъ на усиленіе вашего корпуса. Видѣвъ отчетъ расхода людей, присланный вами, я

замѣтилъ роты женатыхъ; сколь ни благоразумна мѣра сія, но я не считаю полезнымъ сихъ людей оставлять въ военное время въ домахъ своихъ, равно и показанныя роты въ штабахъ. Я желаю, елико возможно, чтобы вы велѣли полкамъ выступить въ полномъ числѣ людей, оставляя, для спокойствія земли, особый полкъ, или часть войскъ, чѣмъ дробить полки въ ихъ составѣ.

Прошу васъ также настоятельно, при первомъ случаѣ, вымѣнять нашихъ плѣнныхъ, и вообще не упускать случая къ избавленію сихъ несчастныхъ. Вступая въ бунтовавшія провинціи, я желаю, чтобы, въ мѣрахъ необходимой строгости, вы ограничили всякое мщеніе частныхъ начальниковъ, за что̀ вы отвѣчаете; лучше прощать чѣмъ мщеніемъ походить на подлыхъ нашихъ противниковъ.

Богъ съ вами! продолжайте какъ начали, и тогда будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Вамъ доброжелательный

Николай.

XI.

Алексѣй Петровичъ! Я получилъ донесеніе ваше отъ 30-го сентября. Оставаясь столь долгое время безъ всякаго отъ васъ увѣдомленія, тогда какъ вы имѣли въ виду повелѣніе мое, объявленное вамъ начальникомъ главнаго штаба моего, доносить мнѣ непремѣнно чрезъ каждые четыре дня. Я началъ опасаться, нѣтъ ли на то какихъ-либо неблагопріятныхъ причинъ, или не затруднено ли сообщеніе съ вами чрезъ горы обвалами и разлитіемъ Терека. Сіе послѣднее обстоятельство побудило меня приказать начальнику главнаго штаба моего, принять нѣкоторыя мѣры осторожности, насчетъ слѣдованія 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій, о которыхъ вы должны уже быть извѣстны изъ его къ вамъ отношеній. Я очень радъ, что опасенія мои оказались неосновательными, но тѣмъ болѣе долженъ изъявить вамъ мое неудовольствіе за неточное исполненіе воли моей, и потому подтвердительно повелѣваю вамъ доносить мнѣ, если не чрезъ каждые четыре дня, то непремѣнно чрезъ всякіе семь дней съ нарочными, хотя бы въ сей промежутокъ времени и ничего не произошло достопримѣчательнаго.

Съ успѣшнымъ прогнаніемъ Аббасъ-мирзы за Араксъ, я васъ поздравляю и благодарю, и поручаю вамъ изъявить

мое особенное за то благоволеніе генералъ-адъютанту Паскевичу. Я совершенно раздѣляю съ вами мнѣніе ваше касательно дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противу Персіянъ. Я весьма согласенъ, что прежде нежели перейдти Араксъ, лучше очистить наши провинціи совершенно отъ непріятеля, упрочить спокойствіе оныхъ и, обезпечивъ продовольствіе войскъ на дальнѣйшее дѣйствіе, внести тогда уже войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно. Не должно, однакожь, упускать случая, еслибы таковый представился, къ овладѣнію Эриваномъ, силою ли оружія, посредствомъ денегъ, или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ. Я все сіе поручаю вашему усмотрѣнію. Начальникъ главнаго штаба моего сообщитъ вамъ подробности моихъ предположеній.

Разсматривая распоряженія ваши насчетъ образованія отрядовъ, я замѣтилъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не соединены полки цѣлыми ихъ составами, но что каждый отрядъ составленъ изъ частей разныхъ полковъ. Мѣру сію я не одобряю, ибо ничто не можетъ такъ разстроить военный порядокъ въ полку, какъ раздробленіе онаго на отдѣльныя команды, и потому я настоятельно требую, дабы вы, въ сіе время бездѣйствія, озаботились о соединеніи таковыхъ по всей возможности, и избѣгали всегда и впредь раздробленія оныхъ безъ крайней необходимисти, стараясь, дабы каждый полкъ, сколь возможно, поступалъ въ отрядъ въ цѣломъ своемъ составѣ и подъ командою собственныхъ своихъ командировъ, и наблюдая сіе еще болѣе во вновь прибывающихъ 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизіяхъ.

Со взятымъ въ плѣнъ Угурлу-ханомъ предоставляю вамъ поступить по ближайшему вашему убѣжденію. Если предложенія его чистосердечны и свѣдѣнія, имъ сообщенныя, достовѣрны, то можно принять его съ благосклонностію. Онъ, конечно, по связямъ своимъ съ Персіей, можетъ быть намъ полезенъ.

При семъ случаѣ я повторяю вамъ то, о чемъ не однократно къ вамъ писалъ. Всегда лучше подобныхъ ему смирять великодушіемъ, чѣмъ наказывать за давнопрошедшіе проступки.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ

Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Октября 24 дня, 1826 года.

XII.

Алексѣй Петровичъ! По важности военныхъ обстоятельствъ въ Грузіи и Персіи, и дабы имѣть, съ одной стороны, самыя подробныя и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и всѣхъ пріуготовительныхъ мѣрахъ, а съ другой усилить и ускорить оныя кратчайшимъ личнымъ сношеніемъ съ вами, отправляю я въ Грузію начальника главнаго моего штаба, объяснивъ ему подробно о предположеніяхъ моихъ, и уполномочиваю его на всѣ мѣры, дабы привести въ точное и безотлагательное исполненіе данныя ему отъ меня личныя наставленія.

Николай.

С.-Петербургъ. 3-го февраля, 1827 года.

Предписаніе Ермолова князю Мадатову во время Персидской войны.

(На французскомъ языкѣ.)

Господину генералъ-майору князю Мадатову.

Я получилъ сегодня рапортъ вашего сіятельства, отправленный ко мнѣ съ переводчикомъ Макаровымъ.

Если и справедливо, что Амиръ-ханъ-сардарь съ сыномъ Аббасъ-мирзы вступаетъ въ Шамшадильскую дистанцію, то у него, судя по полученнымъ нами извѣстіямъ, не можетъ быть большихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, войска его весьма дурны. Вы должны дѣйствовать по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ, имѣя достаточно войска и сильную артиллерію, можете заставить этихъ мошенниковъ раскаяться въ дерзости. Я собралъ грузинскую милицію и посылаю къ вамъ ту, которая изъ Кизиха, и часть Телавской, — что̀ составляетъ около 500 человѣкъ конницы. За ними послѣдуютъ Горцы, подъ начальствомъ подполковника Кананова, въ числѣ 200 человѣкъ конницы и столько же пѣшихъ, — хорошихъ стрѣлковъ, могущихъ быть вамъ полезными.

Хотѣлъ отправить къ вамъ и превосходную милицію изъ Гори, но предпочелъ оставить ее для наблюденія за Борчалинцами, въ вѣрности которыхъ имѣю полное основаніе сомнѣваться.

Третьяго дня Персіяне напали на нѣмецкую колонію возлѣ Квети, раззорили ее и безпощадно перерѣзали

несчастныхъ жителей. Борчалинскіе Татары дѣйствовали вмѣстѣ съ непріятелемъ и служили ему проводниками.

Со стороны князя Севарземидзева все спокойно. Онъ, по приказанію моему, оставилъ Караклисъ и занимается постройкою укрѣпленія на Джелалъ-Оглу. Сардарь въ совершенномъ бездѣйствіи, старается только взбунтовать казахскихъ и борчалинскихъ Татаръ.

Завтра прибудутъ гвардейскій полкъ и 2-й батальйонъ Ширванскаго. Въ непродолжительномъ времени я оставлю Тифлисъ и расположусь лагеремъ по близости.

Постараюсь отправить къ вамъ еще одинъ батальйонъ и два орудія; вы же, любезный князь, употребите всѣ силы, чтобы не допустить этой сволочи подаваться впередъ. Каджарамъ никогда еще не приходилось имѣть дѣло съ столь значительными соединенными силами. Ваше мужество и многолѣтнія заслуги ручательствомъ въ томъ, что вы успѣете внушить непріятелю тотъ ужасъ, какой должны вселять въ него храбрыя русскія войска подъ начальствомъ опытнаго генерала.

Генералъ Ермоловъ.

N 278.
16 августа, 1826 г.
Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

(По-французски.)

I.

Любезный князь!

Провіанту отправлено къ вамъ сегодня не менѣе какъ на 16 дней. Прикажите испечь хлѣбъ поскорѣй, выступайте съ Богомъ. Полковнику Попову поручилъ я передать вамъ мои приказанія по этому предмету.

Сегодня я получилъ отъ князя Меньшикова письмо, которое ему удалось переслать ко мнѣ тайно. Съ 2-го августа онъ находится въ Эривани, гдѣ содержится по приказанію шаха, какъ бы въ ожиданіи отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе насчетъ границъ. До Эривани онъ доѣхалъ безъ всякаго сопровожденія, но тамъ учрежденъ за нимъ караулъ, никого не допускающій къ нему. Всѣ офицеры его свиты при немъ.

Князь увѣдомляетъ, что шахъ переходитъ изъ Ардебиля и Агаръ въ Уджинъ; но человѣкъ, доставившій письмо, утверждаетъ, что шахъ все еще въ Ардебилѣ, и при немъ все войско, которое онъ могъ набрать. Эриванская крѣпость снабжена огромнымъ количествомъ провіанта.

У эриванскаго сардаря 4 батальйона регулярныхъ, 2.000 человѣкъ пѣхоты изъ милиціи и 5.000 конницы.

Шахъ-Задэ, въ Карабагѣ, располагаетъ 9-ю батальйонами регулярныхъ войскъ, а всего 15.000 человѣкъ всѣхъ оружій. Податель письма увѣряетъ, что у шаха много регулярныхъ войскъ, но это не совсѣмъ правдоподобно, потому что прежде у него не было болѣе пяти батальйоновъ.

По словамъ того же человѣка, сардарь ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока Аббасъ-мирза не перейдетъ за Елисаветполь атаковать насъ. Тогда нападетъ съ своей стороны и сардарь.

Онъ же увѣряетъ, что царевичъ, съ 300 человѣкъ конницы, намѣренъ вступить въ Кахетію, чрезъ Дилижанское ущелье, гдѣ нынѣ находится. Нѣтъ сомнѣнія, что измѣнники Казахцы пропустятъ его. Постарайтесь узнать, кто изъ Агаларовъ окажетъ ему помощь, чтобы въ послѣдствіи наказать виновныхъ.

Преданный вамъ Ермоловъ.

22 августа, 1826 г.
Тифлисъ.

II.

Любезный князь!

Меграли-Ага объяснилъ мнѣ сію минуту, что самъ сардарь и братъ его Гассанъ-ханъ перешли съ войсками на Майданъ въ Шамшадильскую дистанцію, и что уже вѣроятно спустились съ горъ на Елисаветпольскую дорогу.

Если это правда, то должно полагать, что они намѣрены соединиться съ войсками, находящимися въ Таузѣ и Елисаветполѣ, и атаковать васъ. Не мѣшало бы вамъ имѣть объ этомъ обстоятельныя свѣдѣнія, хотя я и не вѣрю полученному извѣстію.

Во всякомъ случаѣ непріятель не могъ прибыть съ большими силами и, по трудности дороги, не могъ взять съ собой артиллеріи. Тѣмъ не менѣе осторожность необходима. Получивъ высылаемые мною провіантъ и подкрѣпленіе, атакуйте эту негодную сволочь. Вы разобьете ее въ пухъ, если она не разбѣжится. Слѣдуетъ однако полагать, что, состоя преимущественно изъ кавалеріи, непріятель не вступитъ въ серіозное дѣло, а станетъ, по удаленіи вашемъ къ Елисаветполю, тревожить тѣхъ, кои останутся на Акстафѣ, или же отправится вслѣдъ за вами.

Это обстоятельство требуетъ особеннаго вниманія. Можетъ также быть, что непріятель намѣренъ прикрыть движеніе царевича въ Кахетію чрезъ Шамшадильскую дистанцію.

Преданный вамъ Ермоловъ.

23 августа.

Предписанія.

I.

(На франц.)

Господину генералъ-майору князю Мадатову.

Татаринъ, присланный ко мнѣ подполковникомъ Грековымъ, объяснилъ моему переводчику, что принцъ Аббасъ-мирза находится на Тертерѣ, что Мехти-ханъ занимаетъ крѣпость, которая взята или сдалась: онъ не знаетъ, что въ Елисаветполѣ непріятель имѣлъ 4.000 регулярнаго войска. Татаринъ, о которомъ я говорю, братъ Мегарли-Али; на него, какъ мнѣ кажется, положиться нельзя.

Старайтесь, князь, повѣрить свѣдѣнія, доставленныя этимъ человѣкомъ, ибо, если они подтвердятся, вамъ придется совершенно перемѣнить планъ дѣйствій, и, не отправляясь къ Елисаветполю, ожидать прибытія къ вамъ войскъ, оставшихся позади.

Я совершенно не вѣрю разсказамъ Татарина именно потому, что, по его словамъ, непріятельскіе аванпосты находятся въ Таузѣ, черезъ который вы перешли два дня уже тому назадъ.

Генералъ Ермоловъ.

4 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

II.

Господину генералъ-майору и кавалеру князю Мадатову.

Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я рапортъ вашего сіятельства объ успѣхѣ, пріобрѣтенномъ войсками подъ начальствомъ вашимъ. Обстоятельство сіе, чрезвычайно полезное для общей связи дѣлъ, должно произвести ужасное впечатлѣніе на непріятеля, которое слѣдующимъ впредь войскамъ много облегчитъ успѣхи.

Я со вниманіемъ распросилъ присланнаго вами офицера, и пріятно было мнѣ усмотрѣть, что совершенное разсѣяніе значительныхъ силъ, нанесенный непріятелю чрезвычайный урокъ, произведены не только не всѣми войсками вашими, но почти безъ дѣйствія пѣхоты, которая состав-

ляла главную вашу силу. Я долженъ отнести сіе къ познанію вами непріятеля и что искусно воспользовались вы благопріятною минутою. Сіе даетъ мнѣ мѣру того, что можно произвести, употребивъ пѣхоту вашу, и какимъ непріятеля силамъ противостать можно съ совершенною на успѣхъ надеждою.

Согласенъ съ мнѣніемъ вашего сіятельства, что едва ли разбитый непріятель остановится въ Елисаветполѣ, ибо когда въ сраженіи были и сынъ Аббасъ-мирзы и Амиръ-ханъ сардарь, то вѣроятно, что ихъ сопровождали всѣ въ распоряженіи ихъ состоящія войска, и нынѣ нѣтъ резерва въ Елисаветполѣ.

Ожидать можно, что Аббасъ-мирза, принявъ къ сердцу нанесенное пораженіе, вышлетъ въ подкрѣпленіе конницу, не имѣя нужды въ оной при блокадѣ Шуши; напротивъ того, ваше сіятельство примите нужныя предосторожности до прибытія прочихъ нашихъ войскъ.

Принести вашему сіятельству благодарность за начало, по истинѣ столько блистательное, я съ равною признательностію вижу усердіе храбрыхъ товарищей моихъ, бывшихъ подъ вашимъ начальствомъ, которыхъ, увѣренъ я, не разъ еще будете вы провождать къ побѣдѣ.

7 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

Два письма Ермолова къ князю Мадатову.

I.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ!

Сейчасъ получилъ извѣстіе о занятіи Елисаветполя. Радъ чрезвычайно, что дѣла ваши идутъ блистательно, и не сомнѣваюсь, что Государь будетъ доволенъ, ибо неимовѣрно показалось положеніе наше опаснымъ. Вы узнаете отъ тески Вельяминова, что отъ того послѣдовало.

Истинно почитающій Ермоловъ.

7 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

II.

Любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ!

Вижу изъ послѣдняго письма вашего причины, по коимъ полагаете вы нужнымъ ускорить движеніе въ Карабагъ. Я съ вами согласенъ, но въ одномъ сомнѣваюсь, чтобы могло быть персидскихъ войскъ 50.000 человѣкъ. Это ариѳметика

здѣшнихъ народовъ. Такое число людей, при персидскомъ порядкѣ, уморили бы съ голоду, и потому я не слишкомъ сему вѣрю.

Вы, конечно, успѣете, при появленіи въ Карабагъ, многихъ изъ жителей отвлечь отъ хана и, можетъ быть, даже обратить на Персіянъ, — что̀ симъ послѣднимъ было бы весьма невыгодно, ибо малые ихъ отряды, фуражиры, транспорты и тому подобное подверглись бы опасности, и поставило бы ихъ въ большое затрудненіе. Старайтесь, любезный князь, наносить всякій вредъ злодѣямъ. Вы знаете всѣхъ, и къ вамъ жители имѣютъ довѣренность. Лучше васъ никто успѣть не въ состояніи. Пошлите отъ себя бумаги въ Карабагъ, доставьте Реуту свѣдѣніе объ успѣхахъ вашихъ. Теперь найдутся желающіе оказать услуги.

Не оскорбитесь, ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное *. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать, сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріятеля и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ Государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности.

Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно.

Давайте мнѣ свѣдѣнія о Карабагѣ, и кто усердствуетъ и кто измѣнилъ вамъ.

Прошу васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ, трудиться всѣми силами. Надобно выгнать изъ Карабага злѣйшаго изъ враговъ нашихъ, Аббасъ-мирзу. Способствуйте сему всѣми зависящими отъ васъ средствами.

Прощайте.

Душевно почитающій Ермоловъ.

9 сентября, 1826 г.
Тифлисъ.

* Передъ прибытіемъ къ войску генерала Паскевича, Мадатовъ просилъ Ермолова о присылкѣ въ дополненіе къ его отряду 3 батальйоновъ пѣхоты и 1 казачьяго полка, и намѣренъ былъ дать генеральное сраженіе.

Дѣйствія князя Мадатова, въ началѣ Персидской войны, по предписаніямъ Ермолова.

По Гюлистанскому договору, часть Чаундурскаго и Капанскаго магаловъ, со всѣми землями по лѣвую сторону Капанъ-Чая и Чаундуръ-Чая, отошли къ Россіи и поступили въ составъ Карабагской области; пространство между Мигри-Чаемъ, Капанъ-Чаемъ и Араксомъ оставалось еще спорнымъ и не размежеваннымъ. Сіи-то земли послужили предлогомъ къ войнѣ.... Персія, захвативъ ихъ вопреки договору, вынудила закавказское начальство двинуть наблюдательный отрядъ къ горамъ, окружающимъ озеро Тохча, въ сѣверной части Эриванской провинціи..... Лѣтомъ 1826 г., Аббасъ-Мирза принялъ главное начальство надъ войсками и внезапно вторгся въ наши предѣлы. Одинъ отрядъ подъ его личнымъ предводительствомъ, бросился въ Карабагъ, а другой, подъ командою эриванскаго сардаря Гусейнъ-хана, въ Бамбахскую дистанцію и провинцію Шурагель. Аббасъ-Мирза, разбивъ батальйонъ 42-го егерскаго полка въ сел. Гирюсы.... и тѣсно обложивъ крѣпость Шушу, послалъ передовой отрядъ для занятія Елисаветполя.

...... 10 августа, Мадатовъ получилъ въ Тифлисѣ предписаніе принять въ свою команду 9 ротъ пѣхоты, съ 6-ю орудіями, которыя были уже на маршѣ, слѣдовать въ Казахскую дистанцію, на рѣку Акстафу, и тамъ принять въ свое начальство отрядъ подполковника графа Симонича, состоявшій изъ одного батальйона Грузинскаго гренадерскаго и одного батальйона Ширванскаго пѣхотнаго полковъ....

Главная цѣль назначенія этого отряда состояла въ томъ, чтобъ удержать жителей Казахской дистанціи отъ возмущенія, къ которому склоняли ихъ Персіяне разными низкими средствами, и прекратить разбои уже возмутившихся жителей Елисаветпольскаго округа и Шамшадильской дистанціи. Движеніе этого отряда генералъ Ермоловъ почиталъ нужнымъ и потому, чтобъ успокоить жителей Грузіи, испытавшихъ въ минувшія времена ужасныя бѣдствія отъ вторженія Персіянъ и, при настоящемъ нашествіи, приходившихъ въ чрезвычайное уныніе. Но до прибытія ожиданныхъ войскъ съ Кавказской линіи главнокомандующій не желалъ начинать никакого дѣйствія, развѣ бы самъ непріятель подалъ къ тому поводъ и представился случай

вѣрнаго успѣха; посему и приказалъ онъ князю Мадатову, если непріятель придетъ изъ Карабага въ несоразмѣрныхъ силахъ и поставитъ отрядъ его въ затруднительное положеніе имѣть въ то же время дѣло со всѣми войсками сардаря Эриванскаго,— отступить въ Борчалинскую дистанцію, оставя передъ собою Красный мостъ (на рѣкѣ Храмѣ). Ежели же непріятель не будетъ наступать на него съ большими силами, тогда велѣно было ему остаться наблюдать Дилижанское ущеліе, и не иначе дѣлать движеніе, какъ только частью войскъ, которая бы могла безпрепятственно соединяться, когда надобность того потребуетъ. „Призовите къ себѣ благонамѣреннѣйшихъ изъ Агаларовъ," говоритъ генералъ Ермоловъ въ инструкціи, данной князю Мадатову, „внушите имъ ихъ обязанности быть вѣрными подданными своему Государю. Я имѣю извѣстіе, нѣсколько уже подтвержденное, что они ведутъ переговоры съ сардаремъ эриванскимъ и допустили непріятеля въ Дилижанское ущелье, чего, безъ измѣны, произойдти не могло, ибо непріятель нашелъ бы тамъ свою гибель. Если вашему сіятельству представится случай имѣть сообщеніе съ Нухою, то объявите жителямъ ея въ прокламаціи, чтобъ они немедленно изгнали людей коварнаго Селимъ-хана, или кровью своею заплатятъ за гнусную измѣну, и что однимъ изгнаніемъ бродягъ сихъ они могутъ снискать себѣ прощеніе. Весьма правдоподобно, что они сего исполнить не пожелаютъ, но легко быть можетъ, что боязнь наказанія за неисполненіе произведетъ несогласіе, и пришлецъ будетъ опасаться онаго.

„Старайтесь, ваше сіятельство, достать въ дистанціи провіантъ для войскъ, въ командѣ вашей состоящихъ; когда жители казахскіе спустятся съ горъ въ свои жилища, къ чему сколько возможно побудить ихъ необходимо, то учредить изъ нихъ почты для препровожденія бумагъ. При всей надеждѣ на бдительность вашего сіятельства, я не могу не подтвердить вамъ, что осторожность необходима, что сколько робкимъ ни замѣченъ непріятель, презирать его не должно, что гораздо полезнѣе противопоставить непріятелю соединенныя силы для большей вѣрности въ успѣхѣ, нежели подвергнуться опасности дѣйствовать силами недостаточными, изъ одного тщеславія противоборствовать сильнѣйшему."

. . . .

21-го августа непріятельскій отрядъ (грузинскаго царевича Александра, состоявшій изъ 2000 персидскихъ войскъ и приставшихъ къ нему Татаръ, на Шамхорскихъ горахъ, близь рѣчки Загамъ) былъ разсѣянъ, и войска его, преслѣдуемыя Русскими, бѣжали въ безпорядкѣ къ Елисаветполю.... „Благодарю васъ, любезный князь Валеріанъ Григорьевичъ," — писалъ послѣ этого генералъ Ермоловъ, 27 августа, „за прогнаніе мерзавцевъ и ожидаю отъ того хорошихъ послѣдствій. Хорошъ сардарь, если точно справедливо, что онъ отошелъ отъ Соухбулака. Вамъ предлежитъ прогнать еще одного сардаря изъ Елисаветполя. Воображаю, что ханъ не располагаетъ своего царствованія на долгое время, и надобно изгнать мошенника. Прикажите, любезнѣйшій князь, артиллерійскимъ офицерамъ сберегать снаряды и не пріучать непріятеля къ пустой пальбѣ. Пороху и свинцу трудно къ вамъ доставлять, для грузинской милиціи можете взять патроны изъ батальйоновъ, но вдругъ по многу не выдавать. Остерегайтесь, чтобы Грузины не бросились на грабежъ въ Елисаветполѣ, особенно.....на когорта, ибо голы совершенно и..... преужасные. Особенно храните отъ нихъ Армянъ, ибо они никого не разбираютъ.

„Не умедлю отправить и остальныя войска, назначенныя на дальнѣйшія предпріятія. Теперь спѣшу пріуготовленіемъ парка, ибо артиллерія должна играть важную роль. Будетъ довольно патроновъ; умножу и артиллерію. Предупредите моихъ товарищей, что требую отъ нихъ подвиговъ, достойныхъ Кавказскаго храбраго корпуса. Прощай, любезный. Дай Богъ, князь, тебѣ счастія."

Между тѣмъ положеніе Закавказскаго края становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Крѣпость Шуша, въ которую полковникъ Реутъ едва успѣлъ войдти съ 6-ю ротами 42-го егерскаго полка, имѣвшаго штабъ-квартиру въ селеніи Чанахчи, была тѣсно обложена войсками Аббасъ-мирзы. Весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ Персіянами; всѣ сообщенія между Грузіей и мусульманскими провинціями прерваны, ближайшія нѣмецкія колоніи раззорены непріятелемъ, жители увлечены въ плѣнъ. Съ другой стороны сардарь эриванскій, съ 5-ю батальйонами пѣхоты и 8,000 конницы, ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-мирзою, чтобы совмѣстно открыть наступательныя дѣйствія; оба они всѣми способами старались

возмущать жителей противъ Россіи. Угрозы, награды, обѣщанія, фанатизмъ, ничто не было забыто, и самые Грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795-го года и звѣрство персидскаго шаха Ага Магмедъ-хана, который сжегъ Тифлисъ и увелъ до 70 тысячъ семействъ въ плѣнъ, вѣрили нелѣпымъ слухамъ, распространяемымъ непріятельскими агентами, и нѣкоторые даже зарывали свои имущества въ землю.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями, въ странѣ, населенной единовѣрцами непріятелей, необходимы были рѣшительныя и скорыя мѣры. Генералъ Ермоловъ, извѣщенный о движеніи непріятеля, разрѣшилъ князю Мадатову, по заготовленіи десяти-дневнаго продовольствія, слѣдовать, съ частію своего отряда, къ Елисаветполю и открыть наступательныя дѣйствія.

„Не перемѣняй ничего въ моемъ распоряженіи, пишетъ генералъ Ермоловъ (28 августа), и ступай съ Богомъ! Будь остороженъ въ Елисаветполѣ, и если точно придетъ Аббасъ-Каджаръ, то имѣй средства узнать заблаговременно, и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу силъ несоразмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло. Намъ надобенъ вѣрный успѣхъ, и таковый пріобрѣтешь ты со всѣми твоими войсками, безъ сомнѣнія; а я даю еще батальйонъ и артиллерію, тогда не дожидаться Каджаровъ, но и самихъ ихъ отыскивать возможно! *Суворовъ* не употреблялъ слова *ретирада*, а называлъ оную *прогулкою*. И вы, любезнѣйшій князь, прогуляйтесь вовремя, когда будетъ не подъ силу; стыда ни мало въ томъ нѣтъ. Если, любезный князь, разсѣяніе непріятельской конницы въ Таузѣ произвело впечатлѣніе, то я ожидаю, что изгнаніе Персіянъ и пришлеца хана изъ Елисаветполя сдѣлаетъ большое и для насъ полезное дѣйствіе. Ожидаю извѣстій о Реутѣ, но ихъ нѣтъ, и я боюсь ужасно, чтобъ онъ не далъ себя обмануть. Неужели никто не пройдетъ изъ стольких людей посланныхъ и мы ничего не узнаемъ? Прощайте, любезный князь; дай Богъ вамъ счастія, и я надѣюсь!“

. . . .

....Персіяне, переправившись чрезъ рѣку Шамхоръ, построились въ боевой порядокъ на правомъ ея берегу.... подъ предводительствомъ Махмедъ-мирзы, старшаго сына

Аббасъ-мирзы, и Амиръ-хана сардаря, зятя шаха и главнокомандующаго его арміей.

. . . .

Мадатовъ велѣлъ кареямъ быстро подаваться впередъ и самъ повелъ ихъ въ дѣло.......... Магмедъ-мирза первый обратился въ бѣгство......... На мѣстѣ сраженія палъ самъ главнокомандующій.... Амиръ-ханъ-сардарь.......

. . . .

(Князь Мадатовъ вступилъ въ Елисаветполь, оставленный непріятелемъ.)

Князь Мадатовъ, представляя генералу Ермолову, отъ 10-го сентября, подробности шамхорскаго дѣла, заключаетъ донесеніе свое: „такъ храбрые воины императора нашего исполнили приказаніе вашего высокопревосходительства: идти съ малыми силами и побѣдить непріятеля, *въ пять разъ* числомъ превосходившаго.“

. . . .

Самое важное послѣдствіе (шамхорской побѣды) было снятіе осады Шуши, которую осаждалъ самъ Аббасъ-мирза съ главною арміей.

. . . .

...11 сентября, генералъ-адъютантъ Паскевичъ прибылъ къ Елисаветполю и принялъ начальство надъ всѣми войсками.

. . . .

Генералъ-адъютантъ Паскевичъ преслѣдовалъ непріятеля 12 верстъ по большой дорогѣ до рѣчки Куракчая..... обнялъ Мадатова, благодарилъ.....

....17-го сентября разбитая армія Аббасъ-мирзы переправилась за Араксъ; 18-го уже ни одного непріятеля не оставалось въ Карабагѣ. Аббасъ-мирза съ небольшимъ числомъ прискакалъ въ Таврисъ....

. . . .

Въ первыхъ числахъ декабря, князь Мадатовъ, по требованію генерала Ермолова, пріѣхавшаго въ то время въ Нухинскую провинцію, вызванъ былъ для личнаго совѣщанія, и получилъ секретное предписаніе сдѣлать экспедицію за Араксъ.

. . . .

9-го января (1827 года) князь предпринялъ обратный ...предѣламъ Россіи.....

...едиція принесла намъ слѣдующую пользу: силь-

ный страхъ былъ наведенъ на персидское правительство и на вѣроломныя сосѣдніе племена; огромные запасы провіанта и фуража, приготовленные Персіянами для предстоящей въ слѣдующемъ году кампаніи, были истреблены; русскіе подданные были освобождены и могли возвратиться въ предѣлы Россіи; отбитые 2000 верблюдовъ у Шахсеванцевъ, главныхъ пограничныхъ грабителей, были употреблены для перевозки провіанта въ кампанію 1827 года,* и наконецъ собраны были не только подробныя свѣдѣнія о семъ краѣ, но вообще о внутреннемъ состояніи Персіи, которыя и были сообщены княземъ Мадатовымъ графу Дибичу, находившемуся тогда въ Тифлисѣ.

Въ 1827-мъ году, 17-го марта, генералъ Ермоловъ (за 10 дней до своей отставки) поручилъ князю Мадатову командованіе отдѣльнымъ отрядомъ, съ которымъ ему назначено было дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ въ предстоящемъ весеннемъ походѣ.... Князь Мадатовъ, первый, открылъ наступательныя дѣйствія... Въ первый же день очищенъ былъ отъ непріятеля лѣвый берегъ Аракса, а на другой день и правый. Персидскій пятитысячный отрядъ удалился... 22-го апрѣля получено отъ Паскевича повелѣніе о сдачѣ отряда князя Мадатова генералъ-майору Панкратьеву... Потомъ Мадатовъ получилъ позволеніе отправиться въ Петербургъ....

Письмо Ермолова къ императору Николаю Павловичу, коимъ просилъ онъ о своемъ увольненіи.

Ваше Императорское Величество!

Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣрен-

* Когда русскій отрядъ пришелъ въ Нахичевань, то все продовольствіе оставлялось изъ Карабага, и доставка эта производилась на верблюдахъ.

вости Вашего Императорскаго Величества поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается мыслію, что не буду я умѣть исполнять волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь.

Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однакоже просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклоняться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми. Но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая всегда была главною цѣлью всѣхъ моихъ дѣйствій.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Ермоловъ.

Письмо Ермолова къ г. Устрялову, по поводу выраженій употребленныхъ имъ въ его исторіи царствованія Императора Николая.

Милостивый Государь,

Николай Герасимовичъ!

Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочитать исторію достославнаго царствованія нашего Государя Императора, долго не могъ я пріобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемаго съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя въ правѣ говорить, что въ немъ упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ совершенно несвойственныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу пройденному мною на службѣ, и что прежде нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя или по крайней мѣрѣ правдоподобныя, хотя впрочемъ долженъ не желая подозрѣвать другую причину, предположить, въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу, но малѣйшее искаженіе истины оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

По произволу вашему приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ имъ избираемыхъ недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницательности и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственною его волей. Такъ, въ 1812 гору, эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80 т. войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріей; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначаемъ начальствовать арміей въ Италіи, болѣе нежели изъ ста тысячъ человѣкъ составленною, и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею наградой для каждаго.

Прежняя война съ Персіей была современною войнѣ отечественной и, не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славою для оружія нашего и съ пріобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска Кавказскаго корпуса значительно умножены, и сверхъ того нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха Аббасъ-мирза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое не извѣстно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну съ Персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для Персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его царствованія, и уваженіе къ памяти обо мнѣ

прежнихъ моихъ сослуживцевъ вызвали меня замѣтить вамъ. милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть,
милостиваго государя, покорнѣйшій слуга,
Ермоловъ.

Представивъ подлинные документы объ этомъ важнѣйшемъ и несчастнѣйшемъ для Ермолова событіи въ его жизни, прилагаемъ отзывы и сужденія князя Н. Б. Голицына и Д. В. Давыдова.

Къ біографіи Алексѣя Петровича Ермолова.

(Изъ записки князя Николая Борисовича Голицына, доставленной М. П. Погодину.)

. . . .

Находясь при немъ, когда онъ уволенъ былъ отъ командованія Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, я могу передать нѣсколько изъ тѣхъ событій, которыя постепенно готовили и ускорили его паденіе.

. . . .

Онъ первый вступилъ въ бой съ черкесскими племенами горныхъ обитателей, населяющихъ цѣпь горъ, простирающуюся отъ Чернаго до Каспійскаго моря; въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Закавказскихъ провинціяхъ предстояло вводить гражданское и военное управленіе. Задача огромная и трудная, требующая неограниченной власти. Армію онъ образовалъ по своему разумѣнію, создалъ непобѣдимыхъ воиновъ, для которыхъ онъ былъ родъ кумира, — такъ велика была любовь, которую онъ умѣлъ внушить всѣмъ своимъ подчиненнымъ . . . .
Ермоловъ дѣйствовалъ какъ начальникъ обширнаго края, соображаясь съ обстоятельствами, иногда самыми непредвидимыми. По дѣлу о неопредѣленіи точныхъ границъ между нашими и персидскими владѣніями, послѣ Гюлистанскаго мира въ 1813 году, Ермоловъ отправился еще въ 1817 году въ качествѣ посла въ Тегеранъ. Тамъ онъ убѣдился, что

Персія, по настроенію Англіи, ожидала только удобнаго случая, чтобы вторгнуться въ наши предѣлы и объявить намъ войну, заставъ насъ врасплохъ. Съ военными средствами, которыми располагалъ Ермоловъ, ему было невозможно привести въ исполненіе всѣ необходимыя мѣры для обороны противу неожиданнаго вторженія. Надобно было усилить армію, укрѣпить Ленкоранъ и другіе пункты, изготовить запасы продовольствія и всего, что̀ нужно для дѣйствующаго войска. Но какъ вопросъ этотъ, по существу своему, былъ чисто политическій, то Ермоловъ разсудилъ списаться предварительно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы сообщить ему свои убѣжденія относительно Персидскаго двора. Но тутъ онъ нашелъ совершенное сопротивленіе его понятію о положеніи дѣла. Переписка продолжалась довольно долго и безъ успѣха. Между тѣмъ узнали, что персидскій шахъ оскорбился неприличнымъ обхожденіемъ русскаго посла, который будто ни шубы, ни теплыхъ сапогъ ни скидавалъ въ присутствіи азіятскаго монарха. Не знаю, насколько это справедливо, но знаю, что Алексѣй Петровичъ, при прощаніи съ шахомъ, сказалъ ему, что онъ желалъ бы имѣть *глаза на затылкѣ*, чтобы созерцать лицо его, когда поѣдетъ обратно. Понравился ли этотъ азіятскій комплиментъ шаху, не знаю; но свиданіе не склонило къ миролюбивымъ чувствамъ никого съ обѣихъ сторонъ. Графъ Нессельродъ между тѣмъ не переставалъ твердить, что ему хорошо извѣстна политика Англіи, и что она во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительна. . . . . . .

При такомъ положеніи дѣла, Ермолову не было повода относиться къ военному министру объ усиленіи арміи и прочаго. Съ того времени * и начали распространяться разные нелѣпые толки о Ермоловѣ. . . . . . .

Вдругъ получено было извѣстіе, что Аббазъ-мирза вторгнулся въ наши Закавказскія владѣнія съ огромнымъ числомъ войска. Такое событіе было приписано оплошности Ермолова. Къ счастію, что Аббазъ-мирза, ожидавшій сильнаго сопротивленія, оставался три мѣсяца въ бездѣйствіи при осадѣ ничтожной крѣпости Шуши: онъ могъ бы идти на Тифлисъ и овладѣть этимъ городомъ безъ боя. . . .

---

* Но вѣдь война Персидская началась чрезъ десять лѣтъ послѣ посольства, въ продолженіи коихъ Ермоловъ управлялъ Грузіей съ полною властію, и пользовался неограниченною довѣренностью императора Александра. Слѣдовательно, едва ли есть такая связь между сими событіями. *М. П.*

Тогда былъ отправленъ въ Грузію генералъ-адъютантъ Паскевичъ, чтобы сообща съ Ермоловымъ принять всѣ нужныя мѣры въ такихъ обстоятельствахъ. Война съ Персіей была объявлена.

Въ это время я проживалъ въ деревнѣ, бывъ подполковникомъ по арміи. Сейчасъ подалъ я прошеніе о назначеніи меня въ Кавказскій отдѣльный корпусъ, и я назначенъ состоять при главнокомандующемъ, генералѣ Ермоловѣ. Проѣзжая черезъ Ставрополь, въ февралѣ 1827 г., я видѣлся съ бывшимъ начальникомъ моимъ генераломъ Еммануелемъ, командовавшимъ тогда всѣми войсками, на Кавказской линіи расположенными. Отъ него узналъ я, что̀ происходитъ въ Тифлисѣ. . . . .
Время проходило очень пріятнымъ образомъ, большею частію у Ермолова. Въ Тифлисѣ нашелъ я корнета лейбъ-гвардіи Коннаго полка, князя Суворова, нынѣ с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, флигель-адъютанта князя Николая Андреевича Долгорукова, и нѣсколько другихъ петербургскихъ знакомыхъ. Разъ какъ-то я пошелъ въ тифлисскую почтовую контору, и почтмейстеръ спрашиваетъ меня, ожидаютъ ли сюда начальника штаба барона Дибича, что на имя его полученъ конвертъ съ экстра-почтой. Эту вѣсть передалъ я за обѣдомъ генералу Ермолову, но онъ замѣтилъ, что это ошибка; прибыть долженъ въ Тифлисъ братъ его, полковникъ Дибичъ, который назначенъ недавно на службу въ Кавказскій корпусъ. Но едва успѣли встать изъ-за стола, какъ приносятъ конвертъ, по эстафетѣ посланный изъ Георгіевска: тутъ извѣщается, что баронъ Дибичъ будетъ къ двумъ часамъ по полудни на слѣдующій день, и чтобъ ему выслали на послѣднюю станцію дрожки. Былъ я свидѣтелемъ, какъ явился къ Ермолову во всей формѣ Дибичъ. Свиданіе было не продолжительно, и онъ отправился на площадь, гдѣ его ожидалъ Паскевичъ для представленія всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Что̀ послѣ того происходило между этимъ тріумвиратомъ высшихъ сановниковъ, никому не извѣстно, только въ концѣ марта того же 1827 года объявленъ въ Тифлисѣ высочайшій приказъ въ тотъ самый день, какъ онъ напечатанъ въ Петербургѣ: Ермоловъ увольняется отъ занимаемой должности, а на мѣсто его назначенъ Паскевичъ. Въ послѣдствіи оказалось, что пріѣздъ Дибича въ Тифлисъ имѣлъ главною цѣлью узнать мнѣніе каждаго изъ начальниковъ, какъ они полагаютъ покончить начатую войну противъ Персіи. Этотъ вопросъ имѣлъ свою важность, потому

что предвидѣлась война съ Турками; слѣдовательно нужно было какъ можно скорѣе кончить начатую войну. Здѣсь Ермоловъ въ отвѣтѣ своемъ сдѣлалъ огромную ошибку, которая была единственною причиной его удаленія . . . Онъ изложилъ, что онъ, Ермоловъ, не предвидитъ, когда можно будетъ положить конецъ этой неожиданной войнѣ. Паскевичъ отвѣчалъ, что онъ кончитъ войну въ томъ же году, и что миръ будетъ немедленно заключенъ. По полученіи этихъ двухъ мнѣній, состоялся вышеупомянутый приказъ, и Дибичъ остался на нѣсколько времени, чтобы все приготовить къ предстоящей кампаніи, которая и положила конецъ войнѣ . . . .

Отзывъ и извѣстія Д. В. Давыдова.

Два раза Алексѣй Петровичъ Ермоловъ представлялъ покойному императору о назначеніи меня областнымъ начальникомъ линіи и два раза получилъ отказъ; мнѣ предпочли Лисаневича и князя Горчакова.

Хотя генералъ Ермоловъ, во время командованія своего въ семъ краѣ, перенесеніемъ съ лѣваго крыла линіи на рѣку Сунжу и построеніемъ крѣпости *Грозной* на ея берегу, обуздалъ Чеченцевъ, но, не взирая на то, одинокіе наѣздники изрѣдка пробираются сквозь войска наши и являются небольшими толпами на дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ.

(При представленіи государю во время коронаціи) Дибичъ спросилъ (генерала Петра) Ермолова: „Давно ли вы получали письма отъ Алексѣя Петровича?“ Ермоловъ отвѣчалъ ему: „Давно уже,“ — и Дибичъ отошелъ прочь. Услыхавъ это, я сказалъ Ермолову: „Видно, братъ, въ Кавказскомъ корпусѣ что-то нездорово!“ Я полагалъ, что Черкесы, сдѣлавъ какой-нибудь набѣгъ, разграбили какое-нибудь селеніе и увели въ плѣнъ жителей, какъ иногда случалось. Многочисленные и сильные недоброжелатели Ермолова, извѣстные своими посредственными способностями и весьма сомнительнымъ безкорыстіемъ, силились, вѣроятно, придать этому обстоятельству наибольшее значеніе.

Ермоловъ, доносившій покойному государю, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Тегерана, о враждебныхъ противу насъ намѣреніяхъ Персіянъ, извѣщалъ ежегодно по нѣскольку разъ его величество о приготовленіяхъ къ войнѣ Аббасъ-мирзы, находившагося подъ вліяніемъ окружавшихъ

его Англичанъ. Присылка новыхъ войскъ и заготовленіе провіанта въ Астрахани и Баку, о чемъ Ермоловъ не разъ тщетно ходатайствовалъ, становились вполнѣ необходимыми. Выѣхавшій изъ С.-Петербурга въ срединѣ декабря 1825 года англійскій полковникъ Шиль, встрѣтившій въ проѣздъ свой чрезъ Грузію лишь слабые отряды наши, убѣдилъ принца, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался, не откладывать болѣе своего наступленія: по мнѣнію Шиля, невозможно было открыть непріязненныя дѣйствія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже близь самой границы наступавшія полчища Аббасъ-мирзы, вѣроломно нарушившаго миръ. Полковникъ Назимовъ, находившійся на границѣ и коему надлежало поспѣшно отступать для присоединенія къ главнымъ силамъ, не оправдалъ полученнаго имъ въ прежней войнѣ съ Персіянами Георгіевскаго креста; непріятель, воспользовавшись огромнымъ превосходствомъ своимъ въ силахъ, истребилъ двѣ роты и овладѣлъ двумя пушками. Разказавъ объ этомъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ, государь отпустилъ Давыдова, передавъ нѣкоторыя приказанія Алексѣю Петровичу.

Наканунѣ отъѣзда Давыдовъ узналъ отъ прибывшаго изъ Грузіи адъютанта Алексѣя Петровича Ермолова, Талызина, что Аббасъ-мирза... вступилъ со ста тысячами войска въ Карабахъ, обложилъ крѣпость Шушу, въ коей заперся полковникъ Реутъ съ частью своего полка, ибо нѣсколько ротъ, стоявшія на границѣ, погибли уже при ихъ вторженіи; Персіяне идутъ усиленными маршами къ Тифлису, отъ котораго, по послѣднему извѣстію, они лишь въ 150 верстахъ. Со стороны Эриванской крѣпости сардарь эриванскій съ братомъ своимъ Гассанъ-ханомъ, овладѣвъ Бамбакскою и Шурагельскою провинціями, простерли наѣзды свои до Квеша за 50 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ, разграбивъ нѣмецкую колонію, увели жителей въ Персію. Съ нашей стороны Алексѣй Петровичъ, располагающій самыми ничтожными средствами, собираетъ войска и даже послалъ повелѣнія нѣкоторымъ батальйонамъ, находящимся на линіи, спѣшить къ Тифлису, гдѣ, при всемъ томъ, ему нельзя собрать болѣе 8000 человѣкъ, не обнаживъ другихъ пунктовъ, занятіемъ которыхъ обезпечивается спокойствіе въ горахъ и повиновеніе дикихъ и воинственныхъ народовъ, обитающ-
ъ на единственномъ сообщеніи его съ Россіей.

ъ Ставрополѣ) сообщилъ мнѣ Горчаковъ.... что сводный полкъ, подъ командою полковника

Шипова, и батальйонъ Ширванскаго полка находились на походѣ къ Тифлису, куда имъ велѣно было идти усиленными переходами.

Въ Владикавказѣ.... полковникъ путей сообщенія Гозіусъ, недавно пріѣхавшій изъ Тифлиса для исправленія дороги и мостовъ, испорченныхъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, вслѣдствіе заваловъ Казбека ночью съ 15-го на 16 число августа.... сказалъ мнѣ, что Ермоловъ собираетъ войска въ Тифлисѣ и еще лично тамъ; что Аббасъ-мирза съ 100,000-ою его арміей въ Елисаветполѣ, авангардъ его въ Шамхорѣ; что Шуша блокирована (и пр.).... что противъ Аббасъ-мирзы князь Мадатовъ съ 3-мя тысячами, а противъ сардаря полковникъ князь Сивардземидзевъ съ Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ на Каменной рѣчкѣ въ урочищѣ Джелалъ-Оглу близь Лори. Въ Тифлисѣ все покойно и нимало не опасаются непріятеля, полагаясь во всемъ на Ермолова, обнаруживающаго невозмутимое хладнокровіе.

Паскевича.... Ермоловъ принялъ ласково . . . . . .

...Даровитый писатель (Грибоѣдовъ) долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженною имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человѣкѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при Персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человѣкомъ, одареннымъ блестящими способностями, вполнѣ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его однако совершенно безполезнымъ для службы. Алексѣй Петровичъ, не охотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, дозволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ однако очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору *Горе отъ ума*, онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли бы быть для Грибоѣдова крайне непріят-

ны *. . . . . Увлекшись честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ . . . . . . отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный въ С.-Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія . . . . Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву: „Я вѣчный злодѣй Ермолова“ **. Онъ говорилъ около того же времени не одному слѣдующее:....... я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при Тегеранскомъ дворѣ.“ Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвою своей ошибки.

Ермоловъ не имѣвшій ни малѣйшаго повода опасаться военныхъ дарованій Аббасъ-мирзы, съ которымъ онъ весьма коротко познакомился еще въ 1817 году, и его безпорядочнаго, хотя и многочисленнаго войска, въ коемъ было лишь нѣсколько 6-ти-фунтовыхъ пушекъ и много пушечекъ, навьюченныхъ на верблюдахъ, которыхъ огонь не могъ быть опаснымъ, отправилъ противъ Персіянъ генерала Паскевича; онъ снабдилъ его всѣми нужными наставленіями: самъ начертилъ диспозицію войскъ на случай встрѣчи съ главными непріятельскими силами, и совѣтовалъ ему, за неимѣніемъ значительнаго количества пѣхоты, строить ее въ двухъ-ротныя каре, при чемъ самъ нарисовалъ таковыя на своемъ предписаніи, которое, вѣроятно, и нынѣ хранится въ Кавказскомъ штабѣ. Избравъ въ Карабахѣ опорнымъ пунктомъ Шушу, куда были заблаговременно свезены довольно большіе запасы всякаго рода, Ермоловъ усилилъ гарнизонъ этой крѣпости, которая, будучи сильна своимъ положеніемъ, могла оказать персидскимъ толпамъ довольно продолжительное сопротивленіе. Не взирая на то что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы непріа-

* Все, здѣсь мною сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими ...ія, которыя были не только очевидцами этого событія, но прини...мъ весьма дѣйствительное участіе.

...о сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, ...въ.

телемъ, безопасно спускались съ горы, на коей возвышалась крѣпостца, въ лощину, гдѣ они спокойно мололи себѣ муку, и вооружившіеся жители Армяне готовы были мужественно встрѣтить непріятеля, комендантъ послалъ къ Ермолову майора Клюки, съ донесеніемъ, въ которомъ было между прочимъ сказано: „мы люди добрые, за что вы насъ покинули? Мы не въ состояніи долго сопротивляться непріятелю.“ Майоръ Клюки, захваченный Персіянами; былъ привезенъ въ лагерь Аббасъ-мирзы, который, прочитавъ съ удовольствіемъ это донесеніе, отпустилъ посланнаго въ Тифлисъ. Такъ какъ въ Персидскомъ войскѣ были Англичане и Французы, Ермоловъ написалъ шушинскому коменданту сильный выговоръ, который былъ переведенъ на польскій языкъ; онъ послалъ его съ нарочнымъ Аджихановымъ, взятымъ въ плѣнъ Персіянами и убитымъ ими послѣ Елисаветпольскаго сраженія. Между тѣмъ Паскевичъ, прибывъ къ войскамъ послѣ блестящаго Шамхорскаго дѣла гдѣ былъ убитъ Аминъ-сардарь, и въ которомъ князь Мадатовъ разсѣялъ сильный непріятельскій авангардъ, донесъ Ермолову, что все пространство отъ Шамхора до Елисаветполя было устлано непріятельскими трупами. .

. . . .

Непріятельская пѣхота, будучи довольно хорошо обученаиностранцами, выславъ своихъ стрѣлковъ, открыла по насъ сильный огонь; смѣлое наступленіе нашей пѣхоты, въ особенности неустрашимаго Ширванскаго батальона, заставило однако непріятеля обратиться въ поспѣшное бѣгство. Персидскій сарканъ, или полковникъ, съ своими сарбазами, или регулярною пѣхотой, нѣкогда стоявшій въ караулѣ у Ермолова во время пребыванія сего послѣдняго въ Султаніи, гдѣ онъ часто у него обѣдывалъ, и вообразившій, что самъ Ермоловъ предводительствовалъ нашими войсками, сдался лишь потому въ плѣнъ Мадатову. Извѣстно уже, что особенныя обстоятельства, въ коихъ былъ въ то время поставленъ Ермоловъ, требовали новыхъ, блестящихъ съ его стороны подвиговъ; онъ вполнѣ сознавалъ это, но благоденствіе края, коимъ онъ такъ долго и славно управлялъ, и въ особенности глубокое убѣжденіе въ томъ, что отъѣздъ его изъ Тифлиса, гдѣ оставались лишь 400 человѣкъ гарнизона и гдѣ жители, опасавшіеся скораго появленія Аббасъ-мирзы, спѣшили зарывать въ землю свои сокровища,—неминуемо повлечетъ за собою всеобщее противъ насъ возстаніе, все это побудило его не выступать лично противъ непріятеля, но предоставить Паскевичу случай

украситься свѣжими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сдѣланная въ ущербъ всѣмъ своимъ личнымъ выгодамъ и вполнѣ доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Грузіи, и преимущественно тѣми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими цѣлями, — величайшею съ его стороны ошибкою . . . .
Но Ермоловъ, столь высоко стоящій въ общественномъ мнѣніи, не могъ и не долженъ былъ поступить иначе. Оставя Кавказъ вскорѣ послѣ изгнанія Персіянъ изъ нашихъ предѣловъ, онъ могъ утѣшаться мыслію, что ему была Россія обязана сохраненіемъ края, стоившаго ей уже много крови и усилій.

Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась въ столь высокой степени, какъ во время вторженія Персіянъ въ наши Закавказскія владѣнія; Алексѣй Петровичъ находился въ это время въ обстоятельствахъ, которыя, болѣе чѣмъ когда-нибудь, требовали съ его стороны особыхъ подвиговъ, чтобъ удержаться на той высотѣ, на которой онъ былъ поставленъ. Все и всѣ говорили, что ему надо было лично нанести рѣшительный ударъ Персіянамъ; но онъ, зная сомнительное состояніе умовъ въ Закавказскихъ провинціяхъ, встревоженныхъ приближеніемъ многочисленныхъ полчищъ Аббасъ-мирзы, и сознавая чрезмѣрную слабость нашихъ военныхъ силъ на Кавказѣ, пожертвовалъ своими личными выгодами; онъ послалъ на вѣрную побѣду Паскевича, ввѣривъ ему начальство надъ небольшимъ количествомъ превосходныхъ войскъ, коими онъ могъ лишь въ то время располагать. Ермоловъ, давъ ему своихъ лучшихъ сподвижниковъ: Вельяминова и князя Мадатова, коимъ Паскевичъ былъ вполнѣ обязанъ своею первою побѣдой надъ Персіянами, остался лично въ Тифлисѣ съ самыми ничтожными силами, которыя могли быть сильны лишь его именемъ, потому что одно присутствіе его въ этомъ городѣ и пріобрѣтенное имъ необычайное нравственное вліяніе въ краѣ могли не допустить всеобщаго противу насъ взрыва. * Это безпримѣрное самоотверженіе, переносящее

* Майоръ князь Григорій Челокаевъ, принимавшій нѣкогда участіе въ возстаніи противъ насъ, пріѣзжалъ въ это время изъ Кахетіи въ Тифлисъ съ порученіемъ узнать о положеніи дѣлъ; найдя не только спокойнымъ, но даже въ весьма веселомъ расположеніи духа Ермолова, ежедневно расхаживающаго по городу и производящаго пальбу по окрестнымъ горамъ изъ единственной батареи, остававшейся въ Тифлисѣ и вскорѣ также отосланной въ дѣйствующія войска, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно истинныхъ средствъ, коими мы могли въ то время располагать.

насъ въ лучшія времена великаго Рима, было оцѣнено лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство ставить этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, несмотря на многіе другіе, совершенные имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ.

V.

Въ отставкѣ.

Читатели помнятъ, можетъ-быть, о тетради, въ которой я набросалъ очеркъ жизни Алексѣя Петровича по его разказамъ, и которую отдалъ ему для дополненій въ пробѣлахъ. Ермоловъ началъ вписывать въ этой тетради и кой-что показывалъ мнѣ, но куда она дѣлась, по его кончинѣ, я до сихъ поръ не могъ получить свѣдѣнія. Недавно я нашелъ у себя черновыя замѣтки, изъ которыхъ послѣднія, относящіяся къ московской его жизни, оказались столько ясными, что я могу передать ихъ въ этой статьѣ сполна: читатели не должны терять изъ виду, съ какой цѣлію набросанъ былъ первоначально мой очеркъ. За ними прилагаются извѣстія другихъ свидѣтелей, изъ разныхъ лагерей.

...Не успѣла еще, судя по времени, дойдти до Петербурга просьба Ермолова, какъ фельдъегерь привезъ ему увольненіе, которое и вручилъ Дибичъ, можно вообразить, въ какомъ смущеніи.

Горько было Ермолову удаляться съ Кавказа, съ поприща своихъ подвиговъ и побѣдъ, гдѣ онъ, въ продолженіи десяти лѣтъ, имѣя подъ начальствомъ малое количество войска, смирилъ дикихъ горцевъ, навелъ на нихъ ужасъ,

такъ что матери стращали его именемъ своихъ младенцевъ, покорилъ цѣлыя области, утвердилъ русское владычество, построилъ крѣпости на всѣхъ важныхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ, образовалъ и приготовилъ Суворовское войско, готовое идти хоть въ преисподнюю по гласу любимаго начальника, и бросалъ русско-Петровскіе взоры на Турцію, Персію, Бухару, Хиву, Индію.... горько было Ермолову, но, вѣрный подданный, онъ оставилъ жезлъ начальства безъ прекословія, въ надеждѣ, что сердце Царево въ рукѣ Божіей, подвигается когда-нибудь съ гнѣва на милость.

Что̀ сказать о гражданскихъ его заслугахъ въ Грузіи? Онъ утвердилъ безопасность жителей, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность, открылъ новые источники доходовъ для правительства.

Дѣятельность его была неимовѣрная: въ одно время онъ и сражался, и строилъ, и распоряжался, награждалъ и наказывалъ, заводилъ, повѣрялъ, свидѣтельствовалъ. Спалъ онъ по четыре и пяти часовъ въ день, на простомъ войлокѣ, гдѣ случалось. Такъ провелъ онъ десять лѣтъ, всегда преданный службѣ, не зная семейныхъ наслажденій, не пользуясь обществомъ, никакими удобствами, съ единою мыслію объ общей пользѣ, о славѣ и могуществѣ Россіи.

Послѣ увольненія (1827 г.) мѣсяцъ прожилъ онъ еще въ Тифлисѣ, приводя въ порядокъ свои дѣла. Дибичъ, который высоко цѣнилъ Ермолова и отдавалъ полную справедливость его первоклассныкъ способностямъ и вообще его управленію, совѣтовалъ Алексѣю Петровичу оставить скорѣе Тифлисъ, ставя на видъ, что Паскевичъ можетъ сдѣлать ему непріятности.

Ермоловъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, въ которой и пріѣхалъ туда за десять лѣтъ, съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ, съ глубокою раною въ сердцѣ.

Жить онъ расположился близь Орла, въ родовой деревушкѣ, у престарѣлаго отца. Отецъ чрезъ годъ переселился въ монастырь, гдѣ вскорѣ и скончался.

Жалованье Ермолова было обращено въ пенсію—по 14 тыс. руб. ассиг. Вотъ все, что̀ онъ имѣлъ. Никакихъ денежныхъ наградъ онъ не принималъ никогда. Однажды императоръ Александръ предложилъ ему богатую аренду. Ермоловъ

отказался, сказавъ, что на малыя его нужды достанетъ ему жалованья. Графиня А. А. Орлова, услышавъ о такомъ скудномъ содержаніи заслуженнаго генерала, сказала у себя за столомъ, что она почла бы себя счастливою, еслибъ Алексѣю Петровичу угодно было взять въ свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе — Островъ (за которое она получила послѣ больше милліона). Тогда Государь велѣлъ обратить столовыя деньги также въ пенсію Ермолову, и онъ началъ получать по 30 т. р. асс. ежегодно, которыя и сдѣлались, сберегаемыя, основаніемъ состоянія, оставленнаго имъ дѣтямъ.

Въ деревнѣ обратился онъ къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ—читалъ книги о военномъ искусствѣ, и въ особенности о любимомъ своемъ полководцѣ, Наполеонѣ. Утомительно долго тянулось для него время въ тишинѣ, въ бездѣйствіи, среди полей и огородовъ, лѣсовъ и пустынь. А между тѣмъ Паскевичъ пошелъ впередъ, взялъ Эривань, Таврисъ, Ахалцыхъ, проникнулъ далеко въ Персію. А между тѣмъ Дибичъ, вскорѣ, перешелъ Балканы, занялъ Адріанополь. Что̀ происходило въ то время на душѣ Ермолова, то знаетъ только онъ, то зналъ Суворовъ, въ Кобринѣ читая италіянскія газеты о побѣдахъ молодаго Бонапарте, то зналъ, разумѣется, больше всѣхъ, этотъ новый Прометей, прикованный къ скалѣ Св. Елены. Но они испили по крайней мѣрѣ свои чаши почти до дна, а Ермоловъ только что налилъ свою, и поднесъ было къ устамъ.

И вотъ польская война, вотъ Русскіе вытѣснены, разбиты, почти прогнаны къ границамъ. Шесть мѣсяцевъ продолжаются неудачи. Поляки ободряются, мечтаютъ, неистовствуютъ. Они вспомнили объ Ермоловѣ, и не зная русской души, почитая его оскорбленнымъ, расположеннымъ къ мести, вздумали отъ его имени провозгласить мятежную прокламацію къ русскому войску. Первые экземпляры ея попались, по странному случаю, Денису Давыдову, командовавшему авангардомъ.

Сочтено было за нужное довести о ней до свѣдѣнія Ермолова. Давыдовъ, по порученію, позабылъ чьему, написалъ къ нему официяльное письмо.

Ермоловъ отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, упрекалъ, какъ можно было удостоить вниманія

такую нелѣпую клевѣту. „Вы узнали о моихъ походахъ, писалъ онъ въ отвѣтъ Давыдову, — этого мало: вы вѣрно услышите скоро о моихъ побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ генералу Дибичу!“

Переписка продолжалась нѣсколько времени—для Ермолова написать подобное письмо значило дать сраженіе.... Не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ враговъ своихъ по крайней мѣрѣ насмѣшками.

Поляки между тѣмъ продолжаютъ брать верхъ. Во враждебной Европѣ проносится отъ края до края гулъ радованія, поднимается говоръ въ безмолвномъ отечествѣ; взоры всѣхъ устремлены на Ермолова. Нѣтъ — вызванъ Паскевичъ изъ Грузіи. Онъ пришелъ въ Польшу, двинулся къ Варшавѣ, и, счастливецъ, взялъ ее приступомъ. А Ермоловъ все живетъ въ деревнѣ, читаетъ реляціи, переплетаетъ книги.

Здѣсь посѣтилъ его Пушкинъ, по дорогѣ на Кавказъ, и описалъ свое посѣщеніе въ началѣ статьи, извѣстной подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Арзерумъ. Это начало до сихъ поръ не было напечатано, и только недавно сообщено П. И. Бартеневымъ въ его *Русскомъ Архивѣ*.

„Изъ Москвы поѣхалъ я въ Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ; за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близь коего находится его деревня. Я пришелъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего—простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ, я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностью. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же задумывается и хмурится, то онъ становится прекра-

сенъ, и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ, и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго графомъ Ерихонскимъ. „Пускай нападетъ онъ", говорилъ Ермоловъ, „на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ „на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ, и Паскевичъ про„палъ". Я передалъ Ермолову слова гр. Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобъ отличиться отъ него. „Можно бы было сберечь людей и издержки", сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или думаетъ писать свои записки. Онъ не доволенъ исторіей Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говоритъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось: „Лѣтъ черезъ 50", сказалъ онъ, „подумаютъ, что въ нынѣшнемъ по„ходѣ была вспомогательная прусская или австрійская ар„мія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генерала„ми." Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

„Когда онъ служилъ при мнѣ (Грибоѣдовъ), говаривалъ „Ермоловъ, то могъ отлучаться на 3 и на 4 мѣсяца: я не „чувствовалъ его отсутствія. Онъ, какъ Державинъ, не былъ „способенъ ни на какое важное дѣло." Не слышится ли здѣсь мнѣніе противной партіи? *"

Въ 1831 году Ермолову случилось быть въ Москвѣ въ то время какъ пріѣхалъ туда государь. Ермоловъ написалъ письмо (у меня не отмѣчено, по какому поводу). Государь

* Ко времени пребыванія А. П. Ермолова въ деревнѣ относятся слѣду-

назначилъ ему аудіенцію. Ермоловъ пріѣзжаетъ во дворецъ, но государь еще не возвращался. Онъ дожидается часъ, другой. Начинаютъ накрывать столъ. Ермоловъ, не желая оставаться предъ собирающимися лицами къ обѣду, поручилъ камердинеру донести, что былъ въ назначенный

ющія его письма, которыя мы и помѣщаемъ чтобы познакомить читателя съ его пріемами и письменнымъ слогомъ:

Къ Василью Назаровичу Каразину.

I.

Милостивый государь
Василій Назаровичъ!

Благодарю васъ покорнѣйше за нѣсколько №№ журнала. Вы и самого меня, какъ кажется, не менѣе удивлены были смѣлостію упомянувшаго объ имени роковомъ. Довольно дерзко! Или уже слухъ не оскорбляется произнесеніемъ оного? Не вѣроятно!

Жалѣю чрезвычайно, что не имѣю никакихъ манускриптовъ на восточныхъ языкахъ; я послѣдовалъ бы мнѣнію вашему, дабы воспользоваться ученостію столь обязательно предлагающаго труды свои, и пріятно было бы извлечь изъ оныхъ пользу общественную.

Нѣтъ у меня ничего рѣдкаго въ семъ родѣ! О предводительствѣ и до меня дошелъ слухъ странный, и едва не сказалъ было—непонятный для меня, но пересталъ удивляться, ибо выборъ меня не первый былъ бы ошибочный. Не выгодно было бы для меня подвергнуть испытанію неспособность. Я, по правиламъ моимъ, не потаился бы въ незнаніи, а признаніе не исправило бы невѣжества. На что такіе люди надобны?

Смѣшонъ сонъ, описанный вами. Огражденные почтеннымъ состояніемъ граждань, не подвергнемся мы опасности отъ непріятеля. Станутъ за насъ храбрые наши соотечественники, и кто противъ нихъ? Вы еще и сына имѣете среди непобѣдимыхъ! Грустя о разлукѣ съ нимъ, вы видите сны бранные. Онъ наводитъ на васъ Турокъ. Но воображаю восторгъ отца, когда возвѣститъ сынъ о паденіи Византіи. Тогда, по справедливости, гордиться вы станете . . . .
. . . .

Жалѣю о болѣзни хозяина вашего, (кажется — генерала Базилевича, въ домѣ котораго, близь Арбата, жилъ тогда В. Н. Каразинъ) нѣкогда сослуживца моего. Какъ много продолжительное нездоровье перемѣнило сего благороднѣйшаго и почтенныхъ правилъ человѣка.

Прошу принять увѣреніе и пр., покорнѣйшій слуга

А. Ермоловъ.

3-го февраля 1829 года. Орелъ.

часъ. Тотъ отвѣчалъ: „вы приглашены и къ столу". Ермоловъ остался. Государь вскорѣ пріѣхалъ и увелъ его съ собою въ кабинетъ, гдѣ они оставались очень долго. Между тѣмъ собрались приглашенные гости. Государь вышелъ къ нимъ изъ кабинета, ведя за руку Ермолова.

За столомъ былъ очень милостивъ.

На другой день было представленіе императрицѣ, которой Ермоловъ до сихъ поръ не видалъ, далекій отъ двора.

Записавшись послѣ московскихъ дамъ, онъ спокойно дожидался вызова, какъ вдругъ прежде всѣхъ былъ приглашенъ въ кабинетъ.

Нѣсколько минутъ не подходилъ онъ къ рукѣ, опасаясь исполинской наружностію испугать вдругъ императрицу, и уже послѣ, какъ она привыкла къ его виду, онъ приблизился къ ней смѣлѣе.

II.

Милостивый государь
Василій Назаровичъ!

Благодарю васъ за письмо, и я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ получилъ его, что вы извѣщаете меня о производствѣ сына вашего. Чувствуя, что вы утѣшены тѣмъ столько же, какъ увѣрены въ успѣхѣ служенія его, ибо, образовавъ его какъ отецъ попечительный, вы, конечно, утвердили его въ тѣхъ свойствахъ, которыя должны обратить на него вниманіе начальства. Дарованія необходимо должны открыть путь. Познакомившись съ Вельяминовымъ, вы, конечно, не безвыгодно заключили о томъ, кому въ продолженіи 14 лѣтъ хотѣлъ онъ быть товарищемъ по службѣ. Это одно хвастовство, которое почитаю я себѣ позволительнымъ. Такъ же поступилъ бы со мною и вашъ хозяинъ, еслибы болѣзнь его насъ не разлучила.

Какую великолѣпную цитату выписали вы мнѣ изъ Тредьяковскаго. Но не болѣе ли себя подвергли вы казни эрмитажной, нежели меня, ибо не легче, конечно, было переписать. Какъ благосклонны вы въ уподобленіяхъ. Но едва ли бы выгодна была справедливость ваша уподобляемому? Теперь можетъ сіе относиться къ другому, лицу гораздо примѣчательнѣйшему. *Roma quanquam semel, sed capta fuit; Petropolis nunquam!*

Благодарю за обѣщаніе прислать слѣдующій № *Архива*, но я терпѣливо буду ожидать его, когда возвращаться вы будете чрезъ страну нашу. Прежнихъ четыре №. препровождаю. Кто сей проповѣдающій въ пустынѣ? Видно истощившійся издатель журнала искалъ средства наполнить свои книжки.

Что̀ вы не указали мнѣ на страницу 86-ю нумера 7-го? Достойна при-

Императрица была очень благосклонна. Вскорѣ пришелъ и государь. Вмѣстѣ трое вышли они изъ кабинета, передъ взорами удивленной московской знати. Начались толки. На какомъ-то слѣдующемъ балѣ государь императоръ остановилъ Ермолова въ дверяхъ между залою и буфетомъ, и разговаривалъ съ нимъ болѣе часа, прервавъ ссобщеніе въ комнатахъ, и привлекши общее вниманіе.

Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе, и придворные паразиты посыпали къ нему съ визитами. Ермоловъ на своихъ антресоляхъ принималъ всякихъ грандовъ.

Онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ.

. . . .

Ермоловъ былъ назначенъ засѣдать въ комитетѣ о преобразованіяхъ карантиннаго учрежденія, еще въ какомъ-то подобномъ, а въ комитеты по военной части: о военныхъ

мѣчанія, и сочинитель искусно поклепалъ Французовъ, или избѣгалъ строгости цензуры. Любопытно было бы знать, что сдѣлала бы она еслибъ упомянуто было о Нѣмцахъ?

Весьма благосклонно вспомнили вы о моихъ ребятишкахъ, а я научу ихъ быть благодарными.

Имѣю честь быть и пр. покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

16-го февраля 1829 года.

Орелъ.

Къ издателю *Московскаго Вѣстника.*

Милостивый государь

Михаилъ Петровичъ!

Сопровождая письмомъ самымъ обязательнымъ, вамъ угодно было прислать мнѣ сочиненія ваши, переводы и журналъ, вами издаваемый. Благодаря васъ, милостивый государь, за вниманіе ко мнѣ; пріятно мнѣ воспользоваться случаемъ изъявить то уваженіе, которое давно имѣлъ я къ полезнымъ трудамъ вашимъ, обогащающимъ словесность, расширяющимъ свѣдѣнія объ отечественной исторіи.

Имѣю честь быть и пр.,

покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

23-го апрѣля 1828 года.

[illegible]сква.

дорогахъ Россіи и о преобразованіи конныхъ полковъ, онъ не былъ назначенъ, хотя председатели, перваго—Толь, и втораго—Паленъ, не имѣя нужныхъ для нихъ свѣдѣній, обращались къ нему частнымъ образомъ съ вопросами.

Въ совѣтъ онъ не ѣздилъ, подъ разными предлогами.

Въ Петербургѣ всѣ говорили, что онъ смѣется надъ совѣтомъ, а Канкринъ объяснялъ иначе. Все это было непріятно государю.

Военный министръ Чернышевъ спросилъ его, согласенъ ли онъ принять на себя званіе председателя въ главномъ аудиторіатѣ.

„Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, „отвѣчалъ Ермоловъ,“ и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ.“

Наконецъ Ермоловъ, потерявъ терпѣніе, написалъ просительное письмо къ государю, объ увольненіи и получилъ позволеніе уѣхать въ Москву. Враги его торжествовали. Графиня N. N., пріѣхавъ однажды къ своей знакомой, воскликнула: „кончено, съ интриговали!“

Такъ записано у меня, но вотъ какъ разказыветъ объ этомъ періодѣ изъ жизни Ермолова приверженецъ его, Д. В. Давыдовъ.

„Въ бытность государя въ Москвѣ осенью 1831 года, Ермоловъ былъ приглашенъ во дворецъ, куда онъ поѣхалъ въ отставномъ мундирѣ; государь, принявши его необыкновенно радушно, вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи Ермолова, что̀ было принято многими за знакъ особеннаго къ нему благоволенія. Императрица, увидя его, не скрыла своего смущенія; она сказала ему: „je vous aurais reconnu à „l'instant même, général; tous vos portraits vous ressemblent.“ Будучи позванъ къ императорскому столу, онъ едва не навлекъ гнѣва государя принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ.... Государя, начинавшаго возвышать голосъ, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: „Никто ихъ конечно не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ.“ Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступитъ вновь въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Графъ Бенкен-

дорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему, по порученію государя, слѣдующее: „Его величеству весьма неріятно то, „что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъ„явили до сего времени желанія поступить на службу.“ Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Написавъ въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ самъ отправился къ Хрущову, куда прибылъ генералъ Адлербергъ съ объявленіемъ, что приказъ о принятіи его въ службу состоялся. Такимъ образомъ Ермоловъ вновь надѣлъ мундиръ; это было съ его стороны (по мнѣнію многихъ) ошибкою, сильно потрясшею его огромную популярность. *

„Государь былъ однако первое время чрезвычайно милостивъ и внимателенъ къ Ермолову, которому удалось, по кончинѣ доблестнаго Н. Н. Раевскаго, выхлопотать вдовѣ его слѣдующія милости: ей было прощено 300 тысячъ руб. ассигнаціями казеннаго долга, а взносъ должныхъ покойнымъ мужемъ еще 500 тысячъ руб. былъ разложенъ на весьма продолжительные сроки.

„По предложенію Ермолова, указавшаго государю на невыгоду безсрочныхъ вещей, какъ напримѣръ штыковъ, которые, не будучи отточены, дѣлаются весьма часто на Кавказѣ добычей Горцевъ; послѣдовала отмѣна прежде бывшихъ распоряженій по этому предмету.

„Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, Ермоловъ, никогда не почитавшій себя (!) администраторомъ, не принималъ почти никакого участія въ преніяхъ. Онъ однако предложилъ отмѣнить званіе первоприсутствующихъ въ департаментахъ сената: для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ было, по его мнѣнію, достаточно оберъ-прокурора.

„Ермолова назначили членомъ комитета о преобразованіи Оренбургскаго края, предсѣдателемъ котораго былъ П. К. Эссенъ, и членомъ о преобразованіи карантиннаго устава, гдѣ онъ не могъ оказать никакой пользы. Онъ отдалъ здѣсь полную справедливость отличнымъ спо-

* Мнѣ кажется, это ложное мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ большинству.

собностямъ графа Павла Сухтелена, столь рано умершаго для Оренбургскаго края.

„Хотя Ермолова не назначали присутствовать въ комитетахъ о военныхъ дорогахъ, и о преобразованіи конныхъ полковъ, но многіе обращались къ нему за совѣтами.

„Не взирая на то, что государь сказалъ ему: „Я хочу васъ „всѣхъ, стариковъ, собрать около себя и беречь какъ ста„рыя знамена,“ онъ не былъ употребляемъ. Ермоловъ, видя себя безполезнымъ, сказалъ однажды государю: „ваше ве„личество вѣроятно потеряли изъ виду, что я лишь воен„ный человѣкъ; всѣ мои назначенія доселѣ убѣждаютъ меня „въ томъ, что я совершенно безполезенъ, и что всѣ возла„гаемыя на меня порученія не соотвѣтствуютъ моимъ свѣ„дѣніямъ, и могу сказать, моей опытности.“ На это государь отвѣчалъ: „вѣрно ты слишкомъ любишь отечество, что„бы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и „улучшеній, но въ случаѣ войны я употреблю тебя.“ Ермолову предложили мѣсто предсѣдателя въ генералъ-аудиторіатѣ; графъ Чернышевъ, предложившій ему это мѣсто отъ имени государя, сказалъ ему, что не онъ самъ, а лишь его канцелярія будетъ подчинена военному министру. Ермоловъ отказался, подъ слѣдующимъ предлогомъ: „Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязан„ность войска; я не приму этой должности, которая бы возла„гала на меня обязанности наказывать.“ Государь сказалъ на это: „Ермоловъ не такъ это понимаетъ.“ Графиня Бенкендорфъ, посѣтивъ вскорѣ послѣ того графиню N. N., сообщила ей о томъ, что государь повѣрилъ гнуснымъ навѣтамъ на Ермолова своихъ окружающихъ, и сказала: „Ермолова съинтриговали.“ Между тѣмъ Ермоловъ, возвратившись въ Петербургъ, просилъ графа Бенкендорфа объяснить его величеству желаніе его быть уволеннымъ отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ по той причинѣ, что бывъ лишь военнымъ человѣкомъ, и не успѣвъ приготовить себя къ занятіямъ гражданскимъ, онъ почитаетъ себя неспособнымъ исполнять обязанность высокой важности, къ какой онъ призванъ милостію государя.

„Графъ Бенкендорфъ не рѣшался будто бы доложить о томъ его величеству въ теченіи двухъ недѣль; а между тѣмъ увѣрялъ, что онъ избираетъ лишь благопріятную минуту, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, ск ль бу-

деть непріятно его величеству уклоненіе отъ занимаемой должности Ермолова, который непремѣнно навлечетъ тѣмъ на себѣ гнѣвъ государя. „Его обезоружитъ чистосердечное „мое признаніе", говорилъ Ермоловъ, не перестававшій настаивать на своей просьбѣ. Однажды графъ Бенкендорфъ, не заставъ Ермолова дома, оставилъ нижеслѣдующую записку:

„Mon très honoré genéral, sa Majesté m'a chargé de vous dire, qu'elle desire que vous lui ecriviez ce que je lui ai dit sur les raisons, qui vous engagent à quitter le Conseil."

„Ермоловъ написалъ слѣдующее письмо.

„Его Императорскому Величеству,*

„Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ объявилъ мнѣ высочайшую волю вашу, всемилостивѣйшій государь, дабы я письменно изложилъ причины, заставляющія меня просить увольненія отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ. Исполняю волю сію съ откровенностью солдата, гордящагося честью сорокалѣтняго служенія государямъ и отечеству.

„Я вполнѣ постигаю, государь, сколь высоко званіе члена государственнаго совѣта, гдѣ могутъ обрѣсти самую лестную награду лица, оказавшія важныя услуги отечеству. Исполненъ я удивленіемъ къ неизреченному великодушію монарха, ввѣряющаго малому числу избранныхъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ административныхъ дѣлъ, измѣненіе въ законахъ, предложеніе новыхъ, не прежде освящая ихъ державною властью своей, какъ по выслушаніи ихъ мнѣнія.

„Но, государь, всю жизнь свою провелъ я на военномъ поприщѣ, на которомъ не успѣлъ ознакомиться съ занятіями, къ которымъ я нынѣ призванъ. Они мнѣ чужды и усиливаютъ во мнѣ лишь убѣжденіе и горестную мысль, что я безполезенъ, и потому не могу оправдать ожиданій моего государя.

„Какъ Русскій и какъ солдатъ, я не избѣгалъ трудовъ и не робѣлъ передъ опасностями на службѣ государя; не останавливаясь ни минуты вступить вновь на службу, когда мнѣ было объявлено повелѣніе о томъ вашего величества, я устыжусь однако самого себя, если позволю себѣ желать остаться въ настоящемъ положеніи, съ коимъ неразлучно

* Помѣщено въ *Чтеніяхъ Ист. Общества* 1862 г. ч. III.

убѣжденіе, что лѣта, опытность, усердіе недостаточны, а необходимы свѣдѣнія, коихъ у меня нѣтъ.

„Простите, государь, смѣлость съ которою я всеподданнѣйше повергаю просьбу мою о увольненіи меня отъ присутствія въ государственномъ совѣтѣ."

„10 марта, 1839."

Чрезъ нѣсколько дней Ермоловъ получилъ отъ военнаго министра графа Чернышева слѣдующія двѣ бумаги:

„Милостивый государь,
„Алексѣй Петровичъ!

„Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо вашего высокопревосходительства, отъ 10 числа сего мѣсяца, поручить мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что его величество весьма сожалѣетъ, что вы, несмотря на долголѣтнее управленіе вами Закавказскаго края и по гражданской части, не предполагаете нынѣ въ себѣ способностей, къ которымъ вы призваны высочайшею довѣренностью, и что вслѣдствіе того, удовлетворяя желанію вашему, его величество увольняетъ васъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни.

„Сообщивъ высочайшую сію волю предсѣдателю государственнаго совѣта, честь имѣю и васъ объ оной, милостивый государь, увѣдомить.

„14 марта, 1839. № 1.552."

„Милостивый государь,
„Алексѣй Петровичъ!

„Я доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о желаніи вашего высокопревосходительства воспользоваться зимнимъ путемъ для выѣзда изъ С.-Петербурга и о просимомъ вами дозволеніи откланяться Государю Императору. Его величество поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что чрезвычайно увеличившіяся занятія препятствуютъ принять васъ въ скоромъ времени, а потому не желая васъ задерживать, его величество разрѣшаетъ вашъ отъѣздъ.

„№ 1.574. Марта 16, 1839 г."

Такъ разказываетъ приверженецъ и родственникъ. Выслушаемъ теперь другую сторону. Audiatur et altera pars.

Въ совѣтѣ никто никогда не слышалъ его голоса и даже бо́льшую часть времени онъ проводилъ въ полудремотѣ, или по крайней мѣрѣ съ закрытыми глазами, не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на все, что̀ докладывалось; когда же, при встрѣчавшихся разногласіяхъ, секретари подходили спрашивать о его мнѣніи, обыкновенный отвѣтъ его былъ: „съ тою стороной, на которой окажется больше голосовъ". По одному дѣлу (кажется Строгановыхъ со Всеволожскими), очень сложному и запутанному, онъ просто сказалъ, что не можетъ произнести никакого мнѣнія, потому что „не понимаетъ этого дѣла". Когда же тогдашній предсѣдатель, графъ Новосильцовъ, возразилъ, что не считаетъ себя въ правѣ принять такой отзывъ, какъ неумѣстный со стороны члена государственнаго совѣта, то, послѣ довольно продолжительнаго уклоненія, возвратился къ стереотипному своему отвѣту: „съ большинствомъ голосовъ".

Наскучила ли ему наконецъ эта, по всей вѣроятности, преднамѣренная роль, или были на то другія причины, только, въ первыхъ числахъ іюня 1838 года, Ермоловъ вдругъ объявилъ, что на дняхъ опять уѣзжаетъ въ свою подмосковную и нарочно избѣгаетъ прощанія съ государемъ, чтобы не подпасть подъ затруднительный вопросъ, когда онъ думаетъ снова воротиться въ Петербургъ. „Мнѣ нечего скрывать—продолжалъ онъ, что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совершенно безполезенъ, и говорю это, право, не для того, чтобы вымолить какой-нибудь комплиментъ: я въ самомъ дѣлѣ чувствую, что уже отжилъ свой вѣкъ!"

Къ 1839 г. принадлежитъ слѣдующее письмо Ермолова къ Паскевичу, собственноручное, найденное мною въ бумагахъ, доставленныхъ Я. М. Кириловымъ.

„Милостивый государь
„князь Иванъ Өедоровичъ,

„Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо, которымъ ваша свѣтлость увѣдомить меня изволили о послѣдовавшемъ по докладу вашему, милостивый государь, его императорскаго величества высочайшемъ позволеніи мнѣ пріѣхать въ Варшаву и осмотрѣть Царства Польскаго крѣпости.

„Опасаясь, чтобы близкающееся осеннее время не воспрепятствовало осмотрѣть со вниманіемъ, котораго требуютъ знаменитыя сооруженія, подъ распоряженіемъ вашей свѣтлости возводимыя, я, для удобнѣйшаго исполненія сего, отложилъ поѣздку мою до будущей весны.

„Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости, милостивый государь, покорнѣйшій слуга, Алексѣй Ермоловъ.

„18 сентября, 1839 г. Москва."

Странно, что это письмо осталось собственноручное. Развѣ Ермоловъ вслѣдствіе одной помарки вздумалъ переписать его, и не уничтожилъ.

Кстати разкажу здѣсь, что Паскевичъ приглашалъ его къ себѣ въ Варшаву, по дорогѣ въ чужіе края. „Зарѣзалъ онъ меня," сказалъ Ермоловъ, разказывая о томъ Б.

Въ 1841 году Ермоловъ, говорятъ противники, снова явился въ Петербургъ къ бракосочетанію Наслѣдника Цесаревича, и въ качествѣ военнаго генерала, тотчасъ по пріѣздѣ просилъ военнаго министра доложить государю о его пріѣздѣ и желаніи представиться. Но день проходилъ за днемъ, и наконецъ наступилъ и канунъ свадьбы, а отвѣта все еще не было; безъ представленія же невозможно было присутствовать и при церемоніи. Вслѣдствіе того Ермоловъ рѣшился вторично написать Чернышеву, и государь хотя напослѣдокъ и принялъ его, уже въ самый день свадьбы, но безъ особой аудіенціи, а просто передъ разводомъ, въ толпѣ другихъ являвшихся, откланивавшихся и пр. Въ совѣтѣ, какъ считавшійся въ безсрочномъ отпускѣ, онъ въ этотъ пріѣздъ не присутствовалъ.

Ермоловъ опять заключился въ деревню, изъ коей не выѣзжалъ ни лѣтомъ, ни зимой, утѣшался подчасъ слухами общей преданности, до него доходившими, доказательствами преданности его старыхъ сослуживцевъ, которые, одни за другими, пріѣзжали навѣщать его въ уединеніи, и наконецъ звуками русской лиры, возвышавшей всегда свой благородный голосъ въ пользу униженнаго достоинства.

Приведемъ здѣсь кстати нѣкоторыя стихотворенія въ честь Ермолова, изъ разныхъ періодовъ:

1. Жуковскій.

(1812.)

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ;
И страхъ твои перуны.

2. Пушкинъ.

Но се Востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжной головой,
Смирись Кавказъ—идетъ Ермоловъ.
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Русскому мечу подвластно!

3. Лермонтовъ.

(1841.)

Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальйоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ;
И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно медленны какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

Страсти утихали, вспыхивая только изрѣдка въ острыхъ словахъ или въ удерживаемыхъ движеніяхъ, волосы побѣлѣли, орлиный взоръ началъ угасать. Въ 1840 (?) Ермоловъ купилъ себѣ деревянный домъ въ Москвѣ тысячъ въ 15

асс., и съ этого времени, какъ Мугаммедъ съ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считаетъ онъ свою мудрость.

Жизнь свою проводитъ онъ слѣдующимъ образомъ: встаетъ въ 6 часовъ, читаетъ, пишетъ, съ 10 часовъ начинаются посѣщенія, преимущественно навѣщенія, кушаетъ однажды въ день, но плотно, послѣ обѣда переплетаетъ, читаетъ, и принимаетъ гостей, которыхъ любитъ удерживать до поздней ночи. Въ табельные дни является онъ въ собраніи, на балахъ, ѣздитъ въ театръ. Приверженные къ нему русскіе люди, старые и молодые, оборачиваются всегда въ ту сторону, гдѣ стоитъ Ермоловъ, опершись на вѣрную свою саблю, и смотрятъ въ задумчивости на его бѣлые волоса, на эту львиную голову, стоящую еще твердо на исполинскомъ туловищѣ, и ищутъ въ потускнѣвшихъ глазахъ его глубоко запавшія мысли. Государь во время посѣщеній своихъ Москвы осыпаетъ его ласками.

Въ день открытія Кульмскаго памятника Ермоловъ получилъ Андреевскій орденъ, котораго не имѣлъ до тѣхъ поръ.

Въ 184.... г. Ермоловъ получилъ приглашеніе на Вознесенскій смотръ. Изъ Вознесенскаго вся свита пріѣхала въ Одессу. Государь отправился оттуда въ Грузію. Предусмотрительность враговъ Ермолова, опасавшихся, чтобы государь не взялъ его въ Грузію, гдѣ дѣла были тогда въ очень дурномъ положеніи, была такъ велика, что они наканунѣ отъѣзда не постыдились обмануть его, сказавъ, что государь поѣдетъ безъ парада. Ермоловъ пришелъ на берегъ и смѣшался съ толпою; какъ вдругъ явился государь съ многочисленною свитою, провожавшею его въ военныхъ мундирахъ... *

На открытіе Бородинскаго памятника, Ермоловъ былъ также приглашенъ и разказывалъ государю о подробностяхъ сраженія. Преслѣдуя графа Витта, вмѣстѣ съ Государемъ, Ермоловъ не утерпѣлъ сказать: „графъ Виттъ бѣжитъ въ самомъ дѣлѣ, какъ отъ непріятеля“.

Въ послѣднее время государь началъ говорить съ нимъ даже о Грузіи.

Въ 1845 г. Ермоловъ получилъ приглашеніе на свадьбу великой княжны Ольги Николаевны. Государь осыпалъ его

* Это происшествіе записано у меня не ясно.

новыми ласками. За обѣдомъ провозглашенъ былъ тостъ: за здоровье оставшихся въ живыхъ героевъ Бородинскаго сраженія. Государь подошелъ къ Алексѣю Петровичу „Пью за твое здоровье", сказалъ онъ ему. Ермоловъ благодарилъ за такую честь, и замѣтилъ, что здѣсь находился еще старшій представитель, именно кн. Горчаковъ, бывшій въ сраженіи корпуснымъ начальникомъ.

Однажды Государь взялъ Ермолова вмѣстѣ съ Паскевичемъ въ Кронштатъ.

Ихъ встрѣтилъ адмиралъ Биллингсгаузенъ, уже старикъ. До тѣхъ поръ Ермоловъ не былъ съ нимъ знакомъ.

— „Предъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ Океанѣ," сказалъ ему Алексѣй Петровичъ вмѣсто привѣтствія.

Островъ этотъ былъ открытъ Биллингсгаузеномъ и названъ имъ островомъ Ермолова.

— Вы-то меня не знали, отвѣчалъ ему адмиралъ,—а я то васъ давно ужь зналъ.

Биллингсгаузенъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, ни слова не зналъ по-нѣмецки, и очень сошелся съ Ермоловымъ.

Въ 1843 году имѣлъ я честь представиться Алексѣю Петровичу, и описалъ первое свое посѣщеніе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* прошлаго года. *

Пользуясь его расположеніемъ, я началъ посѣщать его, и наконецъ осмѣлился часто предлагать ему вопросы объ его жизни, и услышалъ подробности, послужившія основаніемъ предложеннаго очерка.

Въ 1847 году, въ іюнѣ, ободренный его ласками, я поѣхалъ къ нему въ деревню.

Алексѣй Петровичъ былъ очень огорченъ однимъ мѣстомъ въ исторіи царствованія Николая Павловича, которое касается до увольненія его изъ Грузіи. Онъ написалъ письмо къ автору, и прочелъ мнѣ уже переписанное на бѣло. Я сказалъ нѣсколько словъ за Устрялова; Ермоловъ началъ по обыкновенію отклоняться: „это правда, я напрасно сердил-

* Статейка моя подала поводъ къ присылкѣ ко мнѣ съ разныхъ сторонъ многихъ матеріяловъ, которыхъ скрывать подъ спудомъ я не счелъ себя въ правѣ.

ся на него, онъ не виноватъ“ и проч. Тогда же онъ сообщилъ мнѣ въ собственноручной копіи, хранящейся у меня до сихъ поръ, свое письмо къ Государю, которымъ просилъ объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго въ Грузіи въ 1827 году.

Въ 1848 году Алексѣй Петровичъ собирался ѣхать за границу, избравъ себѣ спутниками И. В. и Г. В. Лихачевыхъ, которыхъ всегда любилъ, но не получилъ, кажется, разрѣшенія. Тогда сжегъ онъ множество своихъ бумагъ, какъ я слышалъ отъ его управляющаго, находившагося при немъ неотлучно сорокъ лѣтъ.

Въ 1849 году, царское семейство прожило нѣсколько времени въ Москвѣ. Я написалъ статью „Черты изъ пребыванія царскаго семейства въ Москвѣ“, которая не была напечатана. Вотъ отрывокъ изъ нея, относящійся къ А. П.: „Апрѣля 9 освященъ былъ камень или доска въ Георгіевской залѣ, въ воспоминаніе объ учрежденіи Преображенскаго полка. По окончаніи торжественнаго обряда главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, великій князь Михаилъ Павловичъ, и начальникъ всей гвардейской пѣхоты Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи командира Преображенскаго полка генералъ-адъютанта Катенина, всѣхъ батальйонныхъ начальниковъ и наличныхъ офицеровъ гвардіи, удостоили своимъ посѣщеніемъ знаменитаго ветерана русской арміи, одного изъ первыхъ сподвижниковъ войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, подъ начальствомъ котораго императорская гвардія покрылась первыми лаврами и Преображенскій полкъ получилъ Георгіевскія знамена,—Алексѣя Петровича Ермолова.

„Какъ пріятно, сладко, было видѣть торжественный поѣздъ сына царева, государя наслѣдника, брата царева, со всѣми представителями русской гвардіи, къ деревянному семиоконному домику на арбатскомъ бульварѣ, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма, Кавказа,—гдѣ надъ низменной крышей ярко горитъ лучъ русской славы.“

(Съ этого времени начинаются у меня опять замѣтки о посѣщеніяхъ и разговорахъ съ Алексѣемъ Петровичемъ,

иныя даже съ означеніемъ чиселъ. Другихъ можно приблизительно опредѣлить время, судя по содержанію. Я передаю ихъ здѣсь. Между ними вставляю бесѣды Ермо- съ другими лицами, означенныя также числами.

О Венгерской кампаніи Ермоловъ отзывался съ величайшимъ неуваженіемъ: „Гергей вышелъ изъ Коморна съ обозами, думая, что ихъ тотчасъ отобьютъ. Ни тутъ-то было, все въ цѣлости. Онъ дожидался только случая, чтобы Паскевичъ собралъ столько силъ, дабы не стыдно было положить предъ нимъ оружіе. Гергей видѣлъ съ перваго раза, какъ и всѣ, что Венгерцамъ бороться нельзя, а мы выставили столько силы, чтобы хоть Наполеона встрѣтить.“

„Гайнау просилъ Паскевича прикрывать крѣпость, и Паскевичъ отрядилъ было Граббе, а потомъ ему показалось недостойнымъ послушаться австрійскаго генерала, и онъ послалъ контръ-ордеръ къ Граббе, который получилъ его уже въ третій день, сдѣлавъ два дня перехода.“

. . . .

„Гергей молодой человѣкъ безъ опытности, но не безъ достоинствъ.“

„Теперь на Кавказѣ, говорилъ Алексѣй Петровичъ, 20 генераловъ, а при мнѣ былъ одинъ Вельяминовъ, котораго я вызвалъ къ брату. Теперь въ каждомъ изъ пяти отдѣленій такой штабъ, какъ былъ у меня во всемъ корпусѣ. Теперь войска подъ ружьемъ 250 тысячъ, а у меня было 70. Теперь получаетъ намѣстникъ на свое содержаніе 150 тысячъ р. с., а я получалъ 40 ассигн. * и жилъ полгода въ лагерѣ, чтобы скопить денегъ на балъ или обѣдъ.“

О Воронцовѣ Ермоловъ говорилъ: „Напрасно употребляетъ онъ столько дѣятельности. Если главнокомандующій будетъ повѣрять всякаго генерала и полковника, ему не останется времени для собственныхъ дѣлъ. Надо предоставлять участіе подчиненнымъ, тѣмъ болѣе, что они возведены уже на такую степень. Напрасно ходитъ онъ на такія дѣла, въ успѣхѣ

* Можетъ-быть, меня обманывала память, и я ошибаюсь въ нѣкоторыхъ показаніяхъ.

которыхъ не увѣренъ. На востокѣ это имѣетъ нехорошее дѣйствіе. Воротись онъ теперь въ Тифлисъ, на лицахъ увидитъ онъ свою неудачу. Въ такихъ случаяхъ посылай своего генерала, а самъ хоть чрезъ два года являйся уже такъ, чтобы порѣшить. Главнокомандующій долженъ вдругъ по ихъ мнѣнію побѣдить. Я, бывало, замѣтивъ, что не по зубамъ, никогда не выходилъ.

„Экспедицію Воронцовъ кончитъ блистательно, разумѣется, хоть можетъ-быть и безъ большой пользы.

„Просить увольненія я теперь не совѣтовалъ бы, надо нарѣзать колеи поглубже, начертить планъ, по которому бы пошли преемники, а не на удачу. Я писалъ къ нему объ этомъ слухѣ, пришедшемъ изъ Петербурга, который мы здѣсь украсили, распространили и раздаемъ.“

. . . .

„На продовольствіи войска я сберегъ въ первый годъ около двухъ милліоновъ. Провіантскія книги оставались часто бѣлыми: у меня бывало изъ Дербента въ Бурную привезетъ одинъ урядникъ съ накладной, и сами Татары хлопочутъ, чтобы воза шли не близко одинъ за другимъ, и чтобы не просыпалась мука. Баранину, ячмень, сѣно, ставили они вездѣ въ благодарность, что я берегъ ихъ.

„Аманаты стоили прежде ужасно дорого; иной получалъ 3 р. с. въ день. Я началъ брать ребятишекъ, которые играли у меня въ бабки, а родители пріѣзжали навѣдываться. Я кормилъ ихъ пряниками, и тѣ были предовольны, разчищали просѣки.

„Грузинскій корпусъ, прежде такъ-называвшійся, государь назвалъ кавказскою арміею въ знакъ благоволенія къ моей службѣ.“

„26-го декабря (1854 г.), разказываетъ г. Бартеневъ въ *Русскомъ Архивѣ*, я сидѣлъ у Г., съ которымъ жилъ на одномъ дворѣ. Часовъ около 4 послѣ обѣда меня неожиданно вызвали. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ прислалъ человѣка звать меня къ себѣ. Хотя тотчасъ я догадался, что вѣрно есть письмо или посылка отъ Б.*, но этотъ

* Я былъ представленъ А. П. Ермолову, лѣтомъ 1854 г., на дачѣ графини Б. Желая имѣть поводъ ближе познакомиться съ нимъ, я просилъ гр. Б.

зовъ взволновалъ меня, тѣмъ болѣе, что вчера * за холодомъ и усталостью я не съѣздилъ поздравить Ермолова, предоставляя себѣ исполнить эту обязанность въ Новый годъ. Было ровно 5 часовъ, когда я шелъ по темной лѣстницѣ и пустыннымъ комнатамъ Пречистенскаго дома, гдѣ *никнетъ главою лавровой* славный нашъ полководецъ. Направо изъ большаго корридора ввели меня въ кабинетъ его. Онъ недавно отобѣдалъ, сидѣлъ насупившись за широкимъ столомъ своимъ, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, и разбиралъ какое-то письмо. „Здравствуйте, милостивый государь! Прошу покорно садиться. Я не рѣшился бы васъ безпокоить, еслибы графиня N. N. не приказала мнѣ," — проговорилъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею учтивостью. Я отвѣчалъ, что мнѣ много чести въ этомъ, и что я очень благодаренъ графинѣ, доставившей мнѣ случай видѣть его высокопревосходительство. „Она прислала съ моимъ сыномъ письмо къ вамъ и надписала, чтобы передать изъ рукъ въ руки."

„Тутъ онъ мнѣ подалъ письмо, придвинулъ свѣчки, и сказалъ, чтобъ я читалъ, и, что̀ можно, прочелъ бы въ слухъ. Нѣсколько смущенный, я старался читать скорѣе; но онъ самъ попрежнему взялся за увеличительное стекло. Пробѣжавъ письмо, на вопросъ его, нѣтъ ли чего новаго, я прочелъ въ слухъ то, что̀ сообщала N. N. о твердомъ намѣреніи Государя отстаивать Россію, хоть бы пришлось на Москвѣ и на Уралѣ, и о рвеніи молодыхъ Великихъ Князей.** Не помню, какъ-то, послѣ минутнаго молчанія (которое меня бѣсило, ибо я боялся, что придется мнѣ раскланиваться и окончить эту дорогую бесѣду), зашла рѣчь о вчерашнемъ днѣ. Онъ сказалъ, что видѣлъ мое имя на росписномъ листѣ, но чтобъ я извинилъ его, что онъ въ большіе праздники никого, даже и родственниковъ, не принимаетъ, зная, какъ тяжелы минутные визиты, что добраго знакомаго пріятнѣе ему видѣть запросто и пр. Я не зналъ, что̀ подумать: искусный ли это упрекъ, или можетъ-

---

помочь мнѣ, и она была столько обязательна, что нарочно прислала Ермолову письмо ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ вызвалъ меня для полученія этого письма.

* На праздникъ Рождества Христова.

** Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи отправлялись тогда подъ Севастополь.

быть онъ ошибся и принялъ за мое имя кого-нибудь другаго.

„Говоря о вчерашнемъ днѣ, я упомянулъ о плавномъ гулѣ большаго Ивановскаго колокола, и его замѣткой о томъ, что Наполеонъ нарочно заставлялъ въ Москвѣ звонить въ колокола, наслаждаясь ихъ звуками, завязался разговоръ. Алексѣй Петровичъ сталъ вспоминать сдачу Москвы. Онъ проѣхалъ изъ Дорогомиловской во Владимірскую заставу позднѣе всѣхъ, потому что, когда проходила армія, онъ оставался на Дорогомиловскомъ мосту, дожидаясь Милорадовича, командовавшаго арріергардомъ, дабы передать ему нѣкоторыя приказанія Кутузова, (при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба). Онъ видѣлъ въ Москвѣ отъѣзжающіе экипажи, въ церквахъ еще попадались люди. Кутузова онъ нагналъ уже за Владимірскою заставой Тамъ, вечеромъ, они услышали взрывъ, раздавшійся въ Москвѣ. Тутъ Ермоловъ вспомнилъ слова, сказанныя Ростопчинымъ по утру того дня, на совѣщаніи въ Филяхъ. Графъ Өедоръ Васильевичъ говорилъ генераламъ: „Напрасно заботятся о Москвѣ: изъ нея все вывезено. Непріятель найдетъ въ ней французскія вина, богатую мебель, и ничего для арміи. Все драгоцѣнное спасено. Да притомъ же, *она скоро запылаетъ.*“ Ростопчинъ сопровождалъ главную квартиру нѣсколько времени. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, Ермоловъ заслушивался его умныхъ рѣчей.

„Тутъ мы вспомнили о Жуковскомъ, и Ермоловъ замѣтилъ о томъ, что онъ помогалъ Скобелеву писать бюллетени, и по своей скромности дозволилъ ему пользоваться не заслуженною славой. Андрея Кайсарова, который завѣдывалъ походною типографіей фельдмаршала, онъ не помнитъ, а называлъ брата его Паисія, который былъ любимцемъ Кутузова. Послѣдній, по словамъ Ермолова, цѣнилъ Жуковскаго за его сочиненія.

„Я замѣтилъ, что великіе наши полководцы отличались образованіемъ. „Да, отвѣчалъ онъ, иначе все говорятъ про „университеты; они не были въ нихъ, а исполнены были „обширныхъ познаній.“ Особенно хвалилъ онъ князя Рѣпнина, при которомъ служилъ въ Ригѣ, и Михаила Өедотовича Каменскаго. Онъ помнитъ, какъ разъ, поѣхавши къ нему въ Сабурово (42 версты отъ Орла, они были со-

сѣди) съ отцомъ своимъ, онъ засталъ его за пюпитромъ: фельдмаршалъ читалъ новое математическое сочиненіе и повѣрялъ алгебраическія его выкладки. При этомъ Каменскій отличался необыкновенною скромностью. Никогда не скажетъ: *я знаю*; но его—*кажется* было евангельскою истиной.

„Разумѣется, разговоръ зашелъ и о Суворовѣ. Алексѣй Петровичъ, начавшій службу при Рѣпнинѣ, поступилъ къ Суворову въ 1794 году, и за взятіе Праги получилъ Георгіевскій крестъ. Онъ еще прежде разказывалъ мнѣ, какъ въ Варшавѣ Суворовъ принималъ новопоступившихъ офицеровъ въ великолѣпныхъ покояхъ примаса, въ которыхъ велѣлъ выставить окна. Былъ страшный морозъ, и Суворовъ говорилъ, что онъ вымораживаетъ изъ нихъ *немогузнайство*. Суворовъ сдѣлалъ для нихъ обѣдъ: поставлены были какія-то глубокія чашки съ отвратительными щами; потомъ подали ветчину въ конопляномъ маслѣ. Никто не смѣлъ отказываться, и всѣ ѣли, потому что фельдмаршалъ самъ безпрестанно похваливалъ. По взятіи Праги, Ермоловъ поѣхалъ въ отпускъ и былъ на прощаніи у Суворова. Когда Ермоловъ упомянулъ, что поѣдетъ на Гродно, (гдѣ была главная квартира Рѣпнина), Суворовъ не утерпѣлъ, чтобы не затронуть Рѣпнина: „ты не застанешь его въ городѣ, онъ разъѣзжаетъ передъ фронтомъ.“ Это была язвительная насмѣшка: въ то время какъ взята Прага, Рѣпнинъ только чванился своимъ саномъ и показывалъ себя солдатамъ. Суворовъ былъ непримиримымъ врагомъ Рѣпнина. По словамъ Ермолова, Рѣпнинъ по великодушію прощалъ его, но Суворовъ не былъ къ тому способенъ. Какъ-то заговорили о зятѣ Суворова, Зубовѣ, и Ермоловъ отозвался о его ничтожествѣ, замѣтивъ, что Суворовъ прочилъ дочь любимому своему полковнику Золотареву, погибшему на штурмѣ Измаила. Отдавая дочь свою за Зубова, Суворовъ не искалъ протекціи: она уже была не нужна ему. Ермоловъ съ увлеченіемъ говорилъ о великомъ нашемъ героѣ. „Написать его исторію никто не можетъ; его характеръ „ускользаетъ отъ описанія. Фуксъ приставленъ былъ къ „нему въ соглядатаи, и чрезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда.“

„Ермоловъ очень часто видѣлся съ Фуксомъ. По его словамъ, очень многихъ анекдотовъ Фуксъ не рѣшился обна-

родовать. У Ермолова лежатъ 4 фоліанта копій съ переписки Суворова съ разными лицами, данные ему для прочтенія.

„Упомянувъ о томъ, что во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ послѣ взятія Праги, Суворовъ отлично принималъ въ Таврическомъ дворцѣ Державина, я завязалъ разговоръ про нашихъ поэтовъ, и мало-по-малу довелъ до Пушкина. Я весь былъ вниманіе, когда наконецъ зашла о немъ рѣчь. „Конечно, бесѣда его была занимательна?“— „Очень, очень, очень!“ отвѣчалъ съ одушевленіемъ Алексѣй Петровичъ. Онъ видѣлся съ нимъ въ Орлѣ, вскорѣ послѣ своей отставки. Пушкинъ самъ отыскалъ его. „Я принималъ его со всѣмъ должнымъ ему уваженіемъ.“ О предметѣ своихъ разговоровъ съ нимъ Ермоловъ не говорилъ. Онъ утверждаетъ, что это было въ іюлѣ 1827 года; но я не знаю, зачѣмъ Пушкину быть тогда въ Орлѣ. Не въ 1829 ли, проѣздомъ на Кавказъ? Больше они не видались. Какъ хорошъ былъ серебровласый герой Кавказа, когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ выразился о ранней смерти Лермонтова! „Ужь „я бы не спустилъ этому N. N. Еслибъ я былъ на Кав„казѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что мож„но послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько вре„мени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы закон„нымъ порядкомъ. Ужь у меня бы онъ не отдѣлался. Мож„но позволить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ „вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ „людей не скоро дождешься!“ И все это сѣдой генералъ говорилъ, по своему слегка притопывая ногою. На мои глаза онъ былъ истинно прекрасенъ. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея съ шалашомъ сѣдыхъ волосъ, и этотъ умъ, это одушевленіе на 78 году возраста! Передо мною сидѣлъ человѣкъ бравшій съ Суворовымъ Прагу, съ Зубовымъ ходившій къ Дербенту, съ Каменскимъ осаждавшій турецкія крѣпости, одинъ изъ главныхъ бойцовъ Бородина и Кульма, гроза Кавказа. И послѣ этого говорите противъ Екатерининскаго вѣка! Онъ его чадо.

„Алексѣй Петровичъ какъ будто самъ былъ доволенъ разговоромъ. При прощаніи онъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ привѣтствій.“

Къ этому времени принадлежитъ, кажется, слѣдующій отзывъ Алексѣя Петровича по поводу обвиненія его генераломъ Иловайскимъ.

„Получивъ отзывъ оной коммиссіи, отъ 24-го мая за № 24, съ приложеніемъ въ копіи дополнительнаго свѣдѣнія генералъ-лейтенанта Иловайскаго, я имѣю честь объяснить, что въ бумагѣ сей называетъ меня, и генералъ-майора Базилевича (пріятеля его, къ которому имѣлъ онъ большую довѣренность) единомышленниками барона Розена. Говоритъ онъ, что, вѣроятно по старости нашей, забывъ званіе свое, мы рѣшились находиться при совершеніи брака, а можетъ-быть, и вспомоществовать сему. Давая наставленіе, какъ бы мы долженствовали поступить, замѣчаетъ, что забывъ долгъ свой и помогая барону Розену, мы не щадили себя, и подвергались сужденію по законамъ.

„Хотя всѣ сіи оскорбительныя предположенія не могъ иначе допустить генералъ-лейтенантъ Иловайскій, какъ будучи въ состояніи чрезмѣрнаго разгорячeнія, то-есть противъ барона Розена, не менѣе однакоже далъ право, не со строгою разборчивостію въ выраженіяхъ, опровергать его вымыслы, но я напротивъ, по обязанности уваженія къ высокому его званію, потребности котораго онъ, повидимому, не разумѣетъ, ограничиваюсь только показаніями, единственно къ объясненію обстоятельствъ дѣла служащими.

„Генералъ-лейтенантъ Иловайскій, относительно брака, далъ мнѣ честное слово, и когда съ настойчивостію убѣждалъ я его въ необходимости ускорить оный, ибо приближался великій постъ, и вскорѣ оканчивался срокъ даннаго барону Розену отпуска, онъ всегда подтверждалъ данное имъ слово, разсуждалъ о необходимыхъ для свадьбы издержкахъ, возводя оныя до весьма значительной суммы, согласуясь, какъ говорилъ, съ обычаями на Дону, и въ особенности съ рожденіемъ его. Въ то время не было у него денегъ, не хотѣлъ онъ заимствовать ихъ у родственниковъ, и какъ по словамъ его, доходы съ его имѣнія поступаютъ весною, то отлагалъ онъ и свадьбу до того времени. Я находилъ его снисходительнымъ къ возраженіямъ моимъ, ибо не касался я сладостнаго мечтанія о знатности его породы.

„Такимъ образомъ, насчетъ брака, не было повода къ сомнѣнію, и только мѣсто одно не было рѣшительно назначено, ибо намѣревался то на Дону, ближе къ роднымъ, то въ Харьковѣ, ближе къ имѣнію.

„Насчетъ даннаго имъ слова приведу въ подтвержденіе то, что при мнѣ въ присутствіи генералъ-майора Базилевича напоминала ему о томъ дочь его. Равномѣрно и то, что, по отъѣздѣ барона Розена въ Петербургъ, онъ говорилъ генералу Базилевичу, что непремѣнно выдастъ за него дочь, и на первый случай положитъ имъ тридцать тысячъ рублей въ годъ содержанія.

„Недавно узналъ я, гдѣ совершался бракъ, но только не присутствовалъ при немъ. Въ семъ легко удостовѣриться отъ свидѣтелей, которыхъ вѣроятно имѣлъ баронъ Розенъ. Что же касается до вспомоществованія моего ему, то я не понимаю, для чего могло оно быть ему нужнымъ, когда на бракъ было добровольное согласіе дочери генерала Иловайскаго, и она, вышедши сама изъ дому, не могла быть похищена изъ него.

„Не полагаю, чтобы генералъ Иловайскій могъ и въ семъ случаѣ сказать, что, по старости моей, я не помню и подробностей происшествія.

„Въ заключеніе скажу, отнюдь не осмѣливаясь примѣнить разсужденія моего къ лицу его превосходительства, но собственно о себѣ, что еслибы рѣшился подать бумагу, подобную имъ представленной, я боялся бы поставить въ затрудненіе начальство — избрать ли мѣры скорѣйшаго огражденія законами или способы скорѣйшаго врачеванія.

„А. Ермоловъ."

Въ продолженіи севастопольской осады Ермоловъ постоянно относился съ великими похвалами о князѣ Меньшиковѣ. „Пока Меньшиковъ тамъ, я спокоенъ, твердилъ онъ часто. А послѣ него—не знаю, не ручаюсь. Меньшиковъ обманетъ Французовъ; несмотря на недостатокъ средствъ, онъ защищается успѣшно. Войска въ Крымъ онъ требовалъ настоятельно и получалъ всегда отказы. Мѣста Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ онъ нашелъ, и хотѣлъ принять мѣры, какъ ихъ совершенно обезопасить отъ нападенія, но ужасная болѣзнь лишила его всѣхъ силъ. Останься онъ подъ Инкерманомъ ночевать въ корпусѣ Даннеберга, тогда дѣло пошло бы иначе. Всѣ дѣйствія Французовъ онъ мнѣ предсказывалъ.

„Это человѣкъ скрытный, и никто не узнаетъ его намѣреній. Мнѣ позволяетъ онъ иногда догадываться болѣе другихъ о своихъ мысляхъ. Однажды пріѣхалъ я къ нему, провелъ у него цѣлый вечеръ и не узналъ ничего. Когда

онъ провожалъ меня, я сказалъ ему, чтобъ онъ впредь былъ осторожнѣе, потому что не всѣмъ можно оказывать такую довѣренность. Недавно еще я напомнилъ ему это, и онъ засмѣялся."

„Блюхеръ былъ рубака, Гнейзенау, начальникъ штаба, умный, пылкій, проворный, дѣятельный, а Мюфлингъ педантъ и регистраторъ. Порознь они не значили ничего, не годились никуда, а вмѣстѣ составляли силу. Есть ли такая троица въ штабѣ князя Горчакова?"

Видно, какъ Ермолову горько было сидѣть дома. „Меня обносятъ," жаловался онъ, „какъ устарѣлаго и немощнаго."

„Теперь нѣтъ ни у кого генераловъ, говорилъ Алексѣй Петровичъ; Пруссаки 40 лѣтъ не нюхали пороха. У нихъ одинъ старикъ, Врангель.

„У Австрійцевъ хороша артиллерія, умны офицеры."

Давыдовъ замѣтилъ, что ихъ войско усовершенствовано теперь.

„Чѣмъ же?" сказалъ Ермоловъ. „Кажется только выбрали цвѣтъ сукна для панталонъ, не такъ марокъ."

Въ 1855 г., при образованіи ополченія, выразилось въ Москвѣ общее желаніе избрать начальникомъ его А. П. Ермолова. Вотъ письмо, написанное имъ къ генералъ-губернатору:

„Почтеннѣйшій графъ Арсеній Андреевичъ.

„Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету предстоящихъ выборовъ, и со всею откровенностію отвѣчаю вамъ.

„Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но, если буду я удостоенъ избранія московскимъ дворянствомъ, я не долженъ уклоняться отъ службы, наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, еслибы даже не утвержденъ былъ въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ каковое, вѣроятно, я могу быть избираемъ. Легче всего, могутъ найдтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ.

„Двадцать четыре года, какъ, вышедши изъ службы, я

не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю, и, конечно, искать не стану.

„Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому не скажу я иначе.

„Душевно преданный Ермоловъ."

8 февраля 1855 года.

Избраніе состоялось торжественное. Нельзя изобразить восторга, объявшаго всѣхъ присутствовавшихъ въ огромной залѣ Благороднаго Собранія, когда извѣстно стало количество голосовъ. Рукоплесканія, крики, восклицанія, долго не прерывались. Выражено было тотчасъ желаніе объявить Алексѣю Петровичу, чрезъ избранныхъ депутатовъ о состоявшемся избраніи. Я написалъ къ нему привѣтствіе, которое мгновенно полетѣло по рукамъ, переписывалось и производило восторгъ. Вотъ оно:

„Алексѣй Петровичъ!

„Московское дворянство, призываемое священнымъ голосомъ царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь угнетеннымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами, и смѣетъ надѣяться, что вы уважите его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной годины общаго испытанія. Идите жь, Алексѣй Петровичъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ армій. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Всѣ русскіе воины будутъ рады увидѣть вашу бѣлую голову, и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и именемъ Кутузова, которому служили правою рукой на незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріятели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а для ихъ магометанскихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущельяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословитъ васъ Богъ и поможетъ вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что святая Русь остается неизмѣнно святою Русью, и что Русскіе, несмотря ни на какія опасности и ни на

чья угрозы, не позволять никогда никому прикасаться безъ наказанія къ ихъ завѣтнымъ святынямъ: церкви, престолу и отечеству.“

Извѣщеніе однакоже не состоялось подъ какимъ-то предлогомъ, кажется, въ ожиданіи утвержденія. Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу и прочелъ ему частнымъ образомъ рѣчь, для него приготовленную.

Вся Москва ликовала, вспоминая избраніе Кутузова начальникомъ петербургскаго ополченія. Купцы въ рядахъ, извощики съ своими сѣдоками толковали объ Ермоловѣ, и радовались, какъ будто побѣда перешла на нашу сторону, и враги изгнаны изъ предѣловъ отечества. Старикъ былъ радъ, и было чему радоваться. Чуть ли это было не послѣднее его утѣшеніе.

Графиня Растопчина написала къ нему стихотвореніе.

Народный голосъ — голосъ Бога!
Онъ нынѣ громко вопіетъ:
Вставай, Ермоловъ. Русь зоветъ,
Тебѣ знакома вѣдь дорога.

Съ единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва.

Возьми рукой неослабѣлой
Свой старый мечъ, Французовъ страхъ,
Нашъ вождь, въ покоѣ посѣдѣлый,
Помолодѣешь ты въ бояхъ.

Вставай, честь русскаго народа
Ея врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе воскреснутъ дни.

Вставай! когда по всей Россіи
Извѣщенъ будетъ выборъ нашъ,
Шатры восплещутъ боевые,
Хвалой откликнется шалашъ.

Анонимъ отвѣчалъ отъ имени Алексѣя Петровича:

Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова:
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва.

Вы помянули годъ возстанья,
Для нашей славы дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился русскій человѣкъ.

Вы правы! пусть меня забыли;
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву мы хоронили,
Двѣнадцатый свершался годъ.

И нынѣ чтутъ мои сѣдины,
Въ воспоминанье старины
И этой памятной годины,
Ея достойные сыны.

Но горделивыми мечтами,
Повѣрьте, я не увлеченъ,
Давно я, удрученъ годами,
Отъ дѣла битвы удаленъ.

Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
Ослабла дряхлая рука,
И пиръ кровавый, пиръ желанный,
Едва ль по силамъ старика.

Скончался императоръ Николай Павловичъ, февраля 18 1855 года. Ермоловъ ѣздилъ въ Петербургъ присутствовать при его погребеніи.

N. N. разказываетъ о безпрестанныхъ, наперекоръ его старому и тучному тѣлу колѣнопреклоненіяхъ и земныхъ поклонахъ, во время панихидъ, о глубокихъ вздохахъ и частыхъ слезахъ, и о нескончаемыхъ хвалебныхъ гимнахъ въ честь покойному, когда, отстоявъ очередь, онъ уходилъ отдыхать въ комендантскіе покои.

За обѣдомъ, изъ него такъ и лился цѣлый потокъ интереснѣйшихъ воспоминаній, прямо просившихся въ исторію, умныхъ наблюденій, анекдотовъ, острыхъ словъ. Духовно, онъ былъ еще исполненъ жизни и огня.

---

26 сентября 1855 г. (изъ записокъ С.)

Алексѣй Петровичъ далъ мнѣ прочесть статью князя Вяземскаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 18 августа 1855 года, и по прочтеніи началъ хвалить князя Вяземскаго, служившаго тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Съ малыхъ лѣтъ, вопреки нашимъ аристократамъ, онъ

полюбилъ науку, много учился и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ литераторовъ.

Тутъ мой разговоръ коснулся и А. С. Норова, министра народнаго просвѣщенія, его путешествій, его учености. А. П. зналъ его еще на военномъ поприщѣ въ 1812 году. Норовъ былъ тяжело раненъ, и потому былъ оставленъ въ Москвѣ предъ самымъ занятіемъ ея непріятелемъ; лежалъ онъ въ Екатерининской больницѣ, и самъ Наполеонъ принималъ участіе въ его трудномъ положеніи.

Другой нашъ путешественникъ, весьма ученый, знающій множество языковъ, живетъ теперь въ совершенной неизвѣстности, въ своемъ помѣстьѣ, и занимается сельскимъ хозяйствомъ—не своимъ дѣломъ. Это Чихачевъ. Онъ пѣшкомъ прошелъ по Америкѣ, былъ и въ другихъ частяхъ свѣта. Познакомившись съ Гумбольдтомъ, сблизился, былъ имъ представленъ прусскому королю, и нѣсколько разъ обѣдалъ при тамошнемъ дворѣ. Когда снаряжалась извѣстная экспедиція Перовскаго въ Хиву, Чихачевъ просилъ позволенія участвовать въ ней, но ему было отказано. Такъ онъ лишенъ былъ своей дѣятельности!

Мать этого Чихачева, женщина преумная и пребойкая, неоднократно говорила Алексѣю Петровичу: „Разорвала бы тебя въ клочки, еслибы ты не любилъ моего Платона.“

18-го марта, 1856 г. (Изъ записокъ С.)

Кабинетное окно завѣшено темносинею матеріей. На глазахъ у Алексѣя Петровича шелковый зонтикъ. Я спросилъ его о здоровьѣ. „Плохо, братъ, отвѣчалъ онъ, вотъ съ 14-го числа страдаю глазами.“ Онъ сказалъ мнѣ, что въ глазахъ его предметы какъ-то странно двоятся. „Напримѣръ, я смотрю на тебя, а вижу двухъ Самъ, у которыхъ вмѣсто головы обои и картины. Вотъ табатерка, я хочу взять ее, такъ я непремѣнно ищу ее здѣсь,“—и онъ показалъ пальцемъ вершка на три отъ табакерки. „Точно также и карты, все лѣзутъ одна на другую. Да, прибавилъ онъ, это ужь le commencement de fin,“ при этомъ онъ улыбнулся. Я замѣтилъ ему это. Онъ отвѣчалъ, что съ твердостью и шутливостью встрѣтитъ свой конецъ. Мы продолжали разговоръ на ту же тему. Онъ все шутилъ. Говорилъ, что еще молодъ (79 л.), что предчувствуетъ,

что долго еще проживетъ на свѣтѣ. Жалѣлъ только, что зрѣніе начинаетъ измѣнять ему. „Нужно бы покончить кое-что.“ Я сказалъ ему, что онъ можетъ поручить окончаніе своихъ дѣлъ сыну. Онъ отвѣчалъ, что духовная его лѣтъ двадцать какъ ужь сдѣлана, но что есть еще другія дѣла.

Наканунѣ съ нимъ случилось маленькое происшествіе. Въ продолженіе получаса онъ не могъ говорить съ желаемымъ смысломъ. „Мысль является, порядокъ изложенія составленъ,—стану говорить — выходитъ совсѣмъ другое Не могъ никакъ заставить повиноваться языкъ.“

Онъ говорилъ, что память его еще свѣжа, хотя прежде была еще лучше. „Я помню, какъ я еще жилъ у отца съ матерью, у насъ была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера съ рогомъ изобилія. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. Я помню эту фигуру и направленіе трещины; а мнѣ было всего только 4½ года.“ Теперь ужь не то. Иногда забываетъ, что ему прочтешь. Если начнетъ разказывать что-нибудь, то забываетъ названіе мѣстностей, но минуты чрезъ три вспомнитъ.

Ноября 15-го. (Изъ моихъ отмѣтокъ.)

Свѣжъ и бодръ. Разказывалъ, какъ друзья хлопотали не допустить его до Государя, и заставили дожидаться въ толпѣ, хотя за четыре дня обѣщано было предувѣдомить о высочайшемъ прибытіи.

Изъ церкви за золотою рѣшоткой онъ вышелъ отдохнуть. Орловъ за нимъ послѣдовалъ и отыскалъ ему стулъ. „Вы дѣлаете меня замѣчательнымъ человѣкомъ,“ сказалъ ему Ермоловъ: „всѣ станутъ спрашивать, кто этотъ старикъ, передъ которымъ стоитъ гр. Орловъ.“

Онъ попенялъ ему, что не прислалъ кого-нибудь увѣдомить его о прибытіи Государя.... „А насъ, кажется, подъ Бородинымъ перевязывали вмѣстѣ въ одной избѣ.“

26-го октября, 1858 г. (Изъ моихъ отмѣтокъ.)

Старикъ еще совершенно свѣжъ, память очень жива. Ноги только отказываются ему служить.

Когда Шамиля спросили въ Москвѣ, что̀ онъ желаетъ видѣть? Онъ отвѣчалъ: „прежде всего Ермолова.“

Шамиль, на верху своего могущества, показывалъ всегда особенное уваженіе къ имени Ермолова: онъ велѣлъ пощадить аулъ, гдѣ жили его родные, съ женской стороны. У князя Барятинскаго въ альбомѣ есть рисунокъ, представляющій посѣщеніе Ермолова Шамилемъ.

Въ 1860 г. я собрался осмотрѣть Кавказъ, заѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Въ передней сказали, что онъ отдыхаетъ. Черезъ часъ я получилъ отъ него слѣдующее собственноручное письмецо:

„Отъѣзжая на Кавказъ, почтенный Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ одолженіе, посѣтивъ старожила страны. Борящійся съ болѣзнію, я отдыхалъ въ это время, и не могъ принять васъ, но желая чрезвычайно видѣть васъ, я готовъ побесѣдовать съ вами о странѣ, оставившей во мнѣ однѣ пріятныя воспоминанія. Вы изберите удобнѣйшее для васъ время сегодня или завтра въ продолженіе дня. Если возможно по лѣтамъ моимъ дожидаться вашего возвращенія, изъ замѣчаній вашихъ увижу, исполнятся ли надежды мои процвѣтанія великолѣпнаго края, при началахъ вводимаго отличнаго благоразумнаго управленія.

„Особенно уважающій Алексѣй Ермоловъ.“

Воротившись, я явился тотчасъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ занимался переписываніемъ, въ большую тетрадь, съ большой же тетради собственноручной и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой. Я побоялся, не исправляетъ ли и не измѣняетъ ли онъ прежнихъ своихъ записокъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

Въ этомъ отношеніи хорошо поступаетъ Гр. З., что не даетъ ему записокъ его, прежде полученныхъ.

Кстати о запискахъ. Я слышалъ отъ него давно, что были умышленныя вставки враговъ, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи государя.

Въ заключеніе соберу теперь въ кучу всѣ остальныя разновременныя свои отмѣтки, съ отзывами о примѣчательныхъ лицахъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія.

Разговоръ зашелъ объ императрицѣ Екатеринѣ II. Ермоловъ говорилъ мнѣ: „Теперь извѣстны двѣ части записокъ императрицы Екатерины, но была третья. Я читалъ ихъ въ молодости, и помню нѣкоторыя вещи, кото-

рыхъ не нахожу въ нынѣ извѣстныхъ двухъ частяхъ. Вѣрно онѣ были въ третьей.“ * Подлинныя записки Екатерины хранятся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Государь давалъ ихъ читать нѣкоторымъ особамъ, напримѣръ гр. Румянцеву.

Я разказалъ Алексѣю Петровичу кое-что изъ записокъ Державина. „Державину нельзя вѣрить, сказалъ онъ, онъ былъ фантазеръ и неспособенъ къ дѣламъ.“

Не слышится ли здѣсь отголосокъ сужденій графа Самойлова?

Александру Павловичу Ермоловъ былъ очень преданъ, чувствовалъ себя ему обязаннымъ, и говорилъ при всякомъ случаѣ о немъ съ благодарностію. „Александръ Павловичъ любилъ и баловалъ меня,“ повторялъ часто со вздохомъ Алексѣй Петровичъ.

„Константинъ Павловичъ вытащилъ меня прежде всѣхъ изъ толпы, говорилъ Ермоловъ, и вспоминалъ о немъ съ благодарностію. „У васъ много враговъ“, сказалъ онъ однажды Ермолову. „Я считалъ ихъ,“ отвѣчалъ тотъ, „когда ихъ было много, но теперь ихъ набралось безъ счету, и я пересталъ объ нихъ думать.“

Константинъ Павловичъ говаривалъ Ермолову: „Я васъ люблю искренно, и вы меня любите, но съ обманцемъ.“

„Зачѣмъ являться въ бѣлыхъ панталонахъ. пріѣзжай въ такихъ обѣдать,“ сказалъ ему Михаилъ Павловичъ.

Суворовъ, по словамъ Ермолова, не терпѣлъ при себѣ людей способныхъ. Сдѣлаться его адъютантомъ значило погубить себя въ общемъ мнѣніи. При немъ былъ Б., котораго онъ держалъ какъ извѣстнаго пьяницу и хвастуна, зная, что ему не припишутъ ничего. „У меня и Розенбергъ бьетъ,“ говаривалъ Суворовъ.

Женщинъ Суворовъ любилъ, и разказывая о ретирадѣ Моро, онъ обыкновенно дѣлалъ подражательное движеніе пальцами, и прикасался къ грудямъ слушательницы, потомъ отскакивалъ, дулъ на палецъ, какъ бы обжегшись.

* Прибавлю здѣсь кстати другое извѣстіе. Императрица Екатерина вела ежедневныя почти записки. Камердинеры обязаны были приготовлять свѣжія тетрадки, а исписанныя класть для сохраненія въ извѣстномъ шкапу.

Всѣ привычки Суворова сообщаемы были всѣмъ, кто садился за его столъ. Однажды Каховскій сталъ кусать ногти. Тотчасъ явился слуга съ рукомойникомъ, полотенцемъ и лаханкой. Каховскій однакожь отшутился.

Въ Италіи онъ вспомнилъ о Каховскомъ и писалъ къ Растопчину, прося его передать государю его желаніе. (?) Тотъ въ добрый часъ прочелъ письмо. Павелъ ушелъ въ свой кабинетъ, справлялся, и воротясь, сказалъ ему: „рано!" Тѣмъ и кончилось.

У Суворова была сестра, очень дурная лицомъ. Онъ называлъ ее красавицей. „Только кожа у нея не такъ нѣжна, какъ моя, говорилъ онъ, а его растрескаянная кожа была жестче подошвы.

Гдѣ-то въ Подольской губерніи онъ, прощаясь съ солдатами, когда получилъ увольненіе, сказалъ, что имъ обязанъ онъ всѣми почестями и наградами, кои имѣетъ.

Графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Каменскій былъ отлично образованъ, говорилъ Алексѣй Петровичъ. „Мнѣ случилось, бывши полковникомъ, пріѣхать къ нему въ деревню поздравить его съ днемъ рожденія вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, его товарищемъ. Мы застали его повѣряющимъ математическія выкладки въ курсѣ вышедшемъ тогда... Ему было уже подъ 80 лѣтъ."

Говоря о войнѣ 1806 г., Каменскій сказалъ: „меня заставляли принять начальство надъ арміей, совершенно разстроенною, наканунѣ нападенія непріятельскаго. Съ 40-лѣтнею репутаціей, пріобрѣтенною такими трудами, разстаться не легко. Я спрашивалъ Буксгевдена, можетъ ли онъ соединить отряды, разбросанные имъ на ужасное пространство. Я рѣшился лучше принять на себя сумасшествіе."

Дѣйствительно, прибавилъ Алексѣй Петровичъ, армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Буксгевденъ привелъ ее въ неудовлетворительное положеніе. На дивизію Палена, напримѣръ, Французы напали на походѣ къ мѣсту сбора. Каменскій съ утра разставилъ изъ своего конвоя пикеты, гдѣ предполагалъ нападеніе, если непріятель, сказалъ онъ, сумѣетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Такъ и случилось.

Беннигсенъ сразился, не зная, что Каменскій уѣхалъ. Сраженіе подъ Пултускомъ было выиграно, * но нельзя было воспользоваться обстоятельствами. Надо было соединиться. Мы бросили артиллерію, которую, впрочемъ, и Французы не могли взять, и уже послѣ вырубили ее изъ льду.“

Молодой баронъ Розенъ спросилъ Алексѣя Петровича о Зубовыхъ.

„Валеріанъ, отвѣчалъ Ермоловъ былъ гуляка, по тогдашнему обычаю, но молодецъ. Платонъ имѣлъ отличныя способности, очень хорошо образованъ, и до случая своего слылъ нелюдимымъ, говорилъ прекрасно, и зналъ Россію какъ нельзя лучше, зналъ, когда и чѣмъ можно дѣйствовать на русскаго человѣка. Въ заточеніи своемъ онъ безпрестанно занимался, и я, встрѣтясь съ нимъ въ 18.... году, любилъ пользоваться его бесѣдою.“

Приводимъ еще нѣсколько отзывовъ и замѣтокъ Ермолова.

Ферзенъ молодецъ.

Дерфельденъ былъ отличный и храбрый генералъ.

Онъ любилъ Ермолова, который вступилъ въ службу, кажется, подъ его начальствомъ въ польскую кампанію. Послѣ, когда въ 1810 году Ермоловъ стоялъ въ Кіевѣ, начальствуя четвертымъ отдѣленіемъ резервной артиллеріи (?), Дерфельденъ, пріѣзжая на кіевскіе контракты, всегда на прощаньѣ крестилъ его по-русски. Онъ имѣлъ одну дочь, которая была выдана замужъ за г. Юзефовича. Павелъ посылалъ его въ Италію какъ дядьку при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Беннигсенъ былъ очень старъ, но бодръ и свѣжъ до послѣдняго времени. Его вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ замѣтила еще Екатерина.

Подъ Москвою случилось Фигнеру взять въ плѣнъ ганноверскаго полковника, старика, которому онъ взялся показывать дорогу, и котораго подвелъ къ русскимъ войскамъ: это былъ товарищъ Беннигсена.

---

* Слѣдовательно положеніе было не такъ отчаянно, какъ полагалъ Каменскій.

Беннигсенъ оставилъ описаніе всѣхъ войнъ, разумѣется безъ лести Кутузову—это должно быть самое достовѣрное сочиненіе.

Во время варшавской рѣзни, не случилось ни одного талантливаго генерала на нужныхъ мѣстахъ. Всѣ были въ разъѣздахъ. Циціановъ стоялъ въ Гродно. Онъ тотчасъ вывелъ полкъ на поле и не потерялъ ни одного человѣка. Взялъ съ жителей контрибуцію, которую сохранилъ въ цѣлости. Грабовскій двинулся къ Минску. Циціановъ поспѣшилъ ему навстрѣчу и остановилъ его.

Наполеонъ хоть и называлъ Кутузова старою лисицей, но не встревожился его назначеніемъ. А въ 1806 г. при назначеніи Каменскаго онъ издалъ приказъ быть осторожнѣе. Беннигсенъ могъ также причинить ему безпокойство.

Чичаговъ былъ человѣкъ умный, но язвительный.

Бесѣды Ермолова, записанныя г-мъ С. безъ означенія времени.

Одинъ таможенный чиновникъ на Кавказѣ, подвергнувшійся нападкамъ со стороны начальства, былъ обревизованъ. При ревизіи находился депутатъ со стороны Ермолова какъ главнокомандующаго. Обвиненій нашли довольно, но неосновательныхъ, по проискамъ; опредѣлили, что чиновника нужно исключить изъ должности. Рѣшеніе министра финансовъ чрезъ начальника отдѣленія было препровождено на разсмотрѣніе Ермолову, который, разсмотрѣвши, самъ отправился къ начальнику отдѣленія (тайный совѣтникъ). Тотъ поторопился узнать его мнѣніе. „Кромѣ великодушія, началъ Ермоловъ, я ничего здѣсь не вижу, ибо не упомянуто о важнѣйшемъ, по моему мнѣнію, преступленіи: о томъ, что означенный чиновникъ ѣстъ по середамъ мясо.“ И чиновникъ остался на своемъ мѣстѣ.

Путешественница Англичанка, родная племянница герцога Веллингтона, была отлично принята на Кавказѣ Ермоловымъ. Она объявила свое намѣреніе навѣстить пріятельницу, которая уже девять лѣтъ живетъ въ Абиссиніи. Мазаровичъ [снабдилъ] ее рекомендательными письмами въ Персію. Когда [въ] 1821 г. Алексѣй Петровичъ былъ въ Петербургѣ,

жена тогдашняго англійскаго посланника, красавица собой, искала съ нимъ личнаго знакомства, чтобъ благодарить его за ласковый пріемъ на Кавказѣ путешественницы, ея родственницы.

Мазаровичъ, родомъ Далматъ, бывшій въ Константинополѣ, сблизился и сдружился съ гр. Каподистріа, Алексѣй Петровичъ тоже познакомился съ графомъ, и считалъ за честь это знакомство. Въ послѣдствіи, когда Каподистріа сдѣлался президентомъ Греціи, а Ермоловъ жилъ уже не на Кавказѣ, Каподистріа спрашивалъ у Мазаровича: „А что̀ дѣлаетъ теперь нашъ Алексѣй Петровичъ?“ Каподистріа писалъ ему письма, и писалъ не *cher general*, а какимъ-то особеннымъ дружескимъ словомъ, подчеркнутымъ, которое, къ сожалѣнію, я не разслыхалъ у Алексѣя Петровича.

Когда Ермоловъ былъ посломъ въ Персіи, онъ принужденъ былъ ѣздить по песчанымъ пустынямъ, и съ не малою радостію отдыхалъ по нѣскольку дней въ оазисахъ. Пріѣхавши въ Тавризъ, съ большою своею свитой, прекрасными молодыми людьми, онъ встрѣтился тамъ съ англійскою миссіей. Тавризской англійской миссіи Алексѣй Петровичъ далъ роскошный обѣдъ и въ заключеніе „порядочно накатилъ“ своихъ гостей. Разумѣется, многіе изъ нихъ были подъ столомъ. Адъютанту Муравьеву, какъ отлично знавшему англійскій языкъ, поручено было угощать до тѣхъ поръ, пока не останется ни одного гостя. Наконецъ Муравьевъ проводилъ за ворота послѣдняго Англичанина, столь твердаго на ногахъ, что онъ боялся отойдти отъ стѣны; при прощаніи они пожали другъ другу руку, и при словахъ, которыхъ нельзя было разобрать, но которыя вѣроятно были: „goad bay“, съ Англичаниномъ сдѣлалось дурно.

Черезъ день Англичане отвѣтили подобнымъ же угощеніемъ. Алексѣя Петровича тутъ не было. Тѣ же сцены, съ прибавленіемъ концерта изъ русскихъ и англійскихъ пѣсенъ, повторились и здѣсь. При разставаніи, это было ночью, Англичане снабдили нашихъ провожатыми, съ фонарями. Какъ-то незамѣтно для самихъ себя, въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, наша свита раздѣлилась на двѣ части. Никто и не подозрѣвалъ этого. Обѣ партіи кружились, кружились, наконецъ къ общему удовольствію, встрѣтились.

Алексѣй Петровичъ первый испросилъ у шаха позволеніе

завести постоянную русскую миссію въ Персіи. До него были только консулы въ прибрежномъ каспійскомъ городѣ.

Сергѣй Николаевичъ Вельяминовъ, главнокомандующій на Кавказѣ, отличался роскошью жизни, доходившей до чрезвычайныхъ размѣровъ. Разныя покупки, огромный погребъ, большое жалованье (60 т.)

Мелкое племя, жившее въ горахъ, принуждено было изъявить свою покорность Россіи. Къ Алексѣю Петровичу явился старшина этого племени, человѣкъ съ просѣдью и пожилыхъ лѣтъ, и просилъ извиненія, что явился онъ, а не *отецъ* его. „А сколько вамъ лѣтъ?" спросилъ Алексѣй Петровичъ.—„Восемьдесятъ четыре."

Нѣкто Джафаръ-бекъ, 106 лѣтъ отъ роду, дѣлалъ каждую недѣлю 160 верстъ верхомъ. Здоровье его было прекрасное, и верховая ѣзда была его любимымъ занятіемъ.

Джамалъ-бекъ, знатный горецъ, жилъ въ аулѣ (впослѣдствіи крѣпость Евгеніевская). Когда нужно было нашему отряду проходить чрезъ этотъ аулъ, тогда непріятельскій, Алексѣй Петровичъ вызвалъ Джамалъ-бека. „Смотри, Джамалъ,—сказалъ онъ—я знаю, ты богатъ, имѣешь большія связи въ аулѣ, всѣми уважаемъ, такъ ты угощай почаще своихъ соотечественниковъ, имѣй большое вліяніе на нихъ, и когда мы будемъ подходить къ аулу, то чтобы не было ни одного выстрѣла, въ противномъ случаѣ не останется и слѣда этого аула." Не нужно прибавлять, что все было въ точности исполнено. Вотъ каково было вліяніе этого главнокомандующаго! Въ послѣдствіи, при Головинѣ, этотъ аулъ былъ взятъ штурмомъ, раззоренъ, сожженъ, огромнѣйшіе сады его истреблены, и жители его сосланы въ Сибирь. Въ числѣ ихъ былъ и Джамалъ-бекъ. Алексѣй Петровичъ часто выражалъ неудовольствіе на такой поступокъ. Джамалъ-бекъ былъ возвращенъ, но, лишенный всего имущества, которое было конфисковано, принужденъ былъ скитаться по роднымъ и знакомымъ; аулъ былъ еще осаждаемъ до Алексѣя Петровича, и Русскіе потеряли тутъ одну пушку.

Въ походъ Наполеона I на Россію, французской арміи были розданы ручные словари для разговора съ нашимъ простымъ народомъ. Они зашили ихъ въ обшлагахъ шинелей, вѣроятно чтобы не лѣзть въ карманъ за словомъ. Есте-

ственно, бо́льшая часть досталась Русскимъ, вмѣстѣ съ ихъ владѣтелями. И какого же смѣху надѣлали они тогда у насъ: напримѣръ, солдату нужно ѣсть, онъ говоритъ: „господинъ мужикъ, *я алкаю*" (gospodine mousik, ja alkaju); когда же нужно пить, онъ говоритъ сначала такъ же „господинъ мужикъ", а потомъ—„я *жажду*." Разумѣется, нашъ мужикъ, вытаращивъ глаза и ничего не понимая, стоялъ предъ непрошеннымъ гостемъ. Тогда Французъ прибѣгалъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ: кричалъ, грозилъ и показывалъ на свой ротъ; это уже было гораздо понятнѣе всякихъ объясненій.

Если Французу показалось, что, благодаря его вооруженію, господинъ мужикъ оказываетъ ему всевозможное гостепріимство, онъ думалъ, что тотъ признаетъ надъ собою власть чужеземца и заставлялъ его повторять за собою, конечно руководствуясь знаменитымъ словаремъ: „виватъ императоръ, Россійской, Французской, Наполеонской." (Vive Napoleon, empereur russe, français.)

Въ свою очередь и наши солдаты, пришедши во Францію, руководствовались подобными словарями, только на русскомъ языкѣ. Напримѣръ „мадамъ, дю венъ!" Та подаетъ ему красоулю, онъ выпиваетъ „Анкоръ дю венъ", говоритъ онъ, подавая снова кружку; кружка наполняется и опоражнивается. „Боку дю венъ", повторяетъ онъ, требуя третьей порціи. Точно также и съ ѣдою. „Мадамъ, дю пенъ!"; ему подаютъ, онъ ѣстъ. „Анкоръ дю пенъ!", онъ съѣстъ и это „Боку дю пенъ", и третья порція съѣдается. Если онъ сытъ, благодаритъ, если-же не сытъ, то опять возобновляетъ свои требованія по порядку.

Одинъ французскій офицеръ, попавшійся въ плѣнъ, человѣкъ ученый и образованный, вздумалъ отъ нечего дѣлать изучать русскій языкъ. Онъ попросилъ одного нашего офицера перевести ему французскіе стихи; на бѣду офицеръ былъ проказникъ въ высшей степени. Онъ перевелъ ему стихи не по смыслу, а по звукамъ. *Ma race* значило матросъ, *la joie embrassa la felicitè* — въ жаръ бросалъ вафли съ сытой; *je reve* — жидъ рѣвелъ и т. п. и увѣрилъ Француза, что это буквальный переводъ. Французъ былъ въ восторгѣ, чуть не разцѣловалъ переводчика за то, что тотъ открылъ ему, какъ французскій и русскій языки близки между собою и по смыслу, и по произношенію.

Подобнымъ образомъ учили встарину и въ кадетскихъ корпусахъ, разумѣется въ младшемъ классѣ. Напримѣръ *Le soldat romain* переводили—румяный солдатъ, *Auguste protégeait*—Августъ протянулъ.

При Очаковѣ, Бородинѣ и Ленкоранѣ, такая страшная была рѣзня, что нѣкоторые полки выводились изъ сраженія уже капитанами: полковые и батальонные командиры были всѣ перебиты.

Какъ несправедливо потомство заклеймило славное имя Потемкина эпитетомъ фаворита Екатерины! Это былъ одинъ изъ геніальныхъ людей какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ. И такому человѣку только одинъ памятникъ, и то въ глуши, и воздвигнутый добровольнымъ приношеніемъ жителей облагодѣтельствованнаго имъ края, безъ содѣйствія казны!

Во время турецкой войны, видя нужду во флотѣ на Черномъ морѣ, онъ пригласилъ къ себѣ двухъ адмираловъ, русскаго и англійскаго. Каждый изъ нихъ предлагалъ свои планы, свои мнѣнія; между ними, несмотря на присутствіе Потемкина, завязался жаркій споръ. Фельдмаршалъ, раскладывая по обыкновенію на столѣ драгоцѣнные камни и выкладывая изъ нихъ различныя фигуры и планы, какъ бы небрежно слушалъ ихъ доводы, и только старался ихъ болѣе разжечь. Увлеченные споромъ и важнымъ соперничествомъ предъ глазами Потемкина, они искали рѣшительной побѣды другъ надъ другомъ, и потому высказывали самыя сокровенныя мысли. Этихъ-то мыслей фельдмаршалъ и добивался.

Чрезъ нѣсколько времени, Потемкинъ, не имѣя спеціальныхъ познаній въ морскомъ дѣлѣ, собственноручно написалъ положеніе о будущемъ флотѣ. И по этому положенію въ короткое время родился нашъ Черноморскій флотъ, бывшій вскорѣ карою Турецкаго при Чесмѣ.

Король Виртембергскій, братъ императрицы Маріи Өеодоровны, отличался великолѣпіемъ и разсудительностію въ управленіи. Алексѣй Петровичъ зналъ его въ отечественную войну. Когда Наполеонъ стоялъ на Рейнѣ, а Русскіе бы-

ли во Франкфуртѣ, то туда съѣхались всѣ германскіе короли, герцоги, принцы, но ни одинъ дворъ не былъ пышнѣе и изящнѣе двора виртембергскаго. Нашъ былъ хорошъ, а все-таки уступалъ ему. Король тщательно занимался государственными дѣлами, и въ то же время своими собственными помѣстьями. Ежедневно ему подавались отчеты въ доходахъ и расходахъ по имѣніямъ, и онъ зналъ, сколько у него отвозилось каждый день на рынокъ яицъ и молока. Наполеонъ I сказалъ однажды про него и его государство: „есть король, но нѣтъ королевства"; а про Баварскаго: „есть королевство, но нѣтъ короля": тогдашній король былъ недальняго ума. При всѣхъ прекрасныхъ свойствахъ, король Виртембергскій былъ до безобразія толстъ; когда онъ сидѣлъ, то его животъ лежалъ на колѣнахъ, и въ его столѣ сдѣлана была полукруглая выемка. Если король сидѣлъ въ кабинетѣ, и былъ занятъ, то всякое малѣйшее нарушеніе тишины, даже самый кашель, въ сосѣдней комнатѣ, былъ поводомъ къ заключенію въ крѣпость нарушителя; и ужь тутъ не обращалось вниманія на лицо: все равно, будетъ ли то камердинеръ или генералъ-адъютантъ.

Однажды, при разговорѣ о славѣ, объ аристократіи, Алексѣй Петровичъ сказалъ: „Аристократами можно назвать только потомковъ удѣльныхъ князей, а всѣ прочіе аристократы не аристократы. И я благодарю Бога, что я не графъ, не князь, а просто Алексѣй Петровичъ, и подъ этимъ именемъ извѣстенъ всей Россіи."

Въ 1821 г. Ермоловъ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ въ именины государя Александра Павловича. Ему было тогда 44 года. При поздравленіи всѣ почетныя лица находились вмѣстѣ въ одной залѣ, какъ обыкновенно. Къ нимъ выходилъ государь, разумѣется, на короткое время. Послѣ того, гости разъѣзжались. Въ кабинетъ же призывались въ подобные дни только двое: министръ полиціи (отмѣненная послѣ должность) для доклада о важнѣйшихъ событіяхъ въ Имперіи, и главнокомандующій столицы (нынѣшній генералъ-губернаторъ: въ 1821 г. эту должность занималъ Милорадовичъ) для доклада о благосостояніи сто-

лицы. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, никто болѣе не призывался въ кабинетъ. Когда гости поздравили государя съ торжественнымъ днемъ (30-го августа), и когда государь возвращался въ кабинетъ, позваны были туда министръ и губернаторъ столицы. Чрезъ нѣсколько времени каммергеръ подходитъ къ Алексѣю Петровичу и говоритъ, что государь желаетъ его видѣть. Тамъ государь сказалъ ему „знаю, Алексѣй Петровичъ, ты въ мои именины въ первый разъ въ Петербургѣ". Этимъ дѣло и кончилось. На другой день министръ двора передалъ Ермолову намѣреніе государя дать ему аренду. Алексѣй Петровичъ отказался представляя, что это была бы незаслуженная награда такъ какъ былъ еще не преклонныхъ лѣтъ, не былъ нездоровъ или раненъ, не былъ обремененъ ни семействомъ, ни особыми обстоятельствами. Онъ говорилъ, что можетъ довольствоваться и однимъ жалованьемъ, что не желаетъ отъ государя ничего болѣе какъ только справедливости, и относительно этого безмѣрно благодаренъ ему за прошедшее. Такой безкорыстный отвѣтъ привелъ въ удивленіе министра двора. Министръ представилъ ему, что если уже утвержденъ государемъ проектъ аренды, то неловко будетъ просить государя объ уничтоженіи подписи. Тогда Ермоловъ высказалъ свои желанія въ форменномъ письмѣ министру двора, и просилъ довести его до свѣдѣнія государя. Спустя четыре дня снова собрались во дворцѣ почетныя особы для поздравленія Государыни. Это былъ день ея ангела. Церемонія та же самая. Государь позвалъ къ себѣ Ермоловъ „Ты не хочешь принять аренды?" Алексѣй Петровичь повторилъ то, что̀ писалъ министру двора. Государь выразилъ свое удивленіе. Разказывая объ этомъ, Алексѣй Петровичь прибавилъ: „Я поступилъ бы такъ и въ послѣдующія царствованія." Ермоловъ говорилъ государю обо всемъ, нисколько не стѣсняясь, но помня при этомъ, что подданный говоритъ съ государемъ. Подобныхъ довѣренныхъ особъ было только двое: онъ, да графъ Толстой. Про графа Толстаго Государь сказалъ однажды Алексѣю Петровичу: „Знаешь, какъ онъ со мной говоритъ?"—„Ваше Величество, извольте слушать что̀ я буду говорить."

За то же самое былъ онъ любимъ и уважаемъ великими князьями Константиномъ Павловичемъ и Михаиломъ Пав-

ловичемъ. Великій князь Константинъ Павловичъ писалъ ему письма; письма эти разобрать не было возможности. Алексѣй Петровичъ напоминалъ ему иногда объ этомъ. Разъ, они увидѣлись мѣсяца четыре спустя послѣ послѣдняго письма его къ Ермолову „Ну что̀, ты разобралъ мои письма?“ спросилъ великій князь. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что въ иныхъ мѣстахъ попытка удалась, а въ другихъ нужно было совершенно отказаться отъ нея. „Такъ принеси ихъ, я прочту тебѣ.“ И не могъ разобрать самъ. Констaнтинъ Павловичъ особенно любилъ Ермолова за то, что онъ, несмотря на близость, всегда помнилъ великое разстояніе между собою и великимъ княземъ, и не забывалъ этого даже въ дружескихъ бесѣдахъ. Это было тѣмъ рѣзче, что нѣкоторыя особы, обласканныя великимъ княземъ, забывались, и уваженіе перемѣняли на фамильярность.

Ибрагимъ-паша, сынъ Мегмета-Али, извѣстный египетскій бунтовщикъ, оказалъ въ свое время важную услугу христіанству. Занявши Сирію, онъ обратилъ вниманіе на Іерусалимъ. До него, іерусалимскій храмъ былъ въ весьма плачевномъ состояніи: посреди храма была устроена турецкая кофейня; здѣсь жарили, варили, и дымъ и копоть постоянно закрывали великолѣпныя украшенія; въ верхнемъ этажѣ, гдѣ находятся придѣлы всѣхъ христіанскихъ націй, окна были заложены, и такимъ образомъ служба постоянно происходила только при свѣтѣ лампадъ. Кругомъ же храма, тѣснымъ рядомъ были расположены городскія отхожія мѣста: ѣдкое зловоніе распространялось какъ внѣ, такъ и внутри храма храмовъ. Ибрагимъ-паша, несмотря на свое мусульманство, при первомъ же посѣщеніи храма велѣлъ разомъ уничтожить всѣ эти мерзости.

Нѣчто объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. *

Ермоловъ поступилъ въ службу при Екатеринѣ II, находился въ персидской кампаніи, подъ предводительствомъ

---

* Статья полученная отъ неизвѣстнаго. Авторъ говоритъ: „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, г. Погодинъ изъявилъ желаніе, чтобъ ему сообщали кто что̀ знаетъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ. Вотъ что̀ я слышалъ и читалъ объ этомъ. Можетъ-быть изъ всего здѣсь набросаннаго что-нибудь пригодится.“

Валеріана Александровича Зубова, въ отрядѣ Сергѣя Алексѣевича Булгакова — капитаномъ артиллеріи.

При Екатеринѣ, малолѣтніе дворяне записывались въ гвардію, изъ гвардіи переводились, или, по тогдашнему сказать, выпускались въ армію капитанами, а потому, легко было молодому дворянину получить капитанскій чинъ.

Когда Бакунина, командировали съ батальйономъ въ горы, Алексѣй Петровичъ просился въ этотъ батальйонъ; Булгаковъ ему отвѣчалъ: „погоди, Алексѣй Петровичъ, тебѣ еще будетъ время."

Дѣйствительно, слова Сергѣя Алексѣевича сбылись. Провидѣніе сохранило Алексѣя Петровича. Батальйонъ Бакунина весь былъ въ горахъ окруженъ и вырѣзанъ Лезгинами.

Вступленіе на престолъ императора Павла не было благопріятно Алексѣю Петровичу: онъ былъ арестованъ и содержался въ Петропавловской крѣпости. Съ воцареніемъ Александра I, всѣ заключенные были освобождены, въ томъ числѣ и Алексѣй Петровичъ. При выходѣ изъ каземата, онъ написалъ надъ дверями: „сей домъ отъ постоя освобожденъ." Доложили государю. Императоръ Александръ велѣлъ надписать; „навсегда."

Когда Кутузовъ ретировался отъ Наполеона, и подъ Кремсомъ, при переправѣ черезъ Дунай, разбилъ отдѣльный корпусъ Французовъ, то въ этомъ дѣлѣ, въ первый разъ отличился Алексѣй Петровичъ, командуя артиллерійскою ротой; затѣмъ послѣдовало Аустерлицкое сраженіе, въ реляціи о которомъ не упоминается имя Алексѣя Петровича. Извѣстно только, что впослѣдствіи, когда графъ Аракчеевъ осматривалъ его роту и дѣлалъ выговоръ Алексѣю Петровичу, что лошади у него худы, на замѣчаніе Аракчеева, Ермоловъ отвѣчалъ: „по службѣ наша участь, ваше сіятельство, часто зависитъ отъ скотовъ".

Послѣ таковаго отвѣта, не мудрено, что нѣкоторое время графъ не благоволилъ къ Алексѣю Петровичу, но потомъ, вѣроятно уже послѣ войны двѣнадцатаго года, когда они встрѣтились во дворцѣ, у лѣстницы, уставленной лавровыми деревьями, графъ сказалъ: „ступайте впередъ, вамъ, а не мнѣ, слѣдуетъ восходить между лаврами на высоту".

Въ одно время, когда преслѣдовали Французовъ, фельдмаршалъ, окруженный своимъ штабомъ, смотрѣлъ на войска; въ это время мимо его проѣхалъ Алексѣй Петровичъ

на своемъ боевомъ конѣ. Тогда Кутузовъ, обратясь къ окружающимъ его и указывая на Ермолова, сказалъ: „еще этому орлу я полету не даю.“

Когда русскія и прусскія войска, подъ Бауценомъ, были разбиты, тогда Ермоловъ, присутствіемъ своимъ, хотя небылъ главнокомандующимъ арміей, умѣлъ остановить преслѣдующихъ, и чрезъ то далъ возможность отступающимъ корпусамъ устроиться въ надлежащій порядокъ.

Въ Парижѣ, когда Русскіе, вмѣстѣ съ торжествующими союзниками, принялись веселиться и проматывать выданное имъ въ то время жалованье, Алексѣй Петровичъ умѣлъ воспользоваться случаемъ для пріобрѣтенія всего для себя нужнаго; посѣщалъ библіотеки, архивы, музеи, однимъ словомъ, для себя и своего отечества, умѣлъ употребить и отдыхъ въ пользу. Говоря объ умственныхъ, трудахъ Алексѣя Петровича въ Парижѣ, кстати упомяну объ изданной имъ книгѣ, подъ названіемъ: *Размышляющій человѣкъ*, которая даже находилась въ моей библіотекѣ, но теперь у меня не подъ руками. Хотя она и безъ имени автора, но всѣ въ то время утверждали, что ее написалъ Алексѣй Петровичъ. Второе его произведеніе, извѣстное мнѣ, есть его описаніе путешествія въ Персію, куда онъ былъ посланъ. Вѣроятно есть и другія произведенія его пера, въ которыхъ скромный авторъ не хотѣлъ означить своего имени. Знаю также, что въ послѣднее время своей жизни Алексѣй Петровичъ дѣятельно занимался описаніемъ своей жизни или чего-то другаго.

Война съ Французами кончилась. Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, на мѣсто Ртищева. О военныхъ его подвигахъ, говорить нечего: объ нихъ знаетъ вся Россія; но нельзя не упомянуть о Кази-Муллѣ, распространителѣ, въ горахъ во всей Чечнѣ, ложнаго ученія, вывезеннаго имъ изъ Бухаріи, произведшемъ ужаснѣйшій фанатизмъ во всемъ Дагестанѣ и отличавшемся особенною ненавистью къ Русскимъ и вообще къ христіанамъ. Алексѣй Петровичъ былъ такъ счастливъ, что Кази-Мулла былъ убитъ въ одномъ изъ его набѣговъ и съ тѣмъ вмѣстѣ распространеніе ученія егъ было пріостановлено. Имя Ермолова прогремѣло по всѣмъ горамъ, такъ что и въ нынѣшнее время Лезгинки и Чеченки стращаютъ своихъ дѣтей именемъ Ермолова.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ того, когда Шамилю хо-

тѣли показать Москву и спросили, что онъ прежде всего хочетъ видѣть, — онъ отвѣчалъ: „покажите мнѣ Ермолова."

Пру вступленіи Алексѣя Петровича въ управленіе кавказкимъ краемъ, очень не много было войскъ въ Грузіи и на Кавказской линіи. Французская война привлекла къ себѣ всѣ силы Россіи. Войска, возвращавшіяся послѣ войны, для отдыха располагались въ Польшѣ. Казна была также истощена. По представленію Алексѣя Петровича, жители кавказской области были обращены въ казаки и избавлены отъ рекрутской и подушной повинности; чрезъ это умножилось войско. Административными средствами прибавились доходы Грузіи, руками солдатъ построены два укрѣпленія: Грозное и Бурное, которыя, въ послѣдствіи, послужили основаніемъ Суджинской линіи; руками же солдатъ выстроенъ Пятигорскъ, у самыхъ минеральныхъ водъ. Въ двухъ верстахъ отъ оныхъ, была обветшалая Константиногорская крѣпость. Пріѣзжающіе на горячія воды должны были квартировать въ крѣпости, и каждый день два раза ѣздить на воды, а за продовольствіемъ посылать въ Георгіевскъ, за тридцать верстъ. Кто же, за неимѣніемъ лошадей, ѣздить на воды не могъ, а все-таки хотѣлъ пользоваться водами, тотъ долженъ былъ привозить съ собой палатку, или строить сарай подлѣ водъ и помѣщаться въ ономъ. Всходъ на гору къ колодцамъ былъ очень затруднителенъ.

Алексѣй Петровичъ жителей Константиногорской крѣпости переселилъ къ самымъ водамъ, что и послужило основаніемъ Пятигорска. Георгіевскъ, тогдашній губернскій городъ, также былъ на невыгодномъ мѣстѣ; его даже прозвали кладбищемъ коллежскихъ ассесоровъ. Тогда для полученія безъ экзамена чина коллежскаго ассессора, многіе отправлялись на службу въ Георгіевскъ. По представленію Алексѣя Петровича, Ставрополь сдѣланъ губернскимъ городомъ, а Георгіевскъ уѣзднымъ. Это переименованіе было причиной, что большая часть торговаго класса переселилась въ Пятигорскъ, находя существенную выгоду въ распродажѣ своихъ товаровъ, во время курса, посѣтителямъ. Для поддержанія возникающаго города, изъ Сарепты вызваны колонисты и разселены въ недальнемъ разстояніи отъ города. Существовавшая же тогда шотландская колонія миссіонеровъ, назначавшаяся для проповѣди христіанства и распространенія межгу горцами Библіи, но которая во все

время своего существованія, обратила только одного горца, а занималась болѣе передачею извѣстій въ Англію, или, правильнѣе сказать, шпіонствомъ,—была приведена въ такое положеніе, что Шотландцы сами пожелали возвратиться въ Англію.

Шотландская колонія сохранила это названіе, но только въ ней поселились уже Нѣмцы.

Тысячи посѣтителей въ продолженіе всего этого времени были на водахъ и видѣли Пятигорскъ, слѣдовательно мнѣ его описывать нечего. Упомяну только, что̀ сдѣлалъ Алексѣй Петровичъ. Онъ отрубилъ половину горы, планировалъ мѣсто, на которомъ выстроилъ Елизаветинскія ванны, передъ ними разбилъ цвѣтники, надъ ними построилъ Ермоловскія ванны, а за цвѣтниками, протянулъ бульваръ, подобный Невскому проспекту тогдашняго времени. Взорвалъ скалы порохомъ и провелъ дорогу, а за Пятигорскомъ насадилъ садъ, съ персиками, абрикосами, сливами и прочими деревьями тамошняго климата.

Для посѣщенья царской фамиліи, выстроилъ прекрасной архитектуры домъ, обращенный нынѣ въ гостиницу. Устройство всего этого было препоручено генералу Павлову, и все построенное было произведьно одною арестантскою ротой съ малыми издержками для казны и безъ всякаго отягощенія жителей. Слава и честь безкорыстію генерала Павлова!

Для пользы города и для развлеченія посѣтителей, въ то время, когда начинается курсъ, учреждена ярмарка, на ярмаркѣ часто продавались табуны лошадей, взятыя за баранту, или отбитыя у Черкесъ. Такимъ образомъ уничтожился заводъ Трама и другіе заводы, которыхъ названія теперь не припомню. Алексѣй Петровичъ, имѣлъ, по его словамъ, въ виду, довести Черкесъ до того, чтобы, каждый казакъ на своей лошади, могъ свободно нагонять Кабардинца. Еслибы теперь кто захотѣлъ имѣть породистыхъ горскихъ лошадей, тотъ долженъ искать ихъ на Дону, а въ горахъ ихъ нѣтъ.

Въ царствованіе Александра I, устраивались военныя поселенія, на которыя очень роптали. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ показать примѣромъ, что можно устраивать поселенія такъ, чтобы государству они были полезны, а посе-

ленцы были бы своей судьбой довольны. Онъ изъ своего корпуса отобралъ всѣхъ женатыхъ солдатъ, составилъ изъ нихъ батальйонъ и поселилъ въ Кисловодскѣ; батальйонъ былъ нуженъ для охраненія минеральныхъ водъ. Женатому солдату переходить съ мѣста на мѣсто было весьма невыгодно. Поселенцы были рады составить гарнизонъ и оставаться на мѣстѣ; притомъ они были надѣлены землей, завели огороды, всѣ свои произрастенія продавали дорогою цѣной посѣтителямъ, а посѣтители, нуждаясь въ продовольствіи, были очень довольны, что хотя дороговько, но могутъ купить все, что имъ нужно.

Управленіе поселеніемъ зависѣло отъ коменданта; подъ его руководствомъ, солдаты развели табуны лошадей; рогатаго скота также было довольно. Масло, молоко, все это потреблялось посѣтителями; а главное, успокоивало ихъ то, что они могли нанимать у солдатъ квартиры, платя отъ 80 до 120 рублей ассигнаціями, на курсъ. Солдату за свою избу или пристройку получить такую плату весьма было выгодно, а потому въ короткое время они начали богатѣть, жены ихъ и дочери принарядились, и мальчики поступили въ школу.

Надобно было видѣть, чѣмъ былъ Кисловодскъ до Алексѣя Петровича. Въ 1808 и 1809 году весь Кисловодскъ состоялъ изъ земляной развалившейся крѣпости, съ четырьмя заржавленными чугунными пушками, съ домикомъ въ четыре комнаты для коменданта и казармой для солдатъ.

Больные, пріѣзжавшіе пользоваться Нарзаномъ, занимали долину подлѣ источника, оплетеннаго полусгнившимъ плетнемъ, а купались въ выкопанной ямѣ; жили же, кто въ своихъ экипажахъ, кто въ сдѣланныхъ наскоро шалашахъ. Первымъ дѣломъ Алексѣя Петровича было выписать калмыцкія кибитки для помѣщенія больныхъ, а на другой годъ уже привезены были, какъ говорятъ, изъ Астрахани, домики. Чрезъ отдачу ихъ въ наймы посѣтителямъ на весь курсъ, въ два или три года, постройка домиковъ окупилась, и они стали приносить доходъ управленію минеральныхъ водъ. Выстроилась деревянная гостиница, въ ней былъ открытъ общій столъ, за умѣренную цѣну; въ ея залѣ давались балы и посѣтители танцовали, при звукахъ музыки, игравшей на хорахъ.

тиница выстроена на горѣ, подъ нею прекрасный

гротъ, она окружена садомъ для прогулки больныхъ; садъ простирается на версту, по берегу быстрой рѣчки, падающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водопадами. Въ началѣ сада, у колодезя, были уже построены небольшія ванны.

Такъ дѣйствовалъ Алексѣй Петровичъ по сю сторону Кавказа. Перейдемъ въ Закавказье. Единственная дорога, которая соединяла Грузію съ Россіей, проходила черезъ Владикавказъ; снѣжные завалы и крутизны горъ такъ затрудняли сообщеніе, что даже и на телѣгѣ, или арбѣ, не всегда можно было проѣхать; притомъ, рота и пушка, а иногда и двѣ роты, должны были конвоировать транспорты и почты. При Алексѣѣ Петровичѣ дорога была расширена, сдѣланы объѣзды неудобныхъ спусковъ и подъемовъ на горы. Окрестные горцы усмирены, а нѣкоторые переселены. Владикавказъ преобразился въ порядочный городокъ; переселенцы изъ разныхъ мѣстъ умножили его народонаселеніе. Тифлисъ, столица Грузіи и всего Закавказья, находился въ очень невыгодномъ положеніи, боязнь отъ набѣговъ непріятелей вынудила жителей стѣснить свои жилища подъ выстрѣлами крѣпости. Безпорядочная постройка домовъ, кривыя и узкія улицы; вонь и духота отъ жаркаго климата и отъ нечистотъ, гніющихъ на улицахъ, превращавшихся въ пыль во время жаровъ и въ грязь отъ дождей, все это для Европейца дѣлало Тифлисъ отвратительнымъ. Алексѣй Петровичъ рѣшился положить основаніе новому городу; постройку его на горѣ началъ съ казенныхъ строеній, главный штабъ, арсеналъ были скоро построены, потомъ раздавались мѣста подъ дома полковымъ командирамъ, съ позволеніемъ употребить въ работу солдатъ командуемыхъ ими полковъ. Глядя на новые дома, и прочіе жители, въ старомъ городѣ, расположенномъ подъ горою, нашли удобнымъ, для избѣжанія стѣсненія и гнилаго воздуха, выселяться на гору. Такимъ образомъ, выстроилась прекрасная улица, подъ названіемъ Ермоловскаго проспекта, которая теперь переименована въ Головинскій проспектъ.

Мастеровыхъ было очень мало въ Тифлисѣ; распоряженіемъ начальства этотъ недостатокъ былъ отвращенъ такимъ образомъ: по случаю голода въ Виртембергскомъ королевствѣ, императоръ Александръ I согласился на переселе-

ніе сектаторовъ, очень безпокойныхъ, волновавшихъ Виртембергское королевство. Сектаторы эти полагали, что пришествіе Іисуса Христа на землю уже приближается, и что они должны идти встрѣчать Спасителя чрезъ Грузію; таково ихъ было намѣреніе, когда они прибыли въ Тифлисъ. Алексѣй Петровичъ, не разувѣряя ихъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобъ они, выбравъ изъ себя довѣренныхъ людей, отправили бы ихъ въ Персію и Турцію для удостовѣренія, началось ли пришествіе Спасителя. Избранники отправились, и претерпѣвая различныя мученія и бѣдствія, воротились съ извѣстіемъ, что о пришествіи Спасителя они тамъ ничего не слыхали, что даже имя Христово съ неуваженіемъ произносится, и христіане въ гоненіи и презрѣніи.

Тогда Виртембергцамъ было предложено, что такъ какъ они люди мастеровые, а не земледѣльцы, то имъ лучше поселиться въ Тифлисѣ и на мѣстѣ ожидать пришествіе Спасителя. Такимъ образомъ поселилась колонія подлѣ Тифлиса. Нѣмцы пообжились мало-по-малу, оставили свои заблужденія, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ присоединились къ реформатскому вѣроисповѣданію.

Сальянскіе рыбные промыслы на Курѣ отдавались за очень умѣренную цѣну. Алексѣй Петровичъ возвысилъ откупную сумму; самую Куру, омывающую Тифлисъ, старался также сдѣлать судоходною. Обращалъ также вниманіе на шелководство; подъ управленіемъ Кастелы учредилась компанія и много другихъ предпріятій, которыя, по удаленіи Алексѣя Петровича, остановились въ своемъ зародышѣ, а компанія со смертію Кастелы совершенно рушилась.

Причина удаленія Алексѣя Петровича, какъ говорили, произошла отъ того, что онъ желалъ дипломатическими переговорами принудить Персію уступить Россіи Талышинское ханство. Вслѣдствіе такого требованія произошло охлажденіе между Тегеранскимъ и Русскимъ дворами, а потомъ началась война. Между тѣмъ послѣдовала кончина Александра I; взглядъ правительства на начинающуюся войну перемѣнился. . . . .

Въ помощь Алексѣю Петровичу, вмѣсто требуемыхъ имъ войскъ, былъ присланъ Паскевичъ. Не легко показалось Ермолову, въ его лѣта и въ его званіи, руководствоваться указаніями Паскевича. Онъ писалъ къ министру, что

два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся. Но дабы отклонить отъ себя всю отвѣтственность, онъ препоручилъ армію Паскевичу, а самъ остался въ Тифлисѣ. Паскевичъ разбилъ Персіянъ, и это значительно возвысило его въ глазахъ подчиненныхъ.

Многіе, желая подслужиться Паскевичу, распустили слухъ что Алексѣй Петровичъ изъ трусости оставался въ Тифлисѣ. Такимъ образомъ явилось двѣ партіи; одна защищала, другая обвиняла Алексѣя Петровича. Для примиренія ихъ былъ присланъ Дибичъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ермоловъ подалъ просьбу объ отставкѣ „по вольности дворянства“. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ просьбы объ отставкѣ „по вольности дворянства“ уже не подаются. Отставка была принята.

Къ этому же времени принадлежитъ поговорка Алексѣя Петровича: на *Иванахъ далеко не уѣдешь*. Нѣкоторые подразумѣвали подъ именемъ Ивановъ, Паскевича и Дибича, которые оба именовались Иванами.

Продавъ свое имѣніе въ казну, Алексѣй Петровичъ сталъ жить въ Москвѣ, выстроилъ два каменные дома, которые потомъ продалъ; бывалъ въ благородномъ собраніи, одѣвшись въ черный фракъ безъ всякихъ украшеній. Присутствіе его невольнымъ образомъ обратило вниманіе публики, стали распрашивать: „какъ это такой генералъ въ черномъ фракѣ!“ Все собраніе, оставя танцы, ходило вокругъ него и не могло на него налюбоваться: молодецъ былъ Алексѣй Петровичъ!

Быть-можетъ эта молва или что̀ другое было причиною, что когда въ проѣздъ государя черезъ Москву, Ермоловъ долженъ былъ явиться къ монарху, онъ явился къ нему безъ эполетъ. „Ваше величество! отставнымъ эполеты не положены, а я въ отставкѣ.“ Государь, одни говорятъ,— снялъ съ себя, другіе,—спросилъ эполеты, и надѣлъ на него.

Вступя вновь на службу, или лучше сказать, числясь на службѣ, Алексѣй Петровичъ не имѣлъ особенно-важныхъ препорученій, а можетъ-быть даже уклонялся отъ нихъ.

Разказываютъ, что осматривая однажды военныя поселенія, стоя на балконѣ вмѣстѣ съ государемъ и смотря на мѣстоположеніе, Ермоловъ,—на вопросъ, какъ все это ему

нравится,—отвѣчалъ: „все хорошо, только *видъ* не хорошъ.“ Графъ *Виттъ*, начальникъ поселеній, стоялъ тутъ же.

Слѣдовало бы поговорить о характерѣ Алексѣя Петровича и его кончинѣ, но я не такъ былъ близокъ къ нему, чтобы могъ сообщить полное объономъ извѣстіе, а потому предоставляю будущему біографу дополнить мною недосказанное. Заключу тѣмъ, что остроты, и образъ выраженія Алексѣя Петровича много повредили ему какъ на службѣ, такъ и въ обществѣ.

Кому не извѣстны насмѣшки его надъ Нѣмцами, а Нѣмцы не терпятъ эпиграммъ.

Скажу нѣсколько словъ о друзьяхъ и врагахъ Ермолова. Всѣ служившіе подъ его начальствомъ, отъ солдата до генерала, были преданы ему неограниченно и безусловно.

Изъ числа людей, отдававшихъ ему полную справедливость, назовемъ: Каподистрію, Любецкаго, Канкрина, Дибича, Беннигсена, Багратіона.

Врагами были: Барклай, Витгенштейнъ, а послѣ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Паскевичъ, Нессельродъ, Васильчиковъ.

Ермоловъ всегда былъ, въ глазахъ публики, не столько обыкновеннымъ смертнымъ, сколько популяризированною идеей. Когда, въ верхнихъ слояхъ, уже давно разочаровались на его счетъ, или по крайней мѣрѣ старались всѣхъ увѣрить въ этомъ разочарованіи, масса все еще продолжала видѣть въ немъ великаго человѣка и покланяться, подъ его именемъ, какому-то полумиѳическому, самою ею созданному идеалу. Не проходило ни одного случая, гдѣ общественное мнѣніе не выражалось бы, въ этомъ смыслѣ, чрезвычайно явственно. Такъ, напримѣръ, осенью 1844 г., при возвращеніи изъ-за границы черезъ Петербургъ тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, тоже пользовавшагося расположеніемъ публики, въ Англійскомъ клубѣ задумали дать ему обѣдъ; но когда всѣ приготовленія были сдѣланы и самъ графъ уже принялъ приглашеніе, вдругъ вспомнили, что у него есть въ Петербургѣ собственный домъ, а законы клуба запрещаютъ приглашать *гостями* мѣстныхъ домовладѣльцевъ. Итакъ, чтобы поправить ошибку, положили поднести Воронцову билетъ на званіе почетнаго члена; но при этомъ

всѣ стали говорить: „нельзя же выбрать почетнымъ членомъ Воронцова, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ того же самаго для Ермолова“. И вотъ Ермоловъ, давно сошедшій съ политической сцены, далекій отъ всякаго вліянія и связей, уединенно доживающій свой вѣкъ въ Москвѣ, вдругъ единогласно выбирается въ почетные члены петербургскаго Англійскаго клуба, какъ бы какое-нибудь яркое современное свѣтило!....

„Я уже очень давно знакомъ съ Алексѣемъ Петровичемъ,“ разказывалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, однажды вечеромъ зимой въ 1844 году, „и люблю его какъ добраго пріятеля и необыкновенно умнаго человѣка, но не слѣпъ къ его недостаткамъ. Между ними я въ первомъ ряду ставлю его наклонность къ интригѣ и еще другую слабость—его прежнее панибратство съ молодыми офицерами, посредствомъ которыхъ онъ старался пріобрѣсти, и, дѣйствительно, пріобрѣлъ себѣ такую огромную популярность. Судьбы его теперь, разумѣется, навсегда окончены; но я увѣренъ, что назначеніе его снова на Кавказъ принесло бы, и въ настоящую даже минуту, все еще большую пользу, по крайней мѣрѣ по моральному своему вліянію. Ермоловъ такъ умѣлъ заставить и бояться, и любить себя, что слава его, не смотря на прошедшія съ тѣхъ поръ восемьнадцать лѣтъ, продолжаетъ жить съ прежнею силой между горскимъ населеніемъ. У меня въ артиллерійскомъ училищѣ были три его сына, и изъ нихъ одинъ, по выпускѣ въ офицеры, былъ нынче за Кавказомъ. Представьте,—только что провѣдали, что ѣдетъ сынъ Ермолова, народъ сталъ отовсюду сбѣгаться на почтовую дорогу и встрѣчать его на станціяхъ торжественными привѣтствіями“. Кто-то замѣтилъ, что Ермоловъ все еще продолжаетъ пользоваться большою популярностію и внутри Россіи. „Думаю—возразилъ великій князь, что теперь гораздо менѣе чѣмъ прежде. Онъ самъ уронилъ себя въ общемъ мнѣніи, ... а въ мнѣніи высшаго круга—поведеніемъ своимъ въ государственномъ совѣтѣ и особенно извѣстнымъ неосторожнымъ письмомъ своимъ, въ которомъ уже слишкомъ перехитрилъ. Когда его смѣнили Паскевичемъ, тогда голосъ публики былъ рѣшительно въ его пользу. Послѣ такого торжества, говорю, Ермолову оставалось жить и умереть на лаврахъ, уже не доискиваясь ничего новаго. Впрочемъ

и въ званіи рядоваго члена совѣта, онъ могъ, при своемъ умѣ и своей опытности, поставить себя на виду и поддержать свою прежнюю репутацію, хоть бы, пожалуй, особыми мнѣніями, sans être pour cela un frondeur. Вмѣсто того, онъ сталъ въ совѣтѣ не только молчать, но и просто спать, увѣряя, что ничего не понимаетъ въ нашихъ дѣлахъ, что не можетъ давать голоса по такимъ вопросамъ, которыхъ не разумѣетъ и пр., все съ какими-то arrière-pensées, а наконецъ продѣлки свои заключилъ этимъ худообдуманнымъ письмомъ. Я очень помню, какъ на другой день послѣ того онъ пріѣхалъ мнѣ разказать все это, и я, именно на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ вы теперь сидите, вымылъ ему голову за его пересоленый поступокъ; но уже было поздно. Нынче, не находясь ни въ дѣйствительной службѣ, потому что, съ званіемъ члена совѣта, числится въ безсрочномъ отпуску, ни въ прямой отставкѣ, потому что принужденъ носить эполеты, онъ принялся, но тоже ужь поздно, разыгрывать роль Цинцинната. Изрѣдка только показываясь въ Москвѣ и сажая постоянно капусту въ своей подмосковной, гдѣ и я у него былъ, онъ устроилъ себѣ тамъ кабинетъ между оранжереей и библіотекой, меблировалъ его, съ обыкновенною своею оригинальностію, самою лубочною мебелью; и знаете ли, чѣмъ весь день занимается? Переплетаніемъ своихъ книгъ! Онъ, говорятъ, сдѣлался въ этомъ дѣлѣ такимъ искусникомъ, что никакой цѣховой переплетчикъ его не перещеголяетъ....“

Если Ермоловъ имѣлъ, въ свое время, не мало почитателей и поклонниковъ, и если вообще немногіе на нашемъ вѣку пользовались такою популярностію, то было у него, однакоже, и множество враговъ, и враги сильные, которыхъ непріязнь началась гораздо прежде чѣмъ онъ впалъ въ немилость. Въ главѣ ихъ стоялъ человѣкъ, никогда не соразмѣрявшій свои чувства съ придворнымъ термометромъ, извѣстный всѣмъ своимъ благороднымъ прямодушіемъ, всегдашній рыцарь правды и чести, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. Онъ едва ли ненавидѣлъ кого-либо въ такой степени, какъ Ермолова. Имѣлись ли къ тому какія-нибудь особенныя причины, можетъ-быть еще за время, когда они служили вмѣстѣ въ рядахъ войскъ, неизвѣстно; но при одномъ имени Ермолова, добрѣйшій человѣкъ совершенно выходилъ изъ своего незлобиваго характера. Вотъ отзывы и



анекдоты, которые случалось въ разное время слышать отъ графа Васильчикова, назначеннаго председателемъ государственнаго совета после смерти графа Новосильцова, въ апрѣлѣ 1838 года. „Популярностью своей Ермоловъ обязанъ наиболѣе короткому, фамильярному обращенію съ молодыми офицерами, которые, польщенные его дружественнымъ тономъ, первые сдѣлались творцами его репутаціи и славы. Впрочемъ эта популярность уже давно тлѣетъ подъ пепломъ, и потому, чтобъ снова ее раздуть, хитрый честолюбецъ, видя, что въ нынѣшнее царствованіе (то-есть императора Николая) замыслы его на власть и вліяніе худо удаются, старается хоть заставить какъ-нибудь о себѣ говорить. Въ разгарѣ персидской компаніи, когда стратегическія его операціи шли очень плохо, и ни въ чемъ не было успѣха, онъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, съ тайною надеждой, что некѣмъ будетъ его замѣнить и что тутъ то убѣдятся въ его необходимости. Между тѣмъ, крайне для него неожиданно, просьба его была тотчасъ исполнена, что̀ дало поводъ къ извѣстному его слову: а посмотримъ-ка, какъ Россія выѣдетъ на „Ванькахъ“ (Дибичъ и Паскевичъ были оба Иваны). Дѣло однако обошлось и съ „Ваньками“, и Ермоловъ былъ пристыженъ. Послѣ этой неудачной попытки, онъ перемѣнилъ паруса, и проживъ нѣсколько лѣтъ вдалекѣ отъ дѣлъ и отъ двора, вздумалъ снова проситься на службу. Государь предложилъ ему званіе члена государственнаго совѣта, и онъ принялъ это какъ pis-aller, на первый разъ, въ чаяніи будущихъ благъ. Но милость царская къ нему уже болѣе не поворачивалась, а вѣтреная публика или забыла его, или разочаровалась на его счетъ; среди дѣлъ ему новыхъ и малоизвѣстныхъ, Ермоловъ не только не могъ играть никакой роли, но представлялъ собой одного изъ самыхъ ничтожныхъ членовъ совѣта; словомъ, онъ скоро увидѣлъ, что честолюбивые его планы чуть ли не безвозвратно рушились.“

Въ другой разъ, Васильчиковъ разказывалъ, что когда, при отступленіи въ 1812 году, арміи Барклая и Багратіона соединились въ Смоленскѣ, и первому, хотя младшему въ чинѣ, велѣно было принять главное начальство надъ обѣими, Ермоловъ,—тогда начальникъ Барклаева штаба,—всячески убѣждалъ Багратіона возстать противъ этой мѣры, не становиться подъ команду къ младшему, да еще

нѣмцу, и, для пользы общей, просто самому принять начальство надъ арміей. „Можно представить себѣ — прибавлялъ Васильчиковъ, какихъ плодовъ онъ ожидалъ отъ этихъ гнусныхъ подстрекательствъ самолюбія въ такую минуту, когда вся судьба Россіи висѣла на волоскѣ и когда непріязнь или мѣстничество начальниковъ такъ легко могли порвать этотъ волосокъ. Но Багратіонъ, который самъ мнѣ обо всемъ этомъ разказывалъ, былъ не такого поля ягодка: онъ выгналъ отъ себя Ермолова, запретивъ казаться къ нему впредь на глаза *.“

Ермоловъ былъ человѣкъ государственный въ обширномъ значеніи этого слова, скажемъ мы въ заключеніи. Не было ни одного высшаго политическаго вопроса, о которомъ бы онъ не думалъ, и не имѣлъ положительнаго мнѣнія, можетъ-быть иногда ошибочнаго, но всегда разумнаго, и часто своеобразнаго. Отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, положеніе ихъ, выгоды и невыгоды, онъ зналъ хорошо, подробно и основательно.

Нашу прошедшую европейскую политику онъ осуждалъ, и повторялъ часто, что намъ предлежитъ Азія, и когда я напомнилъ ему однажды, что эта политика очень древняя, что Добрыня, дядя Володиміра святаго, совѣтовалъ ему искать лапотниковъ, а сапожники неохотно будутъ платить дань, тогда онъ расхохотался, и восклицалъ: „такъ, такъ, именно такъ. Въ Европѣ не дадутъ намъ ни шагу безъ боя, а въ Азіи цѣлыя царства къ нашимъ услугамъ.“

Ермоловъ былъ очень образованъ, слѣдилъ неусыпно за политикою и много читалъ до самой смерти. За три дня до нея только, когда онъ началъ уже впадать въ безпамятство, прекратилось его ежедневное чтеніе

---

* Багратіонъ особенно любилъ и уважалъ Алексѣя Петровича, что видно и изъ писемъ его, во время отступленія отъ границы къ Москвѣ до самаго Бородинскаго сраженія. Въ минуты хорошаго расположенія называлъ его тезкою, хотя его имя было Петръ, а Ермолова звали Алексѣемъ. „Что твой Давустъ?“ спрашивалъ Багратіонъ Ермолова о Барклаѣ А когда Багратіонъ былъ недоволенъ Ермоловымъ, то писалъ къ нему: *„милостивый государь!“*

. . . .

газетъ. Военная исторія, и преимущественно исторія Наполеона, была ему знакома, какъ нельзя болѣе. Наполеонъ былъ его любимый герой. Другой—Петръ Великій.

Онъ много писалъ, и любилъ писать письма: у князя Воронцова должно быть большое собраніе его писемъ. Съ княземъ Воронцовымъ онъ особенно былъ друженъ во все царствованіе императора Александра. Они называли другъ друга не иначе, какъ братъ Михаилъ, братъ Алексѣй; братъ Михаилъ хотѣлъ устроить дачу и выстроить домъ для брата Алексѣя на южномъ берегу Крыма. Но съ восшествіемъ на престолъ императора Николая ихъ отношенія измѣнились, и о дачѣ не было уже помину. Впрочемъ онъ писалъ къ нему часто, послѣ того какъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа.

Большое собраніе писемъ Ермолова, съ подробнымъ описаніемъ дѣйствій кавказскихъ, должно находиться у графа Закревскаго, который находился тогда дежурнымъ генераломъ при императорѣ Александрѣ и пользовался его довѣренностію.

Слогъ Ермолова тяжеловатъ, напоминаетъ Екатерининское время, но отличается остроуміемъ, своеобразными оборотами мыслей, колкостію.

Послѣ Ермолова должны остаться записки. При жизни его въ публикѣ слышно было только о запискахъ 1812 г., и ходило по рукамъ описаніе посольства въ Персію. О первыхъ запискахъ онъ жаловался, что враги его сдѣлали въ нихъ умышленныя вставки, съ намѣреніемъ повредить ему во мнѣніи государя. Но какія это были вставки, неизвѣстно. Едва ли это правда, а, можетъ-быть, онъ самъ раскаивался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя и приписалъ своимъ врагамъ.

Я часто заводилъ съ Алексѣемъ Петровичемъ разговоръ объ его запискахъ; онъ всегда говорилъ, что онѣ будутъ въ вѣрныхъ рукахъ, и съ ними не случится, что̀ было съ бумагами графа Толстаго и другихъ значительныхъ лицъ. Онъ принялъ свои мѣры.

Года за три предъ его кончиной, я засталъ его однажды поутру за переписываніемъ изъ одной толстой тетради, его же рукою написанной, и во многихъ мѣстахъ перечеркнутой, въ другую. Я испугался про себя, подумавъ,

что старикъ вѣрно исправляетъ старую исповѣдь, по новымъ своимъ видамъ и соображеніямъ, и что исторія потеряетъ нѣсколько важныхъ данныхъ. Графиня Б. разказывала мнѣ также, что его очень раздражили доставленныя ему записки Пфуля, и онъ сбирался ихъ опровергать, говоря: „надо отдѣлать Нѣмца.“ Пфуль приписываетъ себѣ успѣхи Русской арміи, а она бы погибла, если бы принятъ былъ его совѣтъ въ лагерѣ при Дриссѣ.

Въ отвѣтъ на вопросъ графини о запискахъ, Ермоловъ отвѣчалъ: „предметъ такой важный, надо исправить его какъ можно вѣрнѣе“. Разумѣется, это была простая отговорка. Въ запискахъ важны именно горячіе слѣды перваго впечатлѣнія, и въ сравненіи съ ними ничего не значатъ ошибки, легко исправимыя. Намъ нужно знать, что̀ дѣлалъ, видѣлъ, думалъ, и какъ судилъ самъ Ермоловъ, а о прочемъ узнаемъ и отъ другихъ.

Послѣ моего объявленія въ газетахъ, я получилъ, къ великому своему удивленію, тетрадь записокъ Ермолова отъ вступленія на престолъ Александра до 1812 г., о которыхъ я и не слыхивалъ прежде, и изъ которыхъ отрывки сообщены въ первой статьѣ.

Изъ бумагъ г. С. я увидѣлъ, что у Алексѣя Петровича былъ дневникъ изъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, также дневникъ управленія на Кавказѣ. Желательно, чтобъ все это нашлось и явилось на свѣтъ Божій.

Къ числу сочиненій Ермолова принадлежатъ его приказы, которые писалъ онъ самъ своею рукою. Я собралъ ихъ нѣсколько, а въ послѣднее время получилъ отъ царско-сельскаго протоіерея цѣлую ихъ кипу.

Библіотека его была отборная, особенно что̀ касается до военнаго дѣла, до политики, и вообще новой исторіи. Онъ выписывалъ и получалъ тотчасъ все примѣчательное, преимущественно на французскомъ языкѣ. Значительная часть книгъ испещрена его примѣчаніями на поляхъ. Пріобрѣтеніе ея могло бы обогатить военную академію, или какой-нибудь кадетскій корпусъ, . . . Библіотеку купилъ Московскій университетъ, по ходатайству попечителя, г. Назимова.

Бесѣда его была очаровательна. Воспоминанія, анекдоты, замѣчанія, остроты, лились потоками. И любопытно, и

весело, и поучительно. Ермоловъ старался всякому сказать пріятное и лестное. Въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что лито было иногда черезъ край, что̀, впрочемъ, замѣчалось только впослѣдствіи.

Съ низшими вообще Ермоловъ былъ любезенъ до нельзя, съ высшими высокомѣренъ, неудержимъ на языкѣ, что̀ и доставляло ему много враговъ.

Съ прислугою жилъ по отечески. Ласка, забота о довольствѣ, о семействахъ, желаніе доставить удовольствіе, обнаруживались при всякомъ случаѣ. Любимцемъ его и главнымъ управителемъ былъ старый сослуживецъ, Кириллъ Максимовъ, котораго называлъ онъ Мемекою. Опредѣлился къ нему въ 1820-хъ годахъ и жилъ 45 лѣтъ, управляя домомъ и хозяйствомъ; часто съ нимъ спорилъ. „Ну, вотъ онъ думаетъ, что умнѣе всѣхъ, ничего уступить не хочетъ,“ ворчитъ бывало Ермоловъ про себя, отпустивъ съ досадой упрямаго управителя.

Я пересмотрѣлъ кучу записокъ Алексѣя Петровича къ его любимому управителю. Отъ первой до послѣдней—вездѣ одинъ и тотъ же тонъ, ласковый, дружескій, благодушный. Сыну его онъ далъ хорошее воспитаніе и помѣстилъ его въ аудиторы. Вотъ одна записка, которую онъ писалъ къ нему.

Великолѣпный господинъ,

Яковъ Кириловичъ.

Не знаю, случилось ли тебѣ видѣть у меня въ переводѣ персидскія бумаги, подписанныя чиновниками, и одинъ изъ нихъ подъ названіемъ: *Счастливый журналистъ блаженной канцеляріи*. Очень хотѣлось мнѣ дать тебѣ титулъ, нѣсколько этому подобный, но боялся возгордить тебя. И такъ, отлагаю до времени, и между тѣмъ прошу доставить конвертъ Ивану Давидовичу въ собственныя руки, никому другому его не передавая, и, если удобно, просить отъ меня Николая Андреевича Вистицкаго, о немъ напомнить въ послѣдствіи. Благодарю за подарокъ перьевъ. Не переживу огромнаго запаса, останется и для тебя даже до высокаго чина.

Прощай, будь какъ и прежде трудолюбивъ и непразденъ. Молись Богу; истреби зародыши маркизскаго чванства. Ты могъ насмотрѣться здѣсь, какъ не только аудиторы,

но даже писаря мечтають, что они особенно сотворенныя существа. Прощай.

Москва, 24 октября 1855 г.

Ермоловъ.

Передъ смертью Алексѣя Петровича Якову Кириловичу надо было ѣхать въ Петербургъ. „Сколько тебѣ истратить нужно?“ „Рублей 50.“ Ермоловъ отворилъ ящикъ, гдѣ у него разложены были деньги на похороны и на расходы. „Денегъ-то здѣсь мало, ну какъ проживу дольше?“ Однакоже далъ 50 рублей.

Дочь Кирилла Максимовича Ермоловъ выдалъ замужъ и снабдилъ приданымъ.

Образъ жизни Ермоловъ былъ слѣдующій:

Онъ вставалъ въ шесть часовъ, и тотчасъ одѣвался, незная никогда ни шлафрока, ни туфлей, ни спальныхъ сапоговъ; надѣвалъ свой казинетовый сюртукъ и садился за столъ въ кабинетъ. Туда подавался ему чай.

Онъ занимался, читалъ письма, принималъ посѣтителей.

Обѣдалъ въ три часа: щи, пирогъ, жаркое,—вотъ и все. Любилъ вообще соленое. Если случалось ему иногда обѣдать гдѣ въ гостяхъ, въ первые годы, и тамъ нравилося какое-нибудь кушанье, онъ заказывалъ его у себя своему Мемекѣ. Послѣ, увидѣвъ по счету, что оно обошлось дорого, говорилъ: „нѣтъ, братъ, это не наше, больше не дѣлать.“

Вечеромъ пилъ чай, двѣ чашки, съ хлѣбомъ, и любилъ сидѣть долго, заполночь смотрѣть на игру въ карты, оставляя гостей, пока Мемека, какъ Суворову Прошка, не напомнитъ ему, что пора спать.

Былъ очень бережливъ, разчетливъ, но не скупъ; денегъ не любилъ имѣть при себѣ. Издерживалъ въ годъ не болѣе трехъ тысячъ руб. сер. Изъ своихъ сбереженій сохранилъ онъ порядочное наслѣдство четыремъ своимъ сыновьямъ.

Онъ никогда почти не бывалъ боленъ, до старости.

Замѣтимъ еще одно примѣчательное его свойство: „Я отъ рожденія, разказывалъ онъ, былъ лишенъ чувства обонянія, по крайней мѣрѣ до очень сильной степени. Запахи извѣстны мнѣ были только по самымъ крѣпчайшимъ экстрактамъ: такъ, напримѣръ, я, конечно, могъ различить розовое масло отъ extrait de réseda, но не зналъ за-

паха ни розы, ни резеды въ естественномъ ихъ видѣ; тухлую говядину, отъ вони которой всѣ бѣжали изъ комнаты, я могъ ѣсть за свѣжую; отхожее мѣсто или раздушенный будуаръ были для меня почти одно и то же. Передпрошлою зимою, въ 1830 г., я, въ Москвѣ, сталъ лѣчиться гомеопатически отъ липаевъ, и вдругъ у меня родилось совсѣмъ новое чувство, чувство самаго тонкаго обонянія, такъ что теперь я слышу, если въ другой комнатѣ стоитъ горшокъ съ цвѣтами!"

Ходить и гулять Ермоловъ никогда не любилъ, даже въ деревнѣ; любилъ переплетать книги, въ чемъ и успѣлъ отлично. Онъ занемогъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Врачи отчаялись въ его жизни. Но ему стало лучше, и 1 апрѣля, почувствовавъ себя очень хорошо, онъ, сказалъ: „славно же я обманулъ докторовъ, выздоровѣлъ!"

Кстати сообщу здѣсь еще одну его остроту, относительно доктора. Онъ занемогъ и послалъ за докторомъ Высоцкимъ. Тотъ не успѣлъ пріѣхать въ назначенное время. На другой день Алексѣй Петровичъ выздоровѣлъ и принималъ вечеромъ гостей. Докладываютъ о пріѣздѣ Высоцкаго. „Попросите извинить меня, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, я не могу принять его, потому что боленъ."

Услышавъ о намѣреніи продать желѣзную Петербургскую дорогу французскому обществу, онъ, уже умирающій, продиктовалъ письмо къ г. Чевкину, гдѣ убѣждалъ его неотдавать Россію во власть иностранцевъ, и незадолго также онъ писалъ къ графинѣ Блудовой, прося ее передать князю Горчакову какое то политическое замѣчаніе.

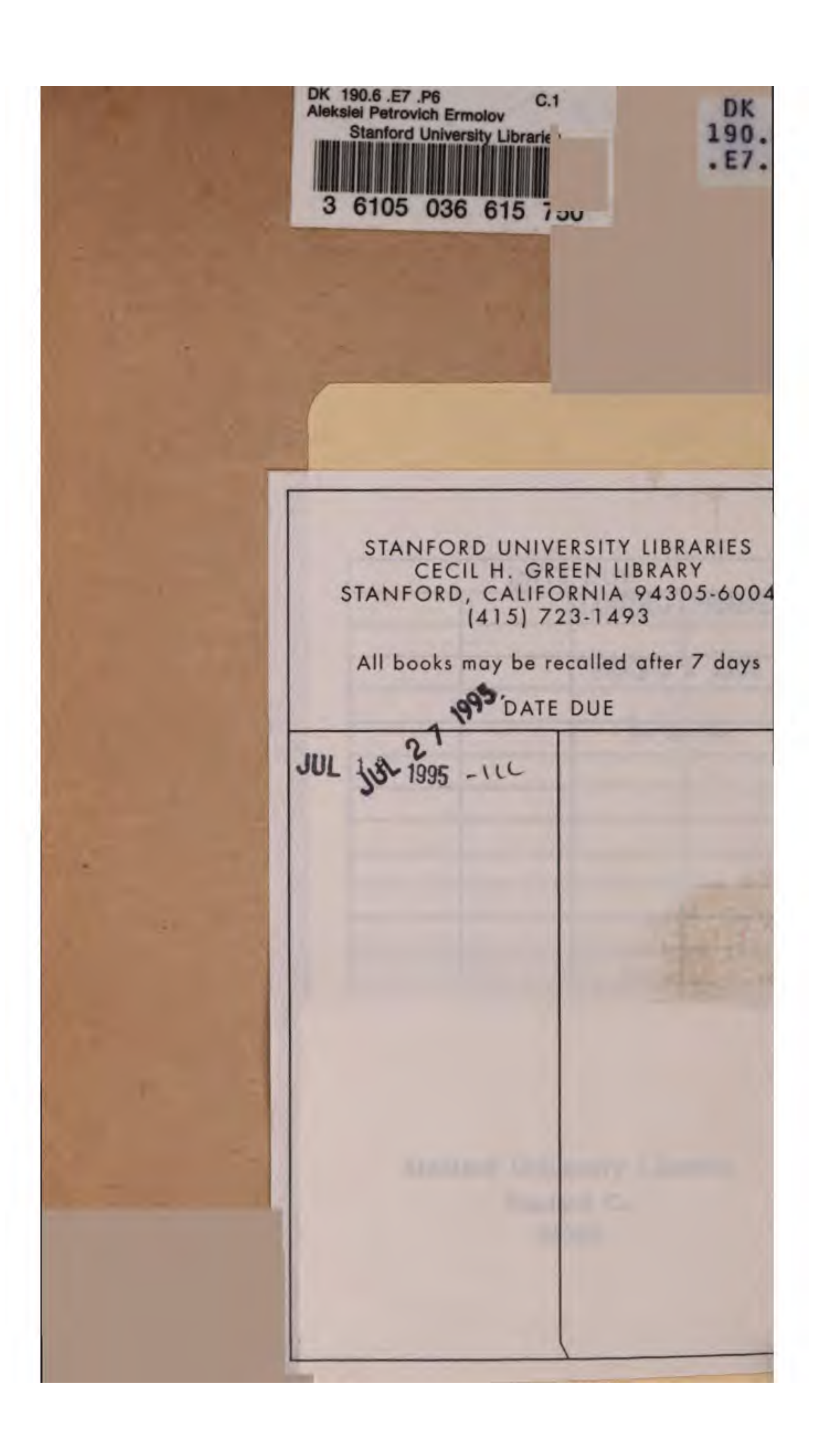
Скончался онъ 12 апрѣля 1861 года, сидя въ своемъ креслѣ, имѣя одну руку на столѣ, другую на колѣнѣ; за нѣсколько минутъ онъ еще прихлопывалъ ногою.

Мнѣ не случилось, къ сожалѣнію, быть на ту пору въ Москвѣ, и я не могъ отдать ему послѣдняго долга, присутствовать при его погребеніи.

Положить себя онъ велѣлъ подлѣ отца, въ Орлѣ, въ Троицкой кладбищенской церкви.

Священникъ М. писалъ мнѣ недавно оттуда о совершаемыхъ поминовеніяхъ, и подалъ мысль о собраніи пожертвованій на сооруженіе памятника.

Я старался собрать все, что̀ было можно. Благодарю за всѣ сообщенныя извѣстія. Но недостаетъ еще многихъ. Много есть противорѣчій и неясностей. Пусть онѣ исправляются и дополняются знающими. Я радъ, что могъ сохранить многія любопытныя черты. Повторяю—это только матеріялы, намеки, указанія, вопросы, однимъ словомъ, корректура!


DK 190.6 .E7 .P6 C.1
Aleksiei Petrovich Ermolov
Stanford University Librarie
3 6105 036 615 7
DK
190.
.E7.
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
JUL 2 7 1995
JUL 1995 -ILL

